Проф. М. К. Любавскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

до Люблинской уніи включительно.

Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Москва.
Синодальная Типографія.
1910.

Проф. М. К. Любавскій.

Врол. 82

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

до Люблинской уніи включительно.

Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Библиотека ... педагогического института
15/101
РГПУ им. А.И. Герцена

Москва.
Синодальная Типографія.
1910.

Проф. К. К. Арсеньевъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

до Люблинской уніи включительно.

Съ предисловіемъ, текстомъ задачъ, вопросовъ, библіографіи и картою Литовскому и его соседямъ.

Издание Императорскаго Института Истории и Древностей Российскихъ.

Москва.
Синодальная Типография.
1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій „Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства“ составился изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Московскомъ университетѣ за послѣдніе годы. По содержанію своему онъ является переработкою прежнихъ спеціальныхъ изслѣдованій автора по внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства съ привлеченіемъ изысканій и другихъ изслѣдователей въ той же области. Своимъ появленіемъ въ печати этотъ очеркъ обязанъ желанію автора пойдти навстрѣчу ощущаемой потребности въ общемъ доступномъ руководствѣ по внутренней исторіи Литвы и Западной Руси. Не смотря на то, что въ настоящее время имѣется уже не мало спеціальныхъ трудовъ, проливающихъ достаточный свѣтъ на эту исторію, Литва и Западная Русь все еще продолжаютъ оставаться terra incognita, и не только для широкой публики, но и для ученаго міра, исключая немногихъ сравнительно спеціалистовъ. До сихъ поръ исторія Литовско-Русскаго государства не заняла надлежащаго мѣста въ преподаваніи какъ средней, такъ и высшей школы, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы по учебникамъ и разнымъ руководствамъ по русской исторіи. Главы, отводимыя въ нихъ Литовско-Русскому государству, отличаются обычно безсвязностью и фрагментарностью изложенія, не говоря уже о всегдашнихъ ошибкахъ и искаженіяхъ. Причина этому, очевидно, та, что въ научной литературѣ не имѣется легко обозримаго труда, который бы такъ или иначе сводилъ во едино результаты спеціальныхъ изслѣдованій и давалъ бы извѣстную общую концепцію литовско-русской исторіи. Безъ сомнѣнія, такое положеніе дѣла можетъ быть тормазомъ и для дальнѣйшей научной разработки предмета. Предлагаемый очеркъ и является попыткою восполнить этотъ пробѣлъ и дать достаточное первое ознакомленіе съ общимъ ходомъ исторіи Литовско-Русскаго государства, съ его общественными классами и ихъ взаимными отношеніями, съ государственными учрежденіями и ихъ эволюціею. Авторъ старался въ своемъ трудѣ быть на уровнѣ существующихъ научныхъ разысканій, не отставая отъ нихъ, но и не опережая. Поэтому, какъ ни важно было бы освѣщеніе экономической эволюціи Литовско-Русскаго государства и исторіи его духовной культуры, авторъ вынужденъ былъ отказаться отъ всякихъ значительныхъ попытокъ въ этомъ направленіи въ виду отсутствія серьезныхъ, достаточно широкихъ и глубокихъ, спеціальныхъ изслѣдованій по этой части.

Въ виду того, что очеркъ вышелъ въ значительной мѣрѣ историческимъ комментаріемъ къ основнымъ государственнымъ законамъ великаго княжества Литовскаго, содержащимся въ его общеземскихъ и областныхъ хартіяхъ, или „привилеяхъ", авторъ счелъ нужнымъ приложить и текстъ этихъ привилеевъ какъ для ученаго, такъ и учебнаго удобства, для веденія въ связи съ ними практическихъ занятій въ высшей школѣ. Текстъ привилеевъ, выданныхъ великому княжеству и его областямъ, разбросанъ по разнымъ малодоступнымъ изданіямъ, ставшимъ при томъ же и библіографическою рѣдкостью. Въ настоящемъ изданіи текстъ общеземскихъ привилеевъ перепечатанъ въ томъ полномъ составѣ, въ какомъ они по требованію „становъ", т. е. чиновъ вальнаго сейма, были вписаны во второй Статутъ, и въ какомъ видѣ изданы Юридическою Комиссіею Краковской Академіи наукъ (Archiwum Komisyi prawniczej, tom siódmy. Krakow 1900). При этомъ текстъ Городельскаго привилея 1413 года, согласно указаніямъ редакціи означенной Комиссіи, воспроизведенъ по изданію Пржездзецкаго Ioanni Dlugosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia, tomus XIII, а текстъ привилея 1434 года по изданію Исторической Комиссіи Краковской Академіи Наукъ (Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV). Что касается областныхъ привилеевъ, то, за исключеніемъ привилея Дорогицкой земли 1516 года, они напечатаны прямо съ копій Литовской метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Изъ нихъ привилеи землямъ Полоцкой, Волынской, Витебской и Жмудской напечатаны по спискамъ, еще не бывшимъ въ ученомъ оборотѣ. Въ соотвѣтствіе съ общеземскими привилеями и областные напечатаны въ позднѣйшихъ ихъ подтвержденіяхъ, изъ которыхъ явствуетъ, что установившійся къ XVI вѣку въ наибольшей полнотѣ текстъ ихъ затѣмъ уже не мѣнялся, и они переписывались слово въ слово. Такимъ образомъ, и содержащаяся въ нихъ старина и пошлина оставалась неизмѣнною до самаго конца самостоятельнаго существованія Литовско-Русскаго государства.

Такъ какъ по мысли автора предлагаемый очеркъ долженъ быть какъ бы связующимъ введеніемъ въ изученіе спеціальной литературы по исторіи Литовско-Русскаго государства, то каждая глава его снабжена указаніемъ на тѣ труды, которые б л и ж а й ш и м ъ о б р а з о м ъ могутъ служить для изученія того или другого вопроса, а послѣ вступленія указаны и общія библіографическія пособія для болѣе детальныхъ справокъ. Что касается источниковъ, то указанія на нихъ даются въ самыхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по литовско-русской исторіи, вслѣдствіе чего авторъ и не счелъ нужнымъ вводить ихъ въ свой очеркъ.

М. Любавскій.

Пушкино.
25 іюля 1910 г.

I.

Научное значеніе исторіи Литовско-Русскаго государства.

Кіевская Русь и Литовская.—Необходимость изученія литовско-русской исторіи для уясненія древняго періода русской исторіи.—Литовская Русь и Московская и необходимость ихъ сравнительнаго изученія.—Историческое значеніе Люблинской уніи.—Необходимость изученія внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства для объясненія этого факта.

Изложенію исторіи Литовско-Русскаго государства необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о томъ мѣстѣ, которое принадлежитъ ей въ общей системѣ науки русской исторіи, и о томъ правѣ на вниманіе, котораго она заслуживаетъ при изученіи этой науки.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что въ настоящемъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ государствомъ, которое во время оно объединяло добрую половину Руси. На образованіе великаго княжества Литовскаго пошла не только область, населенная литовскимъ племенемъ, но и старинныя русскія земли въ бассейнахъ З. Двины и Днѣпра—Полоцкая, Смоленская, Черниговo-Сѣверская, Кіевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню, медленно эволюціонировавшая, но не срывавшаяся съ своихъ жизненныхъ устоевъ,—въ противоположность Руси Суздальской, которая, разселившись по верхней Волгѣ и ея притокамъ, устроила тамъ свою жизнь на новыхъ основаніяхъ, отличныхъ отъ Приднѣпровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднѣпровская Русь подчинилась власти литовскихъ князей. Но при этомъ подчиненіи западная Русь не только не теряла своего историческаго наслѣдія, но и передавала его господствующей землѣ, которая сама во многомъ устраивалась по образцамъ этой Руси, вводила у себя русскій языкъ, русскія учрежденія, русское право и даже русскую вѣру. Вслѣдствіе всего этого и исторія Литовско-Русскаго государства является въ извѣстномъ смыслѣ прямымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Кіевской Руси. Въ жизни Литовской Руси можно подмѣтить гораздо больше традицій, архаическихъ чертъ кіевскаго періода, чѣмъ въ жизни Суздальской Руси. А если такъ, то и ретроспективнаго уясненія разныхъ чертъ древнѣйшаго, такъ называемаго кіевскаго періода русской исторіи приходится искать главнымъ образомъ въ позднѣйшихъ данныхъ литовско-русской исторіи, въ бытѣ и установленіяхъ государства Литовско-Русскаго. Такое ретроспективное уясненіе важно не только само по себѣ, но и для того, чтобы можно было лучше представить оригинальность историческаго процесса, начавшагося

на сѣверо-востокѣ, въ Суздальской землѣ, съ отливомъ туда населенія изъ Приднѣпровья. На ряду съ этимъ увеличивается возможность точнѣе учесть и то историческое наслѣдіе, которое при всемъ томъ Суздальская Русь получила отъ Руси Кіевской. Слѣдовательно, говоря вообще,—изученіе литовско-русской исторіи является однимъ изъ средствъ къ углубленію пониманія русскаго историческаго процесса въ древнѣйшій его періодъ.

Но то же самое справедливо и въ отношеніи къ послѣдующимъ—среднимъ вѣкамъ русской исторіи. Какъ самостоятельный процессъ, исторія Литовско-Русскаго государства поражаетъ противоположностью своего направленія и своихъ результатовъ по сравненію съ исторіею другого русскаго государства—Московскаго. Московское государство, какъ извѣстно, развивалось въ направленіи монархическаго абсолютизма и административной централизаціи. Оно отлилось въ концѣ концовъ въ форму наслѣдственной и неограниченной монархіи, съ сильнымъ центральнымъ правительственнымъ механизмомъ, который пользовался органами мѣстнаго управленія и самоуправленія, какъ своими орудіями по выполненію преимущественно общегосударственныхъ задачъ. Соціальный процессъ въ этомъ государствѣ привелъ къ установленію крѣпостной зависимости крестьянскаго населенія отъ землевладѣльцевъ. Но государство при всемъ томъ не утратило своихъ правъ суда и обложенія надъ этимъ населеніемъ, и московскіе землевладѣльцы не сдѣлались полновластными государями въ своихъ имѣньяхъ. Всѣ классы общества въ Московскомъ государствѣ обязаны были службою государству въ той или другой формѣ, и внутреннее развитіе его совершалось въ направленіи постепеннаго роста и закрѣпленія сословныхъ обязанностей, сословнаго тягла. Таково было государство Московское.—Великое княжество Литовское развивалось въ направленіи конституціонализма и политической децентрализаціи. Оно отлилось въ концѣ концовъ въ форму избирательной (въ династическихъ предѣлахъ) монархіи, ограниченной частью совѣтомъ вельможъ, или *радою* господарскою, частью *сеймомъ* изъ представителей дворянскаго сословія. Въ этомъ государствѣ слабо развивалось и не пошло далѣе зачатковъ въ своей организаціи центральное управленіе, преобладало управленіе мѣстное, проникнутое автономическими тенденціями. Земли, изъ которыхъ составилось Литовско-Русское государство, сохраняли въ немъ свою прежнюю обособленность и самобытность, и все государство было проникнуто началами федерализма. Землевладѣльцы въ этомъ государствѣ пріобрѣли государственныя права надъ населеніемъ своихъ имѣній, даже и не крѣпостнымъ, и сдѣлались въ нихъ государями феодальнаго типа. Все внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства совершалось въ направленіи роста и укрѣпленія привилегій высшаго класса — шляхты на счетъ правъ государя и остального населенія. — Чѣмъ объясняется такая разница въ общемъ направленіи и результатахъ того и другого процесса—все это вопросы огромной важности, разрѣшеніе которыхъ должно способствовать болѣе широкому и болѣе глубокому пониманію средняго періода русской исторіи, стоящаго между кіевскимъ періодомъ съ одной стороны и новымъ—петербургскимъ съ другой. Если при

этомъ смотрѣть на исторію сѣверо-восточной, Великой Руси, какъ на главное и основное теченіе русской жизни, то и съ этой стороны изученіе параллельнаго литовско-русскаго теченія чрезвычайно важно, ибо даетъ матеріалъ для всевозможныхъ сопоставленій и сравненій, а черезъ нихъ облегчаетъ уясненіе историческаго процесса сѣверо-восточной Руси.

Отдѣльная исторія Литовско-Русскаго государства, какъ извѣстно, закончилась крушеніемъ его самобытности и самостоятельности, соединеніемъ съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую,* т.-е. государство. Это политическое сліяніе повело къ тѣсному духовному сближенію Литвы и западной Руси съ Польшею и къ отчужденію ихъ отъ Руси сѣверо-восточной, которое впослѣдствіи, когда судьба возсоединила ихъ съ этою Русью въ одно государство, дало тяжело себя почувствовать обѣимъ сторонамъ. Политическое соединеніе Литвы и западной Руси съ Польшею вообще затруднило и усложнило дѣло національнаго объединенія Руси, предпринятое Москвою, и надолго затянуло борьбу за объединеніе, сопровождавшуюся огромною тратою народныхъ силъ, матеріальныхъ и моральныхъ. Люблинская унія, соединившая великое княжество Литовское съ Польшею, является, такимъ образомъ, событіемъ первостепенной важности въ общерусской исторіи. Но историческое объясненіе этого событія не возможно безъ надлежащаго ознакомленія съ внутреннимъ развитіемъ Литовско-Русскаго государства, съ его соціально-политическою организаціею. Нельзя въ данномъ случаѣ ограничиваться одними внѣшними причинами, которыя рѣшили вопросъ объ уніи Литвы съ Польшею,—т.-е. Ливонскою войною, поставившею великое княжество Литовское въ затруднительное положеніе и заставившею его искать тѣснаго союза съ Польшею. Если остановиться на этомъ, то все равно останется неяснымъ, какъ создалось такое положеніе вещей въ Литовско-Русскомъ государствѣ, почему оно, при всей величинѣ своей территоріи и населенности, такъ скоро оказалось не въ состояніи безъ польской помощи бороться съ Москвою, истощенною и войною, и тираніею Грознаго; остается далѣе неяснымъ, почему Литовско-Русское государство, когда обнаружилась невозможность его самобытнаго существованія, предпочло примкнуть къ Польшѣ, а не къ Великой Руси, съ которою у него было больше національнаго и религіознаго сродства, чѣмъ съ Польшею. Всѣ эти вопросы не могутъ получить удовлетворительнаго разрѣшенія безъ должнаго уясненія тѣхъ государственныхъ средствъ, коими располагало великое княжество Литовское, его внутренняго строя и общественныхъ отношеній и стремленій. Надо имѣть въ виду, что еще съ конца XIV вѣка Польша много разъ покушалась на государственную самостоятельность великаго княжества Литовскаго путемъ установленія уніи. И внѣшнія обстоятельства въ высшей степени благопріятствовали ея стремленіямъ. При великихъ князьяхъ Александрѣ и Сигизмундѣ Казимировичахъ (1492—1544) шла напряженная борьба съ Москвою, при чемъ великое княжество Литовское находилось въ столь же затруднительномъ, если не худшемъ положеніи, какъ и во время Ливонской войны. И однако въ то время не состоялось соединенія его съ Польшею, какъ ни хлопотали о томъ поляки.

Очевидно, что великое княжество Литовское не было еще готово къ такому соединенію по внутреннему своему состоянію, по строю и взаимоотношенію общественныхъ силъ, которыя заправляли тогда его политическою жизнью.— Ко времени Люблинской уніи такая внутренняя подготовка уже совершилась, и великое княжество Литовское оказалось въ состояніи безъ особой ломки, безъ потрясенія основъ внутренняго быта соединиться съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую,* т.-е. въ одно государство. Поэтому процессъ внутренней ассимиляціи великаго княжества Литовскаго съ Польшею и его успѣхи необходимо должны войти въ историческое объясненіе факта Люблинской уніи, имѣвшаго столь важное значеніе въ русской исторіи.

Сказаннаго, думается, совершенно достаточно для доказательства того положенія, что при изученіи русской исторіи никоимъ образомъ нельзя обходить исторіи того государства, которое именовалось великимъ княжествомъ Литовскимъ. Если до недавняго времени этотъ предметъ былъ какъ бы въ забросѣ и небреженіи, то это объясняется не маловажностью его, а состояніемъ исторической литературы. Эта литература мало знакомила съ организаціею Литовско-Русскаго государства, съ ходомъ его внутренняго развитія,—точнѣе сказать: давала рядъ отрывочныхъ, сбивчивыхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ указаній по этой части, по которымъ нельзя было составить себѣ сколько нибудь связнаго и цѣльнаго представленія о ходѣ литовско-русской исторіи. Въ настоящее время игнорированіе исторіи Литовской Руси уже не можетъ имѣть своего оправданія. Въ послѣднее время какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ появилось не мало трудовъ, пролившихъ свѣтъ на внутреннюю исторію Литовско-Русскаго государства, на его политическую и общественную организацію. Наступило время воспользоваться этими трудами и Литовскую Русь, уже болѣе столѣтія объединенную съ Русью восточною политически, объединить съ нею и въ научномъ сознаніи.

Библіографическія пособія.

С. Балтрамайтисъ, Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, Спб. 1904 г.; *L Finkel*, Bibliografia historyi polskiej, cz. I—III, Kraków 1895—1906 г.; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Исторія русскаго права.—Выпускъ I. Литература исторіи русскаго права. Варшава, 1902 г. Дополненіе къ выпуску 1-му. Варшава, 1903 г. (Варшав. Унив. изв. 1903 г., т. III); *М. С. Грушевскій*, Історія України Руси том. IV, Київ-Львів, 1907 г.

II.

Общественный бытъ литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ.

Данныя археологіи о мѣстожительствѣ литовцевъ.—Извѣстіе Тацита объ Эстіяхъ и ихъ бытѣ: вопросъ о народности Эстіевъ.—Судины и Галинды Птоломея.—Готское вліяніе на Литву.—Успѣхи литовской общественности къ концу X вѣка по извѣстію Вульфстана.—Данныя объ экономическомъ бытѣ, соціальномъ дѣленіи и политическомъ строѣ Литвы XII—XIII в. въ польскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ источникахъ.

Начальнымъ вопросомъ въ исторіи Литовско-Русскаго государства является естественно вопросъ объ образованіи того политическаго ядра, изъ котораго оно развилось. Такимъ ядромъ, какъ извѣстно, было великое княжество Литовское, создавшееся во второй половинѣ XIII вѣка подъ властью Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. На созданіе этого государственнаго ядра пошло преимущественно литовское племя. Необходимо прежде всего ознакомиться съ этимъ племенемъ, съ его бытомъ и состояніемъ его общественности къ половинѣ XIII вѣка. Только при этомъ условіи станутъ ясными та историческая почва, на которой зародилось новое государство, причины этого зарожденія, а также и его первоначальная конструкція и характеръ.

Итакъ, кто же такое были литовцы и какъ они жили во древнѣйшее время? Уже въ первой половинѣ XIX вѣка ученые Боппъ, фонъ-Боленъ, Авг. Поттъ, Гильфердингъ и др. по даннымъ литовскаго языка установили, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ народовъ, къ той же самой семьѣ, къ которой принадлежали греки, римляне, кельты, германцы и славяне. Ученые нашли вмѣстѣ съ тѣмъ, что языкъ этого племени по своему грамматическому и лексическому строю обнаруживаетъ большую древность, чѣмъ другіе европейскіе языки. Литовцы въ большей мѣрѣ консервировали данныя праязыка, отъ котораго пошли индоевропейскіе языки, чѣмъ другія народности Европы. Когда литовцы поселились въ Европѣ, и какія мѣстности первоначально въ ней занимали, на эти вопросы по настоящему состоянію науки нѣтъ еще возможности отвѣтить болѣе или менѣе утвердительно. Съ увѣренностью можно только полагать, что литовцы въ древнѣйшія времена жили не только въ бассейнахъ Нѣмана и нижней З. Двины, но и далѣе на востокъ, доходя до средней Оки. Археологи въ нынѣшней Калужской губерніи нашли курганы съ трупосожженіемъ и съ предметами той же культуры, которая засвидѣтельствована раскопками, произведенными въ области исконныхъ литовскихъ поселеній, т.-е. въ области Нѣмана. На р. Протвѣ на памяти исторіи жило племя *Голядь*, напоминающее своимъ именемъ одно изъ прусскихъ литовскихъ племенъ—*Галиндовъ*. Эти Галинды вмѣстѣ съ *Судинами* являются обывателями Балтійскаго побережья уже по извѣстіямъ александрійскаго географа *Птоломея* II вѣка. Такъ какъ Судины и Галинды фигурируютъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ конца XIII вѣка, какъ подраздѣленія

прусскаго литовскаго племени, то приходится признать, что древнѣйшее извѣстіе о пребываніи литовцевъ въ Европѣ относится ко II вѣку по Р. Х.

Впрочемъ, ученые склонны видѣть литовцевъ и въ тѣхъ *Эстіяхъ*, о которыхъ сообщаетъ *Тацитъ* въ своей „Германіи“. По словамъ Тацита, на правомъ берегу Свевскаго моря обитали племена Эстіевъ, по наружности и обычаямъ близкіе къ Свевамъ, а по языку къ Британцамъ. Желѣзное вооруженіе было у нихъ въ рѣдкомъ употребленіи, большею частью обходились палками; но съ большимъ усердіемъ, чѣмъ германцы воздѣлывали хлѣба и прочіе овощи; продавали также янтарь, который они называли на своемъ языкѣ glaesum, и которому сами для себя не придавали никакой цѣны. Были ли эти Эстіи дѣйствительно литовцы, трудно съ увѣренностью сказать. Проф. Мержинскій считаетъ тожество Эстіевъ съ литовцами за несомнѣнный фактъ, ибо и позже подъ именемъ Эстіевъ являются литовцы, напр., Пруссы въ сообщеніи норвежскаго мореплавателя Вульфстана. Мержинскій находитъ тожественными и вѣрованія и обычаи Эстіевъ въ изображеніи Тацита съ вѣрованіями и обычаями литовскими. Доводы Мержинскаго въ общемъ сильны. Остается только непонятнымъ, почему янтарь на языкѣ эстіевъ назывался glaesum, а не gentaras?

Когда прибыли готы въ нашу страну, литовцы, по всему вѣроятію, были покорены ими вмѣстѣ съ другими насельниками западной части нынѣшней Россіи. Доказательствомъ этого являются различныя заимствованія въ литовскомъ языкѣ изъ готскаго, напр. названія металловъ и издѣлій изъ нихъ. Изъ готскаго языка заимствовали литовцы и названіе *kuningas* или *kunigas* для обозначенія вождя, князя, царя.

Прямыя и опредѣленныя извѣстія о литовцахъ идутъ съ конца X вѣка. О Пруссахъ говорятъ сказанія о мученической кончинѣ св. Войтеха или Адальберта, написанныя вскорѣ же послѣ его смерти († 997 года) монахомъ Канапаріемъ, епископомъ Бруномъ и неизвѣстнымъ авторомъ. О Пруссахъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія и норвежскій путешественникъ того же времени *Вульфстанъ*, свѣдѣнія, которыя въ большей или меньшей степени характеризуютъ бытъ и другихъ литовскихъ народовъ. „Страна Эстовъ,—пишетъ Вульфстанъ,— очень обширна, и тамъ лежитъ много городовъ, и въ каждомъ городѣ свой король“. Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ не о городахъ въ собственномъ смыслѣ, а о возвышеніяхъ естественныхъ и насыпныхъ, на которыхъ находились укрѣпленные поселки. Въ Литвѣ и Жмуди много и до сихъ поръ такихъ возвышеній со слѣдами древнихъ поселеній,—это такъ называемые *пилькалнисы*. Находимыя въ области Пруссовъ абассидскія и сассанидскія монеты показываютъ, что и литовцы въ то время были втянуты въ торговый обмѣнъ между востокомъ и западомъ, совершавшійся черезъ Кіевъ и Новгородъ. О Пруссахъ, жителяхъ Самландіи, разсказываетъ *Адамъ Бременскій* въ своемъ сочиненіи Descripsio insularum Aquilonis. Одновременно съ тѣмъ, въ XI вѣкѣ, начинаетъ говорить о Ятвягахъ, южномъ литовскомъ племени, *наша лѣтопись*.

Въ XII вѣкѣ къ нашей лѣтописи, говорящей и о другихъ литовскихъ племенахъ, присоединяется древнѣйшая польская хроника *Мартина Галла*,

доводящая свой разсказъ до 1113 года. Въ XIII в. о литовцахъ, кромѣ нашихъ лѣтописей, много говорятъ нѣмецкія хроники и лѣтописи. Нѣмцы въ лицѣ рыцарей ордена Меченосцевъ и Прусскаго ордена вступили въ XIII в. въ упорную и ожесточенную борьбу съ литовскими племенами. Ихъ дѣписатели естественно поэтому должны были сообщать многое и о Литвѣ. Эти сообщенія выясняютъ не только географическое распространеніе Литвы и ея племенное дѣленіе, но также въ большей или меньшей степени экономическій, общественный и политическій строй Литвы, а также и народный характеръ, какъ они сложились къ тому времени. Важнѣйшія изъ этихъ сообщеній находятся: въ Chronicon Livoniae *Генриха Латыша*, которая, по его словамъ, не содержитъ ничего, кромѣ видѣннаго собственными глазами или слышаннаго отъ очевидцевъ (доходитъ до 1227 г.); въ риѳмованной Ливонской хроникѣ *(Die Livländische Reimschronik)*, стихами передающей событія Ливоніи отъ 1227 до 1290 г.; въ хроникѣ *Петра Дюсбургскаго* конца XIII и первой четверти XIV ст., которая наравнѣ съ Ипатьевскою лѣтописью можетъ служить основнымъ источникомъ при изученіи древней литовской исторіи. Кромѣ того, сообщенія отъ XIII в. вошли въ хроники и лѣтописи XIV и даже XV в., которыя пользовались недошедшими до насъ источниками XIII в. Изъ хроникъ ливонскихъ XIV в. выдается въ этомъ отношеніи Chronicon Livoniae *Германа Вартберга*, обнимающая періодъ лифляндской исторіи со времени перваго прибытія купцовъ нѣмецкихъ къ устью Двины до 1378 года. Изъ прусскихъ хроникъ заслуживаютъ особеннаго вниманія *старѣйшая Оливская хроника*, обнимающая событія отъ 1190 до 1350 г., *Торнскій лѣтописецъ*, обнимающій событія отъ 941 до 1410 года.

Въ этихъ источникахъ и содержатся главнымъ образомъ данныя, рисующія состояніе литовской общественности наканунѣ перехода литовскихъ племенъ къ государственному быту. Разныя подробности относительно древняго быта литовскихъ племенъ можно несомнѣнно почерпать изъ данныхъ языка и отголосковъ древности, дошедшихъ въ литовскихъ пѣсняхъ, сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народной словесности, а также и въ данныхъ археологическихъ раскопокъ. Но этотъ матеріалъ во всякомъ случаѣ можетъ имѣть только второстепенное, вспомогательное значеніе. Имъ можно пользоваться только при томъ освѣщеніи, какое даютъ письменные источники относительно древняго быта Литвы. Въ своемъ изложеніи я ограничусь только тѣмъ, что даютъ письменные источники о бытѣ Литвы наканунѣ ея государственнаго объединенія.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. существовало нѣсколько народцевъ литовскаго племени, а именно: *Пруссы*, занимавшіе низменную полосу между нижнею Вислою и Нѣманомъ (приблизительно нынѣшнюю Восточную Пруссію); *Жемойть*, или нижняя Литва, населявшая область правыхъ притоковъ нижняго Нѣмана до Невяжи включительно (приблизительно нынѣшнюю Ковенскую губернію); *Аукстоте* (Augstaiten), или верхняя Литва, занимавшая бассейнъ Виліи и другихъ правыхъ притоковъ средняго Нѣмана до Гавьи включительно (нынѣшнюю Виленскую губ., часть Гродненской

и Ковенской); *Жемгала* на лѣвомъ берегу нижней Двины (въ нынѣшней Лифляндской и Курляндской и частью Витебской губ.); *Летыгола* на правомъ берегу З. Двины приблизительно до р. Аа (въ южной части нынѣшней Лифляндской губ.); *Ятвяги* въ Бѣловѣжской пущѣ и далѣе къ сѣверу отъ нея, въ полосѣ, орошаемой притоками Буга и Нарева съ одной стороны, Нѣмана съ другой.

Край, занятый Литвою, былъ лѣсистый и болотистый, и такой характеръ онъ сохраняетъ отчасти и по сіе время, хотя человѣческій трудъ уже значительно измѣнилъ его физіономію. Такъ, нынѣшняя восточная Пруссія, безлѣсная, въ XII в. была покрыта лѣсами, какъ это видно изъ разсказа Мартина Галла о походѣ Болеслава Кривоустаго въ 1110 г. въ Пруссію. Всѣ идущія до насъ отъ конца XII и начала XIII в. извѣстія указываютъ на то, что сообразно съ природою страны звѣроловство, рыболовство, бортничество и скотоводство были обычными занятіями литовскихъ племенъ. Но при всемъ томъ эти племена не были бродячими, а осѣдлыми. Сама природа занятой ими страны не благопріятствовала передвиженьямъ и кочеваньямъ съ мѣста на мѣсто и должна была способствовать установленію прочной осѣдлости. „Земля ихъ,—говоритъ Мартинъ Галлъ о Пруссахъ,—представляетъ какъ бы острова, окруженные болотами и озерами; эти острова и подѣлены между жителями селеній на наслѣдственные участки“. Итакъ, осѣдлость является у пруссовъ уже прочно установившеюся въ началѣ XII в. Позднѣйшія извѣстія подтверждаютъ свѣдѣнія, даваемыя Галломъ, и распространяютъ ихъ и на другія племена литовскія.

Въ XII и XIII в. у литовскихъ племенъ достигло значительнаго развитія земледѣліе. Польскій хронистъ Янъ Кадлубекъ, описывая походъ Казимира Справедливаго на Ятвяговъ въ 1192 году, говоритъ, что поляки предавали пламени села, дома и житницы, наполненныя хлѣбомъ. О значительномъ развитіи земледѣлія у Ятвяговъ говоритъ и наша лѣтопись (по Ипатьевскому списку), описывая походъ Даніила Галицкаго на Ятвяговъ въ 1256 г. Разбивъ Ятвяговъ, Даніилъ остановился въ селѣ Корковичахъ, гдѣ было только два двора, и нашелъ тамъ такое обиліе хлѣба, что всѣмъ достало и людямъ, и лошадямъ, и еще осталось, чему Даніилъ и его воины не мало дивились. Но если уже въ Ятвяжской землѣ земледѣліе сдѣлало такіе успѣхи, тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ предполагать ихъ у другихъ литовскихъ племенъ, и источники вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Въ обмѣнъ на произведенія своей страны—мѣха, воскъ и медъ литовцы получали между прочимъ и земледѣльческія орудія—серпы и косы, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на развившуюся земледѣльческую культуру.

На продолжительную осѣдлость литовскихъ народцевъ указываетъ и общественное устройство ихъ, какъ оно вырисовывается по источникамъ XII и XIII вѣковъ. Въ это время вся территорія литовскихъ племенъ является подѣленною на постоянные округа, носящіе свои названія. Эти округа остались и впослѣдствіи мелкими областными единицами, получившими въ верхней Литвѣ и Жмуди русское названіе *волостей*. Каждый изъ

этихъ округовъ является территоріею самостоятельнаго общественнаго союза. Эти мелкіе общественные союзы, повидимому, развились изъ родственныхъ союзовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно еще и въ XIII в. разсмотрѣть такіе союзы, какъ, напр., въ вышеупомянутыхъ *Корковичахъ*. На родственное происхожденіе волостныхъ общественныхъ группъ указываютъ и многочисленныя названія литовскихъ волостей съ окончаніемъ на *ишки*: Даудишки, Ейшишки, Граужишки и т. д. Съ такимъ названіемъ являются древнѣйшія волости, и потому эти названія нельзя производить отъ пановъ этихъ волостей, какъ названія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, а скорѣе—отъ родоначальниковъ. Что родственная организація предшествовала политической у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, на это прямое указаніе даетъ Петръ Дюсбургскій, относя его къ Пруссамъ. „Если случаются у нихъ убійство,—говоритъ онъ,—то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ“. Но эта организація, давъ начало мелкимъ общественнымъ союзамъ, съ теченіемъ времени превратилась у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, въ организацію чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, подѣлили землю, приняли въ свою среду чужеродцевъ и въ такомъ видѣ продолжали жить подъ одною властью, дѣйствовать сообща и солидарно въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ общинамъ.

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. мелкіе общественные союзы литовцевъ были въ большинствѣ несомнѣнно уже чисто политическими соединеніями. Въ литовскихъ волостяхъ мы замѣчаемъ раздѣленіе земель, неравенство имуществъ и въ связи съ этимъ неравенство соціально-политическое. О раздѣленіи земель мы уже приводили свидѣтельство Мартина Галла отъ 1108 г. Источники говорятъ, кромѣ того, о *лучшихъ людяхъ*, о *благородныхъ*, о *знатныхъ*, называютъ даже *князей и королей* въ волостныхъ общественныхъ группахъ. Петръ Дюсбургскій говоритъ, что Жмудь управлялась 70 царьками (septuaginta reguli); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ уже о nobiles, per quos Samettia tunc regebatur. Риѳмованная лифляндская хроника говоритъ о kunige von Samaiten. Наши лѣтописи XIII в. полны извѣстіями о многочисленныхъ князьяхъ литовскихъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, напр., что Александръ Невскій въ битвѣ подъ Торопцомъ убилъ 8 князей, а преслѣдуя ихъ далѣе, побилъ и остальныхъ. Волынская лѣтопись, описывая битвы Даніила Романовича съ Ятвягами, говоритъ одинъ разъ: и много князей ятвяжскихъ было избито; въ другой разъ прямо указываетъ число—40. Петръ Дюсбургскій, разсказывая о завоеваніи Пруссіи нѣмцами, постоянно упоминаетъ о туземныхъ вождяхъ, власть которыхъ простирается на незначительные сельскіе округа, и которые дѣйствуютъ самостоятельно, не подчиняясь одинъ другому. Но кто же такое были эти вожди, къ которымъ нѣмцы не умѣли примѣнить никакого титула западной феодальной іерархіи и называли ихъ безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus и т. д. Кто такое были тѣ, кого наши лѣтописи называютъ князьями, а литовскіе источники *рикасами* (rikai) и *кунигасами* (kunigai)? Очень можетъ быть,

что нѣкоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старѣйшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода—nobiles, die edelsten. Но чаще всего, по всѣмъ признакамъ, это были вожди, избираемые народомъ или навязавшіеся ему силою, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе укрѣпленныя усадьбы со множествомъ челяди, скота, хозяйственныхъ припасовъ и оружія. Такихъ именно praepotentes, pociores dominos изображаетъ постоянно Петръ Дюсбургскій въ лицѣ прусскихъ вождей. Они являлись, такъ сказать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которыхъ должно было собираться населеніе волости въ случаѣ нападенія извнѣ. Весьма возможно, что такіе вожди и сами могли навязываться населенію, подчинять его себѣ и покорять. Дѣло въ томъ, что въ XII вѣкѣ война для литовцевъ стала уже не только актомъ самообороны, но и промысломъ. Польскія хроники и русскія лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы на сосѣдей съ цѣлью грабежа. Эти набѣги производились чаще всего особыми шайками, спеціально посвящавшими себя дѣлу войны, иногда даже нанимавшимися воевать. Въ Литвѣ, по всѣмъ признакамъ, уже въ XII вѣкѣ имѣлся на лицо классъ, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Генрихъ Латышъ въ своей Ливонской хроникѣ разсказываетъ, что въ 1204 году подступалъ къ Ригѣ богатый и могущественный (dives et praepotens) литвинъ Свельгате съ своими дружинниками (cum suis sodalibus). Вожди этого класса, обогащавшіеся на войнѣ, опиравшіеся на своихъ товарищей и сподвижниковъ, становились естественно вождями и въ мѣстныхъ обществахъ. Но могло случаться, что, опираясь на это значеніе, на свою матеріальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими надъ мѣстными обществами. Разнообразіе названій, которыя даютъ нѣмцы мѣстнымъ литовскимъ вождямъ и представителямъ, объясняется, повидимому, разнообразіемъ фактическаго значенія ихъ: въ иныхъ мѣстностяхъ это были вожди по народному избранію и согласію, въ другихъ традиціонные, наслѣдственные предводители, князья или царьки.

Въ такомъ видѣ обрисовывается литовская общественность наканунѣ объединенія Литвы подъ властью Миндовга и образованія великаго княжества Литовскаго. Нашимъ лѣтописямъ, преимущественно Волынской, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ возможность выслѣдить ab ovo зарожденіе и первоначальный ростъ этого политическаго тѣла.

Литература.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ древнѣйшимъ бытомъ Литвы и состоянія ея общественности наканунѣ объединенія могутъ служить нижеслѣдующіе труды:

А. Л. Погодинъ, Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени. (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Спб. 1902 г.); *A. Brückner*, Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa 1904; *Konstancya Skirmunt*, Nad Niemnem i Baltykiem, zeszyt I, Warszawa, 1897; *В. Б. Антоновичъ*, Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до смерти в. князя Ольгерда. (Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ, 1885 г.); *Н. П. Дашкевичъ*, Княженіе Да-

нила Галицкаго. Кіевъ, 1873 г. (Кіевскія Университетскія извѣстія 1873 г.); его же Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1885 г. (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій того же года); *Dr. Robert Krumbholtz*, Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg, 1890; *Antoni Merzyński*, Źródła do mytologii litewskiej", cz. I—II. Warszawa, 1892, 1896; его же Romowe, Poznań, 1900; *Л. Кршивицкій*, Жмудскіе пилькалнисы. Спб., 1908 г. (оттискъ изъ „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи", вып. 29).

III.

Образованіе великаго княжества Литовскаго.

Книжная легенда о Криве-Кривейто и ея несостоятельность.—Временные союзы литовскихъ вождей въ XII в. и началѣ XIII; старѣйшіе князья.—Возвышеніе Миндовга; захватъ владѣній родственниковъ и занятіе Черной Руси. — Миндовгъ—самодержецъ въ Литвѣ. — Заговоръ противъ него и его гибель.—Борьба за великое княженіе по смерти Миндовга.—Утвержденіе великокняжеской власти на Литвѣ. — Превращеніе мѣстныхъ вождей въ подручныхъ князей и бояръ. — Русскій элементъ и русское вліяніе въ новообразовавшемся великомъ княжествѣ.

Во второй половинѣ XIII вѣка среди разбитой на мелкіе общественные союзы Литвы сформировалось крупное политическое тѣло, великое княжество Литовское подъ властью Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. Прежде, чѣмъ слѣдить за образованіемъ этого государства, необходимо разстаться съ однимъ, распространеннымъ въ научной литературѣ и учебникахъ заблужденіемъ, будто бы на Литвѣ до появленія великихъ князей верховная власть находилась въ рукахъ главнаго жреца—*Криво-Кривейто*. Проф. Мержинскій во второй части своихъ „Источниковъ по литовской миѳологіи", вышедшей въ 1896 г., доказалъ, что это утвержденіе—плодъ чистаго недоразумѣнія. Утвержденіе это, какъ извѣстно, основано на извѣстіи Петра Дюсбургскаго, которое гласитъ: „Было въ срединѣ этого развратнаго народа (Пруссовъ), т.-е. въ Надровіи, мѣсто, называемое Ромовъ, котораго названіе происходитъ отъ Рима, гдѣ жилъ нѣкто, называемый *Криве*, котораго почитаютъ они за папу; ибо, какъ господинъ нашъ папа управляетъ всеобщею церковью вѣрныхъ, такъ однимъ знакомъ или приказомъ его управлялись не только названные народы, но и Летты и другіе народы земли Литовской. Власть его была такъ велика, что если бы не только онъ самъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ, но даже его посланный съ его палкою или другимъ опредѣленнымъ знакомъ, проходилъ по землѣ невѣрныхъ, то всѣ князья и знатные и простой народъ оказывали ему величайшее почтеніе". Мержинскій справедливо указалъ на то, что Петръ Дюсбургскій, очевидно, увлекся въ этомъ сообщеніи аналогіею съ папою, описывая значеніе одного вліятельнаго жреца, что другіе источники, болѣе древніе и современные, ни словомъ не упоминаютъ о власти какого-либо верховнаго жреца на Литвѣ, что самое имя „Криве"—не нарицательное, а собственное, принадлежавшее уважаемому

жрецу въ Надровіи, не единственному, однако, какъ не одно было и Ромове на Литвѣ; что, наконецъ, названіе Криве-Кривейто, невозможное въ литовскомъ языкѣ, придумано позже, нѣмецкимъ хроникомъ XVI в. Грюнау, отъ котораго оно пошло и въ польско-литовскія и позднѣйшія нѣмецкія хроники. Такъ обстоитъ въ настоящее время вопросъ о языческомъ литовскомъ папѣ. Теперь можно принимать за несомнѣнное, что до Миндовга на Литвѣ не было государственной власти, распространявшейся на всю территорію литовскаго племени, а были одни только волостные *рикасы* въ Пруссіи и *кунигасы* въ Литвѣ.

Для обороны и нападенія эти волостные вожди въ XII и вначалѣ XIII в. стали соединяться въ союзы. Очевидно, что походы русскихъ князей и польскихъ, предпринимавшіеся въ XI и первой половинѣ XII в. въ глубь Литвы, не остались безъ вліянія на ея внутренній бытъ, вызвали въ ней тенденцію къ политическому объединенію. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что литовцы со второй половины XII в. перешли въ наступленіе на Русь и Польшу. Едва ли это обстоятельство можно объяснять только внутренними неустройствами Руси и Польши: если бы къ тому времени среди самихъ литовцевъ не выработалась привычка къ соединенію, къ общему дѣйствію, едва ли бы мы слышали объ ихъ набѣгахъ на Русь и Польшу. Въ союзы соединялись нерѣдко князья цѣлаго народца литовскаго. Такимъ образомъ, напр., еще въ 1106 г. соединилась вся *Жемгала* и побѣдила Всеславичей Полоцкихъ, всю братью, „и дружины убили 9 тысячъ“. Въ 1211 году, при нападеніи Даніила Романовича и поляковъ, „собралась вся земля *Ятвяжская*“; на помощь къ Ятвягамъ приходили даже Пруссы и Борты. Но еще болѣе крупное соединеніе видимъ мы въ собственной Литвѣ и Жмуди въ 1215 г. Въ этомъ году къ вдовѣ кн. Романа Галицкаго и его сыновьямъ присылали для заключенія мира своихъ уполномоченныхъ около 20 князей, между ними *старѣйшій* кн. Живинбудъ, Довспрункъ и братъ его Миндовгъ. Десять лѣтъ спустя мы видимъ новое крупное соединеніе литовскихъ князьковъ, но уже съ иною цѣлью. Въ 1225 году литовская „рать велика зѣло, яка же не была отъ начала міру“, опустошила области Новгородскую, Смоленскую и Полоцкую. Весьма знаменательное явленіе представляютъ изъ себя упоминаемые старѣйшіе князья, которые являются во главѣ союзовъ. Повидимому это были наиболѣе сильные князья, къ которымъ примыкали болѣе слабые. Литовскіе князья, по всѣмъ даннымъ, въ то время уже были неодинаковыми политическими величинами и разнились по величинѣ своихъ владѣній. Объ отцѣ Миндовга Лифляндская риѳмованная хроника, не называя его по имени, прямо говоритъ, что онъ былъ сильнѣйшимъ владѣтелемъ на Литвѣ, и никто не могъ съ нимъ сравняться. Естественно, поэтому, что и Миндовгъ, унаслѣдовавъ отъ отца его владѣнія, сталъ во главѣ Литовской земли.

Такое положеніе Миндовгъ занималъ уже въ 1236 году. Волынская лѣтопись, разсказывая подъ 1236 годомъ, о нападеніи литовцевъ на Мазовію по наущенію Даніила Галицкаго, говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто бы Миндовгъ былъ главою и представителемъ всей Литвы: „Данилъ же воз-

веде на Кондрата Литву, Миндога". Лифляндская риѳмованная хроника, описывая подъ 1244 г. нападеніе на владѣнія Ливонскаго ордена 30 т. литовцевъ подъ начальствомъ Миндовга, называетъ его уже могущественнымъ *королемъ* литовскимъ.

Возвышеніе Миндовга на первыхъ порахъ имѣло значеніе простого старшинства, предводительства въ совмѣстныхъ военныхъ операціяхъ литовскихъ князей. Другіе литовскіе князья на первыхъ порахъ являются самостоятельными и дѣйствуютъ отдѣльно и независимо отъ Миндовга. Такъ, въ 1246 году, когда Миндовгъ находился въ мирѣ съ Романовичами Волынскими, одинъ изъ Рушковичей—Айшвно вторгался въ Пересопницкую волость. Данилъ и Василько нагнали его около Пинска, отняли у него добычу, перебили его воиновъ, и самъ Айшвно едва спасся бѣгствомъ. Въ слѣдующемъ году Литва подъ начальствомъ князя Лингвенья воевала около Мельницы и Лековни; Данилъ и Василько также нагнали литовцевъ, отняли полонъ, самихъ перебили, а князь Лингвеній бѣжалъ раненый. Всѣ эти столкновенія не нарушили мира ихъ съ Миндовгомъ, который былъ не причастенъ этимъ нападеніямъ, предпринимавшимся вышеупомянутыми князьями по своей волѣ, на свой страхъ и отвѣтственность.

Но съ 1248 года наступаетъ новый періодъ въ отношеніяхъ Миндовга къ князьямъ. Перемѣну отношеній прежде другихъ почувствовали родственники Миндовга. Онъ коварно предложилъ своимъ племянникамъ Товтивилу и Едивиду вмѣстѣ съ дядею ихъ по матери Жмудскимъ княземъ Викинтомъ идти воевать на Русь, къ Смоленску, съ тѣмъ, чтобы „што хто приемлеть, собѣ дерьжить". Когда они отправились въ походъ, Миндовгъ захватилъ ихъ волости, движимое имущество и отрядилъ свое войско, „хотя убити я". Разсказывая объ этомъ, лѣтопись говоритъ: „поимана бѣ вся земля Литовьская и бесчисленное имѣніе ихъ, притрано бѣ богатьство ихъ". Лѣтопись вѣрно оцѣнила значеніе факта: съ захватомъ владѣній и имущества самыхъ могущественныхъ князей Миндовгъ сдѣлался полнымъ господиномъ положенія на Литвѣ, и всѣ другіе князьки должны были безпрекословно подчиниться ему. Къ этому надо прибавить, что въ то время Миндовгъ сумѣлъ увеличить наслѣдство, полученное отъ отца на Литвѣ, пріобрѣтеніями на Руси. Въ переполохъ и сумятицу, произведенную на Руси татарами, Миндовгъ захватилъ такъ называемую Черную Русь, т.-е. область правыхъ притоковъ Нѣмана съ главнымъ городомъ *Новогородкомъ*. Этотъ Новгородокъ сдѣлался обычнымъ его мѣстопребываніемъ, и изъ этой Черной Руси Миндовгъ почерпалъ, повидимому, не мало силъ въ борьбѣ съ своими врагами.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за всѣми перипетіями борьбы Миндовга съ родственниками, которая осложнилась борьбою съ сосѣдями—Галицко-Волынскими князьями, Поляками и Ливонскими нѣмцами, вступившимися за изгнанныхъ родственниковъ. Достаточно отмѣтить только общіе результаты ея. Миндовгу удалось удержать въ своихъ рукахъ захваченныя у родственниковъ владѣнія на Литвѣ и поставить твердо дѣло политическаго объединенія Литвы. Безпрерывная борьба съ сосѣдями, ихъ непре-

станныя вторженія въ Литву, ихъ ясно сказавшіяся намѣренія, пользуясь усобицею Миндовга съ родственниками, разобрать Литву по частямъ, поработить ее и навязать ей христіанскую вѣру, въ концѣ концовъ тѣснѣе сплотили Литву подъ властью Миндовга, поставили его „самодержьцемъ во всей земли Литовьской", какъ выражается Волынская лѣтопись. При сильно возбужденномъ чувствѣ самосохраненія власть Миндовга на Литвѣ пріобрѣтала общее и прочное признаніе и подъ конецъ его княженія распространилась даже на Жмудь, именно послѣ того, какъ Миндовгъ разорвалъ съ нѣмцами и освободилъ Жмудь отъ подчиненія Ордену, которому прежде онъ самъ же способствовалъ (Миндовгъ, какъ извѣстно, не имѣя возможности противостоять коалиціи Романовичей, Поляковъ и Ливонскаго Ордена, въ 1250 году принялъ крещеніе и уступилъ Ордену часть Жмуди). Подъ конецъ своего княженья Миндовгъ, по словамъ лѣтописи, „нача гордѣти велми, и вознесеся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никого же". Извѣстно, что такое поведеніе вызвало реакцію, и Миндовгъ палъ въ 1263 году жертвою заговора подручныхъ ему князей, не вынесшихъ самовластья Миндовга. Но если палъ Миндовгъ, то не пало его дѣло. Образовавшееся при немъ великое княжество Литовское настолько окрѣпло, что не разложилось среди междоусобій, наступившихъ по смерти Миндовга. Сами заговорщики, тяготившіеся самовластіемъ Миндовга, послѣ его смерти спѣшили занять созданное имъ положеніе великаго князя Литвы и вступили изъ-за этого въ борьбу между собою. *Тройнатъ*, кн. Жмудскій, сѣвши на мѣстѣ Миндовга княземъ „во всей землѣ Литовской и въ Жемойти", послалъ приглашеніе къ *Товтивилу* Полоцкому явиться въ Литву дѣлить землю и добытокъ Миндовга. Въ дѣйствительности же онъ пригласилъ его съ цѣлью погубить и устранить отъ дѣлежа, а Товтивилъ съ своей стороны мечталъ о томъ же по отношенію къ Тройнату. Кончилось тѣмъ, что Тройнатъ убилъ Товтивила, но скоро и самъ былъ убитъ конюхами Миндовга. Мѣсто Тройната заступилъ сынъ Миндовга *Войшелкъ*, скинувшій съ себя на время монашескую рясу (онъ сдѣлался ранѣе христіаниномъ и постригся въ монахи). Видно, что дѣло Миндовга было прочно налажено, удовлетворяло общей потребности, находило себѣ общее сочувствіе въ Литвѣ. Когда прибылъ Войшелкъ, то „Литва же вся прияша и съ радостью великою своего господичича". Опираясь на это сочувствіе, на общее признаніе своего права и своей власти, Войшелкъ „поча вороги свои избивати, изби ихъ бесчисленное множество, а другіи разбѣгошася, камо кто видя". Его преемники, *Шварно Даниловичъ и Тройденъ*, по всѣмъ признакамъ, занимали такое же положеніе, какъ Миндовгъ. Тройденъ (1270—1282 г.) распоряжался силами всей Литвы, какъ это видно изъ его столкновеній съ Ливонскими нѣмцами, которыхъ онъ не разъ поражалъ и избивалъ въ большомъ количествѣ; онъ развивалъ свою дѣятельность на всей территоріи собственной Литвы и Жмуди. На южномъ пограничьѣ Литвы, въ городахъ Черной Руси—Городнѣ и Слонимѣ, онъ селилъ бѣжавшихъ къ нему Пруссовъ и Бортевъ; на сѣверѣ, въ смежной съ собственною Литвою и Жмудью Жемгалѣ, онъ поддерживалъ возстаніе противъ Ордена. Ятвяги были также

въ его распоряженіи, и онъ посылалъ ихъ въ составѣ большой рати на поляковъ подъ начальствомъ своего брата Сирпутья.

Итакъ, княжество Миндовга оказалось прочнымъ политическимъ соединеніемъ. Оно пережило самого Миндовга и сдѣлалось ядромъ, изъ котораго мало по малу выросло обширное государство. Но что сталось съ мелкими волостными вождями, существовавшими на Литвѣ до возникновенія великокняжеской власти? Часть ихъ несомнѣнно была истреблена во время объединенія Литвы. Но истреблены были далеко не всѣ. Наша лѣтопись, разсказывая о нападеніи на Литву въ 1266 г. Псковскаго князя Довмонта, называетъ по именамъ четырехъ литовскихъ князей и глухо говоритъ о другихъ литовскихъ князьяхъ, отправившихся за нимъ въ погоню. Петръ Дюсбургскій разсказываетъ, что сынъ Тройдена Пелюза, отыскивавшій отцовскій столъ, вторгся въ 1286 году въ Литву, захватилъ въ одномъ мѣстѣ около семидесяти царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и всѣхъ ихъ перебилъ съ женами и дѣтьми. Но и позже эти князьки и царьки постоянно появляются по источникамъ.

Какое же положеніе заняли они въ новообразовавшемся великомъ княжествѣ Литовскомъ? Такъ какъ прежнее положеніе ихъ, по всѣмъ признакамъ, было неодинаковое, то и теперь они размѣстились не на одинаковыхъ ступеняхъ общественной іерархіи. Часть ихъ такъ и осталась мѣстными князьями, правившими своими волостями подъ рукою великаго князя. Такіе князья старыхъ литовскихъ династій являются и въ позднѣйшее время, въ XIV—XVI вѣкахъ, въ Гольшанахъ, Гедройти и на Свирѣ. Другая часть образовала высшій слой того класса, который въ XIV в. получилъ русское названіе бояръ. Это позднѣйшіе паны литовскіе. Такой переходъ волостныхъ вождей въ классъ бояръ даетъ себя выслѣдить по источникамъ съ полною ясностью на Жмуди. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже въ XIV в. являются жмудскіе *царьки* или *знатные* люди, къ концу XIV и въ началѣ XV в. выступаютъ уже жмудскіе *бояре*. Несомнѣнно, что подобное же превращеніе сильныхъ, знатныхъ, благородныхъ людей, кунигасовъ въ *бояръ* имѣло мѣсто и въ собственной Литовской землѣ. Если такъ, то и значительная землевладѣльческая аристократія, которая впослѣдствіи играла такую важную роль въ политической жизни великаго княжества Литовскаго, родилась одновременно съ этимъ государствомъ.

И еще одна черта, отличавшая великое княжество Литовское, сказалась въ немъ съ момента его возникновенія. Государство это съ самаго начала было не просто литовскимъ, а литовско-русскимъ. Мы видѣли, что Миндовгъ утвердился въ такъ называемой Черной Руси, силами которой онъ, повидимому, пользовался для распространенія своей власти въ Литвѣ. Черная Русь послужила опорою и его сыну Войшелку, который послѣ убіенія отца пошелъ не прямо на Литву, а на Русь, „а оттолѣ поя съ собою Новгородцѣ и пойде на Литву княжить“. Даже „окаянный и немилостивый“, по характеристикѣ нашего лѣтописца, Тройденъ смотрѣлъ на Черную Русь, какъ на базисъ своей силы и власти, и здѣсь именно селилъ бѣжавшихъ къ

нему Пруссовъ. Въ русской общественности литовскіе князья, по всѣмъ признакамъ, могли почерпать болѣе силъ и средствъ для установленія власти, чѣмъ въ общественности литовской. Русь давала въ ихъ распоряженіе военный людъ, привыкшій находиться въ опредѣленныхъ и постоянныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ князю, по военной выправкѣ и храбрости, какъ свидѣтельствуетъ Петръ Дюсбургскій, не уступавшій западному рыцарству. На Руси литовскіе князья находили массу городского и сельскаго населенія, связаннаго съ княземъ опредѣленными и постоянными податными и разными другими повинностями. Здѣсь же къ услугамъ князя была и организованная администрація, рядъ опредѣленныхъ должностей и званій, которыми утверждалась княжеская власть надъ обществомъ. Едва ли что-нибудь подобное было въ то время на Литвѣ. Правда, что здѣсь обозначилось уже соціальное раздѣленіе общества, появились и зародыши государственной власти, но все это было еще пока простымъ фактомъ, не пріобрѣло твердаго, юридическаго характера и потому было шатко и измѣнчиво. Поэтому Миндовгъ и его преемники, утверждая свою власть на Литвѣ, естественно стремились искать опоры на Руси и пользоваться ея политическими силами и средствами. Но отсюда уже былъ одинъ шагъ до перенесенія на Литву тѣхъ русскихъ порядковъ и установленій, на которыхъ могла утверждаться княжеская власть, и которыя могли въ этомъ отношеніи оформливать и закрѣплять данныя литовской общественности. Къ этому надо присоединить и тотъ фактъ, что однимъ изъ преемниковъ Миндовга былъ его обрусѣвшій сынъ—Войшелкъ, а другимъ—русскій родственникъ, князь Шварно Даниловичъ. Уже самъ по себѣ этотъ фактъ не былъ простою случайностью, а результатомъ сближенія литовской народности съ русскою. Но онъ въ свою очередь долженъ былъ способствовать ассимиляціи Литвы съ Русью: названные князья должны были естественно пропагандировать и утверждать на Литвѣ русскіе порядки, русскіе обычаи и установленія. Такъ великое княжество Литовское съ самаго возникновенія своего выходило полурусскимъ государствомъ. Это обстоятельство облегчило ему въ сильной степени дальнѣйшее расширеніе его на счетъ западно-русскихъ земель.

Литература.

Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ Антоновича и Дашкевича для ознакомленія съ начальною исторіею великаго княжества Литовскаго служатъ монографіи:

Juliusz Latkowski, Mendog, król litewski. Kraków 1892. (Rozprawy i Sprawozdania Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XXVIII); *Iohann Totoraitis*, Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg 1905; *Konstancya Skirmunt*, Nad Niemnem i Baltykiem, zeszyt III. Warszawa 1909.

IV.

Присоединеніе къ Литвѣ Полоцкихъ княжествъ, Полѣсья и Подляшья.

Походы полоцкихъ князей въ Литву въ XI—XII в.—Колонизація Черной Руси.—Политическое раздробленіе и слабость Полоцкой земли въ концѣ XII и въ XIII в.—Нападенія Литвы на Полоцкую землю и натискъ нѣмцевъ.—Подчиненіе Полоцкой земли смоленскимъ князьямъ.—Смута въ Смоленскѣ и захватъ полоцкихъ княжествъ родными Миндовга.—Полоцкія княжества подъ властью Литвы, Смоленска и нѣмцевъ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка.—Окончательное включеніе Полоцка и Витебска въ составъ литовскихъ владѣній.—Подчиненіе Минскаго княжества и другихъ.—Присоединеніе Турово-Пинскаго Полѣсья.—Земля Берестейская съ Подляшьемъ подъ властью волынскихъ князей и Конрада мазовецкаго.—Захватъ ея Гедиминомъ.

Новообразовавшееся великое княжество быстро стало обростать съ востока и юга западнорусскими землями, и прежде всего расширилось на счетъ *Полоцкой земли*.

Полоцкая земля въ данномъ случаѣ стала на первую очередь не случайно, а по требованіямъ своей географіи и исторіи. Изъ всѣхъ западнорусскихъ земель Полоцкая ближе всѣхъ примыкала къ Литвѣ, тѣснѣе другихъ связывалась географически. Географическая близость обусловила между ними давнишнее житейское общеніе и знакомство. Въ теченіе XI и первой половины XII вѣка полоцкіе князья много разъ навѣщали Литовскую землю въ поискахъ добычи и полона. По слѣдамъ князей пробиралось въ Литву, по всѣмъ признакамъ, и мирное населеніе, искавшее здѣсь удобныхъ земель и угодій. Такъ называемая Черная Русь, повидимому, была полоцкою колоніею въ Литовской землѣ. Съ половины XII в. отношенія между Литвою и Полоцкою землею сдѣлались обратными. Полоцкая земля къ тому времени подобно всѣмъ другимъ русскимъ землямъ утратила свое политическое единство, разорвалась на нѣсколько княженій подъ управленіемъ потомковъ Изяслава, какъ то: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Друцкъ, Изяславль, Логожскъ и т. д. Преданія родового старшинства слабо держались между Изяславичами полоцкими, и столы либо добывались силою, либо замѣщались по соглашенію съ населеніемъ. Послѣднее чаще всего имѣло мѣсто въ главномъ городѣ Полоцкой земли, средоточіи сильнаго боярства и богатаго купечества. Въ усобицахъ изъ-за столовъ Изяславичи полоцкіе, какъ и южнорусскіе князья, обращались за помощью къ поганымъ, но только этими погаными въ настоящемъ случаѣ были не половцы, до которыхъ было далеко, а литовцы—сосѣди. Къ литовцамъ полоцкіе князья стали обращаться за помощью и противъ нѣмцевъ, которые въ концѣ XII и нач. XIII в. сдѣлались ихъ сосѣдями, отняли у нихъ данниковъ на низовьяхъ Двины—Ливь и Летыголу и грозили дальнѣйшимъ наступленіемъ на полоцкія владѣнія. Опасность отъ нѣмцевъ заставляла полоцкихъ князей дружить съ литовскими, и мы видимъ, напр., князя *Герсики* Всеволода зятемъ литовскаго князя Довгерда (Доугеруте). Но литовцы

стали часто являться въ Полоцкую землю со второй половины XII в. и непрошенными гостями. Мы знаемъ, что къ тому времени литовцы стали соединяться въ крупныя общества и привыкли ходить на войну большими партіями, разлакомились добычею и начали уже промышлять войною. Нападенія ихъ со второй половины XII в. участились и заставили пѣвца Слова о Полку Игоревѣ тревожно смотрѣть на будущее полочанъ: „Двина,—читаемъ у него,—болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ“. Полоцкіе князья, обезсиленные дѣлежомъ и усобицами, уже не въ состояніи были давать имъ отпоръ. „Ярославе и вси внуци Всеславли! обращается къ нимъ пѣвецъ,—уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы“. Одинъ только Изяславъ Васильковичъ,—плакался пѣвецъ,—позвонилъ было своими острыми мечами о шлемы литовскія, но, покинутый родными братьями, лежитъ подъ красными щитами на кровавой травѣ, изрубленный литовскими мечами, выронивъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла черезъ золотое ожерелье. Въ 20-хъ годахъ XIII в. литовцы стали уже рыскать по Полоцкой землѣ, какъ по своей собственной. Они безпрепятственно проходили по ней изъ конца въ конецъ, нападая на владѣнія черниговскія (1209 и 1220 г.), на смоленскія (1226), на тверскія и московскія (отъ руки ихъ палъ и первый Московскій князь Михаилъ Хоробритъ), на новгородскія волости (они опустошили окрестности Торопца въ 1223 г., Русы въ 1224 и Торжка въ 1226—1227). Слабость, обнаруженная при этомъ полочанами, которые не препятствовали литовцамъ проходить черезъ ихъ землю и даже, повидимому, не прочь были дружить съ ними, заставила смоленскихъ князей предпринять въ 1222 году походъ на Полоцкъ и занять его. Въ Полоцкѣ подъ рукою великаго князя Смоленскаго сѣлъ одинъ изъ младшихъ смоленскихъ князей, который долженъ былъ оберегать землю отъ Литвы. Но это ему не удавалось, и литовцы по прежнему хозяйничали въ Полоцкой землѣ. Зависимость Полоцка отъ Смоленска въ началѣ 30-хъ годовъ прекратилась и вовсе. Сидѣвшій въ немъ смоленскій князь Святославъ Мстиславичъ ушелъ на княженіе въ Смоленскъ. Наступили затѣмъ смуты въ Смоленскѣ, во время которыхъ Полоцкъ предоставленъ былъ собственной участи и отдѣлился отъ Смоленска; въ Полоцкѣ сѣлъ какой-то князь Брячиславъ, судя по имени, изъ мѣстнаго княжескаго рода Изяславичей. Литовцы тѣмъ временемъ продолжали свое дѣло, и шайки ихъ появлялись въ новгородскихъ волостяхъ, торопецкихъ и около Дубровны. Наконецъ, какой-то литовскій князь напалъ даже на Смоленскъ и занялъ его. Великій князь Владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ въ 1239 г. походъ на Смоленскъ, выгналъ оттуда литовскаго князя и урядилъ Смоленскъ, посадивъ на старшемъ столѣ Всеволода Мстиславича. Но ничего подобнаго не сдѣлалъ онъ относительно Полоцкой земли. Наводняемая каждый годъ литовцами эта земля все болѣе и болѣе отрывалась отъ остальной Руси и спаивалась съ Литвою. Покинутое на произволъ судьбы русское населеніе этой земли естественно должно было искать себѣ спасенія и защиты отъ погромовъ въ покорности литовскимъ князьямъ. Послѣ этого не

неожиданнымъ является и появленіе литовскихъ князей на столахъ Полоцкой земли. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII в. тамъ разсѣлись родственники Миндовга: въ Полоцкѣ его племянникъ Товтивилъ, въ Друцкѣ другой племянникъ Едивидъ, въ Витебскѣ дядя этихъ князей по матери жмудскій князь Викинтъ. Миндовгъ, какъ уже было сказано, воспользовался уходомъ этихъ князей для того, чтобы захватить себѣ ихъ земли и имущества, покинутыя на Литвѣ. Это заставило князей побросать полоцкіе столы и начать борьбу противъ Миндовга въ союзѣ съ Романовичами волынско-галицкими и нѣмцами. Но Товтивилъ спустя нѣкоторое время, помирившись съ Миндовгомъ, вернулся въ Полоцкъ и продолжалъ княжить тамъ въ зависимости отъ Миндовга. Поэтому и въ послѣдовавшихъ войнахъ Миндовга съ Романовичами, татарами и смольнянами мы видимъ Товтивила Полоцкаго на сторонѣ Миндовга: Полоцкъ сдѣлался какъ бы вассальнымъ владѣніемъ великаго князя Литовскаго. Это положеніе вещей продолжалось нѣкоторое время и при преемникахъ Товтивила, погибшаго вскорѣ послѣ Миндовга. Сначала въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то князь Константинъ, посаженный соперникомъ Товтивила—Тройнатомъ (извѣстіе о его княженіи относится къ 20 августа 1264 г.), а затѣмъ князь Изяславъ, который считалъ себя „въ воли Молшелгове“, т.-е. Войшелка, великаго князя Литовскаго, какъ гласитъ его грамота, писанная къ нѣмцамъ. Въ волѣ Войшелка, по всѣмъ даннымъ, былъ и союзникъ этого князя Витебскій князь Изяславъ. Оба эти князя вскорѣ же, уже въ концѣ 1264 г., должны были уступить свое мѣсто литовскому князю Герденю, продержавшемуся въ Полоцкѣ и Витебскѣ до 1267 г. включительно, когда онъ былъ убитъ псковичами. Послѣ этого и на полоцкомъ, и на витебскомъ столахъ мы видимъ уже русскихъ князей. Полочане и витбляне, очевидно, воспользовались смутами, происходившими на Литвѣ по смерти Миндовга, междоусобіями за великое княженіе, и эмансипировались нѣсколько отъ Литвы. Они стали принимать къ себѣ на княженіе природныхъ русскихъ князей, хотя съ увѣренностью нельзя утверждать, что эти князья были независимы отъ Литвы. Только Витебскъ въ восьмидесятыхъ годахъ XIII ст. освободился совершенно отъ Литвы и подчинился было Смоленскому князю Ѳедору, который и управлялъ имъ черезъ своихъ намѣстниковъ. Но въ Полоцкѣ въ концѣ XIII в. мы видимъ снова литовскаго князя. Этотъ князь, не извѣстный по имени, будучи не въ состояніи бороться съ нѣмцами и не получая надлежащей помощи отъ соплеменниковъ, принялъ католичество и, не имѣя наслѣдниковъ, завѣщалъ свое княжество Рижской архіепископіи. Послѣ его смерти нѣмцы вступили въ Полоцкъ и принялись заводить тамъ свои порядки, вводить католичество и обирать жителей. Полочане, возмущенные всѣмъ этимъ, обратились за помощью туда, откуда она и прежде въ такихъ случаяхъ приходила, въ Литву. Великій князь Витень въ 1307 г. явился въ Полоцкую землю и перебилъ почти всѣхъ застигнутыхъ тамъ нѣмцевъ, а католическія церкви разрушилъ. Нѣкоторое время онъ посылалъ въ Полоцкъ своихъ намѣстниковъ, предоставляя полочанамъ вѣдать свои дѣла самимъ и рѣшать ихъ по старому на вѣчѣ.

Позже, около 1326 г., въ Полоцкѣ сѣлъ на княженье уже братъ Витеня Воинъ. Съ этого времени Полоцкъ соединился уже прочными политическими связями съ Литвою и никогда отъ нея не отдѣлялся. Поэтому и 1307 г. можно считать годомъ окончательнаго присоединенія Полоцка къ Литовской землѣ.

За Полоцкомъ наступила очередь *Витебска,* который обособился отъ Полоцка въ самостоятельное княженье.

Въ Витебскѣ въ концѣ XIII в. княжилъ какой-то князь Ярославъ Васильевичъ, быть-можетъ, изъ рода князей смоленскихъ, утвердившихъ свое владычество въ Витебскѣ какъ разъ въ концѣ XIII в. Въ 1318 году этотъ князь выдалъ свою единственную дочь за литовскаго князя Ольгерда Гедиминовича, а въ 1320 году скончался, не оставивъ послѣ себя мужского потомства. Въ Витебскѣ сѣлъ тогда зять его Ольгердъ, крестившійся въ русскую вѣру. Ольгердъ, кромѣ Витебска, имѣлъ еще особое княженье на Литвѣ, въ Кревѣ, данное ему отцомъ. Съ увѣренностью можно полагать, что Ольгердъ подчинялся отцу не только какъ князь Кревскій, но и какъ Витебскій, ибо и въ Витебскѣ онъ сѣлъ, конечно, не безъ воли отца, а можетъ-быть, и его содѣйствія. Витебскъ такимъ путемъ вошелъ въ сферу политическаго господства великаго князя Литовскаго. Подчиненіе Витебской земли Литвѣ было при Гедиминѣ только возстановленіемъ и упроченіемъ литовскаго господства, и ранѣе уже устанавливавшагося въ этой землѣ. Гедиминъ простеръ свою дѣятельность и далѣе въ томъ же направленіи. Онъ привелъ въ зависимость *и князя Минскаго.* Лѣтопись подъ 1326-мъ годомъ сообщаетъ между прочимъ, что приходили въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ великаго князя Гедимина Воинъ, Полоцкій князь, Василій, князь Минскій, и кн. Ѳедоръ Святославичъ. Значитъ, кн. Минскій въ 1326 году былъ уже подручникомъ Гедимина. Но если Минское княжество, Полоцкое и Витебское были въ зависимости отъ Литвы, то необходимо предположить, что и промежуточныя между ними княжества, каковы были княжества *Лукомское и Другое,* были также приведены въ зависимость отъ Литвы. По крайней мѣрѣ позже владѣтели этихъ княжествъ выступаютъ уже въ качествѣ вассаловъ великаго князя Литовскаго.

Съ подчиненіемъ всѣхъ этихъ владѣній Литвѣ подъ верховною властью великаго князя Литовскаго очутилась уже вся Полоцкая земля въ древнѣйшемъ и обширномъ смыслѣ.

Въ началѣ же XIV вѣка молодое великое княжество Литовское включило въ свой составъ и *Турово-Пинское Полѣсье,* т.-е. бассейнъ Припяти.

Около половины XIII вѣка мелкіе и слабые турово-пинскіе князья изъ рода Святополка Изяславича (Ярославова внука) подчинялись князю Даніилу Романовичу и его брату, галицко-волынскимъ князьямъ. Но подчиненіе ихъ не отличалось постоянствомъ: князья, по выраженію лѣтописи, имѣли „лесть“ къ Даніилу и Василько и склонялись нерѣдко на сторону другого могущественнаго сосѣда, великаго князя Миндовга, утвердившагося въ Черной Руси. Это колебанье Полѣсья изъ стороны въ сто-

рону въ концѣ концовъ и разрѣшилось присоединеніемъ Полѣсья къ Литвѣ. При какихъ обстоятельствахъ состоялось это присоединеніе и когда именно, въ точности неизвѣство. Мы знаемъ только, что Гедиминъ еще при жизни своей посадилъ въ Пинскѣ, главномъ городѣ Полѣсья, сына своего Наримунта-Глѣба. На другихъ городахъ Полѣсья, впрочемъ, и послѣ того встрѣчаемъ русскихъ князей, какъ, напр., на Несвижѣ. Но эти русскіе князья уже находились подъ верховною властью великаго князя Литовскаго, служили и подчинялись ему наравнѣ со всѣми другими подручными ему князьями, литовскими и русскими. Изъ сего явствуетъ, что одновременно съ утвержденіемъ въ Пинскѣ Наримунта все или почти все Полѣсье подчинилось Литвѣ.

Тогда же или еще ранѣе приросла къ Литвѣ и земля *Берестейская*, въ западной своей части называвшаяся *Подляшьемъ*.

Подъ именемъ Берестейской земли въ XIII вѣкѣ слыла южная часть Ятвяжской области, колонизованная съ юга русскими людьми съ Волыни, съ запада—поляками изъ Мазовіи. Въ составъ этой области входили во второй половинѣ XIII вѣка города *Берестье*, *Каменецъ*, *Кобринъ*, *Дорогичинъ* и *Мельникъ* съ ихъ волостями. Эта область клиномъ врѣзывалась между Мазовіею съ одной стороны и литовскими владѣніями съ другой, мало имѣла территоріальной связи съ Волынью, отдѣляясь отъ нея болотами и лѣсами по верхней Припяти и Мухавцу. Въ первой половинѣ XIII вѣка значительную часть ея съ городомъ Дорогичиномъ во главѣ захватилъ было князь Конрадъ Мазовецкій. Конрадъ помѣстилъ здѣсь такъ называемыхъ Добринскихъ рыцарей, услугами которыхъ онъ пользовался для борьбы съ Пруссами и другими литовцами. Но князь Галицкій Даніилъ Романовичъ вытѣснилъ изъ нея „крижевниковъ“ и воротилъ свою отчину. Внукъ Даніила—Юрій Львовичъ, помогавшій крестоносцамъ противъ великаго князя Витеня, вызвалъ противъ себя нападеніе брата его Гедимина. Въ 1315 году Гедиминъ захватилъ Берестье и Дорогичинъ, а затѣмъ продвинулся къ самой столицѣ Волынской земли—Владиміру. Въ происшедшей затѣмъ подъ стѣнами Владиміра битвѣ палъ Юрій Львовичъ. Его сыновья, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, продолжали борьбу съ Гедиминомъ и пытались вернуть Берестейскую землю, но безуспѣшно. Гедиминъ, ставшій вскорѣ великимъ княземъ, удержалъ за собою Берестье, Каменецъ, Дорогичинъ и другіе здѣшніе города и посадилъ здѣсь на княженье еще при жизни своей доблестнаго сына своего Кейстута.

Съ присоединеніемъ Подляшья коренная Литовская земля окружилась цѣлымъ поясомъ подвластныхъ литовскимъ князьямъ русскихъ земель, и великое княжество Литовское еще больше, чѣмъ прежде, приняло видъ и характеръ государства литовско-русскаго.

Литература.

Въ качествѣ ближайшихъ пособій кромѣ вышеупомянутаго труда Антоновича могутъ быть рекомендованы слѣдующіе труды:

В. Е. Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV стол. Кіевъ, 1896 (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1896 г.); *А. М. Андріяшевъ*,

Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1887 г. (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1887 г.); *П. А. Ивановъ*, Историческія судьбы Волынской земли до конца XIV в. Одесса, 1895 г.; *А. С. Грушевскій*, Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ XI—XIII вв.; *K. Stadnicki*, Olgierd i Kiejstut. Lwów 1870; Synowie Gedymina, Lwów 1881: *J. Wolff*, Ród Gedimina. Kraków 1886.

Исторіи территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства посвящены „Очерки исторіи литовско-русскаго права“ Ѳ. И. Леонтовича, печатавшіеся въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1893 и 1894 г. и вышедшіе затѣмъ и отдѣльною книгою (Спб. 1894). Но, къ сожалѣнію, книгою нельзя пользоваться безъ постоянной провѣрки, такъ какъ авторъ не подвергалъ надлежащему критическому разбору свои источники и пособія. Объ этомъ см. мою рецензію на трудъ г. Леонтовича „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, № 8).

Краткій очеркъ территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства данъ и въ книгѣ автора настоящихъ очерковъ „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута“. Москва, 1892. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1892, кн. III и IV, 1893, кн. III и IV).

V.

Распространеніе литовскаго владычества въ южно-русскихъ земляхъ.

Подчиненіе Кіевскаго князя Гедимину.—Замѣна русскаго князя въ Кіевѣ литовскимъ при Ольгердѣ.—Ослабленіе орды, какъ благопріятное обстоятельство для распространенія литовскаго владычества.—Битва на Синей Водѣ и вытѣсненіе татаръ съ Подолья.—Князья Коріатовичи на Подольѣ и зависимость ихъ отъ Польши.—Раздѣлъ Подолья между Польшею и Литвою.—Смуты въ Брянскѣ и занятіе Чернигово-Сѣверскихъ княжествъ.—Возвышеніе Галицко-Волынской земли съ половины XII вѣка.—Тенденція къ образованію малорусскаго государства.—Разгромъ татарами Галицко-Волынской земли и ея раздѣленіе и ослабленіе.—Прекращеніе династіи Даніила Романовича и борьба Польши и Литвы за Галицко-Волынское наслѣдіе.—Присоединеніе къ Литвѣ Волыни.

Первый и ближайшій поясъ русскихъ земель, которыми окружило себя съ востока и юга новообразовавшееся великое княжество, составили Полоцкая земля въ обширномъ смыслѣ, Полѣсье и земля Берестейская съ Подляшьемъ. Уже при Гедиминѣ Литва начала окружать себя вторымъ поясомъ, въ составъ котораго вошли Волынь съ Подольемъ, Кіевская земля, Чернигово-Сѣверская на югѣ и юго-востокѣ, Смоленская—на востокѣ. Наиболѣе успѣшно шло это дѣло сначала въ южно-русскихъ земляхъ, которыя къ концу XIV вѣка сдѣлались прочнымъ достояніемъ Литвы.

Въ числѣ пословъ Гедимина, ѣздившихъ въ 1326 году въ Новгородъ для заключенія мира, русскія лѣтописи называютъ послѣ Минскаго князя Василія князя Ѳедора Святославича. Можно догадываться, что это былъ князь изъ рода путивльскихъ Ольговичей, которому принадлежалъ тогда *Кіевъ*, и который, очевидно, сталъ подручникомъ Гедимина подобно своему сосѣду—Минскому князю Василію. Подчиненіе Кіевскаго князя Литвѣ было,

вѣроятно, слѣдствіемъ побѣды Гедимина на р. Ирпени надъ отцомъ Ѳедора Святославича около 1320 года. Не всѣ ученые, впрочемъ, признаютъ этотъ фактъ. Антоновичъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи великаго княжества Литовскаго“ и по его слѣдамъ г. Грушевскій въ своей „Исторіи Кіевской земли“ отвергаютъ этотъ фактъ, считая его лѣтописнымъ вымысломъ. Доводы ихъ основываются на критическомъ разборѣ сказанія о походѣ Гедимина на южную Русь, содержащагося въ пространной литовско-русской лѣтописной компиляціи (Быховца). Разсказъ этотъ дѣйствительно содержитъ много хронологическихъ и другихъ несообразностей, но при всемъ томъ едва ли можетъ быть отвергнутъ цѣликомъ. Составитель неискусно сгруппировалъ въ немъ подробности, перепуталъ и исказилъ имена, но едва ли выдумалъ самый основной фактъ, о которомъ встрѣчаются краткія извѣстія и въ другихъ лѣтописяхъ. Доводы, приводимые въ пользу такого пониманія Дашкевичемъ въ его „Замѣткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства“, Д. И. Иловайскимъ во второмъ томѣ его „Исторіи Россіи“ и отчасти Зотовымъ въ его трудѣ „О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику“, являются болѣе убѣдительными, чѣмъ отрицательные доводы Антоновича и его послѣдователей.

Подчиненіе Кіевскаго князя и Кіевщины Гедимину легко понять, если принять во вниманіе, что такое представлялъ изъ себя Кіевскій князь того времени, какими средствами онъ располагалъ. Кіевскій князь былъ въ то время однимъ изъ тѣхъ бѣдныхъ князьковъ, которые еле держались съ горстью русскаго населенія, уцѣлѣвшаго послѣ татарскихъ погромовъ на степной окраинѣ. Мать и краса русскихъ городовъ въ былое время—Кіевъ былъ послѣ татаръ ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ Плано-Карпини, проѣзжавшій черезъ него въ 1246 году, насчиталъ не болѣе 200 домовъ. Во второй половинѣ XIII вѣка въ немъ не было князей, а въ 1300 году его покинулъ и митрополитъ Максимъ, удалившійся со всѣмъ своимъ „житьемъ“ на сѣверъ отъ татарскаго насилья. Тогда же,—прибавляетъ лѣтописецъ—и Кіевъ весь разбѣжался. Едва ли Кіевъ успѣлъ собраться вновь, какъ слѣдуетъ, въ то время, когда въ немъ утвердились Ольговичи путивльскіе съ соизволенія хана. Но съ горстью людей Кіевскій князь не могъ держаться въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля и долженъ былъ подчиниться могущественному сосѣду, тѣмъ болѣе, что этотъ сосѣдъ могъ до извѣстной степени оберегать его отъ татаръ.

Князь Ѳедоръ Святославичъ въ качествѣ подручника, вассала великаго князя Литовскаго, продержался до 1362 года. Въ этомъ году,—сообщаетъ такъ называемая Густынская лѣтопись,—великій князь Ольгердъ взялъ Кіевъ подъ княземъ Ѳедоромъ и посадилъ въ немъ своего сына Владиміра. Смѣщая князя Ѳедора, который былъ не только подручникомъ великаго князя, но и данникомъ татарскаго хана, Ольгердъ, по всѣмъ признакамъ, воспользовался неурядицами, происходившими въ то время въ Ордѣ. Надо сказать, что со смертію Бердибека (1359 г.) ханская власть нѣкоторое время не существовала фактически. Безпрестанно смѣнялись эфемерные ханы, временщики и авантюристы; по словамъ современнаго

арабскаго историка Ибнъ-Хальдуна „было нѣсколько эмировъ монгольскихъ, подѣлившихся управленіями въ округахъ Сарая; они были не согласны между собою и правили своими владѣніями порознь“. Позже, уже въ семидесятыхъ годахъ XIV столѣтія, изъ среды этихъ правителей выдвинулся крымскій эмиръ Мамай, захватилъ въ свои руки власть въ Ордѣ и достигъ значительнаго могущества. Но въ шестидесятыхъ годахъ не было въ Ордѣ хановъ или князей, которые могли бы дать дѣйствительное значеніе ханскому суверенитету въ южнорусскихъ областяхъ. Ольгердъ и воспользовался благопріятнымъ моментомъ для освобожденія Кіевщины отъ татарской зависимости и окончательнаго присоединенія ея къ великому княжеству Литовскому. Послѣднее ему удалось; но эмансипировать Кіевщину отъ татаръ Ольгердъ оказался не въ состояніи. Впослѣдствіи, когда возстановилась въ Ордѣ сильная ханская власть и прекратились усобицы, князь Владиміръ Ольгердовичъ долженъ былъ по прежнему обычаю выплачивать имъ дань. Вотъ почему и на монетахъ его встрѣчаемъ татарскую тамгу, которая служила обычнымъ выраженіемъ подданничества по отношенію къ татарскому хану.

Что Ольгердъ стремился пользоваться неурядицами въ Ордѣ для освобожденія южнорусскихъ земель отъ татарскаго ига и присоединенія ихъ къ Литвѣ, на это указываетъ и походъ его, предпринятый въ то же время на Подолье. Подолье принадлежало къ числу тѣхъ южнорусскихъ населенныхъ мѣстностей, которыми непосредственно владѣли татары. Такихъ мѣстностей можно указать нѣсколько, кромѣ Подолья. Таковы, напр., Тула и иныя „татарскія мѣста“ въ верхнеокскомъ бассейнѣ, селенія по рѣкамъ Хопру, Воронѣ и Черленому Яру и т. д. Въ разсматриваемое время Подольемъ владѣли какіе-то три брата: Хачибей, Кутлубугъ и Димитрій, „дѣдичи и отчичи“ Подольской земли, какъ ихъ называетъ литовско-русская лѣтопись. Отъ нихъ поставлены были атаманы, которые собирали дань съ населенія и отдавали ее пріѣзжавшимъ къ нимъ баскакамъ. Эти три брата, очевидно, принадлежали къ тѣмъ областнымъ эмирамъ, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Хальдунъ, и которые въ разсматриваемое время сдѣлались независимыми отъ хана Золотой орды. Ольгердъ поразилъ этихъ трехъ братьевъ на голову въ битвѣ на Синей Водѣ (при Днѣпробугскомъ лиманѣ). Послѣ того съ соизволенья Ольгерда на Подолье отправились его племянники, сыновья Коріата Гедиминовича, и заняли Подолье, войдя въ пріязнь съ мѣстными атаманами. Этотъ фактъ въ высшей степени характерный. Онъ указываетъ на то, что литовское владычество утверждалось въ южнорусскихъ областяхъ при сочувствіи населенія, которое искало у Литвы защиты и покровительства отъ татаръ. Весьма вѣроятно, что сочувствіе населенія играло не малую роль и въ присоединеніи Кіевской земли, которое совершилось легко, безъ всякой борьбы.—Впрочемъ, Подолье на первыхъ порахъ не удержалось за Литвою. Коріатовичи сочли болѣе выгоднымъ для себя примкнуть къ Польшѣ и стали въ зависимыя отношенія къ Польскому королю. Это дало возможность Польшѣ овладѣть Подольемъ и распоряжаться имъ, какъ леномъ короны. Въ 1411 году Подолье вы-

хлопоталъ себѣ въ ленъ великій князь Витовтъ. Когда онъ умеръ, поляки заняли было Подолье снова на корону, но утвердившійся вскорѣ на великомъ княженіи Свидригайло отнялъ у нихъ восточную часть Подолья. Эту часть Подолья онъ удержалъ за собою и послѣ потери великаго княженія. Когда избранъ былъ на великое княженіе Казимиръ, Свидригайло поддался ему съ своими владѣніями, и съ того времени восточное Подолье уже не отдѣлялось отъ Литвы до самой Люблинской уніи. Поляки долго и усиленно добивались отъ Литвы на общихъ сеймахъ возвращенія восточнаго Подолья, но литовцы упорно стояли за свое историческое право на эту землю и не отдавали ее полякамъ.

Неурядицы въ Ордѣ дали возможность Ольгерду распространить свою верховную власть и политическое вліяніе также и въ предѣлахъ Чернигово-Сѣверской земли. Эта земля въ разсматриваемую эпоху разбивалась на нѣсколько мелкихъ княжествъ, образовывавшихъ двѣ группы: собственно Чернигово-Сѣверскую въ бассейнѣ Десны и ея притоковъ, и грушу такъ называемыхъ „верховскихъ“ княжествъ по верхней Окѣ и ея притокамъ. Сначала присоединена была къ Литвѣ первая группа. Совершилось это послѣ внутреннихъ смутъ въ тогдашнемъ въ главномъ городѣ Чернигово-Сѣверской земли—Брянскѣ. По смерти князя Брянскаго Василія,—разсказываетъ лѣтопись,—въ Брянскѣ произошелъ мятежъ отъ лихихъ людей и великая „замятня“ и опустѣніе города; и потомъ началъ обладать Брянскомъ великій князь Литовскій. Когда это случилось, въ точности неизвѣстно; скорѣе всего—во время похода Ольгерда на Русь восточную въ 1368 году, ибо уже въ 1370 году великій князь Московскій посылалъ воевать городъ Брянскъ, очевидно, желая выбить изъ него Литву. Ольгердъ отдалъ Брянскъ вмѣстѣ съ Черниговомъ сыну своему Димитрію, который по источникамъ выступаетъ Брянскимъ княземъ уже съ 1372 года. Одновременно съ занятіемъ Брянска и Чернигова занято было и княжество Новгородъ-Сѣверское, которое Ольгердъ отдалъ сыну своему Димитрію-Корибуту.

Ольгердъ распространилъ свое вліяніе и на верховскія княжества. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что двое изъ здѣшнихъ князей Святославъ Титовичъ *Карачевскій* и Иванъ *Новосильскій* были женаты на дочеряхъ Ольгерда. Но твердою ногою Литва стала въ верхнеокскомъ краѣ только въ княженіе Витовта, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

При Ольгердѣ за Литвою утвердилась и большая часть *Волынской земли*. Историческія судьбы этой земли заслуживаютъ особаго вниманія съ нашей стороны. Дѣло въ томъ, что въ половинѣ XIII в. Волынская земля въ соединеніи съ Галицкою была соперницею Литвы по части собиранія во едино западной Руси. Тогда еще, можно сказать, стоялъ знакъ вопроса надъ тѣмъ, кому удастся превратиться въ западнорусское государство, молодому ли великому княжеству Литовскому или Галицко-Волынской землѣ. Сто лѣтъ съ небольшимъ спустя вопросъ этотъ рѣшился такъ, что въ западнорусское государство превратилось великое княжество Литовское, а Волынь и Галицкая земли подѣлены были между этимъ государствомъ и

Польшею. Въ высшей степени важно дать себѣ отчетъ, почему это такъ произошло, и почему собирателемъ западной Руси явилась иноплеменная, а не своя національная политическая сила.

Прежде всего надо предварительно уяснить причины и обстоятельства, возвысившія Галицко-Волынскую землю къ половинѣ XIII вѣка и сдѣлавшія ее соперницею Литвы. Уже со второй половины XII в. стало намѣчаться это будущее могущество Галицко-Волынской земли. Показателемъ этого является та политика на большую ногу, которую вели волынскіе князья Изяславъ Мстиславичъ, его сынъ Мстиславъ и внукъ Романъ, а затѣмъ и пришлый князь Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Эти князья вели борьбу съ самыми могущественными князьями Руси въ родѣ Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, и даже съ цѣлыми коалиціями князей, и сами были душею цѣлыхъ коалицій. Очевидно, что Волынская земля давала имъ не мало финансовыхъ и военныхъ рессурсовъ для такой борьбы. Могущество Галицкаго князя Ярослава Осмомысла краснорѣчиво засвидѣтельствовано пѣвцомъ Слова о Полку Игоревѣ. Отъ имени в. кн. Святослава онъ обращается къ нему съ такими словами: „Галичьскый Осмомысле Ярославе. Высоко сѣдиши на своемъ златокованьномъ столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремена черезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть: отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отъня злата стола салтаны за землями“ и т. д. Чѣмъ же объясняется все это могущество? Не чѣмъ инымъ, какъ увеличеніемъ населенія въ этихъ земляхъ. Къ половинѣ XII в. вслѣдствіе княжескихъ усобицъ и набѣговъ половцевъ въ Приднѣпровьѣ создались почти невозможныя условія для жизни мирнаго земледѣльческаго населенія, и оно стало эмигрировать отсюда либо на сѣверо-востокъ, въ землю Ростово-Суздальскую, либо на западъ, въ Галицко-Волынскую землю, подъ защиту горъ и лѣсовъ. Татарское нашествіе еще болѣе сбило населеніе въ Галицко-Волынскую землю. Хотя на первыхъ порахъ и сама Галицко-Волынская земля сильно пострадала отъ татарскаго погрома, но не въ такой степени, какъ Приднѣпровье. Когда прошла первая гроза, южнорусское населеніе, бѣжавшее отъ татаръ изъ Приднѣпровья, не воротилось на прежнее мѣсто, а осталось тамъ, куда бѣжало, т.-е. въ бассейнахъ верхней Десны и Оки, въ Галицкой и Волынской земляхъ. Находившіяся по близости лѣсистыя Карпатскія горы представляли надежное убѣжище для населенія, и потому не удивительно, что съ прибытіемъ татаръ оно потянуло именно въ этотъ край. Князь Даніилъ Романовичъ Галицкій съ своей стороны пошелъ на встрѣчу этому народному движенію и постарался использовать его въ своихъ интересахъ. Послѣ ухода татаръ онъ развилъ сильную колонизаторскую дѣятельность въ Галицко-Волынскомъ краѣ. По условіямъ времени эта дѣятельность должна была выразиться прежде всего въ постройкѣ городовъ. „Созда городы многы,—говоритъ лѣтопись,—и церкви постави и украси є разноличными красотами“. Въ свой любимый городъ Холмъ Даніилъ, по словамъ лѣтописи, созывалъ „прихожаѣ, Нѣмцы и Русь, иноя-

зычники и Ляхы; идяху день и во день, и уноты, и мастерѣ всяции бѣжаху ис татаръ, сѣдѣлници и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру; и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града, поля и села". Весьма вѣроятно, что такими же „прихожаями" заселялись и другіе города, созданные Даніиломъ, какъ напр., Даниловъ, Стожекъ и Львовъ. Увеличеніемъ населенія въ Галицко-Волынской землѣ объясняется, конечно, и та выдающаяся роль, которую игралъ Даніилъ Романовичъ съ братьею въ политическихъ событіяхъ своего времени. Его самочувствіе въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, шло такъ далеко, что онъ хотѣлъ даже остаться независимымъ отъ татаръ и послѣ подчиненія дѣлалъ попытки къ низверженію ихъ ига. Несомнѣнно, что не все въ данномъ случаѣ надо отнести на счетъ южнаго темперамента князя; многое тутъ вызывалось сознаніемъ дѣйствительной силы. Объ этой силѣ галицко-волынскихъ князей свидѣтельствуетъ и борьба ихъ съ Миндовгомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, борьба, которая едва было не привела къ утвержденію въ Литвѣ власти галицко-волынскихъ князей. Несомнѣнно, что кн. Даніилъ Романовичъ былъ въ свое время самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ на юго-западѣ Руси. Онъ болѣе другихъ располагалъ и военными, и финансовыми средствами. Этотъ фактъ можно объяснять не чѣмъ инымъ, какъ наполненіемъ его княжества людьми, населеніемъ.

И однако въ концѣ концовъ не Галицко-Волынская земля заняла первенствующее положеніе и явилась въ роли объединительницы западной Руси и Литвы, а именно Литва. Отчего же это произошло? Здѣсь дѣйствовало нѣсколько причинъ, и прежде всего географическая. Бѣлая Русь имѣла гораздо болѣе географической связи съ Литвою чѣмъ съ Малою Русью, какъ стала называться къ началу XIV в. Галицко-Волынская земля. Запустѣвшая Кіевщина и лѣсисто-болотистыя дебри Полѣсья лежали широкою раздѣльною полосою между Бѣлою и Малою Русью. Благодаря этому между ними не было почти никакого житейскаго общенія, которое создаетъ политическія связи. Бѣлая Русь имѣла болѣе житейскаго общенія съ Литвою и потому естественно должна была тяготѣть къ ней, а не къ Малой Руси. Географически изолированное положеніе Малой Руси было причиною ея постепеннаго ослабленія. Послѣ разоренія и опустѣнія Кіевщины она могла только на время усилиться и возвыситься. Сдѣлавшись окраинною русскою областью, Галицко-Волынская земля должна была сосредоточиться на оборонительной дѣятельности, а не наступательной, и, стоя одиноко, расходовать и истощать свои силы въ этой оборонительной дѣятельности. Тутъ ее постигъ страшный татарскій погромъ, отъ котораго она уже не могла оправиться долгое время. Въ 1283 году Галицко-Волынскую землю наводнили татарскія полчища, которыя шли подъ начальствомъ хана Телебуги въ Польшу и Венгрію. Главныя силы татаръ схлынули на западъ, но часть осталась на Волыни подъ Владиміромъ кормить коней. Эти татары, какъ разсказываетъ лѣтопись, „учинили пусту" всю землю Владимірскую; безчисленное множество народа, сбѣжавшагося во Владиміръ, перемерло отъ „остою"; а кто выѣзжалъ за городъ „въ зажитье", того татары либо уби-

вали, либо забирали въ плѣнъ. Такой же погромъ постигъ и Галицкую землю, когда Телебуга гостилъ въ ней двѣ недѣли на возвратномъ пути изъ Польши. Князь Левъ Даниловичъ по уходѣ татаръ насчиталъ около 12½ тысячъ человѣкъ побитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Отъ погрома, постигшаго Галицко-Волынскую землю, она долгое время не могла уже оправиться. Тѣмъ временемъ молодое Литовское государство, огражденное отъ татаръ разстояніемъ, лѣсами и болотами Полѣсья и Поднѣпровья, успѣло оправиться отъ внутреннихъ потрясеній, послѣдовавшихъ вслѣдъ за смертью Миндовга, и выросло уже въ такую политическую силу, съ которою не подъ силу было тягаться Галицко-Волынской землѣ. Къ тому же эта послѣдняя раздробилась политически между потомками Даніила Романовича и естественно ослабѣла вслѣдствіе этого раздѣленія. Во второй четверти XIV столѣтія въ Галицко-Волынской землѣ перевелись князья изъ рода Даніила Романовича, и она стала ареною домогательствъ сосѣднихъ государей и происходившихъ отсюда внутреннихъ политическихъ смутъ. Первоначально въ ней утвердился было Мазовецкій князь Болеславъ Тройденовичъ, внукъ по матери Галицкаго князя Юрія Львовича (Даниловича). Но онъ заявилъ себя такимъ фанатическимъ пропагандистомъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ тираномъ, что галичане рѣшили во что бы то ни стало отъ него отдѣлаться. Болеславъ погибъ въ 1340 г. отъ поднесенной ему отравы. Польскій король Казимиръ сейчасъ же вступился въ его наслѣдіе, но на первыхъ порахъ не имѣлъ успѣха. Налегкѣ онъ вторгся въ Галицкую землю, овладѣлъ Львовомъ и другими городами, но вскорѣ потерялъ все это. Одинъ изъ сильныхъ галицкихъ бояръ Детко и князь Острожскій Даніилъ, призвавъ татаръ, вытѣснили польскіе гарнизоны изъ Галицкой земли и заняли ее на литовскаго князя Любарта Гедиминовича, который, какъ зять одного изъ послѣднихъ волынскихъ князей, утвердился тѣмъ временемъ на Волыни. Литвѣ, впрочемъ, не удалось удержать за собою Галицкую землю. Въ 1349 году Казимиръ, воспользовавшись пораженіемъ литовскихъ князей на р. Стравѣ отъ крестоносцевъ, снова вторгся въ Галицкую землю и на этотъ разъ овладѣлъ ею уже окончательно. Онъ много разъ пытался отбить у Литвы и Волынскую землю и по временамъ имѣлъ въ этомъ частичный успѣхъ. Но въ концѣ концовъ по договору 1366 года онъ долженъ былъ уступить Волынь литовскимъ князьямъ: Бельзъ и Холмъ—Юрію Наримунтовичу, Владиміръ и Кременецъ—Александру Коріатовичу, Луцкъ Любарту Гедиминовичу, при чемъ Юрій Наримунтовичъ и Александръ Коріатовичъ признали себя вассалами Казимира. Любартъ Гедиминовичъ заключилъ съ Казимиромъ особый договоръ, въ силу котораго онъ обязался быть нейтральнымъ въ столкновеніяхъ короля съ братьями Любарта, но помогать ему противъ другихъ недруговъ. По смерти Казимира, въ 1370 г., Любартъ въ союзѣ съ братомъ Кейстутомъ отнялъ у Александра Коріатовича Владиміръ и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ, а по смерти Людовика Венгерскаго, преемника Казимирова на польскомъ престолѣ, въ 1382 году присоединилъ и Кременецъ, занятый передъ тѣмъ венграми. Такимъ образомъ, вся Волынь за исключеніемъ Холма и Бельза, утвердилась за Любартомъ, примкнувшимъ къ великому княжеству Литовскому.

Литература.

Кромѣ указанныхъ уже трудовъ Антоновича, Дашкевича, Леонтовича, Андріяшева и Иванова, ближайшими пособіями при изученіи исторіи подчиненія Литвѣ южнорусскихъ земель могутъ служить: *Иловайскій,* Исторія Россіи, т. II. Москва, 1884 г.; *М. С. Грушевскій,* Очеркъ исторіи Кіевской земли. Кіевъ, 1891 (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1891 года); его же Історія України-Руси, том. IV. Київ-Львів, 1907 г.; *Н. Молчановскій,* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра, выпускъ VIII. Кіевъ, 1886 г.); *Stadnicki,* Synowie Gedymina, tom. I. Lwów, 1881; Olgierd i Kiejstut, Lwów, 1870; Bracia Wł. Jagiełły, Lwów, 1867 *Wolff,* Ród Gedimina, Kraków, 1886; *И. П. Филевичъ,* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Волынское наслѣдіе. Спб., 1890 г. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1889, 1890); *Д. И. Багалѣй,* Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 (Кіевскія Университетск. Извѣстія 1882 г.); *Зотовъ,* О князьяхъ Черниговскихъ по Любецкому синодику и Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Спб., 1892 г.; *П. Голубовскій,* Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка (Сборникъ сочиненій студентовъ св. Владиміра, вып. II, Кіевъ, 1882 г.).

VI.

Распространеніе литовскаго владычества въ Смоленской землѣ и верхнеокскомъ краѣ. Причины успѣховъ Литвы.

Усобицы въ Смоленской землѣ въ первой половинѣ XIV в.—Натискъ Москвы.—Зависимость Смоленска отъ великаго князя Литовскаго при Гедиминѣ и Ольгердѣ.—Разрывъ съ Литвою въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.—Занятіе Литвою Ржевы, Бѣлой, Мстиславля и Торопца.—Возстановленіе зависимости Смоленска отъ Литвы.—Неудачная попытка Юрія Святославича освободиться отъ этой зависимости; в. кн. Смоленскій вассаломъ Ягайла.—Окончательное присоединеніе Смоленской земли къ великому княжеству Литовскому при Витовтѣ.—Утвержденіе литовскаго владычества въ верхнеокскомъ краѣ.—Общія наблюденія надъ ходомъ территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства; причины успѣховъ Литвы.

Уже при Гедиминѣ положено было начало подчиненія Литвѣ и *Смоленской земли.*

Земля Смоленская въ то время сильно страдала отъ княжескихъ усобицъ, сопровождавшихся татарскими нашествіями, и отъ натиска усилившейся Москвы. Особенно тяжела была для Смоленщины борьба великаго князя Ивана Александровича съ княземъ Димитріемъ Романовичемъ Брянскимъ. Въ 1333 году этотъ князь привелъ съ собою въ Смоленскую землю татарскіе полки, и хотя не имѣлъ удачи, но вреда надѣлалъ много: князья, по выраженію лѣтописи, бились много. Но еще болѣе зла дѣлала Смоленской землѣ Москва. Юрій Даниловичъ, пользуясь неладами смоленскихъ князей, отнялъ у нихъ Можайскъ. Москва стала покровительствовать удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ въ распряхъ ихъ съ великими, хлопотать за нихъ въ Ордѣ, принимать къ себѣ на службу. Факты въ этомъ родѣ относятся какъ разъ къ разсматриваемому времени. Все это заставило великаго князя Смоленскаго искать себѣ опоры и поддержки въ Литвѣ. Съ

Литвою связывала Смоленскъ и торговля его съ Ригою, шедшая воднымъ путемъ по Касплѣ и З. Двинѣ, черезъ подвластную великому князю Литовскому территорію. Неудивительно поэтому, если въ грамотѣ в. кн. Ивана Александровича, коею онъ скрѣплялъ торговый договоръ Смоленска съ Ригою, мы встрѣчаемъ наименованіе Гедимина его старшимъ братомъ и указаніе, что торговый договоръ Смоленска съ Ригою былъ заключенъ „по докончанью“ этого старшаго брата. Ясное дѣло, слѣдовательно, что при Гедининѣ установилась уже нѣкоторая зависимость Смоленска отъ великаго князя Литовскаго.

Положеніе, создавшееся при Гедининѣ, сохранялось первое время и при Ольгердѣ. Смоленскіе князья пребывали въ союзѣ и дружбѣ съ великимъ княземъ Ольгердомъ. Литовскіе полки ходили на помощь смольнянамъ, которые добывали Можайскъ; смоленскіе полки бились вмѣстѣ съ литовцами противъ нѣмцевъ на р. Стравѣ въ 1348 г. Но въ пятидесятыхъ годахъ столѣтія эти отношенія разстроились, и вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ рядъ нападеній Ольгерда на Смоленскую землю и захватъ ея волостей. Въ 1355 г. Ольгердъ занялъ г. Ржеву (нынѣшній Ржевъ на Волгѣ), лежавшій на самой границѣ владѣній смоленскихъ, московскихъ и тверскихъ. Но чтобы подойти къ *Ржевѣ*, Ольгердъ въ то же время или еще ранѣе занялъ смоленскія волости, лежавшія въ бассейнѣ рѣки Межи съ Обшею, между ними городъ *Бѣлую*. Смольняне въ 1357 и 1358 годахъ пытались было въ союзѣ съ москвитянами выбить литовскій гарнизонъ изъ Ржевы и отнять Бѣлую, но не только не успѣли въ этомъ, а наоборотъ—понесли даже новыя территоріальныя потери. Ольгердъ отвѣтилъ новыми нападеніями, на этотъ разъ уже на южныя части Смоленской земли, и завладѣлъ важнымъ смоленскимъ пригородомъ *Мстиславлемъ*. Ржева, сильно укрѣпленная литовцами, сдѣлалась опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ завоеваній ихъ на счетъ Смоленской земли. Въ 1362 году они заняли *Торопецъ* съ волостьми, который послѣ занятія Литвою бассейна Межи и Обши оказался уже отрѣзаннымъ отъ Смоленской земли. Литовцы стали прорываться уже внутрь Смоленской земли. Такъ, въ 1367 году кн. Андрей Ольгердовичъ Полоцкій занялъ два пригорода—Родню на юго-западѣ отъ Смоленска и Хорвачъ на юго-востокѣ.

Все это заставило тогдашняго великаго князя Смоленскаго Святослава Ивановича перемѣнить политику и возстановить прежнія отношенія къ Литвѣ. Поэтому въ 1368, 1370 и 1372 годахъ мы видимъ его съ смоленскимъ войскомъ въ ополченіи Ольгерда, нападавшаго на Москву; смоленскіе полки снова стали ходить съ Литвою на крестоносцевъ. Малѣйшія уклоненія отъ подчиненія Литвѣ навлекали на Смоленскъ жестокія репрессаліи Ольгерда. Такъ, въ 1375 году Ольгердъ сильно опустошилъ Смоленскую землю и вывелъ изъ нея много полона за то, что удѣльные смоленскіе князья Иванъ и Александръ Васильевичи приняли участіе въ походѣ Москвы противъ Ольгердова союзника, Тверского князя Михаила Александровича.

Смольняне попытались было освободиться отъ подчиненія Литвѣ во

время усобицы, наступившей тамъ по смерти Ольгерда. Великій князь Смоленскій Святославъ Ивановичъ присоединился къ князю Андрею Ольгердовичу Полоцкому, поднявшему возстаніе противъ великаго князя Ягайла. Но въ битвѣ подъ Мстиславлемъ въ 1386 году онъ потерпѣлъ пораженіе и погибъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ. Новый великій князь Юрій Святославичъ долженъ былъ признать себя уже настоящимъ вассаломъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго Ягайла. 20 мая того же года онъ выдалъ ему письменное обязательство, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ, никогда не отступать отъ него и помогать ему во всѣхъ войнахъ его, не имѣть никакихъ сношеній съ кн. Андреемъ и Полочанами и во всемъ быть вѣрнымъ польско-литовскому господарю. Но вассалитетъ Смоленскаго князя, какъ естественно ожидать, былъ только прелюдіею къ окончательному включенію Смоленской земли въ территорію великаго княжества Литовскаго. Это включеніе произошло уже благодаря стараніямъ великаго князя Витовта.

Витовтъ началъ съ того, что перемѣстилъ великаго князя Смоленскаго Юрія Святославича, зятя Олега Рязанскаго, со старшаго смоленскаго стола на удѣлъ въ Рославль, а на его мѣсто посадилъ брата его Глѣба. Вскорѣ онъ нашелъ неудобнымъ для Литвы оставлять Смоленскую землю подъ управленіемъ ея природныхъ князей. Въ 1395 году онъ неожиданно явился съ войскомъ подъ стѣнами Смоленска, распустивъ предварительно слухъ, что идетъ на татаръ. Въ Смоленскѣ въ то время происходилъ княжескій съѣздъ, на которомъ князья рѣшали свои распри. Витовтъ вызвалъ ихъ къ себѣ въ лагерь, обѣщая быть ихъ посредникомъ, а затѣмъ всѣхъ ихъ арестовалъ вмѣстѣ съ боярами и отправилъ въ Литву, кромѣ князя Юрія, который успѣлъ убѣжать въ Рязань. Въ Смоленскѣ вмѣсто князей стали править литовскіе намѣстники. Но въ 1401 г. кн. Юрій Святославичъ снова занялъ смоленское княженье, при помощи тестя своего Олега и при поддержкѣ смольнянъ, при чемъ былъ убитъ литовскій намѣстникъ и перебиты бояре, сторонники литовскаго господства. Тогда Витовтъ повелъ дѣло иначе. Смоленская земля охвачена была съ сѣвера, запада и юга литовскими владѣніями и только на востокѣ свободно и безпрепятственно сообщалась съ восточною Русью. Витовтъ поручилъ въ 1404 г. своему подручному князю Мстиславскому Лингвенью Ольгердовичу занять Вяземское княжество, восточный удѣлъ Смоленской земли, и охватить такимъ образомъ Смоленскую землю и съ востока. Лингвеній успѣшно выполнилъ порученіе великаго князя, взялъ Вязьму и привелъ ея князей въ плѣну къ Витовту. Тогда же „приложились“ къ Витовту и удѣльные смоленскіе князья Ѳоминско-Березуйскіе, владѣнія которыхъ лежали на сѣверѣ земли. Въ слѣдующемъ, 1405 году, Витовтъ уже самъ явился съ большимъ войскомъ и артиллеріею подъ стѣнами Смоленска. Князь Юрій отправился за помощью въ Москву и затѣмъ къ нѣмцамъ. Въ его отсутствіе Витовтъ взялъ городъ, не безъ содѣйствія самихъ смольнянъ. Желая упрочить за великимъ княжествомъ Смоленскъ, Витовтъ вновь посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ и на этотъ разъ далъ имъ приказъ чинить людямъ смоленскимъ вся-

кую льготу, „отводя ихъ отъ князя Юрія“. Такая политика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и Смоленскъ утвердился за Литвою.

Одновременно съ Смоленскою землею утверждалось литовское владычество и въ верхнеокскомъ краѣ. Уже въ 1396 году мы видимъ Витовта въ обладаніи *Любутскомъ* на Окѣ (на границѣ нынѣшнихъ Калужской и Тульской губерній). Онъ овладѣлъ этимъ пунктомъ, очевидно, послѣ того, какъ занялъ Смоленскъ и получилъ въ обладаніе бассейнъ Угры рѣки. Во время борьбы съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, въ 1407—08 годахъ, Витовтъ пріобрѣлъ *Мценскъ* на р. Зушѣ, и вскорѣ послѣ того мы встрѣчаемъ въ Мценскѣ и Любутскѣ его воеводу. Судя по тому, что верхнеокскій край былъ ареною борьбы тестя съ зятемъ, надо думать, что онъ былъ и ея объектомъ. Пріобрѣтеніемъ Любутска и Мценска Витовтъ охватилъ существовавшія въ верхнеокскомъ краѣ самостоятельныя русскія княжества съ востока, послѣ чего ихъ князья стали быстро переходить къ нему на службу. Въ концѣ великокняженія Витовта его подручниками являются по источникамъ князья Новосильвскіе, Перемышльскій, Воротынскій, Одоевскій и др.

Такъ, великое княжество Литовское выросло въ обширное Литовско-Русское государство. Это государство охватывало бассейны верхней и средней Западной Двины, Нѣмана, Ю. Буга, Днѣпра и верхней Оки, т.-е. нынѣшнюю Литву, Бѣлоруссію, большую часть Малороссіи и небольшую часть Великороссіи (восточную часть Смоленской губ., Калужскую, Тульскую и Орловскую).

Мы разсмотрѣли данныя, относящіяся до территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства. Данныя эти въ общемъ скудны: извѣстія источниковъ о территоріальныхъ присоединеніяхъ Литвы сухи и отрывочны. Но при всемъ томъ они даютъ возможность сдѣлать нѣкоторыя общія наблюденія надъ тѣмъ, какъ строилось Литовско-Русское государство, какія причины обусловили его территоріальный ростъ на счетъ западнорусскихъ земель.

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ прежде всего, что Литовско-Русское государство создавалось частью завоеваніемъ Литвою различныхъ русскихъ земель и волостей, частью путемъ добровольнаго присоединенія ихъ къ основному государственному ядру—великому княжеству Литовскому въ древнемъ и тѣсномъ смыслѣ слова. Но общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ данныхъ таково, что сила оружія въ данномъ случаѣ имѣла второстепенное значеніе, ибо, не говоря уже о добровольномъ подчиненіи Литвѣ земель и владѣній, самая завоевательная политика Литвы не находила въ западной Руси энергическаго отпора, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно опредѣлить, что рѣшило присоединеніе, сила ли литовскаго оружія или добровольное подчиненіе. Обращаясь къ вопросу о причинахъ, обусловившихъ успѣхи Литвы въ дѣлѣ собиранія западной Руси, мы должны прежде всего отмѣтить національно-политическое объединеніе Литвы, вызванное ея напряженною борьбою съ сосѣдями въ XII и XIII вв., сосредоточеніе ея силъ, и наряду съ этимъ политическое раздробленіе западной Руси, раз-

бившейся на отдѣльныя земли и мелкія владѣнія, утратившей политическій центръ, вокругъ котораго могли бы группироваться ея силы. Въ такой раздробленной и разслабленной Руси, разоренной къ тому же татарами, Литвѣ сравнительно легко было производить свои захваты и завоеванія. Мало того: западно-русскія земли сами должны были идти въ объятія Литвы. Онѣ, какъ сказано, утратили политическій центръ, вокругъ котораго могли бы группироваться. Между тѣмъ въ XIII и XIV в. множество обстоятельствъ требовали отъ нихъ политическаго единенія, общей жизни, совмѣстной дѣятельности. Со всѣхъ сторонъ стали напирать на западно-русскія земли враги. Съ юга шло порабощеніе и разореніе отъ татаръ; съ сѣверо-запада напирали нѣмецкіе рыцари, порабощавшіе и насильно крестившіе въ латинскую вѣру; въ XIV в. стало напирать на Русь и молодое Польское королевство, только что возставшее изъ развалинъ удѣльной эпохи; а съ востока пошли обиды и разоренія отъ усиливающагося Московскаго княжества. При такихъ обстоятельствахъ новообразовавшемуся великому княжеству Литовскому легко и естественно было стать политическимъ тѣломъ, къ которому стали тяготѣть западно-русскія земли, тѣмъ болѣе, что съ самаго зарожденія своего оно было не просто Литовскимъ, а Литовско-Русскимъ государствомъ. Это молодое государство, утѣсняемое постоянно нѣмцами Прусскаго и Ливонскаго ордена, чуть не ежегодно совершавшими вторженія („рейзы“) въ предѣлы Литвы вмѣстѣ съ своими „гостями“, т.-е. рыцарями, являвшимися съ запада для спасительныхъ подвиговъ въ средѣ язычниковъ и схизматиковъ, само должно было въ сильнѣйшей степени испытывать потребность въ поддержкѣ западно-русскихъ земель, въ расширеніи своихъ владѣній на ихъ счетъ. Общее давленіе со всѣхъ сторонъ естественно должно было, въ концѣ концовъ, спаять Литву и западную Русь, соединить ихъ въ одинъ политическій союзъ подъ верховною властью великаго князя Литовскаго. Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы въ извѣстномъ смыслѣ было только повтореніемъ того, что происходило на той же западно-русской территоріи въ IX и началѣ X в. Какъ тогда, такъ и теперь, внѣшнее давленіе заставило нѣсколько земель, дотолѣ разъединенныхъ, примкнуть къ сильнѣйшей, соединиться съ нею въ одинъ союзъ. Ихъ соединенными силами легко были покорены и подчинены общей верховной власти и другія земли, тѣмъ болѣе, что это не противорѣчило и ихъ собственнымъ выгодамъ. Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы было въ сущности возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства кіевской эпохи, нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія. Разница была лишь въ томъ, что это средоточіе теперь, въ силу историческихъ обстоятельствъ, помѣстилось на р. Виліи, а не на Днѣпрѣ, какъ это было въ концѣ IX в. Такимъ средоточіемъ сталъ *г. Вильна*, стольный городъ княженія, заключавшаго въ себѣ восточную Литву и прилегающую къ ней непосредственно Русь. По условіямъ своего географическаго положенія это княжество наименѣе страдало отъ нападеній извнѣ, имѣло возможность густо заселиться и стать сильнѣйшимъ въ ряду другихъ литовскихъ княжествъ. Стольный городъ этого княжества и сталъ со вре-

мени Гедимина резиденціею великаго князя Литовскаго, который и сталъ называться великимъ княземъ Литовскимъ, Жмудскимъ и Русскимъ.

Литература.

П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ, 1895 г. (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1895 г.); вышеупомянутые труды по исторіи Черниговo-Сѣверской земли Голубовскаго, Багалѣя и Зотова; *М. Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. Москва, 1892 г.; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки по исторіи литовско-русскаго права, вып. I.

VII.

Внутренній строй Литовско-Русскаго государства въ XIV вѣкѣ.

Общій характеръ политическаго объединенія Литвы и западной Руси; симбіозъ политическихъ организацій.—Князья Рюриковичи на своихъ удѣлахъ; ихъ отношенія къ великому князю.—Областные князья Гедиминовичи.—Отсутствіе удѣльныхъ отношеній въ ихъ средѣ.—Обязанности ихъ по отношенію къ великому князю.—Вліяніе Руси на политическій и общественный бытъ.

Въ своемъ территоріальномъ образованіи Литовско-Русское государство на сто слишкомъ лѣтъ опередило другое русское государство—Московское. Но это скороспѣлое объединеніе не выходило столь тѣснымъ, какъ объединеніе сѣверо-восточной Руси вокругъ Москвы. Присоединявшіяся къ Литвѣ западнорусскія земли и владѣнія въ большинствѣ случаевъ сохраняли свою особность и самобытность, свой внутренній строй, не сливались воедино съ основнымъ государственнымъ ядромъ.

Существовавшіе въ западно-русскихъ земляхъ князья Рюриковичи по большей части оставались на своихъ мѣстахъ и продолжали вмѣстѣ съ своими боярами править мѣстными обществами на положеніи вассаловъ великаго князя Литовскаго, обязанныхъ ему военною службою, а также и платежомъ дани. Таковы были, напр., князья Лукомскіе, Друцкіе, Вяземскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и др. Крупныя западно-русскія земли и княжества получили изъ руки великаго князя Литовскаго его родичей въ качествѣ мѣстныхъ князей, которые должны были быть у него въ покорѣ и послушаніи. Но за исключеніемъ этого—никакихъ другихъ перемѣнъ не происходило въ положеніи этихъ земель и княжествъ. Литва не трогала ихъ старины, ихъ внутренняго уклада и обычая, и литовскіе князья продолжали править ими такъ же, какъ и ихъ русскіе предшественники, и съ тѣми же русскими боярами. Такимъ образомъ, напр., князь Новгородка Сѣверскаго Димитрій-Корибутъ Ольгердовичъ въ 1388 году приносилъ присягу королю и коронѣ Польской вмѣстѣ съ своими боярами и земянами, съ своею „доброю радою“. Эта рада почти вся состояла изъ русскихъ лю-

дей, каковы были: кн. Давидъ Димитріевичъ, кн. Русанъ Плаксичъ, Василій Данильевичъ и т. д.

Прямыя и опредѣленныя извѣстія о сохраненіи политической старины въ западно-русскихъ областяхъ идутъ съ начала XV вѣка, со временъ Витовта. Но Витовтъ имѣлъ дѣло, очевидно, съ установившеюся уже традиціею. На сохраненіе политической старины западно-русскихъ земель и княжествъ указываетъ и территоріальная ихъ неприкосновенность. Въ какихъ мѣстностяхъ обыкновенно создавались новыя княженія въ теченіе XIV в.? Во первыхъ, въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Здѣсь ко времени объединенія не образовалось крупныхъ территоріальныхъ подраздѣленій. Вся Литва, какъ мы видѣли, состояла изъ мелкихъ волостей. Поэтому здѣсь легко было создавать разнообразныя территоріальныя комбинаціи при образованіи новыхъ княженій, безъ всякой ломки и разрушенія стараго. Во вторыхъ, новыя княженія создавались въ тѣхъ русскихъ земляхъ, которыя раньше распались на множество мелкихъ владѣній, вообще разбились и раздробились политически, такъ что и здѣсь можно было создавать новыя княженія путемъ простого сочетанія существующихъ, безъ особой ломки и разрушенія сложившихся отношеній. Таковы были земля Чернигово-Сѣверская, Полѣсье и отчасти земля Волынская. Наконецъ, новыя княжества возникали на территоріяхъ, оторванныхъ отъ русскихъ земель силою оружія прежде подчиненія самихъ земель. Таковы были, напр., княжества Мстиславское и Бѣльское основанныя на территоріяхъ, оторванныхъ отъ Смоленской земли. Но крупныя и болѣе или менѣе цѣльныя политическія территоріи, поступившія подъ власть Литвы, обыкновенно не дѣлились и въ цѣломъ составѣ переходили изъ рукъ одного князя въ руки другого. Очевидно, что не смотря на присоединеніе ихъ къ великому княжеству Литовскому, въ нихъ такъ еще было много мѣстной политической жизни и силы, что литовскіе князья не считали возможнымъ посягать на ихъ цѣлостность и единство, бережно относились къ ихъ политической старинѣ. Таковы были русскія земли: Полоцкая, Витебская и Кіевская. Въ Полоцкой землѣ со времени ея окончательнаго утвержденія за Литвою всегда сидѣлъ одинъ литовскій князь: сначала Воинъ, братъ Гедимина, потомъ Андрей Ольгердовичъ, наконецъ Скиргайло Ольгердовичъ. Въ Витебской землѣ княжили преемственно Ольгердъ, его сынъ Ягайло, затѣмъ вдова Ульяна, наконецъ Свидригайло Ольгердовичъ; въ Кіевской землѣ— Владиміръ Ольгердовичъ, позже въ XV в. Олелько Владиміровичъ и Семенъ Олельковичъ. Смоленская земля присоединилась къ великому княжеству Литовскому подъ управленіемъ своего великаго князя, признавшаго себя вассаломъ литовско-русскаго государя. Всѣ эти факты въ общей сложности убѣждаютъ, что Литовско-Русское государство въ XIV в. представляло въ сущности конгломератъ земель и владѣній, объединенныхъ только подчиненіемъ верховной власти великаго князя, но стоявшихъ особнякомъ другъ отъ друга и не сплотившихся въ единое и компактное политическое цѣлое. Сильнѣйшій политическій организмъ не поглотилъ здѣсь слабѣйшихъ, какъ это было позже на сѣверо-востокѣ Руси, и не претворилъ ихъ

въ своемъ существѣ. Литовско-Русское государство въ XIV в. представляло не единый политическій организмъ, а своего рода *симбіозъ* нѣсколькихъ политическихъ организацій, и такой характеръ оно удержало отчасти и въ послѣдующее время.

Великокняжеская власть была главнымъ скрѣпленіемъ литовско-русскаго государственнаго союза. Въ этомъ можно наглядно убѣдиться, разсмотрѣвъ отношенія между великимъ княземъ и мѣстными, областными князьями.

Эти отношенія въ литературѣ сплошь и рядомъ опредѣляются, какъ отношенія удѣльныхъ князей къ старшему, великому князю. Высказывается положеніе, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ XIV вѣка господствовала та же самая удѣльная система, что и на Руси сѣверо-восточной. Но это утвержденіе грѣшитъ черезчуръ большою общностью. Будучи справедливымъ до извѣстной степени въ отношеніи къ уцѣлѣвшимъ князьямъ Рюриковичамъ, владѣтелямъ мелкихъ княжествъ, оно является неправильнымъ въ отношеніи къ князьямъ Гедиминовичамъ, правителямъ крупныхъ областей. Между этими послѣдними и великимъ княземъ въ XIV в. господствовали совершенно иныя отношенія, чѣмъ между Рюриковичами сѣверо-восточной Руси.

Начать съ того, что между ними не происходило окончательнаго дѣлежа владѣній. Правда, Гедиминъ роздалъ своимъ сыновьямъ еще при жизни различныя области государства. Но эта раздача не имѣла характера выдѣла имъ удѣловъ: скорѣе это была раздача намѣстничествъ. Поэтому, когда умиралъ тотъ или другой князь изъ сыновей Гедимина, его княжество не шло въ раздѣлъ между его сыновьями, а иногда и совсѣмъ не попадало въ ихъ руки. Чаще всего въ такихъ случаяхъ на отцовскомъ столѣ садился одинъ изъ внуковъ Гедимина, а другимъ Ольгердъ назначалъ княженія въ другихъ областяхъ; нѣкоторые даже уходили кормиться на сторону. Такимъ образомъ, напр., когда умеръ въ Пинскѣ Наримунтъ Гедиминовичъ, то на его мѣстѣ остался княжить одинъ изъ его сыновей—Михаилъ, а другіе ушли на сторону: Юрій держалъ одно время Кременецъ отъ князей литовскихъ и короля Польскаго Казимира, а затѣмъ былъ княземъ въ Бельзѣ и Холмѣ на Волыни; Патрикѣй былъ княземъ въ Стародубѣ Сѣверскомъ, который онъ получилъ отъ Ольгерда и въ свою очередь передалъ одному только изъ трехъ сыновей—Александру (двое другихъ уѣхали служить въ Москву). Изъ сыновей Коріата Гедиминовича, получившаго отъ отца Новгородокъ Литовскій, одинъ только Ѳедоръ остался на отцовскомъ княженіи, а остальные уходили на сторону, княжили на Подольѣ, а одинъ изъ нихъ Юрій даже въ Молдавіи. Ольгердъ, раздавая княженія своимъ сыновьямъ, также не придавалъ имъ значенія удѣловъ. Поэтому и послѣ его смерти преемникъ его Ягайло вновь подтверждалъ своимъ братьямъ княженія, полученныя ими отъ отца. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ это объ одномъ изъ нихъ—Андреѣ Полоцкомъ изъ его же собственнаго признанія. Но у нѣкоторыхъ князей по смерти Ольгерда были отобраны владѣнія, перешедшія къ нимъ отъ отцовъ. Такимъ образомъ,

напр., отобранъ былъ у кн. Ѳедора Любартовича, княжившаго послѣ отца на Волыни, сначала Луцкъ, а потомъ Владиміръ, въ замѣнъ котораго ему данъ былъ Новгородъ Сѣверскій. Очевидно, слѣдовательно, что областныя княженія не составляли еще удѣловъ, и князья владѣли ими „до воли“ великаго князя. И позже, въ XV и XVI в. нужна была особенная грамота великаго князя, гарантирующая потомственное владѣніе княжествомъ, чтобы создался удѣлъ. Въ противномъ случаѣ княжество считалось владѣніемъ до воли великаго князя и отбиралось имъ при первой надобности. Такимъ образомъ, напр., король Казимиръ отобралъ у князя Ивана Андреевича Можайскаго Брянскъ, пожалованный ему въ 1450 г., и далъ ему въ замѣнъ Стародубъ и Гомель. Итакъ, владѣнія Гедиминовичей въ XIV в. не были еще ихъ удѣлами. Гедиминовичи княжили въ зависимости отъ великаго князя, который давалъ имъ княженія, отбиралъ ихъ, замѣнялъ другими, руководствуясь не чѣмъ инымъ, какъ соображеніями своей и государственной пользы, а не извѣстными правами самихъ князей. Значеніе удѣловъ владѣнія Гедиминовичей получили позже, въ XV в., когда закончился процессъ государственнаго сложенія, упразднены были крупныя областныя княженія, и остались сравнительно мелкія владѣнія Гедиминовичей и Рюриковичей. Эти владѣнія и приравнены были въ отношеніи принципа отчинности ко всѣмъ другимъ земельнымъ имѣніямъ. Впервые такое приравніе нашло себѣ общее законодательное выраженіе въ земскомъ привилеѣ Сигизмунда Кейстутьевича 1434 г., гарантировавшемъ ненарушимое владѣніе отчинами не только для бояръ, но и для князей. Но возстановлявшіяся въ XV в. крупныя областныя княженія—Волынское, Кіевское по старинѣ носили характеръ только временныхъ, пожизненныхъ владѣній Свидригайла, Олелька и его сына Семена.

Вообще областные князья Гедиминова рода находились въ большой зависимости отъ великаго. Уже не говоря о томъ, что они обязаны были являться на помощь великому князю съ ополченіями своихъ земель, они обязаны были вмѣстѣ съ тѣмъ платить великому князю извѣстную дань въ знакъ подданства—*подданщину*. Хронистъ нѣмецкаго ордена объясняетъ причину похода великаго князя Кейстута на племянниковъ—Ягайла, кн. Витебскаго, и Корибута, кн. Новгородъ-Сѣверскаго, тѣмъ, что они не заплатили великому князю своей дани (die em seyne zins hatten uff gehalten). Платежъ в. князю „подданщины“ былъ болѣе или менѣе общимъ правиломъ, которому подчинялись какъ князья Гедиминовичи, такъ и русскіе князья Рюрикова рода, уцѣлѣвшіе на своихъ родовыхъ княженьяхъ. Акты и хроника Стрыйковскаго констатируютъ платежъ „подданщины“ подольскими князьями—Константиномъ Коріатовичемъ и затѣмъ Свидригайломъ. Договорныя грамоты короля Казимира съ княземъ Новосильскимъ и Одоевскимъ Ѳедоромъ Львовичемъ показываютъ, что и черниговско-сѣверскіе князья платили въ казну великаго князя литовскаго „полѣтнее“ (solitum annuum censum, какъ выражается латинская грамота). Есть данныя на то, что и смоленскіе удѣльные князья вносили въ великокняжескую казну ежегодно опредѣленную сумму денегъ подъ именемъ *посощины*. Весьма

возможно, впрочемъ, что нѣкоторые областные князья, пользовавшіеся особымъ значеніемъ и милостью у великаго князя, въ родѣ, напр., Кейстута и Скиргайла, не платили этой дани. Но если это было, то было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ.

И во внутреннемъ управленіи своими княжествами областные князья были до извѣстной степени ограничены. Въ исторической литературѣ было справедливо отмѣчено, что при Ольгердѣ ни одинъ изъ Гедиминовичей, за исключеніемъ Кейстута, не пользовался правомъ надѣлять своихъ сыновей или приближенныхъ людей владѣніями въ предѣлахъ своихъ княжествъ. Великій князь издавалъ иногда извѣстныя распоряженія, обязательныя для всѣхъ областныхъ княженій. Такимъ образомъ, напр., 22 февраля 1387 г. Ягайло издалъ приказъ для всѣхъ литовскихъ и русскихъ земель своего государства, чтобы родовитые литвины обоего пола принимали католическую вѣру и вступали въ браки и оставались въ бракахъ съ русскими не иначе, какъ по принятіи тою и другою стороною католической вѣры. Это распоряженіе издано было Ягайломъ съ совѣта и соизволенія братьевъ Скиргайла, Владиміра и Корибута. Между тѣмъ сила его распространялась несомнѣнно и на области другихъ князей. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что позже обыватели Витебской земли должны были добиваться отъ великаго князя особой гарантіи въ томъ, что онъ не будетъ „нудить“ въ латинскую вѣру Литву и Ляховъ, живущихъ въ Витебскѣ и крещенныхъ въ русскую вѣру. Великій князь разсматривалъ областныхъ князей не какъ владѣтельныхъ особъ, а скорѣе какъ помощниковъ и сотрудниковъ по управленію великимъ княжествомъ, и потому собиралъ ихъ къ себѣ на *думу*, когда приходилось рѣшать важные вопросы внѣшней политики и внутренняго управленія. Всѣ важнѣйшіе государственные акты XIV и начала XV вѣка совершены великими князьями при участіи областныхъ.

Такимъ образомъ, не смотря на существованіе особыхъ княженій по областямъ, не смотря на сохраненіе особности и самобытности этихъ областей, Литва и Западная Русь, составляли единый государственный союзъ, скрѣпленіемъ котораго была власть великаго князя Литовскаго.

Русская стихія окончательно возобладала въ этомъ государственномъ союзѣ въ теченіе XIV вѣка. Русскіе порядки, русскія учрежденія, русскій языкъ и вѣра не только не колебались въ собственныхъ русскихъ областяхъ, но распространялись и въ собственной Литвѣ. Князья Гедиминовичи по русскому образцу уряжали княжества въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Такимъ образомъ, въ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ появились *городничіе*, *тивуны*, *конюшіе*, *ключники* въ стольныхъ городахъ, *намѣстники и тивуны* въ пригородахъ и волостяхъ. Нѣмецкія лѣтописи, очевидно, со словъ самихъ литовцевъ стали называть литовскихъ землевладѣльцевъ, княжескихъ дружинниковъ, *боярами*, а простой народъ *смердами*. Нѣкорые изъ Гедиминовичей, напр. Наримунтъ и его сыновья, Ольгердъ и др. крестились въ русскую вѣру; нѣкоторые обрусѣвали на столько, что умѣли говорить только по русски, какъ напр. Ягайло. Короче—великое княжество Литовское въ XIV вѣкѣ стало еще болѣе, чѣмъ

въ XIII в., государствомъ русскимъ, въ которомъ политически господствующая народность подпала подъ духовное и культурное преобладаніе народности подчиненной.

Литература.

Н. Дашкевичъ, Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1885 г.; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Очерки по исторіи литовско-русскаго права, вып. 1; Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908, № 5); *М. Любавскій,* О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в. (Изданія Московскаго Историческаго Общества, том. 1, 1896 г.); вышеупоминавшіеся труды К. Стадницкаго и Вольфа.

VIII.

Внутренніе политическіе кризисы въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV вѣкѣ и инкорпорація его въ корону Польскую.

Низведеніе Явнута съ великокняжескаго престола.—Договоръ Ольгерда и Кейстута и ихъ совмѣстная дѣятельность.—Усобица между Ягайломъ и Кейстутомъ.—Скиргайло, какъ ближайшій помощникъ Ягайла.—Военно-политическій характеръ княжеской власти на Литвѣ.—Борьба Ягайла съ Витовтомъ и другими братьями.—Договоръ 1385 года объ инкорпораціи великаго княжества Литовскаго въ корону Польскую.—Присяга литовско-русскихъ князей на вѣрность коронѣ Польской.—Привилей литовскому боярству 1387 года.

Великокняжеская власть, служившая главнымъ скрѣпленіемъ литовско-русскаго государственнаго союза, въ XIV вѣкѣ не разъ подвергалась кризисамъ, которыя грозили молодому государству распаденіемъ. Литовско-Русское государство нѣсколько разъ собственными силами и средствами преодолѣвало свои внутренніе кризисы. Но въ концѣ XIV вѣка великокняжеская власть оказалась уже въ столь затруднительномъ положеніи, что для спасенія государственной цѣлости и единства должна была рѣшиться на инкорпорацію великаго княжества въ королевство Польское.

Великокняжеская власть очутилась въ критическомъ положеніи уже по смерти Гедимина (въ 1341 году). Гедиминъ посадилъ на великомъ княжествѣ въ Вильнѣ одного изъ среднихъ своихъ сыновей—Явнута, котораго онъ болѣе всѣхъ любилъ. Но Явнутъ по своимъ личнымъ качествамъ оказался не на высотѣ положенія: его перестали слушаться остальные братья и родственники, вслѣдствіе чего молодому Литовскому государству стала угрожать серьезная опасность со стороны нѣмцевъ. Потребность во чтобы то ни стало соединиться для борьбы съ внѣшними врагами заставила нѣкоторыхъ братьевъ Явнута войти въ особое соглашеніе для спасенія великокняжеской власти и распадавшагося государственнаго единства. По разсказу древнѣйшей литовско-русской лѣтописи, Явнутъ, „въ большинствѣ будя“, не полюбился особенно Ольгерду и Кейстуту. Они сговори-

лись свести его съ великаго княженія и особымъ договоромъ опредѣлили свои будущія отношенія. Великимъ княземъ признанъ былъ Ольгердъ, а Кейстутъ не только самъ обязался повиноваться ему, но и другихъ братьевъ приводить въ послушаніе. Съ своей стороны Ольгердъ обязался дѣлить съ Кейстутомъ пополамъ все, что они придобудутъ, городъ ли или волость, и быть съ нимъ до живота въ великой любви и милости. Итакъ, авторитетная великокняжеская власть возстановлена была въ Литвѣ вслѣдствіе тѣснаго союза двухъ литовскихъ князей. Союзъ этотъ продолжался до самой смерти Ольгерда, причемъ власть Ольгерда признавалась и всѣми другими князьями. Чтобы понять, почему этотъ союзъ Ольгерда и Кейстута оказался столь могущественнымъ, необходимо принять во вниманіе тѣ силы, коими располагали оба брата. Ольгердъ владѣлъ по женѣ княжествомъ *Витебскимъ;* отъ отца онъ получилъ княжество *Кревское* въ восточной части собственной Литовской земли; послѣ низверженія Явнута въ рукахъ его оказалось и княжество *Виленское.* Его союзникъ Кейстутъ былъ едва ли не самымъ сильнымъ изъ всѣхъ литовскихъ князей. Его отецъ, цѣня его военныя дарованія, обнаружившіяся въ борьбѣ съ крестоносцами, поручилъ ему въ управленіе всю западную окраину своего государства, т.-е. землю *Жмудскую, Троцкую* половину Литвы, западную половину Черной Руси *(Городенскую область)* и *Подляшье.* Такимъ образомъ, союзъ Ольгерда и Кейстута представлялъ такое соединеніе силъ, предъ которымъ должны были склониться остальные князья. При томъ же обостренная борьба, которую вело въ это время Литовско-Русское государство съ внѣшними врагами, главнымъ образомъ съ нѣмцами, вовсе не располагала отдѣльныя его части къ сепаратизму, а наоборотъ—заставляла ихъ тяготѣть къ государственному средоточію, стремиться къ единенію вокругъ одного вождя, въ каковой роли естественно и долженъ былъ выступить самый сильный, энергическій и предпріимчивый изъ всѣхъ князей. До самой смерти (въ 1377 г.) Ольгердъ занималъ властное положеніе въ государствѣ, и никто изъ областныхъ князей не пытался отказывать ему въ послушаніи. По смерти Ольгерда положеніе его занялъ Ягайло вслѣдствіе поддержки того же Кейстута: По договору, заключенному между Ольгердомъ и Кейстутомъ, на ихъ мѣстахъ послѣ ихъ смерти должны были сѣсть ихъ любимые сыновья: на мѣстѣ Ольгерда Ягайло, а на мѣстѣ Кейстута—Витовтъ. Такъ какъ изъ договорившихся братьевъ умеръ раньше Ольгердъ, то великимъ княземъ сталъ Ягайло, не смотря на то, что Кейстутъ былъ старше его и пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Для поддержанія престижа племянника Кейстутъ подавалъ другимъ князьямъ примѣръ послушанія, подчинялся Ягайлу, какъ великому князю, пріѣзжалъ къ нему „ко старымъ думамъ“, какъ пріѣзжалъ ранѣе къ брату старѣйшему.

Но вскорѣ отношенія между племянникомъ и дядею испортились, между ними завязалась борьба, приведшая къ новому кризису великокняжескую власть. Этотъ кризисъ наступилъ въ тотъ моментъ, когда Кейстутъ согналъ племянника съ великаго княженія и самъ сталъ великимъ княземъ: ему отказалъ въ послушаніи кн. Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій, а вслѣдъ

затѣмъ поднялся и Ягайло, сведенный съ великаго княженія на отчину свою Крево и Витебскъ; даже стольный городъ Вильна вышелъ изъ повиновенія Кейстуту и принялъ сторону мятежниковъ. Кейстутъ палъ жертвою этого возстанія. Но и его побѣдитель Ягайло, снова сдѣлавшійся великимъ княземъ, очутился въ трудномъ положеніи. Власть его не признали нѣкоторые изъ его братьевъ, а именно Андрей Полоцкій, Димитрій Брянскій и Витовтъ, котораго поддерживали нѣмцы. Чтобы удержаться на великомъ княженіи, Ягайло послѣдовалъ примѣру своего отца и сблизился тѣсно съ однимъ изъ своихъ братьевъ—Скиргайломъ. Скиргайло получилъ отъ великаго князя Троцкое княженіе и занялъ при немъ то же положеніе, которое занималъ прежде Кейстутъ при Ольгердѣ, и которое близко подходило къ положенію соправителя. Всѣ договоры съ иноземными государствами съ 1382 года заключались отъ имени Ягайла и Скиргайла. Скиргайло сталъ правою рукою Ягайла, главною опорою, и благодаря ему Ягайло выдержалъ первую борьбу съ братьями и усидѣлъ на великомъ княженіи.

Изъ всего этого явствуетъ, что высокое значеніе великокняжеской власти въ эпоху территоріальнаго сложенія Литовско-Русскаго государства держалось на согласіи, на единеніи старѣйшихъ князей Гедиминова рода и тѣхъ общественныхъ силъ, на которыя они опирались. Это единеніе въ свою очередь вызывалось напряженною борьбою, которую Литва и соединенная съ нею Русь должны были вести съ своими сосѣдями, и которая требовала единенія силъ вокругъ одного вождя. Князья, чувствовавшіе въ этомъ особую потребность, не только сами подчинялись великому князю, какъ верховному вождю, но и помогали ему держать въ покорѣ и другихъ князей. Благодаря напряженной борьбѣ за существованіе и княжеская власть Гедиминовичей долгое время носила преимущественно военно-политическій, а не гражданскій характеръ. Эти князья являлись въ областяхъ не столько въ качествѣ сонаслѣдниковъ государства, сколько въ качествѣ военачальниковъ и правителей, поставленныхъ великимъ княземъ. Областныя княженія не были еще удѣлами, а поэтому не могъ преуспѣвать политическій сепаратизмъ, являющійся естественнымъ послѣдствіемъ удѣльнаго порядка. Военно-политическимъ характеромъ княжеской власти Гедиминовичей объясняется и самый порядокъ замѣщенія какъ великокняжескаго, такъ и другихъ столовъ. Великое княженіе въ семьѣ литовскихъ князей доставалось въ XIV в. лицамъ, которыя въ данный моментъ были сильнѣе другихъ по личнымъ качествамъ, благодаря поддержкѣ другихъ князей и сочувствію населенія. Въ преемствѣ великокняжескаго стола не замѣтно только дѣйствія одного фактора—извѣстнаго обычая, извѣстнаго права. Точно также и областныя княженія доставались разнымъ князьямъ не по праву или обычаю, а по усмотрѣнію великаго князя, руководившагося при этомъ личными качествами князей, ихъ популярностью среди населенія, соображеніями своей и государственной пользы.

Въ концѣ XIV вѣка наступилъ, однако, новый кризисъ великокняжеской власти, который сталъ угрожать распаденіемъ литовско-русскому

государственному союзу. Для предотвращенія его великій князь Литовскій Ягайло сталъ искать поддержки на сторонѣ, внѣ великаго княжества Литовскаго. Внѣшнія обстоятельства выдвинули благопріятную для того конъюнктуру въ видѣ уніи великаго княжества Литовскаго съ Польшею.

Выше было отмѣчено, что Ягайло, ставъ вторично великимъ княземъ на Литвѣ, тѣсно сблизился съ братомъ своимъ Скиргайломъ и въ единеніи съ нимъ старался утвердить и упрочить свою великокняжескую власть. Скиргайло занялъ при Ягайлѣ то же самое мѣсто, какое при отцѣ Ягайла—Ольгердѣ занималъ Кейстутъ. Скоро обнаружилось, однако, что этого братскаго союза недостаточно для удержанія другихъ князей въ покорности и послушаніи великому князю. Дѣло въ томъ, что мятежные областные князья стали находить себѣ поддержку и помощь у прусскихъ нѣмцевъ. Нѣмцы, дотолѣ истощавшіе великое княжество Литовское открытыми нападеніями, послѣ смерти Ольгерда стали донимать его дипломатическими интригами и вмѣшательствомъ во внутреннія распри. Они старались изъ всѣхъ силъ сѣять раздоръ и смуту на Литвѣ и такимъ путемъ ее обезсиливать. Они помогли Ягайлу свергнуть съ великаго княженія Кейстута, но затѣмъ стали помогать уже тѣмъ князьямъ, которые возставали противъ Ягайла, какъ напр., Андрею Полоцкому и Витовту. Послѣдній при ихъ помощи добился отъ Ягайла волостей, назначенныхъ ему еще отцомъ,—Городна и Берестья съ ихъ округами. Недовольный тѣмъ, что Ягайло не отдалъ ему Троцкаго княжества его отца, Витовтъ не прочь былъ снова войти въ союзъ съ нѣмцами и силою отстаивать свои нарушенныя права. Ягайлу и Скиргайлу уже не подъ силу становилось вести борьбу заразъ и съ внѣшними, и съ внутренними врагами. При такихъ обстоятельствахъ Ягайло и пришелъ къ рѣшенію жениться на польской королевѣ Ядвигѣ съ тѣмъ, чтобы обезпечить себя и великое княжество польскою помощью какъ противъ нѣмцевъ, такъ и противъ мятежныхъ братьевъ. Какъ велика была нужда въ этой помощи, показываютъ письменныя обязательства, данныя Ягайломъ польскимъ посламъ въ Кревѣ 14 августа 1385 года. Ягайло обязался принять католическую вѣру со всѣми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми отъ мала и до велика, выложить свою казну на нужды Польши и въ частности на возвращеніе отторгнутыхъ отъ Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвиги неустойки 200 т. флориновъ, выпустить плѣнныхъ христіанъ на волю и навсегда присоединить свои земли къ коронѣ Польской. Едва ли эти обязательства продиктованы были простымъ честолюбіемъ Ягайла, желавшаго сдѣлаться польскимъ королемъ. Какъ самое сватовство Ягайла, такъ и выдача имъ перечисленныхъ обязательствъ, состоялись по совѣту Ягайла съ матерью своею, великою княгинею Ульяною, и съ нѣкоторыми братьями—областными князьями, Скиргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ и друг. Очевидно, что не личные только интересы Ягайла, но и государственные настойчиво рекомендовали такой именно образъ дѣйствій. Такъ и состоялась первая унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею, закрѣпленная бракомъ ихъ государей. Унія эта, слѣдовательно, была порождена не одними только внѣшними причинами, на которыя принято

обыкновенно указывать въ данномъ случаѣ, но и внутренними, коренившимися въ самомъ строѣ молодого Литовско-Русскаго государства, въ шаткомъ и необезпеченномъ положеніи великокняжеской власти. Въ единеніи съ Польшею Ягайло стремился не только обезопасить свое государство отъ общаго врага Польши и Литвы—нѣмцевъ, но и укрѣпить свое положеніе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и спасти его отъ разложенія.

На какихъ же основаніяхъ устроилось это первое соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Польшею? Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится констатировать, что унія 1385—1386 г. не была ни персональною, ни династическою, а *инкорпораціею* великаго княжества въ королевство Польское. Принимая Польскую корону, Ягайло присоединилъ къ ней на вѣчныя времена свои литовскія и русскія земли. По смыслу даннаго имъ въ Кревѣ обязательства индивидуальное существованіе великаго княжества Литовскаго прекращалось совершенно, и оно сливалось съ короною Польскою въ одно политическое тѣло. Вотъ почему вслѣдъ за коронаціею Ягайла въ Краковѣ со всѣхъ литовско-русскихъ князей взяты были присяги на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской. Эти князья стали теперь ленниками, вассалами Польши, и потому естественно должны были присягать на вѣрность своему новому отечеству. Поэтому и литовскіе бояре-католики получили вскорѣ затѣмъ, въ 1387 году, права, одинаковыя съ поляками. Они стали теперь подданными одного съ поляками государства, и потому уравненіе ихъ въ правахъ съ поляками было и логическою, и реальною необходимостью. Только такимъ путемъ можно было ввести ихъ въ польскую соціально-политическую организацію и привязать ихъ къ новому отечеству. Унія 1385—1386 г. была, слѣдовательно, такая же государственная, какъ и унія 1569 года, а въ идеѣ даже полнѣе сливала оба государства въ одно цѣлое, чѣмъ унія 1569 года, не уничтожившая вполнѣ индивидуальности великаго княжества Литовскаго.

Но одно дѣло—намѣренія, другое—ихъ выполненіе. Ягайло оказался не въ состояніи выполнить въ точности своихъ обязательствъ передъ поляками и соединить Литву съ Польшею въ одно государство.

Литература.

Кромѣ трудовъ Стадницкаго, ближайшими пособіями являются: *Шайноха*, Ядвига и Ягайло, пер. Кеневича, т. I—II. Спб., 1880 г.; *Stanisław Smolka*, Kiejstut i Jagiełło. Kraków 1888 (Pamiętnik Wydziału filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, tom VII); *Dr. Feliks Koneczny*, Jagiełło i Witold, cz. 1. Lwów 1893; *Stanisław Smolka*, Rok 1386. Kraków 1886; *Fritz Boldt*, Der deutsche Orden und Littauen 1370—1386 (Altpreussische Monatsschrift 1873, V—VI Heft); *Dr. Robert Krumbholtz*, Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg in Pr. 1890; *A. Lewicki*, Powstanie Swidrygiełły, Kraków 1892 (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XXIX).

IX.

Возстановленіе великаго княженія на Литвѣ подъ суверенитетомъ Польской короны.

Старанія Ягайла и поляковъ примирить литовскихъ князей и бояръ съ инкорпораціею великаго княжества Литовскаго и ихъ безуспѣшность.—Агитація Витовта и возстаніе въ Литвѣ.—Островское соглашеніе 1392 года о назначеніи Витовта пожизненнымъ великимъ княземъ.—Подтвержденіе этого соглашенія на сеймѣ 1401 года.—Усиленіе Витовта и стремленія нѣмцевъ поссорить его съ Ягайломъ и Польшею.—Городельскій сеймъ 1413 года и новый договоръ Польши и Литвы; окончательное возстановленіе великаго княженія на Литвѣ подъ суверенитетомъ Польской короны.

По смыслу договора, заключеннаго Ягайломъ съ польскими панами, въ Литвѣ не должно было быть отдѣльнаго великаго князя. Такъ и было на первыхъ порахъ по заключеніи уніи. Ягайло уѣхалъ въ Польшу и оттуда сталъ править великимъ княжествомъ, совѣтуясь въ важнѣйшихъ вопросахъ съ окружавшими его польскими прелатами и панами. Но вскорѣ онъ долженъ былъ делегировать высшую власть на Литвѣ и назначить для нея отдѣльнаго великаго князя. Къ этому вынудило его возстаніе нѣкоторыхъ князей и литовскаго боярства.

Съ цѣлью примирить князей и бояръ съ инкорпораціею великаго княжества Ягайло старался всячески ихъ ублаготворить и наградить. Такъ, онъ увеличилъ владѣніе своего брата Скиргайла, бывшаго его главною поддержкою и опорою и до заключенія уніи. Въ 1387 году онъ придалъ ему къ Троцкому княжеству еще Полоцкое, отнятое у Андрея Ольгердовича, Минскъ и рядъ другихъ волостей на „Руси“ Литовской. Въ выданной по этому случаю грамотѣ Ягайло обязался не отнимать у Скиргайла его владѣній, не слушать и не давать вѣры лихимъ людямъ, которые будутъ доносить на Скиргайла, держать его выше всей братьи и слушать его больше, чѣмъ другихъ, никому не давать въ обиду и т. д. Кромѣ того, Ягайло старался умиротворить своего главнаго противника на Литвѣ Витовта и въ 1387-мъ году далъ ему Луцкую землю въ добавленіе къ прежнимъ его владѣніямъ. Бояръ, какъ уже было сказано, Ягайло старался ублаготворить дарованіемъ правъ и вольностей польской шляхты въ томъ же 1387 году. Но всѣхъ этихъ средствъ оказалось недостаточно для удержанія литовскихъ князей и бояръ въ послушаніи и вѣрности новому отечеству—Польшѣ. Ягайло и его ближайшіе совѣтники, инкорпорируя великое княжество, очевидно, слишкомъ легко смотрѣли на такое дѣло, какъ внезапная потеря страною своей политической самостоятельности и самобытности.

Въ свое время нами было отмѣчено, что въ составъ боярскаго класса на Литвѣ вошли многіе крупные землевладѣльцы, пользовавшіеся властью и вліяніемъ въ мѣстныхъ обществахъ до образованія великаго княжества и послѣ того. Эти знатные и сильные люди вмѣстѣ съ второстепенными

и мелкими литовскими и русскими князьями въ общей сложности составляли крупную политическую силу. Пока великій князь съ своими ближайшими родственниками правильно служили интересамъ Литовско-Русскаго государства, эти князья и бояре охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Но унія съ Польшею заставила ихъ измѣнить свое поведеніе. Эта унія уничтожила самобытность великаго княжества Литовскаго, сдѣлавшагося частью Польши, и оттѣснила отъ великаго князя на задній планъ его прежнихъ слугъ, замѣнивъ ихъ поляками. При такихъ условіяхъ эти слуги должны были почувствовать и сознать, что унія принесла имъ не братскій союзъ съ поляками, а политическое униженіе и порабощеніе вмѣстѣ съ нарушеніемъ существенныхъ матеріальныхъ интересовъ, связанныхъ съ службою своему государю. Недовольство превратилось въ открытый мятежъ, руководство которымъ взялъ на себя Витовтъ, раздраженный тѣмъ, что Ягайло не отдалъ ему Троцкаго княжества и не выдалъ письменнаго документа на пожалованное незадолго передъ тѣмъ княжество Луцкое.

Витовтъ, улучивъ моментъ, когда Скиргайло Ольгердовичъ, бывшій главною опорою своего брата на Литвѣ, уѣхалъ въ пожалованный ему Полоцкъ, собралъ къ себѣ многихъ князей и бояръ литовскихъ и началъ передъ ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладѣли великимъ княжествомъ. Князья и бояре съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ сѣтованію Витовта и положили на совѣщаніи овладѣть Вильною. Такъ началась новая борьба въ великомъ княжествѣ, въ которой приняли участіе по обычаю и нѣмцы. Витовтъ нашелъ всеобщее сочувствіе и поддержку въ населеніи великаго княжества, ибо выставилъ на своемъ знамени возстановленіе независимости великаго княжества. Его войска всюду находили на Литвѣ и Жмуди дружественный пріемъ; имъ подвозили вдоволь всякихъ съѣстныхъ припасовъ—муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Для спасенія своей власти въ великомъ княжествѣ Ягайло ввелъ польскія войска и разставилъ польскіе гарнизоны чуть не по всѣмъ городамъ великаго княжества. Но жители, соединяясь съ войсками Витовта, нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ. Въ концѣ концовъ Ягайло увидалъ себя въ необходимости пойдти на уступки. Онъ попытался было отдѣлить дѣло литовцевъ отъ дѣла Витовта и удовлетворить однихъ литовцевъ. Послѣдовало назначеніе брата его Вигунта-Александра, кн. Керновскаго, великимъ княземъ Литовскимъ. Но Вигунтъ какъ разъ въ это самое время умеръ, и Ягайлу по неволѣ снова пришлось считаться съ Витовтомъ. Посовѣтовавшись съ Скиргайломъ, Ягайло рѣшилъ помириться съ Витовтомъ и сдѣлать его великимъ княземъ на Литвѣ. Это примиреніе состоялось на съѣздѣ въ Островѣ 5 августа 1392 года, на которомъ участвовала и королева Ядвига въ качествѣ представительницы интересовъ польской короны.

На этотъ разъ Ягайло отдалъ Витовту Троцкое княжество его отца и сверхъ того пожаловалъ ему нѣсколько другихъ державъ и имѣній. Но главное—принялъ его къ соучастію въ управленіи государствомъ, вручивъ ему великое княженіе на Литвѣ и русскихъ земляхъ по конецъ его жизни.

Съ своей стороны Витовтъ обязался стоять неотступно при королѣ, коронѣ и земянахъ королевства Польскаго и выдалъ въ этомъ же смыслѣ особую запись королевѣ Ядвигѣ, какъ наслѣдницѣ королевства Польскаго. Условлено было, что по смерти Витовта всѣ его владѣнія перейдутъ подъ непосредственную власть польскаго короля, за исключеніемъ тѣхъ, которые Витовтъ, съ согласія короля, выдѣлитъ брату своему Сигизмунду съ обязанностью повиноваться и служить королю подобно всѣмъ другимъ литовско-русскимъ князьямъ; кромѣ того король обязался за себя и своихъ преемниковъ не лишать жены Витовта Анны, тѣхъ имѣній, которыя мужъ назначилъ ей въ качествѣ пожизненнаго „вѣна.“ Изъ всего этого видно, что Островское соглашеніе 1392 года, не измѣняя Кревскаго договора 1385 года въ принципѣ, внесло въ него существенную поправку и дополненіе въ интересахъ великаго княжества Литовскаго. Оставаясь соединеннымъ неразрывно съ Польшею, великое княжество пріобрѣтало теперь извѣстную автономію, по крайней мѣрѣ, на время жизни Витовта, которому въ качествѣ великаго князя предоставлялась болѣе самостоятельная роль, чѣмъ простому намѣстнику короля. Въ формулировкѣ акта 1392 года поляки старались затушевать это значеніе Островскаго соглашенія и изложили дѣло такимъ образомъ, что Ягайло взялъ себѣ только товарища по управленію своимъ соединеннымъ государствомъ и въ этомъ единомъ и нераздѣльномъ государствѣ выдѣлилъ ему для ближайшаго завѣдыванія извѣстную часть его, т. е. бывшее великое княжество Литовское. Но по существу дѣла нельзя не признать, что Островское соглашеніе 1392 года положило начало возстановленію независимости и самобытности великаго княжества Литовскаго. Фактъ этотъ былъ результатомъ вмѣшательства второстепенныхъ литовскихъ князей и бояръ. Это было ихъ дѣло, въ которомъ они наглядно показали свою общественную силу и политическое значеніе.

Получивъ великое княженіе на Литвѣ, Витовтъ на первыхъ порахъ держался дѣйствительно товарищемъ-соправителемъ Ягайла. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ спрашивалъ согласія Ягайла. Такимъ образомъ, напр., съ согласія Ягайла онъ вывелъ изъ областей князей Владиміра, Корибута и Свидригайла Ольгердовичевъ, Ѳедора Любартовича и Ѳедора Коріатовича, которые не захотѣли подчиняться ему, какъ великому князю. Ягайло часто пріѣзжалъ въ Вильну и сообща съ Витовтомъ издавалъ разныя распоряженія, касающіяся Литвы Въ письмахъ къ великому магистру Прусскаго Ордена Ягайло хвалилъ Витовта за рвеніе и вѣрность королю, проявлявшіяся имъ въ управленіи и расширеніи *его королевскихъ владѣній* (circa gubernacionem et ampliationem dominiorum nostrorum). Но такая политическая идиллія продолжалась сравнительно недолго и обусловливалась въ значительной степени тактомъ Ягайла, относившагося къ Витовту не какъ къ своему вассалу и подчиненному, а какъ къ равноправному товарищу. Послѣ уничтоженія областныхъ княженій Витовтъ почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ въ великомъ княжествѣ, и стоило только задѣть его самолюбіе, дать ему почувствовать, что онъ не самостоятельный государь, а вассалъ и ставленникъ Польши, чтобы онъ круто измѣнилъ свое

отношеніе къ Польшѣ и сталъ держать себя, какъ государь самостоятельнаго и независимаго государства. И не удивительно: за Витовтомъ стояли литовскіе князья и бояре, вся литовская земля, которая не желала поступаться своею самостоятельностью. Въ 1398 г., въ бытность короля Ягайла въ Вильнѣ, въ Польшѣ пронесся слухъ, что Ягайло хочетъ совершенно сравнять съ собою Витовта и дать ему титулъ короля. Польскіе паны, а еще болѣе агенты Ордена, всячески старавшагося разорвать унію Литвы и Польши, научили королеву Ядвигу потребовать отъ Витовта дани, такъ какъ мужъ ея записалъ ей будто-бы Русь въ качествѣ вѣна. Это требованіе страшно возмутило Витовта. Онъ собралъ своихъ бояръ и спросилъ ихъ, желаютъ ли они быть данниками Польши, при чемъ прочелъ имъ грамоту Ядвиги. Буря негодованія разразилась тогда въ совѣтѣ литовскихъ бояръ, которые заявили, что они ничьими данниками не были и не будутъ. Витовтъ сталъ готовиться къ борьбѣ съ Польшею. Онъ заключилъ союзъ съ Орденомъ, при чемъ собственною властью, не спрашиваясь Ягайла, уступилъ Ордену часть земель великаго княжества. Въ договорѣ постановлено было, что Орденъ обратится за утвержденіемъ этой уступки къ Ягайлу лишь при томъ условіи, если это Витовту не будетъ непріятно. Договоръ былъ подтвержденъ при личномъ свиданіи Витовта съ магистромъ на островѣ Салинѣ 12 окт. 1398 года. Витовтъ пріѣзжалъ съ множествомъ литовскихъ князей и бояръ. Когда по окончаніи переговоровъ магистръ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на пиръ, то произошелъ интересный эпизодъ. Бояре литовскіе и русскіе провозгласили Витовта королемъ. Хотя это провозглашеніе и не имѣло послѣдствій, такъ и осталось застольнымъ эпизодомъ, но хорошо характеризуетъ настроеніе Литвы и Руси по отношенію къ Польшѣ, даетъ знать, что унія Польши и Литвы была фактомъ сомнительной прочности.

Такту Ягайла Польша обязана была тѣмъ, что не произошло разрыва съ Литвою. Ягайло игнорировалъ происшедшее и обходился съ Витовтомъ такъ, какъ будто бы никакихъ недоразумѣній между ними не было. Очень можетъ быть, что онъ колебался, не зналъ, что ему дѣлать, что предпринять, и искалъ руководства въ обстоятельствахъ. Тѣмъ временемъ подоспѣли событія, которыя снова закрѣпили узы, готовыя уже было разорваться. Витовтъ потерпѣлъ страшное пораженіе отъ татаръ на р. Ворсклѣ и долженъ былъ смириться. Противъ Витовта сталъ обнаруживать непріязненные замыслы Свидригайло, незадолго передъ тѣмъ освободившійся изъ заключенія. Опасность со стороны Свидригайла была тѣмъ значительнѣе, что онъ успѣлъ сдѣлаться уже популярнымъ у русскихъ людей великаго княжества. Все это заставляло Витовта поневолѣ искать сближенія съ Ягайломъ и поляками. Съ другой стороны, въ 1399 году умерла королева Ядвига, и Ягайлу, державшемуся въ Польшѣ въ качествѣ ея супруга, стала угрожать опасность лишиться Польской короны. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что опасенія на этотъ счетъ у него были. Эти опасенія имѣли свое основаніе въ томъ, что Ягайло не выполнилъ точно своихъ обязательствъ передъ Польшею и не слилъ съ нею въ единое политическое

тѣло великое княжество Литовское. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, Ягайло и сталъ хлопотать о поновленіи уніи Литвы съ Польшею, дабы разсѣять всякія сомнѣнія поляковъ на этотъ счетъ. Въ данномъ случаѣ съ нимъ долженъ былъ вполнѣ сходиться и Витовтъ, которому не могла улыбаться перспектива возвращенія въ Литву государя, посадившаго его вмѣсто себя на великомъ княженіи. Все это и побудило Ягайла и Витовта поновить договоры уніи и такимъ образомъ обезпечить другъ друга. Въ 1401 г. Витовтъ подтвердилъ грамотою обѣщаніе сохранять вѣрность и покорность королю и коронѣ Польской, снова призналъ, что послѣ его смерти великое княжество должно перейдти не къ кому иному, какъ только къ королю Польскому и его преемникамъ. По его примѣру присягу въ вѣрности принесли и другіе литовскіе князья. Для болѣе прочнаго скрѣпленія уніи привлечено было и литовское боярство, проявившее себя къ этому времени крупною политическою силою. Литовскіе прелаты, князья, бароны и знатные люди, собравшіеся въ Вильнѣ, за себя и всю знать и обывателей великаго княжества Литовскаго обѣщали королю Польскому и панамъ никогда не покидать ихъ, но помогать имъ и оборонять ихъ отъ всѣхъ враговъ, стеречь ихъ добро, какъ свое собственное; далѣе письменно же признали, что по смерти Витовта великое княжество должно возвратиться снова къ королю Польскому Владиславу Ягайлу и его преемникамъ, оговоривъ только при этомъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти короля Ягайла поляки не выберутъ себѣ короля безъ предварительнаго соглашенія съ ними и Витовтомъ, буде онъ останется еще въ живыхъ. Такимъ образомъ, и Виленскій актъ 1401 г. подтверждалъ сліяніе Литвы съ Польшею въ одно государство, подтверждалъ, что унія между ними должна оставаться навсегда, даже съ прекращеніемъ литовской династіи на польскомъ престолѣ.

Новую фазу въ отношеніяхъ Польши и Литвы знаменуетъ собою договоръ уніи, заключенный въ 1413 году на Городельскомъ польско-литовскомъ сеймѣ. Новый договоръ понадобился вслѣдствіе перемѣнъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи великаго княжества. Къ этому времени великое княжество Литовское успѣло уже оправиться отъ послѣдствій пораженія на Ворсклѣ, возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положеніе на Руси. Витовтъ, какъ и прежде, до битвы на Ворсклѣ, сталъ вмѣшиваться въ борьбу происходившую въ Ордѣ между разными претендентами на ханскій престолъ и вліять на ея исходъ въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ подъ власти великаго князя Литовскаго, вновь была покорена и отдана въ управленіе литовскимъ намѣстникамъ; съ княжествами и землями сѣверо-восточной Руси, т. е. съ Новгородомъ, Псковомъ, Москвою и Рязанью послѣ нѣкоторыхъ столкновеній заключены были большею частью благопріятные для великаго княжества Литовскаго договоры. Послѣ Грюнвальденской побѣды, которая принесла равную честь и Польшѣ, и великому княжеству Литовскому, послѣднее сдѣлалось крупною политическою величиною и въ мнѣніи запада. Съ Витов-

томъ завязалъ непосредственныя сношенія императоръ Сигизмундъ; съ Витовтомъ же сносился чаще всего и Орденъ, хлопотавшій о мирѣ, прямо или черезъ посредство императора. Самосознаніе великаго князя Литовскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ по управленію—князей и бояръ подъ впечатлѣніемъ всего этого должно было повыситься, а это должно было въ свою очередь сказаться и въ большей независимости и самостоятельности ихъ государственной политики. И хотя въ общемъ Витовтъ держалъ себя корректно въ отношеніи къ Ягайлу, какъ своему сюзерену, тѣмъ не менѣе его поведеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ возбуждало въ полякахъ тревогу и опасенія. Эти опасенія питались и безпрестанными происками нѣмцевъ, изо всѣхъ силъ стремившихся разорвать унію Польши и Литвы. Въ этомъ направленіи дѣйствовали не только должностныя лица и агенты Прусскаго и Ливонскаго Орденовъ, но даже самъ императоръ Сигизмундъ. Во время дипломатическаго съѣзда въ Кезмаркѣ въ 1410 году онъ предлагалъ Витовту возвести его въ королевское достоинство, освободить отъ всякой зависимости отъ Польши и оказывать ему въ случаѣ нужды помощь противъ Ягайла и всѣхъ другихъ враговъ. Всѣ эти „козни и махинаціи," направленныя къ расторженію уніи Литвы и Польши, побудили поляковъ позаботиться о новомъ ея подтвержденіи и скрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что отношенія къ нѣмцамъ послѣ Торунскаго мира 1411 года прогрессивно ухудшались и вели къ неизбѣжной войнѣ. Такъ создался актъ уніи 1413 года.

Согласно измѣнившимся обстоятельствамъ поляки въ этомъ актѣ должны были сдѣлать новую существенную уступку литовской самостоятельности. Въ разсматриваемомъ актѣ уже нѣтъ упоминанія, что по смерти Витовта великое княжество Литовское поступаетъ подъ непосредственную власть короля Ягайла или его преемниковъ. Городельскій актъ говоритъ только о томъ, что по смерти Витовта литовскіе паны и шляхта (barones et nobiles) никого не изберутъ и не возьмутъ себѣ въ великіе князья, кромѣ того, кого признаютъ подлежащимъ избранію и поставленію король Ягайло или его преемники и прелаты, паны и шляхта королевства Польскаго. Съ своей стороны и польскіе прелаты, паны и шляхта обѣщали въ случаѣ прекращенія рода Ягайла не выбирать никого въ короли безъ вѣдома и совѣта великаго князя Литовскаго, прелатовъ, пановъ, и шляхты великаго княжества Литовскаго. Такимъ образомъ Городельскій актъ предполагалъ что Литва, оставаясь въ неразрывномъ соединеніи съ Польшею, всегда будетъ имѣтъ особаго великаго князя, котораго будетъ облекать властью король Польскій. При такихъ условіяхъ и унія 1385—1386 г. какъ будто бы оказывалась ненарушенною. Составители акта Городельской уніи, желая подчеркнуть это съ особою силою, вложили въ уста Ягайла и Витовта всѣ глаголы, какими только можно было обозначить сліяніе обоихъ государствъ въ одно. Ягайло и Витовтъ заявляли въ документахъ, что свои земли, коими они полноправно, непосредственно и посредственно владѣли и владѣютъ до сихъ поръ, какъ законные государи, они вновь инкорпорируютъ и внѣдряютъ въ королевство Польское, присвоиваютъ ему,

объединяютъ и соединяютъ съ нимъ, связываютъ союзомъ и навсегда скрѣпляютъ, по волѣ, одобренію и согласію пановъ и шляхты великаго княжества.

Итакъ, полное сліяніе Литвы съ Польшею, предусматривавшееся договоромъ 1385 года, фактически не осуществилось. Уже по Островскому соглашенію 1392 года, подтвержденному затѣмъ Виленскимъ договоромъ 1401 года, Литва добилась того, что Ягайло утвердилъ Витовта пожизненнымъ великимъ княземъ на Литвѣ и тѣмъ до извѣстной степени призналъ особность и самобытность великаго княжества Литовскаго. На Городельскомъ сеймѣ 1413 года Литва получила гарантіи того, что и по смерти Витовта, она будетъ имѣть особыхъ великихъ князей и останется и впредь особымъ государствомъ, состоящимъ только подъ суверенитетомъ польскаго короля.

Изъ всей уніи 1385—1386 г. остался, такимъ образомъ, одинъ только суверенитетъ польскаго короля. Но и этотъ результатъ не надо оцѣнивать слишкомъ низко. Провозглашеніе и признаніе польскаго суверенитета надъ Литвою сдѣлалось юридическимъ основаніемъ позднѣйшихъ польскихъ домогательствъ въ отношеніи великаго княжества, приведшихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ къ реальной уніи обоихъ государствъ.

Литература.

А. Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). Спб. 1885; его же, Витовтъ, послѣднія двадцать лѣтъ княженія (1410—1430). Спб. 1891; *J. K. Kochanowski,* Witold, wielki książę Litewski. Lwów 1900; *Antoni Prochaska,* Szkice historyczne z XV wieku. Kraków i Warszawa 1884; Władysław Iagiełło, t. I, II. Kraków 1908; *St. Smolka,* Szkice historyczne, Serya pierwsza, Warszawa 1882; *A. Lewicki,* Powstanie Swidrygiełły, Kraków 1892.

X.

Возвышеніе великокняжеской власти при Витовтѣ.

Упраздненіе крупныхъ областныхъ княженій въ Литовско-Русскомъ государствѣ.— Новая организація областного управленія и старина областей.—Увеличеніе великокняжескихъ доходовъ.—Возвышеніе внутренняго и внѣшняго престижа великаго князя Литовскаго.—Луцкій съѣздъ.

Возстановленная на Литвѣ великокняжеская власть, проигравъ отъ уніи съ Польшею во внѣшнемъ своемъ значеніи, много выиграла во внутренней своей силѣ. Опираясь на своего сюзерена—Польскаго короля съ одной стороны, на боярство Литовской земли съ другой, великій князь Литовскій консолидировалъ свое государство, упрочилъ и возвысилъ въ немъ свою власть. Этотъ результатъ стоялъ въ связи съ упраздненіемъ областныхъ княженій въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

За время борьбы за великокняжескій престолъ, происходившей по смерти Ольгерда, областные князья, по всѣмъ даннымъ, въ значительной степени эмансипировались отъ власти великаго князя. Пока шла борьба, великіе князья, находившіеся въ данное время у власти, не могли осуществлять полностью своихъ правъ, своей власти въ отношеніи къ областнымъ князьямъ. Съ прекращеніемъ борьбы за великое княженіе, съ утвержденіемъ на великокняжескомъ престолѣ энергичнаго и властнаго Витовта, обстоятельства измѣнились, и при томъ не въ пользу областныхъ князей. Витовтъ чувствовалъ, что за нимъ, кромѣ Польскаго короля, стоитъ мощная сила большинства мелкихъ князей и крупныхъ литовскихъ бояръ, помогавшихъ ему въ достиженіи великаго княженія. Поэтому онъ энергически сталъ предъявлять къ областнымъ князьямъ требованіе „покоры“ и послушанія. Результатомъ было почти всеобщее возстаніе областныхъ князей противъ Витовта. Но такъ какъ они дѣйствовали въ одиночку, порознь, то и Витовтъ легко справился съ мятежомъ. Прежде другихъ поднялся противъ Витовта князь Новгородка Сѣверскаго Димитрій-Корибутъ, который нѣкогда возставалъ и противъ отца Витовтова и отказывалъ ему въ платежѣ дани. Корибутъ съ своимъ войскомъ вторгся даже въ глубь Литвы, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ бѣжать въ Новгородокъ, гдѣ и захваченъ былъ въ плѣнъ съ женою и дѣтьми. Витовтъ отослалъ плѣнника къ Ягайлу въ Польшу. Вслѣдъ за Корибутомъ отказалъ въ „покорѣ“ Витовту и Кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ. Послѣдній отказался идти въ походъ вмѣстѣ съ Витовтомъ противъ Подольскаго князя Ѳедора Коріатовича, который отдался въ подданичество Венгерскаго короля. Но когда Витовтъ взялъ Житомиръ и Овручъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Витовту и покорился ему. Витовтъ пока оставилъ его въ Кіевѣ, но спустя нѣкоторое время вывелъ его изъ Кіева и далъ ему Копыль, а въ Кіевъ перевелъ изъ Полоцка Скиргайла Ольгердовича, который, впрочемъ, вскорѣ умеръ. Ѳедоръ Коріатовичъ также лишился своей области и, взятый въ плѣнъ, посаженъ былъ въ заключеніи. Витовтъ присоединилъ къ великому княжеству восточное Подолье, т. е. Побужье, уступивъ западную часть Ягайлу. Витовтъ кромѣ того вывелъ изъ Витебской земли Свидригайла Ольгердовича, самовольно вокняжившагося въ Витебскѣ по смерти своей матери, в. княгини Ульяны. Изъ Волынской земли Витовтъ вывелъ въ 1393 году остававшагося тамъ Владимірскаго князя Ѳедора Любартовича и далъ ему взамѣнъ Владиміра Новгородокъ Сѣверскій, гдѣ тотъ, впрочемъ, недолго оставался, убѣжавъ въ Венгрію. Такимъ образомъ, Витовтъ упразднилъ крупныя областныя княженья въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Новгородкѣ Сѣверскомъ, Кіевѣ, на Волыни и Подольѣ. Изъ прежнихъ значительныхъ князей Гедиминовичей остались только князья въ Мстиславлѣ и Пинскѣ; остальные правили въ сравнительно мелкихъ территоріяхъ, принадлежали къ разряду волостныхъ, а не областныхъ князей.

Описанное крушеніе системы областныхъ княженій въ свою очередь имѣло важныя послѣдствія во внутреннемъ развитіи Литовско-Русскаго государства. Прежде всего благодаря упраздненію областныхъ княженій

сдѣлало нѣкоторые успѣхи внутреннее объединеніе Литовско-Русскаго государства. Правда, что и послѣ упраздненія княженій управленіе областями сосредоточивалось преимущественно въ ихъ стольныхъ городахъ и велось великокняжескими намѣстниками при дѣятельномъ участіи областного боярства, какъ это было и при князьяхъ. Выводя князей изъ различныхъ областей великаго княжества и сажая на ихъ мѣсто своихъ намѣстниковъ, Витовтъ во все остальномъ не трогалъ „старины“ областей, которыя по прежнему сохраняли свою особность и внутреннюю самобытность. Объ этомъ говорятъ какъ нѣкоторыя свидѣтельства лѣтописей, такъ и позднѣйшіе привилеи областей. Но при всемъ томъ нельзя не признать, что съ упраздненіемъ областныхъ княженій затянулись крѣпче узы, соединявшія области великаго княжества въ одно политическое цѣлое. Хотя и при областныхъ князьяхъ государственный союзъ великаго княжества Литовскаго, какъ мы видѣли, такъ или иначе держался, но при всемъ томъ не разъ проявлялась и тенденція къ распаденію государства. Поставляемые великимъ княземъ областные князья по самой природѣ вещей склонны были переходить къ роли самостоятельныхъ государей, что совпадало и съ приверженностью самихъ областныхъ обществъ къ особности и политической самобытности. При помощи своихъ намѣстниковъ изъ бояръ великій князь могъ крѣпче держать области въ своихъ рукахъ, чѣмъ при помощи областныхъ князей. И это тѣмъ болѣе справедливо, что съ упраздненіемъ областныхъ княженій великокняжеская власть сама по себѣ стала сильнѣе, чѣмъ была прежде, стала обладать гораздо большими матеріальными рессурсами для поддержанія внутренняго единства и цѣлостности государства.

Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить умноженіе казны великаго князя и вообще его финансовыхъ средствъ. До упраздненія областныхъ княженій великій князь кромѣ обычныхъ княжескихъ доходовъ съ областей, находившихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ, получалъ еще особую подать со всего государства, называвшуюся по латыни contributio, tributum. Эта подать по отдѣльнымъ мѣстностямъ государства носила разныя названія. Въ собственной Литвѣ и на Руси, въ земляхъ Полоцкой и Витебской она слыла подъ именемъ серебряной дани, или *серебщины*; въ землѣ Смоленской и частью на Полѣсьѣ—подъ именемъ *посощины*; въ Чернигово-Сѣверской землѣ—подъ именемъ *поголовщины*; въ Кіевской и Волынской землѣ—подъ именемъ *подымщины* и *поволовщины*. Эту именно подать подъ именемъ „подданщины“ и вносили областные князья великому, собирая ее въ предѣлахъ своихъ княженій съ населенія всѣхъ земель — княжескихъ, боярскихъ и церковныхъ (имѣнья католическаго духовенства были освобождены отъ уплаты этихъ податей уже въ концѣ эпохи областныхъ княженій). Съ упраздненіемъ областныхъ княженій въ распоряженіе великаго князя поступили и тѣ доходы, которые прежде шли областнымъ князьямъ. Таковы были: разнообразныя поземельныя подати деньгами и натурою, т. е. *дань* грошовая, медовая, бобровая, куничная, бѣлочья, лисья, хлѣбная, или по литовски *дякло*, мясная, или по литов. *мезлева*, и т. д.; разнообразныя таможенныя пошлины, или *мыта*, и другіе торговые сборы; судебныя пени,

или *вины*, и т. д. Всѣ эти подати и пошлины платились князьямъ не только *смердами*, жившими на княжескихъ собственно земляхъ, но и населеніемъ земель боярскихъ и церковныхъ, за исключеніемъ, быть можетъ тѣхъ, которые были изъяты изъ этого по особымъ пожалованьямъ. Большое подкрѣпленіе получилъ великій князь и съ доходовъ отъ княжескаго хозяйства.

Сельское хозяйство князей въ русскихъ областяхъ было давнишняго происхожденія. Извѣстно, что еще въ XII в. русскіе князья устраивали на незанятыхъ земляхъ сельскохозяйственныя усадьбы, на которыхъ селили свою челядь, заставляя ее пахать пашню, косить сѣно, стеречь стада и исполнять разныя другія работы подъ надзоромъ особыхъ *тіуновъ*. Съ теченіемъ времени, когда княжескіе переходы прекратились, князья осѣлись по мѣстамъ, а хозяйство ихъ получило большее развитіе,—и къ работамъ на княжескихъ усадьбахъ, поляхъ и угодьяхъ привлечены были въ помощь челяди дворной свободные земледѣльцы, жившіе по близости отъ этихъ усадебъ. Подобное же княжеское хозяйство развилось и на Литвѣ, и даже еще болѣе, чѣмъ въ западнорусскихъ областяхъ. Вся Литва и отчасти даже Жмудь покрылись княжескими дворами и дворцами, въ которыхъ проживала княжеская челядь, кормился княжескій скотъ и хранились различные сельскохозяйственные продукты и инвентарь. Эти дворы и дворцы были центрами хозяйства, развивавшагося на окрестныхъ пахатныхъ земляхъ, лугахъ, лѣсахъ и водахъ. Часть этихъ дворовъ и дворцовъ Гедиминовичи унаслѣдовали отъ своихъ предковъ и устраненныхъ ими мелкихъ князей, а часть устроили сами на земляхъ, не занятыхъ боярами и смердами. Къ работамъ по своему хозяйству литовскіе князья приставили рабовъ, которыхъ доставляли имъ война, рынокъ, преступность, а также естественный приплодъ. Сверхъ того они обложили барщинными повинностями и свободныхъ смердовъ, жившихъ по близости отъ ихъ дворовъ и дворцовъ. Такимъ путемъ вокругъ княжескихъ дворовъ и дворцовъ появились княжескіе *тяглые* люди, конюхи, конокормцы, кобыльники, стадники, кухари, садовники, рыболовы, бортники, осочники, ловцы, сокольники, бобровники, псарцы и т. д. Повинности, наложенныя на свободныхъ смердовъ въ связи съ развитіемъ княжескаго хозяйства, вѣроятно, уже тогда же породили тѣ ограниченія свободы передвиженія крестьянъ, съ которыми мы встрѣчаемся позднѣе. Вѣроятно, уже въ XIV в. существовали „извѣчные“, „селянитые“ „засѣдѣлые“ крестьяне, которые были людьми „непохожими“, т. е. не имѣющими права свободнаго ухода съ своихъ земель, наряду съ людьми несвободными въ собственномъ смыслѣ, челядью и паробками (eigene нѣмецкихъ документовъ XIV в.). Развитіе княжескаго хозяйства въ великомъ княжествѣ повело даже къ тому, что на помощь княжескимъ рабамъ и людямъ стали привлекаться и владѣльческіе, боярскіе, люди. Съ упраздненіемъ областныхъ княженій всѣ княжескіе дворы и дворцы съ полями, угодьями, челядью, скотомъ и инвентаремъ скопились въ рукахъ великаго князя. Для завѣдыванья своимъ хозяйствомъ, а также для суда и управы надъ мѣстнымъ населеніемъ и для сбора доходовъ великій князь посажалъ по этимъ дворамъ и дворцамъ своихъ *намѣстниковъ* и *тивуновъ*. Великокняжескіе намѣстники и тивуны

разсажены были и по такимъ волостямъ, гдѣ не было княжескаго хозяйства, каковы были, напр., такъ называемыя Поднѣпрскія и Задвинскія волости. Въ этихъ волостяхъ они уже не были въ роли дворцовыхъ прикащиковъ, а въ роли только судей и сборщиковъ доходовъ. Черезъ руки всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ великій князь сталъ получать неизмѣримо бо́льшіе доходы, чѣмъ прежде. Сверхъ того, съ упраздненіемъ областныхъ княженій увеличилось количество пустыхъ земель и угодій, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи великаго князя, на которыхъ онъ могъ развивать дальше свое собственное хозяйство, или которыя онъ могъ раздавать за службу разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, возросло матеріальное могущество великаго князя.

Этотъ ростъ въ свою очередь обусловилъ и усиленіе великокняжеской власти, какъ политическаго фактора. Великій князь, получивъ подъ свою непосредственную власть множество военнаго и должностного люда, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность оплачивать его услуги, а слѣдовательно и пользоваться ими въ своихъ и государственныхъ цѣляхъ. Внутреннее усиленіе великаго князя Литовскаго, передъ которымъ покорно склонились всѣ уцѣлѣвшіе князья, въ свою очередь повело къ значительнымъ успѣхамъ во внѣшней политикѣ и подняло престижъ великаго княжества при Витовтѣ на небывалую дотолѣ высоту. Любопытны показанія одного современника о томъ, какъ много значилъ Витовтъ у себя дома и за границей къ концу своего великокняженія. Въ 1428 году Витовтъ совершалъ объѣздъ своего государства. На дорогѣ къ нему присоединился шутъ его *Генне*, состоявшій тайнымъ агентомъ Ордена. Вотъ что онъ писалъ между прочимъ великому магистру: „Я прибылъ къ великому князю во время его четвертой стоянки на пути отъ *Трокъ* до *Смоленска*. Доставлено ему во время похода 2700 коней, не считая тѣхъ, которые ему еще имѣютъ доставить въ Смоленскъ. Князь Сигизмундъ, когда великій князь прибылъ въ его край, доставилъ ему десять коней, а когда принялъ его въ замкѣ, доставилъ двѣсти коней; а кромѣ того поднесъ въ подарокъ дорогіе мѣха, соболи и много татарскихъ денегъ; мнѣ Сигизмундъ подарилъ шелковый платокъ. Затѣмъ поѣхалъ къ Свидригайлу; этотъ князь доставилъ девяносто коней, много мѣховъ, соболей и много другихъ подарковъ. Потомъ поѣхалъ въ замокъ Минскъ, куда прибыло много татаръ съ южныхъ границъ Литовскаго государства, и они привезли въ даръ коней, верблюдовъ, стрѣлы и много другихъ подарковъ. Далѣе двинулись къ одному замку, гдѣ князь посадилъ своего воеводу; тотъ доставилъ 150 коней, мѣха и деньги; жена его и дѣти поднесли большіе подарки. А когда мой господинъ, великій князь, отправился далѣе, Рязанскій великій князь вышелъ на встрѣчу вмѣстѣ съ пятью другими князьями, съ княгиней и съ огромной массой людей. Они принесли ему присягу въ подданствѣ и дали много подарковъ, коней, собольи мѣха и татарскія монеты. Затѣмъ другіе князья и паны, его воины, встрѣчали насъ, доставляя по 30, 20, другіе по 12, 10, 5, 6, 8 коней, собольихъ мѣховъ и денегъ, такъ что трудно было бы все это записать. А особенно дарили моей госпожѣ, великой княгинѣ... Знайте еще,

что у великаго князя были и посольства изъ Великаго Новгорода, Москвы, Смоленска, и постоянно все пріѣзжаютъ къ нему послы: отъ Татарскаго царя, отъ Турецкаго султана и отъ многихъ другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ князей. Пріѣзжаютъ они съ богатыми подарками—трудно было бы всѣ ихъ описать, разскажу о томъ устно, когда возвращусь". Пріѣздъ Рязанскаго князя и другихъ пяти князей объясняется тѣмъ, что въ предшествующемъ году, когда Витовтъ объѣзжалъ восточныя области своего государства, къ нему явились великіе князья Рязанскій, Переяславскій, Пронскій, Новосильскій, Одоевскій и Воротынскіе, обѣщали ему вѣрность и послушаніе и поднесли большіе подарки—золото, серебро, коней и соболиныя шубы. Объ этомъ сообщалъ самъ Витовтъ въ письмѣ къ великому магистру, и это сообщеніе вполнѣ подтверждается и договорными грамотами князей Ивана Ѳедоровича Рязанскаго и Ивана Владиміровича Пронскаго. Въ этихъ грамотахъ они давали письменное обязательство Витовту служить ему вѣрно, безъ хитрости, помогать противъ недруговъ и не заключать ни съ кѣмъ договоровъ безъ его воли, выговаривая для себя неприкосновенность своихъ удѣловъ. Такимъ образомъ власть великаго князя Литовскаго распространилась даже на Рязанскую землю. Наглядным выраженіемъ могущества Витовта является и съѣздъ къ нему европейскихъ государей въ Луцкѣ на предполагавшуюся коронацію Витовта и для совѣщанія объ общеевропейскихъ дѣлахъ, главнымъ образомъ о церковныхъ распряхъ, раздиравшихъ тогда христіанскій міръ, и о борьбѣ съ турками. Въ Луцкъ пріѣзжали къ Витовту: императоръ Сигизмундъ, король Польскій Ягайло, магистры Прусскій и Ливонскій, папскій легатъ и византійскій посолъ, великій князь Московскій, Тверской, Рязанскій, князья Одоевскіе, послы отъ короля Датскаго, изъ Новгорода, Пскова и даже изъ Орды. Самая мысль о вѣнчаніи королевскою короною была признаніемъ величія и могущества великаго князя Литовскаго какъ со стороны его самого, такъ и со стороны императора.

Литература.

Кромѣ трудовъ, указанныхъ въ предшествующемъ очеркѣ, ближайшими пособіями могутъ послужить: книга *М. В. Довнаръ-Запольскаго*—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Кіевъ 1901 г. (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1901 г.); *Ѳ. И. Леонтовича*—Очерки исторіи литовско-русскаго права, вып. 1; *М. Н. Ясинскаго*—Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ 1889 (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1889 г.); *И. Б. Якубовскаго*—Земскіе привилеи великаго княжества Литовскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 4,5).

XI.

Соціально-политическіе результаты уніи съ Польшею; привилегіи литовскаго боярства.

Избирательная великокняжеская власть.—Ея ограниченія по привилею 1387 года; личныя и имущественныя права бояръ-католиковъ.—Политическое возвышеніе литовскаго боярства при Витовтѣ.—Сословно-политическія права бояръ-католиковъ по привилею 1413 года; преграды для развитія монархическаго абсолютизма.—Общая оцѣнка вліянія уніи на соціально-политическое развитіе Литовско-Русскаго государства.

Усиленіе великокняжеской власти въ Литовско-Русскомъ государствѣ, происшедшее въ послѣднемъ десятилѣтіи XIV-го и въ первой четверти XV вѣка, не повело, однако, къ установленію наслѣдственной и неограниченной монархіи въ этомъ государствѣ. Причинъ этого надо искать отчасти въ отсутствіи у Витовта сыновей, но главнымъ образомъ въ политическихъ обстоятельствахъ и общественныхъ условіяхъ, въ связи съ которыми совершилось вышеуказанное возвышеніе великокняжеской власти.

Это усиленіе произошло въ то самое время, когда установилась унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Но эта унія, какъ мы уже видѣли, предполагала замѣщеніе великокняжескаго стола по избранію литовцевъ съ согласія польскихъ пановъ и короля Польскаго. Такимъ образомъ, устанавливалась въ будущемъ не наслѣдственная, а избирательная великокняжеская власть. Съ другой стороны, привилегіи, выданныя литовскому боярству послѣ установленія уніи съ цѣлью ублаготворить его и расположить къ уніи, поставили извѣстныя ограниченія великокняжеской власти и укрѣпили сильную соціально-политическую позицію, занятую въ то время литовскимъ военно-служилымъ классомъ, или боярствомъ.

Начало этому положено было, впрочемъ, еще до возстановленія великаго княженія на Литвѣ привилеемъ 1387 года. Этотъ привилей гарантировалъ всѣмъ литовскимъ боярамъ, принявшимъ католическую вѣру, въ непосредственныхъ владѣніяхъ Ягайла и въ области Скиргайла, право неотъемлемаго владѣнія и свободнаго распоряженія своими отчинными имѣніями, свободу въ выдачѣ своихъ дочерей и родственницъ замужъ, а вдовамъ—право оставаться на имѣньѣ мужа до смерти или вторичнаго выхода замужъ, послѣ чего имѣнье должно отходить къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго мужа. Сверхъ того, привилей освобождалъ названныхъ бояръ отъ всякихъ барщинныхъ работъ по дворцовому хозяйству и обязывалъ ихъ только военною службою и участіемъ въ постройкѣ и починкѣ государственныхъ крѣпостей. Въ общемъ всѣ эти привилегіи и льготы клонились къ обезпеченію извѣстнаго правового положенія; извѣстной независимости литовскаго боярства въ отношеніи къ господарю великому князю и его брату. Особенно важно было въ данномъ случаѣ освобожденіе отъ барщинныхъ повинностей по дворцовому хозяйству. Нельзя не признать,

что вмѣстѣ съ этимъ уменьшалось вмѣшательство княжеской администраціи въ жизнь боярскихъ имѣній, и населеніе этихъ имѣній связывалось тѣснѣе съ ихъ владѣльцами, чѣмъ прежде.

Но настоящимъ родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей литовцы считали впослѣдствіи привилей Городельскій, выданный въ 1413 году по случаю новаго подтвержденія уніи. Этотъ привилей обезпечивалъ не только имущественныя и личныя, но и сословно-политическія права высшаго слоя литовскаго боярства, оформливалъ и утверждалъ не только общественное, но и политическое значеніе, которое успѣло къ тому времени пріобрѣсти литовская боярская знать.

Литовское боярство, какъ мы уже видѣли, проявило себя крупною политическою силою въ реставраціи великаго княженья на Литвѣ. Кто помогъ Витовту добиться отъ Ягайла уступки великаго княженья на Литвѣ въ 1392 году?—Второстепенные литовско-русскіе князья, а главнымъ образомъ литовское боярство, въ высшей степени недовольное уничтоженіемъ самостоятельности великаго княжества. Съ возстановленіемъ великаго княженья на Литвѣ политическое значеніе литовскаго боярства поднялось еще выше. Этотъ фактъ стоялъ въ связи съ упраздненіемъ областныхъ княженій, которое произошло вслѣдъ за возведеніемъ Витовта на великое княженіе. Большая часть литовскаго боярства сгруппировалась теперь вокругъ одного вождя и, объединенная, стала еще большею политическою силою, чѣмъ прежде. Съ устраненіемъ областныхъ князей литовскіе знатные бояре заняли ихъ мѣста при великомъ князѣ, сдѣлались его главною опорою и поддержкою, преимущественными совѣтниками и сотрудниками какъ въ будничной правительственной работѣ, такъ и въ рѣшеніи чрезвычайныхъ и особо важныхъ вопросахъ государственной жизни. Знатные литовскіе бояре наполнили думу, или, какъ она стала называться, *раду* великаго князя, оттѣснивъ на задній планъ уцѣлѣвшихъ князей. Они же преимущественно стали назначаться на должности великокняжескихъ намѣстниковъ въ областяхъ. Сгруппировавшись вокругъ великаго князя, котораго они возвели на престолъ, расширивши свою политическую дѣятельность на все государство, литовскіе бояре должны были до извѣстной степени почувствовать себя хозяевами государства, вершителями его судебъ. Когда Витовтъ заключилъ съ Прусскимъ магистромъ сепаратный договоръ на островѣ Салинѣ въ 1398 г., то находившіеся при немъ литовскіе бояре наравнѣ съ князьями дали ручательство въ томъ, что Витовтъ и его преемники будутъ исполнять договоръ, и дали обязательство приводить ихъ къ тому убѣжденіемъ и даже дѣломъ. Такую силу они сознавали за собою. Но, очевидно, что эта сила признавалась за литовскимъ боярствомъ и на сторонѣ, если магистръ счелъ нужнымъ внести въ договоръ съ Ягайломъ такое обязательство. Еще яснѣе сказалось это признаніе политическаго значенья за литовскимъ боярствомъ въ 1401 г. Когда понадобилось Ягайлу и Витовту поновить унію, они не ограничились уже одними записями на вѣрность Польшѣ самого Витовта и другихъ князей, но привлекли къ дѣлу подтвержденія уніи и литовскихъ бояръ. Съ этою цѣлью въ началѣ 1401 г.

ихъ собрали въ Вильнѣ на *сеймъ*. Въ одинъ день съ Витовтомъ литовскіе прелаты, князья, паны, шляхта и всѣ земяне (terrigenae) земель литовскихъ и русскихъ дали отъ себя письменныя обязательства въ соблюденіи уніи. По смыслу договора, заключеннаго въ 1401 г., литовскіе бояре и впредь должны были участвовать въ разрѣшеніи важныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ уніи обоихъ государствъ: поляки обязались въ случаѣ бездѣтной смерти Ягайла не избирать себѣ новаго короля безъ вѣдома и совѣта Витовта, прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и всѣхъ земянъ великаго княжества Литовскаго. Но еще опредѣленнѣе призналъ политическія права за литовскимъ боярствомъ привилей 1413 года. Этотъ привилей прямо устанавливалъ участіе литовскихъ прелатовъ, „пановъ“ и „шляхты“ въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ съ поляками объ избраніи будущихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Привилей предполагалъ также участіе литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты въ совѣщаніяхъ великаго князя о государственныхъ дѣлахъ великаго княжества (pro bono publico). Сопоставляя эти статьи Городельскаго привилея съ фактами, имѣвшими мѣсто въ промежуткѣ времени отъ 1387 до 1413 года, видимъ, что эти статьи были не чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ закрѣпленіемъ дѣйствительнаго положенія вещей.

Но разъ за боярскою знатью признано было столь высокое политическое значеніе, великокняжеская власть оказывалась въ извѣстной зависимости отъ этого боярства и во всякомъ случаѣ ставилась въ необходимость дѣйствовать въ важныхъ дѣлахъ совмѣстно и сообща съ этимъ боярствомъ.— Выданные этому боярству привилеи сдѣлались своего рода *основными законами* великаго княжества Литовскаго, которыя поставили великокняжескую власть въ опредѣленныя рамки, исключили ея развитіе въ направленіи абсолютизма.

Теперь мы можемъ подвести итоги тому, что внесла на первыхъ порахъ въ жизнь Литовско-Русскаго государства его унія съ Польшею и оцѣнить до извѣстной степени историческое значеніе этого факта. Въ исторической литературѣ нерѣдко высказывалось мнѣніе, что унія съ Польшею повернула, такъ сказать, исторію Литовско-Русскаго государства въ новомъ направленіи. Это утвержденіе приходится принять съ большими оговорками и ограниченіями. Конечно, принятіе католицизма и постоянное политическое и житейское общеніе съ Польшею открыли дорогу вліянію польской культуры на жизнь Литовско-Русскаго государства, усвоенію идей и формъ польской государственности. Но самое содержаніе для этихъ формъ давалось внутреннимъ развитіемъ Литовско-Русскаго государства. Такимъ образомъ, не унія съ Польшею установила впервые избирательность великокняжеской власти на Литвѣ. Мы видѣли, что и въ XIV в. великокняжескій престолъ замѣщался не по праву или обычаю, а по договорамъ и соглашеніямъ князей при поддержкѣ стоявшаго около нихъ боярства. Унія закрѣпила этотъ порядокъ, ввела въ него большую опредѣленность, большую правильность, правомѣрность. Не унія съ Польшею создала вліятельный и могущественный классъ литовскаго *панства*. Генезисъ этого

класса мы выслѣдили при самомъ образованіи великаго княжества Литовскаго. Но унія съ Польшею принесла этому классу права и привилегіи польской шляхты и такимъ путемъ оформила юридически его положеніе, закрѣпила и усилила пріобрѣтенную имъ соціально-политическую позицію. Не унія съ Польшею создала литовскіе *сеймы*. Зародышъ ихъ надо видѣть въ тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя великій князь имѣлъ съ другими князьями и литовскими боярами въ важныхъ случаяхъ въ XIV вѣкѣ. Но унія опять таки оформила, закрѣпила фактъ юридически. Не унія создала *раду*, или сенатъ великаго князя Литовскаго; предшественницею его была *дума* литовско-русскаго государя. Но унія уподобила до извѣстной степени эту думу польской королевской радѣ, или сенату. Городельскій привилей 1413 года создалъ высшія должности—воеводъ и каштеляновъ по польскому образцу; появились при великомъ князѣ Литовскомъ маршалки земскій и дворный; нѣкоторые намѣстники, какъ напр. Жмудскій, получили польское названіе „старо́ста“. Всѣ эти лица стали членами господарской *рады*, или литовскаго сената. Въ общемъ, такимъ образомъ, можно признать, что унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею, оказавъ поддержку самому существованію великаго княжества, какъ государственнаго союза, закрѣпила вмѣстѣ съ тѣмъ результаты его предшествующаго соціально-политическаго развитія и оформила ихъ, наложивъ на нихъ клеймо польской государственности.

Съ изданіемъ Городельскаго привилея литовскіе знатные бояре достигли наивысшаго значенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Плотнымъ кольцомъ окружили они своего господаря великаго князя, котораго возвели на престолъ, сдѣлались его обычными совѣтниками и сотрудниками и стали пользоваться его милостями предпочтительнѣе передъ князьями и боярами другихъ земель великаго княжества. Витовтъ сталъ сажать своими намѣстниками даже по русскимъ областямъ великаго княжества знатныхъ литовскихъ бояръ, или, какъ они стали называться теперь по польскому примѣру, пановъ; съ ними же преимущественно сталъ рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы въ своей думѣ или *радѣ*, и на общихъ съѣздахъ или *сеймахъ*. По своему политическому значенію литовское высшее боярство стало брать верхъ даже надъ уцѣлѣвшими литовскими и русскими князьями. По своимъ владѣніямъ князья были удалены отъ государственнаго центра и развивавшейся въ ней политической жизни, имѣли мало единенія другъ съ другомъ и общихъ интересовъ и соединялись не столько съ тѣмъ, что группировалось вокругъ великаго князя, сколько съ областными землевладѣльцами. Между тѣмъ литовская боярская знать наоборотъ—сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и, все болѣе и болѣе сближаясь въ центрѣ и проникаясь общими интересами, консолидировалась въ правительственный классъ Литовско-Русскаго государства. Въ рядахъ этого класса нашли себѣ постоянное мѣсто католическіе бискупы великаго княжества—Виленскій, Луцкій и Берестейскій, Мѣдницкій, или Жмудскій, Кіевскій, для которыхъ учреждены каѳедры при Ягайлѣ и Витовтѣ.

Но всѣ эти привилегіи, полученныя литовскимъ боярствомъ, внесли въ нѣдра Литовско-Русскаго государства національно-политическій антагонизмъ между Литвою и подвластною ей Русью, антагонизмъ, который былъ причиною сильныхъ внутреннихъ потрясеній этого государства послѣ смерти Витовта, въ тридцатыхъ и частью сороковыхъ годахъ XV вѣка.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ. Москва 1901.

XII.

Національно-политическая борьба внутри Литовско-Русскаго государства въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка и ея результаты.

Недовольство русскихъ князей и бояръ привилегіями Литвы; церковная рознь и вражда при Витовтѣ.—Вопросъ о Литовскомъ королевствѣ; натянутыя отношенія литовцевъ съ поляками и сближеніе съ русскими. Смерть Витовта и избраніе Свидригайла великимъ княземъ.—Возвышеніе русскихъ князей и бояръ.—Примиреніе литовцевъ съ поляками и возведеніе на великое княженье Сигизмунда Кейстутьевича. Возобновленіе уніи и привилей 15 окт. 1432 года.—Борьба русскихъ земель съ Литвою подъ знаменемъ Свидригайла.—Привилей 6 мая 1434 года.—Побѣда Сигизмунда; подтвержденіе старины русскихъ земель.—Уравненіе князей съ боярами въ правахъ и вольностяхъ.

Установившимся послѣ Городельской уніи порядкомъ не могли быть довольны многочисленные русскіе князья и бояре великаго княжества. Какъ православные, схизматики, они по новому закону не допускались до занятія высшихъ должностей въ государствѣ, до участія въ совѣтѣ великаго князя и въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, близко затрогивавшихъ интересы не только Литвы, но и всѣхъ другихъ земель великаго княжества. На основаніи Городельскаго привилея русскіе люди устранялись даже и отъ избранія великихъ князей, которое должно было производиться высшимъ католическимъ боярствомъ Литвы съ вѣдома и совѣта польскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты. Русскіе князья и бояре не получили ни имущественныхъ, ни личныхъ гарантій, ни тѣхъ льготъ въ податяхъ и повинностяхъ, какія получили литовскіе бояре. Воинствующій католицизмъ воздвигъ цѣлую стѣну между литовскимъ боярствомъ и русскимъ, пробудилъ національную вражду къ Литвѣ, которой не замѣчалось прежде. Въ 1387 году 22 февраля новообращенный Ягайло издалъ указъ, коимъ предписывалось всѣмъ литовцамъ знатнаго рода, проживающимъ на Литвѣ и Руси, принимать католическую вѣру и запрещалось вступать въ бракъ съ русскими, которые не пожелаютъ перейдти въ католическую вѣру. Русскій или русская, вступившіе въ бракъ съ литовцами, обязывались непремѣнно переходить въ католическую вѣру подъ страхомъ тѣ-

лесныхъ наказаній. Конечно, такой указъ не могъ не породить горькаго чувства въ православномъ населеніи великаго княжества. Браки между литовцами и русскими были не рѣдкость, особенно въ высшихъ классахъ. Теперь русскіе люди, вступившіе въ бракъ съ литовцами, должны были разстаться съ своею греческою вѣрою и принять чуждую, латинскую, которую они уже со временъ Ярослава привыкли считать неправою. Тотъ, кто не былъ обязанъ къ этому, долженъ былъ болѣзненно сознавать униженіе, оскорбленіе православной вѣры подобнымъ указомъ. Правда, впослѣдствіи Витовтъ и Ягайло всячески старались смягчить національно-религіозный антагонизмъ и хлопотали объ уніи православной церкви съ римскою, для чего посылали на Констанцскій соборъ митрополита Григорія Цамблака съ нѣкоторыми западнорусскими епископами. Но эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Все это въ общей сложности должно было настроить русскихъ людей великаго княжества, князей и бояръ, противъ Литвы и ея правящаго класса, породить въ нихъ желаніе дѣятельно вмѣшаться въ политику центра и повернуть ее въ направленіи, болѣе благопріятномъ для ихъ интересовъ. Но пока былъ живъ Витовтъ русскіе люди мало что могли сдѣлать по этой части. Витовтъ опирался не только на собственную Литву, но и на Польшу, какъ это было, напр., въ дѣлѣ подавленія мятежей областныхъ князей. Почти до самого конца великокняженія Витовта отношенія между правящею Литвою и поляками были въ общемъ дружественныя, и они дѣйствовали заодно въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики, чему доказательствомъ служатъ совмѣстная борьба съ Орденомъ, общіе съѣзды для рѣшенія такихъ напр., вопросовъ, какъ принятіе чешской короны отъ гусситовъ, заключеніе мира съ Орденомъ, принятіе мѣръ противъ распространенія гусситской ереси, противъ мазовецкаго князя Земовита, выбивавшагося изъ послушанію королю и т. д. Русскіе люди получили возможность съ успѣхомъ вмѣшаться въ устроеніе государства только по смерти Витовта. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для этого послужилъ разрывъ правящей литовской знати съ Ягайломъ и поляками, который заставилъ самихъ литовцевъ пойдти на встрѣчу къ русскимъ людямъ и привлечь ихъ къ участію въ рѣшеніи стоявшихъ на очереди государственныхъ вопросовъ.

Разрывъ правящей Литвы съ Польшею начался еще подъ конецъ великокняженія Витовта. Извѣстно, что Витовтъ задумалъ вѣнчаться королевскою короною. Въ этомъ намѣреніи, внушенномъ со стороны, Витовта усердно поддерживали прелаты, князья и бояре Литовской земли. Коронація великаго князя ставила Литву на равную доску съ Польшею и поднимала Литву изъ униженія, въ какое она попала благодаря уніи. Ягайло, уступая настояніямъ императора Сигизмунда на съѣздѣ въ Луцкѣ, сначала далъ было свое согласіе на коронацію Витовта, но по отъѣздѣ императора поспѣшилъ взять свое согласіе назадъ. Въ письмѣ къ Витовту онъ объяснялъ, что коронація не обѣщаетъ ничего хорошаго и можетъ послужить только причиною раздора между Польшею и Литвою, ибо литовцы, возгордившись, по смерти Витовта могутъ, пожалуй, выбрать себѣ новаго государя помимо

поляковъ. Этотъ отказъ привелъ въ негодованіе Витовта и литовцевъ, которые рѣшились устроить во чтобы то ни стало коронацію, не обращая вниманія на Ягайла и поляковъ. Но такъ какъ этотъ актъ грозилъ имъ разрывомъ съ Польшею, то они поспѣшили сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ участью въ торжествѣ коронаціи. Поэтому къ назначенному дню коронаціи съѣхалось много князей и бояръ не только изъ Литвы, но и Руси. Но имъ не пришлось быть свидѣтелями коронаціи. Поляки перехватили корону, которую везли Витовту послы императора Сигизмунда, и престарѣлый Витовтъ умеръ, не дождавшись ея (1430 г.). Собравшимся князьямъ и боярамъ взамѣнъ коронаціи пришлось участвовать въ избраніи новаго великаго князя. Ягайло не прочь былъ отъ того, чтобы взять великое княженіе на Литвѣ въ свои руки. Но литовцы, раздраженные предшествующимъ поведеніемъ поляковъ, и слышать не хотѣли объ этомъ. Русскіе князья и бояре, пользуясь возникшимъ раздоромъ, выставили своего кандидата на великое княженіе—Свидригайла Ольгердовича.

Свидригайло уже давно сталъ популярною личностью въ русскомъ населеніи великаго княжества. Это былъ безпокойный, неугомонный человѣкъ, давнымъ давно стремившійся сѣсть на великомъ княженьѣ. Онъ нѣсколько разъ возставалъ противъ Витовта, терпѣлъ неудачи и платился изгнаніемъ и даже тюремнымъ заключеніемъ. Гдѣ-гдѣ онъ не перебывалъ въ теченіе своей многомятежной жизни. Онъ былъ княземъ въ Витебскѣ, въ восточномъ Подольѣ, въ Стародубѣ и Брянскѣ, въ Черниговѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ и Трубчевскѣ. Во время своихъ скитаній Свидригайло пріобрѣлъ себѣ множество друзей и пріятелей среди русскихъ князей и бояръ. Неутомимо стремясь къ великокняжескому престолу, Свидригайло заискивалъ у всѣхъ и дружилъ со всѣми, кто могъ быть ему полезнымъ. Русскихъ людей онъ привлекалъ къ себѣ своею щедростью, гостепріимствомъ и расположеніемъ, какое оказывалъ ихъ вѣрѣ и обрядамъ, хотя самъ и оставался все время католикомъ. Неудивительно поэтому, что русскіе люди горою стояли за Свидригайла и готовы были жертвовать для него всѣмъ. Когда умеръ Витовтъ, русскіе князья и бояре предложили его въ великіе князья. Литовскимъ панамъ послѣ разрыва ихъ съ Польшею не оставалось иного выбора, и они, скрѣпя сердце, приняли кандидатуру Свидригайла, котораго до сихъ поръ гнали и преслѣдовали.

Возведеніе Свидригайла на великое княженіе было первымъ ударомъ, нанесеннымъ порядку, созданному Городельскимъ привилеемъ 1413 г. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ. Собраніе 1430 года, избравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвозвѣстникомъ позднѣйшаго „великаго вальнаго сойма“ всѣхъ земель великаго княжества. Въ этомъ собраніи наглядно сказалось сближеніе литовской правящей знати съ князьями и боярами русскихъ земель. Но вскорѣ эти союзники разошлись.

Свидригайло, возведенный на великое княженіе при поддержкѣ князей и бояръ русскихъ земель в. княжества, опирался на нихъ и въ управленіи своимъ государствомъ. Его „вѣрная рада“ состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ-русскихъ. Онъ не держался точки зрѣнія Городельскаго привилея, утверждавшаго, что различіе вѣроисповѣданій можетъ порождать политическія разногласія и оглашеніе того, что должно храниться въ тайнѣ. Православные русскіе люди участвовали и на сеймахъ при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ въ родѣ, напр., заключенія оборонительно-наступательнаго союза съ Прусскимъ Орденомъ противъ Польши. Свидригайло сталъ назначать русскихъ людей и на разныя должности, которыя согласно привилею 1413 г. должны были отдаваться только литвинамъ-католикамъ. Въ январѣ 1432 года бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій писалъ къ кардиналу Юліану Цезарини, что Свидригайло во всемъ слушается русскихъ схизматиковъ и роздалъ имъ всѣ важнѣйшіе замки и уряды, чего не было при покойномъ Витовтѣ, ибо въ актахъ уніи Литвы съ Польшею выразительно гарантировано, что русскіе схизматики не будутъ никогда держать замковъ на Литвѣ и не будутъ допускаться до государственныхъ совѣщаній. Итакъ, политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Свидригайло не только пренебрегалъ литовскою знатью, но и сталъ расточать на нее свои опалы, на которыя онъ былъ щедръ во хмелю. А это было его обычное состояніе. Все это заставило литовскихъ пановъ примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великаго княженія.

Свидригайло былъ бѣльмомъ на глазу у поляковъ, которое они жаждали во что бы то ни стало снять. Мало того, что онъ вокняжился самовольно, безъ ихъ воли и согласія: онъ не отдавалъ имъ западнаго Подолья. Это Подолье Ягайло отдалъ въ 1411 г. Витовту въ пожизненное владѣніе. Когда умеръ Витовтъ, и разнеслась вѣсть о вокняженіи Свидригайла, польскіе паны поспѣшили прогнать литовскихъ намѣстниковъ изъ подольскихъ городовъ и занять ихъ своими гарнизонами. Но литовцы считали Подолье землею великаго княжества и ни за что не хотѣли поступаться имъ. Свидригайло задержалъ въ Литвѣ короля Ягайла, пріѣхавшаго къ нему для инвеституры его на великое княженіе (Ягайло и поляки старались хотя бы такимъ признаніемъ совершившагося факта спасти унію Литвы съ Польшею) и отпустилъ его только тогда, когда Ягайло послалъ приказъ начальникамъ польскихъ гарнизоновъ на Подольѣ сдать города литовцамъ. Польскіе паны, однако, не послушались и Свидригайлу пришлось выбивать ихъ оттуда силою, въ чемъ онъ отчасти и успѣлъ. Свидригайло не слагалъ оружія и готовился къ дальнѣйшей борьбѣ съ Польшею, ища всюду союзниковъ противъ нея. Поэтому, польскіе паны, какъ только прослышали о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ и не прочь отдѣлаться отъ него, немедленно снарядили въ Литву посольство съ явнымъ порученіемъ вести переговоры съ Свидригайломъ и съ тайнымъ предложеніемъ литовскимъ панамъ помощи и поддержки противъ Свидригайла. Заручив-

шись этою поддержкою, литовцы рѣшились дѣйствовать съ цѣлью избавиться отъ ненавистнаго в. князя. Во главѣ ихъ сталъ братъ Витовта Сигизмундъ Кейстутьевичъ. Въ ночь на 1 сентября 1432 г. Свидригайло подвергся нападенію заговорщиковъ и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ съ нѣсколькими преданными ему панами. Великимъ княземъ литовцы провозгласили Сигизмунда Кейстутьевича. Послѣ того Ягайло снарядилъ на Литву торжественное посольство для подтвержденія договора объ уніи и инвеституры новаго великаго князя. Этому посольству удалось возобновить унію на основаніи договора 1401 года и кромѣ того добиться отъ Сигизмунда Кейстутьевича уступки Подолья, а по смерти его и Волыни въ пользу Польши.

Низверженіе Свидригайла и возведеніе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича были торжествомъ литовской знати, возстановленіемъ ея положенія въ великомъ княжествѣ, поколебленнаго при Свидригайлѣ. Но эта побѣда и эта реставрація въ концѣ концовъ оказались неполными. Ягайло и польскіе паны для умиротворенія великаго княжества рѣшили дать русскимъ людямъ нѣкоторыя компенсаціи за низверженнаго Свидригайла, ихъ любимца. Отправляя въ Литву пословъ, они дали имъ полномочія измѣнить нѣкоторыя статьи въ предшествующихъ актахъ уніи въ пользу русскихъ подданныхъ великаго княжества. Въ силу этого полномочія польскіе послы въ тотъ же самый день, когда былъ заключенъ договоръ объ уніи, т. е. 15 октября 1432 года, отъ имени короля Ягайла и съ согласія в. кн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья, знатные люди и бояре, подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками-литовцами. Имъ такъ же, какъ и литовскимъ князьямъ, знатнымъ людямъ и боярамъ гарантировалось неприкосновенное владѣніе отчинными и пожалованными имѣньями и право свободнаго распоряженія ими съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей, давались тѣ же льготы, что и литовцамъ, по части отправленія государственныхъ повинностей; предоставлялось брать у литовцевъ тѣ же самые гербы или клейноты, которые тѣ получили отъ польскихъ пановъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства по сношенію съ своими польскими одногербовниками. Въ привилеѣ ясно былъ обозначенъ и мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русскимъ людямъ: дабы на будущее время не было между обоими народами раздѣленія или какого нибудь неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, но что бы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства и ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайла и брата его, в. кн. Сигизмунда.

Но не смотря на выдачу этого привилея, русскіе люди въ большинствѣ продолжали крѣпко держаться Свидригайла. Надо сказать, что привилей 1432 года по точному смыслу его ублаготворялъ тѣхъ русскихъ князей и бояръ, которые были обывателями Литвы и соединеной съ нею Руси въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. той части Бѣлоруссіи, которая не обнималась

Полоцкою и Витебскою землею). Земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Сѣверская, Кіевская, часть Волыни и восточное Подолье остались вѣрными Сигизмунду. Съ ополченіемъ этихъ земель и иноземною помощью (Тверскими полками) Свидригайло вторгался въ Литву и соединенную съ нею Русь и производилъ въ ней страшныя опустошенія. Это обстоятельство въ связи съ вторженіемъ орденскихъ войскъ поколебало вѣрность литовцевъ Сигизмунду Кейстутьевичу. Когда фактъ обнаружился, поляки поспѣшили прислать Сигизмунду вспомогательный отрядъ, а вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1434 года, отправился на Литву и самъ престарѣлый король Ягайло для того, что бы разсѣять всякія колебанія литовцевъ на счетъ Сигизмунда Кейстутьевича. Встрѣченный Сигизмундомъ и литовскими панами въ Кринкахъ, Ягайло объявилъ имъ, что свою милость и помощь онъ даруетъ Сигизмунду, минуя своего брата, и облекаетъ его великокняжескою властью, а князьямъ, прелатамъ и панамъ литовскимъ приказываетъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Сигизмундъ Кейстутьевичъ съ своей стороны поспѣшилъ привлечь къ себѣ князей и бояръ новыми милостями. Шестого мая того же 1434 года онъ выдалъ князьямъ и боярамъ (principibus et bojaris) привилей, въ которомъ обѣщалъ никого не карать безъ суда, отправленнаго по обычаю земли, по простому доносу тайному или явному; освобождалъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ отъ уплаты „дякла“ великому князю, предоставлялъ русскимъ князьямъ и боярамъ брать отъ литовцевъ гербы, или знаки шляхетства, и наконецъ подтверждалъ князьямъ и боярамъ всѣ вообще права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Все это возымѣло свое дѣйствіе: Литва и соединенная съ нею Русь остались вѣрными Сигизмунду Кейстутьевичу.

Этотъ фактъ въ связи съ утомленіемъ отъ борьбы оказалъ свое моральное дѣйствіе и на русскія области в. княжества, которыя держались Свидригайла. Въ нихъ стала обнаруживаться шатость и измѣна. Свидригайло съ своей стороны постарался оттолкнуть отъ себя русскихъ людей. 26 іюля 1435 г. въ Витебскѣ онъ приказалъ сжечь митрополита Герасима, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Обнаружились затѣмъ его сношенія съ папою, у котораго онъ искалъ поддержки противъ своего соперника, и которому обѣщалъ за то соединить русскую церковь съ римскою. Поэтому послѣ погрома, который Свидригайло потерпѣлъ въ сентябрѣ 1435 г. отъ Сигизмунда Кейстутьевича на р. Свентѣ, русскія земли одна за другою стали покидать его и переходить на сторону Сигизмунда. Послѣдній старался укрѣпить ихъ за собою, подтверждая ихъ старинныя права и установленія. Свидригайло въ концѣ концовъ удержалъ за собою только *Кременецъ* и восточную часть Подолья.

Такой исходъ имѣла борьба Сигизмунда Кейстутьевича съ Свидригайломъ за великокняжескую власть. Побѣда досталась Сигизмунду и поддерживавшимъ его литовцамъ не только цѣною человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, принесенныхъ войнѣ, но и цѣною различныхъ уступокъ, данныхъ русскимъ князьямъ и боярамъ съ цѣлью отклонить ихъ отъ Свидригайла. Для русскихъ людей великаго княжества это былъ, можно сказать, поло-

жительный результатъ, совершенно иначе опредѣлившій ихъ положеніе въ этомъ государствѣ, чѣмъ Городельскій привилей 1413 г.: русскіе люди сравнены были въ правахъ съ литовцами. Хотя это уравненіе въ правахъ относилось только къ русскимъ людямъ, жившимъ въ предѣлахъ собственной Литовской земли и Руси Литовской въ тѣсномъ смыслѣ, но оно имѣло значеніе и для остальныхъ земель. Дѣйствіе привилеевъ 1432 и 1434 должно было распространяться и на тѣхъ князей и бояръ русскихъ областей великаго княжества, которымъ удавалось такъ или иначе пріобрѣтать земельныя имущества въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и примыкавшей къ ней тѣсно Руси.

Изъ сравненія этихъ привилеевъ съ привилеемъ 1413 года обнаруживается, кромѣ того, и еще одна крупная новость въ соціально-политической жизни великаго княжества—распространеніе различныхъ гарантій, данныхъ знатному боярству, и на князей, извѣстное уравненіе обоихъ классовъ въ правахъ и вольностяхъ. Мы видѣли, что высшее литовское боярство, какъ привилегированный и правящій классъ, стало оттѣснять на задній планъ князей. Князья поэтому приняли дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ политическаго преобладанія высшаго литовскаго боярства и сгруппировались подъ знаменемъ Свидригайла. Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ подъ знаменемъ Свидригайла сражалось болѣе пятидесяти князей, изъ которыхъ 13 было убито, сорокъ два князя были взяты въ плѣнъ, а одинъ бѣжалъ съ Свидригайломъ. По источникамъ можно насчитать поименно свыше сорока князей, бывшихъ въ разное время сторонниками Свидригайла, такъ что и все политическое движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, пріобрѣтаетъ окраску какъ бы княжеской реакціи противъ политическаго господства литовскаго панства. Но разъ классъ князей принималъ столь значительное участіе въ борьбѣ противъ порядка, установившагося при Витовтѣ, естественно, что и всѣ положительные результаты борьбы должны были распространиться и на этотъ классъ. Вотъ почему и привилеи 1432 и 1434 года даны были уже не однимъ только панамъ и боярамъ, но и князьямъ. Князья стали нуждаться въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Размноженіе князей и измельчаніе ихъ владѣній приблизило этотъ классъ по общественному положенію къ боярамъ. Многіе изъ князей стали пріобрѣтать имѣнья отъ бояръ и нести съ нихъ боярскую службу; другимъ такія имѣнья были пожалованы отъ великаго князя. Вслѣдствіе всего этого гарантіи, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже прямо необходимыми и для князей.

Литература.

Иловайскій, Исторія Россіи, т. II; *Любавскій,* Литовско-русскій сеймъ; *Коцебу Авг.,* Свидригайло, в. князь Литовскій, Спб. 1835; *K. Stadnicki,* Bracia Wł. Jagiełły; *A. Lewicki,* Powstanie Swigrygiełły; *А. Г. Вальдемаръ,* Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1909 г., томъ XIV, книжка 3, стр. 160—198).

XIII.

Политическія движенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ началѣ великокняженія Казимира и изданіе общеземскаго привилея 1447 года и областныхъ.

Насильственная смерть Сигизмунда Кейстутьевича.—Избраніе великимъ княземъ королевича Казимира; разрывъ уніи 1432.— Мятежи областей и ихъ усмиреніе.—Избраніе Казимира на польскій престолъ и противодѣйствіе со стороны Литвы; вопросы о Волыни и Подольѣ.—Изданіе общеземскаго привилея 2 мая 1447 года.—Значеніе этого привилея во внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства.—Распространеніе полученныхъ Литвою правъ и вольностей на русскія земли; областные привилеи.

Внутренній миръ, установившійся въ Литовско-Русскомъ государствѣ послѣ покоренія русскихъ областей в. князю Сигизмунду Кейстутьевичу, продолжался недолго. Въ 1440 г. великій князь Сигизмундъ былъ убитъ заговорщиками, и вслѣдъ затѣмъ Литовско-Русское государство испытало новое сильное внутреннее потрясеніе, которое грозило ему распаденіемъ.

Сигизмундъ Кейстутьевичъ палъ жертвою заговора, вызваннаго, по всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, его тиранніею. Предшествовавшая восьмилѣтняя борьба съ Свидригайломъ, богатая всевозможными измѣнами и предательствами высшаго класса, истерзала его нравственно и поселила въ немъ недовѣріе и нерасположеніе къ высшему классу литовскаго общества. Эти чувства въ концѣ концовъ приняли у него болѣзненный характеръ, граничившій съ умопомѣшательствомъ въ формѣ маніи преслѣдованія. Великій князь сталъ удаляться отъ князей и пановъ, сталъ окружать себя людьми низкаго званія и раздавать имъ уряды, а князей и пановъ преслѣдовать по простому подозрѣнію. При такихъ обстоятельствахъ простого слуха о томъ, что в. князь замышляетъ перебить всѣхъ князей и пановъ на предстоящемъ сеймѣ, оказалось достаточнымъ для того, чтобы составился заговоръ на его жизнь. Въ вербную субботу 1440 г. заговорщики ворвались въ Троцкій замокъ, гдѣ проживалъ Сигизмундъ, и убили его.

Въ то самое время, когда зрѣлъ заговоръ, литовскіе князья и паны, знавшіе о томъ чуть не поголовно, не поднимали вопроса о преемникѣ Сигизмунду, инстинктивно избѣгая всякихъ разногласій, могущихъ помѣшать успѣху заговора. Къ рѣшенію этого вопроса князья и паны приступили уже послѣ убіенія Сигизмунда Кейстутьевича, при чемъ между ними оказалось большое разномысліе въ этомъ дѣлѣ: одни предлагали вернуть Свидригайла, другіе присягнули на вѣрность королю Владиславу III, третьи стояли за сына Сигизмунда Кейстутьевича—Михаила; но большинство примкнуло къ кандидатурѣ королевича Казимира. Въ возможность правленія Свидригайла послѣ пережитаго опыта уже перестали вѣрить; кандидатура Владислава III была непопулярна, потому что влекла за собою соединеніе Литвы съ Польшею подъ однимъ государемъ; относительно Михаила Сигизмундовича было распространено опасеніе, что онъ будетъ мстить за

смерть отца. Наиболѣе подходящимъ кандидатомъ, такимъ образомъ, оказывался королевичъ Казимиръ. Вокругъ лицъ, выставившихъ кандидатуру королевича, собралась поэтому наиболѣе многочисленная и сильная партія. Приверженцы Казимира рѣшились дѣйствовать какъ можно быстрѣе, дабы опередить сторонниковъ Михаила Сигизмундовича и не дать разгорѣться новой междоусобной борьбѣ въ великомъ княжествѣ. Королевичъ Казимиръ въ то время проживалъ въ Польшѣ, при дворѣ брата своего, короля Владислава III. Литовскіе князья и паны, не медля долго, отрядили въ Польшу пословъ къ королю Владиславу съ просьбою отпустить Казимира на великое княженіе, а сами поѣхали вслѣдъ за послами въ Берестье, что бы встрѣтить и проводить Казимира въ Вильну. Владиславъ согласился отпустить Казимира въ Литву, но не въ качествѣ великаго князя, а въ качествѣ простого намѣстника польскаго короля, ибо согласно договору 1432 г. великое княжество Литовское по смерти Сигизмунда Кейстутьевича должно было перейдти непосредственно къ королю и коронѣ Польской. Но литовцы не въ силахъ были помириться съ этимъ. Съ прибытіемъ Казимира въ Литву паны, державшіе сторону Свидригайла и Владислава, примкнули къ сторонникамъ Казимира, и всѣ рѣшили возвести его на великое княженье. Когда въ Вильну съѣхались литовскіе паны изъ разныхъ земель, подвластныхъ великому княжеству, литовцы стали просить прибывшихъ съ Казимиромъ польскихъ пановъ сообща съ ними посадить Казимира на великомъ княжествѣ. Когда же польскіе паны отвѣтили категорическимъ отказомъ на просьбу литовцевъ, послѣдніе самовольно провозгласили Казимира великимъ княземъ.

Такъ нарушенъ былъ актъ уніи, заключенный въ 1432 году. Литовцы, впрочемъ, не желали окончательнаго разрыва и обратились къ королю Владиславу III за утвержденіемъ избраннаго ими великаго князя. Но Владиславъ отказалъ имъ въ этомъ. По словамъ Длугоша, у него созрѣлъ въ то время планъ раздѣлить великое княжество на нѣсколько частей, что бы тѣмъ легче держать его въ подчиненіи, а именно: для себя и короны Польской удержать нѣкоторыя земли, между прочимъ Берестье и Каменецъ; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачею владѣній согласно договору 1432 года; Болеслава Мазовецкаго утвердить во владѣніи Дорогицкою землею, которую онъ захватилъ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича, а остальныя княжества Литвы и Руси отдать королевичу Казимиру.

Но великое княжество Литовское въ то время и помимо намѣренія Владислава едва, было, не распалось на свои составныя части. Дѣло въ томъ, что возведеніе королевича Казимира на великое княженіе возбудило сильное неудовольствіе противъ господствующей земли въ областяхъ великаго княжества. Это возведеніе было собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, совершено было наскоро и скорѣе въ формѣ coup d'état, чѣмъ правомѣрно, по общему совѣту и согласію. Князья и бояре изъ областей не привлекались къ этому дѣлу, ихъ не вызывали на сеймъ, по литовскіе намѣстники, отъѣзжая изъ областей въ Вильну по полученіи извѣстія о гибели Сигизмунда Кейстутьевича, брали съ обывателей ихъ присягу

въ томъ, что они не отступятъ отъ того великаго князя, кого посадятъ на великомъ княжествѣ въ Вильнѣ князья, паны и вся земля Литовская. Такой образъ дѣйствій литовцевъ и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженье Сигизмунда Кейстутьевича возбудилъ въ областяхъ оппозицію, хотя на этотъ разъ оппозиція проявилась по разному и не съ такимъ единодушіемъ, и потому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы поднялось прежде всего въ Смоленскѣ. Черные люди— кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрались на вѣче и вступили въ бой съ намѣстникомъ и боярами, которые оставались вѣрными Литвѣ. Хотя въ первой стычкѣ побѣда осталась за намѣстникомъ и боярами, но уже на другой день они принуждены были удалиться изъ Смоленска. Намѣстникъ уѣхалъ въ Литву, а бояре въ свои имѣнья. Черные люди сначала посадили воеводою въ Смоленскѣ князя Андрея Дорогобужскаго, а затѣмъ взяли себѣ „государемъ“ Мстиславскаго князя Юрья Лингвеньевича. Послѣдній похваталъ смоленскихъ бояръ, посажалъ ихъ въ оковы, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ мстиславскимъ боярамъ, намѣреваясь отдѣлиться совсѣмъ отъ великаго княжества и возстановить древнее Смоленское княженіе въ полномъ объемѣ. Въ то же время онъ, „возгордясь“, какъ говоритъ лѣтописецъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Полоцкъ и Витебскъ.—Точно такъ же и земля Волынская обнаружила стремленіе устроить свою судьбу независимо отъ Литвы. Князья и бояре Луцкой земли приняли къ себѣ на княженіе Свидригайла, который поспѣшилъ принести вассальную присягу не Казимиру, а королю Польскому Владиславу III. Землевладѣльцы Владимірскаго и Кременецкаго повѣтовъ Волынской земли послѣдовали примѣру князей и пановъ Луцкой земли.—Одновременно съ Смоленскою и Волынскою землею отторглась отъ великаго княжества и земля Подляшская съ городами Дорогичиномъ, Бѣльскомъ и Мельникомъ. Начальствовавшій въ этой землѣ староста—Носута, мазуръ по происхожденію, поддался со всѣми названными городами князю Мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля должна была перейдти по смерти Сигизмунда Кейстутьевича вслѣдствіе особаго договора съ нимъ.—Вслѣдъ за другими и земля Жмудская не захотѣла подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намѣстниковъ старосты Кезгайла и выбрали себѣ сами старосту — нѣкоего Довмонта, а княземъ признали надъ собою Михаила Сигизмундовича.—Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отпаденію отъ великаго княжества. Когда бѣжавшій въ Москву Михаилъ Сигизмундовичъ вернулся оттуда съ вспомогательнымъ войскомъ и подступилъ къ Кіеву, кіевляне легко сдались ему и приняли его намѣстниковъ и гарнизонъ.

На счастье Казимира между областями не было того единодушія, съ какимъ прежде они боролись за Свидригайла. Каждая область дѣйствовала сама по себѣ, преслѣдовала свои собственныя цѣли, и всѣ они въ сущности тянули въ разныя стороны. Поэтому паны, стоявшіе вокругъ Казимира, съ Яномъ Гаштольдомъ во главѣ сравнительно легко справились съ ихъ сепаратистическими поползновеніями и заставили признать власть Казимира.

Прежде всего они выслали войско для усмиренія смоленскаго мятежа, а когда оно не исполнило своей миссіи, то юный Казимиръ лично отправился въ походъ на Смоленскъ, осадилъ его и пожегъ посады и монастыри. Смольняне принуждены были покориться и принять намѣстника изъ руки Казимира, а князь Юрій Лингвеньевичъ бѣжалъ въ Новгородъ. Для окончательнаго умиротворенія Смольнянъ великій князь выдалъ имъ грамоту, въ которой подтвердилъ различныя права и вольности Смоленской земли.—Точно такъ же скоро раздѣлался Казимиръ и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собралъ было большое войско въ Ковнѣ съ намѣреніемъ вторгнуться отсюда въ Жмудь. Но сопровождавшій его панъ Янъ Гаштольдъ посовѣтовалъ ему послать къ Жмудинамъ пана Контовта, племянникъ котораго былъ избранъ ими въ старосты, и попытаться склонить ихъ къ покорности, не прибѣгая къ силѣ. Контовтъ успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе. Жмудины „призволили“ служить в. князю Казимиру, пріѣхали къ нему въ Ковно и принесли присягу въ вѣрности. Казимиръ съ своей стороны далъ имъ присягу сохранять ихъ въ своей милости и не отнимать у нихъ имѣній. Онъ выдалъ имъ особую грамоту, въ которой торжественно призналъ, что они не мечемъ покорены, а добровольно пристали къ великому княжеству; кромѣ того, пожаловалъ имъ право избирать себѣ старосту, оставляя за собою утвержденіе его, и обратно—право принимать отъ него только такого воеводу и тивуновъ, которые будутъ имъ любы.—Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло къ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тѣмъ не менѣе Казимиръ и его рада сочли необходимымъ въ государственныхъ интересахъ великаго княжества удовлетворить желаніе кіевлянъ имѣть у себя правителемъ князя. Поэтому, когда вскорѣ послѣ покоренія Кіева въ Вильну пріѣхалъ изъ Копыля князь Олелько Владиміровичъ съ сыновьями и большою свитою и сталъ просить о возвращеніи ему отчины его—Кіева, Казимиръ по совѣту своей рады далъ ему Кіевъ со всѣми пригородками (около 1442 г.).—Больше хлопотъ доставило Казимиру и литовскимъ панамъ Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирнымъ путемъ и вошли въ переговоры съ поляками. Но эти переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Литовцы послѣ того не разъ пытались вернуть Подляшье силою оружія, но безуспѣшно. Имъ удалось возвратить Подляшье только въ 1444 году посредствомъ соглашенія съ Мазовецкимъ княземъ Болеславомъ, которому они заплатили 6000 копъ пражскихъ грошей. При этомъ для удовлетворенія мѣстныхъ земянъ польскаго происхожденія Казимиръ пожаловалъ имъ права и вольности, которыя содержатся въ статутахъ королевства Польскаго. Послѣ того, какъ всѣ эти области воротились къ великому княжеству Литовскому, и Свидригало съ Волынянами не захотѣли отставать отъ прочихъ и въ концѣ 1445-го или въ началѣ 1446 года перешли на сторону Литвы. Вмѣстѣ съ Волынью примкнуло къ Литвѣ и восточное Подолье, остававшееся все время въ рукахъ Свидригайла.

Итакъ, Казимиру удалось въ концѣ концовъ утвердить свою власть во всѣхъ областяхъ великаго княжества. Но положеніе его въ Литовско-

Русскомъ государствѣ вскорѣ опять стало затруднительнымъ. Братъ его, Польскій и Венгерскій король Владиславъ III, погибъ при Варнѣ въ 1444 году. Вслѣдствіе этого поляки на Сѣрадзьскомъ сеймѣ 1445 года поспѣшили избрать Казимира королемъ Польскимъ. Такимъ путемъ они надѣялись возстановить унію съ великимъ княжествомъ, разорванную въ 1440 году. Но вольный сеймъ литовскихъ и русскихъ пановъ, собравшійся въ январѣ 1446 года въ Вильнѣ, не разрѣшилъ Казимиру принять польскую корону и послалъ полякамъ отказъ. По словамъ Длугоша, литовцы опасались, что съ отъѣздомъ Казимира въ Польшу великимъ княженьемъ овладѣетъ Михаилъ Сигизмундовичъ, что этотъ князь будетъ имъ мстить за смерть отца, и они потеряютъ при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одарилъ ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ утвердить за великимъ княжествомъ Волынь и Подолье, которыя отбивали у нихъ поляки. Получивъ отказъ, поляки избрали королемъ Болеслава Мазовецкаго, но рѣшили повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ его на престолъ и попытаться вновь склонить Казимира къ принятію короны, надѣясь, что на этотъ разъ Казимиръ и литовцы образумятся. Они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Возведеніе на польскій престолъ Болеслава Мазовецкаго, шурина и пріятеля Михаила Сигизмундовича, грозило Казимиру и литовцамъ большою опасностью. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Сигизмундовичъ не переставалъ еще интриговать противъ Казимира на Литвѣ и все еще имѣлъ своихъ сторонниковъ. Съ восшествіемъ на престолъ польскій Болеслава Мазовецкаго можно было опасаться, что Михаилъ найдетъ себѣ поддержку и въ Польшѣ и тогда сгонитъ Казимира съ великаго княженья. Поэтому Казимиръ и его совѣтники отправились на зовъ поляковъ въ Берестье и вступили въ переговоръ съ польскими уполномоченными. Результатомъ этихъ переговоровъ было согласіе Казимира на принятіе Польской короны и письменное обязательство, выданное имъ польскимъ посламъ,—прибыть въ Краковъ къ 24 іюля 1447 года на коронацію. Литовскіе паны согласились на эту коронацію, взявъ предварительно съ Казимира клятвенную запись, въ которой онъ, въ качествѣ Польскаго короля, признавалъ владѣніями великаго княжества Волынь и Подолье и констатировалъ право литовцевъ послѣ его смерти избрать себѣ отдѣльнаго или общаго съ поляками государя. Казимиръ потребовалъ было, что бы и уполномоченные поляковъ скрѣпили эту запись и подтвердили содержащіяся въ ней уступки для великаго княжества. Но польскіе послы категорически отказались отъ этого и собрались даже уѣзжать изъ Берестья, не кончивъ дѣла. Тогда Казимиръ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ нихъ, пересталъ ставить вопросъ объ уступкахъ для Литвы, какъ conditio sine qua non, надѣясь уладить это дѣло впослѣдствіи, и заявилъ окончательно о своемъ согласіи на принятіе короны. Литовцы остались съ одною записью Казимира, не скрѣпленною поляками. Что бы успокоить ихъ и задобрить въ свою пользу, Казимиръ передъ самымъ отправленіемъ своимъ на коронацію въ Краковъ, 2 мая 1447 года, выдалъ имъ привилей, въ которомъ пожаловалъ имъ рядъ новыхъ правъ и вольностей, и при томъ весьма существенныхъ по сравненію съ правами и вольностями, дарованными его предшественниками.

Своею грамотою Казимиръ освобождалъ всѣхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ „кметей“, т. е. крестьянъ, не только отъ платежа натуральныхъ податей („дякла“) и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати—„серебщины“; обязывался не принимать на свои земли владѣльческихъ крестьянъ—отничей и невольныхъ, запрещая то же самое владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владѣльческими „подданными“ принадлежитъ владѣльцамъ, и эти подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя и его урядниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не даетъ на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всякомъ случаѣ должны идти въ пользу владѣльцевъ. Литовскому католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будутъ замѣщаться предпочтительно уроженцами великаго княжества и только при отсутствіи годныхъ кандидатовъ—иностранцами. Въ интересахъ свѣтскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не давать никому, помимо уроженцевъ великаго княжества, земель, замковъ и мѣстъ въ полную собственность, временное владѣніе или въ держаніе, равно не раздавать иноземцамъ уряды или почетныя званія. Наконецъ, въ виду притязаній поляковъ на Волынь и Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владѣній великаго княжества, но сохранить его въ цѣлости въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князѣ Витовтѣ.

Привилей 1447 года является новою иллюстраціею того дѣйствія, которое оказывало тѣсное сближеніе съ Польшею на внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства. Избираемые на польскій престолъ великіе князья Литовскіе старались всячески ублаготворять сильныхъ людей великаго княжества, дабы имѣть возможность сидѣть сразу на двухъ престолахъ и держать свои государства въ союзѣ и братской любви. Средствомъ для этого являлось распространеніе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ „правъ вольныхъ, добрыхъ, христіанскихъ, какъ въ корунѣ Польской“. Къ этому средству прибѣгъ и Казимиръ, какъ это видно изъ заявленія его въ привилеѣ 1447 года, что онъ даруетъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ Литовской, Русской, Жмудской и другихъ земель великаго княжества всѣ вообще права, вольности и изъятія, какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства Польскаго. Привилею 1447 года принадлежитъ весьма важное мѣсто въ исторіи соціально-политическаго развитія Литовско-Русскаго государства. Этотъ привилей дополнилъ и завершилъ рядъ уступокъ, сдѣланныхъ великокняжескою властью землевладѣльцамъ Литовско-Русскаго государства. Въ общемъ всѣ эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослужилыми землевладѣльцами. Благодаря этимъ уступкамъ добрая половина населенія, если не большинство, почти совсѣмъ вышла изъ непосредственной власти великаго князя и попала подъ власть землевладѣльцевъ, которые стали въ отношеніи къ ней чуть не такими же *господарями*, какъ самъ великій князь по

отношенію къ остальной части. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ установился политическій строй, имѣющій много сходнаго съ средневѣковымъ западно-европейскимъ феодализмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь утратилъ и шансы на то, что бы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ и волею-неволею долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни обращаться и къ другимъ „господарямъ“, чаще всего, конечно, къ наиболѣе крупнымъ и знатнымъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и ко всѣмъ остальнымъ. Привилей 1447 года парализовалъ возможность развитія абсолютной монархической власти въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ этомъ отношеніи особенно важна была та статья этого привилея, которая освобождала владѣльческихъ крестьянъ отъ государственныхъ податей. Эта статья съ теченіемъ времени, когда война истощила совершенно скарбъ великаго князя, заставила его выпрашивать у землевладѣльцевъ субсидіи на нужды государства, а этимъ послѣднимъ дала возможность добиваться отъ своего государя новыхъ правъ и вольностей, клонившихся къ ограниченію его власти и значенія.

Этотъ результатъ коснулся одинаково какъ литовцевъ, такъ и русскихъ князей и бояръ великаго княжества. Выдавая 2 мая 1447 года привилей на различныя права и вольности военнослужилымъ землевладѣльцамъ, Казимиръ не могъ обойдти въ немъ князей, бояръ и военнослужилыхъ мѣщанъ областей-аннексовъ. И эти области приходилось задабривать, располагать къ вѣрности разными пожалованіями, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Сигизмундовичъ не прекращалъ своей борьбы съ Казимиромъ. Поэтому и привилей 1447 года былъ выданъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ Литовской, Русской и прочихъ земель великаго княжества. Такимъ образомъ привилей 1447 года былъ первымъ *общеземскимъ* привелеемъ, уравнивавшимъ въ правахъ литовцевъ и русскихъ всѣхъ земель виликаго княжества (привилеи 1432 и 1434 г. уравнивали съ литовцами русскихъ землевладѣльцевъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Литвы и Руси Литовской). Что бы устранить всякія сомнѣнія, которыя могла порождать общность выраженія въ общеземскомъ привилеѣ, Казимиръ счелъ нужнымъ подтвердить свое пожалованье въ новыхъ привилеяхъ, которыя онъ повыдавалъ областямъ въ подтвержденіе ихъ старинныхъ правъ и вольностей. Указаніе на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ подтвердительныхъ грамотахъ, выданныхъ областямъ Смоленской, Кіевской и Полоцкой. Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержаніе ихъ привилеевъ показываетъ, что и на эти области распространилось то самое право, которое дано было Литвѣ, Руси и Жмуди въ 1447 г., ибо нѣкоторыя статьи этихъ привилеевъ прямо соотвѣтствуютъ статьямъ привилея 1447 г.

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская получили отъ Казимира новые привилеи, по всей вѣроятности, въ 1451 г. Въ началѣ этого года Казимиръ собиралъ въ Вильнѣ общій сеймъ князей, пановъ и бояръ всѣхъ земель великаго княжества для устроенія различныхъ внутреннихъ дѣлъ великаго княжества. Весьма возможно, что на этомъ общемъ сеймѣ Казимиръ и выдалъ названнымъ землямъ свои привилеи. Можетъ быть, впрочемъ,

Казимиръ сдѣлалъ это и во время объѣзда этихъ земель, которое онъ предпринималъ въ томъ же году, непосредственно послѣ роспуска сейма. Какъ бы то ни было, но отъ 1456 г. мы имѣемъ указанія на „листы", выданные Казимиромъ областямъ. Волынской землѣ, по всѣмъ даннымъ, Казимиръ выдалъ привилей съ новыми правами и вольностями въ 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайла добровольно отдалась подъ власть Литвы, а не Польши. Что касается Кіевской земли, то привилей выданъ былъ ей только по смерти кн. Семена Олельковича, случившейся въ 1471 г. Дарованіе Кіевской землѣ новыхъ правъ и вольностей было средствомъ ея замиренія, ибо, какъ извѣстно, Кіевляне въ высшей степени были недовольны отмѣною у нихъ княженія и приняли къ себѣ литовскаго воеводу, только уступая силѣ.

Подводя итоги политическимъ движеніямъ, происходившимъ въ великокняженіе Казимира, мы должны констатировать во первыхъ увеличеніе правъ военнослужилаго класса Литовской земли и во вторыхъ распространеніе этихъ правъ и на военнослужилыхъ землевладѣльцевъ областей—аннексовъ великаго княжества. Первый результатъ стоялъ въ связи съ основнымъ фактомъ, который мы отмѣчали уже не разъ,—съ существованіемъ въ Литовской землѣ солидарнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ—князей и бояръ, отъ которыхъ зависѣло утвержденіе великихъ князей на престолѣ и заключеніе уніи съ Польшею. Второй результатъ стоялъ въ связи съ тою энергичною борьбою, которую вели области-аннексы великаго княжества противъ исключительности господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы онѣ наглядно показали свою силу и значеніе и заставили господствующую землю пойдти на компромиссъ и сдѣлать имъ черезъ посредство великаго князя рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія въ правахъ и вольностяхъ. Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею въ свою очередь заключался въ ихъ внутренней соціально-политической консолидаціи, унаслѣдованной ими съ древнихъ временъ. Со временъ кіевской эпохи населеніе западно-русскихъ областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать изъ центра, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы. Въ литовскую эпоху областное единство и солидарность держались преимущественно на военнослужилыхъ землевладѣльцахъ областей, которые, имѣя въ зависимости отъ себя мѣстное крестьянство, объединялись въ мѣстныхъ ополченіяхъ и на мѣстныхъ вѣчахъ, или сеймахъ, гдѣ рѣшались различные вопросы мѣстной жизни. Эти военнослужилые землевладѣльцы имѣли и своихъ вождей и руководителей въ лицѣ мѣстныхъ князей и старшихъ бояръ, или пановъ, владѣвшихъ относительно крупными имѣньями и участвовавшихъ въ мѣстномъ управленіи на различныхъ урядахъ.

Съ изданіемъ общеземскаго привилея 1447 года и областныхъ внутренній строй Литовско-Русскаго государства опредѣлился въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Таковыми являются: политическая обособленность и внутрен-

няя самостоятельность областей, государственныя права землевладѣльцевъ, избирательная и ограниченная основными законами въ пользу землевладѣльцевъ великокняжеская власть. На этомъ фундаментѣ созидалась и вся дальнѣйшая стройка Литовско-Русскаго государства. Въ этой стройкѣ можно различить два періода. Первый изъ нихъ совпадаетъ съ великокняженіемъ Казимира и его сыновей, т. е. съ конца сороковыхъ годовъ XV-го и до конца сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Главная роль въ дѣлѣ государственнаго строительства за это время принадлежитъ, кромѣ господаря, литовско-русской аристократіи—князьямъ и панамъ какъ собственной Литовской, такъ и западнорусскихъ земель великаго княжества. Все внутреннее строеніе Литовско-Русскаго государства за это время носитъ на себѣ отпечатки господства и компромисса двухъ силъ — великокняжеской власти и литовско-русскаго панства. Третья сила—шляхта является только вспомогательною и только къ концу періода начинаетъ пріобрѣтать большее значеніе и направлять государственную жизнь въ своихъ интересахъ, но не достигаетъ еще преобладанія. Второй періодъ совпадаетъ съ временемъ царствованія Сигизмунда-Августа. За это время шляхта вступаетъ въ парламентскую борьбу съ господарскою властью и панствомъ, добивается отъ нихъ существенныхъ уступокъ въ свою пользу, перестраиваетъ законодательство, мѣстное управленіе и сеймованіе. Благодаря этимъ перестройкамъ внутренній строй Литовско-Русскаго государства въ значительной степени приближается къ польскому. Что бы окончательно утвердить свое политическое положеніе, литовско-русская шляхта поднимаетъ вопросъ объ осуществленіи уніи съ Польшею, идя на встрѣчу одновременнымъ усиліямъ польской шляхты, и результатомъ ихъ соединенныхъ усилій является парламентарная унія 1569 года, положившая конецъ самостоятельному существованію Литовско-Русскаго государства.

Литература.

Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи т. II; *М. Любавскій,* Литовско-русскій сеймъ; *Caro,* Geschichte Polens, B. IV; *A. Lewicki,* Wstąpienie na tron Kazimierza Jagiełłończyka, Kraków 1886. (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umejętności: w Krakowie, t. XX); *М. Н. Ясинскій,* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства; *И. Б. Якубовскій,* Земскіе привилеи великаго княжества Литовскаго; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Источники литовско-русскаго права (Варшавскія Университ. Извѣстія 1894, кн. 1).

XIV.

Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства при Казимирѣ и его сыновьяхъ и политическое значеніе этого дѣленія.

Территоріальный составъ Литовско-Русскаго государства во второй половинѣ XV-го и первой половинѣ XVI вѣка.—Область великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ и ея обособленное положеніе; политическая гегемонія Литвы.—Удѣльныя княжества въ качествѣ самостоятельныхъ частей литовско-русской территоріи; ихъ происхожденіе и судьба.—Остатки прошлой политической самостоятельности областей-аннексовъ въ ихъ привилеяхъ.—Федералистическій характеръ Литовско-Русскаго государства.

Съ изданіемъ областныхъ привилеевъ при Казимирѣ надолго установился и опредѣлился областной строй Литовско-Русскаго государства. Привилеи эти подтверждались и въ послѣдующее время, въ теченіе всего XVI вѣка. Помимо традиціи здѣсь дѣйствовала и политика—стремленіе господствующей Литовской земли парализовать сепаратизмъ областей въ эпоху напряженной борьбы съ Московскимъ государствомъ и татарами. Во время этой борьбы среди Руси, подвластной Литвѣ, не разъ обнаруживалась шатость и измѣна, и чтобы предупредить отпаденіе областей, господствующая Литва старалась ублаготворить ихъ подтвержденіемъ ихъ правъ и вольностей. Такимъ образомъ, напр., въ самый разгаръ движенія, вызваннаго Глинскимъ, при Сигизмундѣ I, получили подтвердительные привилеи земли Волынская и Витебская. Благодаря этому, Литовско-Русское государство продолжало сохранять тотъ федералистическій характеръ, который оно получило послѣ своего территоріальнаго образованія.

Главною его областью, центральною землею, къ которой тяготѣли всѣ другія земли и владѣнія, по прежнему оставалась территорія, бывшая основнымъ историческимъ ядромъ этого государства, т. е. великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ съ нѣкоторыми его наростами второй половины XIII-го и первой половины XIV вѣка. Территорія эта состояла изъ собственной *Литовской земли*, *Руси* въ особомъ тѣсномъ обозначеніи, простиравшемся на города и волости по Березинѣ и ея притокамъ, по среднему Днѣпру и Сожу, по нижней Припяти, и изъ *земли Берестейской* (съ исключеніемъ Подляшья). Такимъ образомъ эта основная часть литовско-русской государственной территоріи обнимала приблизительно нынѣшнія Виленскую, восточную часть Ковенской, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губерніи. Старое дѣленіе этой территоріи на Виленскую и Троцкую половины, установившееся со временъ Ольгерда и Кейстута, утвердилось въ формѣ военнаго и административнаго дѣленія на Виленское и Троцкое воеводства.

Область эта занимала доминирующее положеніе въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Она была самою населенною, самою многолюдною изъ всѣхъ другихъ. Здѣсь сосредоточено было наибольшее количество господарскихъ, великокняжескихъ, имѣній, тутъ же преимущественно скучены

были и имѣнья правящей литовской знати—князей Гольшанскихъ, пановъ Гаштольдовъ, Радзивиловъ, Заберезинскихъ и др. Эта область обособлялась отъ другихъ своими внутренними порядками по части управленія и суда, своимъ обычаемъ, своимъ литовскимъ правомъ. Ея военныя силы мобилизировались въ особые полки, стоявшіе подъ командою воеводъ Виленскаго и Троцкаго и не сливавшіеся съ остальнымъ войскомъ (подъ начальство воеводы Виленскаго и Троцкаго ставились также ополченія княжествъ Слуцкаго и Мстиславскаго, Подляшья и Полѣсья). Всѣ должности по мѣстному управленію въ этой территоріи раздавались мѣстнымъ землевладѣльцамъ, изъ нихъ державы и тивунства—по представленію воеводъ Виленскаго и Троцкаго, пограничные замки—по совѣту великаго князя съ радою, которая составлялась преимущественно изъ литовскихъ пановъ. Эти должности были въ большинствѣ наслѣдіемъ политической старины этой территоріи, когда она была подѣлена на нѣсколько княженій. Судъ въ этой области до изданія общегосударственнаго свода, т. е. Статута 1529 года, производился по мѣстному обычному праву и узаконеніямъ, въ родѣ, напр., судебника Казимира 1468 года, разнившимся отъ дѣйствовавшихъ въ другихъ областяхъ нормъ. Подобно другимъ областямъ и эта главная область Литовско-Русскаго государства имѣла свой земскій привилей. Таковымъ былъ Городельскій привилей 1413 года, подтверждавшійся всѣми великими князьями, не смотря на то, что уже составленъ былъ, подтверждался и дополнялся общеземскій привилей 1447 года. Литовцы дорожили этимъ Городельскимъ привилеемъ, который давалъ имъ нѣкоторыя важныя политическія преимущества передъ другими землевладѣльцами, и при случаѣ ссылались на него въ огражденіе этихъ преимуществъ. Такъ, когда король Сигизмундъ въ 1522 году назначилъ православнаго русскаго князя Константина Ивановича Острожскаго воеводою Троцкимъ и далъ ему первое мѣсто „въ лавицѣ“ господарской рады, литовскіе паны протестовали противъ этого назначенія, ссылаясь на то, что по Городельскому привилею такія высокія должности на Литвѣ, какъ воеводства, каштелянства, должны предоставляться обязательно католикамъ, не схизматикамъ. И король долженъ былъ обѣщать, что этотъ случай не будетъ прецедентомъ для будущаго, и впредь подобные уряды и достоинства не будутъ даваться русскимъ, безъ совѣта старшихъ пановъ рады, но только литовцамъ римской католической вѣры.

Съ востока и юга къ этой основной области примыкали, связываясь съ нею въ военномъ отношеніи, удѣльныя княжества Мстиславское (по верхнему Сожу и частью по среднему Днѣпру), Слуцкое (на верхней Случи, лѣвомъ притокѣ Припяти, и частью въ бассейнѣ Птича) и Полѣсскія—Пинское, Клецкое, Городецкое и Кобринское (въ бассейнѣ Припяти). Какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, Витовтъ упразднилъ только крупныя областныя княженья, какъ Витебское, Полоцкое, Смоленское, Кіевское, Подольское и Волынское. Но на болѣе мелкихъ территоріяхъ князья Гедиминовичи остались и при немъ, и послѣ него, и сдѣлались уже наслѣдственными владѣльцами своихъ княжествъ. Число такихъ *удѣловъ*,

стоявшихъ внѣ территорій областей и бывшихъ такими же самостоятельными частями государства, какъ и „земли"-области, даже увеличилось при Казимирѣ новыми пожалованіями Гедиминовичамъ и нѣкоторымъ бѣжавшимъ изъ Московскаго княжества потомкамъ Калиты. Такъ произошли вышеупомянутыя княжества. Изъ нихъ княжество *Мстиславское* стало потомственнымъ достояніемъ князя Семена-Лингвенья Ольгердовича, его сына и внука; въ концѣ XV вѣка, послѣ прекращенія мужского потомства кн. Лингвенья, владѣльцемъ Мстиславскаго княжества сталъ съ утвержденья в. кн. Александра кн. Михаилъ Ивановичъ Жеславскій, мужъ правнучки Лингвенья. Въ 1527 году кн. Михаилъ Ивановичъ, лишившись обоихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ убѣжалъ въ Москву, а другой умеръ, записалъ Мстиславскій удѣлъ по смерти своей господарю великому князю. Такимъ путемъ въ 1529 году Мстиславское княжество перешло подъ непосредственную власть в. князя. Но его особность вмѣстѣ съ этимъ не исчезла, и оно составило особую территорію, особую область, сдѣлавшуюся впослѣдствіи воеводствомъ.—Княжество *Слуцкое* возникло, какъ потомственное владѣніе кн. Владиміра Ольгердовича, получившаго его отъ Витовта, послѣ того какъ онъ вывелъ его изъ Кіева. Въ родѣ Владиміра Ольгердовича Слуцкое княжество пребывало до конца XVI вѣка, когда этотъ родъ угасъ.—*Пинское* княжество до семидесятыхъ годовъ XV-го вѣка было во владѣніи потомковъ Наримунта Гедиминовича. По прекращеніи этого рода король Казимиръ пожаловалъ его вдовѣ послѣдняго Кіевскаго князя Семена Олельковича и ея сыну, а по смерти послѣдняго зятю ея кн. Ѳедору Ивановичу Ярославичу (около 1500 г.). Этотъ кн. Ѳедоръ Ивановичъ былъ внукъ московскаго бѣглеца Василія Ярославича Боровского, сторонника Шемяки, бѣжавшаго въ Литву послѣ проигрыша ихъ дѣла и торжества Василія Темнаго. Сынъ этого Василія Иванъ, отецъ кн. Ѳедора Ивановича, получилъ отъ короля Казимира два Полѣсскихъ княжества: *Клецкое* (на верхней Лани и ея притокамъ), бывшее передъ тѣмъ во владѣніи князя Михаила Сигизмундовича, Казимирова конкуррента на великое княженіе, и княжество *Городецкое* (по р. Припяти съ резиденціею въ Городкѣ Давыдовѣ), бывшее передъ тѣмъ во владѣніи вдовы Свидригайла Анны. Отъ кн. Ивана Васильевича оба эти княжества перешли къ упомянутому его сыну Ѳедору, который, такимъ образомъ, соединилъ въ своихъ рукахъ цѣлыхъ три Полѣсскихъ княжества—Пинское, Клецкое и Городецкое. Не имѣя мужского потомства кн. Ѳедоръ и его жена еще при жизни записали всѣ эти княжества королю Сигизмунду, который пожаловалъ ихъ своей супругѣ Бонѣ (въ 1521 году). Бона получила еще по сосѣдству княжество *Кобринское* (на верхней Припяти), въ XV и въ началѣ XVI-го вѣка составлявшее потомственное владѣніе въ родѣ князя Ѳедора Ольгердовича.—Всѣ эти княжества были особые политическіе мірки, маленькія государства въ государствѣ, знавшія только своихъ господарей-князей, а великаго князя Литовскаго только черезъ этихъ господарей. Эти господари должны были выводить свои ополченія на ратное поле вмѣстѣ съ литовскими полками, при чемъ князья Мстиславскій и

Слуцкій ставились подъ знамя Виленскаго воеводы, остальные подъ знамя Троцкаго.

Такими же обособленными политическими мірками, государствами въ Литовско-Русскомъ государствѣ, были княжества Бѣльское, Стародубское, Новгородъ-Сѣверское и „верховскія“ княжества на верхней Окѣ— Новосильское, Одоевское, Воротынское, Бѣлевское и др. *Бѣльское* княжество (на сѣверѣ Смоленской земли) образовано было Витовтомъ для сына кн. Владиміра Ольгердовича—Ивана, отъ котораго оно перешло по наслѣдству къ его сыновьямъ Семену и Ѳедору. Въ 1500 году эти князья поддались съ своею отчиною — Бѣлою великому князю Московскому. — Княжество *Стародубское* въ Черниговской землѣ было образовано Казимиромъ для московскаго выходца кн. Ивана Андреевича Можайскаго, сторонника Шемяки. Около 1465 года Казимиръ пожаловалъ ему Стародубъ, Гомель и Брянскъ. По смерти Ивана Андреевича Стародубъ и Гомель унаслѣдовалъ сынъ его Семенъ, которому в. кн. Александръ пожаловалъ еще Черниговъ, Корачевъ и Хотимль; Брянскъ унаслѣдовалъ второй сынъ Ивана Андрей; такъ какъ Андрей умеръ бездѣтнымъ, Брянскъ взятъ былъ въ непосредственное владѣніе короля. Въ 1500 кн. Семенъ Ивановичъ Можайскій передался Москвѣ съ своими владѣніями—Стародубомъ, Черниговомъ и Гомелемъ.—Княжество *Новгородъ-Сѣверское* было образовано королемъ Казимиромъ для сына Димитрія Шемяки—Ивана, бѣжавшаго въ Литву въ 1454 году, изъ городовъ Новгородъ-Сѣверска и Рыльска. Сынъ этого князя—Василій Ивановичъ Шемячичъ въ 1500 году поддался съ этими городами Москвѣ.—Что касается „верховскихъ“ княжествъ, то это были исконныя владѣнія потомковъ св. Михаила, князя Черниговскаго, которые во второй половинѣ XIV-го и нач. XV-го вѣка подчинились великому князю Литовскому, обязались ему служить и давать полѣтнее. Эти княжества нельзя даже назвать государствами въ Литовско-Русскомъ государствѣ, а скорѣе союзными съ нимъ владѣніями, связанными обоюдными договорами, при нарушеніи которыхъ связь порывалась. Такъ, кн. Ѳедоръ Львовичъ Новосильскій заключилъ съ в. княземъ Казимиромъ договоръ, въ силу котораго онъ, князь Ѳедоръ, обязывался служить Казимиру, его преемникамъ и Литовской землѣ вѣрно, безъ всякой хитрости, быть въ его волѣ, ни съ кѣмъ не канчивать и никому не пособлять „никоторыми дѣлы“, быть въ миру или не въ миру съ тѣмъ, съ кѣмъ великій князь Казимиръ будетъ миренъ или не миренъ, платить ему полѣтнее; съ своей стороны Казимиръ обязывался держать князя Ѳедора Львовича и его потомковъ въ чести и жалованьѣ, оборонять ихъ отъ всякаго недруга, не вступаться въ ихъ земли и воды, давать судъ въ случаяхъ пограничныхъ столкновеній безъ перевода, разбирать распри самихъ Новосильскихъ князей, по смерти кн. Ѳедора выдать его дѣтямъ такую же докончальную грамоту. При неисполненіи этихъ обязательствъ со стороны Казимира или его преемниковъ, крестное цѣлованіе снималось съ князей, и они были свободны. Такой же договоръ Казимиръ заключилъ и съ сыновьями Ѳедора—Димитріемъ и Семеномъ. Въ силу этого договора кн. Семенъ Ѳедоровичъ, когда в. кн.

Александръ не оборонилъ его отчину отъ Москвы и не вознаградилъ его другимъ владѣніемъ, не принялъ его въ докончанье и посланнаго къ нему боярина не „учтилъ“, сложилъ съ себя крестное цѣлованье и перешелъ съ отчиною на службу къ Москвѣ.

Особное положеніе занимали въ составѣ Литовско-Русскаго государства земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленская (остававшаяся въ его составѣ до завоеванія ея Москвою въ 1514 году), Кіевская, Волынская, Подляшье и Подолье. Государственно-правовое положеніе всѣхъ этихъ земель, за исключеніемъ Подолья, опредѣлялось ихъ земскими привилеями, которые начали выдаваться имъ еще Витовтомъ, а его преемниками подтверждались и расширялись. Изъ этихъ привилеевъ ясно видно, что, хотя эти земли и перестали быть княженьями, особыми государствами, тѣмъ не менѣе они удержали много чертъ изъ этого своего политическаго прошлаго.

Прежде всего уцѣлѣли и сохранялись свято ихъ прежнія границы, а нарушенныя возстановлялись. Привилей Смоленской земли содержитъ указаніе на то, что король Казимиръ привернулъ къ Смоленску волости, оторванныя было отъ него Витовтомъ и Свидригайломъ. Привилей гарантировалъ, что этихъ волостей Смоленскихъ никому не держать, „нижьли бояромъ Смоленскимъ же“. Аналогичная гарантія давалась и землѣ Кіевской: „А городки и волости Кіевскіе Кіяномъ держати, а никому иному“. Такой же порядокъ наблюдался, какъ видно изъ актовъ, и въ земляхъ Полоцкой, Витебской, Волынской, Подляшской и Жмудской. Но съ этимъ порядкомъ неизбѣжно связывалась и та территоріальная неприкосновенность земель, о которой говоритъ Смоленскій привилей. Факты подтверждаютъ это наблюденіе и показываютъ, что предѣлы названныхъ земель, имѣвшихъ свое *право*, все время оставались неизмѣнными. Въ данномъ случаѣ Литовско-Русское государство представляетъ полную противоположность Московскому, въ которомъ присоединявшіяся земли и владѣнія скоро теряли свою прежнюю особность, раздавались въ управленіе и кормленье изъ центра князьямъ и боярамъ по усмотрѣнію великаго князя, безъ всякаго соображенія съ ихъ землевладѣніемъ, а иногда по соображеніямъ какъ разъ обратнымъ по сравненію съ тѣми, которыя содержатся въ областныхъ привилеяхъ Литовско-Русскаго государства. Если послѣ образованія Московскаго государства и сохранялись прежнія границы и перегородки между составившими его землями и владѣніями, то онѣ имѣли чисто административное, а не политическое значеніе.

Слѣды прежней государственной самостоятельности областей сказываются и въ областномъ характерѣ подданства великому князю Литовскому ихъ обывателей. Привилей Витебской земли гарантировалъ ея обывателямъ спокойное житье „всякому, покуль хто всхочетъ“; въ частности великій князь обязался „мѣстичовъ Витебскихъ зъ города Витебска не вести вонъ“. То же самое почти буквально повторяется и въ привилеѣ Полоцкой земли. Въ грамотахъ другихъ земель нѣтъ такихъ положеній, но они косвенно вытекаютъ изъ другихъ, въ родѣ, напр., обязательства

великаго князя не отнимать ни у кого безвинно имѣній. Въ данномъ случаѣ литовско-русскіе порядки рѣзко расходятся съ московскими. Великій князь Московскій свободно тасовалъ своихъ подданныхъ, переводилъ ихъ изъ одной области въ другую, отнималъ у нихъ имѣнья и замѣнялъ ихъ другими. Такъ поступали Иванъ III, его сынъ и внукъ. Областной характеръ подданства обнаруживается также изъ постановленій объ отправленіи военной службы. Всѣ князья и паны, и бояре литовскіе, пріобрѣтшіе имѣнья въ Кіевской землѣ, согласно ея привилею, должны были отправлять съ нихъ военную службу съ кіевлянами сами „своими головами“, т. е. лично. Военнослужилые землевладѣльцы всѣхъ вообще земель составляли особыя ополченія, которыя состояли подъ командою мѣстныхъ военачальниковъ-воеводъ, особыми полками шли на войну, особыми полками стояли и на ратномъ полѣ. Областнымъ характеромъ подданства объясняются и гарантіи, которыя давалъ великій князь нѣкоторымъ землямъ, какъ напр. Полоцкой и Витебской,—не посылать ихъ обывателей „въ заставу“ въ другіе города и къ нимъ не ставить „заставъ“ изъ другихъ областей „безъ ихъ воли“. Въ данномъ случаѣ Литовско-Русское государство нисколько не походило на Московское, гдѣ военныя силы тасовались и располагались по усмотрѣнію правительства, согласно чисто стратегическимъ соображеніямъ, а не какимъ либо инымъ. Наконецъ, областной характеръ подданства, вытекающій изъ извѣстной политической самостоятельности земель, проявляется и въ постановленіяхъ земскихъ привилеевъ касательно вызова на судъ господаря. Въ привилеѣ Витебской земли господарь обѣщалъ не вызывать къ себѣ на судъ въ Литву витблянина, на котораго будетъ жаловаться витблянинъ, „безъ истца“, т. е. безъ согласія отвѣтчика, но давать въ такихъ случаяхъ свой листъ къ воеводѣ, „хотя бы о смертной винѣ“. То же самое буквально повторяется и въ привилеѣ Полоцкой земли. Жмудинамъ великій князь также гарантировалъ, что онъ не будетъ вызывать ихъ на судъ за предѣлы земли, посылать дѣцкихъ (приставовъ) за рѣку Невяжу, которая служила границею между Литвою и Жмудью. Великое княжество Литовское, Литва, въ данныхъ случаяхъ выступаетъ какъ бы чужимъ, иностраннымъ государствомъ, гдѣ пребываетъ общій государь, и куда тяжущіеся могутъ поѣхать только добровольно, по обоюдному соглашенію. Иное дѣло, конечно, если господарь великій князь являлся лично въ главный городъ той или другой земли: тутъ онъ уже былъ властенъ привлечь къ своему суду всякаго, на кого была подана жалоба.—Итакъ, областное дѣленіе, установившееся въ концѣ концовъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, имѣло значеніе *политическое*, далеко выходившее за предѣлы простого административнаго дѣленія. Въ рамкахъ этого дѣленія улеглись прежнія самостоятельныя политическія организаціи. Эти организаціи не умерли, но продолжали жить въ извѣстной мѣрѣ своею особою жизнью, такъ что и содержащіеся въ областныхъ привилеяхъ слѣды государственной самостоятельности земель не являются простыми пережитками, формами безъ содержанія. Факты показываютъ, что области пользовались на дѣлѣ большою самостоятельностью

въ устройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ Литовско-Русское государство и въ разсматриваемое время носитъ федералистическій характеръ, не утрачивая его и въ послѣдующемъ, до самаго конца своего самостоятельнаго существованія.

Литература.

М. Н. Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства; *М. К. Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки исторіи литовско-русскаго права; *Wolff*, Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa 1895.

XV.

Областная автономія въ Литовско-Русскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка.

Участіе областей въ назначеніи мѣстной администраціи.—Областные сеймы и ихъ дѣятельность распорядительная, законодательная и судебная; участіе въ рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики.—Внутренняя самостоятельность удѣльныхъ княжествъ.—Значеніе областной автономіи въ дальнѣйшемъ развитіи Литовско-Русскаго государства.

Въ эпоху территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства и послѣдовавшей за нею національно-политической борьбы его области нерѣдко проявляли свою самостоятельность въ избраніи или принятіи къ себѣ того или другого князя. Войшелкъ принятъ былъ на великое княженіе мимо другихъ претендентовъ населеніемъ Литовской земли, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современникъ-лѣтописецъ. Ольгердъ сталъ Виленскимъ княземъ послѣ Явнута также съ согласія населенія: Вильна, пригороды и замки охотно отворили ворота Кейстуту, помогавшему брату въ достиженіи великокняжескаго престола. Витовтъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ и Казимиръ стали великими князьями по избранію князей, пановъ и бояръ Литовской земли. Жмудская земля, высвободившись изъ подъ власти Ордена, признала своимъ государемъ Витовта съ условіемъ, чтобы онъ никому не отдавалъ ее въ залогъ, но управлялъ самъ непосредственно. Послѣ гибели Сигизмунда Кейстутьевича жмудины взяли къ себѣ отдѣльнаго отъ Литвы князя Михаила Сигизмундовича. Такую же самостоятельность проявляли по временамъ и западнорусскія земли: Полоцкая и Витебская, державшіяся Свидригайла Ольгердовича; земля Кіевская, выпросившая себѣ на княженіе Олелька Владиміровича, а по смерти его сына Семена требовавшая къ себѣ въ князья его сына Михаила; земля Смоленская, избиравшая кн. Юрья Лингвеньевича мимо Казимира; земля Волынская, принявшая къ себѣ на княженіе Свидригайла и под-

давшаяся вмѣстѣ съ нимъ Польшѣ. Областныя княженья съ теченіемъ времени прекратили свое существованіе, стали уже невозможны въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Но проявлявшаяся въ ихъ замѣщеніи политическая самодѣятельность областей не изчезла полностью. Въ нѣкоторыхъ областяхъ она стала выражаться въ томъ участіи, которое высшіе классы мѣстныхъ обществъ принимали въ назначеніи областной администраціи, главныхъ правителей, и которое было имъ даже гарантировано областными привилеями.

Постановленія на этотъ счетъ содержатся въ привилеяхъ земель Витебской, Полоцкой и Жмудской. Господарь обѣщалъ витблянамъ давать имъ воеводу по старому, по ихъ волѣ. То же обѣщаніе буквально повторяется и въ Полоцкомъ привилеѣ. Жмудинамъ великій князь обязывался давать тѣхъ старостъ (такъ назывались тамъ главные правители) и даже тивуновъ (волостныхъ, подчиненныхъ правителей), „которыхъ бы они собѣ обрали съ своихъ повѣтовъ, або которыхъ бы у насъ просили“. Эти опредѣленія не оставались на бумагѣ, но имѣли силу и въ жизни. Въ 1526 году бояре и мѣщане Витебскіе, жалуясь на различныя „тяжкости“ и „кривды“ отъ воеводы Ивана Богдановича Сопеги и не хотя болѣе имѣть его воеводою, били челомъ королю Сигизмунду, чтобы онъ, согласно привилеямъ своихъ предковъ и его самого, далъ имъ иного воеводу. Король вынужденъ былъ удовлетворить ихъ челобитье. Въ 1532 году въ Жмудской землѣ происходило прямое избраніе старосты, каковымъ былъ выбранъ панъ Станиславъ Станиславовичъ Яновичъ. Другія области не принимали правомѣрнаго участія въ назначеніи къ нимъ правителей.

Но выборы предполагаютъ соотвѣтственныя собранія, вѣча или сеймы. Въ источникахъ разсматриваемой эпохи можно найти множество указаній на эти собранія или сеймы, и при томъ во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Наиболѣе характерное показаніе даетъ грамота великаго князя Казимира, писанная въ 1456 году къ полочанамъ послѣ разбирательства одного недоразумѣнія, происшедшаго между боярами съ одной стороны, городскими дворянами, черными людьми и всѣмъ посполствомъ съ другой. Казимиръ приказывалъ, чтобы бояре, дворяне городскіе, мѣщане и все посполство были „въ згодѣ“ между собой, всѣ дѣла справляли „згодою“ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде „сыймывались“; „а безъ бояръ мѣщанамъ и дворянамъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинити“. Читая эту грамоту Казимира, невольно переносишься мыслью на вѣчевую площадь Великаго Новгорода или Пскова, гдѣ также собирались издавна бояре, купцы и черные люди, и гдѣ также шла борьба между боярами и чернью, вызывавшая вмѣшательство со стороны Московскихъ великихъ князей.—Кромѣ Полоцкой земли мѣстные сеймы собирались и въ собственной Литовской землѣ, и въ Жмудской, и въ русскихъ земляхъ—Витебской, Смоленской, Кіевской, Волынской, и на Подляшьѣ. Для чего же собирались эти сеймы, что на нихъ происходило?

Во первыхъ—избраніе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Выше было сказано объ участіи областныхъ сеймовъ въ назначеніи главныхъ прави-

телей. Кромѣ того, въ Кіевской землѣ князья, паны и земяне сообща съ кіевопечерскими старцами выбирали кіевопечерскаго архимандрита; въ землѣ Волынской князья, паны и земяне выбирали игумена самаго уважаемаго изъ волынскихъ монастырей—Жидичинскаго. Затѣмъ, на этихъ сеймахъ вырабатывались различныя важныя мѣропріятія, касавшіяся мѣстной жизни или же связанныя съ общегосударственными нуждами и потребностями. Въ бытность воеводою въ Витебскѣ пана Яна Юрьевича Глѣбовича въ 1530 году „панове бояре вси посполито поднялися весполокъ зъ мѣщаны и людьми Витебскими тридцать и три городни новыхъ заробити“ въ замкѣ Витебскомъ. Тогда же они „призволили“ выставлять къ городовымъ воротамъ сторожей съ тѣхъ дворовъ и дворищъ, которыми владѣли въ мѣстѣ Витебскомъ и по селамъ Витебскаго повѣта, не держать въ замкѣ бань, тушить огни въ домахъ, какъ только пробьетъ колоколъ и т. д. Въ слѣдующемъ году владыка Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій и всѣ князья, паны бояре и мѣщане Витебскіе „зволилися“ о томъ, какъ держать за собою „вольныхъ похожихъ людей“, т. е. ввели однообразныя условія для перехожихъ крестьянъ, чтобы не перебивать ихъ другъ у друга и не переманивать. Аналогичное же постановленіе состоялось на соединенномъ сеймѣ Витебской и Полоцкой земли въ 1551 году, на который съѣзжались мѣстные урядники господарскіе, бояре-шляхта, попы, мѣщане и слуги панцырные. На областныхъ же сеймахъ первоначально происходили опредѣленіе и раскладка субсидіи господарю на военныя нужды и опредѣленіе размѣровъ военной повинности. Изъ вышеупомянутой грамоты короля Казимира, посылавшейся въ Полоцкъ въ 1456 году, видно, что на полоцкомъ сеймѣ происходила раскладка „помочи“, которую земля давала въ извѣстныхъ случаяхъ великому князю. Привилей Волынской земли предусматривалъ такую же раскладку и въ этой землѣ: когда паны-рада великаго княжества Литовскаго на какую нибудь великую потребу земскую „зволятъ“ дать съ своихъ людей „которой платъ“, тогда князья, паны и вся шляхта земли Волынской должны дать и съ своихъ людей аналогичный „платъ“. Есть извѣстіе, что и размѣры военной службы, опредѣлявшіеся въ XVI в. на великихъ вальныхъ сеймахъ всѣхъ земель великаго княжества, первоначально также опредѣлялись на областныхъ сеймахъ. По крайней мѣрѣ, справедливо это относительно Волынской земли. Владыка Луцкій Кириллъ получилъ въ 1508 году подтвержденье на одно дарственное имѣнье съ тѣмъ, что онъ и его преемники будутъ посылать людей своихъ на службу земскую вмѣстѣ съ князьями, панами и земянами противъ всякаго непріятеля, „подлугъ (сообразно) уставы и ухвалы (постановленія) земли Волынское“.

Описанная дѣятельность областныхъ сеймовъ близко подходитъ по роду своему къ законодательной. Но и законодательная дѣятельность въ собственномъ смыслѣ даетъ себя выслѣдить на областныхъ литовско-рускихъ сеймахъ разсматриваемаго времени. Такъ, на областномъ сеймѣ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ составленъ былъ и изданъ извѣстный судебникъ 1468 года, который начинается словами: „мы съ князьями

и съ паны-радою великаго князьства и со всимъ поспольствомъ согадавши урядили есмо такъ". Въ Полоцкой землѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVI в. на областномъ сеймѣ вырабатывались уставы о размѣрахъ вознагражденія за „переемъ" на шляху подъ непріятельскимъ войскомъ лошадей или какой другой заблудшей скотины, о доходахъ мельниковъ и т. под.

Но особенно часто разныя общія опредѣленія вызывались судебною дѣятельностью, совершавшеюся на областныхъ сеймахъ. Въ собственной Литвѣ въ значеніи такого областного сейма выступаетъ сеймъ пановъ-рады, на который съѣзжались по дѣламъ и другіе землевладѣльцы. Этотъ сеймъ, фактически бывшій нерѣдко областнымъ, при всемъ томъ имѣлъ значеніе общегосударственное, ибо на немъ разбирались тяжбы и обывателей другихъ земель, апеллировавшихъ къ господарю великому князю. Но въ другихъ областяхъ судовые сеймы имѣли уже чисто мѣстное значеніе. На нихъ разбирались важнѣйшія судебныя дѣла, требовавшія соображенія съ мѣстными обычаями и законами или же новыхъ законодательныхъ опредѣленій. Такъ, въ 1533 году воевода Полоцкій панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича отложилъ разборъ дѣла князей Соколенскихъ до собранія полоцкаго сейма, чтобы „со всею землею обмовити" о томъ, какъ поступать съ тѣми, которые уклоняются отъ явки на судъ, отговариваясь своими служебными обязанностями передъ панами, а не передъ господаремъ великимъ княземъ. Не только мѣстные правители, но и самъ господарь переносилъ иногда нѣкоторыя дѣла на областной сеймъ. Такъ, въ 1527 году, встрѣтивъ затрудненіе при разборѣ земельной тяжбы между кп. Андреемъ Сангушковичемъ и земянами Ставецкими, король Сигизмундъ писалъ владыкѣ Владимірскому и Берестейскому, владыкѣ Луцкому, старостѣ Луцкому, намѣстнику Кременецкому, князьямъ, панамъ и всѣмъ земянамъ земли Волынской, чтобы они, какъ будутъ на сеймѣ въ Луцкѣ, „на зборъ" (сборное воскресенье), рѣшили: „будетъ ли то въ обычаѣ, у правѣ (на судѣ) вашемъ Волыньскомъ, ижъ хто о землю ся правуетъ, самъ не присягаетъ, нижли светки (свидѣтели) ихъ присягу дѣлаютъ", или же „и сами съ светками маютъ присягати, а хто будетъ къ присягѣ близшій". Рѣшивъ этотъ принципіальный вопросъ мѣстнаго судопроизводства, сеймъ долженъ былъ дать соотвѣтствующую „науку" судьямъ и приказать сообразно съ этимъ кончить дѣло „подлѣ права земли Волынское". Участіе областныхъ сеймовъ въ отправленіи правосудія не ограничивалось рѣшеніемъ однихъ принципіальныхъ вопросовъ, но по временамъ шло и дальше. Такъ, въ 1536 году король Сигизмундъ приказалъ своимъ волынскимъ урядникамъ собрать на сеймъ князей, пановъ и всю шляхту земли Волынской и произвести „обыскъ и каранье" всѣхъ тѣхъ, кто занимался разбоями и кражами или не унималъ отъ того своихъ людей, отобрать у всѣхъ присягу въ томъ, что не будутъ у себя передерживать воровъ и разбойниковъ и будутъ тщательно слѣдить за своими людьми. Въ нѣкоторыхъ земляхъ судовые сеймы были частымъ и періодическимъ явленіемъ. Въ Жмуди согласно „уставѣ" 1529 года судовые сеймы должны были обязательно

собираться четыре раза въ году въ Крожахъ. На нихъ собирались староста, тивуны и бояре-шляхта, имѣвшіе дѣла.

Области не устранены были даже отъ рѣшенія вопросовъ внѣшней политики, хотя, казалось бы, такія дѣла должны были рѣшаться исключительно общегосударственными органами. Чаще всего политическіе вопросы разсматривались и рѣшались на областныхъ сеймахъ главенствующей Литовской земли. Въ 1456 году, напр., отъ имени прелатовъ, пановъ и всего народа Литовскаго посылалось королю Казимиру въ Польшу требованіе, чтобы онъ, согласно обѣщанію своему, возвратилъ великому княжеству Подолье. Къ этому требованію литовскіе послы присоединяли угрозу, что литовцы не будутъ долѣе терпѣть своихъ обидъ и оружіемъ напомнятъ полякамъ о Подольѣ и другихъ владѣніяхъ, оторванныхъ отъ великаго княжества. Такое посольство, очевидно, было результатомъ извѣстнаго рѣшенія, принятаго на сеймѣ великаго княжества. Въ 1478 году уже самъ Казиміръ собиралъ на сеймъ литовскихъ господъ для обсужденія того, что предпринять противъ великаго князя Московскаго, который захватилъ Новгородъ и во время похода надѣлалъ много зла и Литовской землѣ. Литовцы хотѣли воевать съ Москвою, но Казиміръ отклонилъ ихъ отъ этого намѣренія, указавъ на ненадежность русскихъ людей великаго княжества. Изъ этого видно, что сеймъ 1478 года былъ мѣстнымъ сеймомъ Литовской земли. Съ конца XV вѣка важнѣйшіе вопросы внѣшней политики стали рѣшаться уже на великихъ вальныхъ сеймахъ всѣхъ земель великаго княжества. Но менѣе важные вопросы по прежнему разсматривались иногда на сеймахъ пановъ радныхъ и рыцарства Литовской земли, напр., вопросъ о выдѣленіи удѣла королевичу Сигизмунду въ 1496 году. Въ XV в. можно выслѣдить участіе во внѣшней политикѣ и другихъ областныхъ сеймовъ, кромѣ Литовскаго. При Казимирѣ, напр., полоцкіе бояре, мѣщане и все поспольство, Полоцкое мѣсто, посылали своихъ пословъ „съ вѣрющимъ листомъ“ въ Ригу для заключенія мирнаго, торговаго договора.

Всѣ приведенные факты въ общей сложности указываютъ на то, что слѣды государственной самостоятельности областей великаго княжества Литовскаго, содержащіяся въ ихъ привилеяхъ, не были простыми переживаніями старинныхъ формъ безъ содержанія, что эта государственная самостоятельность не умерла, не изчезла полностью, но продолжала еще жить, хотя уже и не въ полномъ объемѣ.

Какъ привилеи, выданные областямъ, такъ и отдѣльные акты показываютъ, что автономія областей Литовско-Русскаго государства базировалась на существованіи въ нихъ сильнаго и солидарнаго класса землевладѣльцевъ—князей, пановъ и бояръ, которые держали подъ собою землю и земледѣльческое населеніе и пополняли собою ряды мѣстной администраціи. Кое-гдѣ, именно въ земляхъ Полоцкой, Витебской и частью Смоленской и Кіевской, къ землевладѣльцамъ въ устроеніи дѣлъ области присоединялось и мѣщанство главныхъ городовъ. Въ Полоцкой и Витебской земляхъ въ этомъ устроеніи, какъ мы уже видѣли, участвовали по временамъ и слуги,

мелкіе землевладѣльцы, занимавшіе среднее положеніе между боярами и крестьянами, а на Жмуди—даже и „кмети“, свободные крестьяне. Но доминировали при всемъ томъ землевладѣльцы—князья, паны и бояре. Эти землевладѣльцы въ Литвѣ и Жмуди стали господствующимъ сословіемъ уже въ XIII вѣкѣ. Что касается русскихъ земель, то и здѣсь бояре стали дѣлаться земскимъ классомъ и принимать большое участіе на вѣчахъ уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, такъ что и позднѣйшіе областные сеймы въ нихъ были только дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вѣчъ Кіевскаго періода.

Еще болѣе, чѣмъ земли, обладали внутреннею автономіею удѣльныя княжества, составлявшія самостоятельныя части Литовско-Русскаго государства на ряду съ областями-аннексами, имѣвшими свои областные привилеи. Эта автономія связана была, конечно, съ существованіемъ въ нихъ особыхъ государей, которые, оставаясь вассалами великаго князя, пользовались при всемъ томъ большою свободою во внутреннемъ управленіи своихъ удѣловъ,—по выраженію одного акта, „прибавляючи и розширяючи, какъ то самъ налѣпѣй разумѣючи“. Въ качествѣ государей-отчичей удѣльные князья чинили судъ и управу, жаловали церквамъ, монастырямъ, боярамъ земли и людей на вѣчность, подтверждали имѣнья, данныя предшественниками „до воли“ дарителя, освобождали жалуемыя имѣнья и ихъ населеніе отъ повинностей въ свою пользу, отъ платежа податей, отъ присуда своихъ намѣстниковъ и тивуновъ и т. д. Ихъ свобода въ данномъ случаѣ была ограничена только опредѣленными распоряженіями предковъ. Такъ, напр., князь Михаилъ Ивановичъ Жеславскій, получивъ отъ в. князя Александра Мстиславль въ вотчину „со всимъ правомъ и панствомъ“, обязывался самою жалованною грамотою не отнимать у мѣстныхъ бояръ имѣній, которыя они выслужили у кн. Лингвенья Ольгердовича, его сына и внука, если эти бояре будутъ продолжать служить ему такъ же, какъ и названнымъ князьямъ. Но въ этомъ нельзя видѣть какого-либо специфическаго ограниченія власти удѣльныхъ князей. И великіе князья Литовскіе въ силу земскихъ привилеевъ не могли отнимать у духовенства, князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ имѣній отчинныхъ или выслуженныхъ у ихъ предшественниковъ. Ограниченія налагались на удѣльныхъ князей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда устанавливалось пожизненное владѣніе удѣлами. Такъ, кн. Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ, записавшій свой удѣлъ королю Сигизмунду и получившій отъ него въ 1509 году подтвердительный привилей на пожизненное владѣніе этимъ удѣломъ, обязанъ былъ ничего не раздавать изъ этого удѣла безъ разрѣшенія короля. Вся правительственная дѣятельность удѣльныхъ князей такъ же, какъ дѣятельность самого великаго князя или его намѣстниковъ-воеводъ въ областяхъ, протекала при участіи мѣстнаго боярства, которое замѣщало различныя должности и образовывало *раду*, или думу удѣльныхъ князей. Если стольный городъ удѣла былъ вмѣстѣ съ тѣмъ резиденціею епископа, то послѣдній также входилъ въ составъ рады. Въ удѣльномъ княжествѣ въ миньятюрѣ воспроизводились вообще всѣ порядки, которые можно наблюдать въ

прежнихъ областныхъ княженіяхъ и въ самомъ великомъ княжествѣ Литовскомъ: тамъ были также воеводы (Кобринскій и Грушевскій въ Кобринскомъ княжествѣ), намѣстники и тіуны, существовалъ тотъ же судъ, тѣ же налоги и повинности, съ нѣкоторыми только варіантами, смотря по мѣстностямъ.

Итакъ, области Литовско-Русскаго государства пользовались широкою автономіею въ своемъ внутреннемъ управленіи. Областная автономія имѣла огромное значеніе въ общемъ ходѣ внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства. Съ нею стояло въ связи между прочимъ слабое развитіе административной централизаціи въ этомъ государствѣ, возникновеніе и упроченіе того учрежденія, которое получило названіе „великаго вальнаго сейма“ съ проникавшимъ его принципомъ представительства не единаго Литовско-Русскаго государства, а всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства; Литовско-русскій сеймъ; *Н. А. Максимейко*, Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. Харьковъ 1902; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки исторіи литовско-русскаго права. Спб. 1894.

XVI.

Великокняжескіе домены и ихъ тяглое населеніе при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Происхожденіе господарскихъ имѣній.—Значеніе ихъ, какъ матеріальной опоры великокняжеской власти и государственныхъ имуществъ.—Господарское хозяйство въ доменахъ; дворы и дворцы.—Челядь дворная; ея происхожденіе и хозяйственное назначеніе.—Люди тяглые и ихъ повинности.—Крестьяне спеціальныхъ службъ. Добавочныя подати и повинности этихъ крестьянъ.—Оброчные крестьяне.—Крестьяне данники; ихъ территоріальное распространеніе и повинности.—Отличіе крестьянъ отъ челяди.

Съ изданіемъ общеземскаго привилея 1447 года матеріальною опорою великокняжеской власти въ Литовско-Русскомъ государствѣ стали почти исключительно такъ называемыя *господарскія имѣнья*.

Подъ этимъ именемъ разумѣлись всѣ земли государства, населенныя и пустыя, которыя не имѣли никакихъ другихъ верховныхъ собственниковъ, кромѣ господаря великаго князя. Первоначально великій князь считался верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, которыми не владѣли князья-отчичи, литовскіе и русскіе. Но съ конца XIV вѣка княжеское право на землю (jus ducale) или „полное право и панство“ (plenum jus et dominium) стало признаваться также и за церковными учрежденіями, и за крупными

землевладѣльцами боярскаго класса, получившими названіе „бароновъ“, или „пановъ“. Вслѣдствіе этого и территорія собственныхъ великокняжескихъ имѣній сузилась. Такъ какъ великій князь Литовскій не сдѣлался наслѣдственнымъ монархомъ, и такъ какъ власть его подверглась вообще большимъ ограниченіямъ, то и господарскія имѣнья рано пріобрѣли значеніе государственныхъ имуществъ, казенныхъ имѣній, которыя обслуживали не только потребности господаря, но и государства. Въ силу этого на великаго князя стали налагаться различныя ограниченія въ распоряженіи и пользованіи этими имѣньями. И первое ограниченіе въ этомъ родѣ содержалъ уже привилей 1447 года, по которому великій князь обязался не раздавать въ земляхъ великаго княжества замковъ, мѣстъ, державъ и вотчинъ иноземцамъ, но только „тубыльцамъ“ этихъ земель. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, наложены были на великаго князя и другія ограниченія въ томъ же направленіи.

Какъ бы то ни было, но съ половины XV вѣка господарскія имѣнья были главною матеріальною опорою великокняжеской власти въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Какъ же господарь пользовался ими, извлекалъ изъ нихъ свои выгоды?

Въ этомъ отношеніи литовско-русскій господарь походилъ на всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ своего государства. Прежде всего онъ велъ въ этихъ имѣньяхъ собственное хозяйство, эксплуатировалъ пахотныя земли и различныя угодья. Въ великокняжескихъ доменахъ, или волостяхъ, раскиданы были господарскіе дворы и дворцы, т. е. сельскохозяйственныя усадьбы съ челядью, скотомъ, инвентаремъ и различными запасами. Жившіе здѣсь великокняжескіе приказчики наряжали окрестное населеніе господарскихъ имѣній на работы въ огородахъ, садахъ, поляхъ, лугахъ, лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ, собирали и хранили или продавали на деньги земледѣльческіе продукты, собиравшіеся съ господарской запашки, приплодъ отъ скота, добычу въ лѣсахъ и водахъ. Но и помимо собственнаго хозяйства великій князь извлекалъ доходы изъ своихъ имѣній, облагая натуральными и денежными поборами поселившихся въ нихъ крестьянъ и мѣщанъ земледѣльцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ. Наконецъ, великій князь извлекалъ изъ своихъ доменъ и ту пользу, что содержалъ на нихъ множество военнослужилаго люда — слугъ и бояръ разнаго званія. Яснѣе все это станетъ, когда ознакомимся подробнѣе съ составомъ населенія въ господарскихъ имѣньяхъ, съ различными разрядами этого населенія и ихъ повинностями. На первой очереди разсмотримъ *тяглое* населеніе господарскихъ имѣній, служившее великому князю либо непосредственно трудомъ, либо продуктами этого труда, чаще всего тѣмъ и другимъ.

Въ каждомъ почти господарскомъ дворѣ и дворцѣ жила *челядь дворная*, паробки и жонки. Эта челядь составляла изначальную рабочую силу господарскаго хозяйства, благодаря которой оно и зародилось какъ въ собственной Литвѣ, такъ и въ русскихъ земляхъ великаго княжества. Извѣстно, что княжескія села въ Кіевской Руси первоначально были не что иное, какъ дворы, населенные княжескою челядью. По всѣмъ даннымъ,

и литовскіе князья устраивали свое сельское хозяйство первоначально при помощи рабовъ. Въ XV и XVI вѣкахъ не рабы преимущественно работали на господарскомъ хозяйствѣ. Но при всемъ томъ обыкновенно при каждомъ господарскомъ дворѣ было извѣстное количество челяди, *паробковъ и жонокъ*. Источники, откуда набирался этотъ классъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, были почти тѣ же самые, что и въ Кіевской Руси: купля, полонъ, естественное нарожденіе, бракъ съ невольнымъ человѣкомъ. Сюда надо присоединить еще выдачу истцу головою за преступленіе (кромѣ воровства), при чемъ истецъ соглашался не губить человѣка, а оставить его у себя въ рабствѣ. Но литовско-русское право, какъ кажется, не знало уже ни тіунства, ни ключничества безъ ряда, какъ источниковъ рабства; не знало въ этомъ качествѣ и продажи самого себя или дѣтей отъ голода, а также имущественной несостоятельности, которая влекла за собою не отдачу въ вѣчную неволю, а отдачу „до искупа“, съ зачетомъ каждаго года по извѣстной таксѣ. По крайней мѣрѣ, опредѣленія въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ первомъ Литовскомъ статутѣ 1529 года (раздѣлъ XI), который по всѣмъ признакамъ санкціонировалъ уже дѣйствовавшее право. Великокняжеская челядь, кромѣ работъ по воздѣлыванью и уборкѣ пашень, исполняла и другія работы по дому и хозяйству господарскаго двора, напр., раздѣлывала огороды и сады, стерегла стада, пашни и т. д., женщины пряли ленъ и ткали полотна для господарыни великой княгини. Жили челядинцы или на господарскомъ дворѣ, или внѣ его, на селѣ и въ своихъ домахъ, имѣя свой обиходъ и свою движимость—„бонду“, и свои „приробки“ въ пустыхъ земляхъ. Содержалась челядь невольная „мѣсячиною“, которая отпускалась ей съ господарскаго двора въ видѣ хлѣбныхъ запасовъ, при чемъ тѣ паробки, которые имѣли свои „бонды“ и „приробки“, получали менѣе сравнительно съ тѣми, у которыхъ ничего не было.

Но самую многочисленную категорію трудового населенія господарскихъ имѣній составляли господарскіе *люди*, или крестьяне, разныхъ наименованій. Эти наименованія разнообразились частью въ зависимости отъ ихъ главныхъ повинностей, которыя они несли на господаря, частью въ зависимости отъ ихъ главныхъ промысловъ и ремеслъ. (Взамѣнъ „люди“ въ актахъ попадаются и другія названія: мужи, мужики, смерды, черные люди, кмети, хлопы, чаще—подданые).

Тѣ крестьяне, которые обязаны были постоянною барщинною повинностью, служили „уставичне“ на господарскомъ дворѣ съ сохою, бороною, косою, серпомъ, топоромъ и лошадью, назывались просто *тяглыми* людьми. Но наряду съ ними въ составѣ тяглаго населенія были различные спеціальные разряды, отправлявшіе особенныя повинности по господарскому хозяйству, которыя замѣняли имъ барщинныя повинности тяглыхъ людей, всѣ или частью. Будучи тяглыми и называясь по временамъ этимъ именемъ, эти крестьяне при всемъ томъ противополагаются въ источникахъ тяглымъ людямъ въ тѣсномъ, узкомъ смыслѣ. Таковы были прежде всего крестьяне, обслуживавшіе скотоводство великаго князя. Самою важною его отраслью было коневодство. Лошади не только пополняли рабочій инвентарь велико-

княжескихъ экономій, но и шли въ раздачу въ видѣ жалованья военно-служилымъ людямъ. Книги пожалованій короля Казимира пестрятъ записями о пожалованіи тому или другому князю, пану, боярину, дворянину, слугѣ коня или жеребенка съ того или другого господарскаго двора. На этихъ дворахъ обычною принадлежностью была стайня, конюшня, на которой несли свою службу конюхи разныхъ наименованій—*конюхи, конюхи съдельные, машталеры* и др. Въ нѣкоторыхъ дворахъ находились конскіе заводы, стада матокъ съ жеребятами, по уходу за которыми несли службу *кобыльники,* или *лейти, стадные конюхи, или ройтиники.* Въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ господарскихъ коней разбирали на покормъ крестьяне *конокормцы.* Кромѣ лошадей, въ господарскихъ дворахъ разводился рогатый скотъ, овцы и свиньи, за которыми ходили *стадники, пастухи, свинари* и т. д. Такъ же, какъ и всѣ землевладѣльцы, господарь великій князь эксплуатировалъ въ свою пользу бортные ухожаи, рыбные ловы, бобровые гоны, звѣриные и пташьи ловы, разрабатывалъ лѣсъ, т. е. добывалъ деготь, смолу, пепелъ и другіе лѣсные „товары“, добывалъ соль и руду. Эти отрасли его хозяйства также обслуживались крестьянами соотвѣтствующихъ спеціальныхъ службъ. Такъ, *бортники* и *подлазники* смотрѣли за бортями и выбирали изъ нихъ медъ; *рыболовы* и *неводники* „волочили“ рѣки и озера на господаря и дѣлали для него сѣти и невода; *бобровники* гнали и били бобровъ на господаря по извѣстнымъ „полосамъ“; *осочники* стерегли господарскія пущи, слѣдили затѣмъ, чтобы никто въ нихъ не билъ звѣрей и не жегъ золы, а главное—выслѣживали звѣря и участвовали въ облавахъ на него; *ловцы, мысливцы, стрѣлцы* ловили и били звѣря на господаря; *псарцы* кормили и дрессировали охотничьихъ псовъ для господарской охоты и „полевали“ съ ними; *сокольники* ловили, кормили и дрессировали соколовъ для господарской охоты; *пташники* и *шатерники* ловили пернатую дичь для господарскихъ дворовъ; *будники, смоляры, дегтяри, угольники, клепачи* разрабатывали господарскія *купы* или *буды,* т. е. жгли золу, уголь, гнали деготь, смолу, готовили *клепки* (доски для бочекъ), *ванчосъ* (тесъ); *соляники* разрабатывали соль, *рудники* добывали руду и извлекали изъ нея металлъ въ плавильныхъ печахъ. Спеціальными службами обслуживали господарское хозяйство и *огородники,* раздѣлывавшіе дворные огороды, *садовники, млынари,* или мельники, завѣдывавшіе господарскими мельницами и т. д. Необходимо, конечно, имѣть въ виду, что не вездѣ, не во всѣхъ господарскихъ имѣньяхъ, былъ полный комплектъ перечисленныхъ хозяйственныхъ статей. Господарское хозяйство въ этомъ отношеніи сильно разнообразилось по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Кромѣ того, не вездѣ доходы извлекались хозяйственнымъ путемъ. Иногда различныя угодья сдавались въ аренду, на откупъ, съ обязаностью платить съ нихъ „врокъ“, или „чиншъ“, натурою и деньгами. Такъ, на откупъ сдавались бортныя деревья, рыбныя ловли, лѣсныя буды и купы, соляныя варницы, рудныя заведенія и т. д.

Спеціальную службу по господарскому хозяйству трудомъ или издѣльемъ несли и разные ремесленные крестьяне, жившіе въ господарскихъ

волостяхъ. Таковы были: *кухари* и *пекари*, изготовлявшіе пищу для населенія господарскаго двора, для самого господаря и его свиты во время его пріѣзда до того или другого двора; *пивовары, медосытцы и винники*, изготовлявшіе напитки для господарскаго двора; *ковали, кузнецы, котляры, слесари*, изготовлявшіе различныя желѣзныя издѣлія; *дойлиды* и *тесли* (плотники), *колесники, санники, бондари, судники*, приготовлявшіе деревянныя издѣлія: *гутники и скляры*—стеклянныя; *гончары, мурали* (каменьщики), *плитники, стрихари* (кирпичники), *меловщики* (обжигальщики извести), *жерновники*, изготовлявшіе глиняныя и каменныя издѣлія; *кушнеры* (скорняки), *кожемяки, римари* (шорники), *хомутники, сѣдельники, шевцы и чоботари*, служившіе по выдѣлкѣ мѣховъ, кожъ и приготовленію издѣлій изъ нихъ; *ткачи, убрусные* или *скатертники, кравцы* (портные) и др., служившіе по выработкѣ тканей и издѣлій изъ нихъ и т. д. Часть этихъ ремесленниковъ были *дворные*, т. е. не занимавшіеся ремесломъ помимо господарскаго двора. Но большая часть практиковала свои ремесла и внѣ господарскаго двора, отдавая послѣднему только часть своего труда или служа ему уже готовыми издѣліями, напр. кузнецы давали „нороги“ (сошники?). Нѣкоторая часть ремесленныхъ людей обслуживала господарское хозяйство выдѣлкою оружія для охотничьихъ и военныхъ надобностей. Таковы были: *рогатинники, лучники, тульники, мечовники, платнеры* (панцырники), *пушкари* и др.

Большая часть крестьянъ спеціальныхъ службъ сверхъ своихъ спеціальныхъ повинностей несла еще добавочныя. Нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ тяглыми людьми давали *дякло* и *мезлеву*. Дякломъ называлась натуральная подать, платившаяся рожью или пшеницею, овсомъ, сѣномъ, пентиниками (пенькою или льномъ), дровами, курами и яйцами; *мезлевою*—натуральная подать, вносившаяся яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами. Эти подати, особенно дякла сѣнныя и дровяныя и мезлева, перелагались нерѣдко и на деньги. Кромѣ дякла и мезлевы, крестьяне платили и разныя другія „дачки“, смотря по величинѣ и хозяйственному составу своихъ „земель“, напр. давали „штось меду прѣснаго до ключей“. Но чаще всего, крестьяне спеціальныхъ службъ обязывались ходить на *толоку*, т. е. на подмогу тяглымъ людямъ въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ: косить сѣно, три дня пахать „на паренину“, три дня „на жито“, три дня жать озимые, три дня яровые. Затѣмъ, всѣ эти крестьяне обязаны были являться, *„на квалтъ“*, напр. прудить рѣку, исправлять прорвавшуюся мельничную плотину, участвовать въ облавѣ на звѣря, волочить неводъ на господаря и т. д.

Среди крестьянъ, служившихъ на господарскіе дворы тягломъ и другими, спеціальными, службами, жили такъ же и люди *осадные, оброчники или врочники*. Осадные крестьяне являлись въ результатѣ либо сокращенія господарскаго хозяйства на томъ или другомъ дворѣ, либо увеличенія крестьянскихъ тяглыхъ и спеціальныхъ службъ свыше потребностей этого хозяйства. Въ такихъ случаяхъ лишніе тяглые и другіе крестьяне переводились на оброкъ, осаживались „на вроцѣ“,—почему и назывались „осад-

ными“ людьми или „врочниками“. Эти оброчные крестьяне появлялись и въ тѣхъ случаяхъ, когда управители господарскихъ дворовъ раздавали пришлымъ крестьянамъ пустовавшіе крестьянскіе участки. Общимъ правиломъ при этомъ было то, что крестьяне, садившіеся на пустовщинахъ, обязывались служить съ нихъ ту же самую службу, какая и передъ тѣмъ шла съ этихъ земель. Но иногда такой службы впредь не требовалось, или же въ данное время не находилось охотниковъ брать пустовщину на прежнихъ условіяхъ. Въ такихъ случаяхъ пустовщины сдавались на оброкъ на продолжительное пользованіе или же „съ позему пахати“, т. е. въ аренду на годъ. Такая арендная плата называлась *куницею,* а крестьяне, бравшіе землю въ аренду, *куничниками.*

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства оброчныя отношенія оказались наиболѣе выгодными, а посему упрочились и приняли характеръ уже извѣстной системы крестьянскихъ повинностей. Такъ было прежде всего въ Жмудской землѣ. Здѣсь существовалъ въ XV и XVI вѣкахъ цѣлый разрядъ крестьянъ *куничниковъ,* постоянныхъ арендаторовъ господарскихъ земель. Жмудинамъ дало тяжело себя почувствовать уже орденское хозяйство въ концѣ XIV в., во время подчиненія ихъ земли Ордену. Поэтому они добились себѣ отъ в. кн. Казимира гарантіи, что въ ихъ землѣ не будетъ строиться новыхъ господарскихъ дворовъ, сверхъ тѣхъ, которые существовали при в. кн. Витовтѣ. Но такое обязательство заставило и великаго князя принять свои мѣры для обезпеченія доходовъ съ Жмудской земли. Цѣлый рядъ земель, очевидно, наиболѣе плодородныхъ, изъятъ былъ изъ подъ свободной заимки и заселенія крестьянами и сталъ сдаваться имъ на „куничномъ платѣ“. Кромѣ Жмуди, оброчная система очень рано утвердилась въ Подляшьѣ. Тамъ дѣйствовалъ примѣръ сосѣдней Польши. Великіе князья Литовскіе, начиная съ Витовта, заселяя свои земли крестьянами, налагали на нихъ не столько барщинныя работы по своему хозяйству, сколько чиншъ (census), оброкъ, который они платили въ опредѣленномъ размѣрѣ съ отводившихся имъ *волокъ,* или лановъ (около 19—20 десятинъ), деньгами и отчасти натурою.

Великокняжеское хозяйство, какъ уже было сказано, наибольшаго развитія достигло въ собственной Литовской землѣ и прилегающей къ ней „Руси“. Область эта была наиболѣе густо заселена сравнительно съ другими областями и послѣ разгрома силъ Ордена въ 1410 году пользовалась наибольшею безопасностью. Развитію здѣсь великокняжескаго хозяйства должны были содѣйствовать также близость къ великокняжеской резиденціи и внѣшнимъ рынкамъ сбыта. Въ другихъ областяхъ великокняжеское хозяйство было развито въ общемъ слабо. По наслѣдству еще отъ прежнихъ князей великіе князья Литовскіе получили здѣсь по нѣсколько дворовъ съ селами, расположенныхъ около центральныхъ городовъ и обслуживавшихъ прежде хозяйственныя нужды княжескихъ резиденцій. При великомъ князѣ Казимирѣ и его сыновьяхъ хозяйство въ этихъ дворахъ влачило жалкое существованіе и, видимо, прогрессивно падало, а приписанныя къ нимъ села шли въ раздачу. Всѣ доходы съ этихъ дворовъ уходили почти цѣли-

комъ на содержаніе челяди дворной и администраціи, которая, по всѣмъ даннымъ, и злоупотребляла своимъ положеніемъ вдали отъ контроля и надзора центра. Въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, открытыхъ для нападеній извнѣ, слабѣе населенныхъ и удаленныхъ отъ центра, для великаго князя Литовскаго не было особенныхъ побужденій заботиться о развитіи собственнаго хозяйства. И это тѣмъ болѣе справедливо, что господствовавшіе здѣсь крестьянскіе промыслы бортничій, бобровничій, куничный и др. давали возможность извлекать хорошіе доходы и безъ хозяйственныхъ хлопотъ, однимъ сборомъ дани въ повышенномъ размѣрѣ. Дань взималась и въ собственной Литовской землѣ, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, съ тѣхъ крестьянъ, которые почему либо не обложены были тяглою и другими издѣльными службами, напр. по дальности мѣстожительства отъ господарскихъ дворовъ или по своей промышленности и зажиточности. Но чаще всего дань взималась тамъ, гдѣ господарскихъ дворовъ было мало или совсѣмъ не было. Настоящее царство крестьянъ *данниковъ* представляли изъ себя такъ называемыя Задвинскія волости, находившіяся въ Витебской землѣ, Поднѣпрскія волости по среднему Днѣпру, Березинѣ и Сожу и ихъ притокамъ, Сѣверскія волости по Деснѣ, Сейму и Сулѣ, а также и Кіевскія. Дань платилась или денежная—грошовая, серебряная, или натуральная—медовая, бобровая, куничная, бѣлочья, житная, пшеничная, съ теченіемъ времени все чаще и чаще перелагавшаяся на деньги. Кромѣ дани, данники по отдѣльнымъ мѣстамъ несли и другія повинности, напр., ходили на толоку, волочили неводъ на господаря, давали овесъ и сѣно на господарскихъ лошадей, когда ихъ прогоняли черезъ волость, давали разныя „подачки“, напр. насадку пива, мѣру жита, стогъ сѣна и т. под.

Соединяясь съ челядью дворною въ разнообразныхъ работахъ по господарскому хозяйству, крестьяне отличались юридически отъ этой челяди. Правда, нѣкоторые разряды ихъ уже лишились свободы передвиженія, выбора мѣста жительства и занятій, прикрѣплены были къ своему тяглу, но это было не безусловно, и даже такіе крестьяне при извѣстныхъ условіяхъ, какъ увидимъ ниже, имѣли возможность уйдти въ другое мѣсто, даже къ другому владѣльцу. Наряду съ ними другіе крестьяне еще не были ограничены въ правѣ передвиженія и устройства своей судьбы. Но главное—всѣ крестьяне имѣли отъ господаря землю, которою они владѣли и которою пользовались фактически, почти какъ собственники, имѣли собственное имущество, пользовались гражданскими правами въ защитѣ своей личности и имущества. Такихъ правъ не имѣла челядь дворная. Ея личныя и имущественныя правонарушенія разсматривались почти исключительно, какъ убытки господарскаго двора, и какъ убытки перелагались и возмѣщались на деньги.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени Люблинской уніи; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Государственное хозяйство

великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Томъ 1, Кіевъ 1901.; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Крестьяне юго-западной Руси по Литовскому праву XV и XVI вв. (Кіевскія Унив. Извѣстія 1863, № 10 и 11) и статьи: Литовско-русскіе друскеники—солярни и соляшки (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1896, кн. V, VI); Сельскіе промышленники въ литовско-русскомъ государствѣ (Варш. Унив. Извѣстія 1897, кн. IV, V, VII; Сельскіе ремесленники въ литовско-русскомъ государствѣ (Варшав. Унив. Извѣстія 1898, кн. II, III); *И. Новицкій,* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. 1. Кіевъ 1876); *А. Ефименко,* Литовско-русскіе данники и ихъ дани (Журн. Мин. Народ. Просв. 1903 г., январь, и въ книгѣ „Южная Русь", т. 1. Спб. 1905).

XVII.

Крестьянское землевладѣніе и землепользованіе въ великокняжескихъ доменахъ до половины XVI вѣка.

Разнообразіе размѣровъ и хозяйственнаго состава крестьянскихъ участковъ въ господарскихъ имѣньяхъ; причина этого явленія.—Семейно-родовое товарищеское владѣніе и пользованіе этими участками; дольники и сябры изъ сторонникъ лицъ.—Раздѣлъ земель и угодій.—„Земли", дворища и селища въ качествѣ крестьянскихъ участковъ.—Формы общаго крестьянскаго владѣнія; ихъ происхожденіе.—Распоряженіе крестьянъ землями и угодьями и доменіальное право господаря великаго князя.—Судьба описаннаго крестьянскаго земельнаго строя.

Великокняжескіе крестьяне въ Литовско-Русскомъ государствѣ до половины XVI вѣка въ подавляющемъ большинствѣ сидѣли на земельныхъ участкахъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и хозяйственнаго состава. Исключеніемъ были однѣ только волоки, на которыя съ начала XV вѣка стали размѣряться пустыя земли на Подляшьѣ, а въ XVI-мъ вѣкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ съ Подляшьемъ мѣстностяхъ. Крестьянскіе участки состояли обыкновенно изъ усадебной и огородной земли, пашни, сѣнныхъ покосовъ, лѣсной заросли (гаи, боры, хворосты), болотъ, бортныхъ „ухожаевъ", иногда бобровыхъ гоновъ и звѣриныхъ лововъ, рыбныхъ тонь или „вступовъ" въ рѣки и озера, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ въ округѣ даннаго села или даже волости. Величайшая черезполосица царила въ распредѣленіи крестьянскихъ земель и угодій: крестьянскіе участки переплетались не только другъ съ другомъ, но даже и съ землями другихъ владѣльцевъ. Причина такого земельнаго строя кроется въ самомъ происхожденіи крестьянскихъ участковъ. Эти участки создавались исторически, въ теченіе долгаго времени, были результатомъ свободной заимки и разработки пустыхъ земель и угодій цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ поколѣній. Господарская власть на Литвѣ и западной Руси до половины XVI вѣка, за малыми исключеніями, не принимала планомѣрнаго участія въ земельномъ устроеніи крестьянъ, не отводила имъ и не измѣряла земли. Она имѣла дѣло съ крестьянами, уже занявшими или занимавшими земли и угодья по собственной иниціативѣ, и только облагала ихъ податьми и по-

винностями, принимая во вниманіе величину и хозяйственныя качества занятыхъ земель и угодій и число эксплуатировавшихъ ихъ крестьянскихъ „дымовъ“. Каждый крестьянскій участокъ поэтому имѣлъ свое особое обложеніе, традиціонно державшееся извѣстное время и мѣнявшееся только тогда, когда измѣнялась его величина и хозяйственныя качества вслѣдствіе расширенія заимокъ или вслѣдствіе дѣлежа. Въ тягловомъ отношеніи было такое же разнообразіе, какъ и въ размѣрахъ и качествахъ крестьянскихъ участковъ. Такимъ образомъ, напр., нѣкоторые тяглые люди сверхъ обычной тяглой службы и дачекъ—дякла и мезлевъ давали „штось меду“ до ключей (погребовъ) господарскихъ; бортники сверхъ своихъ издѣльныхъ повинностей или дани медовой вносили иногда дякло; конюхи сверхъ своей спеціальной службы давали дякло, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную и т. д. Бывали случаи и обратные, когда крестьяне, несшіе извѣстную службу, исправляли ее не сполна, напр., не давали дякла, выходили не на всѣ толоки, платили дань въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ другіе, такъ какъ и самыя владѣнія ихъ были меньшаго размѣра и доходности.

Крестьянскія земли и угодья въ большинствѣ случаевъ находились во владѣніи и пользованіи не единичныхъ хозяевъ, а сложныхъ крестьянскихъ товариществъ. Эти товарищества составлялись обыкновенно изъ разросшихся семей. Взрослые сыновья съ семьями не отдѣлялись отъ родителей и продолжали жить съ ними на одномъ дворѣ и разрабатывать сообща нивы и угодья даннаго участка; такимъ же путемъ устанавливалось иногда сожительство зятьевъ съ семьями, братьевъ по смерти родителей, дядей и племянниковъ, двоюродныхъ братьевъ и т. д., которые, имѣя идеальныя доли въ участкѣ, не дѣлились, а сообща эксплуатировали его и сообща служили съ него положенную службу господарю великому князю. Такое экономическое общеніе вызывалось самымъ строемъ тогдашняго крестьянскаго хозяйства, которое основывалось на корчеваньѣ лѣса подъ пашню и на одновременной эксплуатаціи разныхъ угодій. Такое хозяйство удобнѣе всего было вести силами большой семьи—рода или товарищества, на артельныхъ началахъ. Вслѣдствіе этого, когда семьи или роды оказывались малочисленными и не могли уже собственными силами справляться съ хозяйствомъ и выполнять лежавшихъ на ихъ земляхъ и угодьяхъ повинностей, они принимали къ себѣ для подмоги стороннихъ людей—потужниковъ, на разныхъ условіяхъ. Одни изъ нихъ становились лишь пользователями крестьянскаго владѣнія въ извѣстной долѣ дохода—*дольниками*, *половинниками*, но не совладѣльцами. Владѣльцами, или *господарями*, земли и угодій оставались по прежнему „отчичи“-крестьяне. Но другіе становились не только пользователями, но и совладѣльцами въ извѣстной долѣ—*сябрами*. Таковыми становились тѣ сторонніе люди, которыхъ присаживало въ долю къ отчичамъ начальство, и которые долгое время заживались на этой долѣ вмѣстѣ съ отчичами. Таковыми становились также и всѣ тѣ крестьяне, которые покупали у отдѣльныхъ отчичей доли въ ихъ владѣніяхъ и въ силу этого становились ихъ „потужниками“. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что пріемъ потуж-

никовъ не всегда стоялъ въ связи съ уменьшеніемъ рабочихъ силъ крестьянской семьи или рода, а наоборотъ—вызывался стремленіемъ увеличить эти силы для расширенія заимокъ и увеличенія хозяйственнаго оборота. Расширеніе крестьянскихъ „отчинъ“ путемъ заимки пустопорожнихъ господарскихъ земель, разчистки господарской пущи и проложенія „входовъ“ въ нее, и въ разсматриваемое время не встрѣчало обыкновенно препятствій. Вслѣдствіе этого создавались по временамъ огромные крестьянскіе участки, эксплуатируемые силами многочисленной крестьянской семьи-рода или цѣлаго товарищества. Правительство реагировало на это только тѣмъ, что съ теченіемъ времени, когда хозяйство прочно налаживалось на расширенномъ крестьянскомъ участкѣ, увеличивало размѣръ обложенія, требовало не одну, а двѣ и болѣе службъ, прибавляло податей и т. д. Вслѣдствіе этого иногда такіе крестьянскіе участки разрывались на два и болѣе тягло-податныхъ участка. Хотя очень часто, даже съ пріемомъ сторонихъ людей въ сябры, держалось общее владѣніе и пользованіе крестьянскими наслѣдственными участками, но все таки это не было вездѣ и всегда безусловно. Нѣкоторые крестьянскіе участки съ теченіемъ времени распадались на отдѣльныя части, или *слѣды* (въ Смоленской землѣ—*выти*), и между прежними совладѣльцами—сябрами оставалась связь только по службѣ, которую они по прежнему сообща служили господарю великому князю, да развѣ еще по совмѣстному владѣнію нѣкоторыми недѣлимыми угодьями, напр., озерами, рѣками, пастбищами и т. под.

Крестьянскіе участки въ собственной Литвѣ съ прилегающей къ ней Русью, а также въ земляхъ Полоцкой и Витебской, не имѣли нарицательнаго имени, назывались просто *землями* съ прибавленіемъ обыкновенно собственнаго имени перваго заимщика, прежняго владѣтеля: земля Петковщина, земля Мацковщина, земля Горностаевщина, земля Римтишки и т. под. Въ Волынской землѣ, Полѣсьѣ и частью въ Подляшьѣ крестьянскіе участки, бывшіе хозяйственными единицами владѣнія и пользованія, назывались *дворищами*, указывая тѣмъ прямо на свое происхожденіе отъ той совокупности земель и угодій, которая эксплуатировалась крестьянскою семьею или родомъ, жившимъ на одномъ дворѣ. Въ Смоленской землѣ въ такомъ же значеніи, какъ дворище на юго-западѣ, выступаетъ по актамъ *сельцо* и *селище*. *Селище* въ значеніе крестьянскаго земельнаго участка, какъ хозяйственной единицы, является и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ господствовали однодворныя и мелкодворныя поселенія. Съ селищами въ такомъ значеніи мы встрѣчаемся по актамъ въ княжествѣ Мстиславскомъ и въ повѣтахъ — Брянскомъ, Мценскомъ, Любутскомъ и Кричевскомъ, которые были частями Смоленской земли. Изрѣдка встрѣчаемъ „селище“ въ значеніи отдѣльнаго крестьянскаго участка и въ актахъ, относящихся къ землямъ Кіевской и Витебской. Въ частяхъ бывшей Берестейской земли въ обширномъ обозначеніи, т. е. въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Кобринскомъ (княжествѣ), Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ для обозначенія крестьянскихъ участковъ было въ ходу слово „жребій“. Эти „жеребьи“ были такого же происхожденія,

какъ и указанные выше крестьянскіе участки, т. е. даны были естественнымъ развитіемъ семейно-родовой крестьянской кооперації и совладѣнія. Впрочемъ, дѣленіе на жеребьи въ разсматриваемое время здѣсь все болѣе и болѣе вытѣснялось дѣленіемъ искусственнымъ на *волоки*, участки опредѣленной геометрической мѣры. Это дѣленіе вводилось при отводѣ пустыхъ земель для заселенія и разработки, на сыромъ корню, или же земель запустѣвшихъ. Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что вышеизложенная терминологія не всегда выдерживается строго по районамъ; терминъ „земля“ прилагается и къ крестьянскимъ участкамъ другихъ областей, кромѣ Литвы и Бѣлоруссіи; терминъ „дворище“ можно встрѣтить въ актахъ, касающихся, напр., Кіевщины и т. д.

Среди крестьянскихъ участковъ, находившихся въ потомственномъ владѣніи и пользованіи крестьянъ-отчичей, находились земли и угодья, которыя считались достояніемъ и находились въ пользованіи цѣлаго села, состоящаго изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ „службъ“, и даже волости. Въ литературѣ долгое время держалось мнѣніе, что эти общинныя земли и угодья были остатками глубокой древности, когда господствовало общинное землевладѣніе и землепользованіе. Новѣйшія изслѣдованія въ этой области показываютъ, что для объясненія происхожденія этихъ общихъ земель и угодій нѣтъ надобности восходить къ этой глубокой старинѣ, которая къ тому же является неизвѣстнымъ иксомъ. Общія земли и угодья образовывались на памяти исторіи, появлялись, какъ результаты экономической и тягло-податной исторіи села или волости. Ходъ дѣла схематически можно представить такимъ образомъ. Поселившись въ извѣстномъ мѣстѣ и образовавъ село, крестьянскія семьи принимались за разработку вокругъ лежащихъ земель и угодій. Земля, распаханная тою или другою семьею или родомъ, расчищенный и скошенный ею лугъ, заклейменныя бортныя деревья, пройденные „ухожаи“ становились достояньемъ этой семьи или рода, входили въ составъ ея дворища или жеребья (послѣднее названье указываетъ на то, что при первоначальной заимкѣ могъ имѣть мѣсто выборъ участковъ по жребію). Каждый крестьянскій участокъ свободно расширялся заимкою новыхъ земель и угодій, и съ увеличеніемъ населенія села расширялся и районъ его хозяйственной дѣятельности, пока не доходилъ до предѣловъ, куда ходила соха и топоръ сосѣдняго села, или до такихъ мѣстъ, которыя недоступны были для культуры. Такъ опредѣлялась граница села, т. е. всѣхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ или родамъ, пущъ и степныхъ пространствъ, куда они имѣли свои „входы“. Въ этой границѣ могли находиться и пустопорожнія земли и угодья, обойденныя почему-нибудь при первоначальной заимкѣ. Съ опредѣленіемъ пространственныхъ границъ для экономической дѣятельности села рано или поздно должно было устанавливаться и общинное владѣніе тѣми землями и угодьями, которыя еще не были освоены отдѣльными дворами. Односельчане не могли теперь допускать, чтобы кто-нибудь одинъ изъ ихъ среды захватывалъ эти земли и угодья и тѣмъ лишалъ возможности пользоваться ими остальныхъ. Такъ

какъ не всегда границы хозяйственной дѣятельности сосѣднихъ селъ смыкались, иногда терялись въ какомъ нибудь смежномъ лѣсу или степи, то могло такимъ же образомъ съ теченіемъ времени устанавливаться общее владѣніе землями и угодьями сосѣднихъ селъ, а иногда даже и цѣлой волости, если, напр., цѣлая волость ходила въ пущу на промыслы бортные, звѣриные, на сѣнокосъ и т. под. Здѣсь въ миньятюрѣ совершался тотъ же самый процессъ объобществленія земель при установленіи границъ для заимокъ и хозяйственой дѣятельности, который en grand совершался въ образовавшихся государствахъ и приводилъ къ обращенію всѣхъ незанятыхъ частными землевладѣльцами земель въ государственную собственность.

Владѣя и пользуясь своими участками потомственно, великокняжескіе крестьяне продавали и закладывали свои земли другимъ крестьянамъ и даже лицамъ другихъ сословій. Но всѣ эти сдѣлки не имѣли самостоятельнаго юридическаго характера, практиковались въ силу допущенія высшей власти, которая по временамъ вмѣшивалась въ эти сдѣлки и аннулировала ихъ, если онѣ состоялись безъ ея разрѣшенія. Въ 1501 году король Александръ, пожаловавъ на вѣчность городничему Виленскому Занку человѣка Тѣшила Пуполевича съ братьею и землею, написалъ въ жалованной грамотѣ: „Тежъ, што будетъ тотъ Тѣшило и зъ братьею земли свои попродали або заставили кому въ пенязѣхъ а любо кому отдали, и мы и тыи ихъ земли дали Занку вѣчно, зань же людемъ нашимъ нельзѣ земель продавати ани запродавати безъ нашого призволенья“. Король Сигизмундъ въ своихъ привилеяхъ неоднократно выражалъ: „неволно въ людей нашихъ земль безъ дозволенья нашого никому купити“. Рельефнымъ выраженіемъ доменіальнаго права великаго князя на земли своихъ крестьянъ является пожалованіе этихъ земель подъ крестьянами, даже вольными, военнослужилымъ людямъ или духовенству, при чемъ крестьянамъ предоставлялось на волю или служить новымъ владѣльцамъ, или уходить съ земли прочь, хотя бы эта земля была давнишняя, исконная принадлежность крестьянскаго рода. Фактически въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, особенно тамъ, гдѣ среди великокняжескихъ крестьянъ преобладали данники, крестьянскія земли довольно свободно переходили изъ рукъ въ руки.

Описанный земельный строй господарскаго крестьянства просуществовалъ до аграрной реформы, произведенной во второй половинѣ XVI вѣка и извѣстной подъ именемъ „волочной помѣры и уставы“. Новый земельный строй прежде, чѣмъ получилъ значеніе общей реформы, вводился по частямъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже и въ разсматриваемое время. Волочная система, какъ уже сказано, вводилась постепенно, исподоволь, на Подляшьѣ на сыромъ корню или на пустовщинахъ какъ господарскими урядниками, такъ и частными владѣльцами, вытѣсняя старое дѣленіе на жеребьи. Чаще всего волоки вымѣрялись для осады мѣстъ; но и новоустраивавшіяся села также осаживались на волокахъ. При Сигизмундѣ I волочное измѣреніе стало распространяться уже и на засе-

ленныя земли Подляшья, а въ самомъ началѣ великокняженія Сигизмунда Августа перекинулось въ сосѣднюю Черную Русь и на Литву, напр. въ Волковыйскій повѣтъ, въ дворы тивунства Виленскаго и т. д. Въ концѣ концовъ, какъ увидимъ, вся Литва, Жмудь и Бѣлоруссія получили новое земельное устройство, и только Украйна удержала исконный древнерусскій поземельный строй, какъ результатъ заимочнаго пользованія и освоенія.

Литература.

Кромѣ трудовъ, указанныхъ въ предшествующемъ очеркѣ, для изученія вопроса могутъ служить:

Ѳ. И. Леонтовичъ, Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1896, № 2, 3, 4, 7, 10, 12; 1897, № 4, 5; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1905; *М. К. Любавскій,* Рецензія на книгу Довнаръ-Запольскаго „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ“ (Отчетъ о третьемъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова, изд. Академіею Наукъ. Спб. 1907 г.); *М. Ф. Владимірскій-Будановъ,* Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI вѣка (Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, Кіевъ 1892 г.); *А. Ефименко,* Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси (Русская Мысль 1892, № 4 и въ книгѣ „Южная Русь“, т. I. Спб. 1905); *И. В. Лучицкій,* Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣверный Вѣстникъ 1889, № 1); Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (Юридическій Вѣстникъ 1890, т. I); *М. С. Грушевскій,* Барское староство. Кіевъ 1893 (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VIII, т. I и II).

XVIII.

Непохожіе и похожіе крестьяне и вольные слуги въ господарскихъ имѣньяхъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Старожильство, какъ юридическое основаніе „непохожаго“ состоянія, и его происхожденіе и признаки. — Обязательственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ-отничей; случаи ухода ихъ на сторону и превращенія въ вольныхъ, „похожихъ“ людей. — Вольные, похожіе люди на самостоятельномъ тяглѣ или оброкѣ; „жалобники“ или „слободичи“; потужники и дольники крестьянъ-господарей. Элементы, изъ которыхъ составлялось „похожее“ крестьянство. — Слуги и ихъ главная повинность; происхожденіе этого класса. — Слуги путные, панцырные, доспѣшные, щитные, конные; ордынцы. — Личная вольность, какъ главное отличіе этого состоянія отъ „простыхъ“ людей. — Бояре-крестьяне.

Тяглое крестьянство, жившее въ господарскихъ имѣньяхъ, раздѣлялось на непохожихъ, невольныхъ, и похожихъ, вольныхъ, людей. Всѣ крестьяне-отничи, жившіе цѣлыми поколѣніями на своихъ земельныхъ участкахъ, de jure считались *непохожими,* не имѣвшими права покидать свои земли и свои службы господарю великому князю. Тотъ самый принципъ старожильства, который крѣпилъ крестьянъ къ тяглу и владѣльцу въ сѣверо-восточной Руси, дѣйствовалъ въ той же мѣрѣ, если не въ большей, и въ Литовско-Русскомъ государствѣ, гдѣ „старина“ вообще была юридическою опорою

и соціальныхъ, и политическихъ отношеній. Въ отношеніи къ положенію крестьянъ принципъ старожильства сталъ опредѣляющимъ главнымъ образомъ благодаря условіямъ тогдашняго господарскаго и вообще крупнаго хозяйства. При малочисленности рабочаго населенія сравнительно съ величиною территоріи, при натуральномъ характерѣ крестьянскихъ „службъ", господарское, какъ и всякое другое крупное хозяйство, могло держаться только на невольномъ трудѣ. Одной челяди дворной было недостаточно для надлежащаго обезпеченія господарскаго хозяйства рабочею силою и доходами. Поэтому литовско-русскіе господари, какъ и всѣ другіе землевладѣльцы, стали держаться правила, что крестьяне, прочно осѣвшіе въ ихъ имѣньяхъ, люди *заспѣлые, старожильцы,* не могутъ покидать своихъ земель, бросать свою „службу" господарю или владѣльцу. Извѣстный привилей 1447 года, устанавливавшій, что господарь и его урядники не будутъ принимать въ великокняжескія села изъ имѣній князей, пановъ, рыцарства-шляхты и мѣщанъ людей „данныхъ, извѣчныхъ, селянитыхъ, невольныхъ" и требовавшій того же отъ землевладѣльцевъ въ отношеніи господарскихъ крестьянъ, не вводилъ никакой новости, а только подтверждалъ, санкціонировалъ уже сложившіяся отношенія. Старожильство господарскихъ крестьянъ было основаніемъ для сыска ихъ, какъ бѣглыхъ, и возвращенія на свои отчины. Напр., въ 1533 году пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, какъ державцѣ Бобруйскому, данъ былъ такой приказъ: „которыя земли пустовскіи лежатъ впустѣ, а ихъ никто не держитъ, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчичовъ отыскавши, и посадити". Признакомъ старожильства крестьянъ было отчинное, наслѣдственное владѣніе тѣмъ или другимъ участкомъ — землею, дворищемъ, селищемъ, жеребьемъ или его долею. Кромѣ того, старожильство устанавливалось и десятилѣтнею *земскою давностью* владѣнія крестьянскимъ участкомъ, безъ особыхъ гарантій свободнаго выхода.

Вызванное потребностями господарскаго хозяйства прикрѣпленіе крестьянъ-отчичей носило при всемъ томъ обязательственный характеръ, не было въ жизни безусловнымъ. Крестьянинъ-отчичъ могъ освободиться отъ своей неволи, сдавъ или продавъ свою отчину прихожему крестьянину. Такая сдача и продажа господарскими крестьянами своихъ отчинъ практиковалась въ широкихъ размѣрахъ. Продавшіе или сдавшіе свои отчины (подразумѣвается: съ разрѣшенія господаря или его уряда) крестьяне уже не подлежали возвращенію на эти отчины, съ которыхъ полнилась служба новыми владѣльцами. На это указываетъ, напр., такой случай. Тивунъ господарскій Черсвятской волости въ 1522 году предъявилъ требованіе къ одному полоцкому боярину, чтобы онъ выдалъ человѣка своего Климяту, на томъ основаніи, что человѣкъ этотъ господарскій, изъ Лодостна. Но Климята объяснилъ, что хотя онъ и изъ Лодостна, но отецъ его еще при жизни своей продалъ свою отчину старцу Лодостненскому Тетерѣ. На основаніи этого показанія воевода Полоцкій оставилъ Климяту за его владѣльцемъ. Обязательственнымъ характеромъ прикрѣпленія объясняется и широко практиковавшійся отходъ членовъ крестьянской семьи на сторону.

2. Крестьянскія отчины въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывались недостаточными для всѣхъ наличныхъ членовъ крестьянской земли. Поэтому часть ихъ уходила на сторону, порывала всякую связь съ отчиною и не подвергалась возвращенію, разъ съ отчины и безъ того исправно полнилась служба. Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году Сигизмундъ I разрѣшилъ своему дворянину Костѣ Пищикову принять на пожалованную ему землю двухъ господарскихъ крестьянъ, которые „отошедши отъ братьи своея колко лѣтъ ходили по людемъ по наймомъ“, между тѣмъ какъ тамъ, „гдѣ они передъ тымъ жили, четыре брата ихъ живутъ и службу супольно служатъ“. Разъясненіе мотива, которымъ король руководился въ своемъ дозволеньѣ, указываетъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ разрѣшеніемъ принять господарскихъ крестьянъ-отничей, а съ признаніемъ того, что эти отничи перестали быть въ сущности отничами, стали вольными, похожими людьми, не связанными болѣе обязательною „службою“ своему господарю.

3. Обязательственный характеръ прикрѣпленія господарскихъ крестьянъ сказывается и въ отношеніи литовско-русскаго правительства къ уходу крестьянъ безъ замѣстительства на ихъ отчинахъ. Крестьяне-отничи нерѣдко покидали свои дома и земли вслѣдствіе бѣдности и невозможности служить службу господарю. Они расходились „въ покормы“, поступали въ наймы или „запродавались въ пѣнязяхъ“, т. е. становились закупами, наконецъ — присаживались къ зажиточнымъ крестьянамъ въ потужники, въ дольники и подсусѣдки. Великокняжеская администрація не возвращала такихъ разорявшихся крестьянъ на ихъ отчины, гдѣ отъ нихъ не могло уже быть пользы. Такихъ крестьянъ надо было ставить на ноги, поднимать экономически. Но такая задача была не по плечу великокняжеской администраціи, и потому правительство предпочитало терпѣть уходы разорившихся крестьянъ въ надеждѣ, что они сами поправятся на сторонѣ, воротятся на свои отчины или сядутъ на другой господарской землѣ. Господарь могъ бы распоряжаться такими ослабѣвшими крестьянами и другимъ образомъ, напр., продавать ихъ или жаловать безъ земли другимъ владѣльцамъ. Но продажа господарскихъ крестьянъ безъ земли совершенно не практиковалась, а пожалованіе безъ земли бывало очень рѣдко. Намъ извѣстна только одна запись такого пожалованья, состоявшаяся при Казимирѣ въ 1447 году: „Билятовичамъ Твирмунтову землю, а самого Твирмунта пану Кезкгайлу“. Обычно крестьяне жаловались частнымъ владѣльцамъ съ землями и угодьями, съ обязательствомъ нести съ нихъ новому пану ту же службу, какую несли и самому господарю великому князю или какую другую, по его усмотрѣнію. Крестьянинъ-отничъ крѣпко сростался съ своею землею, съ которой онъ служилъ свою службу, и мыслился вмѣстѣ съ нею, какъ живая служба, а не отдѣльно отъ нея. Сами крестьяне обычно тяготѣли къ своимъ отчинамъ, къ своимъ родовымъ гнѣздамъ, и неохотно разставались съ ними. Въ источникахъ сохранились многочисленные слѣды борьбы ихъ съ нуждою, стремленія удержаться такъ или иначе на своихъ отчинахъ. Самый отходъ крестьянина на сторону иногда имѣлъ цѣлью

простой заработокъ, поправленіе матеріальныхъ рессурсовъ для продолженія хозяйства и службы господарю на своей отчинѣ. Для поправленія своего матеріальнаго положенія крестьяне прибѣгали также къ долгамъ у зажиточныхъ сосѣдей, которые они погашали либо работою, либо прибытками своего хозяйства, либо отдачею въ пользованіе арендатору своихъ земель и угодій, либо, наконецъ, продажею части своей отчины. Но все это сплошь и рядомъ еще болѣе обезсиливало крестьянина, который и бросалъ тогда свою отчину, становясь похожимъ человѣкомъ, на котораго господарской администраціи приходилось только махнуть рукою.

Какъ бы то ни было, но крестьяне-отчичи de jure были людьми „непохожими“, и господарь великій князь въ извѣстныхъ случаяхъ, когда представлялась возможность, осуществлялъ это право въ жизни, выводилъ крестьянъ-отчичей, зашедшихъ за другихъ владѣльцевъ или даже въ другія господарскія волости, и водворялъ ихъ на мѣста прежняго жительства. Но наряду съ отчичами непохожими въ господарскихъ имѣньяхъ проживало немало крестьянъ вольныхъ, „похожихъ“. Эти вольные крестьяне устраивались въ господарскихъ имѣньяхъ разнымъ образомъ. Часть ихъ осѣдала на пустовщинахъ, покинутыхъ отчичами, либо на той самой службѣ, которая шла прежде съ этого участка, либо на оброкѣ, арендной платѣ. Эти крестьяне, если они не засидѣли земской давности или если особымъ договоромъ гарантировали себѣ право выхода, оставались людьми вольными, которые могли уйдти въ другое мѣсто. Ограниченіе существовало для такъ называемыхъ „жалобниковъ“ и „слободичей“, которые садились „на волѣ“, „на жалобѣ“ или „на свободѣ“, т. е. съ условіемъ въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ не платить всѣхъ или части податей и не нести повинностей (въ большинствѣ случаевъ это были вольные прихожіе люди, которые садились не на пустовщинахъ, а на сыромъ корню, новозаселяли имѣнье). Такіе прихожіе крестьяне должны были отсидѣть не только волю, но и таковое же число лѣтъ уже безъ воли, и въ случаѣ самовольнаго ухода подлежали возвращенію „не мней, яко и отчичи“ (Статутъ 1529 г., раздѣлъ VIII, арт. 20). Вольные похожіе люди, не сидѣвшіе на волѣ, не были привязаны къ своей землѣ и могли всегда покинуть ее. Когда великому князю приходилось жаловать князю, пану или боярину въ составѣ того или другого имѣнья земли, на которыхъ сидѣли вольные похожіе люди, онъ постоянно оговаривалъ въ своихъ привилеяхъ, что люди вольные, сидящіе въ томъ имѣньѣ, вольны: всхотятъ ему служить, служатъ, а не всхотятъ ему служить, и онъ имѣетъ отпустить ихъ добровольно „со всими ихъ статкы“. Другая часть вольныхъ похожихъ людей устраивалась въ господарскихъ имѣньяхъ не самостоятельными хозяйствами, а въ потужникахъ, въ дольникахъ, половинникахъ, третчикахъ у крестьянъ-отчичей. Эти крестьяне имѣли дѣло не съ господарскою администраціею непосредственно, а съ крестьянами-„господарями“, съ которыми они и заключали свои ряды и уговоры.

Откуда набирались вольные похожіе люди? Прежде всего несомнѣнно, что часть ихъ наслѣдственно пребывала въ этомъ званіи. Вольные похожіе

люди, чтобы не подпасть дѣйствію земской давности и не сдѣлаться людьми засидѣлыми, брали особыя удостовѣренія или записи своего вольнаго состоянія, которое переходило такимъ образомъ и на ихъ дѣтей. Часть набиралась изъ вольно-отпускной челяди и отчичей, получавшихъ формальное разрѣшеніе „уходить прочь, куда кто хочетъ“. Но значительная часть набиралась изъ отчичей и безъ этого прямого разрѣшенія. Таковы были прежде всего тѣ крестьяне, которые сдавали или продавали свои отчины другимъ, а сами шли кормиться на сторону. Сюда присоединялись также и тѣ крестьяне-отчичи, которые по бѣдности бросали свои отчины и долгое время „волочились“ по людямъ въ наймитахъ и закупахъ. Давность дѣлала ихъ свободными въ глазахъ правительства. Поэтому, жалуя ихъ пустовщины какому-нибудь боярину, господарь сплошь и рядомъ оговаривалъ: „А придутъ ли отчичи тое земли, а всхотятъ ли ему служыть по своей доброй воли, и они нехай служать, а не всхотятъ ли ему служыти, и они маютъ поити, куда хотячы“. Наконецъ, въ разрядъ вольныхъ, похожихъ людей попадали и тѣ крестьяне-отчичи, которыхъ выпускали отъ себя на сторону крестьянскія семьи-товарищества, какъ лишнихъ членовъ, ненужныхъ для выполненія службы господарю. Въ составъ вольныхъ похожихъ людей попадали приходни изъ-за рубежа, тверичи, москва, и пребывали въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не становились людьми засѣдѣлыми, старожильцами или отчичами. Вольные, похожіе люди набирались также и изъ мѣщанъ, которые покидали свои усадьбы и земли въ городѣ и шли на покормъ въ села. И, наконецъ, контингентъ вольныхъ похожихъ людей пополнялся изъ класса такъ называемыхъ слугъ, которые по природному состоянію своему въ разсматриваемое время были еще вольными людьми.

Люди служебные, *слуги* разныхъ наименованій составляли вторую многочисленную категорію населенія господарскихъ имѣній на ряду съ тяглымъ крестьянствомъ. По своему экономическому положенію слуги близко стояли къ тяглому крестьянству. Такъ же, какъ и тяглые крестьяне, слуги были маленькими землевладѣльцами, а сплошь и рядомъ и земледѣльцами и промышленниками, сидѣвшими цѣлыми гнѣздами на своихъ „отчинахъ“. Но они отличались отъ крестьянъ своею спеціальною службою. Главною ихъ повинностью была военная служба и разъѣзды по порученіямъ великокняжеской администраціи въ мирное время. Всѣ другія повинности, которыя они отправляли вмѣстѣ съ тяглыми крестьянами, были только побочными, добавочными къ главной повинности.

Первоначальное ядро этого класса составили младшіе дружинники, тѣ самые гриди и отроки, которые были у князей Кіевской Руси, и которые подъ именемъ слугъ постояннно фигурируютъ рядомъ съ боярами въ договорныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей сѣверо-восточной Руси. Такъ же, какъ и старшіе дружинники-бояре, слуги съ теченіемъ времени сѣли на землю, за невозможностью князей содержать ихъ на всемъ готовомъ. Потребности военныя и административныя заставляли литовско-русскаго господаря пополнять этотъ основной контингентъ слугъ различными элементами изъ тяглаго крестьянства. Вотъ, напр., характерный въ этомъ от-

ношеніи примѣръ. Въ 1514 году нѣкто Лавринъ Станкевичъ, слуга изъ Кіевской земли, билъ челомъ господарю, прося вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы. Онъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что его отецъ и братья—люди „достаточные“ и могутъ „гораздо службу земскую заступовати“. Господарь исполнилъ просьбу, освободилъ крестьянина Станка и его двухъ сыновей отъ трехъ тяглыхъ службъ, которыя они служили, отъ дякла и другихъ „дачекъ“, которыя они платили господарю и его урядникамъ, и велѣлъ имъ „службу земскую заступовати у трехъ зброяхъ“. Они должны были имѣть коней добрыхъ и зброи, и брони „такъ достаточне“, какъ предписано было боярамъ-шляхтѣ. Слуги или служки, не ѣздившіе на войну и служившіе только по порученіямъ администраціи, набирались иногда не только не изъ достаточныхъ, а наоборотъ—изъ „привбожалыхъ“, „зубожалыхъ“ людей, которые не въ состояніи были полнить своей тяглой службы.

Слугъ было нѣсколько разрядовъ. Наиболѣе многочисленный изъ нихъ составляли *слуги путные* (по лат. servitores expeditionarii), названные такъ отъ того, что спеціальною повинностью ихъ былъ „путь“, или „листовная служба“. Они ѣздили по разнообразнымъ порученіямъ мѣстной великокняжеской администраціи съ „листами“, съ деньгами, въ Вильну и другіе города, куда было нужно. Но когда начиналась война, они выступали въ походъ подъ командою мѣстнаго державцы, или намѣстника. Нѣкоторые изъ нихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ несли и другія повинности, давали дякло, дань медовую и грошовую, коней, бобровщину и разныя другія „подачки“ господарю и мѣстной администраціи. Наиболѣе распространенною повинностью путныхъ слугъ было кошенье сѣна на господаря. Слуги путные въ Полоцкой землѣ назывались *сельскими путниками*. Въ Кіевской землѣ, на Волыни и Полѣсьѣ къ этому же разряду слугъ относились *слуги посельскіе*. Путные слуги иногда только по традиціи назывались путными, ибо не несли путной собственно службы, а только военную, *панцырную*. Такіе слуги назывались иногда *путными боярами*. Въ Смоленской и Витебской землѣ слуги, несшіе панцырную службу, такъ и назывались панцырными слугами или даже *панцырными боярами*. Панцырная служба считалась тяжелѣе обыкновенной военной, и потому панцырные слуги обыкновенно не несли уже никакихъ другихъ повинностей, кромѣ панцырной службы, которую они отправляли „посполъ зъ бояры“. Впрочемъ, бывали и тутъ исключенія, и панцырные слуги несли и разныя другія повинности. Кромѣ панцырныхъ слугъ, въ Смоленской землѣ были еще слуги *доспѣшные, щитные* и *конные*. Это были все разновидности одного и того же разряда слугъ, несшихъ военную службу. Слуги конные являются по актамъ и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, въ томъ числѣ и въ собственной Литвѣ. Всѣ они, сверхъ своихъ спеціальныхъ службъ, несли и другія повинности, давали дани деньгами, лошадьми, медомъ, косили сѣно, ходили на толоку, сыпали ставы. Слуги Кіевской земли, провожавшіеословъ въ орду, назывались *ордынцами*.

Выходя сплошь и рядомъ изъ тяглаго крестьянства, неся за одно съ нимѣ разныя повинности, слуги разсматривались, какъ крестьяне, и вмѣстѣ

съ крестьянами назывались „людьми“ (напр., люди служебные, люди путные и т. под.). Но при всемъ томъ въ разсматриваемое время они не приравнивались вполнѣ къ тяглымъ крестьянамъ, не почитались за людей „простыхъ“ и „невольныхъ“, хотя бы и были отчичами, людьми засидѣлыми (во второй половинѣ XVI вѣка положеніе ихъ въ этомъ случаѣ уже измѣнилось). Въ силу этого въ 1511 году королю Сигизмунду били челомъ „люди служебные“ Городенскаго повѣта Сенька Климовичъ и Мицута Ивановичъ, жалуясь на то, что король отдалъ ихъ дворянину Сеньку Тверитину „за простыхъ людей“, не вѣдая того, что они люди служебные и живутъ большею частью при господарскомъ дворѣ. Король уважилъ ихъ жалобу и вернулъ ихъ снова къ Городну. Въ составѣ того или другого господарскаго села и волости слуги нерѣдко жаловались господаремъ разнымъ лицамъ, наряду съ тяглыми крестьянами. Но жаловались собственно не они лично, а ихъ земли. Поэтому, пожаловавъ въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому дворъ Молодечно въ вотчину, король Сигизмундъ счелъ нужнымъ оговорить: „которые люди путные и иные люди *вольные* тамъ въ Молодечнѣ, тые и теперь вольны: всхотятъ ли ему служити, и они мають ему служити, а не всхотятъ ему служити, ино имъ поити добровольно, гдѣ хотячи, землю оставивши“. Въ одномъ судебномъ „выркѣ“ по поводу путныхъ слугъ, господарь и паны-рада въ опроверженіе притязанія на этихъ слугъ въ силу господарскаго пожалованья разъясняли: „то не слушная рѣчь (не подходящая вещь), абы слуги путные мяли кому въ неволю даны быти“. Но съ теченіемъ времени старожильство, какъ принципъ прикрѣпленія, стало дѣйствовать и въ отношеніи слугъ, которые стали такими же невольными людьми, какъ и тяглые отчичи (см., напр., Статутъ 1588, раздѣлъ 12, арт. 12—13).

Потребности государственной обороны заставляли литовско-русскаго господаря привлекать къ военной службѣ зажиточныхъ крестьянъ, снимая съ нихъ рѣшительно всѣ тяглыя повинности. Примѣры такой вербовки идутъ со временъ Витовта. Витовтъ вызволилъ, напр., предковъ Городищскихъ земянъ на Подляшьѣ Сабней и Головенекъ отъ тяглой службы, отъ „порубовъ“ (раскладки крестьянскихъ повинностей) и дякла и предоставилъ имъ „однимъ конемъ на войну ходить, какъ и иншии бояре ходять“. Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ во время похода своего къ Брянску вызволилъ съ тяглой службы предка нѣкоего Яна Ганцевича и велѣлъ ему „боярскою службою служить“. Переходъ съ тяглыхъ и другихъ службъ совершался иногда по иниціативѣ самихъ крестьянъ. Такъ, въ 1541 году сокольникъ Сташко Тузиковичъ просилъ вызволить его отъ службы сокольницкой и дать ему земли, которыми онъ владѣетъ, „на службу боярскую земскую“. Король исполнилъ его просьбу, обязалъ служить его тою же службою, какъ и иные бояре, и освободилъ отъ всѣхъ другихъ службъ и дачекъ. Всѣ эти лица служившіе вмѣстѣ съ боярами, и слыли обыкновенно за бояръ, хотя и не приравнивались къ благороднымъ боярамъ, шляхтѣ. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ захотѣлъ получить съ прибившаго его лица шляхетское безчестье, т. е. 12 руб.

грошей, Сигизмундъ отказалъ ему, на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Король присудилъ ему безчестья только рубль грошей, „какъ которому путному слугѣ“. Изъ этого видно, что многіе бояре носили только имя бояръ, не отличаясь по своимъ правамъ отъ слугъ.

Литература.

М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута; Литовско-русскій сеймъ; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Жур. Мин. Народ. Просвѣщ. 1897, № 4, 5); Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1907, № 5, 6).

XIX.

Мѣщане и евреи въ господарскихъ имѣньяхъ до половины XVI вѣка.

„Мѣста“, какъ торговопромышленныя городскія и сельскія поселенія. Разнообразіе занятій, повинностей и юридическаго положенія мѣщанъ.—Привилегированное положеніе евреевъ; грамоты Витовта.—Ихъ распространеніе по литовско-русскимъ городамъ въ XV вѣкѣ; временное изгнаніе въ концѣ XV и нач. XVI вѣка.—Еврейское засилье и его причины; кредитныя операціи евреевъ и откупа.

Кромѣ селъ и селецъ, населенныхъ тяглыми и служебными людьми, въ господарскихъ имѣньяхъ существовали еще *мѣста* съ жившими въ нихъ *мѣщанами*. Такъ назывались въ Литвѣ и западной Руси селенія, соотвѣтствовавшія московскимъ посадамъ, въ которыхъ происходили торги и ярмарки, находились гостиные дворы и лавки, винныя, пивныя и медовыя корчмы и разныя другія торговыя и промышленныя заведенія. Такія мѣста-посады располагались либо вокругъ военныхъ пунктовъ—замковъ или остроговъ, либо вокругъ центральныхъ господскихъ дворовъ, бывшихъ административными средоточіями, либо отдѣльно въ качествѣ особыхъ поселковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ были крупными торгово-промышленными селеніями, обыватели которыхъ жили исключительно или преимущественно торговлею и ремеслами. Таковы были старыя городскія поселенія Литвы и западной Руси, каковы были: Вильна, Троки, Ковно, Берестье, Новгородокъ, Минскъ, Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, Кіевъ; Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ. Другія въ сущности были только торговыми селами, жители которыхъ занимались торговлею и ремеслами только въ придачу къ земледѣлію. Мѣщане такихъ мѣстъ кромѣ усадебныхъ участковъ и домовъ въ мѣстѣ („садибъ“) имѣли еще по близости земли пахотныя, бортныя, сѣнные покосы и другія угодья, на которыхъ они устраивали свои хутора-фольварки.

Сообразно съ этимъ были не одинаковы и повинности, и юридическое положеніе господарскихъ мѣщанъ. Мѣщане крупныхъ торговыхъ горо-

довъ платили обыкновенно общій „платъ“ со всего мѣста за освобожденіе отъ всякихъ тяглыхъ повинностей и за предоставленіе имъ самоуправленія по магдебургскому праву (это самоуправленіе стало жаловаться имъ съ конца XIV вѣка). Кромѣ того, они платили налогъ и за усадебныя мѣста, называвшійся по разнымъ мѣстамъ разными именами: *подымщина, поворотщина, верховщина* (во Владимірѣ), *прутовое* (отъ мѣры „прутъ“, пол. pręt), и промысловые налоги: *торговые пенязи* съ лавокъ, клѣтокъ и „ятокъ“ (хлѣбныхъ закромовъ), *куничное* съ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ и продаютъ; *корчомные пѣнязи* или *капщину* съ домовъ, гдѣ пивомъ, медомъ и виномъ горѣлымъ шинкуютъ, и т. д. Мѣщане незначительныхъ мѣстъ, пахавшіе земли и разрабатывавшіе угодья, кромѣ промысловыхъ мѣстскихъ налоговъ, платили съ своихъ земель тѣ же разнообразныя „дачки“ и несли тѣ же „тягли“, что и крестьяне, т. е. платили *дань* (напр., въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ), *дякло, чинш* (платъ съ волокъ деньгами и натурою—овсомъ, курами и яйцами), *серебщину* и *ордынщину* (въ Поднѣпрскихъ волостяхъ), давали *стаціи* и *подводы* проѣзжающему господарю, его посламъ, гонцамъ и урядникамъ, ходили *на толоки* и *на гвалты* вмѣстѣ съ господарскими крестьянами и т. д. Система обложенія всѣми этими податями и повинностями находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ обложеніемъ крестьянъ, ибо и мѣщанское землевладѣніе представляло полное сходство съ крестьянскимъ. Мѣщанскія „земли“ представляли такія же исторически сложившіеся комплексы пашень и угодій, какъ и крестьянскія, самаго разнообразнаго размѣра и состава. Только въ западныхъ частяхъ государства вошло въ практику при пожалованіи мѣстамъ магдебургскаго права размѣрять мѣщанскія земли на волоки, и это не только на Подляшьѣ, но и на Волыни, Полѣсьѣ и въ собственной Литвѣ. Въ отношеніи „волочной помѣры“ мѣщанское землевладѣніе шло впереди крестьянскаго и влекло его, такъ сказать, за собою.

Мы видѣли, что значительная часть крестьянства въ господарскихъ имѣньяхъ, кромѣ податей и барщинныхъ повинностей, несла военную службу. На войну ходили не только слуги разныхъ наименованій, но и нѣкоторые ремесленные люди, какъ, напр., ковали, дойлиды, клепачи и т. под. Точно такъ же и мѣщане обложены были военною повинностью. Они выполняли эту повинность „водлѣ уставы“, т. е. выставляли столько ратниковъ со всего мѣста, сколько опредѣлено было для него по постановленію господаря и пановъ-рады на каждый данный случай. Независимо отъ сего отдѣльные мѣщане, пріобрѣтавшіе земскія имѣнья у бояръ-шляхты или земли слугъ, несли военную службу по этимъ своимъ пріобрѣтеніямъ.

Въ соотвѣтствіи съ экономическимъ положеніемъ и повинностями разнообразилось и юридическое положеніе мѣщанъ. Въ то время какъ мѣщане такихъ, напр., городовъ, какъ Полоцкъ и Витебскъ, въ силу мѣстныхъ земскихъ привилеевъ, не могли быть отдаваемы господаремъ въ частное подданство, не могли быть выводимы изъ своихъ мѣстъ, сами имѣя право вольнаго выхода изъ нихъ, мѣщане незначительныхъ мѣстъ и мѣстечекъ сплошь и рядомъ жаловались въ составѣ великокняжескихъ имѣній част-

нымъ лицамъ на ряду съ крестьянами, по своимъ владѣньямъ были такими же отчичами-непохожими, какъ и крестьяне. Въ то самое время, какъ мѣщане крупныхъ мѣстъ обособились отъ крестьянъ по управленію и повинностямъ, особенно въ мѣстахъ, получившихъ магдебургское право, мѣщане незначительныхъ мѣстъ и мѣстечекъ на литовскомъ и русскомъ правѣ едва отдѣлялись отъ крестьянъ, съ которыми они сообща несли разныя повинности и вмѣстѣ подлежали суду и управѣ однихъ и тѣхъ же должностныхъ лицъ и т. д.

Совершенно особое и исключительное положеніе занимали въ господарскихъ мѣстахъ *евреи,* разселившіеся въ нихъ изъ Польши. Положеніе это опредѣлено было грамотами Витовта, которыя подтверждались затѣмъ его преемниками на великомъ княженіи. Въ общемъ евреямъ даны были не только личныя и имущественныя обезпеченія, но и значительныя преимущества передъ мѣщанами-туземцами. За убійство еврея грамоты полагали смертную казнь и конфискацію имущества; за нанесеніе ранъ и побоевъ еврею—штрафъ въ пользу великаго князя и вознагражденіе потерпѣвшему въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ полагалось шляхтичу. Никто не имѣлъ права принуждать евреевъ къ уплатѣ долга или вообще къ отвѣту въ еврейскіе праздничные дни. Строгое наказаніе полагалось за нарушеніе еврейскаго богослуженія, а также за нападеніе или разрушеніе еврейскихъ кладбищъ. Такъ какъ евреи хоронили своихъ покойниковъ только въ опредѣленныхъ городахъ, гдѣ были ихъ кладбища, грамоты, предусматривая перевозъ мертвыхъ еврейскихъ тѣлъ, запрещали чинить евреямъ на таможенныхъ заставахъ препятствія и брать что-либо съ перевозимыхъ ими мертвыхъ тѣлъ. Запрещалось, согласно папскимъ декретамъ, обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Самыя широкія права предоставлены были евреямъ по части ссудныхъ операцій. Еврей могъ принимать въ закладъ всякую вещь, за исключеніемъ церковныхъ вещей и одеждъ мокрыхъ и окровавленныхъ, могъ принимать во всякое время, за исключеніемъ лошадей, закладъ которыхъ долженъ происходить непремѣнно днемъ. Онъ не обязанъ былъ наводить справки о принадлежности залогодателю вещи, которая представлялась въ закладъ. Въ случаѣ, если бы открылось, что заложенная вещь украдена или ограблена, еврею достаточно было присягнуть въ томъ, что онъ не зналъ этого, а также въ томъ, какая сумма выдана подъ закладъ этой вещи, и хозяинъ найденной вещи долженъ былъ внести ему эту сумму и половину наросшихъ процентовъ. Соблюденія какихъ либо формальностей при пріемѣ въ закладъ, въ родѣ, напр., занесенія стоимости заклада въ книгу и выдачи соотвѣтственной росписки въ принятіи, не требовалось. Въ случаѣ, если еврей отрекался отъ принятія заклада, дѣло рѣшалось присягою. Просроченный закладъ еврей могъ обратить въ свою пользу, послѣ заявленія передъ урядомъ о просрочкѣ. Евреи получили право брать въ залогъ и недвижимыя имущества съ правомъ входа во владѣніе ими, въ случаѣ просрочки платежа, впредь до выкупа. Что касается права торговли, то грамоты Троцкимъ и Брестскимъ евреямъ предоставляютъ имъ свободную торговлю всѣми

предметами наравнѣ съ христіанами съ обязанностью уплачивать съ товаровъ пошлины наравнѣ съ другими жителями великаго княжества Литовскаго. Грамота Гродненскимъ евреямъ предоставляла имъ право торговать въ лавкахъ и по улицамъ наравнѣ съ мѣщанами христіанами, заниматься ремеслами и даже земледѣліемъ, уплачивая въ великокняжескій скарбъ тѣ же подати, что и другіе мѣщане, варить и продавать пиво, медъ и горѣлое вино подъ условіемъ платежа „капщины“ и т. д. Всѣ свои внутреннія дѣла евреямъ предоставлено было рѣшать самимъ, между прочимъ разбирать гражданскія тяжбы. Только по дѣламъ уголовнымъ и искамъ христіанъ евреи должны были судиться господарскими урядниками.

Пользуясь защитою и покровительствомъ власти, евреи стали распространяться и по другимъ городамъ Литовско-Русскаго государства. Ихъ распространеніе и засилье вызвало въ концѣ XV вѣка реакцію. Въ 1495 году великій князь Александръ приказалъ „жидову зъ земли вонъ выбити“. Изгнаніе коснулось всѣхъ еврейскихъ общинъ Литовско-Русскаго государства: Берестье, Городно, Троки, Луцкъ, Владиміръ и Кіевъ были очищены отъ евреевъ. Вся поземельная собственность, какая къ тому времени накопилась въ рукахъ евреевъ, была конфискована. Ссуды, данныя евреямъ подъ залогъ недвижимости, велѣно было должникамъ вносить въ скарбъ; ссуды же, данныя подъ залогъ движимости, погашались. Евреи могли избавиться отъ постигшей ихъ бѣды только принятіемъ христіанства. Мотивъ изгнанія былъ—религіозный, но выросъ онъ несомнѣнно на экономической почвѣ. Недолго, однако, продолжалось это изгнаніе. Въ 1503 году Александръ, „помысливши съ панами радами“, принялъ опять евреевъ въ свое государство и дозволилъ имъ проживать тамъ, гдѣ они и раньше жили. Имъ возвращались дома, лавки, огороды, поля и луга и проч.,—все, чѣмъ они владѣли до изгнанія. Евреи должны были только заплатить владѣльцамъ ихъ имуществъ то „челобитье“, которое было уплачено этими послѣдними при пожалованіи имъ конфискованныхъ еврейскихъ недвижимостей, а равно и всякія издержки по устройству и улучшенію этихъ недвижимостей. Если эти имущества новыми владѣльцами были проданы или заложены, евреи должны были выкупить ихъ. Имъ предоставлено было взыскивать долги со всѣхъ своихъ должниковъ, по всѣмъ долговымъ обязательствамъ, взятымъ еще до изгнанія. Всѣ литовскіе евреи обязались сообща выставлять на войну 1000 всадниковъ. Но скоро эта повинность была снята съ нихъ, и они обязаны были за одно съ мѣщанами тѣхъ городовъ, гдѣ жили, платить обыкновенныя и чрезвычайныя подати и нести всѣ вообще повинности. Въ XVI вѣкѣ евреи заполонили чуть не всѣ города великаго княжества Литовскаго. Общины ихъ, или „жидовскіе зборы“, кромѣ упоминавшихся уже городовъ, видимъ въ Новгородкѣ, Слонимѣ, Мстибоговѣ, Клецкѣ, Пинскѣ, Кобринѣ, въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Острогѣ, Турцѣ и т. д. Распространеніе евреевъ и ихъ экономическое засилье вызвало уже въ половинѣ XVI вѣка сильное раздраженіе въ литовско-русскомъ обществѣ. „Въ эту страну,—писалъ Михалонъ Литвинъ,—собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій... народъ вѣроломный, хитрый, вред-

ный. Онъ портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы". Еще рѣзче писалъ объ евреяхъ современный поэтъ Кленовичъ въ поэмѣ „Roxolania". „Ты спросишь, что дѣлаетъ жидъ въ этомъ славномъ городѣ? А то же, что дѣлаетъ волкъ, попавшій въ полную овчарню. Посредствомъ долговъ къ нему попадаютъ въ закладъ цѣлые города; онъ утѣсняетъ ихъ процентами и сѣетъ нищету. Червь медленно точитъ дерево и понемногу съѣдаетъ дубъ. Отъ моли погибаютъ ткани, отъ ржавчины портится желѣзо. Такъ жидъ-тунеядецъ съѣдаетъ частное имущество, истощаетъ общественныя богатства". „Даже казна государственная не безопасна отъ его изворотовъ". Приведенные отзывы не были единичными голосами. Противъ евреевъ выражала свое неудовольствіе шляхта на великихъ вальныхъ сеймахъ. Такъ, на сеймѣ 1551 года шляхта жаловалась на то, что евреи захватили въ свои руки купли немалыя и откупа мыта и корчомъ.

Чѣмъ же объяснить это преуспѣяніе еврейства въ Литовско-Русскомъ государствѣ? Да тѣми же самыми исконными свойствами еврейскаго племени, коими и теперь обусловливается его преобладаніе на рынкѣ, биржѣ и въ промышленности, —необыкновенною подвижностью и изворотливостью, энергіею и умѣньемъ собирать капиталы и пускать ихъ въ оборотъ. Туземное литовско-русское мѣщанство не отличалось этими качествами. Мы видѣли, что значительная часть его занималась торговлею и ремеслами не исключительно, а только въ придачу къ земледѣлію. Недостаточно спеціализировались въ торговлѣ и индустріи и богатые мѣщане Вильны, Ковна, Полоцка, Витебска и Кіева, пріобрѣтавшіе земскія имѣнья, имѣвшіе крестьянъ и служившіе съ нихъ военную службу наравнѣ съ боярами. Будучи либо земледѣльцами, либо землевладѣльцами, крѣпко привязанные къ мѣсту своего жительства, литовско-русскіе мѣщане не вырабатывали въ себѣ той подвижности и предпріимчивости, какими отличались евреи, а наоборотъ—отличались всѣми тѣми чертами, которыя свойственны земледѣльческимъ классамъ,—извѣстною неподвижностью, косностью. Они не прочь были торговать и промышлять, но непремѣнно дома, не отрываясь отъ земли, отъ домашняго хозяйства, не такъ, какъ евреи, стремившіеся поспѣвать всюду, гдѣ была надежда на прибыль. Литовско-русскіе мѣщане ждали обыкновенно къ себѣ покупателя и заказчика, а евреи искали и находили ихъ. Но особое преимущество евреевъ передъ туземнымъ мѣщанствомъ состояло въ необыкновенномъ умѣніи ихъ собирать капиталъ и пускать его въ оборотъ, ссужать нуждающихся въ деньгахъ. Этимъ своимъ умѣньемъ евреи и снискали себѣ покровительство какъ у господаря, такъ и у правящей аристократіи.

Литовско-русскій господарь рано научился цѣнить евреевъ, какъ откупщиковъ корчомъ и мыта. Уже у великаго князя Витовта были такіе откупщики изъ евреевъ. Когда великое княжество Литовское превратилось въ огромное государство, и политическая и придворная жизнь пошла на широкую ногу, литовско-русскій господарь вынужденъ былъ нерѣдко жить

въ счетъ будущихъ поступленій, прибѣгать подобно частнымъ лицамъ къ кредиту. Этотъ кредитъ и оказывали ему евреи. Взимая у нихъ деньги, великій князь предоставлялъ имъ выбирать эти деньги съ разныхъ доходныхъ статей. Чаще всего великіе князья сдавали евреямъ на откупа или „въ аренду“, какъ говорилось тогда, мыта и корчмы. Туземные мѣщане неохотно брались за эти хлопотливыя и рискованныя предпріятія. Еще мѣстныя корчмы, доходность которыхъ имъ была извѣстна, они брали въ аренду, ибо это не отрывало ихъ отъ домовъ. Но если предлагалось взять корчму въ аренду гдѣ-нибудь на сторонѣ, на большой торговой дорогѣ— „гостинцѣ“, литовско-русскій мѣщанинъ рѣдко рѣшался бросить для этого свое хозяйство и вѣрное дѣло мѣнять на невѣрное. Въ такомъ случаѣ обыкновенно являлся еврей и бралъ корчму въ аренду. Еще рѣже туземное мѣщанство бралось за хлопотливое и рискованное дѣло собиранія мыта, для котораго надо было покидать домъ, уѣзжать на границу, бдительно смотрѣть за проѣзжающими, держать надежныхъ сторожей и т. д. Евреи охотно брались за все это, не будучи въ такой степени привязаны къ мѣсту своего жительства, какъ туземные мѣщане. Даже и въ тѣхъ случахъ, когда мѣстные мѣщане соглашались взять на откупъ ту или другую регалію, евреи обыкновенно перебивали у нихъ откупъ, давая надбавку противъ цѣны, предложенной мѣщанами. Свои обязательства предъ казною они обыкновенно выполняли точно и добросовѣстно, правильно понимая свои выгоды. Поэтому и господари литовскіе предпочитали еврея корчмаря и мытника всякому иному. Принимая на откупъ казенные доходы, евреи обыкновенно вносили впередъ часть суммы, за четверть года, за полгода, иногда даже за нѣсколько лѣтъ. Такіе откупщики сдѣлались положительною необходимостью для Литовско-Русскаго государства, которое силою историческихъ обстоятельствъ вынуждено было жить въ счетъ будущихъ доходовъ. Разумѣется, снабжая авансомъ литовскій скарбъ, евреи не забывали о своихъ процентахъ, и казна должна была поступаться въ пользу ихъ значительною частью своихъ доходовъ.

Итакъ, евреи нашли себѣ покровительство у литовско-русскаго правительства потому, что снабжали его „готовизною“, готовыми деньгами.

Но откуда же сами они брали эти деньги? Было бы ошибочно думать, что евреи въ массѣ были богатыми людьми, если могли оказывать кредитъ государству. Факты, приводимые изслѣдователями, показываютъ, что богачей-капиталистовъ было сравнительно мало въ средѣ евреевъ, что масса, какъ и теперь, влачила убогое существованіе. Евреи вели свои операціи компаніями, составляли крупныя суммы изъ маленькихъ взносовъ. Вотъ почему около таможень жила обыкновенно цѣлая колонія еврейская. Наиболѣе богатые изъ евреевъ были заправилами предпріятія и юридическими его представителями. Они заключали контрактъ съ казною. Бѣдняки вносили въ общее предпріятіе гроши, свои хлопоты по его устройству и веденію и перебивались со дня на день на ту микроскопическую прибыль и заработки, которые давало имъ предпріятіе. Евреи дѣлали оборотъ не съ одними только собственными капиталами, но и съ чужими.

Они сами брали въ долгъ деньги у туземныхъ состоятельныхъ людей подъ большіе проценты, довольствуясь тѣмъ остаткомъ прибыли, который имъ удавалось съэкономить для себя. Евреи тѣмъ были и сильны, что принесли съ собою на Литву умѣнье составлять крупные капиталы изъ мелкихъ, умѣнье выполнять тѣ самыя функціи, которыя выполняютъ теперь банки и акціонерныя общества. Въ интимныхъ отношеніяхъ съ еврействомъ по этой части стояли богатые литовскіе паны, пускавшіе черезъ евреевъ въ оборотъ свои сбереженія и потому обыкновенно имъ покровительствовавшіе. Евреи сумѣли стать необходимыми какъ для великаго князя, такъ и для литовско-русскаго панства, какъ финансовые дѣльцы, умѣвшіе ковать деньгу. Одинъ изъ такихъ дѣльцовъ Аврамъ Езофовичъ сдѣлался при великомъ князѣ Александрѣ подскарбіемъ земскимъ, т. е. министромъ финансовъ.

Литература.

М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго; *С. А. Бершадскій,* Литовскіе евреи. СПБ. 1883; Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій великаго княжества Литовскаго, Кіевъ 1888 (Кіевская старина 1888 г.).

XX.

Шляхта въ господарскихъ доменахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Бояре-шляхта, какъ высшій классъ населенія господарскихъ доменъ.—Составъ шляхты по Городельскому привилею 1413 года. Расширеніе этого состава по привилеямъ 1432, 1434 и 1447 годовъ; отсутствіе рѣзкой грани между боярами-шляхтою и людьми, несшими боярскую службу.—Значеніе судебнаго пересмотра правъ отдѣльныхъ бояръ въ дѣлѣ обособленія шляхетскаго сословія; устава о „выводѣ“ шляхетства. Значеніе „земскаго поиса“ 1528 года и хозяйственныхъ „уставъ“ 1529 года.—Возведеніе въ шляхетство и привилеи на это званіе; внѣшніе знаки шляхетства.—Особыя права и преимущества шляхетскаго званія.—Земяне, какъ равнозначительный боярамъ-шляхтѣ классъ, въ западныхъ областяхъ.—Служилые татары и ихъ положеніе.

Не всѣ военнослужилые землевладѣльцы Литовско-Русскаго государства утвердили во всей полнотѣ право собственности по отношенію къ своимъ имѣньямъ (plenum jus et dominium). Такое право досталось только на долю крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, которые въ латинскихъ хроникахъ XIV в. назывались domini praepotentes, viri famosi, а въ латинскихъ документахъ—barones, proceres, въ русскихъ источникахъ—старшіе, наилѣпшіе бояре и затѣмъ—паны. Земельныя имущества средняго, рядового боярства остались подъ доминіумомъ господаря великаго князя, который регулировалъ владѣніе ими въ своихъ военно-политическихъ и

отчасти финансовыхъ цѣляхъ. Такимъ образомъ, высшимъ классомъ въ составѣ населенія господарскихъ доменъ оказалось среднее или рядовое боярство.

Это среднее или рядовое боярство исподоволь превращалось въ шляхетское сословіе и получило имя *бояръ-шляхты* (отчасти земянъ).

Основаніе шляхетскому сословію въ Литовско-Русскомъ государствѣ положилъ Городельскій привилей 1413 года. Этотъ привилей, какъ извѣстно, предоставилъ разныя права польской шляхты тѣмъ литовскимъ „баронамъ“ и знатнымъ боярамъ, которые были исповѣдниками римской католической вѣры, и которыхъ поляки сопричислили къ своимъ гербовымъ братствамъ. Привилеи Ягайла 1432 года и Сигизмунда Кейстутьевича 1434 года даровали и русскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества тѣ же шляхетскія права и вольности, какія получили литовскіе паны и бояре въ 1413 году, при чемъ имъ дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себѣ гербы отъ литовцевъ, по соглашенію сихъ послѣднихъ съ своими польскими одногербовниками. Привилей Казимира 1447 года распространилъ шляхетскія права и на бояръ земель-аннексовъ великаго княжества Литовскаго, при чемъ совсѣмъ оставилъ вопросъ о гербахъ, считая, повидимому, боярское званіе совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами. Кругъ шляхты великаго княжества Литовскаго благодаря этимъ привилеямъ сильно расширился. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая прежде отграничивала этотъ классъ отъ остального населенія: признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Но мы уже видѣли, что боярская служба отправлялась не только тѣми, кто „зъ вѣковъ“ были бояре, но и „простыми“ людьми, которые освобождались отъ „дачекъ“ и „тяглей“ спеціально для несенія этой службы. Шляхетское сословіе, такимъ образомъ, въ боярствѣ стало незамѣтно сливаться съ простыми людьми, съ крестьянствомъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что и „извѣчные“ бояре, шляхта, нерѣдко нисходили до тяглаго, податного состоянія. Происходило это разнообразными путями. Въ Жмудской землѣ, напр., при Сигизмундѣ I многіе бояре-шляхта „за великими упадками своими“ перестали служить военную службу и начали давать съ своихъ земель „подачки“ великому князю. Ихъ перестали уже различать отъ податныхъ людей, и король долженъ былъ поручить старостѣ Жмудскому произвести спеціальное „вывѣданье“, кто изъ нихъ „правые“ бояре. Иногда бояре-шляхта пріобрѣтали крестьянскія земли и вмѣстѣ съ ними принимали на себя и крестьянскія повинности, не переставая въ то же время быть боярами и нести военную службу. Въ общемъ можно сказать, что хотя привилеи, даровавшіе литовско-русскимъ боярамъ права и вольности польской шляхты и создали въ Литовско-Русскомъ государствѣ особое шляхетское сословіе, но это сословіе не выдѣлилось сразу и не обособилось рѣзко отъ остальной народной массы.

Обособленіе это совершалось исподоволь, постепенно, и значительныхъ успѣховъ достигло только къ половинѣ XVI вѣка. Въ этомъ процессѣ

значительную роль сыгралъ прежде всего судебный пересмотръ правъ отдѣльныхъ бояръ.

Вслѣдствіе того, что бояре-шляхта сплетались съ верхними слоями крестьянства какъ на почвѣ землевладѣнія и повинностей, такъ и въ самомъ названіи, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ „простыхъ“ людей, нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтичамъ поэтому нерѣдко приходилось возстанавливать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ шляхетскому сословію, или „выводить“ свое шляхетство. Въ такихъ случаяхъ они различными документами или свидѣтельскими показаніями старались доказать, что они „зъ вѣковъ“—бояре, что предки ихъ служили военною службою, назывались боярами, держали волости въ кормленьѣ и т. под. Практика, установившаяся въ рѣшеніи дѣлъ о шляхетствѣ, нашла себѣ въ концѣ концовъ законодательную формулировку въ уставѣ о „выводѣ шляхетства“ 1522 года и въ статутѣ 1529 года. Въ 1522 году господарь и паны-рада постановили: шляхтичъ имѣетъ выводить свое шляхетство двумя шляхтичами, которые должны подъ присягою показать, что онъ отъ прадѣда и дѣда одного рода съ ними и братъ имъ по крови; если не можетъ поставить двухъ, а только одного, то долженъ самъ лично подтверждать его показаніе присягою; если же не можетъ поставить на судъ ни одного свидѣтеля, то долженъ представить, по крайней мѣрѣ, старинные листы Витовта, Сигизмунда и Казимира или нѣкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которомъ онъ самъ или его предки писаны боярами независимо отъ ихъ собственныхъ показаній. Статутъ 1529 года предоставлялъ право представлять въ качествѣ свидѣтелей, если родъ перевелся, и околичныхъ бояръ-шляхту, которые подъ присягою должны показать, что данное лицо шляхетскаго рода. Такимъ образомъ, путемъ судебныхъ рѣшеній въ составъ шляхетскаго сословія подбирались всѣ тѣ бояре, предки которыхъ уже во времена дарованія шляхетскихъ привилегій были настоящими боярами, а не вновь набраны были на боярскую службу. Лица, возстановившія судебнымъ порядкомъ свои шляхетскія права, получали соотвѣтствующіе „листы,“ при помощи которыхъ доказывалось ихъ шляхетство впослѣдствіи, и которые они хранили, какъ фамильное сокровище, могущее пригодиться для ихъ потомковъ.

Помимо судебныхъ дѣлъ о шляхетствѣ, возникавшихъ спорадически и болѣе или менѣе случайно, выясненію наличности шляхетскаго сословія и обособленію его отъ сосѣднихъ низшихъ классовъ помогли не мало и нѣкоторыя общія административныя мѣры, принятыя въ великокняженіе Сигизмунда Стараго. На первомъ планѣ здѣсь надо поставить „описъ земскій“ 1528 года, въ которомъ поименно были перечислены всѣ бояре-шляхта, долженствовавшіе отправлять военную службу. Къ этому реестру позже стали обращаться за справками при разборѣ дѣлъ о шляхетствѣ. Помѣщеніе въ списокъ бояръ 1528 года стало считаться оффиціальнымъ признаніемъ шляхетскаго достоинства лица и основаніемъ

для возстановленія этого достоинства. Въ 1528 году, такимъ образомъ, составлена была своего рода дворянская книга, опредѣлившая, хотя бы и приблизительно, наличность шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ слѣдующемъ году принята была новая мѣра, которая въ своемъ результатѣ должна была еще болѣе отграничить бояръ-шляхту отъ нешляхты. По новой „уставѣ", данной въ 1529 году въ руководство державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и Жмудской земли, путные бояре, обязанные „войну служити и сѣно косити", обложены были еще сверхъ того тяглыми повинностями, такъ называемою толокою—„три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярыну". Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ отставлялись отъ военной службы и переводились на оброкъ, облагались „осадными копами". Этотъ переводъ производился писарями господарскихъ дворовъ, которые согласно съ новою уставою стали объѣзжать эти дворы, устанавливать „и пописывать" господарскіе „пожитки". Въ тѣхъ случаяхъ, когда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръ-шляхту, послѣдніе доходили до господаря и возстановляли свое шляхетство. Все это въ общей сложности содѣйствовало вящшему обособленію и выдѣленію собственнаго шляхетскаго сословія.

Тому же служили и спеціальныя грамоты на шляхетство, выдача которыхъ участилась какъ разъ съ конца двадцатыхъ годовъ XVI вѣка. Возведеніе въ шляхетство производилось и ранѣе на оффиціальныхъ торжествахъ. Такимъ образомъ король Сигизмундъ на торжественномъ празднествѣ, которое отправлялось по случаю принесенія ленной присяги Прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ въ 1525 году, возвелъ въ шляхетское сословіе своего мытника еврея Михеля Езофовича, во вниманіе къ заслугамъ покойнаго брата его Аврама Езофовича, бывшаго подскарбія земскаго, и къ его собственнымъ. При этомъ король выдалъ ему особый привилей, въ силу котораго Михель Езофовичъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и между прочимъ гербомъ, перстнемъ, цѣпью и другими „рыцарскими" знаками. Что касается герба, то Сигизмундъ утвердилъ за нимъ гербъ „Лелива", въ который принялъ его панъ Юрій Глѣбовичъ, и предоставилъ изображать его знакъ всюду, гдѣ изображаются гербовые знаки шляхтою,—на печатяхъ, коврахъ и другихъ предметахъ (этотъ знакъ написанъ былъ красками въ подлинномъ привилеѣ). Изъ всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство распространилось вліяніе различныхъ обычаевъ и установленій западно-европейскаго средневѣкового рыцарства, и что названіе „рыцарь", фигурирующее довольно часто въ оффиціальномъ литовско-русскомъ языкѣ,—не пустой звукъ, а слово, обозначающее извѣстное реальное, жизненное явленіе. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ дѣйствительно было свое рыцарское благородное сословіе на манеръ западноевропейскаго, съ его инсигніями, а также, по всѣмъ даннымъ, и съ его сословными понятіями и предразсудками. Возведеніе въ шляхетство съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ участилось,

именно потому, что къ тому времени шляхетское сословіе довольно уже рѣзко обособилось и отграничилось отъ простонародья, такъ что и попадать въ него стало возможно только по особой милости господаря. Въ актахъ попадаются случаи возведенія въ шляхетство тяглыхъ крестьянъ, годныхъ „службу земскую заступовати.“ Но чаще всего возводились въ шляхетство не прямо съ тяглой, а съ панцырной, путной или какой-нибудь другой военной службы за особыя заслуги и отличія. Кромѣ военной службы, ступенью къ достиженью шляхетства была также канцелярская и придворная служба. Господарь возводилъ въ шляхетское званіе не только своихъ подданныхъ, отличавшихся на ратномъ полѣ, но и своихъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей—одверныхъ (швейцаровъ), машталеровъ (конюховъ), коморниковъ (лакеевъ) и т. д., а также и выслужившихся канцелярскихъ служителей.

Въ чемъ же состояли особенности положенія бояръ-шляхты по сравненію съ „простыми людьми,“ населявшими господарскіе домены? Бояре-шляхта были и оставались вольными людьми, сколько бы времени ни жили въ господарскихъ доменахъ. Они всегда могли покинуть свои имѣнья, которыя они держали подъ господаремъ, хотя бы то были ихъ „извѣчныя отчины,“ и въ противоположность крестьянамъ-отчичамъ не подлежали возвращенію на свои отчины. Изъ другихъ правъ шляхты надо отмѣтить гарантированную имъ земскими привилеями личную и имущественную неприкосновенность: шляхтичъ безъ судебнаго разбирательства не могъ быть наказываемъ ни смертію, ни тѣлеснымъ наказаніемъ, ни заключеніемъ въ тюрьмѣ, ни конфискаціею имѣнья, ни денежнымъ штрафомъ. За пораненье, увѣчье, и непредумышленное убійство шляхтича полагались повышенные денежные штрафы въ 12 рублей, 30 копъ и 100 копъ грошей (простые люди, ударившіе шляхтича, наказывались даже отсѣченьемъ руки). Шляхтичъ признавался вообще человѣкомъ „добрымъ,“ благороднымъ, достойнымъ вѣры, и потому сплошь и рядомъ въ судебныхъ тяжбахъ „шляхетская присяга“ принималась за рѣшающій доводъ. Какъ люди благородные, не простые, шляхтичи подлежали юрисдикціи воеводъ, старостъ, маршалковъ земскаго и дворнаго (на сеймахъ), но не обязаны были являться на судъ державцевъ, которые переименованы были изъ тивуновъ, и которые судили преимущественно простыхъ людей, холоповъ. Шляхтичи могли судиться у этихъ державцевъ только по своей доброй волѣ. На судъ вызывались „позвами“, судебными повѣстками, а не привлекались черезъ „дѣтскихъ,“ въ формѣ привода: дѣтскій посылался за шляхтичемъ лишь послѣ того, какъ шляхтичъ не явился на судъ за двумя „позвами.“ Наконецъ, только шляхтичи участвовали съ половины XV в. на великихъ вальныхъ сеймахъ, созывавшихся для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики и законодательства.

Бояре-шляхта владѣли подъ господаремъ имѣньями главнымъ образомъ въ Литовской землѣ и слившейся съ нею „Руси“ и въ земляхъ Жмудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской и Кіевской. На Подляшьѣ, въ Берестейской области, на Волыни, Подольѣ и въ западныхъ повѣтахъ земли Кіевской классъ,

соотвѣтствующій боярамъ-шляхтѣ, носилъ польское названіе *земянъ*, чередующееся впрочемъ, нерѣдко съ именемъ „бояре-шляхта.“ Здѣсь дѣйствовалъ, очевидно, примѣръ сосѣдней Польши. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ областей попадали въ XIV и XV в. подъ власть Польши. Въ этихъ областяхъ не мало было землевладѣльцевъ, переселившихся изъ Польши; независимо отъ этого поддерживалось тѣсное житейское общеніе съ Польшею. Неудивительно, если здѣшніе бояре-шляхта усваивали себѣ польское имя земянъ, которое къ тому же лучше отличало отъ „простыхъ“ людей, чѣмъ имя „бояринъ.“ Здѣшніе „земяне“ удерживали это имя даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтали имѣнья на Литвѣ и въ другихъ областяхъ. Съ теченіемъ времени проявилась общая тенденція къ вытѣсненію названія „бояре-шляхта“ названіемъ „земяне,“ и статутъ 1529 года мѣшаетъ уже названія „бояре-шляхта“ и „земяне.“ Впрочемъ въ другихъ памятникахъ оффиціальной письменности, современныхъ и позднѣйшихъ, названіе бояре-шляхта было преобладающимъ.

На одинаковомъ почти положеніи съ боярами-шляхтою и земянами, не пользуясь ихъ политическими преимуществами, находились татары, испомѣщенные въ великокняжескихъ доменахъ. Извѣстія о служилыхъ литовскихъ татарахъ идутъ со временъ Витовта, который послѣ похода на Донъ въ 1397—1398 годахъ поселилъ множество плѣнныхъ татаръ въ западныхъ частяхъ Литовской земли—по Виліи, Вакѣ и Лососнѣ. Изъ переписи военно-служилаго люда, произведенной въ 1528 году, видно, что татары жили преимущественно въ разныхъ мѣстахъ Троцкаго воеводства, а также и въ Новгородскомъ повѣтѣ. Многіе изъ нихъ имѣли своихъ крестьянъ, вслѣдствіе чего ѣздили на войну самъ-другъ, самъ-третей, самъ-шестъ и т. д. Но многіе изъ нихъ были „казаки,“ „што людей не маютъ“, а нѣкоторые даже сидѣли на огородахъ, не имѣя пашень. Татары дѣлились на *стяги*, которыми командовали *хоружіе* изъ татаръ, а казаки ставились подъ начальство хоружихъ своими *атаманами*. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ татары были разсѣяны спорадически, они ставились на войну вмѣстѣ съ мѣстными боярами-шляхтою. Вообще татары землевладѣльцы пользовались тѣми же правами, что и бояре-шляхта, на тѣхъ же основаніяхъ владѣли имѣньями, отправляли военную службу и т. д.

Литература.

М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Бояре и служилые люди въ литовско-русскомъ государствѣ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1907, № 5, 6); Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908 № 3, 5, 6, 7; 1909, № 2, 3).

XXI.

Землевладѣніе и повинности шляхты въ господарскихъ доменахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Фактическое владѣніе, какъ древнѣйшій типъ боярскаго землевладѣнія.—Появленіе гарантированнаго „вѣчистаго“ землевладѣнія и основныя его черты; ограниченія въ правѣ распоряженія отчинами и выслугами.—Имѣнья „до воли господарской“, „дочасныя“ и „ленныя“.—Господарскій доминіумъ надъ имѣньями бояръ-шляхты и передача его въ частныя руки; прекращеніе этой передачи ко времени перваго Статута.—Военная служба съ имѣній бояръ-шляхты и ея размѣры.—Замковая, дорожная и мостовая повинности; подводная, стаційная, сторожевая, и др. повинности съ выслугъ.—Бояре, слуги и крестьяне въ шляхетскихъ имѣньяхъ.—Сябрпное боярское землевладѣніе и землепользованіе и отправленіе повинностей.

Бояре-шляхта, земяне и татары держали подъ господаремъ земельныя имѣнья на разныхъ условіяхъ. Древнѣйшимъ типомъ боярскаго землевладѣнія было фактическое владѣніе съ допущенія или пожалованія господаря. Это владѣніе сплошь и рядомъ было наслѣдственное и потомственное. Но при всемъ томъ такія фактическія владѣнія въ иныхъ случаяхъ могли отбираться отъ владѣльцевъ по усмотрѣнію господаря. Съ конца XIV вѣка, со времени выдачи извѣстныхъ привилеевъ, это фактическое землевладѣніе стало раздѣляться на разные виды. Изъ него выдѣлилось прежде всего „вѣчистое“, т. е. неотъемлемое, при условіяхъ службы, владѣніе „отчинами, материзнами, выслугами и куплями“. Такія „вѣчности“ переходили по наслѣдству къ женѣ, дѣтямъ, „счадкомъ“ (дальнѣйшимъ нисходящимъ) и „близкимъ“ (боковымъ родственникамъ), и только при неимѣніи таковыхъ возвращались къ верховному собственнику — господарю великому князю. Владѣльцы „вѣчистыхъ“ имѣній могли продавать ихъ, дарить, отдавать въ приданое и на поминъ души и вообще „къ своему пожиточному обернути, какъ самъ налѣпѣй розумѣючи“. Единственное ограниченіе по существу въ данномъ случаѣ констатируется актами и статутомъ 1529 г. въ интересахъ рода: нельзя было отчуждать самовольно, безъ согласія родныхъ, болѣе одной трети отчины. Кромѣ того, для отчужденія выслугъ въ виду разнообразныхъ условій ихъ пожалованія требовалось вообще разрѣшеніе господаря великаго князя. Съ появленіемъ этого гарантированнаго типа боярскаго землевладѣнія, прежній фактическій типъ боярскаго землевладѣнія юридически опредѣлился уже, какъ владѣніе „до воли и ласки господарской“. Даруя „въ вотчину“, „на вѣчность“ имѣнья своимъ боярамъ и земянамъ, подтверждая въ частныхъ и общихъ земскихъ привилеяхъ вотчины и старыя выслуги „на вѣчность“, литовско-русскіе господари на ряду съ этимъ въ интересахъ службы продолжали раздавать изъ состава своихъ доменъ имѣнья и „до воли и ласки“ своей господарской, не опредѣляя срока владѣнія и пользованія. Но такъ какъ такой порядокъ не особенно былъ удобенъ для землевладѣльцевъ, держа ихъ въ неизвѣстности и неувѣренности относи-

тельно владѣнія, то господарь сталъ опредѣлять срокъ владѣнія. Появился новый типъ „дочаснаго“ землевладѣнія—„до живота“, т. е. пожизненнаго, „до дву животовъ“, т. е. съ правомъ передать дѣтямъ, „до трехъ животовъ“, т. е. съ правомъ передачи дѣтямъ и внукамъ. Иногда имѣнья жаловались временно, „до очищенья отчины“ владѣльца, занятой непріятелемъ, или просто „до осмотрѣнья“ инымъ, болѣе подходящимъ имѣньемъ. Всѣ подобныя временныя владѣнія называются по временамъ въ актахъ XV и XVI в. *помѣстьями*. Въ интересахъ же господарской службы съ теченіемъ времени возникъ особый типъ землевладѣнія *на ленномъ правѣ*, т. е. съ правомъ перехода къ наслѣдникамъ только мужского пола. Источники рано, въ XIII в., упоминаютъ объ имѣньяхъ jure feodali. Но неизвѣстно точно, въ какомъ смыслѣ разумѣлся тогда этотъ латинскій терминъ. О „ленахъ“ упоминаетъ затѣмъ статутъ 1529 года и современные акты, которые и разъясняютъ лены именно, какъ наслѣдственныя въ мужскомъ потомствѣ имѣнья. Такія имѣнья стали возникать, очевидно, въ то время, когда пришлось считаться съ отрицательными послѣдствіями установившагося „вѣчистаго“ землевладѣнія съ полнымъ правомъ распоряженія и съ свободою выхода за мужъ боярскихъ наслѣдницъ. Статутъ 1529 года принялъ цѣлый рядъ мѣръ противъ „вдовъ“, которыя остаются по смерти мужа на его имѣньѣ, противъ дѣвицъ, которыя своевольно выходятъ замужъ. Общая тенденція его — стѣснить по мѣрѣ возможности землевладѣніе женщинъ, невыгодное для интересовъ земской, военной службы. Въ административной практикѣ эта борьба съ развитіемъ женскаго землевладѣнія и породила раздачу имѣній боярамъ-шляхтѣ и земянамъ на ленномъ правѣ, т. е. съ правомъ наслѣдованія только для нисходящихъ потомковъ мужскаго пола. Уступка частнымъ интересамъ въ свою очередь порождала комбинированныя формы землевладѣнія: имѣнья давались иногда мужу, *женѣ* и нисходящимъ мужского пола, а при неимѣніи ихъ—дочери, внукѣ или правнукѣ и ея нисходящимъ мужского пола и т. д. Вообще надо сказать, что формы боярскаго шляхетскаго землевладѣнія въ разсматриваемое время все болѣе и болѣе дифференцировались, умножались и усложнялись, по мѣрѣ того, какъ опредѣлялись и закрѣплялись юридически самыя основанія, на которыхъ покоилось шляхетское землевладѣніе.

Всѣми своими имѣньями бояре-шляхта владѣли только при условіи службы верховному собственнику, господарю великому князю. Каждый бояринъ-шляхтичъ съ своимъ „почтомъ“, т. е. съ извѣстнымъ числомъ слугъ, смотря по размѣрамъ имѣнья, долженъ былъ ставиться подъ повѣтовое знамя, подъ начальство мѣстнаго *хоружаго*. Имѣнье, все равно какого бы типа изъ перечисленныхъ оно ни было, отбиралось отъ владѣльца, если онъ не явился или служилъ съ него неисправно военную службу. На этомъ основаніи бояре-шляхта, имѣвшіе земли подъ господаремъ, не имѣли права поддаваться съ этими землями на службу къ князьямъ и панамъ. На этомъ же основанія всѣ лица, покупавшія или получавшія въ даръ, по наслѣдству или въ приданое за женами боярскія шляхетскія имѣнья, должны были нести съ нихъ службу господарю великому князю. Боярскія шляхетскія

имѣнья составляли принадлежность господарскихъ доменъ, источникъ земской боярской службы господарю, и потому не могли отдѣляться отъ его доменъ по желанію владѣльцевъ этихъ имѣній. Самъ литовско-русскій господарь въ качествѣ верховнаго собственника этихъ имѣній долгое время считалъ себя въ правѣ передавать имѣнья бояръ-шляхты въ составѣ другихъ земель во владѣнье князьямъ и панамъ. Господарь отчуждалъ въ такихъ случаяхъ только свой доминіумъ надъ этими имѣньями. Бояре-шляхта въ такихъ случаяхъ не лишались своихъ имѣній и не могли быть лишены и новыми владѣльцами. Но они обязаны были нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую до этого несли самому господарю великому князю; въ противномъ случаѣ должны были сойдти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Съ теченіемъ времени выяснилось, что передача господарскаго доминіума надъ имѣньями бояръ-шляхты въ частныя руки нерѣдко приводила бояръ-шляхту къ необходимости покидать свои имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ имѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву. Въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія господарь пришелъ къ сознанію этого противорѣчія и призналъ, что „шляхта не маеть, а не можеть быть никому въ моцъ подана“. Въ общеземскомъ привилеѣ 1529 года господарь далъ торжественное обѣщаніе за себя и своихъ потомковъ не отдавать шляхту, своихъ подданныхъ, или ея имѣнья никому изъ пановъ и князей. Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья бояръ съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число. По отношенію къ имѣньямъ пожалованнымъ—выслугамъ господарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ свой доминіумъ надъ ними въ частныя руки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ жалованныхъ грамотахъ на эти имѣнья было прямо оговорено, что владѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю.

Таково было землевладѣніе бояръ шляхты въ господарскихъ доменахъ. Что касается повинностей ихъ, то главною была, какъ уже сказано, военная боярская служба. Долгое время размѣръ этой службы съ каждаго даннаго имѣнья опредѣлялся чисто исторически, какъ и съ крестьянскаго участка. Все зависѣло здѣсь отъ размѣровъ имѣнья, зажиточности владѣльца, условій, на которыхъ пожалована была земля и т. под. Мелкіе землевладѣльцы самолично выѣзжали на войну, „водлѣ можности своее“, т. е. на такихъ коняхъ и въ такомъ вооруженіи, какое доступно было по ихъ средствамъ. Иные выѣзжали на войну самолично, но на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи—„зброи“, какъ полагалось; иные выѣзжали самъ-другъ, самъ-третей и т. д., съ „почтомъ“ слугъ. Съ начала XVI вѣка военная повинность уже регулировалась сеймовыми „ухвалами“, т. е. постановленіями, при чемъ за основаніе принималось количество крестьянскихъ служебъ въ шляхетскомъ имѣньѣ. Опредѣлялось выставлять коннаго ратника въ полномъ снаряженьѣ съ 10, иногда болѣе, иногда менѣе крестьянскихъ служебъ. Что же касается мелкихъ землевладѣльцевъ, то они по прежнему

должны были лично выѣзжать на войну „водлѣ можности своее“. Кромѣ военной, общею повинностью шляхетскихъ имѣній была повинность замковая, дорожная и мостовая, т. е. обязанность ставить работниковъ при постройкѣ и ремонтѣ замковъ, военныхъ дорогъ и мостовъ. Эти повинности оставлены были на имѣньяхъ бояръ-шляхты земскими привилеями 1413, 1434 и 1447 года и послѣдующими, которые освобождали эти имѣнья отъ всякихъ другихъ „тяглей“ и „дачекъ“ на господаря великаго князя. Но на имѣньяхъ, которыя жаловались вновь боярамъ-шляхтѣ, сплошь и рядомъ оставлялись и другія повинности. Литовско-русскіе господари считали себя связанными въ данномъ случаѣ только въ отношеніи къ имѣньямъ бояръ-шляхты отчиннымъ или выслуженнымъ въ давнее время, при пожалованіи же имѣній вновь сплошь и рядомъ оговаривали, что съ этихъ имѣній должны выполняться тѣ или другія повинности, сверхъ перечисленныхъ выше. Чаще всего на боярскихъ выслугахъ оставлялись повинности: подводная, стаційная, сторожевая и заставная, т. е. бояре-шляхта съ своихъ имѣній должны были давать подводы проѣзжающимъ господарю и его урядникамъ, за одно съ господарскими крестьянами „стеречь недѣли“, давать стаціи, или кормы, господарю и его урядникамъ при проѣздѣ, держать сторожу при замкахъ или въ полѣ, въ степи, отправляться въ заставу, т. е. на гарнизонную службу въ тотъ или другой городъ и т. д. Въ отдѣльныхъ случаяхъ на выслугахъ бояръ-шляхты оставлялись и другія повинности, напр., хожденіе на толоку на господарскія пашни и сѣнокосы. Впрочемъ, это были уже сравнительно рѣдкія исключенія.

Бояре-шляхта и земяне выполняли лежавшія на ихъ имѣньяхъ „земскія“ повинности не только самолично, но и при помощи своихъ „подданныхъ“. Тѣ изъ нихъ, которые владѣли болѣе или менѣе значительными имѣньями, держали на участкахъ этихъ имѣній даже собственныхъ своихъ бояръ и слугъ, которые и выѣзжали на войну въ ихъ „почтахъ“. Но большинство шляхетскихъ подданныхъ составляли крестьяне разныхъ наименованій—тяглые, данники и др. И въ шляхетскихъ имѣньяхъ констатируется разнообразіе крестьянскаго населенія по роду занятій и повинностей, хотя и не такое, какъ въ непосредственно эксплуатируемыхъ великимъ княземъ частяхъ его доменъ. Сходство въ настоящемъ случаѣ происходило частью отъ сходства хозяйственныхъ условій, частью отъ того, что многія шляхетскія имѣнья обязаны были своимъ существованіемъ пожалованіемъ боярамъ-шляхтичамъ и земянамъ господарскихъ людей съ землями. Такъ же, какъ и въ непосредственныхъ владѣніяхъ великаго князя, крестьяне шляхетскихъ имѣній дѣлились на людей непохожихъ, извѣчныхъ (отчинныхъ) и людей похожихъ, вольныхъ, обладавшихъ правомъ перехода, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. То обычное право, которое дѣйствовало въ данномъ случаѣ по отношенію къ господарскимъ крестьянамъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ, находило себѣ еще болѣе полное и рѣзкое примѣненіе въ быту шляхетскихъ подданныхъ.

Такъ какъ и шляхетскія имѣнья въ большинствѣ не отличались крупными размѣрами, то и среди бояръ-шляхты такъ же, какъ и среди „про-

стыхъ становъ“ распространено было сябринное землевладѣніе и землепользованіе и совмѣстное отправленіе военной службы и другихъ повинностей. Статутъ 1529 года постановлялъ, что, если будетъ нѣсколько братьевъ недѣленыхъ, тогда съ ихъ „сумесного“ имѣнья долженъ служить одинъ изъ нихъ—„годнѣйшій“. Съ мелкихъ шляхетскихъ имѣній отбывалась одна земская служба даже и въ томъ случаѣ, когда они раздѣлялись и попадали во владѣніе чужеродцамъ. Такъ было, напр., на Подляшьѣ, гдѣ жила убогая шляхта, страшно измельчавшая. Каждому изъ такихъ убогихъ шляхтичей въ отдѣльности не мыслимо было выправляться на войну. Поэтому бѣдные шляхтичи складывались и сообща отправляли „коня“ на войну, либо выѣзжали по очереди, при чемъ остававшіеся дома помогали ѣхавшему снаряжаться на войну.

Литература.

М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; Литовско-Русскій сеймъ; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1909, № 2 и 3); *М. Ф. Владимірскій-Будановъ,* Помѣстья Литовско-Русскаго Государства (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. III).

XXII.

Княжеское и панское землевладѣніе и его значеніе въ соціально-политической организаціи Литовско-Русскаго государства; церковныя имѣнья.

Общая характеристика владѣнія съ полнымъ правомъ и панствомъ.—Удѣлы князей Рюриковичей, Гедиминовичей и древнихъ литовскихъ династій.—Имѣнья литовскаго панства; древность ихъ происхожденія.—Военное могущество землевладѣльческой аристократіи по даннымъ переписи 1528 года; паны хоругвные.—Земскія повинности съ имѣній князей и пановъ.—Положеніе церковныхъ имѣній.

На ряду съ великокняжескими доменами, которые давали господарю финансовыя средства для содержанія двора и удовлетворенія государственныхъ потребностей и военныя силы для обороны отъ внѣшнихъ враговъ и для поддержанія власти и порядка внутри государства, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовала большая наличность независимыхъ имѣній, владѣльцы которыхъ владѣли и распоряжались ими „съ полнымъ правомъ и панствомъ“. На этихъ имѣньяхъ не лежало тѣхъ ограниченій, которыя лежали на имѣньяхъ „подъ господаремъ“. Велікій князь, сохраняя въ отношеніи къ нимъ права верховнаго правителя страны (salvis juribus nostris regalibus), не простиралъ на нихъ правъ своихъ, какъ вер-

ховнаго собственника, своего землевладѣльческаго доминіума. Вслѣдствіе этого, напр., ихъ собственники жаловали части этихъ имѣній своимъ слугамъ съ правомъ служить съ нихъ, „кому хотя", а не непосредственно только великому князю.

Какъ создались въ Литовско-Русскомъ государствѣ такого независимаго типа земельныя владѣнія? Отвѣтъ на это данъ отчасти въ изложеніи территоріальнаго образованія Литовско-Русскаго государства.

Мы видѣли, что, присоединяя русскія земли, великіе князья Литовскіе замѣщали своими родичами или намѣстниками только главные столы областныхъ княженій, оставляя мелкихъ удѣльныхъ князей на ихъ отчинахъ. Такимъ образомъ, напр., въ Полоцкой землѣ остались на своихъ отчинахъ князья *Лукомскіе*, давшіе отъ себя вѣтвь князей Щидуцкихъ, Мелешковскихъ и т. д.; въ Витебской землѣ остались князья *Друцкіе*, развѣтвившіеся на князей Толочинскихъ, Соколинскихъ, Озерецкихъ, Одинцевичей-Багриновскихъ, Одинцевичей-Гольцовскихъ, Зубревицкихъ, Путятичей, Горскихъ, Шишевскихъ, и др., а также князья *Вяземскіе*, развѣтвившіеся на князей Бывалицкихъ, Козловскихъ, Крошинскихъ, Жилинскихъ и т. д.; на Волыни оставались князья *Четвертинскіе*, отъ которыхъ произошли князья Сокольскіе; затѣмъ князья *Острожскіе, Ружинскіе, Острожецкіе, Несвецкіе*, отъ которыхъ пошли князья Збаражскіе, Вишневецкіе и т. д. Всѣ эти князья Рюриковичи помимо отчинъ пріобрѣли имѣнія и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства путемъ покупокъ у другихъ князей и пановъ или путемъ пожалованья великаго князя „съ полнымъ правомъ и панствомъ". Число ихъ, кромѣ нарожденія, увеличилось нѣкоторыми пришельцами изъ Москвы, въ родѣ, напр., князя Матвѣя Микитинича, прибывшаго съ великою княгинею Еленою и давшаго начало роду князей *Головчинскихъ* (отъ имѣнія Головчина). Мы видѣли также, что и Гедиминовичи далеко не всѣ лишены были своихъ княженій при установленіи на Литвѣ единодержавія. Владѣвшіе мелкими княжествами остались на своихъ столахъ, и княжества ихъ съ теченіемъ времени были признаны ихъ вотчинами. Такимъ образомъ, на Руси Литовской уцѣлѣли князья *Жеславскіе*, потомки Явнута, получившаго Жеславль, или Изяславъ подъ Минскомъ, послѣ низведенія его съ великаго княженія; кн. *Чорторыйскіе* на Волыни и Литвѣ, потомки князя Константина Ольгердовича; многочисленные князья *Сангушковичи* на Волыни, потомки Ѳедора Ольгердовича; кн. *Корецкіе* и *Буремскіе* тамъ же, потомки Наримунта Гедиминовича и т. д. Наконецъ, нѣкоторыя княжескія владѣнія образовались еще въ древнѣйшую эпоху, предшествующую объединенію Литвы, каковы были владѣнія князей *Гольшанскихъ, Гедройтскихъ, Свирскихъ* въ предѣлахъ собственной Литвы. Эти князья спасли свои владѣнья подчиненіемъ великому князю Литовскому. Нѣкоторые изъ этихъ старинныхъ литовскихъ династовъ получили имѣнья уже отъ великихъ князей Литовскихъ, въ родѣ, напр., князя Ямунта, родоначальника князей *Подберезскихъ*. Наконецъ, нѣкоторыя княжескія имѣнья образовались путемъ пожалованья ихъ князьямъ изъ татарскихъ выходцевъ, въ родѣ напр. князей *Глинскихъ*,

Такимъ путемъ и создался огромный контингентъ княжескихъ имѣній въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Большею частью эти имѣнья лежали въ русскихъ областяхъ великаго княжества.—Что касается собственной Литовской земли, Жмуди и Подляшья, то здѣсь были сосредоточены преимущественно имѣнія литовскихъ пановъ—Гаштольдовъ, Радивиловичей, Остиковичей, Кезгайловъ, Заберезинскихъ, Кишковъ, Пацовъ, Ходкевичей, Воловичей, Немировичей, Довойновъ, Ильиничей, Глѣбовичей, Нарбутовичей, Сологубовичей, Сопегъ, Солтановичей, Хребтовичей, Зеновьевичей, Монтыгирдовичей, Тишковичей и т. д. Эти имѣнья такъ же, какъ и имѣнья князей литовскихъ династій, въ значительной части были древняго происхожденія. То были имѣнья тѣхъ domini potiores, domini praepotentes, о которыхъ говорятъ намъ нѣмецкія хроники XIII и XIV вѣковъ, и которые наряду со всѣми другими нетитулованными землевладѣльцами, несшими военную службу великому князю, получили русское имя бояръ. Въ концѣ XIV-го и началѣ XV вѣка эти крупные землевладѣльцы, или „бароны“, вмѣстѣ съ другими боярами (armigeri, milites) получили отъ великаго князя права неотъемлемаго владѣнія и свободнаго распоряженія своими отчинами, куплями и выслугами. Но эти права въ отношеніи къ нимъ имѣли другое значеніе, чѣмъ въ отношеніи къ простому, рядовому боярству. Для нихъ они явились только юридическимъ опредѣленіемъ и закрѣпленіемъ фактической землевладѣльческой независимости ихъ отъ великаго князя, тогда какъ среднему и мелкому боярству они гарантировали только извѣстную устойчивость землевладѣнія подъ господаремъ, какъ верховныхъ собственниковъ. Число панскихъ независимыхъ имѣній возрастало съ теченіемъ времени отъ пожалованія цѣлыхъ волостей знатнымъ боярамъ, или панамъ, отъ перехода къ нимъ княжескихъ имѣній и т. д. Нѣкоторая доля крупныхъ панскихъ имѣній оказалась и въ русскихъ земляхъ великаго княжества, но сравнительно съ собственною Литвою—небольшая.

Какъ владѣльцы крупныхъ независимыхъ имѣній, князья и паны представляли въ общей совокупности такую крупную политическую силу, которая могла всегда соперничать съ великимъ княземъ во вліяніи на ходъ внѣшней и внутренней жизни государства. Въ этомъ можно убѣдиться, познакомившись, напр., на основаніи земскаго „поиса“ 1528 г. съ количествомъ панскихъ „почтовъ“, которые выходили на войну. Трое пановъ Кезгайловъ выставляли 768 коней, только на 53 коня меньше, чѣмъ вся земля Волынская (282 владѣльца, исключая князей Острожскихъ), на 56 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы Полоцкой земли, на 80 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (1995 человѣкъ) Бѣльской хоругви. Паны Радивилы выставляли 621 коня, родственная имъ фамилія Остиковичей 337 коней, князья Острожскіе—424, Заберезинскіе—258, Кишки—244, Глѣбовичи—279, Ходкевичи—198 и т. д., и т. д. Одинъ панъ Гаштольдъ съ своимъ сыномъ выставляли 466 коней, т. е. на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (331 человѣкъ), составлявшіе хоругвь Вилкомирскаго повѣта (выставляли 402 ратника) и въ $7^1/_2$ разъ больше, чѣмъ всѣ бояре и мѣщане, служившіе подъ хоругвью Витебской земли.

Изъ этого сравненія можно видѣть, какими крупными величинами въ окружавшемъ ихъ обществѣ были князья и „паны хоругвные“. Эти князья и паны на самомъ дѣлѣ, а не по одному только титулу, были „вельможными“, настоящими магнатами среди окружавшей ихъ землевладѣльческой мелкоты, такими же reguli, homines praepotentes, viri famosi, какими были ихъ предки въ XII—XIII вв., тѣми же „баронами“, какими были ихъ прадѣды, дѣды и отцы въ XIV и XV в. Среди нихъ не выдавались нисколько и тѣ удѣльные князья, владѣнія которыхъ были самостоятельными территоріями Литовско-Русскаго государства. Князь Слуцкій, напр., выставлялъ всего 433 коня, менѣе нѣсколькихъ пановъ, менѣе кн. Острожскаго; князь Мстиславскій 152 коня. Къ этому надо прибавить, что большинство князей въ Литовско-Русскомъ государствѣ по сравненію съ вельможными панами были средними и даже мелкими землевладѣльцами. Обладая такими средствами, литовскіе паны были дѣйствительно „властелями“ великаго княжества, какъ называетъ ихъ литовская лѣтопись, хозяевами страны на ряду съ великимъ княземъ, исключавшими возможность его полнаго и безпредѣльнаго хозяйничанья въ государствѣ.

По общему правилу княжескія и панскія имѣнья подлежали тѣмъ же „земскимъ“ повинностямъ, какимъ подлежали и имѣнья бояръ-шляхты, находившіяся подъ господаремъ, и прежде всего *военной*. Крупные землевладѣльцы, князья и паны выѣзжали самолично и выводили отряды своихъ слугъ („почты“) подъ собственными хоругвями, съ которыми они и ставились въ ополченіи той или другой земли или воеводства. Въ этомъ случаѣ они отличались отъ бояръ-шляхты и земянъ, которые ставились подъ повѣтовою хоругвью, подъ команду своихъ хоружихъ. Поэтому и приказы о снаряженіи или выступленіи на войну („листы военные“) князья и паны „хоругвные“ получали непосредственно, тогда какъ бояре и земяне шляхта оповѣщались о томъ своими хоружими, а гдѣ ихъ не было,—мѣстными державцами (намѣстниками) и тивунами (въ Жмудской землѣ). Крупныя княжескія и панскія имѣнья выставляли свои ополченія подъ особыми хоругвями даже и тогда, когда уже раздроблялись на мелкія части между многими владѣльцами. Таково было, напр., княжество Гедройтское, владѣльцы котораго—князья и паны (въ 1528 году 84 человѣка) ставились съ своими „почтами“ подъ одною хоругвью. На этихъ хоругвяхъ изображались гербы князей и пановъ. Въ отношеніи размѣровъ военной службы крупныя княжескія и панскія имѣнья подчинялись тѣмъ же самымъ сеймовымъ „ухваламъ“ и „уставамъ“, какимъ подчинялись и имѣнья бояръ-шляхты и земянъ. Отчины князей и пановъ, кромѣ военной повинности, подлежали еще замковой, дорожной и мостовой, а выслуги по временамъ и подводной, кормовой, сторожевой и другимъ повинностямъ. Но по этой части бывали и исключенія. Нѣкоторые князья и паны, напр., кн. Острожскій, обязаны были строить и чинить только свои собственные замки, имѣвшіе значеніе самостоятельныхъ укрѣпленныхъ центровъ даннаго округа, и не участвовали вмѣстѣ съ другими землевладѣльцами въ отстройкѣ центральнаго замка земли или даннаго повѣта.

Сходное съ княжескими и панскими имѣньями положеніе занимали въ Литовско-Русскомъ государствѣ имѣнья церковныя, принадлежавшія епископскимъ каѳедрамъ, соборнымъ церквамъ и монастырямъ. Привилей Ягайла 1387 года освободилъ имѣнья католической церкви отъ всякихъ повинностей — военной, подводной, сторожевой, дорожной, отъ платежа всякихъ податей деньгами и натурою въ великокняжескій скарбъ, отъ суда княжескихъ урядниковъ. Послѣ Флорентійской уніи эти изъятія, повидимому, распространены были и на церковныя имѣнья греческаго закона. Но когда началась напряженная борьба Литовско-Русскаго государства съ татарами и Москвою, литовско-русскій господарь пересталъ жаловать подобные иммунитеты церковнымъ учрежденіямъ. Оставляя полныя изъятія за старыми, исконными имѣньями, великіе князья литовскіе стали требовать военной службы съ тѣхъ имѣній, которыя церковь вновь пріобрѣтала путемъ ли пожалованія отъ господаря, путемъ ли записей частныхъ лицъ— князей, пановъ, бояръ-шляхты. Изъятіями духовенства отъ государственныхъ повинностей всегда недовольны были свѣтскіе землевладѣльцы, съ чувствами и мнѣніями которыхъ приходилось считаться литовско-русскимъ господарямъ. Поэтому, напр., утверждая за Луцкою каѳедрою имѣнья Колодези и Жабче, отказанныя ей на поминъ души паномъ Ѳедоромъ Янушевичемъ и его женою,—король Сигизмундъ оговорилъ: „а владыка Кириллъ и по немъ будучыи епископы мають съ тыхъ имѣней на службу земскую посылати посполу съ князи и паны и земяны, противъ всякого непріятеля нашого, подлугъ уставы и ухвалы земли Волыньское“. При такомъ порядкѣ вполнѣ естественно, что и Кіевопечерскій монастырь, напр., выставлялъ съ своихъ имѣній десять человѣкъ „на конѣхъ у зброяхъ“. Статутъ 1529 года сдѣлалъ общимъ правиломъ, чтобы съ земскихъ имѣній, записанныхъ на церковь, отправлялась военная служба. Поэтому и церковныя учрежденія держали въ своихъ имѣньяхъ бояръ и слугъ, которые владѣли извѣстными участками земель и обязаны были ѣздить на войну.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908, № 3, 4, 6).

XXIII.

Населеніе княжескихъ и панскихъ имѣній и права надъ нимъ владѣльцевъ; элементы феодализма на Литвѣ и Западной Руси.

Сходство княжескихъ и панскихъ имѣній съ господарскими доменами по составу крестьянскаго населенія и его причина.—Отчинные люди въ этихъ имѣньяхъ; отличіе ихъ отъ господарскихъ крестьянъ-отчичей.—Происхожденіе крестьянской зависимости въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ.—Бояре и слуги въ этихъ имѣньяхъ; сходство и различіе ихъ положенія сравнительно съ положеніемъ господарскихъ бояръ и слугъ.—Происхожденіе бояръ и слугъ въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ.—Коммендація мелкихъ землевладѣльцевъ крупнымъ.—Бояре и слуги у княжескихъ и панскихъ бояръ и слугъ.—Мѣста въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ.—Черты и формы феодализма въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Вельможные паны и князья имѣли въ своихъ владѣньяхъ такихъ же „подданныхъ“, какъ самъ господарь великій князь. Наиболѣе многочисленный разрядъ ихъ составляли, конечно, ихъ *люди,* или крестьяне разныхъ наименованій. Въ имѣньяхъ князей и пановъ существовали такіе же дворы, или сельскохозяйственныя усадьбы, какіе мы видѣли въ великокняжескихъ доменахъ. Эти дворы обслуживались прежде всего ихъ челядью дворною, паробками и женками, а затѣмъ крестьянами тяглыми и различныхъ спеціальныхъ службъ. Въ имѣньяхъ князей и пановъ жили также и крестьяне данники. Вообще повинности крестьянъ въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ были приблизительно тѣ же самыя, что и въ господарскихъ. Объясняется это, конечно, какъ общими экономическими условіями, такъ и тѣмъ, что многія княжескія и панскія имѣнья были не чѣмъ инымъ, какъ выслугами, отдѣлились отъ тѣхъ же господарскихъ доменъ. Тяглые и различныхъ спеціальныхъ службъ крестьяне такъ же, какъ и въ господарскихъ имѣньяхъ, дѣлились на непохожихъ и похожихъ. Первые, называвшіеся людьми *отчинными,* соотвѣтствовали крестьянамъ-отчичамъ господарскихъ доменъ. Юридическимъ основаніемъ ихъ прикрѣпленія такъ же, какъ и основаніемъ прикрѣпленія господарскихъ крестьянъ-отчичей, служила старина, давность. Тѣ крестьяне, которые достались князю или пану отъ его отца и своевременно не заявили и не доказали, что они люди вольные, становились въ силу этого людьми отчинными, непохожими, и когда они начинали „выламываться изъ подданства“, судъ обыкновенно присуждалъ ихъ владѣльцу. Вообще вольные, „похожіе“ крестьяне не должны были засиживаться на земляхъ владѣльца, ибо только „незасѣдѣлые“ могли уйдти отъ него, „выходъ“ давши. По статуту 1588 года достаточно было прожить на землѣ владѣльца десять лѣтъ, чтобы попасть въ разрядъ „отчинныхъ непохожихъ людей“. Это правило дѣйствовало несомнѣнно и ранѣе: по статуту 1529 года отчинные люди, бѣжавшіе отъ своего владѣльца къ другому, подлежали выдачѣ лишь въ томъ случаѣ, если не засиживались за новымъ владѣльцемъ *десятилѣтней давности,*

изъ чего можно заключить, что эта давность имѣла свою силу также и относительно вольныхъ „похожихъ“ людей. Впрочемъ, земская давность не дѣйствовала въ такихъ случаяхъ, когда, садясь на владѣльческую землю, крестьяне заключали спеціальныя условія, что они могутъ уйти отъ владѣльца, отдавъ ему „выходъ“. Отчинные крестьяне князей, пановъ въ противоположность крестьянамъ-отчичамъ господарскимъ почти не отдѣляли отъ себя вольныхъ похожихъ людей. Если крестьяне эти оказывались лишними или ненужными, то владѣльцы отчуждали ихъ на сторону безъ земли. Съ другой стороны частные владѣльцы имѣли большую возможность устраивать своихъ обѣднѣвшихъ крестьянъ, и потому не относились такъ равнодушно къ уходу ихъ изъ своихъ имѣній, какъ господарь великій князь, энергично отыскивали и возвращали въ свое подданство. Они переводили ихъ изъ одного своего имѣнья въ другое, мѣнялись и т. д. Въ общемъ, такимъ образомъ, и прикрѣпленіе крестьянъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ было болѣе дѣйствительное, чѣмъ въ господарскихъ доменахъ. Къ этому надо прибавить, что и землевладѣніе крестьянское въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ не пользовалось такою свободою, какъ землевладѣніе крестьянское въ господарскихъ доменахъ. Мы видѣли, что тамъ крестьяне довольно свободно расширяли свои участки „приробками“, продавали части своихъ земель и угодій или даже отчуждали свои земли цѣликомъ. Въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ, конечно, не было такого земельнаго простора, какъ въ господарскихъ доменахъ, и потому здѣсь естественно было больше стѣсненій по этой части, и гораздо рѣзче и осязательнѣе сказывалась идея, что земля подъ крестьянами есть земля панская, княжеская, а не ихъ собственная.

Какъ создалась эта зависимость крестьянъ отъ князей и пановъ? Начало этого процесса скрывается въ темной древности. Но такъ какъ процессъ этотъ продолжался на памяти исторіи, то и по продолженію его можно судить до извѣстной степени о началѣ. И въ разсматриваемое время господарь великій князь нерѣдко налагалъ новыя повинности на своихъ крестьянъ, какъ носитель высшей власти, ихъ защитникъ. То же самое дѣлали князья и паны на своихъ сеймахъ, постановляя сборъ серебщины съ своихъ крестьянъ на военныя нужды. Можно думать, что и въ старину сильные люди, мѣстные вожди или князья, установивъ свою власть надъ мѣстнымъ обществомъ и выступивъ въ роли его защитниковъ, облагали земледѣльцевъ различными податями и повинностями. Далѣе: и въ разсматриваемое время случалось, что господарь, князья и паны, дозволяя крестьянамъ вновь занимать и разрабатывать земли и угодья въ своихъ имѣньяхъ, налагали на нихъ за пользованіе этими землями и угодьями вновь различныя „тягли“ и „дачки“ или же прибавляли „тягли“ и дачки“ къ существующимъ. Можно думать, что и въ старину сильные люди, освоивавшіе крупныя территоріи около своихъ дворовъ, разрѣшали селиться на этихъ территоріяхъ пришлымъ земледѣльцамъ не иначе, какъ подъ условіемъ платежа „дачекъ“ и несенія разныхъ повинностей въ ихъ пользу. Зависимость крестьянъ отъ князей и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ до

поры до времени создалась, какъ обычай, на почвѣ мѣстныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Съ конца XIV вѣка эта зависимость стала закрѣпляться и усиливаться общегосударственными законами. Въ привилеяхъ, выданныхъ князьямъ и панамъ, великіе князья Литовскіе стали отказываться отъ разныхъ барщинныхъ повинностей и податей съ имѣній князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ, которые и обращали всѣ трудовыя и платежныя силы населенія этихъ имѣній въ свою пользу. Привилей 1447 года, какъ мы видѣли, укрѣплялъ за владѣльцами ихъ отчинныхъ, „селянитыхъ“, невольныхъ людей и отдавалъ ихъ подъ вотчинную юрисдикцію. Такъ исподоволь возросла и оформилась законами зависимость крестьянъ въ княжескихъ, панскихъ и боярскихъ имѣньяхъ.

Но кромѣ крестьянъ, въ имѣньяхъ князей и пановъ проживали и вольные люди, которые ни при какихъ условіяхъ не становились людьми непохожими, пользовались личною свободою, какъ своимъ сословнымъ правомъ. То были бояре и слуги, составлявшіе тѣ самые „почты“ ихъ, съ которыми они выѣзжали на войну. Лично эти слуги и бояре были свободны и могли при желаніи оставить свои земли и служить, кому хотѣли. Такъ, король Сигизмундъ, подѣливъ имѣньями пана Петра Станиславича съ сестрою, написалъ въ „дѣльчемъ листѣ“: „а бояре съ обу сторонъ, земли оставивши, кому хотятъ, тому маютъ служить, а одинъ къ другому маетъ ихъ пустити со всими статки ихъ домовыми, и съ челядью купленою, и со всими рухомыми речьми, и зъ житомъ и яринами, што у гумнѣ, и што въ земляхъ посѣяно“. Но земли слугъ и бояръ считались собственностью владѣльца, и слуги и бояре могли переходить съ своими землями на службу къ другимъ лицамъ лишь тогда, когда эти земли были пожалованы имъ отъ владѣльцевъ съ правомъ служить съ нихъ, кому хотятъ; въ противномъ случаѣ, т. е. если не было такой оговорки въ жалованныхъ грамотахъ, бояре и слуги могли переходить на службу къ другимъ владѣльцамъ только лично, земли свои покинувши. Формы землевладѣнія подъ князьями и боярами были тѣ же самыя, что и подъ господаремъ. Шляхта, служившая князьямъ и панамъ, пользовалась такими же гарантіями неотъемлемости своихъ отчинъ и выслугъ на вѣчность, какъ и бояре-шляхта въ господарскихъ имѣньяхъ. Въ случаѣ нарушенія этихъ гарантій служилые шляхтичи могли жаловаться на своихъ владѣльцевъ господарю великому князю, который и возстановлялъ нарушенное право. Такъ же, какъ и въ господарскихъ доменахъ, и въ княжескихъ и панскихъ наряду съ отчинами и „вѣчистыми“ выслугами было распространено владѣніе „до воли княжеской или панской“, „до живота“ и т. под. Но даже и давая гарантіи неотъемлемости имѣній своимъ слугамъ-шляхтичамъ, князья и паны считали себя въ правѣ отчуждать свой доминіумъ надъ этими имѣньями, продавали ихъ и дарили другимъ владѣльцамъ цѣликомъ въ составѣ всего имѣнья, и по частямъ. Служилые шляхтичи въ данномъ случаи уже не имѣли тѣхъ гарантій, которые получили въ 1528 году господарскіе бояре-шляхта. На ряду со всѣми другими „подданными“ князей и пановъ бояре и слуги по жалобамъ на нихъ другихъ подданныхъ и сторонихъ людей подлежали суду этихъ владѣльцевъ.

Какъ создался этотъ классъ княжескихъ и панскихъ бояръ и слугъ? Въ княжескихъ имѣньяхъ часть этихъ бояръ и слугъ несомнѣнно была унаслѣдована отъ русской старины. Кромѣ того, многіе бояре и слуги попали въ подданство къ князьямъ и панамъ вслѣдствіе пожалованій ихъ имѣній великимъ княземъ въ составѣ волостей тому или другому князю и пану. Часть навербована была князьями и панами изъ зажиточныхъ крестьянъ въ интересахъ военной службы, какъ это имѣло мѣсто и въ господарскихъ доменахъ. И наконецъ, бояре и слуги переходили на службу къ князьямъ и панамъ отъ господаря великаго князя. Между литовско-русскимъ господаремъ съ одной стороны, князьями и панами съ другой, въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ тотъ же уговоръ, хотя и не писанный, какой заключали между собою князья сѣверовосточной Руси въ XIV и XV в.: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“. Разросшіяся семьи и роды господарскихъ бояръ и слугъ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, такъ какъ всѣмъ на отчинѣ часто не съ чего было служить. Ушедшіе поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сукна“, т. е. за жалованье, либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное или потомственное пользованіе. Наконецъ, контингентъ княжескихъ и панскихъ бояръ и слугъ пополнялся и тѣми свободными земледѣльцами, которые поддавались съ своими имѣньями на службу къ князьямъ и панамъ. Такъ, напр., въ 1541 году нѣкій Ѳедоръ Петеля, получивъ отъ вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда три службы людей въ Койдановѣ, записался къ ней на службу со всѣми крестьянами, которыхъ онъ самъ и его отецъ покупили у пановъ Скиндеревичей изъ ихъ Суетицкаго имѣнья: „а такъ и съ тыми моими людми купленными маю ея милости, панеи моей милостивой, я самъ и потомки мои службу военную конно и збройно служити, такъ, какъ и иншіи бояре ее милости шляхта,—ея милости и потомкамъ ее милости на вѣчность“. Повидимому, въ данномъ случаѣ побужденьемъ къ переходу въ панское подданство было желанье увеличить свое имѣнье. Кромѣ того, къ этому же склоняли иногда и притѣсненія, чинимыя могущественными сосѣдями, князьями и панами. Свободные мелкіе землевладѣльцы въ такихъ случаяхъ не придумывали ничего лучшаго, какъ поддаться съ имѣньями обидчику или другому могущественному сосѣду, князю или пану.

Участки, которые получали отъ князей и пановъ бояре и слуги, по временамъ были такихъ значительныхъ размѣровъ, что они должны были выѣзжать на войну въ „почтѣ“ владѣльца не только сами лично, но и съ извѣстнымъ количествомъ слугъ, подобно тому, какъ и господарскіе бояре выѣзжали на войну самъ другъ, самъ третей и т. д. Благодаря этому случалось иногда, что княжескіе и панскіе бояре, какъ и господарскіе, имѣли своихъ бояръ, путныхъ и другихъ слугъ. Если сами княжескіе и панскіе бояре были вассалами второго разряда, то эти боярскіе бояре, подчинявшіеся непосредственно власти и присуду своихъ „господарей“, были уже вассалами третьяго разряда. Такъ усложнялась этими отношеніями система частнаго подданства въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Въ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ такъ же, какъ и въ господарскихъ доменахъ, находились замки съ облегавшими ихъ мѣстами или одни мѣста съ торговопромышленнымъ населеніемъ, называвшимся *мѣщанами*. Положеніе этого класса было здѣсь въ общемъ такое же, какъ и въ господарскихъ мѣстахъ. Необходимо только отмѣтить, что новыя мѣста устраивались князьями и панами съ разрѣшенія великаго князя. Дѣло въ томъ, что устройство новыхъ мѣстъ съ ихъ торгами, ярмарками, корчмами, со всѣми доходами, которые получалъ владѣлецъ, могло наносить существенный ущербъ уже существующимъ великокняжескимъ мѣстамъ, и потому на это устройство и требовалось спеціальное разрѣшеніе великаго князя. Точно такъ же князья и паны испрашивали разрѣшеніе великаго князя на предоставленіе своимъ мѣстамъ „майтборскаго права“, такъ какъ и этотъ фактъ косвенно затрогивалъ интересы сосѣднихъ господарскихъ мѣстъ.

Раздробленіе государственной власти между землевладѣльцами и система частнаго подданства, констатированныя нами въ предшествующемъ изложеніи, ясно показываютъ, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ господствовалъ такой же феодализмъ, какъ и на западѣ въ средніе вѣка. Мы видимъ, что всѣ литовско-русскіе „господари“ образуютъ приблизительно такую же іерархическую лѣстницу, какая была и въ западныхъ государствахъ феодальнаго типа. На верху ея стоитъ великій князь, наивысшій государь, суверенъ; подъ нимъ находятся нѣкоторые удѣльные князья, соотвѣтствующіе принцамъ крови, какъ, напр., князья Слуцкій и Мстиславскій; ниже стоятъ другіе князья и паны, соотвѣтствующіе западнымъ герцогамъ, графамъ и баронамъ; еще ниже шляхта-рыцарство, вассалы всѣхъ перечисленныхъ государей и сами государи надъ населеніемъ своихъ имѣній, имѣющіе иногда своихъ подвассалловъ и т. д. Сами современники этого строя чувствовали и сознавали его сходство съ феодальными порядками и отношеніями запада. Въ различныхъ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ уже въ первой половинѣ XV в., встрѣчаемъ упоминанія о „баронахъ“, „рыцаряхъ“, „вассалахъ“, „присяжникахъ“ (homagiales), „феодальныхъ службахъ“ и т. д. Позже эта терминологія проникла отчасти и въ русскій канцелярскій языкъ великаго княжества. Точно такъ же по западному феодальному обычаю, ближайшимъ образомъ по польскому примѣру, знатные литовскіе бояре уже въ XV в. стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имѣньямъ, имъ принадлежавшимъ: Протасій съ Островка, Корева съ Солечникъ, Михаилъ Кезгайловичъ съ Дявилтова, Миколай Радивиловичъ съ Мушникъ и т. д. Та же самая претензія на княжеское значеніе, которая проявилась въ этихъ величаньяхъ по имѣньямъ, позже стала искать себѣ болѣе опредѣленныхъ выраженій и привела къ принятію знатными литовскими панами соотвѣтствующихъ титуловъ. Такъ, напр., извѣстный панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ сталъ называть себя *графомъ* Каменныхъ Гераноинъ; панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ во время пребыванія на Вѣнскомъ конгрессѣ 1515 года досталъ себѣ отъ императора Максимиліана титулъ *князя* священной Римской Имперіи на Ганязѣ и Мядели; императоръ Карлъ V въ 1547 году

пожаловалъ титулъ *князей* на Несвижѣ и Олыкѣ братьямъ Миколаю и Яну Яновичамъ Радивиламъ, а ихъ двоюродному брату Миколаю—князя на Биржахъ и Дубинкахъ—и т. д. Здѣсь уже замѣчается нѣкоторая переоцѣнка значенія литовскихъ пановъ, какъ феодальныхъ государей, ибо пожалованіе ихъ князьями и графами имперіи какъ бы уже выводило ихъ изъ подъ суверенитета великаго князя. Какъ бы то ни было, но литовско-русскій феодализмъ—фактъ не подлежащій сомнѣнію.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; Литовско-Русскій сеймъ; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (Варшавскія Университетскія извѣстія 1895, кн. V); Бояре и служилые люди въ литовско-русскомъ государствѣ (Журналъ Министерства Юстиціи 1907, № 5, 6); Правоспособность литовско-русской шляхты (Журн. Мин. Народ. Просв. 1908, № 3, 5, 6, 7; 1908, № 2, 3); *М. Любавскій*, Литовско-русскій феодализмъ (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXV); *I. T. Baranowski*, Z dziejów feudalizmu na Podlasiu (Przegląd historyczny 1907, tom IV, zeszyt 1; 2).

XXIV.

Организація мѣстнаго управленія при Казимирѣ и его сыновьяхъ: сословныя власти въ господарскихъ доменахъ.

Общая классификація органовъ мѣстнаго управленія въ Литовско-Русскомъ государствѣ.—Тивуны и подтивуны при намѣстникахъ-державцахъ и ихъ функціи.—Пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники и путники, атаманы въ роли непосредственныхъ крестьянскихъ властей.—Старцы, какъ главы крестьянскаго самоуправленія въ данническихъ волостяхъ.—Войты въ селахъ на нѣмецкомъ правѣ.—Урядники, вѣдавшіе спеціальныя повинности крестьянъ.—Общія власти у крестьянъ и мѣщанъ, не состоявшихъ подъ магдебургскимъ правомъ.—Хоружіе бояръ-шляхты и ихъ функціи.

Въ государствѣ, проникнутомъ началами федерализма и феодализма, естественно должно было получить перевѣсъ, наибольшее развитіе, управленіе мѣстное какъ по числу органовъ, такъ и по ихъ функціямъ. Поэтому и обзоръ судебно-административнаго строя Литовско-Русскаго государства естественно приходится начинать съ организаціи его мѣстнаго управленія.

Органы этого управленія были разнообразны. Одни изъ нихъ обслуживали исключительно либо господарскія волости, либо княжескія, панскія и церковныя имѣнья, при чемъ распадались на двѣ категоріи: сословные, вѣдавшіе тотъ или другой классъ населенія, и общесословные, вѣдавшіе все населеніе господарскихъ волостей или княжескихъ, панскихъ и церковныхъ имѣній. Другіе обслуживали заразъ не только господарскія волости, но и княжескія, панскія и церковныя имѣнья, были органами не

только доменіальнаго, но и государственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Къ сословнымъ органамъ доменіальнаго и вотчиннаго управленія относились прежде всего различныя крестьянскія и мѣщанскія власти. Мы ограничимъ свой обзоръ этихъ властей господарскими волостями, гдѣ эти власти по источникамъ болѣе извѣстны, чѣмъ въ княжескихъ, панскихъ и церковныхъ имѣньяхъ. Насколько позволяютъ видѣть источники, между господарскими волостями и частновладѣльческими имѣньями въ настоящемъ случаѣ была большая или меньшая аналогія.

Въ качествѣ крестьянскихъ властей по актамъ выступаютъ прежде всего *тивуны*. Тивуны были при господарскихъ дворахъ и дворцахъ, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя. Они были ближайшими помощниками великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ по надзору за работами, производившимися на господарской пашнѣ и угодьяхъ, по охраненію собраннаго урожая и всякихъ вообще господарскихъ „пожитковъ“. По „уставѣ“ 1529 года они должны были присутствовать обязательно на судѣ намѣстника-державцы и записывать „вины“, т. е. собираемыя судебныя пошлины, двѣ трети которыхъ шли господарю. Тивуны выѣзжали иногда сами разбирать поземельныя столкновенія и мелкія „спорчизны“ между крестьянами. Тивуны въ качествѣ помощниковъ намѣстниковъ-державцевъ являются по актамъ преимущественно въ собственной Литовской землѣ, но встрѣчаются также въ земляхъ Кіевской, Смоленской и др. Тивуны состояли при главныхъ дворахъ; при дворцахъ были у нихъ помощники—*подтивуны*. Родоначальниками этихъ тивуновъ были, очевидно, тѣ „сельскіе“ и „ратайные“ тивуны, о которыхъ говоритъ Русская Правда, и которые, повидимому, были тогда изъ рабовъ. Въ разсматриваемое время эти тивуны выбирались намѣстниками-державцами изъ крестьянъ „лѣпшихъ служебъ“, но были также и изъ челяди дворной. Вмѣсто тивуновъ помощниками намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственному управленію бывали *понамѣстники* изъ слугъ намѣстника-державцы.

Тивуны не были исключительными крестьянскими властями, ибо распоряжались также и челядью дворною. Ихъ дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на господарскихъ дворахъ, пашняхъ и гумнахъ (гумнами завѣдывали иногда и особые гуменники). Въ селахъ распоряжались уже другія, въ собственномъ смыслѣ крестьянскія власти. Эти власти по разнымъ мѣстамъ носили разныя названія. Въ земляхъ, населенныхъ литовскимъ племенемъ, т. е. на Литвѣ и Жмуди, эти власти назывались *приставами* и выбирались намѣстниками-державцами изъ крестьянъ „лѣпшихъ служебъ“. Приставовъ было нѣсколько въ волости, которая дѣлилась вслѣдствіе этого на „приставництва“. Одинъ изъ нихъ былъ старшимъ, или волостнымъ, а другіе назывались *посельскими*, иногда *десятниками*. Пристава выгоняли крестьянъ на работы и въ подводы, собирали съ нихъ дякло, мезлеву и разныя другія натуральныя подати, слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ волостныхъ повинностей, вслѣдствіе чего передъ намѣстниками-державцами „прінскивали“ въ „потяглы“ разныхъ

людей, владѣвшихъ крестьянскими землями, которые обнаруживали стремленіе „бояритися“. Какъ и на Руси сѣверовосточной, эти крестьянскія власти присутствовали на судѣ державцевъ и тивуновъ, когда разбирались крестьянскія тяжбы, за что получали 2 пенязя съ рубля грошей судебныхъ пошлинъ. Кромѣ того, они получали разныя другія „подачки“ съ крестьянъ, денежныя и натуральныя, вслѣдствіе чего въ свою очередь платили „доходы“ назначавшему ихъ на прибыльную должность господарскому уряднику. Въ той части собственной Литовской земли, гдѣ населеніе было смѣшанное, съ преобладаніемъ русскаго элемента, т. е. въ такъ называемой Черной Руси (повѣты Новгородскій, Городенскій, Слонимскій и Волковыйскій) въ роли приставовъ встрѣчаемъ *сотниковъ, сорочниковъ* и *десятниковъ*. Это были старинныя русскія крестьянскія власти. Изъ нихъ сотники вѣдали крестьянъ всего повѣта, состоявшаго изъ нѣсколькихъ волостей, въ отношеніи тѣхъ повинностей, которыя они несли на замокъ или центральный дворъ повѣта, сорочники были волостные пристава, десятники—посельскіе. Сотники и десятники встрѣчаются по актамъ, кромѣ того, въ Берестейской землѣ, на Полѣсьѣ, т. е. въ бывшей Турово-Пинской землѣ, въ земляхъ Кіевской, Чернигово-Сѣверской, частью въ Смоленской и Полоцкой (въ Полоцкой десятники были по *станамъ*, на которые дѣлились волости). Въ южныхъ окраинныхъ волостяхъ Кіевской земли, какъ и въ сосѣдней Подольской, въ качествѣ крестьянскихъ властей дѣйствовали *атаманы*, установленные здѣсь еще татарами для сбора доходовъ. Въ Смоленской землѣ въ роли волостныхъ крестьянскихъ властей были *приказники*, назначаемые изъ слугъ, а иногда и бояръ. Въ тѣхъ волостяхъ, которыя носили названіе путей, крестьянскія власти носили названіе *путниковъ*.

Въ Поднѣпрскихъ, Задвинскихъ и другихъ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и гдѣ крестьянское населеніе состояло изъ данниковъ, въ качествѣ крестьянскихъ властей дѣйствовали *старцы*. Эти старцы были выборными мѣстныхъ міровъ и утверждались въ своемъ званіи самимъ господаремъ, которому они вносили „платъ“ отъ своего „старченья“, бывшаго доходною должностью. Старцы собирали дань грошовую, медовую, бобровую и куничную и отвозили ее либо въ скарбъ (грошовую), либо до ключей. Они же „меты метывали“ на волость, т. е. раскладывали и собирали съ отдѣльныхъ крестьянъ „недополки“, т. е. недоимки дани (дань была фиксирована для каждой волости), намѣстничьи доходы и разные другіе „розрубы“ и „розметы“. Старцы дѣлали это не единолично, но на мірскомъ сходѣ, или вѣчѣ. Въ данническихъ волостяхъ, какъ и въ черныхъ волостяхъ сѣверо-восточной Руси, крестьянское самоуправленіе было развито гораздо болѣе и крѣпче держалось, чѣмъ въ другихъ. Бывали случаи, что крестьянское самоуправленіе здѣсь замѣняло управленіе господарскихъ урядниковъ. Такой примѣръ можно указать, напр., въ Торопецкомъ повѣтѣ, гдѣ была особая Старцева волость. Намѣстники Торопецкіе не имѣли права въѣзжать въ эту волость за данью и тивунщиною, судить и рядить данниковъ этой волости, привертывать ихъ въ подводы и другіе „податки“

и „розметы“: судилъ и рядилъ ихъ во всемъ старецъ ихъ или особый „въѣздчій“, котораго великій князь посылалъ собирать съ нихъ дань или по другимъ дѣламъ. Впрочемъ, полное устраненіе великокняжескихъ урядниковъ было крайнею рѣдкостью. Тамъ, гдѣ судъ судили намѣстники-державцы, старцы разбирали бортныя и межевыя дѣла между крестьянами, какъ дѣлали это и литовскіе пристава. Какъ представители своихъ волостей, старцы отъ лица ихъ вели иски противъ намѣстниковъ-державцевъ и другихъ должностныхъ лицъ по поводу ихъ „кривдъ“ или „новинъ“, которыя они заводили по части волостныхъ повинностей, пріискивали въ „розрубы“ и „розметы“ разныхъ лицъ, уклонявшихся отъ нихъ, раздавали крестьянскіе „пустовщины“ съемщикамъ за извѣстную плату, которая шла въ пополненіе недоимковъ и т. д.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ разсматриваемое время вводилась волочная система, т. е. на Подляшьѣ и въ западныхъ повѣтахъ Волыни и Литвы, крестьянскія власти древнерусскаго происхожденія вытѣснялись *войтами* нѣмецко-польскаго типа. Войтами становились обыкновенно устроители новыхъ поселеній на нѣмецкомъ правѣ, или осадчики. Они размѣривали земли на волоки и созывали на нихъ вольныхъ прихожихъ людей на чиншъ. Въ награду за это войты получали обыкновенно двѣ-три вольныхъ, т. е. свободныхъ отъ податей и повинностей, волоки, чиншъ съ каждой десятой волоки изъ вымѣренныхъ, юрисдикцію надъ осадою съ правомъ получать въ свою пользу третій грошъ съ „винъ“, т. е. судебныхъ пеней, и мельницы. Войты получали это въ собственность съ правомъ передавать по наслѣдству, отчуждать по доброй волѣ и съ обязанностью нести со всего этого земскую службу вмѣстѣ съ земянами. Мѣстные державцы-намѣстники не должны были вступаться въ подначальныхъ войтамъ людей, въ ихъ земли, платы и пожитки. За правильнымъ поступленіемъ доходовъ въ пользу господаря слѣдили и отвѣчали войты, замѣнившіе собою такимъ образомъ не только прежнихъ сотниковъ и десятниковъ, но отчасти и самихъ намѣстниковъ-державцевъ.

Крестьянскія власти вѣдали крестьянъ въ отношеніи повинностей, бывшихъ болѣе или менѣе общими, и мало, а быть можетъ и вовсе не касались нѣкоторыхъ спеціальныхъ повинностей, которыми завѣдывали особые центральные дворцовые урядники, напр., *конюшіе и подконюшіе, гаевники, мъсничіе, бобровничіе, сокольничіе, ловчіе,* несшіе свои обязанности по эксплуатаціи угодій на великаго князя, а также слуги намѣстниковъ-державцевъ или же сами они непосредственно. Конюшіе существовали при тѣхъ господарскихъ дворахъ, которые были въ резиденціяхъ областныхъ княженій. Такимъ образомъ были конюшіе Виленскій, Троцкій, Полоцкій, Витебскій, Смоленскій, Луцкій, Новгородскій, Пинскій, Брянскій. Они завѣдывали конскими заводами и табунами и спеціальными службами конюховъ, конокормцевъ, стадниковъ и т. д. Ихъ вѣдомство охватывало обыкновенно всю территорію бывшаго княженія или почти всю. То же самое надо сказать и относительно ловчихъ, сокольничихъ и бобровничихъ. Что касается гаевниковъ и лѣсничихъ, то они существовали

въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были господарскія лѣсныя пущи. Гаевники завѣдывали въ господарскихъ пущахъ бортными деревьями, которые крестьяне „подлазили“ или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредѣленной дани; лѣсничіе слѣдили за тѣмъ, что бы никто не билъ звѣрей и не разрабатывалъ „будъ“ (не гналъ смолы, дегтя, не жегъ золы) въ господарскихъ пущахъ безъ надлежащаго разрѣшенія.

Старцы, существовавшіе въ Поднѣпрскихъ, Задвинскихъ и другихъ данническихъ волостяхъ, атаманы въ Кіевской землѣ, сотники и соцкіе въ нѣкоторыхъ восточныхъ территоріяхъ были не только крестьянскими, но и мѣщанскими властями. „Мѣста“ здѣсь не обособлялись отъ селъ въ платежѣ податей и несеніи повинностей, и волостная организація распространялась здѣсь и на мѣста, включала ихъ въ себя. Только въ мѣстахъ Смоленской земли мы встрѣчаемъ особыхъ старостъ, какъ, напр., въ Смоленскѣ, Кричевѣ (Кричевъ былъ, повидимому, завоеванъ Литвою въ XIV в. отъ Смоленска). Мѣста на Литвѣ и другихъ областяхъ; гдѣ было развито великокняжеское хозяйство, соединены были съ господарскими дворами и, по всѣмъ даннымъ, находились подъ управленіемъ великокняжескихъ урядниковъ до поры до времени. Но съ теченіемъ времени въ литовско-русскихъ мѣстахъ стало распространяться особое управленіе, носившее до извѣстной степени характеръ самоуправленія, по нѣмецкому образцу, или такъ называемому „майтборскому праву“.

Не одни крестьяне и мѣщане господарскихъ доменъ имѣли своихъ сословныхъ властей. Имѣли ихъ и бояре-шляхта и земяне. Таковы были прежде всего *хоружіе*, которые выводили бояръ-шляхту и земянъ данной господарской волости, или повѣта, на войну, оповѣщали ихъ о мобилизаціи, слѣдили за тѣмъ, что бы никто изъ нихъ не оставался дома и служилъ съ тѣмъ числомъ слугъ, какое полагалось по величинѣ его имѣнья. Кромѣ того, хоружіе „подъ свѣдомомъ“ намѣстниковъ-державцевъ выбирали чрезвычайный налогъ — серебщину, когда она налагалась по опредѣленіямъ сейма, съ людей боярскихъ, земянскихъ и татарскихъ. Повѣтовые хоружіе назначались обыкновенно самимъ господаремъ изъ состава мѣстныхъ бояръ или земянъ, по представленію намѣстниковъ-державцевъ, и отъ своей должности получали нѣкоторые доходы. Кромѣ хоружихъ, значеніе шляхетскихъ властей имѣли и тѣ земяне, которые должны были выбираться намѣстниками-державцами для обязательнаго присутствованія на судѣ ихъ намѣстниковъ и маршалковъ, когда разбирались шляхетскія тяжбы.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1897, № 4); *М. В. Довнаръ-Запольскій*, Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1905.

XXV.

Управленіе мѣстъ съ магдебургскимъ правомъ.

Распространеніе магдебургскаго права въ мѣстахъ Литовско-Русскаго государства и причины этого явленія.—Податныя и повинностныя льготы при дарованіи магдебургскаго права; „платъ“ за это право.—Доходы мѣстъ, получившихъ магдебургское право.—Право склада товаровъ.—Выгоны и права пользованія лѣсами.—Мѣстскій войтъ и его функціи.—Мѣстская рада и лава, ихъ составъ и функціи.—Шаферы и контрольная коллегія въ Вильнѣ.—Органы еврейскаго самоуправленія.

Магдебургское городское устройство ранѣе другихъ мѣстъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ получила великокняжеская столица—Вильна. Привилей на магдебургское право былъ выданъ Вильнѣ въ 1387 году. Въ XV вѣкѣ магдебургское право даровано было Трокамъ, Берестью, Ковну, Луцку, Кременцу, Владиміру, Полоцку, Кіеву, Минску и Новгородку; въ XVI вѣкѣ его получили и многія другія, менѣе значительныя мѣста. Изъ вступительныхъ заявленій, содержащихся въ привилеяхъ на магдебургское право, видно, что великіе князья литовскіе, даруя своимъ городамъ это право, руководились господствовавшимъ тогда и у поляковъ, и у чеховъ убѣжденіемъ, что это право содѣйствуетъ преуспѣянію городовъ, умноженію въ нихъ населенія и увеличенію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Прямымъ образомъ это содѣйствіе выражалось въ тѣхъ мѣрахъ, коими сопровождалось введеніе магдебургскаго права въ городахъ. Таковыми были: во первыхъ, освобожденіе мѣщанъ отъ разныхъ повинностей, которыя они несли заодно съ волостными людьми—крестьянами; во вторыхъ, предоставленіе мѣстамъ различныхъ доходныхъ статей для ихъ „оправы“, т. е. для удовлетворенія ихъ общественныхъ нуждъ; въ третьихъ, освобожденіе ихъ отъ „моцы, владности и суда“ воеводъ, старостъ, державцевъ, отъ городового и боярскаго права, отъ всѣхъ вообще правъ, „уставъ“ и обычаевъ, которые противны магдебургскому праву, и организація одновременно съ тѣмъ особаго, спеціально городского управленія.

Выше былъ данъ общій очеркъ тяглыхъ повинностей, которыя несли господарскіе крестьяне. Тѣ же повинности за одно и сообща съ крестьянами несли и мѣщане незначительныхъ мѣстъ, обыватели которыхъ занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ и мало спеціализировались на торговлѣ и ремеслѣ. При дарованіи этимъ мѣщанамъ магдебургскаго права мѣщане освобождались отъ этихъ повинностей. Такъ, мѣщане Кременца были освобождены отъ хожденія на толоки и въ ловы; мѣщане Волковыйска—отъ косьбы сѣна, отъ работъ по выдѣлкѣ извести, отъ сторожи дворной, отъ пастьбы господарскихъ коней, отъ подводъ для урядниковъ, отъ платежа дяколъ и т. д. Мѣщане крупныхъ торговопромышленныхъ центровъ, населенныхъ богатымъ купечествомъ и ремесленниками, какъ напр. Вильна, Полоцкъ, Новгородокъ, Минскъ, конечно, не несли барщинныхъ повинностей и до дарованія имъ магдебургскаго права. Но при

всемъ томъ на нихъ лежали нѣкоторыя общія съ волощанами повинности, какъ напр. подводная, кормовая и сторожевая. Привилеи на магдебургское право обыкновенно освобождали ихъ и отъ этихъ повинностей, съ оговоркою, что мѣщане обязаны давать стаціи, овесъ и сѣно, и сторожу на дворъ господарскій въ случаѣ пріѣзда господаря и подводы на потребу земскую по листамъ, запечатаннымъ господарскимъ „сыкгнетомъ“, т. е. перстнемъ. Изъ прежнихъ повинностей оставлялись на мѣстахъ: военная въ видѣ обязательства выставлять извѣстное количество ратниковъ со всего мѣста по уставѣ, серебщина и ордынщина, которыя мѣщане обязаны были платить „безо всякое вымовы“ всякій разъ, когда этотъ податокъ налагался господаремъ на военныя нужды. Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ мѣстъ слагались не всѣ барщинныя повинности. Такъ, мѣщане Волковыйскіе и послѣ пожалованія имъ магдебургскаго права должны были ходить на толоку на господарскую пашню, два дня пахать и два дня жать. За освобожденіе отъ барщинныхъ повинностей и за дарованіе вообще льготъ мѣщане должны были вносить ежегодный „платъ“ со всего мѣста, варьировавшійся по отдѣльнымъ мѣстамъ—30, 50, 100 и болѣе золотыхъ, копъ грошей и т. д. Разъ прекращались или сокращались повинности, которыя находились въ вѣдѣніи дворныхъ урядниковъ, естественно прекращалась или сокращалась ихъ распорядительная дѣятельность въ мѣстахъ.

Для „полѣпшенья“ мѣстъ и ихъ „оправы“, какъ сказано, имъ жаловались разныя доходныя статьи. Мѣщане получали право выстроить ратушу, въ нижнихъ помѣщеніяхъ ея имѣть „крамницу“ (мануфактурный магазинъ), хлѣбныя „ятки“ (закрома), „комору постригалную“ для стрижки суконъ, „бочку мѣрную“ для сыпучихъ тѣлъ и „мѣдницу мѣдную“ для жидкихъ. Доходы съ этихъ статей войтъ и бурмистры должны были употреблять на общественныя нужды. Нѣкоторымъ мѣстамъ давалось право всѣ вообще хлѣбные закрома (ятки) и „клѣтки“ мясныя держать и сдавать отъ города и не допускать частныхъ ятокъ и клѣтокъ. Впрочемъ, для тѣхъ, которыя уже существовали, дѣлалось иногда исключеніе, и частнымъ лицамъ не дозволялось только вновь устраивать ятки и клѣтки. Тамъ, гдѣ былъ большой пріѣздъ купцовъ со стороны—гостей, мѣста получали право выстроить гостинные дворы для стоянья этихъ гостей съ ихъ товарами. Въ числѣ доходныхъ статей постоянно давалось право имѣть мѣстскую *важницу*, т. е. городскіе вѣсы, *воскобойню и капницу* для отливанья въ формы (камени) воска и для наложенія на нихъ мѣстской печати (эти формы и печати были гарантіями полновѣсности и чистоты воска за границею, куда онъ шелъ), *„посполитую лазню“*, т. е. торговыя бани, и *„млынъ“*, т. е. мельницу. Нѣкоторымъ мѣстамъ давалось право держать и *„посполитую кухню“*, харчевню или трактиръ, по нашему, очевидно, для потребностей пріѣзжающаго люда. Что касается корчомъ винныхъ, медовыхъ и пивныхъ, то по этой части дѣло обстояло различно. Корчмы вообще составляли господарскую регалію, и великій князь либо сдавалъ ихъ на откупъ, либо предоставлялъ держать ихъ отдѣльнымъ мѣщанамъ, внося обычный платъ, или капщину. Но бывали случаи, что все мѣсто

брало въ аренду корчмы, и онѣ уже сдавались тогда отдѣльнымъ лицамъ отъ города. Мѣста получали въ свое распоряженіе всѣ пустыя усадебныя земли, которыми должны были распоряжаться войтъ и бурмистры. Всѣ доходы съ этихъ статей должны были поступать въ мѣстскую „скрыню“, въ общественный сундукъ, ключи отъ котораго находились у бурмистровъ. Изъ этихъ доходовъ платились платъ за магдебургское право, серебщина, а также оплачивались всѣ вообще расходы, которые падали на мѣсто по доставленію подводъ и стацій, по постройкѣ укрѣпленій—стѣнъ, рва и т. д. „Мѣсто“ вело цѣлое общественное хозяйство, которое давало не только приходы; но и расходы, напр. на содержаніе „плитницы“, или кирпичнаго завода, выдѣлывавшаго кирпичи на мѣстскія нужды, мостовыхъ, гостинаго двора, лазни, мельницы и т. д. Однимъ изъ самыхъ видныхъ правъ, которыя давались при пожалованіи магдебургскаго права, было *право склада*, дававшееся крупнымъ мѣстамъ. Въ силу этого права пріѣзжавшіе въ мѣсто сторонніе гости не имѣли права отвозить свои товары въ другіе города, но должны были продавать ихъ въ данномъ мѣстѣ, и притомъ не въ розницу, а оптомъ: сукно—поставами, соль—ластомъ; перецъ, имбирь, миндаль и другія простыя „зелья“—каменемъ; болѣе дорогія—шафранъ, мускатъ, гвоздику, цвѣтъ мускатовый, калганъ, цытваръ—фунтомъ; топоры, ножи и другія подобныя вещи „тахромъ“ либо „тузинами“ (dutzend, дюжина); желѣзо, олово, мѣдь, свинецъ, латунь и т. д. центнеромъ; фиги, изюмъ—„кошемъ“; вино и пиво нѣмецкое—бочками. Продавая оптомъ всѣ свои товары мѣстнымъ купцамъ, сторонніе гости должны были закупать товары у тѣхъ же купцовъ оптомъ: воскъ штуками по полуберковцу; дорогіе мѣха соболей, куницъ и хорьковъ—по сорока; дешевые—бѣлку, горностая, лисицу и норицу—по 250; золу и смолу—ластомъ. Такъ, слѣдовательно, покупка и продажа въ розницу сосредоточивалась въ рукахъ мѣстнаго купечества. Пріѣзжіе купцы могли торговать въ розницу только въ дни ярмарокъ. Кромѣ того особая привилегія давалась въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ мѣщанамъ, напр. Виленскимъ, которые свободно могли торговать не только у себя въ Вильнѣ, но и въ другихъ мѣстахъ.

Къ числу правъ, обезпечивающихъ матеріальное благосостояніе мѣщанъ, надо отнести также право ихъ пасти скотъ тамъ, гдѣ и прежде пасли его, брать лѣсъ на строеніе хоромъ (не на продажу) и дрова на извѣстное разстояніе вокругъ города, напр. на милю.

Кто же распоряжался въ этихъ привилегированныхъ мѣстахъ, кто судилъ и рядилъ послѣ устраненія воеводъ, старостъ, державцевъ и другихъ господарскихъ урядниковъ? Во главѣ мѣстскихъ властей стоялъ *войтъ*, первоначально назначавшійся господаремъ съ правомъ передавать свою должность по наслѣдству и отчуждать ее за деньги въ чужія руки. Должность войта была доходная: онъ получалъ обыкновенно третій грошъ съ „винъ“ и вообще судебныхъ доходовъ, нѣсколько „клѣтокъ мясныхъ“ съ платомъ ихъ, одну или двѣ корчмы вольныхъ и т. д. и за все это долженъ былъ не только отправлять свою войтовскую должность, но и нести военную службу вмѣстѣ съ боярами шляхтою или земянами. Съ теченіемъ

времени города перекупали наслѣдственныя войтовства, и эти должности становились выборнымп. Войтъ сообща съ поспольствомъ мѣста избиралъ радцевъ, совѣтниковъ, въ количествѣ 6, 12 и даже 24, какъ въ Вильнѣ, а эти послѣдніе избирали изъ своей среды на годъ бурмистровъ—двухъ, четырехъ, шесть, двѣнадцать, смотря по величинѣ мѣста, половину римскаго закона и половину греческаго. Съ этими бурмистрами и радцами войтъ и вершилъ всѣ дѣла какъ судебныя, такъ и административныя. Войтъ съ бурмистрами и радцами разбиралъ обыкновенно какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла—о злодѣйствѣ (кражѣ) и разливаніи крови, о мужебойствѣ, отнятіи членовъ и о другихъ проступкахъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ войтъ получалъ „суполную моцъ судити и осудити, карати и стинати, и на кола бити, и потопляти, яко жъ то право нѣмецкое майтборское во всѣхъ своихъ роздѣлѣхъ и члонкахъ держитъ и жадаетъ"—(требуетъ). Только дѣла о гвалтѣ (нападеніи на домъ), поджогѣ, разбоѣ, шляхетской ранѣ и насиліи надъ женщинами обыкновенно изъяты были изъ мѣстскаго суда и подсудны были господарскимъ урядникамъ, которые судили ихъ съ радцами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тягались на судѣ мѣщанинъ съ волостнымъ человѣкомъ, устраивался общій судъ господарскаго намѣстника съ войтомъ на дворѣ господарскомъ или ратушѣ по правилу „actor forum rei sequitur". Недовольные рѣшеніемъ войтовскаго суда аппеллировали непосредственно къ великому князю, минуя всѣ инстанціи, и великій князь пересматривалъ дѣло на основаніи того же магдебургскаго права (кодексами его служили Саксонское Зерцало и Магдебургскія узаконенія). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—впрочемъ, мѣстскій судъ распадался на раду и лаву. *Рада* состояла изъ бурмистровъ и радцевъ, которые завѣдывали хозяйствомъ города и всѣмъ его благоустройствомъ и разбирали гражданскія дѣла мѣщанъ. *Лава* состояла изъ войта и присяжныхъ, лавниковъ, которые разбирали уголовныя дѣла. На рѣшенія рады можно было аппеллировать къ войту (въ Полоцкѣ), но на рѣшеніе войта апелляція должна была уже идти къ великому князю. Впослѣдствіи когда войтъ становился выборнымъ, устанавливалось и обратное отношеніе—отозванье отъ войта до суда бурмистровъ и радцевъ. Иногда рада и лава соединялись вмѣстѣ для рѣшенія какихъ либо дѣлъ. Но вообще рада была болѣе административнымъ, чѣмъ судебнымъ учрежденіемъ. Рада въ Вильнѣ заботилась о боевой готовности мѣста, принимала мѣры къ тушенію пожаровъ, заботилась о снабженіи города водою, наблюдала, чтобы мясники не били нездоровый скотъ и не продавали порченаго, наблюдала за вѣсами и мѣрами, скупала хлѣбъ для снабженія жителей во время голода и т. д. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ мѣстахъ это судебно-административное устройство съ теченіемъ времени осложнялось. Такъ, въ Вильнѣ имущество мѣста, его доходы и расходы вѣдали съ 1536 года особые *шаферы* въ числѣ четырехъ. Двухъ изъ нихъ выбирала изъ поспольства рада непосредственно, а двухъ выбирала изъ числа восьми, которые избирались самимъ поспольствомъ. Этихъ шаферовъ провѣряла особая коллегія, состоящая изъ двухъ радцевъ, представителей отъ каждаго цеха по выбору рады и шести чело-

вѣкъ отъ поспольства, избираемыхъ радою изъ состава 18 кандидатовъ, избранныхъ поспольствомъ (купечествомъ и всѣми постоянными обывателями).

Когда вводилось въ мѣстѣ магдебурское право, то не только мѣщане, но и владѣльческіе люди, проживавшіе въ мѣстахъ,—церковные, княжескіе панскіе, боярскіе и мѣщанскіе объявлялись подъ „послушенствомъ этого права“. Они освобождались отъ присуда своихъ господъ и подчинялись мѣстскому суду; своимъ же „господарямъ“ они обязаны были только платить „поземъ“, т. е. плату за пользованіе ихъ усадебною землею. Исключеніе представляли собою обыкновенно евреи, которые группировались въ особыя самоуправляющіяся общины—„зборы“, вокругъ своихъ синагогъ и кладбищъ. Они выбирали своихъ *старшихъ*, которые подъ предсѣдательствомъ *доктора* (раввина) составляли коллегію. Эта коллегія налагала духовныя наказанія (проклятіе, отлученіе), а также разбирала гражданскія дѣла между евреями (дѣла между евреемъ и христіаниномъ разбиралъ господарскій урядникъ). По всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ религіи, возможна была аппелляція къ господарскому намѣстнику, т. е. къ воеводѣ, старостѣ и державцѣ, смотря по тому, кто сидѣлъ въ городѣ. По дѣламъ духовнымъ аппелляція на рѣшеніе доктора и старшихъ дозволялась къ „старшимъ докторамъ“. Въ вѣдѣніи раввина и старшихъ находились *канторъ, школьникъ и рѣзникъ*, находившіеся на иждивеніи „збора“. По уголовнымъ дѣламъ евреи были подсудны господарскому намѣстнику. Нѣкоторыя еврейскія общины, какъ, напр., Троцкая, получили свое магдебургское право, обособлявшее ихъ отъ остального мѣста.

Литература.

М. В. Довнаръ-Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. I. Кіевъ 1901; *С. А. Бершадскій*, Литовскіе евреи. Спб. 1883; *В. Б. Антоновичъ*, Изслѣдованіе о городахъ Юго-Западнаго края (Монографіи, т. 1); *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1866 (и въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. того же года, № 8—12); *A. Halban*, Zur Geschichte des deutshen Rechts in Podolien, Wolhynien und der Ukraina. Berlin. 1896; *Ѳ. В. Тарановскій*, Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи (Варшав. Унив. Извѣстія 1897 и отд.).

XXVI.

Намѣстники-державцы, какъ органы хозяйственнаго и финансоваго управленія въ господарскихъ доменахъ.

Намѣстники и тивуны на пригородахъ и волостяхъ великаго княжества Литовскаго въ древнѣйшее время. Замѣна тивуновъ намѣстниками въ XV вѣкѣ. Сближеніе намѣстниковъ съ польскими державцами и усвоеніе этого названія.—Хозяйственно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ въ господарскихъ имѣньяхъ.—Намѣстники-державцы въ роли сборщиковъ натуральныхъ и денежныхъ податей.—Доставленіе стацій и подводъ господарю, его посламъ и гонцамъ.—Доходы намѣстниковъ-державцевъ отъ господарскаго хозяйства.

Главными правителями въ господарскихъ имѣньяхъ, коимъ подвластно и подсудно было все населеніе этихъ имѣній, были *намѣстники-державцы и тивуны*. Ихъ судебно-административная власть простиралась на округа, называвшіеся *волостями* или *повѣтами* (послѣднее названіе предпочиталось, если округъ состоялъ не изъ одной волости).

Намѣстники и тивуны въ качествѣ правителей пригородовъ и волостей были унаслѣдованы Литовско-Русскимъ государствомъ отъ древней Кіевской Руси. При этомъ тивуны, по всѣмъ даннымъ, первоначально преобладали надъ намѣстниками, которые сажались только по большимъ городамъ. Но въ XV вѣкѣ тивуны постепенно исчезали и замѣнялись намѣстниками; состоявшіе при этихъ намѣстникахъ тивуны изъ челяди дворной или крестьянъ были помощниками ихъ по управленію челядью же и крестьянами. Въ качествѣ органовъ общаго управленія и суда тивуны уцѣлѣли только въ Жмудской землѣ, составляя ея особенность. Замѣна тивуновъ намѣстниками, по всей видимости, стояла въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что литовско-русскому господарю ихъ должности пришлось все чаще и чаще раздавать знатнымъ боярамъ, панамъ, для которыхъ имя „тивунъ“ было мало подходящимъ. Вслѣдствіе развитія господарскаго хозяйства и порученія его веденія намѣстникамъ, вслѣдствіе изъятій частновладѣльческихъ имѣній отъ несенія повинностей на господаря и отъ присуда его урядниковъ, намѣстники пригородовъ и волостей, особенно на Литвѣ и Жмуди, почти низошли на положеніе управителей господарскихъ имѣній, параллельныхъ съ управителями княжескихъ и панскихъ волостей, называвшихся нерѣдко также намѣстниками. Сблизившись въ этомъ своемъ значеніи съ польскими державцами королевскихъ имѣній (крулевщизнъ), они и стали съ конца XV вѣка сплошь и рядомъ именоваться *державцами*. Съ теченіемъ времени это названіе вытѣснило прежнее русское названіе „намѣстникъ“. Будучи параллельными, близкими къ вотчиннымъ, властями, намѣстники-державцы при всемъ томъ, однако, не сравнялись съ ними полностью. Домены въ Литовско-Русскомъ государствѣ не были вотчиною, наслѣдственнымъ достояніемъ великихъ князей, которые получали свою власть по избранію князей, пановъ и бояръ-шляхты. Господарскія имѣнья

были государственными имуществами, съ которыхъ доходы шли не только на содержаніе великаго князя, но и на нужды государства. Въ этомъ смыслѣ намѣстники-державцы (равно какъ и жмудскіе тивуны) были органами общегосударственнаго управленія на мѣстахъ.

Намѣстники-державцы сдѣлались главными органами хозяйственнаго управленія преимущественно въ собственной Литвѣ и Жмуди. Чрезвычайно разнообразна была ихъ дѣятельность въ этомъ качествѣ, какъ она вырисовывается изъ отдѣльныхъ показаній актовъ и данныхъ имъ „уставъ“, или инструкцій. Намѣстники-державцы распоряжались постройкою и ремонтомъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ, городьбою огородовъ и садовъ, устройствомъ ставовъ и млыновъ (запрудъ и мельницъ), расчисткою и обработкою пашень, эксплуатаціею рыбныхъ лововъ и бобровыхъ гоновъ, бортныхъ и звѣриныхъ ухожаевъ, господарскихъ „будъ“ или „купъ“ въ пущахъ; заботились о томъ, чтобы было достаточное количество рабочаго скота и земледѣльческаго инвентаря, а также и о томъ, чтобы великокняжеское хозяйство было обезпечено крестьянскимъ трудомъ, чтобы для потребностей его было должное количество службъ тяглыхъ и спеціальныхъ. Эта послѣдняя забота находила себѣ примѣненіе въ разнообразныхъ случаяхъ. Такъ, пожалованіе людей изъ состава великокняжеской волости, рѣшалось окончательно только по докладу намѣстника-державцы, что это пожалованіе будетъ двору господарскому „не шкодно“. Получивъ просьбу о пожалованіи тѣхъ или другихъ людей съ ихъ землями, великій князь запрашивалъ своего намѣстника, не будетъ ли это „шкодно“ для двора его, и только получивъ отрицательный отвѣтъ, утверждалъ имѣнье за просителемъ. Пожалованія, состоявшіяся въ обходъ этого порядка, иногда отмѣнялись по представленію намѣстниковъ-державцевъ или замѣнялись другими. Поэтому господарь великій князь очень часто поручалъ самому намѣстнику-державцѣ „обыскать“ въ волости извѣстное число людей съ землями для того или другого лица, съ тѣмъ, чтобы пожалованіе этихъ людей двору господарскому не было убыточно. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и для увеличенія доходности своей „державы“ намѣстники-державцы „осаживали“ людьми пустые крестьянскіе участки. Они посылали особыхъ „выводчихъ“, которые сводили съ владѣльческихъ земель господарскихъ крестьянъ, ушедшихъ недавно изъ волости, буде возвращеніе такихъ крестьянъ представляло интересъ, или же старались разными льготами заставить крестьянъ вернуться на покинутые ими участки. Особенно эта дѣятельность развивалась въ волостяхъ, опустѣвшихъ или отъ непріятельскаго разоренія, или отъ дурного управленія. Пустовщины осаживались не только отчичами, но и сторонними прихожими людьми; когда же отчичи возвращались въ волость, намѣстники-державцы пріискивали имъ другіе участки. Пустовщины раздавались не только вольнымъ похожимъ людямъ со стороны, но и мѣстнымъ многосемейнымъ крестьянамъ, имѣвшимъ уже свои отчины, „на особную службу“. „Вольныхъ похожихъ“ людей намѣстники-державцы не только сажали на самостоятельные пустовавшіе участки, но также и присаживали въ „потужники“ къ маломочнымъ крестьянамъ, имѣвшимъ подъ собою большія отчины.

Осаживая пустовщины людьми, намѣстники-державцы налагали на этихъ людей обыкновенно тѣ же самыя повинности, которыя и прежде шли съ этихъ пустовщинъ, руководясь опредѣлившимися уже потребностями и порядками господарскаго хозяйства. Но такъ какъ въ этихъ потребностяхъ съ теченіемъ времени происходили измѣненія, то и намѣстники-державцы осаживали пустовщины нерѣдко на оброкѣ взамѣнъ шедшихъ съ нихъ ранѣе повинностей. Уставы, дававшіяся при Сигизмундѣ I намѣстникамъ-державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, предписывали имъ произвести общій пересмотръ крестьянскихъ службъ съ точки зрѣнія потребностей господарскихъ дворовъ и лишнихъ крестьянъ осадить на „врокѣ“. Это предписаніе было крупнымъ нововведеніемъ въ управленіе господарскихъ волостей, ибо до этого въ немъ господствовала тенденція соблюдать крестьянскую старину. О причинахъ, вызвавшихъ это нововведеніе, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Организуя крестьянскія службы, намѣстники-державцы слѣдили и за ихъ надлежащимъ выполненіемъ. Крестьянскія власти получали распоряженія по этой части отъ намѣстниковъ-державцевъ и контролировались ими. Точно такъ же намѣстники-державцы имѣли въ своемъ вѣдѣніи и всѣ сборы съ господарскаго хозяйства, хлѣбный урожай и приплодъ скота. Гумна и житницы состояли подъ ихъ надзоромъ и контролемъ. По сборѣ урожая изъ него выдавалась прежде всего церковная десятина, затѣмъ откладывалась мѣсячина для челяди дворной и сѣмена, а остальное дѣлилось на три части, изъ которыхъ одну бралъ себѣ намѣстникъ-державца, а двѣ шли въ пользу господаря. Этотъ хлѣбъ либо продавался, либо раздавался разнымъ лицамъ по „квитаціямъ“, или ассигновкамъ изъ центра. Такъ обстояло дѣло въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ, т. е. въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ. Въ окраинныхъ областяхъ, гдѣ господарское хозяйство было сравнительно слабо развито, весь урожай уходилъ на содержаніе уряда и замковыхъ „залогъ“ (гарнизоновъ). Намѣстники-державцы вели точный учетъ и приплоду скота, особенно лошадей, которыхъ они переписывали въ особые реестры. Лошадей также выдавали разнымъ лицамъ „по квитаціямъ“.

Въ связи и наряду съ административно-хозяйственною дѣятельностью выступаетъ и значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ главныхъ органовъ финансоваго управленія въ господарскихъ волостяхъ. Во всѣхъ великокняжескихъ волостяхъ какъ въ тѣхъ, гдѣ велось господарское хозяйство, такъ и въ тѣхъ, гдѣ его не было, намѣстники-державцы были сборщиками податей какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ. Одною изъ самыхъ распространенныхъ податей было *дякло*, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсомъ, сѣномъ, дровами, пентиниками (пенькою или льномъ), съ прибавкою куръ и яицъ, иногда еще *колодины и глинныхъ пенязей*. Дякольный хлѣбъ и овесъ намѣстники-державцы частью расходовали по „квитаціямъ“, но большею частью препровождали въ распоряженіе *городничихъ*. Городничіе существовали въ крупныхъ замкахъ, бывшихъ базисами обороны областей: въ Вильнѣ, Трокахъ, Ковнѣ, Городнѣ, Новгородкѣ, Минскѣ, Бе-

рестьѣ, Каменцѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Луцкѣ, Владимірѣ и Кременцѣ. Должность ихъ состояла въ надзорѣ за исправностью укрѣпленій, въ руководствѣ ихъ постройкою и починкою. Это была старая русская должность, прототипомъ которой былъ еще „городникъ“ Русской Правды. Хлѣбъ и овесъ, который получали городничіе отъ намѣстниковъ-державцевъ, предназначался собственно на содержаніе „залоги“, или гарнизона, на пополненіе крѣпостныхъ провіантскихъ магазиновъ; лишній продавался за деньги. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ городничимъ шла еще и колодина,—деньги взамѣнъ колодъ для укрѣпленій, а также глинные пенязи взамѣнъ обязанности поставлять глину для укрѣпленій. Сѣно, дрова и живность оставались на господарскихъ дворахъ, либо замѣнялись деньгами. Намѣстники-державцы собирали также *мезлеву*—натурою, когда это было нужно, а чаще всего деньгами, а также и разные другіе платежи натурою, какъ напр., солью (съ соляниковъ), рыбою (съ рыболововъ), углемъ (съ угольниковъ), хмелемъ—и т. д. Къ натуральнымъ податямъ, которыя собирали намѣстники-державцы, относилась и *дань* медовая, бобровая, куничная и др. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляли Поднѣпрскія и Задвинскія волости, которыя сами отправляли дань до скарба и до ключей Виленскаго и Троцкаго; впрочемъ, по временамъ и здѣсь сборъ дани поручался иногда намѣстникамъ-державцамъ. Что касается денежныхъ сборовъ, производившихся намѣстниками-державцами, то здѣсь, прежде всего, надо упомянуть пенязи, собиравшіеся взамѣнъ перечисленныхъ натуральныхъ податей, *осадные пенязи*, или оброкъ, собиравшійся взамѣнъ издѣльныхъ повинностей; *куницы*, или арендную плату, взимавшуюся за пользованіе пустовщинами и разными доходными статьями; *грошовую*, или *серебряную дань* и, наконецъ, „земскій податокъ“, называвшійся на Литвѣ и въ земляхъ Жмудской, Полоцкой и Витебской *серебщиною*, въ Смоленской *посошиною*, въ Кіевской *подымщиною*, въ Волынской *воловщиною*. Этотъ земскій податокъ, шедшій на военныя нужды, былъ податью чисто политическаго происхожденія, tributum pacis. Въ русскихъ земляхъ его платили первоначально, повидимому, татарамъ, а затѣмъ областные литовскіе и русскіе князья стали платить его великому князю Литовскому, верховному повелителю и защитнику государства. Въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ намѣстники-державцы собирали на ряду съ серебщиною еще и *ордынщину*, которая взималась первоначально едва ли не на уплату поминковъ Крымскому хану.

Хозяйственно-административная и финансовая дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ въ равной мѣрѣ охватывала и мѣста. Намѣстники-державцы осаживали мѣщанскіе усадебные и полевые участки пришлыми людьми, разрѣшали купли и продажи этихъ участковъ и вообще заботились о полнотѣ тяглыхъ и податныхъ силъ мѣста. Иногда имъ поручалось вновь осаживать мѣсто на магдебургскомъ правѣ. Намѣстники-державцы слѣдили за выполненіемъ мѣщанами всѣхъ издѣльныхъ повинностей на господаря и собирали съ нихъ подати и налоги, какъ общіе съ крестьянскими, такъ и спеціально мѣстскіе, гдѣ эти налоги не шли въ пользу са-

мого мѣста. Такъ, черезъ ихъ руки шли въ скарбъ *прутовое, поворотное, мыто мостовое, перевозъ, бочечное помѣрное, вага,* или *вѣсчее, торговые пенязи* (лавочный сборъ), *куничное* отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ и продаютъ, *капщина,* или корчомные пенязи и т. д. Впрочемъ нѣкоторые изъ этихъ сборовъ отдавались иногда въ аренду на откупъ, напр. мостовое, помѣрное, корчомные пенязи. Пошлины съ продаваемыхъ товаровъ собирали особые мытники, соляничіе (съ соли) и восковничіе (съ воска), получавшіе этотъ сборъ или „къ вѣрной руцѣ“, или въ аренду, на откупъ. Но бывали случаи, когда сборъ мыта отъ товаровъ, приходившихъ сухимъ путемъ и водою, поручался намѣстникамъ-державцамъ, какъ, напр., въ Рѣчицѣ.

Какъ главные приказчики въ господарскихъ имѣньяхъ, намѣстники-державцы обязаны были принимать и кормить господаря съ его свитою въ случаѣ пріѣзда ихъ въ данное имѣнье, а равно господарскихъ пословъ и гонцовъ, поднимать ихъ, какъ говорилось тогда, „стаціями“ и доставлять имъ подводы для дальнѣйшаго путешествія. Для продовольствія господаря и его свиты шла мезлева, которую намѣстники-державцы отправляли иногда въ заранѣе опредѣленные пункты, но сверхъ того собиралась и экстренная стація, которая также не только расходовалась на мѣстѣ, но и отвозилась по указанію господаря. Стацію и подводы намѣстники-державцы давали не изъ своихъ доходовъ, а собирали съ тѣхъ же волостныхъ крестьянъ, даже и не однихъ господарскихъ, но и владѣльческихъ, пожалованныхъ изъ состава волости тому или другому князю, пану, боярину или мѣщанину съ обязанностью давать стацію и подводы.

Сдѣлавшись во многихъ мѣстностяхъ главными приказчиками по господарскому хозяйству, намѣстники-державцы (и тивуны) стали получать и такіе доходы, которыхъ не имѣли ихъ русскіе предшественники. По „уставамъ“ дворовъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жмудской земли, выданнымъ въ 1529 году, но несомнѣнно регулировавшимъ частью дѣйствовавшіе уже порядки, намѣстники-державцы получали третью часть чистаго урожая, а съ 1529 года четвертую съ ярового хлѣба. Огородными овощами имъ представлено было пользоваться полностью и только въ случаѣ пріѣзда господаря доставлять на его кухню положенное количество овощей. Въ тѣхъ державахъ, гдѣ производился ловъ рыбы на господаря, намѣстникамъ-державцамъ предоставлялась также третья часть улова. Въ другихъ случаяхъ, державцѣ на замокъ рыболовы давали десятую рыбу. Тамъ, гдѣ водилось много звѣрей, намѣстникамъ-державцамъ предоставлялось ловить ихъ по извѣстнымъ мѣстамъ и посылать съ этою цѣлью стрѣльцовъ и т. д. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ господарское хозяйство было слабо развито, всѣ продукты его обыкновенно шли на державцу и состоявшихъ при немъ слугъ и военныхъ людей. На Жмуди, въ тѣхъ волостяхъ, которыя состояли въ держаньѣ старостъ и тивуновъ, господарскія пахотныя земли даже всецѣло эксплуатировались въ пользу этихъ державцевъ, считались принадлежностью ихъ урядовъ, такъ что господарскихъ дворовъ фактически не было, а были только дворы старостинскій и тивунскіе. Но такъ какъ

староста и тивуны черезчуръ обременяли мѣстныхъ крестьянъ работами и вызвали тѣмъ усиленную эмиграцію изъ Жмуди, Сигизмундъ въ 1527 году освободилъ Жмудскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ повинностей и разныхъ платежей въ пользу старосты и тивуновъ и замѣнилъ все это опредѣленными кормами въ пользу старосты и тивуновъ.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута 1529 года; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. I.

XXVII.

Намѣстники-державцы, какъ военно-административные и судебные органы въ господарскихъ доменахъ.

Преемство военной власти намѣстниковъ-державцевъ отъ древнерусскихъ намѣстниковъ.—Оборона повѣта и мобилизація мѣстныхъ вооруженныхъ силъ; завѣдываніе крѣпостями.—Юрисдикція намѣстниковъ-державцевъ и ея ограниченія.—Суды общіе, полюбовные и копные.—Должностныя лица при намѣстникахъ-державцахъ изъ ихъ слугъ.—Судебные и другіе доходы намѣстниковъ-державцевъ.—Взглядъ на ихъ должность, какъ на кормленіе; „челобитья“ отъ намѣстничествъ.

Намѣстники-державцы были не только органами хозяйственнаго и финансоваго управленія господарскихъ доменъ, но и военными начальниками и главными судьями въ этихъ доменахъ. Военно-административныя функціи ихъ были прямымъ наслѣдіемъ западно-русской старины. Западно-русскіе намѣстники въ старину были комендантами городовъ, которые давались имъ въ держанье, и начальниками мѣстныхъ вооруженныхъ силъ, вслѣдствіе чего даже и назывались *воеводами.* Такіе воеводы-намѣстники сидѣли, напр., по городамъ Галицкой земли во время присоединенія ея къ Польшѣ, по городамъ Волынской земли въ княженье тамъ Любарта Гедиминовича, въ Чернигово-Сѣверской землѣ въ княженіе Дмитрія-Корибута Ольгердовича. Воеводъ встрѣчаемъ даже въ удѣльныхъ княжествахъ Острожскомъ, Кобринскомъ и т. д. Подобно этимъ воеводамъ-намѣстникамъ и позднѣйшіе литовско-русскіе намѣстники-державцы были военоначальниками, которые выводили мѣстныя вооруженныя силы для отраженія непріятелей (особенно въ пограничныхъ повѣтахъ), поддерживали въ исправности укрѣпленія, мосты и военныя дороги. По этой должности намѣстники-державцы распоряжались всѣмъ населеніемъ своего повѣта. На ихъ зовъ всѣ обыватели повѣта, способные носить оружіе, обязаны были выступать въ погоню за непріятелемъ въ случаѣ вторженія его въ повѣтъ. Во время мобилизаціи земской рати намѣстники-державцы не только выводили господарскихъ слугъ и военнослужилыхъ крестьянъ, но слѣдили также и за тѣмъ, что бы

всѣ бояре-шляхта ихъ повѣта шли на войну „по уставѣ земской“, т. е. съ извѣстнымъ числомъ конныхъ ратниковъ, согласно опредѣленію сейма. Ближайшіе командиры шляхты—хоружіе дѣйствовали въ данномъ случаѣ подъ „свѣдомомъ“ намѣстниковъ-державцевъ, которые несли отвѣтственность наравнѣ съ хоружими за упущенія и злоупотребленія при мобилизаціи. Всѣ землевладѣльцы за одно съ господарскими мѣщанами и крестьянами обязаны были строить и чинить укрѣпленія, мосты и дороги; многіе сверхъ того несли „сторожу“ въ замкѣ и „полѣ“. Распоряженія и приказанія по этой части отдавали намѣстники-державцы. Въ данномъ случаѣ власть намѣстниковъ-державцевъ простиралась даже на такія имѣнья, которыя вышли уже изъ состава господарскихъ доменъ, пожалованы были съ полнымъ правомъ и панствомъ, но съ оставленіемъ на нихъ прежнихъ земскихъ повинностей.

Какъ начальники мѣстныхъ вооруженныхъ силъ, намѣстники-державцы по временамъ принимали дѣятельное участіе въ организаціи военнослужилаго землевладѣнія, особенно въ пограничныхъ повѣтахъ. По собственной иниціативѣ они раздавали иногда пустовавшія земли „на военную службу“ „до воли и ласки господарской“ и дѣлали затѣмъ соотвѣтствующія представленія господарю великому князю. Съ вѣдома и разрѣшенія намѣстниковъ-державцевъ совершались различныя сдѣлки на военнослужилыя имѣнія въ ихъ повѣтѣ и т. д.

Но съ особенною ясностью проявлялось значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ органовъ общаго управленія въ господарскихъ доменахъ, въ ихъ судебныхъ функціяхъ. Ихъ юрисдикціи подлежали господарскіе крестьяне, мѣщане непривилегированныхъ мѣстъ, бояре-шляхта и другіе землевладѣльцы, державшіе имѣнья изъ состава господарскихъ доменъ и подъ господаремъ. Мѣщане привилегированныхъ мѣстъ, состоявшихъ на нѣмецкомъ правѣ, а равно и владѣльческіе крестьяне и другіе подданные подлежали суду намѣстниковъ-державцевъ только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, каковы были: гвалтъ домовый (вторженіе въ домъ и насилія въ немъ), разбой, поджогъ, шляхетская рана, изнасилованіе женщинъ. По искамъ къ владѣльческимъ „подданнымъ“ давали судъ и управу владѣльцы; но если владѣльцы отказывали въ правосудіи, тогда вступали въ свои права намѣстники-державцы и привлекали уже владѣльцевъ на свой судъ. Вообще же въ тяжбахъ лицъ разныхъ подсудностей по дѣйствовавшему тогда праву судилъ судья обвиняемой стороны въ присутствіи уполномоченнаго судьи, коему подсуденъ истецъ; если судившій судья не удовлетворялъ истца, тогда назначался *обчій*, или *смѣсный судъ*. Юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ не подлежали тѣ обыватели ихъ повѣтовъ, коимъ даны были несудимыя грамоты, предоставлявшія имъ право судиться, непосредственно передъ господаремъ или уполномоченными имъ людьми. Чаще всего это были откупщики мыта и корчомъ и другихъ доходныхъ статей. Кромѣ того, боярамъ-шляхтѣ по Статуту предоставлялось право не становиться на судъ передъ тѣми намѣстниками-державцами, которые передъ тѣмъ были переименованы изъ тивуновъ.

Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Ихъ дѣятельность въ этой области ограничивалась главнымъ образомъ фактически—желаніемъ тяжущихся, которымъ предоставлено было право въ великихъ дѣлахъ отзываться до господаря. Къ этимъ „великимъ дѣламъ“ относились: насильственный захватъ имѣнья, нападеніе на домъ (гвалтъ домовый), „безправный грабежъ“ (самоуправство), убійство, тяжба объ отчинномъ имѣньѣ, о шляхетской чести и нѣкоторыя другія. Стороны имѣли право отзываться до господаря, „не вступуя въ право“, т. е. не принимая доказательствъ, коими рѣшалось дѣло. Если стороны не изъявляли желанія судиться у господаря, всѣ эти „великія дѣла“ могли разбираться и рѣшаться намѣстниками-державцами. Намѣстники-державцы не имѣли права только постановлять такія рѣшенія, коими рѣшался вопросъ о чьемъ-либо шляхетствѣ: такія дѣла они должны были переносить къ господарю, такъ какъ нобилитація и денобилитація были исключительнымъ его правомъ. Кромѣ того, въ силу привилеевъ, пожалованныхъ нѣкоторымъ землямъ, напр. Кіевской, намѣстники-державцы не могли приводить въ исполненіе своихъ приговоровъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ безъ указа господаря.

Фактически судебная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ ограничивалась кромѣ того дѣятельностью дворныхъ тивуновъ и крестьянскихъ властей, напр., старцевъ, разбиравшихъ земельныя тяжбы, бортныя и межевыя дѣла и разныя мелкія „спорчизны“ между крестьянами, а также дѣятельностью полюбовныхъ судей, которыхъ брали себѣ стороны у намѣстника-державцы, каждая „съ своее руки“ для разбирательствъ столкновеній и недоразумѣній на мѣстахъ. Всѣ эти дѣла обыкновенно разрѣшались такъ называемымъ „копнымъ правомъ“, т. е. при участіи окольныхъ людей, которыхъ собирали тяжущіеся. Копные суды были въ большомъ ходу у литовско-русскихъ крестьянъ. Копа велась и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось отыскивать преступника. Потерпѣвшіе вызывали „на сокъ“ всѣхъ окольныхъ жителей, и никто не имѣлъ права отказаться отъ этого подъ страхомъ быть обвиненнымъ копою. Копный судъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ того слѣдственнаго суда, который совершался еще въ эпоху Русской Правды. Извѣстно, что въ то время искали по верви разбойника, поджигателя, коневаго татя, клѣтнаго, кто кралъ чужихъ бобровъ, пчелъ и т. д. Точно такъ же и въ разсматриваемое время копа собиралась тогда, когда нужно было разыскать въ данной мѣстности разбойника, поджигателя, татя, покравшаго лошадей, сѣно или хлѣбъ съ гумна, бобровъ и птицъ изъ чужихъ ловушекъ и сѣтей и т. д. Этотъ розыскъ естественно превращался въ судъ, ибо въ старину представленіе доказательствъ, розыскъ преступника уже рѣшали дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ уже простою формальностью, а съ другой стороны при отыскиваніи преступника копѣ приходилось оцѣнивать доказательства виновности и невиновности. Даже въ частностяхъ можно видѣть сходство копнаго процесса съ тѣмъ, что происходило въ эпоху Русской Правды. Такъ, напр., если слѣдъ татя приводилъ разыскивающихъ къ селу, село должно было или найдти татя въ себѣ,

или платить за воровство, или „отсочить“, отвести отъ себя слѣдъ. Копы собирались на опредѣленныхъ мѣстахъ — коповищахъ, при чемъ всѣ крестьяне, жившіе на извѣстномъ разстояніи отъ коповища, чьи бы они подданные ни были, обязаны были являться на копу. Кромѣ тивуновъ и крестьянскихъ властей, тяжущіеся брали на копу иногда намѣстника державцы или его „вижа“.

Намѣстники-державцы производили свой судъ обычно въ присутствіи людей изъ мѣстнаго общества—бояръ, мѣщанъ и даже крестьянскихъ властей, смотря по тому, чье дѣло разбиралось. Всѣ эти лица играли роль свидѣтелей суда и вмѣстѣ съ тѣмъ знатоковъ мѣстныхъ обычаевъ и отношеній, къ которымъ судья обращался по временамъ за совѣтомъ, съ которыми онъ „намовлялся“ о дѣлѣ. Статутъ 1529 года вмѣнилъ въ обязанность державцамъ выбрать изъ среды мѣстныхъ земянъ двухъ человѣкъ, людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, для непремѣннаго участія въ судѣ, который будутъ производить въ отсутствіе державцевъ ихъ намѣстники и маршалки.

Намѣстники-державцы въ данныхъ имъ волостяхъ держали цѣлый штатъ слугъ, которые помогали имъ въ судѣ и управленіи. Изъ среды этихъ слугъ выходили прежде всего *намѣстники* намѣстниковъ-державцевъ, замѣнявшіе ихъ во время ихъ отсутствія, и *маршалки,* чинившіе суды по отдѣльнымъ порученіямъ своихъ господъ. Дѣло въ томъ, что паны, державшіе господарскія волости, отвлекались постоянно какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ, такъ и „справами господарскими и земскими“. Сплошь и рядомъ они были придворными сановниками, членами рады великаго княжества и, кромѣ того, господарскими намѣстниками-державцами въ другихъ волостяхъ (знатные паны постоянно имѣли въ держаньѣ по нѣскольку господарскихъ волостей). Но и независимо отъ отсутствія ихъ, слуги были имъ необходимы для управленія повѣтами. Слуги намѣстниковъ-державцевъ ѣздили отъ нихъ *дыжими,* когда нужно было кого-нибудь приводомъ доставить на судъ, или когда надо было произвести полицейскимъ порядкомъ имущественное взысканіе по суду. Изъ среды ихъ брались *вижи,* на обязанности которыхъ лежало оффиціальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ“ свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія. Посылка вижей давала возможность намѣстникамъ-державцамъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ ознакомленія съ правонарушеніемъ на мѣстѣ. Вижи вызывались, какъ уже было сказано, и на копные суды, рѣшенія которыхъ получали отъ того большую силу и законность. Изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ выходили и *увязчіе,* которые вводили во владѣнье имѣньями, присужденными кому-нибудь за долгъ или по какой-либо другой причинѣ. Всѣ эти лица получали за свои труды доходы—дѣцкованье, вижовое, увязчее, которыми дѣлились съ своимъ паномъ. Къ нимъ надо отнести еще *писарей* и *дьяковъ,* составлявшихъ канцелярію намѣстниковъ-державцевъ.

При отправленіи суда намѣстники-державцы получали въ свою пользу: извѣстный процентъ съ суммы иска, называвшійся *пересудомъ*, съ истца, доискавшагося своего, а съ 1509 года и съ оправданнаго отвѣтчика; *повинное*, или извѣстный процентъ съ „винъ“, т. е. судебныхъ штрафовъ, шедшихъ въ пользу господаря, а иногда взамѣнъ этого „вины малыя“ (не свыше 50 грошей); *выметное*, т. е. деньги, которыя условливались платить намѣстнику-державцѣ тяжущіеся, державшіе между собою судебное пари; *заклады*, или *заруки*, которыя тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державцы съ цѣлью пресѣчь дальнѣйшія правонарушенія; *поколодное* или *повежное* съ тѣхъ, кого выпускали изъ колоды и тюрьмы, часть дѣцкованья, вижоваго и увязчаго.

Перечисленные судебные доходы намѣстниковъ-державцевъ были несомнѣнно наслѣдіемъ западнорусской старины. Въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ ихъ съ доходами судей по Русской Правдѣ и другимъ памятникамъ древняго русскаго права. Такимъ же наслѣдіемъ были и нѣкоторые другіе доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами русскихъ волостей, гдѣ не велось господарскаго хозяйства, а именно: *узъѣздъ*, *въѣздъ*, *полюдованье*, т. е. дары, приносившіеся въ старину князю или его намѣстнику при объѣздѣ волости; *стаціи*, или кормы, дававшіеся мѣщанами и крестьянами деньгами или натурою; *обвѣстки* съ стороннихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ торговать въ ту или другую волость; *выводныя куницы* съ жениховъ, которые выводили невѣстъ изъ мѣста или села на сторону. По особому пожалованью отъ господаря намѣстники-державцы получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ разсматриваемое время, пережившихъ ихъ, собирались господаремъ въ свою пользу, какъ обыкновенныя подати, или же раздавались въ видѣ особаго жалованья, или „волостокъ“. Таковы были: *тивунщина великая* и *малая*, *бобровщина*, *ловчое*, *доводничое*, *данничое*, *сокольничое* въ Поднѣпрскихъ, Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ. Наконецъ, намѣстники-державцы по особому пожалованью или „уставѣ“ получали въ свою пользу и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ. Господарь руководился при этомъ разными соображеніями: или тѣмъ, что намѣстничьи доходы въ данномъ повѣтѣ были черезчуръ малы, или особыми заслугами лицъ, или тѣмъ, что намѣстники-державцы принимали на себя нѣкоторыя лишнія обязательства, не связанныя съ ихъ должностью, въ родѣ, напр., отстройки мѣстнаго замка „своимъ накладомъ“.

Доходы, которые намѣстники-державцы получали съ своихъ державъ, разсматривались не только, какъ вознагражденіе за исполненіе обязанностей по ихъ должности, но и какъ вознагражденіе за ихъ службу господарю вообще, какъ средства содержанія высшаго слоя военнослужилаго класса, его *кормленье*. Взглядъ этотъ находилъ себѣ выраженіе во многихъ отношеніяхъ. Великіе князья въ своихъ грамотахъ, выданныхъ русскимъ областямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать мѣстнымъ боярамъ. И дѣйствительно города и волости въ этихъ земляхъ, раздавались мѣстнымъ землевладѣльцамъ, большею частью на годъ, „колеею“,

т. е. по очереди, чтобы не обидѣть никого. Того же правила держались великіе князья и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ на Литвѣ и Жмуди, раздавая ихъ мѣстнымъ панамъ и князьямъ, съ тою разницею, что здѣсь эти намѣстничества и тивунства давались либо „до воли господарской“, чаще „до живота“ или „до осмотрѣнья иншимъ лѣпшимъ врадомъ“. Годовыя намѣстничества вслѣдствіе развитія здѣсь господарскаго хозяйства не были въ ходу. Въ раздачѣ этихъ должностей отдѣльнымъ лицамъ великіе князья руководились не только заслугами и исполнительностью лицъ, но иногда желаніемъ дать „поживленье“ тому или другому лицу, у котораго, напр., имѣнье было занято или разорено непріятелемъ. Воззрѣніе на „держанія“, какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки и дворы съ волостями передавали ихъ съ согласія великаго князя своимъ роднымъ и близкимъ людямъ. Такъ, поступилъ, напр., кн. Конст. Ивановичъ Острожскій, получившій отъ великаго князя Александра замки Браславъ, Вѣницу и Звенигородъ, „до живота“ и въ 1517 году передавшій ихъ „сестренцу своему“ кн. Роману Андреевичу Сангушковичу. Взглядъ на „держанья“, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать одному и тому же лицу по нѣскольку держаній за разъ въ разныхъ частяхъ государства, вслѣдствіи чего намѣстники-державцы поручали все управленіе въ нихъ своимъ намѣстникамъ.

Получая кормленья отъ великаго князя, намѣстники-державцы и тивуны платили ему особое „челобитье“. Въ XV вѣкѣ раздача доходныхъ должностей, по всѣмъ признакамъ, принимала иногда характеръ настоящей продажи ихъ, вслѣдствіе чего и намѣстничества кое-гдѣ (напр., въ Торопцѣ) отдавались иногда состоятельнымъ людямъ изъ мѣщанъ и волостныхъ людей. Великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенья на должность и довольствоваться тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ. Такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, а потому и послѣ того встрѣчаемся по актамъ съ „челобитьями“, которыя платились господарю намѣстниками-державцами при назначеніи на должность. „Челобитья“ платились также воеводамъ и старостамъ, по представленію которыхъ господарь раздавалъ державы.

Литература.

Тѣ же труды, что и въ предыдущемъ очеркѣ.

XXVIII.

Старосты и воеводы, какъ органы общегосударственнаго управленія въ областяхъ.

Предшественники старостъ и воеводъ.—Староста Жмудскій, какъ державца и главный правитель Жмудской земли; подчиненіе ему другихъ державцевъ и тивуновъ.—Старосты Луцкій, Владимірскій и Кременецкій, какъ главные правители бывшихъ княженій.—Старосты Берестейскій, Городенскій, Ковенскій, Дорогицкій, Бѣльскій и Мельницкій и воевода Новгородскій; ихъ значеніе, какъ державцевъ и органовъ общегосударственнаго управленія въ повѣтахъ.—Воевода Виленскій и Троцкій, какъ наслѣдники власти областныхъ князей. Ихъ судебно-административная власть въ собственныхъ державахъ и въ державахъ намѣстниковъ-державцевъ; ихъ власть по отношенію къ княжескимъ и панскимъ имѣньямъ.—Виленскій и Троцкій военные округа; подчиненіе воеводамъ старостъ и удѣльныхъ княжествъ въ военномъ отношеніи.—Воеводы Полоцкій, Витебскій, Смоленскій и Кіевскій, какъ преемники областныхъ князей; областныя думы и сеймы.—Значеніе воеводъ и старостъ, какъ земскихъ правителей, главъ областного самоуправленія.

Намѣстники-державцы и тивуны были органами доменіальнаго управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Имъ параллельны и аналогичны были управители крупныхъ княжескихъ и панскихъ вотчинъ, носившіе по временамъ то же имя намѣстниковъ и тивуновъ. Но кромѣ доменіальныхъ властей, въ областяхъ великаго княжества существовали и такія власти, которыя могутъ быть признаны органами общегосударственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ. То были *старосты и воеводы*, судебная власть которыхъ простиралась не только на господарскіе домены, но и на независимыя княжескія, панскія и церковныя имѣнья. Эти старосты и воеводы большею частью вышли изъ тѣхъ намѣстниковъ, которыхъ великій князь сажалъ въ главныхъ городахъ областей, бывшихъ резиденціями областныхъ князей, и которые должны были замѣнять собою этихъ послѣднихъ.

Ранѣе другихъ областей староста утвердился въ значеніи главнаго великокняжескаго намѣстника въ Жмудской землѣ (со времени возвращенія ея отъ Ордена въ 1411 году). Часть господарскихъ волостей староста получилъ въ непосредственное завѣдыванье и сталъ править ими на положеніи намѣстника-державцы, пользуясь при этомъ и всѣми его обычными доходами. Нѣсколько господарскихъ дворовъ съ волостями въ XV вѣкѣ и позже стали раздаваться господаремъ намѣстникамъ-державцамъ, а остальные раздавались старостою тивунамъ. Но съ 1527 года тивунства въ Жмудской землѣ стали раздаваться самимъ господаремъ. Для всѣхъ господарскихъ урядниковъ Жмудской земли—тивуновъ и намѣстниковъ-державцевъ староста былъ главою и непосредственнымъ начальникомъ. Устава, данная Жмудской землѣ въ 1529 году, регулируя существующій порядокъ, предписывала тивунамъ быть во всемъ послушнымъ пана старосты, „яко рады а мѣстца нашого“, особливо въ тѣхъ дѣлахъ, которые относятся „ко споможенью доброй справѣ речи посполитое“ Жмудской земли. Изъ актовъ

частнаго характера видно, что „послушенствомъ“ Жмудскому старостѣ обязаны были и мѣстные намѣстники-державцы. Не мѣшаясь въ ихъ хозяйственную дѣятельность въ господарскихъ волостяхъ, староста при всемъ томъ участвовалъ въ управленіи этими волостями. Онъ раздавалъ въ предѣлахъ этихъ волостей пустыя земли мѣстнымъ боярамъ на земскую службу до воли господарской. Къ нему великій князь обращался за справками, не будетъ ли пожалованье той или другой земли убыточно для него, господаря. Староста отдавалъ распоряженія по части ввода во владѣнія тою или другою землею тивунамъ и державцамъ и т. д. Въ тѣхъ волостяхъ, которыя находились въ держаньѣ тивуновъ, староста Жмудскій творилъ даже и судъ. Ежегодно его намѣстники разъѣзжали по этимъ волостямъ и вмѣстѣ съ тивунами чинили судъ господарскимъ людямъ, т. е. крестьянамъ, взимая съ нихъ „вины“, т. е. пени. Очевидно, тивуны, получая волости изъ рукъ старосты, должны были дѣлиться съ нимъ своими судебными доходами. Наконецъ, тивуны и намѣстники-державцы подлежали суду старосты по жалобамъ на нихъ господарскихъ людей или бояръ-шляхты. Судъ этотъ отправлялся на сеймѣ земли Жмудской, собиравшемся ежегодно. Здѣсь разбирались дѣла и шляхты, которая была неподсудна, какъ уже было сказано, тивунамъ. Кромѣ господарскихъ волостей, ихъ державцевъ и населенія подъ вѣдѣніемъ и властью старосты Жмудскаго состояли владѣльцы и населеніе независимыхъ отъ господарскаго домиціума имѣній. Съ этихъ имѣній шла военная служба и другія земскія повинности, о которыхъ была рѣчь въ свое время, и слѣдилъ за выполненіемъ этихъ повинностей староста. Староста вообще былъ блюстителемъ господарскихъ интересовъ по отношенію къ такимъ имѣньямъ. Разрѣшенія осаживать въ нихъ мѣста, заводить ярмарки, торги и корчмы давались господаремъ только на основаніи показаній старосты, что это будетъ мѣстамъ, торгамъ и корчмамъ господарскимъ „не шкодно“. Наконецъ, владѣльцы этихъ имѣній, кромѣ паповъ радныхъ, которые судились самимъ господаремъ и его радою, подлежали юрисдикціи старосты; населеніе же этихъ имѣній на общихъ основаніяхъ судилось старостою или его намѣстникомъ по такъ называемымъ „старостинскимъ артикуламъ“.

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно старосты Жмудскаго можно видѣть, что онъ какъ бы замѣнилъ собою въ Жмуди областного князя. Такая же замѣна произошла и на Волыни. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка здѣсь было три княжества во владѣніи потомковъ Гедимина— Луцкое, Кременецкое и Владимірское. По упраздненіи княженій на Волыни стали править три великокняжескихъ намѣстника. Когда Волынь попала въ руки Свидригайла Ольгердовича, эти намѣстники стали областными правителями Волынскаго княженія и получили польское названіе *старостъ*. Свидригайло, какъ извѣстно, призналъ себя вассаломъ Польскаго короля и урядилъ свое княженіе по польскому образцу. По смерти его эти старосты снова сдѣлались великокняжескими литовскими намѣстниками, при чемъ староста Луцкій, имѣвшій резиденцію въ стольномъ городѣ Волынскаго княженія, удержалъ имя старосты и сдѣлался старшимъ уряд-

никомъ Волынской земли. При немъ остались нѣкоторыя должностныя лица Свидригайла, какъ-то: *маршалокъ земли Волынской,* подъ команду котораго становились всѣ землевладѣльцы земли Волынской—князья, паны и земяне шляхта; *хоружій земли Волынской,* подъ знамя котораго собиралась шляхта; *ключникъ* Луцкій. Владимірскій намѣстникъ въ 1503 году получилъ названіе старосты, а Кременецкій назывался сначала державцею, а затѣмъ, въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія получилъ также имя старосты.

Каждый изъ этихъ старостъ былъ державцею господарскихъ доменъ въ своемъ повѣтѣ и правилъ ими, какъ и всѣ другіе державцы, получая въ свою пользу обычные доходы державцы. Но сверхъ того подъ его властью и присудомъ находились и владѣльцы тѣхъ имѣній, которыя не были подъ господарскимъ доминіумомъ, княжескихъ и панскихъ. Старосты слѣдили за выполненіемъ военной, дорожной, мостовой, кормовой, подводной и сторожевой повинности съ этихъ имѣній, утверждали сдѣлки на эти имѣнья, собирали съ нихъ „податокъ земскій“, судили ихъ владѣльцевъ по искамъ и жалобамъ на нихъ какъ мѣстныхъ, такъ и чужесторонихъ обывателей и т. д.; населеніе этихъ имѣній они судили по своимъ „старостинскимъ артикуламъ“ и т. д. Важнѣйшія тяжбы и уголовныя дѣла разбирались, какъ уже было сказано въ свое время, на сеймахъ Волынской земли, которые собирались ежегодно въ Луцкѣ. Здѣсь предсѣдательствовалъ либо староста Луцкій, либо маршалокъ земли Волынской, именно, когда разбирались дѣла по аппелляціи отъ старостъ. На судѣ присутствовали владыка Луцкій и Берестейскій, старосты, князья и паны.

Аналогичные мѣстные правители съ болѣе обширною компетенціею, чѣмъ простые намѣстники-державцы, были также и на Литвѣ и тѣсно связанномъ съ нею въ военномъ отношеніи Подляшьѣ. То были намѣстники Берестейскій, Городенскій, Ковенскій, Дорогицкій, Мельницкій, Бѣльскій и Новгородскій. Подъ ихъ властью и присудомъ находились не только господарскіе домены, но и имѣнья князей и пановъ, находившіяся въ ихъ повѣтахъ. Повидимому, и эти намѣстники получили свою болѣе обширную власть по наслѣдству отъ прошлаго своихъ повѣтовъ, бывшихъ въ старину особыми политическими организаціями—княженьями и областями княженій. На это указываютъ состоявшіе при нихъ штаты должностныхъ лицъ. Такъ, при намѣстникѣ Берестейскомъ, были уряды—*ключництво, данничое, житщина, бобровничое, ловчое,* раздававшіяся по общему правилу мѣстнымъ землевладѣльцамъ; при намѣстникѣ Городенскомъ—*конюшій, городничій, ключникъ, лѣсничій, тивунъ* и подчиненные главному намѣстнику *намѣстники и тивуны* отдѣльныхъ волостей; при намѣстникѣ Ковенскомъ были *намѣстники* отдѣльныхъ волостей Ковенскаго повѣта; при намѣстникѣ Новгородскомъ—*конюшій, ключникъ, городничій,* намѣстники отдѣльныхъ волостей. Всѣ перечисленные главные намѣстники съ теченіемъ времени получили названіе старостъ, за исключеніемъ Новгородскаго, которому дано было даже названіе воеводы (въ началѣ XVI вѣка). Они творили судъ и управу не только въ господарскихъ волостяхъ, гдѣ они были державцами, но и во всемъ своемъ повѣтѣ, обнимавшемъ сверхъ того госпо-

дарскія волости, раздававшіяся въ держанье особымъ намѣстникамъ, княжескія и панскія имѣнья. По отношенію къ господарскимъ доменамъ помощниками ихъ, кромѣ ихъ слугъ, были перечисленные выше урядники. На судѣ ихъ присутствовали по общему правилу и мѣстные землевладѣльцы сначала случайные, а затѣмъ особо для того назначенные, какъ и на судѣ намѣстниковъ-державцевъ. На Подляшьѣ, т. е. въ повѣтахъ Дорогицкомъ, Мельницкомъ и Бѣльскомъ судебная дѣятельность мѣстныхъ старостъ ограничивалась *земскими судами*, состоявшими изъ *судьи, подсудка и писаря земскаго* и судившими мѣстную шляхту по всѣмъ дѣламъ, кромѣ старостинскихъ артикуловъ. Эти земскіе суды были введены по примѣру Польши для удовлетворенія мѣстной шляхты, которая наполовину состояла изъ поляковъ. Но владѣльцы нѣкоторыхъ крупныхъ имѣній изъ литовскихъ пановъ были изъяты изъ мѣстной юрисдикціи и состояли въ литовскомъ правѣ, т. е. подсудны были великому князю и его радѣ. Надо сказать, что паны радные вообще не судились въ повѣтахъ, а только въ центрѣ. Иногда это правило распространялось и на ихъ вдовъ и дѣтей.

Съ такою же и отчасти даже съ большею компетенціею, чѣмъ старосты, были намѣстники областей, получившіе имя *воеводъ*.

Ранѣе другихъ это имя упрочилось за намѣстниками Виленскимъ и Троцкимъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка эти намѣстники назывались старостами подобно польскимъ намѣстникамъ, правившимъ въ обширныхъ территоріяхъ. Виленскій и Троцкій намѣстники замѣнили собою тѣхъ областныхъ князей, которые были здѣсь въ моментъ заключенія уніи съ Польшею въ лицѣ Ягайла и Скиргайла Ольгердовичей. Областныя княженья упразднились здѣсь послѣ того, какъ Ягайло удалился въ Польшу, а на Литвѣ сталъ великимъ княземъ Витовтъ. Этотъ великій князь, сводя князей съ областныхъ столовъ, бралъ на себя однако только важнѣйшія политическія функціи, большую же часть текущей, такъ сказать, будничной правительственной работы, которую они производили, оставилъ въ стольныхъ городахъ бывшихъ княжествъ, въ рукахъ посаженныхъ тамъ намѣстниковъ. При этихъ намѣстникахъ остались исполнять свои обязанности и всѣ прежнія должностныя лица княжескихъ резиденцій, каковы были *тивуны, конюшіе, ключники, ловчіе, сокольничіе* и т. д. Этимъ же главнымъ намѣстникамъ подчинены были намѣстники и тивуны пригородовъ и волостей бывшихъ областныхъ княженій, которые стали назначаться по ихъ представленію. Главные намѣстники сдѣлались военачальниками и судьями въ областяхъ, коимъ подвластны были всѣ остальные военачальники и судьи и все населеніе областей. Съ 1413 года эти главные намѣстники въ Вильнѣ и Трокахъ, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ первѣйшими совѣтниками великаго князя въ его думѣ, или радѣ, получили въ подражаніе Польшѣ имя *воеводъ*. Это оффиціально было утверждено въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года.

Каждый изъ этихъ воеводъ былъ прежде всего намѣстникомъ-державцею въ нѣкоторыхъ волостяхъ, данныхъ ему „къ воеводству“, т. е. въ непосредственное управленіе и „поживенье“. Судебно-административная дѣятель-

ность Виленскаго и Троцкаго воеводъ въ этихъ волостяхъ вырисовывается въ тѣхъ же самыхъ подробностяхъ, какъ и разсмотрѣнная уже нами судебно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ. Но наряду съ этимъ воеводы распоряжаются и производятъ судъ и управу надъ населеніемъ тѣхъ волостей, которыя держали особые намѣстники-державцы и тивуны по ихъ представленію. Надо сказать прежде всего, что населеніе этихъ волостей тянуло своими повинностями не только къ своимъ мѣстнымъ волостнымъ центрамъ, но и къ главнымъ областнымъ. Такимъ образомъ, напр., дякломъ господарскіе мѣщане и крестьяне тянули, какъ мы видѣли, къ городничему Виленскому и Троцкому, медовою данью Поднѣпрскія волости тянули къ ключу Виленскому и Троцкому; по уходу за господарскими лошадьми къ конюшему Виленскому и Троцкому, по ловлѣ звѣрей—къ ловчему и т. д. Волости, находившіяся въ державѣ намѣстниковъ-державцевъ, отряжали своихъ людей на сторожу при главныхъ замкахъ, или въ заставу, косить сѣно къ Трокамъ, на городовое дѣло и т. д. Вслѣдствіе этого, и на эти волости неизбѣжно должна была распространяться власть воеводъ, какъ и другихъ урядниковъ областныхъ центровъ. Поэтому, когда въ XVI вѣкѣ эти волости стали попадать въ залогъ къ разнымъ панамъ, въ „заставныхъ листахъ“ и приходится сплошь и рядомъ читать: „А панъ воевода Виленскій (или Троцкій) не маеть въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати, а ни тежъ тое волости... людей не маеть судити; и вже и врядники наши Виленскіе (или Троцкіе): городничій, тивунъ и ключникъ не мають ни по что у волость того двора нашого всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити“. Но и независимо отъ этого воеводы распоряжались въ волостяхъ намѣстниковъ-державцевъ въ качествѣ высшихъ администраторовъ, замѣнившихъ областныхъ князей. Они раздавали въ этихъ волостяхъ пустовщины на крестьянскую или боярскую службу, отдавали въ этихъ случаяхъ приказанія намѣстникамъ-державцамъ, пріискивали земли для пожалованія разнымъ лицамъ по порученію господаря и т. д. Воеводы судили тѣхъ людей, которые отзывались до ихъ суда отъ суда намѣстниковъ-державцевъ, въ частности бояръ-шляхту тѣхъ волостей, которыми правили тивуны и замѣнившіе ихъ намѣстники-державцы, буде тяжущіеся не желали передъ ними судиться. Наконецъ, сами намѣстники-державцы по жалобамъ на нихъ разныхъ лицъ подсудны были тѣмъ же воеводамъ.

Такова была судебно-административная власть Виленскаго и Троцкаго воеводъ по отношенію къ господарскимъ волостямъ, находившимся въ ихъ непосредственномъ держаньѣ или въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Судебно-административная власть названныхъ воеводъ простиралась и на имѣнья княжескія и панскія, находившіяся въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ. Владѣльцы этихъ имѣній, за исключеніемъ пановъ радныхъ, и отчасти населеніе (по старостинскимъ артикуламъ) были подсудны воеводамъ; воеводамъ же подвѣдомственны были всѣ эти имѣнья въ отношеніи лежавшихъ на нихъ земскихъ повинностей, о которыхъ намъ уже не разъ приходилось говорить.

Военная власть Виленскаго и Троцкаго воеводъ захватывала болѣе обширную территорію и была выше, чѣмъ ихъ собственно старостинская власть. Воеводы Виленскій и Троцкій были начальниками военныхъ округовъ, въ составъ которыхъ, кромѣ Виленскаго и Троцкаго судебно-административныхъ округовъ, входили судебно-административные округа намѣстниковъ-старостъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго, Дорогицкаго, Бѣльскаго и Мельницкаго (въ составъ Троцкаго воеводства), намѣстника-воеводы Новгородскаго (въ составъ Виленскаго воеводства), а также и удѣльныя княжества: Кобринское, Пинское съ Городецкимъ и Клецкимъ (въ составъ Троцкаго воеводства), Слуцкое и Мстиславское (въ составъ Виленскаго). Воеводы Виленскій и Троцкій были начальниками ополченій, мобилизировавшихся не только съ ихъ собственныхъ территорій, но и съ территорій другихъ, въ гражданскомъ отношеніи имъ равнозначительныхъ мѣстныхъ правителей. Такое военное устройство великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ было наслѣдіемъ военно-политическаго дуализма, установившагося еще при Ольгердѣ и Кейстутѣ. Уже тогда установилось дѣленіе Литвы на Виленскую и Троцкую половину въ зависимости отъ борьбы съ одной стороны съ нѣмцами, съ другой съ Москвою и татарами, борьбы, которая требовала сосредоточенія военныхъ силъ на два фронта. Этотъ военно-политическій дуализмъ держался и послѣ смерти Ольгерда, при Ягайлѣ и Кейстутѣ, а затѣмъ при Ягайлѣ и Скиргайлѣ и въ концѣ концовъ отвердѣлъ въ указанномъ военномъ дѣленіи Литвы.

Еще болѣе, чѣмъ Виленскій и Троцкій воеводы, напоминаютъ областныхъ князей своею правительственною дѣятельностью главные намѣстники русскихъ земель Полоцкой, Витебской, Смоленской и Кіевской, переименованные въ концѣ XV и началѣ XVI в. въ воеводъ. Они отправляли ту же самую дѣятельность, что и литовскіе воеводы въ своихъ повѣтахъ, подобно имъ были также непосредственными державцами извѣстныхъ господарскихъ волостей, главными администраторами и судьями по отношенію къ господарскимъ волостямъ, раздававшимся мѣстнымъ землевладѣльцамъ въ держанье по ихъ представленію, администраторами и судьями въ отношеніи къ владѣльцамъ и населенію княжескихъ и панскихъ имѣній, начальниками всѣхъ военныхъ силъ земель. Но всю свою правительственную работу они выполняли не только съ отдѣльными должностными лицами прежнихъ областныхъ князей, но и съ ихъ *думами*, или радами. Такъ, воевода Смоленскій судилъ и рядилъ съ владыкою, казначеемъ, окольничимъ, старостою мѣста Смоленскаго, конюшимъ, чашникомъ, ловчимъ, князьями и боярами Смоленской земли; воевода Витебскій—съ городничимъ, ключникомъ, конюшимъ, ловчимъ, сокольничимъ, кухмистромъ, съ князьями и боярами Витебской земли; воевода Полоцкій съ владыкою, городничимъ конюшимъ, тивуномъ, бобровничимъ, князьями и панами Полоцкой земли; воевода Кіевскій съ архимандритомъ Печерскимъ, князьями и панами Кіевской земли и т. д. Эти правительственные совѣты прежнихъ областныхъ князей расширялись иногда въ мѣстные сеймы всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, а въ Полоцкѣ и Витебскѣ съ участіемъ даже мѣщанъ

и слугъ. На этихъ сеймахъ разрѣшались важнѣйшія судебныя дѣла, принимались разныя административныя мѣропріятія и издавались, какъ мы уже видѣли, мѣстные законы.

Воеводы и старосты были несомнѣнно намѣстниками великаго князя въ областяхъ. Но выходя изъ состава мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ назначаемые великимъ княземъ по избранію или согласію мѣстныхъ землевладѣльцевъ, управляя областями при содѣйствіи этихъ же землевладѣльцевъ, воеводы и старосты и сами смотрѣли на себя, и на нихъ смотрѣли со стороны не только какъ на великокняжескихъ намѣстниковъ, но и какъ на земскихъ правителей, выдвинутыхъ землею и призванныхъ радѣть объ ея интересахъ. Съ особенною силою это самочувствіе проявлялось по временамъ у старосты Жмудскаго, который чувствовалъ себя гораздо болѣе княземъ Жмудскимъ, чѣмъ намѣстникомъ, и шелъ во главѣ политической оппозиціи, проявляемой землею по отношенію къ распоряженьямъ государственнаго центра. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напр. на Волыни, значеніе старостъ, какъ великокняжескихъ намѣстниковъ, стояло на заднемъ планѣ въ силу того обстоятельства, что Волынская земля съ теченіемъ времени почти вся оказалась во владѣніи князей, пановъ и земянъ, господарскаго въ ней осталось уже мало, а потому и старостамъ приходилось имѣть дѣло не столько съ интересами и нуждами въ этой области великаго князя, сколько съ интересами и нуждами мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ общемъ можно сказазать, что, такъ какъ областное управленіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ значительной степени носило характеръ самоуправленія, то и воеводы и старосты были не только намѣстниками великаго князя въ областяхъ, но и ихъ политическими представителями передъ центральною властью, главами земскаго самоуправленія областей.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Областное управленіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской уніи (Юридическія Записки, издаваем. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ, вып. II, 1908; вы. III, 1909 г.).

XXIX.

Высшіе урядники земскіе и дворные при литовско-русскомъ господарѣ и ихъ функціи.

Правительственная децентрализація въ Литовско-Русскомъ государствѣ; отсутствіе центральныхъ учрежденій съ самостоятельнымъ вѣдомствомъ, кромѣ господаря и его рады.—Маршалокъ земскій, какъ главный распорядитель и охранитель порядка въ господарской резиденціи, въ радѣ и на сеймѣ; маршалокъ дворный, какъ его товарищъ и начальникъ господарскихъ дворянъ; охмистръ, какъ маршалокъ великой княгини. — Придворныя должностныя лица: подчашій, чашникъ, крайчій, подстолій, стольникъ, кухмистръ, конюшій дворный, ловчій, подкоморій, ложничій, мечный; ихъ обязанности.—Канцлеръ, какъ начальникъ государственной канцеляріи, состоявшей при господарѣ и его радѣ; подчиненные ему писари, секретари и дьяки.—Подскарбій земскій, какъ начальникъ государственнаго казначейства; связь скарба съ канцеляріею в. княжества.—Доходы скарба, порядокъ ихъ поступленій и расходованія.—Финансовое управленіе въ рукахъ господаря и рады.—Подскарбій дворный, какъ товарищъ подскарбія земскаго.—Гетманъ, какъ главнокомандующій, но не военный министръ; его товарищъ—гетманъ дворный или польный; хоружіе земскій и дворный.

Изъ представленнаго очерка судебно-административной дѣятельности старостъ и воеводъ можно убѣдиться, что упраздненіе областныхъ княженій въ Литовско-Русскомъ государствѣ не сопровождалось переносомъ ихъ управленія въ центръ въ такой мѣрѣ, какъ происходило это въ другомъ русскомъ государствѣ—Московскомъ. Благодаря этому и въ рукахъ литовско-русскаго господаря и его рады не могло накопляться такъ много текущей правительственной работы, какъ въ рукахъ великаго князя Московскаго и его думы. Это обстоятельство въ свою очередь объясняетъ тотъ фактъ, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ не создалось почти никакихъ центральныхъ учрежденій, кромѣ господаря и его рады. Всѣ текущія дѣла, приливавшія изъ областей къ центру, разбирались и вершились господаремъ и панами радою непосредственно или черезъ коммиссіи ad hoc. Въ важныхъ вопросахъ политики и законодательства господарь и паны-рада прибѣгали къ содѣйствію сеймовъ, созывая ихъ для каждаго даннаго случая. Но они совсѣмъ не пользовались услугами какихъ либо посредствующихъ центральныхъ учрежденій, въ родѣ московскихъ приказовъ. Правда, при литовско-русскомъ господарѣ возникъ цѣлый штатъ должностныхъ лицъ, аналогичный штату польскаго двора. Но большинство этихъ лицъ имѣли чисто придворное значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ канцлеръ, подскарбій и гетманъ, играли болѣе важную роль, но при всемъ томъ не самостоятельную, а только вспомогательную при господарѣ и его радѣ, технически-исполнительную.

Въ справедливости сказаннаго можно убѣдиться изъ болѣе детальнаго обозрѣнія функцій высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, состоявшихъ при литовско-русскомъ господарѣ.

Изъ этихъ урядниковъ значительною властью пользовался *маршалокъ земскій*, министръ великокняжескаго двора. Но власть эта не шла однако

далѣе того мѣста, гдѣ въ данное время пребывалъ господарь или собирался сеймъ, такъ что съ этой стороны маршалка земскаго можно считать органомъ мѣстнаго, а не центральнаго управленія. Маршалокъ земскій былъ блюстителемъ порядка и этикета при дворѣ и на сеймѣ. Онъ отводилъ квартиры посламъ, гостямъ, панамъ раднымъ, прибывавшимъ къ господарю, и господарскимъ дворянамъ, а также и лицамъ, съѣзжавшимся на сеймъ. Всѣ лица, искавшія аудіенціи господаря, предварительно должны были являться къ маршалку земскому, который и докладывалъ объ нихъ господарю. Когда происходилъ пріемъ иноземныхъ пословъ, маршалокъ земскій давалъ имъ слово. Точно также и въ собраніи рады онъ раздавалъ голоса. Онъ же объявлялъ о господарскихъ рѣшеніяхъ и пожалованіяхъ, судилъ всѣ преступленія и правонарушенія, совершенныя въ мѣстопребываніи господаря или на сеймѣ, устанавливалъ таксу на съѣстные припасы, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы на господарскомъ дворѣ и на сеймахъ не было никакихъ ссоръ, дракъ, оскорбленій, распутства и наказывалъ за все это по закону и „водле воли и росказанья“ господаря. По выраженію одного документа, маршалокъ земскій носилъ на себѣ „зверхность господарскую“: съ своею маршалковскою „ласкою“ (жезломъ) онъ имѣлъ право „росказанья и владности“ надъ головами рыцарскими; въ отсутствіе господаря держалъ между панами радными мѣсто самого господаря.—За отсутствіемъ маршалка земскаго его обязанности исполнялъ товарищъ его, называвшійся *маршалкомъ дворнымъ* и бывшій непосредственнымъ начальникомъ господарскихъ *дворянъ*.

Дворяне состояли при господарскомъ дворѣ для исполненія разныхъ порученій. Ихъ разсылали по областямъ съ приказами о мобилизаціи, о сборѣ серебщины, о съѣздѣ на сеймъ (листы военные, серебщинные и сеймовые); посылали къ отдѣльнымъ лицамъ съ „листами позовными“ и „мандатами“ (вызовы на судъ); имъ поручали вводить разныхъ лицъ во владѣніе имѣньями въ силу пожалованья господаря или судебнаго рѣшенья, производить различныя слѣдствія, собирать „къ вѣрной руцѣ“ мыта и корчомные пенязи и т. д. Въ дворяне опредѣлялись обыкновенно молодые люди изъ аристократіи, стремившіеся выслужиться на глазахъ у господаря и получить какой-нибудь урядъ, а также и совсѣмъ бѣдные, безземельные шляхтичи и выходцы со стороны, изъ Польши и Москвы, для куска хлѣба и въ надеждѣ выслужить имѣнье. Дворянская служба была, такимъ образомъ, для однихъ началомъ служебной карьеры, для другихъ пропитаніемъ. Дворяне получали отъ господаря „датокъ“ въ видѣ суконъ, хлѣба, соли, лошадей, овса, сѣна, а иногда и денежнаго жалованья; когда ихъ услуги не требовались, ихъ разсылали „на лежи“ по господарскимъ дворамъ, гдѣ имъ отводились квартиры и выдавался кормъ. При исполненіи возлагаемыхъ на нихъ порученій дворяне получали въ свою пользу нѣкоторые доходы, напр. „увяжчее“ отъ ввода во владѣнье имѣньями, „выгончое“, когда они выгоняли людей къ работамъ на украинныхъ замкахъ, *поскерщину*, когда наблюдали за этими работами, и т. д. Дворяне, повидимому, имѣли еще значеніе дворцовой гвардіи, охранявшей

личную безопасность господаря. Они участвовали въ походахъ, составлял особый отрядъ, „гуфъ“ при войскѣ. Подъ „свѣдомомъ и справою“ маршалка дворнаго дворяне находились лишь на господарскомъ дворѣ и въ чисто служебномъ отношеніи. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они подвѣдомственны были мѣстнымъ властямъ, въ округахъ которыхъ находились ихъ имѣнья, или непосредственно самому господарю, при чемъ маршалокъ дворный не былъ посредствующею инстанціею между мѣстными властями и господаремъ.

Тѣ обязанности, которыя при господарѣ выполняли маршалки земскій и дворный, при великой княгинѣ выполнялъ ея *охмистръ* (гофмейстеръ), называющійся въ латинскихъ актахъ magister curiae reginalis. Вѣроятно, подъ его „справою“ находились дворяне великой княгини, коморники, ключникъ двора и разные другіе дворцовые служители. Исключительно придворное значеніе имѣли и другіе уряды дворные, заведенные по образцу польскаго двора. *Подчашій* (subpincerna) имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи напитки, подаваемые къ господарскому столу, наливалъ господарю вино и предварительно пробовалъ его. Такъ бывало въ торжественныхъ случаяхъ; обычно же эту должность выполнялъ *чашникъ* (pincerna). *Крайчій* (incisor) на торжественныхъ обѣдахъ разрѣзалъ кушанья, подаваемыя господарю. *Подстолій*, а въ обычное время *стольникъ* завѣдывалъ сервировкою господарскаго стола; *кухмистръ* завѣдывалъ господарскою кухнею; *конюшій дворный*—придворною конюшнею; *ловчій* (venator)—придворною охотою; *подкоморій* (succamerarius)—порядкомъ и убранствомъ въ покояхъ господаря, *ложничій*—господарскою опочивальнею; *мечный* держалъ мечъ господарскій на различныхъ торжествахъ; *хоружій дворный* командовалъ „гуфомъ“ господарскихъ дворянъ. Всѣ эти уряды существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ актъ, „здоровья и учтивости маестату господарского перестерегати“, т. е. для личныхъ услугъ господарю и оказанія вящшаго почета его сану. Подъ вѣдѣніемъ этихъ дворныхъ урядниковъ находились низшіе придворные служители: скатертные и убрусные (подъ вѣдѣніемъ стольника), кухари дворные и пекари (подъ вѣдѣніемъ кухмистра), конюхи дворные, возницы, мапталеры (надъ вѣдѣніемъ конюшаго дворнаго), нагончій, ловцы, псарцы, сокольники и другіе „мысливцы“ (подъ вѣдѣніемъ ловчаго), коморники и одворные (подъ вѣдѣніемъ подкоморія) и др. Всѣ эти служители вербовались изъ крестьянъ, причемъ за свою службу при дворѣ освобождались отъ всѣхъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, навсегда или на то время, когда служили при дворѣ. Они были подвѣдомственны перечисленнымъ дворнымъ урядникамъ лишь въ то время, пока находились при дворѣ и несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ вѣдали судомъ и управою мѣстные правители, при чемъ дворные урядники не были посредствующею инстанціею между этими мѣстными правителями и господаремъ. Трудъ всѣхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кромѣ владѣнія господарскою землею, вознаграждался отдѣльными дачами денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба, соли, овса, сѣна и т. под. Такія же дачи получали и ихъ начальники.

Остается теперь разсмотрѣть, чѣмъ были, какія функціи выполняли *канцлеръ* великаго княжества Литовскаго, *подскарбій земскій* и *подскарбій дворный*, *гетманъ великій* и дворный, *или польный*.

Канцлеръ былъ правителемъ государственной канцеляріи великаго княжества, состоявшей при господарѣ и его радѣ. Подъ его началомъ состояли писари, секретари и ихъ помощники—дьяки, которые изготовляли всѣ письменные акты, выходившіе отъ господаря и пановъ рады, вписывали ихъ копіи въ особыя книги, а подлинники выдавали по принадлежности, равно также принимали всѣ письменные документы, поступавшіе къ господарю и панамъ раднымъ, и вписывали ихъ копіи въ книги. Эти акты и документы были чрезвычайно разнообразны: земскіе привилеи, выданные великому княжеству; областные привилеи; „уставы“, выработанныя на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою; „земскія ухвалы“ т. е. постановленія сеймовъ, утвержденныя господаремъ и разсылавшіяся въ копіяхъ по областямъ въ видѣ листовъ военныхъ, серебщинныхъ и т. под.; отвѣты господаря на петиціи, подававшіяся ему „станами“, т. е. сословіями, на сеймахъ; грамоты къ сосѣднимъ государямъ и правительствамъ; „науки“, или инструкціи посламъ и гонцамъ, отправлявшимся заграницу; привилеи городамъ на магдебургское право; „уставы“ волостямъ относительно ихъ повинностей; дипломы на должности и званія; жалованныя грамоты на имѣнья; арендные листы на мыта, коморы восковыя и соляныя, корчмы, „мынцу“, рыбныя озера и другія регаліи и доходныя статьи; „выроки“ господаря и пановъ-рады по судебнымъ дѣламъ; „мандаты“, т. е. судебныя повѣстки о явкѣ на первый и окончательный срокъ на судъ господаря и пановъ рады; листы „клейтовные“, гарантирующіе безопасность лицамъ, желающимъ очиститься судомъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій; листы „заповѣдные“, отсрочивающіе частнымъ лицамъ явку на судъ по уважительнымъ причинамъ; листы „желѣзные“, отсрочивающіе по уважительнымъ причинамъ расплату съ долгами; листы „заручные“, гарантирующіе имущественную и личную безопасность со стороны противника до суда и послѣ суда, подъ страхомъ уплаты за ея нарушеніе господарю извѣстнаго „заклада“; листы „закривальные“, освобождающіе отъ подсудности всѣмъ судьямъ, кромѣ господаря и т. д. При господарѣ, гдѣ бы онъ ни находился, всегда былъ писарь или секретарь, т. е. тотъ же писарь, но умѣвшій писать по латыни и по польски, который и писалъ документъ по его личному приказу или по приказу канцлера, или по приказу кого-либо изъ другихъ пановъ радныхъ, уполномоченнаго на то господаремъ, а иногда даже и всѣхъ пановъ, находившихся при совершеніи акта. Иногда писарь составлялъ документъ на основаніи того, что самъ слышалъ, присутствуя на засѣданіи рады. Изготовленный документъ скрѣплялся приложеніемъ печати или большой, „маестатной“, находившейся у канцлера, или „сыкгнетной“, находившейся всегда при господарѣ, и подписью писаря, изрѣдка канцлера. Грамоты, посылавшіяся въ другія государства, скрѣплялись подписью руки господарской; Сигизмундъ сталъ крѣпить своею подписью и другіе документы. Послѣ скрѣпы писарь вписывалъ копію

документа въ находившуюся при немъ книгу или же поручалъ это сдѣлать своему дьяку. Если при немъ не было книги, онъ пересылалъ всѣ изготовленные документы вмѣстѣ съ реестромъ ихъ въ канцелярію, гдѣ они и вписывались въ книги. Подлинные документы во всякомъ случаѣ сдавались писарями въ государственную канцелярію, откуда они уже и выдавались на руки просителямъ, при чемъ взыскивались съ нихъ канцелярскія пошлины.

Не только копіи исходящихъ документовъ, но и копіи всѣхъ входящихъ вписывались въ книги государственной канцеляріи, изъ которыхъ и составлялась такъ называемая *метрика* великаго княжества Литовскаго, т. е. государственный архивъ. Въ книги метрики вносились въ копіяхъ: грамоты, полученныя отъ сосѣднихъ государей; отписки украинныхъ воеводъ и старостъ по внѣшнимъ дѣламъ; инвентари, или описи господарскихъ дворовъ и замковъ, составленные на мѣстѣ по порученью господаря или пановъ рады; наконецъ, всѣ заявленія, которыя дѣлали господарю или панамъ-радѣ частныя лица согласно закону, о продажѣ своихъ имѣній, о дареніи, о завѣщаніи, о дѣлежѣ и другихъ имущественныхъ сдѣлкахъ, которыя черезъ это пріобрѣтали юридическую силу. Первоначально не было никакой сортировки при внесеніи документовъ въ книги метрики, и въ одну и ту же книгу вписывались въ перемежку и привилеи на имѣнья, и дипломатическіе документы, и судебныя рѣшенія господаря и пановъ-рады. Книга состояла не при столѣ, гдѣ сосредоточивалось то или другое дѣлопроизводство, а при писарѣ, который вписывалъ въ нее всѣ вышедшіе и поступившіе документы въ бытность его при господарѣ. Позже стали дѣлаться попытки группировать документы по ихъ роду. Такимъ образомъ стали составляться книги „справъ судовыхъ“, книги посольствъ, сеймовыхъ „ухвалъ“ и т. д. Но при всемъ томъ эта классификація не выдерживалась строго, и раздѣленіе на столы по роду дѣлъ, очевидно, не осуществилось.

Изъ приведенныхъ подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей русскихъ, латинскихъ, татарскихъ или арабскихъ и дьяковъ не была какимъ-либо особымъ органомъ центральнаго управленія, а состояла при господарѣ и радѣ, какъ вспомогательное, технически-исполнительное учрежденіе. Эта канцелярія была только канцеляріею и не чѣмъ инымъ, не походила, напр., на разрядъ, посольскій и помѣстный приказы Московскаго государства, которые, будучи отдѣленіями канцеляріи при государѣ и думѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и самостоятельную распорядительную и судебную власть по извѣстнымъ дѣламъ и надъ извѣстнымъ родомъ людей.

Такимъ же вспомогательнымъ, технически-исполнительнымъ учрежденіемъ, былъ въ разсматриваемое время и *скарбъ* великаго княжества Литовскаго съ *подскарбіемъ земскимъ* во главѣ и его помощниками—*скарбными*.

Необходимо прежде всего замѣтить, что скарбъ въ разсматриваемое время былъ соединенъ самыми тѣсными узами съ государственною канце-

ляріею великаго княжества: это были какъ бы два отдѣленія одного и того же учрежденія, состоявшаго при господарѣ и его радѣ. Скарбъ былъ только хранилищемъ разныхъ цѣнностей, которыя поступали въ распоряженіе господаря и его рады. Но письменное дѣлопроизводство по приходу и расходу государственныхъ суммъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, къ числу которыхъ съ 1509 года принадлежалъ обыкновенно и подскарбій земскій. За главнымъ же начальникомъ канцеляріи—канцлеромъ признавалась обязанность „доходовъ господарскихъ и земскихъ стеречи“. Для государственной же канцеляріи скарбъ былъ архивомъ, гдѣ хранились ея документы и книги, между прочимъ и земскіе привилеи великаго княжества. Скарбъ былъ также хранилищемъ „клейнотъ и оздобъ“ великаго княжества, т. е. великокняжескихъ регалій—шапки Гедимина, „ласки“ или скипетра, меча и хоругви земской. Наконецъ, скарбъ былъ и главнымъ арсеналомъ, въ которомъ хранилось огнестрѣльное оружіе и боевые припасы—„дела, гаковницы, салетра, свинецъ, аркебузы, формы для литья ядеръ, сѣра“ и т. д. Поэтому при скарбѣ состояли различные мастера, которые изготовляли для него слесарскія вещи и т. под.

Но главнымъ образомъ скарбъ былъ все таки государственнымъ казначействомъ, куда сдавались всѣ государственные доходы, не израсходованные на мѣстѣ. Кромѣ серебщины и равнозначительныхъ ей налоговъ, собиравшихся экстренно, большею частью на военныя нужды, въ скарбъ поступали разнообразныя таможенныя пошлины—мыта, перевозы и др., корчомные пенязи, судебныя пошлины—вины и пересуды, доходы съ господарскихъ доменъ: дань, чинши, пенязи осадные, деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба и разной живности, деньги, полученныя взамѣнъ натуральныхъ сборовъ съ господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ, отъ сдачи въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей, доходы отъ „мынцы“, т. е. чеканки монеты и т. д. Короче сказать въ скарбъ земскій шли всевозможные доходы, которые только получалъ литовско-русскій господарь на свои и государственныя надобности.

Состоявшій при скарбѣ подскарбій земскій не былъ министромъ финансовъ, а только государственнымъ казначеемъ. Его функціи состояли въ пріемѣ суммъ, въ выдачѣ ихъ по приказанью господаря и веденіи кассовой отчетности скарба. Подскарбій, выдавая деньги или вещи, выдавалъ лицу, доставившему ихъ росписку или „вызнанье“ въ полученіи, которое и служило для этого лица оправдательнымъ документомъ при сдачѣ отчета господарю или уполномоченнымъ отъ него лицамъ. Выдачи изъ скарба денегъ и вещей подскарбій производилъ „на устное росказанье“ господаря или пановъ рады, но чаще всего „на листы“ и „квитацеи“, т. е. ассигновки, выданныя получателямъ изъ канцеляріи великаго княжества. Реестръ сдѣланнымъ расходамъ вмѣстѣ съ „листами“ и „квитацеями“ подскарбій предъявлялъ господарю и панамъ-радѣ при сдачѣ „личбы“, т. е. подсчета суммъ. Кассовыя вѣдомости скарба велъ особый скарбный писарь, всегда находившійся при скарбѣ. Кромѣ писаря скарбнаго, при подскарбіи земскомъ состоялъ еще скарбный Троцкій, хранитель той кладовой скарба, которая находилась въ крѣпкомъ замкѣ Троцкомъ.

Итакъ, роль подскарбія земскаго была чисто пассивная, исполнительная. Онъ не управлялъ финансами государства. Всѣ распоряженія по этой части, назначеніе финансовыхъ агентовъ, надзоръ за ними принадлежали господарю и панамъ-радѣ. Уже не говоря о старостахъ, державцахъ, ключникахъ, городничихъ и тивунахъ, господарь назначалъ мытниковъ, которые собирали дань „къ вѣрной руцѣ; онъ же сдавалъ въ аренду мыта, корчмы, „мынцу“, „купы“ или „буды“ въ лѣсахъ, рыбныя озера и разныя другія хозяйственныя статьи, избиралъ агентовъ по продажѣ своихъ товаровъ, назначалъ тѣхъ агентовъ, на которыхъ возлагалась обязанность не только собирать, но и находить господарскіе „пожитки“, устанавливать ихъ вновь, въ родѣ, напр., писарей дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, Жмудской земли и Поднѣпрскихъ волостей. Всѣ эти агенты, назначаемые господаремъ при участіи пановъ рады, и подчинялись непосредственно господарю и панамъ-радѣ. Распоряженія о выдачѣ денегъ и другихъ цѣнностей они получали отъ господаря и пановъ-рады; господарю и панамъ-радѣ или особо назначеннымъ комиссіямъ они сдавали отчеты по сбору и расходу государственныхъ поступленій; господарю и панамъ радѣ всѣ эти лица были и подсудны по должностнымъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ. Въ управленіи финансами по существу въ разсматриваемое время больше значилъ канцлеръ, чѣмъ подскарбій земскій. Господарь поручалъ, напр., канцлеру пану Гаштольду устройство таможеннаго дѣла на Подляшьѣ, судъ надъ мытниками во взаимныхъ ихъ тяжбахъ или по жалобамъ на нихъ сторонніхъ лицъ и т. под. Подскарбій земскій вышелъ изъ своей незначительной роли и превратился въ министра финансовъ уже при Сигизмундѣ-Августѣ, въ связи съ общими финансовыми преобразованіями, произведенными при этомъ государѣ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Товарищемъ подскарбія земскаго былъ *подскарбій дворный*, въ вѣдѣніи котораго находилась домовая казна литовско-русскаго государя, его драгоцѣнности и деньги, шедшія на его личные расходы. Когда не было подскарбія земскаго, подскарбій дворный завѣдывалъ и земскимъ скарбомъ.

Министромъ не былъ въ разсматриваемое время и *гетманъ наивысшій* съ своимъ товарищемъ гетманомъ дворнымъ, или польнымъ. Военною частью такъ же, какъ и финансовою, въ разсматриваемое время завѣдывалъ непосредственно господарь съ панами-радою. Господарь и паны-рада заботились о комплектованіи арміи, обращаясь къ сейму въ особо важныхъ случаяхъ, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержаніе „служебныхъ“. По ихъ порученью разныя лица вербовали этихъ „служебныхъ“, т. е. наемныя войска. Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею „заслужонаго“ этимъ наемникамъ. Кромѣ того, господарь съ панами-радою раздавалъ земли на военную службу, переводилъ съ тяглой службы на военную или подтверждалъ распоряженія касательно этого, сдѣланныя мѣстными правителями. Отъ господаря и пановъ рады исходили распоряженія о мобилизаціи, о ремонтѣ укрѣпленій, о снабженіи ихъ боевыми и съѣстными припасами, о переписи имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправ-

наго отбыванія военной службы и т. д. Все письменное дѣлопроизводство по военной части велось чинами государственной канцеляріи, въ архивѣ которой—скарбѣ хранились и всѣ нужные документы. Что же касается гетмана, то роль его начиналась въ сборномъ пунктѣ, гдѣ подъ его команду становились ополченія земель и наемные отряды, продолжалась за тѣмъ на театрѣ войны и оканчивалась съ прекращеніемъ войны и роспускомъ войска. Въ сборномъ пунктѣ гетманъ производилъ всѣмъ смотръ и перепись, кто явился, съ какимъ почтомъ слугъ и на какихъ коняхъ. Этотъ гетманскій „реестръ" служилъ средствомъ провѣрять наличность служилыхъ людей и послѣ и отмѣчать тѣхъ, кто самовольно уѣхалъ со службы. На основаніи гетманскихъ отмѣтокъ и налагались наказанія господаремъ и панами-радою на всѣхъ тѣхъ, кто не явился на войну совсѣмъ, кто явился не съ надлежащимъ числомъ слугъ и снаряженьемъ или кто, наконецъ, самовольно уѣхалъ съ войны. Гетману предоставлялось право тѣхъ лицъ, которые оказывались больными на смотру или послѣ смотра, отпускать домой, оставляя слугъ ихъ въ войскѣ, а также разрѣшать замѣняться взрослыми сыновьями, если онъ пайдетъ ихъ годными къ службѣ. О всѣхъ, выказавшихъ особое рвеніе къ службѣ и храбрость, гетману представлялось писать къ господарю для ихъ награжденія. Какъ главному военачальнику, гетману во время похода давалась большая власть. Всѣ безъ различія званія: воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство шляхта должны были слушаться его такъ же, какъ самого господаря, все время, пока войско будетъ въ полѣ. Непослушныхъ и виновныхъ въ нарушеніи военной дисциплины онъ могъ карать смертью или „вязеньствомъ" согласно „уставѣ", которую давали ему господарь и паны-рада, снаряжая его въ походъ. Гетманъ судилъ всѣхъ лицъ, бывшихъ подъ его командою, по жалобамъ ихъ другъ на друга или по жалобамъ на нихъ мѣстныхъ жителей, при чемъ въ пользу его шли и судебныя пени. Кромѣ того, гетманъ собиралъ деньги отъ „пописа", съ каждаго коня извѣстную сумму. Въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана оставалась незамѣщенною, его замѣнялъ гетманъ дворный или польный.—Въ войскѣ при гетманѣ состоялъ *хоружій земскій* съ хоругвью земскою; его замѣнялъ по временамъ товарищъ его—*хоружій дворный*. Итакъ, гетманъ наивысшій былъ собственно фельдмаршаломъ, который пользовался властью только во время похода. Только позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, гетманъ сталъ болѣе, чѣмъ фельдмаршаломъ. Затянувшаяся Ливонская война потребовала отъ него дѣятельнаго участія въ комплектованіи арміи, въ снабженіи ея жизненными средствами, въ распоряженіи ея бюджетомъ, и гетманъ, оставаясь фельдмаршаломъ, въ то же время сталъ отправлять функціи и военнаго министра. Но фактъ этотъ опредѣлился уже незадолго до Люблинской уніи.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Литовскіе господари и центральные органы управленія до и послѣ Люблинской уніи (Юридическія Записки, издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ, вып. I. 1908).

XXX.

Господарская рада, ея составъ и правительственное значеніе въ XV и первой половинѣ XVI вѣка.

Правительственная дѣятельность господаря и пановъ-рады. Судовые и другіе сеймы пановъ-рады. Система коммиссій.—Составъ господарской рады и его образованіе. Наивысшая или тайная рада.—Порядокъ мѣстъ въ радѣ.—Рада, какъ органъ землевладѣльческой аристократіи, литовской по преимуществу.—Возвышеніе политическаго значенія рады при Казимирѣ.—Рада, какъ ограничивающее власть господаря учрежденіе по привилеямъ 1492 и 1506 и Статуту 1529 года.

Обозрѣніе функцій высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, состоявшихъ при Литовско-Русскомъ государѣ, приводитъ къ заключенію, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ не было въ сущности особыхъ органовъ центральнаго управленія помимо господаря и его рады. Господарь и паны-рада вершили всѣ текущія дѣла, возбуждавшіяся въ центрѣ или приливавшія въ центръ: издавали „уставы“, или отдѣльные законы, вели дипломатическія сношенія, принимали мѣры государственной обороны, разбирали судебныя дѣла лицъ, не судившихся въ повѣтахъ или отозвавшихся отъ мѣстныхъ судей, а также нѣкоторыя дѣла, изъятыя изъ юрисдикціи мѣстныхъ судей (напр., о шляхетской чести), вѣдали государственные приходы и расходы и монетное дѣло и издавали по этой части разнообразныя распоряженія, раздавали имѣнья на вѣчность, до живота, леннымъ правомъ и т. д.. Чтобы понять, какимъ образомъ господарь и рада управлялись со всѣми дѣлами, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что между господаремъ и его радою фактически осуществлялось нѣкоторое раздѣленіе труда. Господарь, проживая въ Польшѣ или въ Литвѣ, но внѣ столицы, издавалъ разныя распоряженія и разбиралъ судебныя дѣла вмѣстѣ съ тѣми панами, которые находились при немъ. Въ то же время паны радные, находившіеся въ Вильнѣ, съ своей стороны вершили рядъ текущихъ дѣлъ, принимали и отправляли пословъ и гонцовъ, разсылали разныя распоряженія относительно обороны государства и судили судъ по уполномочію господаря. Чтобы не было задержекъ въ отправленіи правосудія, было установлено (Статутомъ 1529 года), чтобы паны-рада съѣзжались ежегодно на сеймъ (въ 1532 году было установлено два такихъ съѣзда) и разбирали всѣ дѣла. Судъ этотъ имѣлъ значеніе суда самого господаря въ томъ смыслѣ, что на разсмотрѣніе его шли дѣла, которыя разбиралъ самъ господарь. Но при всемъ томъ отъ этого суда въ извѣстныхъ случаяхъ возможно было аппеллировать къ самому господарю. Кромѣ этого раздѣленія труда, въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства за недостаткомъ постоянныхъ органовъ въ широкихъ размѣрахъ практиковалась система коммиссій, частныхъ порученій. Такъ, для пріема денежныхъ отчетовъ отъ арендаторовъ и разныхъ сборщиковъ государственныхъ доходовъ назначались очень часто коммиссіи изъ пановъ радныхъ

и писарей. Судебныя дѣла господарь поручалъ разбирать своимъ *маршалкамъ*. Для разсмотрѣнія земельныхъ тяжбъ и исковъ о бояхъ, гвалтахъ, наѣздкахъ, грабежахъ и татьбахъ, требовавшихъ производства слѣдствія на мѣстѣ, опроса множества свидѣтелей, великій князь посылалъ *судей-коммиссаровъ* съ полномочіемъ произвести слѣдствіе и постановить рѣшеніе. Иногда тяжущіеся сами брали у господаря такихъ судей полюбовно, каждый съ своей стороны, и эти *полюбовные судьи* разбирали дѣло такъ же, какъ и судьи, посланные господаремъ или отъ него „высажоные". Иногда, когда накоплялось особенно много дѣлъ, господарь назначалъ особыя коммиссіи изъ пановъ радныхъ для ихъ разсмотрѣнія. Такъ бывало обыкновенно на сеймахъ, когда судебныхъ дѣлъ накоплялось особенно много.

Въ обычное время господарскую раду составляли тѣ члены ея, которые въ данное время находились при господарѣ, чаще всего—бискупъ Виленскій, воевода и панъ (каштелянъ) Виленскій, воевода и панъ Троцкій, староста Жмудскій, маршалки земскій и дворный и подскарбій земскій, которые пребывали либо въ Вильнѣ, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и потому легче и скорѣе другихъ могли быть въ сборѣ. Но въ особо важныхъ случаяхъ, когда обсуждались, напр., дѣла внѣшней политики или законодательства, господарская рада собиралась въ болѣе или менѣе полномъ составѣ. Такія собранія назывались *соймами* пановъ-рады.

Кто же входилъ въ составъ господарской-рады, игравшей столь важную роль въ управленіи Литовско-Русскимъ государствомъ, и какія отношенія были между господаремъ и этимъ его совѣтомъ.

Составъ господарской рады слагался постепенно. Предшественница ея—великокняжеская дума XIV вѣка не была опредѣленнымъ учрежденіемъ и не представляла изъ себя какой-либо опредѣленной корпораціи. Это былъ совѣтъ, составлявшійся при великомъ князѣ, такъ сказать, нарочито изъ разныхъ лицъ, кого онъ считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть около себя въ данное время. Такимъ образомъ, напр., въ совѣтѣ Гедимина въ 1324 году постоянно засѣдалъ доминиканецъ Николай, а годъ тому назадъ Виленскіе миноріты, которые въ 1324 году уже не пользовались этою честью. Сынъ Гедимина Ольгердъ и внукъ Ягайло совѣтовались съ своими родичами, областными князьями, какіе при нихъ въ данное время находились, или какихъ они считали нужнымъ пригласить. По временамъ они приглашали въ свой совѣтъ и своихъ бояръ, которые были ихъ сотрудниками по управленію ихъ собственнымъ Виленскимъ княжествомъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждались и рѣшались дѣла этого княжества, а равно также и вліятельныхъ Виленскихъ мѣщанъ. Съ утвержденіемъ Витовта на великомъ княжествѣ и послѣ погрома, постигшаго областныхъ князей, великокняжеская дума, или рада, стала составляться преимущественно изъ знатныхъ литовскихъ бояръ. Эти бояре играли главную роль въ возведеніи Витовта на великое княженіе и въ дальнѣйшемъ сдѣлались его главною опорою и поддержкою. Въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя они заступили мѣсто прежнихъ областныхъ князей; ими стали замѣщать нѣкоторыя высокія должности, созданныя по примѣру

Польши,—воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ и т. д. Всѣ эти бояре, сдѣлавшіе Витовта великимъ княземъ и сами сдѣлавшіеся его сотрудниками по управленію великимъ княжествомъ, естественно сдѣлались обычными и частыми его совѣтниками. Поэтому и именемъ пановъ радныхъ стали обозначаться воеводы Виленскій и Троцкій, каштеляны Виленскій и Троцкій, староста Жмудскій, различные намѣстники областей, маршалокъ земскій и дворный, маршалки господарскіе и разныя другія должностныя лица. Въ составъ рады вошли и католическіе бискупы. Но весь этотъ кругъ лицъ, изъ которыхъ составлялся совѣтъ Витовта, пока еще не былъ очерченъ точно и замкнутъ. По временамъ въ этотъ совѣтъ входили и разныя другія лица, обычно въ немъ не участвовавшія, которыхъ великій князь считалъ нужнымъ или возможнымъ имѣть при себѣ при совершеніи того или другого правительственнаго акта,—писари, секретари, дворяне изъ польскихъ шляхтичей и т. под. Въ то время роль великокняжескаго совѣтника не отдѣлялась еще рѣзко отъ роли простого свидѣтеля при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Самый актъ исходилъ собственно отъ великаго князя, который былъ его творцомъ и выдавалъ его даже и единолично, безъ совѣщанія съ радою. Это сліяніе роли совѣтника съ ролью простого свидѣтеля, продолжавшееся долгое время и послѣ Витовта, нашло себѣ выраженіе и въ языкѣ актовъ, которые заканчиваются нерѣдко стереотипною фразою: „А при томъ были свѣдоки паны-рада наша“. Но если совѣтъ великаго князя игралъ нерѣдко такую, чисто пассивную роль, то естественно, что и доступъ въ него былъ довольно широкій и открытый. До роли „свѣдоковъ“ легко допускались и такія лица, которыя не занимали какихъ либо должностей, дававшихъ основаніе быть совѣтниками великаго князя. Въ отношеніи доступа въ великокняжескій совѣтъ было установлено одно только ограниченіе по Городельскому привилею 1413 года: въ совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ должны допускаться только католики, на томъ основаніи, что разница вѣръ порождаетъ иногда разномысліе и во всемъ остальномъ, и иновѣрцы не держатъ государственныхъ тайнъ. Но и это ограниченіе, повидимому, не касалось православныхъ князей правящей династіи, которыхъ видимъ въ совѣтѣ Витовта послѣ 1413 года. Но хотя при Витовтѣ великокняжескій совѣтъ не представлялъ еще установившейся корпораціи, тѣмъ не менѣе уже при этомъ государѣ за нѣкоторыми должностными лицами утверждалось значеніе совѣтниковъ, такъ сказать постоянныхъ членовъ рады (consiliarii). Таковы были упоминавшіеся выше воеводы и каштеляны Виленскій и Троцкій, староста Жмудскій, маршалки земскій и дворный, намѣстники, замѣнившіе областныхъ князей, и уцѣлѣвшіе еще значительные князья, католическіе бискупы. Значитъ, если корпорація не сложилась окончательно, не замкнулась, то во всякомъ случаѣ при Витовтѣ намѣтился извѣстный персоналъ государевыхъ совѣтниковъ по должности и званію, завязалось ядро господарской рады, какъ опредѣленнаго учрежденія.

Положеніе вещей, сложившееся при Витовтѣ, продолжалось и при его ближайшихъ преемникахъ—Свидригайлѣ, Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ

и Казимирѣ. Въ это время возросло количество земскихъ и дворныхъ урядовъ по польскому образцу. Появились канцлеръ, подскарбіе земскій и дворный, подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, конюшій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ; увеличилось число господарскихъ маршалковъ. Всѣ эти должностныя лица стали также приглашаться на совѣтъ великаго князя, сдѣлались панами радными. По временамъ въ радѣ великаго князя бывали, какъ и раньше, князья и паны, не носившіе перечисленныхъ выше званій. Но большинство всегда состояло изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ. Въ концѣ концовъ они и составили постоянный контингентъ рады, стали панами радными въ собственномъ смыслѣ.

Составъ господарской рады опредѣлился окончательно уже при сыновьяхъ Казимира—Александрѣ и Сигизмундѣ I, когда къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ присоединились еще *гетманы* наивысшій *и дворный*. Составъ этотъ оказался очень большимъ, вслѣдствіе чего въ немъ съ теченіемъ времени выдѣлилась *наивысшая, или тайная рада*, сенатъ въ собственномъ смыслѣ, состоявшій изъ католическихъ бискуповъ, воеводъ, каштеляновъ, старостъ Жмудскаго и Луцкаго, маршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго. Съ этими старшими панами радными господарь сталъ обсуждать и рѣшать наиболѣе важныя дѣла, требовавшія сохраненія тайны, res secretiores. Но при рѣшеніи будничныхъ, текущихъ дѣлъ присутствовали сплошь и рядомъ и остальные паны радные, маршалки господарскіе и другіе дворные урядники. Въ болѣе или менѣе полномъ составѣ рада собиралась обыкновенно въ тѣ моменты, когда созывались вальные соймы.

Паны радные, разсаживались въ „лавицѣ“ рады господарской въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣлявшемся важностью занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ званій. Въ этомъ отношеніи съ теченіемъ времени выработался извѣстный обычай, отъ котораго отступленія дѣлались въ исключительныхъ только случаяхъ. Такимъ образомъ, первыя мѣста занимали бискупъ Виленскій, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе и староста Жмудскій. Это была „передняя“ лавица, или „передняя рада“. Тутъ были представители коренной Литвы. На второй лавицѣ сидѣли остальные католическіе бискупы—Луцкій и Берестейскій, Мѣдницкій (Жмудскій) и Кіевскій, воевода Кіевскій, староста Луцкій, воеводы Смоленскій и Полоцкій, староста Городенскій, воеводы Новгородскій, Витебскій и Подляшскій. Такой порядокъ мѣстъ открывается частью изъ прямыхъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ источниковъ, частью изъ обычнаго перечисленія пановъ радныхъ въ актахъ, частью изъ самаго движенія ихъ по службѣ. Что касается маршалковъ земскаго и дворнаго и гетмановъ наивысшаго и дворнаго, то они сидѣли большею частью по другимъ своимъ званіямъ, ибо на должности эти назначались обыкновенно лица, носившія званія воеводъ, каштеляновъ или старостъ. Маршалки господарскіе сидѣли въ господарской радѣ ниже всѣхъ только что перечисленныхъ урядъ-

никовъ, при чемъ мѣсто каждаго маршалка опредѣлялось уже степенью его знатности и личныхъ заслугъ. Въ среду маршалковъ, а иногда и выше ея вдвигались дворные урядники, какъ подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій и ловчій. Между дворными урядниками наблюдалась также извѣстная іерархія: подчашій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистра, кухмистръ выше стольника, и т. д..

Большая часть этихъ сановниковъ, становившихся по своему званію членами рады господарской, при Казимирѣ и его сыновьяхъ, какъ и раньше, выходила изъ рядовъ литовской землевладѣльческой аристократіи. Число фамилій завѣдомо русскаго происхожденія, посылавшихъ своихъ представителей въ раду господарскую, было не велико. Таковы были Ходкевичи изъ Кіевскихъ бояръ и родственная имъ фамилія Воловичей; Ильиничи, Глѣбовичи и родственная имъ фамилія Вяжевичей изъ Витебской земли; Сопеги, происходившіе по всѣмъ даннымъ изъ бояръ Смоленской земли; Кирдѣевичи изъ Волынской земли; князья Друцкіе, Острожскіе и Глинскіе. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Казимиръ и его сыновья подобно своимъ предшественникамъ набирали свою раду преимущественно изъ литовскихъ князей и пановъ? Нельзя объяснять это, какъ дѣлалось это прежде, дѣйствіемъ Городельскаго привилея 1413 года, преграждавшаго схизматикамъ доступъ въ господарскую раду. Какъ показываетъ практика королей Казимира, Александра и Сигизмунда, они не придерживались строго предписаній этого привилея, ибо со времени Флорентійской уніи и православные русскіе люди великаго княжества не считались уже всегда и рѣшительно схизматиками. Преобладаніе въ господарской радѣ князей и пановъ литовскаго происхожденія объясняется тѣмъ, что и въ разсматриваемое время они составляли самую значительную общественную силу въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Мы видѣли уже, какими крупными величинами они были въ обществѣ, среди окружавшей ихъ землевладѣльческой мелкоты. По переписи 1528 года княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ выходили паны радные, выставляли въ общей сложности 7190 коней, на 21 коня больше, чѣмъ всѣ остальные князья, „значнѣйшая шляхта“ и рядовое боярство изъ собственной литовской земли и примыкавшей къ ней Руси, т. е. воеводства Виленскаго и Троцкаго, и на 2023 человѣка болѣе, чѣмъ всѣ остальныя земли, взятыя вмѣстѣ, за исключеніемъ Кіевской, реестръ которой до насъ не дошелъ. Естественно, что на этихъ сильныхъ людей преимущественно и старался опираться Литовско-Русскій господарь и потому привлекалъ ихъ на должности и въ свою раду.

Общественнымъ положеніемъ фамилій, изъ которыхъ набиралась господарская рада, объясняется и то значеніе, которое она пріобрѣла съ теченіемъ времени въ своихъ отношеніяхъ къ господарю. Состоя изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, въ рукахъ которыхъ находилась большая военная сила и денежныя средства, а также и государственная власть надъ многочисленнымъ населеніемъ ихъ имѣній, господарская рада съ самаго образованія своего носила въ себѣ тенденцію стать болѣе, чѣмъ простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при господарѣ.

Эта тенденція при благопріятныхъ обстоятельствахъ и привела къ превращенію рады въ учрежденіе, раздѣлявшее съ господаремъ высшую власть и формально его ограничивавшее.

Въ XIV и первой половинѣ XV вѣка великокняжеская рада была de jure и de facto совѣтомъ, къ содѣйствію котораго великій князь обращался, когда чувствовалъ въ этомъ нужду, при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія. При Казимирѣ значеніе господарской рады увеличилось. При частыхъ отсутствіяхъ его изъ великаго княжества рада по необходимости становилась и выступала въ роли высшаго правительства страны. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году паны-рада, а не самъ Казиміръ, увѣдомляли начальство Прусскаго ордена о томъ, что по случаю морового повѣтрія не можетъ состояться съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія мира между великимъ княжествомъ и орденомъ. И самъ Казиміръ сталъ признавать за своею радою вышеуказанное значеніе. Выданный имъ въ 1468 г. судебникъ предписывалъ подавать жалобы на тѣхъ, кто будетъ самовольно захватывать земли и наѣзжать на имѣнья непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе панамъ-радѣ, которые должны разслѣдовать дѣло по существу и посадить виновнаго „у казнь“ до прибытія господаря, когда долженъ рѣшиться окончательно вопросъ о наказаніи. Паны-рада при Казимирѣ стали признаваться высшимъ правительствомъ страны въ отсутствіе господаря и заграницею. Заключая договоръ съ Казимиромъ въ 1470 г., новгородцы между прочимъ выговорили, чтобы въ томъ случаѣ, когда на нихъ нападетъ непріятель въ отсутствіе Казимира, помощь имъ оказывала рада литовская. Рада литовская была въ глазахъ новгородцевъ отдѣльною отъ господаря политическою силою, вслѣдствіе чего они заставляли Казимира цѣловать имъ крестъ не только за себя лично, но и за всю раду Литовскую. Можно сказать, такимъ образомъ, что господарская рада при Казимирѣ стала не только личнымъ великокняжескимъ, но и *государственнымъ совѣтомъ великаго княжества*. Этотъ совѣтъ въ своей самостоятельности пошелъ даже далѣе простого замѣстительства господаря въ его отсутствіе и принялъ на себя попеченіе объ интересахъ государства и защиту ихъ отъ возможнаго нарушенія со стороны самого господаря, бывшаго одновременно и Литовскимъ великимъ княземъ, и королемъ Польскимъ. Въ такой роли рада выступала во время продолжительнаго конфликта съ Польшею, когда Казиміръ не прочь былъ иногда становиться на сторону поляковъ. Въ эти минуты цѣлостность и самостоятельность великаго княжества ограждались энергіею и патріотизмомъ пановъ-рады великаго княжества. Такимъ образомъ, личная унія, фактически установившаяся между Польшею и Литвою при Казимирѣ, поставила на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества господарскую раду преимущественно и тѣмъ способствовала ея эмансипаціи отъ господаря, пріобрѣтенію ею извѣстной самостоятельности и независимости.

По смерти Казимира въ 1492 году эта фактическая личная унія порвалась, и Литва получила для себя особаго, отдѣльнаго отъ Польши

государя въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условіи господарской радѣ предстояло вернуться къ своей первоначальной роли совѣщательнаго учрежденія при господарѣ. Но паны-рада, набиравшіеся изъ крупной землевладѣльческой знати князей и пановъ, за время великокняженія Казимира привыкли чувствовать себя и сознавать „властелями“ великаго княжества, его хозяевами и защитниками, и потому не могли помириться съ тою подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княженіе, они воспользовались случаемъ для того, чтобы оградить юридически пріобрѣтенное ими политическое значеніе и ограничить формально власть великаго князя въ свою пользу. По ихъ настоянію в. кн. Александръ не только подтвердилъ обывателямъ великаго княжества права и вольности, дарованныя его предшественниками, но и отъ „своей щедрости“, какъ выражается его грамота, придалъ имъ рядъ новыхъ милостей. Онъ обязался вести дипломатическія сношенія съ другими государствами не иначе, какъ по совѣту съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дѣлахъ внутренняго управленія в. кн. Александръ обязался не измѣнять ничего, что уже было рѣшено вмѣстѣ съ панами-радою; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи государственныхъ дѣлъ, не держать на нихъ за то гнѣва и выполнять то, что они посовѣтуютъ для его и государственнаго блага. Затѣмъ великій князь обязался не отнимать ни у кого урядовъ безъ вины и безъ совѣта съ панами-радою, раздавать державы намѣстникамъ и тивунамъ по представленію воеводъ, а въ украинныхъ областяхъ по совѣту съ панами-радою; всѣ доходы съ мытъ, корчомъ, судныхъ штрафовъ, или винъ, отлагать въ своемъ скарбѣ и расходовать ихъ не иначе, какъ по соглашенію съ панами-радою. Паны-рада, такимъ образомъ, брали въ свое вѣдѣніе и финансы государства. Наконецъ, привилеемъ 1492 г. обезпечивалось и участіе пановъ-рады въ судѣ господаря. Великій князь обязался всѣ важнѣйшія дѣла (causas graviores) рѣшать съ панами-радою.

Всѣ эти права признаны были за литовскимъ панствомъ и в. княземъ Сигизмундомъ, который при избраніи своемъ на великое княженіе подтвердилъ всѣ права и вольности духовныхъ и свѣтскихъ „становъ“ в. княжества. Выданный имъ въ 1506 г. подтвердительный привилей еще яснѣе и категоричнѣе установилъ непремѣнное участіе пановъ-рады въ высшемъ управленіи Литовско-Русскаго государства, въ законодательствѣ, администраціи и въ судѣ. Земскій привилей 1492 года устанавливалъ только, что рѣшенія господаря съ панами-радою имѣютъ силу законовъ, обязательныхъ для самого господаря, который не властенъ измѣнять ихъ иначе, какъ по совѣту съ панами-радою. Но онъ не говорилъ прямо, что господарь долженъ всѣ важнѣйшія рѣшенія принимать по совѣту съ панами-радою. Привилей 1506 г. устранилъ всякое недоразумѣніе въ данномъ случаѣ: на основаніи его всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленныя ко благу государства, должны издаваться не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи съ панами радою, съ ихъ вѣдома, совѣта и согласія.

Позже, въ статутѣ 1529 года Сигизмундъ, сверхъ всѣхъ этихъ обязательствъ, далъ еще новое—выдавать привилеи на вѣчное владѣніе только въ бытность свою на вальномъ сеймѣ съ панами-радою.

Такъ ограничена была власть Литовско-Русскаго государя въ политическомъ отношеніи. Это ограниченіе было дальнѣйшимъ развитіемъ того конституціонализма, основаніе которому положили земскіе привилеи первой половины XV вѣка. Привилеи 1413, 1434 и 1447 года установили извѣстные законные предѣлы для великокняжеской власти въ отношеніи къ личности, имуществу, государственнымъ повинностямъ и власти надъ зависимыми людьми духовенства, князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ великаго княжества. Но во всемъ остальномъ великокняжеская власть пока еще не ограничивалась формально. Однако, естественный ходъ вещей рано или поздно долженъ былъ привести къ формальному ограниченію великокняжеской власти и въ сферѣ политики въ собственномъ смыслѣ слова. Этотъ ходъ вещей вытекалъ изъ основныхъ условій, въ которыя поставлено было внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства, т. е. изъ существованія многочисленной и сильной землевладѣльческой аристократіи, избирательности великокняжеской власти и тѣснаго политическаго общенія съ конституціонною Польшею.

Развитіе и расцвѣтъ политическаго значенія господарской рады совпадаютъ по времени съ зарожденіемъ и первоначальною организаціею того учрежденія, которое съ теченіемъ времени стало надъ господарскою радою, *т. е. великаго вальнаго сойма.* Это учрежденіе вызвано было къ жизни борьбою, которую правящей литовской аристократіи пришлось вести противъ настойчивыхъ поползновеній Польши на государственную самостоятельность великаго княжества, выращено было затѣмъ тою продолжительною борьбою, которую великому княжеству Литовскому пришлось вести за свое существованіе съ Москвою и татарами.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1903, № 2 и 4); *М. В. Довнаръ-Запольскій*, Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма. Спб. 1901. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1901, № 10); *І. Малиновскій*, Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ Боярскою Думою древней Россіи, ч. 2, выпускъ І. Томскъ 1904; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Рада великихъ князей литовскихъ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1907, № 9, 10); *М. Любавскій*, Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909).

XXXI.

Литовско-польскія отношенія при Казимирѣ и его сыновьяхъ; утвержденіе великаго вальнаго сейма.

Споръ о Волыни и Подольѣ и о формѣ уніи между Польшею и Литвою при Казимирѣ; фактическая личная унія.—Разрывъ этой уніи съ избраніемъ на великое княженіе Александра.—Возобновленіе Городельской уніи въ 1499 году.—Избраніе Александра королемъ Польскимъ и договоръ 1501 года о сліяніи Польши и Литвы въ одно государство.—Отказъ литовцевъ и русскихъ отъ принятія этого договора.—Избраніе Сигизмунда великимъ княземъ помимо поляковъ.—Возстановленіе личной уніи съ Польшею съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ.—Безуспѣшныя попытки поляковъ возобновить унію 1501 года.—Вліяніе литовско-польскихъ отношеній на внутреннюю жизнь Литовско-Русскаго государства; утвержденіе великаго вальнаго сейма.

Съ избраніемъ Казимира на великое княженіе Литовское вопреки желанію поляковъ и вопреки договору 1432 года порвалась унія Литовско-Русскаго государста съ Польшею. Этотъ разрывъ не прекратился и съ избраніемъ Казимира въ короли Польскіе. Правда, что въ грамотѣ Казимира, содержащей изъявленіе согласія на принятіе короны и обязательство явиться на коронацію, говорилось, что онъ соединилъ оба государства въ братскій союзъ (in unionem fraternam), желая править ими обоими и защищать ихъ отъ нападеній враговъ. Но здѣсь констатировался, такимъ образомъ, только фактъ естественнаго союза двухъ государствъ, находящихся подъ однимъ государемъ, независимо отъ какихъ либо опредѣленныхъ условій и обязательствъ съ той и съ другой стороны. Эти условія и обязательства предстояло еще опредѣлить. Обстоятельства настойчиво требовали этого опредѣленія. Дѣло въ томъ, что поляки и литовцы діаметрально разошлись въ своихъ требованіяхъ къ новому государю, и Казимиру стала угрожать перспектива сѣсть не на двухъ престолахъ заразъ, а между ними. Литовцы согласились на принятіе польской короны Казимиромъ только на томъ условіи, если онъ оставитъ великое княжество въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно было при Витовтѣ, и не будетъ отрывать отъ него Волыни и Подолья. Поляки съ своей стороны захотѣли взять съ Казимира обязательство не отрывать отъ Польши земель Луцкихъ, Русскихъ и Подольскихъ. Вслѣдствіе этого Казимиръ на первомъ же вальномъ сеймѣ, собравшемся въ Петрковѣ послѣ его коронаціи, отказался подтвердить права и вольности поляковъ, прежде чѣмъ они не придутъ къ соглашенію съ литовцами и не выяснятъ окончательно взаимныхъ отношеній.

Съ этою цѣлью лѣтомъ 1448 года поляки и литовцы съѣхались на сеймъ въ Люблинѣ. Въ переговорахъ, происходившихъ на этомъ сеймѣ, ярко выступило различіе стремленій литовцевъ и поляковъ. Литовцы желали установить между обоими государствами ту самую „братскую унію“, о которой говорили записи Казимира, данныя полякамъ до коронаціи, другими словами—постоянный оборонительно-наступательный союзъ съ сохраненіемъ политической индивидуальности каждаго государства. Они прямо заявили

полякамъ, что считаютъ себя обиженными тѣми выраженіями предшествующихъ актовъ уніи, гдѣ говорится объ инкорпораціи Литвы въ Польшу, т. е. incorporamus, adjungimus, appropriamus etc., и потребовали исключенія этихъ выраженій изъ текста договора объ уніи: этими де выраженіями они какъ будто бы отдаются въ подданство полякамъ, а не соединяются съ ними въ братскій союзъ, какъ равные съ равными. Вмѣстѣ съ тѣмъ литовцы потребовали возвращенія къ великому княжеству той части Подолья (западнаго) и Волыни (замковъ Олеска, Ветелъ, Лопатина и Городна), которыми завладѣли Поляки въ смутное время, наступившее по смерти Витовта. Поляки, выставляя на видъ литовцамъ неосновательность ихъ требованій съ юридической и исторической точекъ зрѣнія, предложили имъ одинъ вѣрный способъ для устраненія всякихъ споровъ и недоразумѣній между ними: пусть оба государства сольются въ одно, въ королевство Польское, пусть уничтожится самый титулъ великаго княжества, и литовскія области станутъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и земли Краковская, Сандомирская, Сѣрадзьская и т. д., т. е. воеводствами Польши; пусть литовцы возьмутъ себѣ тѣ же права и вольности, что и поляки, сдѣлаются подданными единаго государства, и тогда имъ не о чемъ будетъ спорить, не изъ-за чего ссориться. Способъ дѣйствительно былъ вѣрный, но онъ не понравился литовцамъ, которые заявили, что для нихъ будетъ позоромъ, потерею славы и имени, уничтоженіе титула великаго княжества и полное сліяніе его съ Польшею. Поляки возражали, что это сліяніе уже установлено въ договорахъ уніи Ягайла и Витовта, и измѣнять что либо въ этихъ договорахъ, скрѣпленныхъ согласіемъ предковъ, людей мудрыхъ, не годится, ибо въ противномъ случаѣ никакіе договоры не будутъ крѣпко стоять и соблюдаться и т. д. Но эти доводы не подѣйствовали на литовцевъ, и переговоры въ Люблинѣ не привели ни къ какимъ результатамъ.

Переговоры возобновились послѣ этого только два года спустя, въ 1451 году, въ Парчовѣ, куда съѣхались по 12 уполномоченныхъ съ той и другой стороны. На этотъ разъ литовцы уже прямо потребовали кассаціи прежнихъ договоровъ объ уніи, которые ихъ предшественники подтверждали, не зная объ ихъ содержаніи, по одному только приказу великаго князя, и замѣны ихъ новымъ актомъ, изъ котораго должны быть исключены такія выраженія какъ jugo servitutis obnoxios, incorporamus, invisceramus, appropriamus et unimus terras Lithwaniae et Russiae Regno Poloniae, и который утверждалъ бы не инкорпорацію или подчиненіе Литвы, а союзъ ея съ Польшею; кромѣ того, повторили свое прежнее требованіе относительно Волыни и Подолья. Отъ имени поляковъ отвѣчалъ литовцамъ Збигнѣвъ Олесницкій. Онъ указалъ на то, что литовцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ настоящихъ делегатовъ (бискупъ Виленскій Матвѣй) не разъ подтверждали договоры объ уніи и потому не могли не знать ихъ содержанія; указалъ далѣе и на то, что поляки владѣли Волынью и Подольемъ, отбивъ ихъ у татаръ, въ то самое время, когда о литовцахъ въ этихъ странахъ не было и слуха, и въ концѣ концовъ сослался на недавній договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, въ силу котораго эти земли по смерти его

должны перейти къ Польшѣ, и который подтвержденъ былъ также согласіемъ литовскихъ пановъ, въ томъ числѣ и самихъ делегатовъ. Но всѣ эти выводы не убѣдили литовскихъ уполномоченныхъ, и они уѣхали изъ Парчова, не придя ни къ какому соглашенію съ поляками.

Въ такомъ же родѣ шли переговоры и на послѣдующихъ съѣздахъ поляковъ и литовцевъ и не только не приводили къ соглашенію, но даже грозили кончиться вооруженнымъ столкновеніемъ поляковъ и литовцевъ. Когда Польша втянулась въ трудную и продолжительную борьбу съ Орденомъ, Литовцы настойчиво стали требовать Волыни и Подолья и грозить полякамъ войною. Самому Казимиру стала угрожать опасность лишиться великаго княженія на Литвѣ. Среди литовскихъ князей и пановъ образовалась сильная партія противниковъ Казимира, во главѣ которой стали воевода Виленскій Янъ Гаштольдъ и кн. Юрій Семеновичъ Гольшанскій. Эта партія рѣшила совершенно разорвать съ поляками и для этого возвести на великое княженіе Кіевскаго князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. Въ этомъ направленіи партія развила агитацію среди литовцевъ, результатомъ которой было обращеніе литовцевъ къ Казимиру на сеймѣ 1461 года съ требованіемъ, что бы онъ или самъ постоянно пребывалъ на Литвѣ, или отдалъ бы великое княженіе Семену Олельковичу. Казимиру удалось кое-какъ дотянуть до окончанія войны съ Пруссіею. Послѣ того, какъ поляки развязались съ этою войною, всецѣло поглощавшею ихъ силы, литовцы естественно должны были сдѣлаться скромнѣе въ своемъ поведеніи и понизить свой тонъ въ отношеніи къ полякамъ. Кромѣ того, пропаганда церковной уніи, начавшаяся съ 1458 года, съ назначеніемъ митрополитомъ Кіевскимъ Григорія Болгарина, принявшаго Флорентійскую унію, испортила отношенія между католическою Литвою и православною Русью въ великомъ княжествѣ и снова возбудила между ними улегшуюся было національно-политическую вражду. До сихъ поръ Литва смѣло выступала противъ поляковъ между прочимъ и потому, что имѣла за собою всю свою Русь. Наглядным выраженіемъ добрыхъ отношеній, установившихся между ними, служитъ участіе русскихъ людей въ созываемыхъ тогда государственныхъ совѣщаніяхъ. Такъ, на сеймѣ 1446 года, гдѣ рѣшался вопросъ о принятіи Казимиромъ польской короны, присутствовали князья и паны не только польскіе, но и русскіе. На общемъ сеймѣ съ поляками въ Люблинѣ въ 1448 году, кромѣ литовскихъ пановъ и шляхты, были и нѣкоторые русскіе князья, напр., кн. Василій Красный (изъ Друцкихъ) и князь Острожскій. Въ 1451 году для рѣшенія вопроса о Волыни и Подольѣ собирался общій сеймъ всѣхъ земель великаго княжества и т. д. Но съ начала шестидесятыхъ годовъ снова возгорѣлась національно-религіозная вражда между русскими и литовцами. Эта вражда, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства самого Казимира, связала руки Литвѣ въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Когда литовцы послѣ покоренія Новгорода великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 году, хотѣли взяться за оружіе и воевать съ Москвою, Казимиръ, по разсказу Длугоша, сталъ уговаривать ихъ, что бы они не начинали войны, не обезпечивши себя предварительно польскою помощью,

и не полагались на русскихъ людей, которые, какъ вѣдомо имъ самимъ, не благоволятъ къ нимъ по причинѣ различія вѣроисповѣданій. При такихъ условіяхъ никакія крайности въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ полякамъ стали уже невозможными для литовцевъ. Они перестали поднимать вопросы о Подольѣ и Волыни и ограничивались только тѣмъ, что по временамъ обращались на своихъ сеймахъ къ Казимиру съ просьбою дать имъ кого либо изъ сыновей въ великіе князья. Съ своей стороны и поляки перестали выступать рѣзко и настойчиво съ своими требованіями возобновленія прежнихъ договоровъ объ уніи и присоединенія Волыни и Подолья къ коронѣ. По окончаніи Прусской войны вниманіе и силы поляковъ были отвлечены отъ Литвы широкою династическою политикою короля Казимира, силившагося посадить своихъ сыновей на престолахъ Чехіи и Венгріи. При такихъ обстоятельствахъ Польша и Литва до самой смерти Казимира держались установившихся отношеній, не заключали договора объ уніи и не рѣшали вопроса о Волыни и Подольѣ.

Какъ только умеръ Казимиръ, литовцы поспѣшили воспользоваться благопріятнымъ случаямъ для осуществленія своего завѣтнаго желанія— имѣть отдѣльнаго отъ Польши государя. Казимиръ умеръ въ великомъ княжествѣ, въ Городнѣ. При немъ находился сынъ его Александръ. Паны-рада великаго княжества Литовскаго упросили его не сопровождать тѣла отца въ Польшу, мотивируя свои настоянія опасеніемъ, что враги нападутъ на великое княжество, оставшееся безъ главы. Въ этой мотивировкѣ была доля правды, ибо отношенія къ Москвѣ и Крыму въ послѣдніе годы великокняженія Казимира дѣйствительно были въ высшей степени натянутыя. Но главнымъ побужденіемъ, заставившимъ литовскую раду удерживать королевича Александра въ Литвѣ, было несомнѣнно желаніе возвести его на великое княженіе. Паны рада, впрочемъ, не рѣшились самолично предпринять такой шагъ, который грозилъ полнымъ разрывомъ съ Польшею, въ высшей степени опаснымъ при тогдашнемъ международномъ положеніи великаго княжества. Кромѣ того, можно было опасаться внутреннихъ замѣшательствъ вслѣдствіе того, что въ государствѣ существовала многочисленная партія князей и бояръ, которые хотѣли видѣть на великокняжескомъ столѣ кн. Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкаго. Поэтому паны рада рѣшились произвести избраніе Александра на великомъ вальномъ сеймѣ всѣхъ земель великаго княжества.

Уже изъ Городна они разослали грамоты по всѣмъ областямъ съ извѣщеніемъ о смерти Казимира и съ приглашеніемъ къ „старшимъ“ изъ всѣхъ земель явиться на сеймъ къ 20 іюля для избранія новаго господаря. Въ этихъ грамотахъ они напоминали князьямъ, панамъ и земянамъ, или боярамъ, что они всегда прежде были заедино съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, и выражали увѣренность, что и на этотъ разъ они не отступятъ отъ него и сообща съ нимъ выберутъ одного изъ сыновей покойнаго короля. Въ такомъ же духѣ разосланы были грамоты и отъ имени королевича Александра. Эти напоминанья и увѣщанья вызваны были именно тѣмъ, что много сторонниковъ, особенно въ русскихъ областяхъ великаго

княжества, имѣла кандидатура кн. Слуцкаго. Когда собрался сеймъ, приверженцы князя Семена Олельковича выставили было его кандидатуру. Самъ князь пріѣхалъ съ цѣлымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ для большей внушительности. Но паны рада объявили сейму, что предсмертнымъ желаніемъ покойнаго короля было, чтобы поляки взяли себѣ въ короли его сына Яна Альбрехта, а Литовцы въ великіе князья Александра. Это спокойное и твердое заявленіе разбило шансы Олельковича, и сеймъ провозгласилъ Александра великимъ княземъ.

Избраніе великаго князя Александра совершилось безъ всякого участія поляковъ, которое требовалось предшествовавшими договорами уніи. Литовцы ограничились только посылкою извѣщенія полякамъ, что они согласно съ волею покойнаго короля хотятъ посадить у себя великимъ княземъ королевича Александра, и предложеніемъ, чтобы поляки согласно той же волѣ посадили у себя королемъ Яна Альбрехта. Объ уніи не было и помину. Польскіе паны прислали было приглашеніе литовцамъ прибыть въ Польшу и принять участіи въ избраніи короля. Но литовцы очень хорошо понимали, что появленіе ихъ на избирательномъ сеймѣ въ Польшѣ означало бы признаніе съ ихъ стороны договоровъ объ уніи, и потому отвѣчали уклончиво, что де они уже объявили полякамъ свою мысль и волю покойнаго короля „братскимъ обычаемъ“. Когда состоялось избраніе Яна Альбрехта, великій князь Александръ послалъ пословъ поздравить брата и напомнить ему о „дружбѣ“, какая существовала издавна между ихъ государствами, которыя при покойномъ отцѣ ихъ всегда помогали другъ другу противъ всякаго непріятеля. Итакъ, вмѣсто акта субмиссіи, который слѣдовалъ бы со стороны великаго князя Александра, было послано братское поздравленіе и напоминаніе о дружбѣ государствъ. Ясное дѣло, что акты уніи въ глазахъ литовцевъ не имѣли болѣе никакой силы, и они разсматривали свое великое княжество, какъ вполнѣ независимое государство. Порвалась и та связь, которую представлялъ собою для Польши и Литвы общій государь.

Но отношенія къ сосѣдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Литву, и Польшу болѣзненно почувствовать взаимный разрывъ и предпринять шаги къ возобновленію уніи. Литва подверглась нападенію Москвы, которая отобрала у нея часть владѣній на востокѣ. Въ то же время Крымскіе татары стали громить южныя области Литвы и Польши. Къ нимъ присоединились турки, которые въ 1498 году страшно опустошили Подолье и Галицкую землю и увели до 100 тысячъ плѣнныхъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ о возобновленіи „ровныхъ и слушныхъ записовъ“, безъ ущерба для чести и достоинства обоихъ государствъ, въ 1499 году возобновлена была Городельская унія, съ болѣе точнымъ обозначеніемъ порядка избранія королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. Въ грамотахъ опредѣлялось, что литовцы на будущее время не будутъ приступать къ избранію великаго князя безъ вѣдома и участія поляковъ, лишь бы они пожелали прибыть въ Литву ко времени избранія; точно такъ же и поляки съ своей стороны не будутъ обходить литовцевъ при выборѣ королей.

Унія, заключенная въ 1499 году, въ сущности мало гарантировала и Польшѣ, и Литвѣ взаимную поддержку. Правда, оба государства обязались помогать другъ другу omni consilio, auxilio et fauore. Но пока сохранялось ихъ отдѣльное существованіе, пока они не сливались въ одно государство съ однимъ правительствомъ, эта поддержка всегда должна была сводиться до минимума, а иногда и на нѣтъ. У каждаго государства были свои враги, которыхъ оно должно было остерегаться; каждое государство естественно должно было всячески щадить и приберегать свои силы для самого себя. Все это обнаружилось на другой же годъ по заключеніи уніи 1499 года. Весною 1500 года московскія войска вторгнулись въ великое княжество Литовское и заняли множество городовъ и волостей. Высланное противъ нихъ литовское войско 14 іюля потерпѣло полное пораженіе на р. Ведрошѣ близъ Дорогобужа. Поляки не оказали никакой помощи великому княжеству, потому что собирались въ то время идти въ походъ на Турокъ и должны были оборонять свои земли отъ татаръ, два раза въ этомъ году вторгавшихся въ юго-западную Русь. Янъ Альбрехтъ оказалъ своему брату Александру только дипломатическое содѣйствіе, отправилъ своего посла въ Москву хлопотать о мирѣ, т. е. сдѣлалъ для него то же, что и другой братъ его, Венгерскій король Владиславъ. Литва должна была искать себѣ помощи на сторонѣ, и хотя нашла себѣ союзниковъ въ лицѣ Ливонскаго магистра Плеттенберга и Заволжскаго хана Шигъ-Ахмата, тѣмъ не менѣе правящіе литовцы приложили всѣ старанія и къ тому, чтобы связаться для борьбы болѣе тѣсными узами съ Польшею. По обстоятельствамъ момента этого можно было достигнуть возведеніемъ на польскій престолъ, осиротѣвшій за смертію Яна Альбрехта, великаго князя Александра и заключеніемъ новой уніи съ Польшею. Литовскій сеймъ, собравшійся въ Городнѣ, отправилъ въ концѣ августа 1501 года пословъ на польскій избирательный сеймъ и съ полномочіями на заключеніе новой уніи. Все это оказало свое дѣйствіе на избирателей, и Александръ восторжествовалъ надъ своими соперниками, въ числѣ которыхъ былъ и родной братъ его, король Владиславъ.

Формальному избранію предшествовала выработка прелиминарныхъ статей договора, который долженъ былъ быть заключенъ между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будутъ имѣть одного общаго государя; этотъ государь будетъ избираться въ Польшѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ; оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастіи; будутъ имѣть одну монету, но отдѣльные суды и должности; прежніе договоры, заключенные однимъ государствомъ, будутъ имѣть обязательную силу и для другого; новоизбранный государь долженъ подтверждать права и вольности обоихъ государствъ. Когда уже состоялось избраніе и провозглашеніе Александра королемъ Польскимъ, написанъ былъ актъ уніи на основаніи вышеизложенныхъ прелиминарныхъ статей и подтвержденъ присягою чиновъ польскаго сейма. Литовскіе уполномоченные съ своей стороны дали клятвенное обѣщаніе въ томъ, что склонятъ великаго князя и остальныхъ братьевъ своихъ литовцевъ къ принятію, подтвержденію присягою и выполненію заключеннаго договора.

Но это обѣщаніе выполнено было только отчасти. Договоръ былъ принятъ и подтвержденъ присягою только Александромъ и тѣми панами, которые находились при немъ въ Мельникѣ, гдѣ онъ поджидалъ исхода дѣла. Александръ обѣщалъ привести къ тому же и всѣхъ остальныхъ своихъ подданныхъ и побудить ихъ выдать соотвѣтственныя записи, скрѣпленныя ихъ печатями. Этого, однако, не удалось ему сдѣлать. Продолжавшаяся война съ Москвою и Крымомъ не давала возможности литовскому правительству созвать на сеймъ князей, пановъ и бояръ шляхту всѣхъ земель великаго княжества, какъ требовалось важностью дѣла и установившеюся уже традиціею. Мало того, въ сущности даже опасно было поднимать такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ объ уніи съ Польшею. И безъ того уже много русскихъ княжествъ отпало отъ Литвы и добровольно пошло подъ власть Москвы. Провозглашеніе народно-политическаго единства съ католическою Польшею,—ut sit una gens, unus populus et communia consilia eidemque corpori unum caput,—могло сдѣлаться поводомъ къ еще большему отпаденію православнаго русскаго населенія, могло толкнуть въ объятія Москвы цѣлыя русскія земли, особенно пограничныя съ Москвою, какъ Полоцкая, Витебская и Смоленская, болѣе другихъ расплачивавшіяся за вѣрность литовскому государю. Когда же окончилась война, и заключено было перемиріе съ Москвою (23 марта 1503 года), сами литовцы охладѣли къ уніи и не прочь были кассировать сдѣланныя уже записи. Унія вовсе не принесла великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую разсчитывали литовскіе паны при ея заключеніи. Поляки одинъ только разъ, весною 1502 года, отрядили значительный отрядъ жолнеровъ на помощь Литвѣ. Но лишь только этотъ отрядъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, его немедленно отозвали въ Польшу вслѣдствіе приближенія турокъ къ границамъ государства. Поляки не только не помогли литовцамъ, но даже оказали на нихъ давленіе, понуждая ихъ къ миру во что бы то ни стало. Перемиріе, заключенное при ихъ посредничествѣ, стоило Литвѣ множества городовъ и волостей, которые она должна была уступить къ Москвѣ. Поэтому, когда король Александръ, по настоянію поляковъ, сталъ требовать отъ своихъ литовскихъ подданныхъ „реверсаловъ“ на заключенную унію, то тѣ, которые не были при заключеніи ея, а также многія земли, которыя къ великому княжеству „прислухали“, не захотѣли выдать желанныхъ „реверсаловъ“. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ великое княжество Литовское отвергло унію, заключенную его послами въ 1501 г. и подтвержденную господаремъ.

Унія не возстановлена была и по смерти Адександра, послѣдовавшей 19 августа 1506 года въ Вильнѣ. Тотчасъ же паны рада назначили сеймъ всѣмъ землямъ великаго княжества для избранья и „поднесенья“ на великое княженіе новаго господаря. Коронные сенаторы, получивъ извѣстіе о смерти Александра и о приготовленіи литовцевъ къ избранію новаго господаря, отправили въ Вильну посла напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 года и просить, что бы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господаря. Но литовцы не послушались, ссылаясь на тѣ опасности, кото-

рыя угрожали великому княжеству какъ извнѣ, такъ и внутри (отъ происковъ кн. Мих. Львовича Глинскаго и его партіи). 20 октября 1506 года всѣ литовскіе паны и княжата со всѣми землями, принадлежащими къ великому княжеству, „единостайною волею“ избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дѣдичнаго и прироженаго господаря своего. Полякамъ ничего не осталось дѣлать, какъ послѣдовать примѣру литовцевъ, и Сигизмундъ 6 декабря былъ избранъ королемъ Польскимъ. Такъ возстановлена была личная унія великаго княжества съ короною Польскою при полной взаимной независимости обоихъ государствъ.

Необходимость сообща бороться съ Крымскими татарами и сообща уплачивать упоминки ихъ хану снова поставила на очередь вопросъ объ уніи Польши и Литвы. Въ 1512 году коронные сенаторы предложили литовцамъ поновить и поправить постановленія уніи и на основаніи ихъ установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства отъ паденія. Литовцы отвѣтили предложеніемъ простого оборонительно-наступательнаго союза съ обязанностью нести всѣ издержки пополамъ, сообща стараться о возвращеніи потерянныхъ земель и дѣлить вновь пріобрѣтенныя пополамъ. Поляки объявили литовскимъ посламъ, что они ожидали не такого отвѣта отъ своихъ братьевъ—литовцевъ, что они желаютъ возобновленія той уніи, которая уже была заключена при королѣ Александрѣ. Переговоры возобновились въ 1513 году, когда литовцы прислали въ Польшу просить помощи противъ москвитянъ, продолжались и въ 1514 году, но безъ всякаго результата.

Считая великое княжество совершенно независимымъ отъ Польши, литовскіе паны-рада вмѣстѣ со всѣмъ рыцарствомъ на сеймѣ 1522 года предъизбрали на великое княженіе по смерти Сигизмунда его сына Сигизмунда-Августа, не спрашиваясь поляковъ, которые въ свою очередь предъизбрали Сигизмунда-Августа своимъ королемъ въ 1530 году. Для характеристики отношеній Литвы къ Польшѣ въ то время имѣютъ значеніе переговоры, которые вели паны-рада съ королемъ Сигизмундомъ въ 1526 г. по поводу слуховъ о томъ, что папа хочетъ дать великому князю Московскому королевскую корону, и что поляки этому не препятствуютъ. Они поручили своимъ посламъ наединѣ передать королю, что бы онъ никоимъ образомъ не пропускалъ въ Москву этой короны. Поляки, не пропустивъ въ свое время короны для Витовта, теперь легко пропускаютъ ее въ Москву: ясное дѣло, что они стараются держать великое княжество „въ пониженьѣ“, что бы тѣмъ легче оно было „втѣлено ими къ корунѣ“. Указывая на то, что великое княжество Литовское настоящій оплотъ династіи, что литовцы давно уже избрали себѣ „за пана“ королевича Сигизмунда, между тѣмъ какъ поляки до сихъ поръ и не подумали объ томъ, паны рада предлагали королю вытребовать у нихъ корону, которую они нѣкогда перехватили у Витовта и вѣнчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будутъ имѣть поползновеній унижать великое княжество и присоединять его къ коронѣ,—„бо коруна въ корону втѣлена быти не може“,—но будетъ „ровное братство и пріязнь противъ всѣхъ непріятелей;“ если же поляки не выдадутъ

короны, пусть король пошлетъ за нею къ папѣ, а они, литовцы, не пожалѣютъ никакихъ „накладовъ“ на это дѣло. Королевской короны литовцамъ не удалось добиться для своего великаго князя. Но ихъ представленія не остались безъ результата. Король Сигизмундъ, въ виду преклоннаго возраста своего и болѣзненнаго состоянія, въ 1529 году рѣшился еще при жизни своей возвести на великое княженіе своего сына Сигизмунда-Августа. Опасаясь противодѣйствія поляковъ, онъ вступилъ въ тайныя совѣщанія съ литовцами на Виленскомъ сеймѣ. Всѣ „станы“ сейма отнеслись къ намѣренью короля сочувственно, и 18 октября состоялся торжественный актъ возведенія на великое княженіе Сигизмунда-Августа. Полякамъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ и съ своей стороны признать Сигизмунда-Августа королемъ Польскимъ, что они и сдѣлали въ слѣдующемъ 1530-мъ году. Съ 1544 году Сигизмундъ-Августъ сталъ фактическимъ правителемъ великаго княжества, тогда какъ въ Польшѣ правилъ его отецъ. Такимъ образомъ, вопреки уніи 1501 года Литва снова пріобрѣла отдѣльнаго отъ Польши государя.

Итакъ, всѣ попытки, предпринимавшіяся при Казимирѣ и его сыновьяхъ къ осуществленію польско-литовской государственной уніи, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Литовско-Русское государство, пребывая въ личной уніи съ Польшею, сохраняло полную самостоятельность и независимость. Поэтому и въ борьбѣ за существованіе оно всецѣло предоставлено было своимъ силамъ и средствамъ. Эта напряженная борьба, какъ увидимъ, привела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ во внутренней формировкѣ этого государства.

Но прежде, чѣмъ переходить къ этой борьбѣ и ея послѣдствіямъ, необходимо констатировать, что и длительный споръ великаго княжества съ короною по вопросу объ уніи не прошелъ безслѣдно въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества. Мы видѣли, что Казимиръ и его сыновья для рѣшенія такого важнаго вопроса, какъ унія, созывали не только пановъ радныхъ, но и князей, пановъ и бояръ-шляхту всѣхъ земель великаго княжества, созывали *великій вальный сеймъ*. Такіе же сеймы созывали паны радные и для избранія великихъ князей въ обходъ притязаній поляковъ. Господарь и паны радные во всѣхъ этихъ случаяхъ не считали возможнымъ обходиться безъ согласія и содѣйствія областей великаго княжества. До великокняженія Сигизмунда I на эти сеймы, по всѣмъ даннымъ, вызывалась только аристократія земель-аннексовъ — князья, паны или крупные бояре-землевладѣльцы. Но при Сигизмундѣ I, какъ увидимъ, стала созываться и рядовая шляхта. Этотъ фактъ стоялъ въ связи уже съ внѣшнею борьбою Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Польско-литовскія уніи на сеймахъ до 1569 года. Москва 1897; *Mossbach,* Początki unii lubelskiej. Poznań 1872; *В. И. Пичета,* Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты. (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909); *Caro,* Geschichte Polens, B. IV, V, Theile 1—2.

XXXII.

Борьба Литовско-Русскаго государства съ Крымскими татарами и Москвою при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

Нападеніе Крымскихъ татаръ на литовско-русскія земли; борьба съ ними.—Пропаганда церковной уніи въ Литовско-Русскомъ государствѣ и обостреніе вражды между Литвою и Русью. Отпаденіе русскихъ князей отъ Литвы и переходъ ихъ на сторону Москвы. Военныя дѣйствія Москвы въ началѣ девяностыхъ годовъ.—Договоръ 1494 года и бракъ князя Александра съ Еленою Ивановною.—Новыя попытки уніи въ концѣ девяностыхъ годовъ и новыя отпаденія русскихъ князей.—Возобновленіе войны съ Москвою; договоръ 1503 года и потеря Чернигово-Сѣверской земли и верхнеокскихъ княжествъ.—Мятежъ Глинскаго и новая борьба съ Москвою при Сигизмундѣ; потеря Смоленска.

Въ XIV и первой половинѣ XV вѣка главнымъ врагомъ, съ которымъ Литовско-Русскому государству приходилось вести напряженную борьбу, были Нѣмцы Прусскаго и Ливонскаго орденовъ. Подъ Грюнвальденомъ силы Прусскаго ордена потерпѣли страшный разгромъ, отъ котораго Орденъ не могъ уже оправиться. Казиміръ довершилъ дѣло Ягайла и Витовта, и Торунскій миръ 1466 г., обусловившій присоединеніе устья Вислы къ Польшѣ и вассальное подчиненіе ей Пруссіи, знаменовалъ собою устраненіе съ арены борьбы этого давнишняго врага Литвы и Польши. Его мѣсто по отношенію къ Литовско-Русскому государству во второй половинѣ XV-го и въ XVI вѣкѣ заняла Крымская татарская орда, объединившаяся подъ властью Гиреевъ и признавшая надъ собою власть турокъ, и новообразовавшееся Московское государство, объединившее въ себѣ всю сѣверо-восточную Русь.

Крымскіе татары стали опустошать южныя области Литовско-Русскаго государства уже при Казимирѣ. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей взялъ Кіевъ и сжегъ его. Подъ натискомъ крымцевъ южные предѣлы Литовско-Русскаго государства, при Витовтѣ придвинувшіеся было къ Черному морю и устью Днѣпра и Днѣстра, отступили на сѣверъ, къ рѣкамъ Тясмину (притоку Днѣпра), Синюхѣ и Савранкѣ (притокамъ Ю. Буга) и Егорлыку (притоку Днѣстра). Менгли-Гирей былъ вѣрнымъ союзникомъ великаго князя Московскаго въ борьбѣ его съ преемниками Казимира—Александромъ и Сигизмундомъ, не смотря на то, что добился отъ нихъ уплаты ежегодныхъ богатыхъ упоминковъ въ размѣрѣ до 15 тысячъ золотыхъ, не считая подарковъ натурою. Почти ежегодно Крымскіе татары навѣщали Кіевщину, Подолье, Волынь, пробираясь иногда и глубже, въ Полѣсье, жгли, грабили и уводили въ плѣнъ жителей и скотъ. Нападенія бывали даже нѣсколько разъ въ году. Преемникъ Менгли-Гирея Махметъ-Гирей, хотя и сдѣлался врагомъ Москвы, не переставалъ нападать и на литовско-русскія земли. Впрочемъ, отдѣльные татарскіе отряды нападали на литовско-русскую украйну и помимо воли хана, котораго плохо слушались разные князья и мурзы. Такъ обстояло дѣло до конца великокняженья Сигизмунда.

Послѣ разгрома подъ Могачемъ въ 1526 году венгровъ и ихъ союзниковъ Литвѣ и Польшѣ стали угрожать турки. Опасность со стороны турокъ увеличилась послѣ того, какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ они заняли Венгрію и врѣзались въ средину среднеевропейскаго христіанскаго міра.

Но особеннаго напряженія силъ потребовала за это время борьба съ Москвою. Борьба эта порождена была положеніемъ вещей, создавшимся какъ внѣ, такъ и внутри Литовско-Русскаго государства.

Къ концу XV вѣка почти закончилось политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси подъ властью великаго князя Московскаго. Этотъ великій князь какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи сталъ національнымъ русскимъ государемъ, призваннымъ властвовать надъ всею Русью, въ томъ числѣ и надъ тою, которая находилась подъ властью великаго князя Литовскаго. Это національно-политическое притязаніе не разъ выражалось со стороны Москвы въ дипломатическихъ переговорахъ. Венгерскому послу, пріѣзжавшему въ Москву мирить Ивана III съ его зятемъ, королемъ Александромъ, отъ имени великаго князя заявлялось: „Короли Владиславъ и Александръ—отчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины,—наша отчина“. На ряду съ этимъ, послѣ паденія Царьграда, въ Москвѣ все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль, что великій князь Московскій не только единственный правый государь всея Руси, но и единственный православный царь, призванный оберегать и защищать православное христіанство. Между тѣмъ въ державѣ великаго князя Литовскаго православная вѣра съ половины XV вѣка стала подвергаться гоненіямъ и притѣсненіямъ въ связи съ попытками осуществить ту самую церковную унію, которая заключена была на Флорентійскомъ соборѣ 1439 года. Эти гоненія и притѣсненія обострили національно-религіозную вражду въ нѣдрахъ Литовско-Русскаго государства и вызвали среди подвластной Литвѣ Руси тяготѣніе и даже отпаденія на сторону единовѣрной Москвы. Великій князь Московскій не могъ въ виду всего этого оставаться равнодушнымъ, не могъ не протянуть руку помощи русскимъ людямъ великаго княжества, надъ которыми онъ и безъ того считалъ себя прирожденнымъ государемъ. Такъ возгорѣлась продолжительная, затяжная борьба между Московскимъ и Литовско-Русскимъ государствами.

Мысль объ уніи римскаго и греческаго закона зародилась въ Литовско-Русскомъ государствѣ еще при Ягайлѣ и Витовтѣ, въ эпоху соборнаго движенія на западѣ. Для переговоровъ объ этомъ предметѣ Витовтъ, какъ извѣстно, посылалъ на Констанцскій соборъ въ 1418 году Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака съ нѣсколькими западно-русскими епископами. Но эта миссія не привела ни къ какимъ результатамъ. Мысль о церковной уніи однако не умирала въ литовскихъ правящихъ сферахъ: эта унія представлялась желательною не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ интересахъ великаго княжества, какъ средство для болѣе тѣснаго сближенія и объединенія Руси съ Литвою, для уничтоженія тяготѣнія Руси къ Москвѣ. Благопріятныя условія для про-

веденія уніи наступили послѣ Флорентійскаго собора 1439 года, на которомъ и цареградскій патріархъ, и русскій митрополитъ Исидоръ приступили къ уніи съ римскою церковью. Но литовскому правительству помѣшали на первыхъ порахъ мятежныя движенія русскихъ земель великаго княжества, происшедшія вслѣдъ за избраніемъ Казимира. Чтобы не давать никакого повода къ раздраженію Руси, чтобы успокоить русскихъ людей, правительство Казимира поспѣшило заявить себя благосклоннымъ къ старой русской вѣрѣ. Поставленный соборомъ восточно-русскихъ епископовъ митрополитъ Іона былъ признанъ въ этомъ санѣ и въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ 1451 году мы встрѣчаемъ его обозрѣвающимъ православныя епархіи въ предѣлахъ великаго княжества. Это былъ тотъ самый годъ, когда Казимиръ объѣзжалъ области великаго княжества и подтверждалъ русскимъ землямъ своего государства права и вольности.

Вскорѣ, однако, послѣдовала попытка ввести церковную унію въ западной Руси, и на этотъ разъ по иниціативѣ изъ Рима. Послѣ завоеванія Константинополя турками прибылъ въ Римъ цареградскій патріархъ Григорій Мамма. Въ бытность его въ Римѣ возобновились старанія о подчиненіи и русской церкви папѣ. Православныхъ восточной Руси, въ виду проявленной ими рѣзкой враждебности къ уніи, рѣшено было до поры до времени оставить въ покоѣ. Но за Литовскую Русь сочли возможнымъ приняться въ виду содѣйствія, которое могло въ данномъ случаѣ оказывать ея католическое правительство. По желанію Пія II цареградскій патріархъ Григорій Мамма посвятилъ для Литовской Руси особаго митрополита Григорія Болгарина, бывшаго протодіакона при митрополитѣ Исидорѣ. Григорій, принявшій унію, обязался привести къ ней и свою паству и получилъ отъ папы грамоту къ королю Казимиру, въ которой папа просилъ короля о принятіи его митрополитомъ и о содѣйствіи въ подчиненіи ему западно-русскихъ епископовъ. Казимиръ не осмѣлился ослушаться папы, не смотря на то, что уже выдалъ грамоту на управленіе литовскими епархіями митрополиту Іонѣ, не смотря на уговоръ свой съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ—признавать митрополитомъ только того, кто имъ обоимъ будетъ любъ. Подъ давленіемъ господаря западно-русскіе епископы признали надъ собою власть новаго митрополита.

Итакъ, оффиціально западно-русская церковь стала числиться въ уніи съ римскою, разъ митрополитъ и подчиненные ему епископы признали эту унію. Но идея уніи плохо воспринималась какъ православною паствою, такъ и самими католиками. Десять лѣтъ спустя послѣ прибытія митрополита уніата, въ 1468 году, король Казимиръ писалъ папѣ Павлу II, что въ Литвѣ и соединенныхъ съ нею русскихъ областяхъ обитаетъ „великое множество еретиковъ и схизматиковъ, и число ихъ возрастаетъ со дня на день“. Король просилъ у папы дозволенія основать какъ въ Литвѣ, такъ и въ западно-русскихъ областяхъ по два монастыря ордена бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы „братья этихъ монастырей своею проповѣдью и жизнью могли приводить тамошнихъ еретиковъ и схизматиковъ къ единству церкви.

Съ другой стороны, латинское духовенство склонно было смотрѣть на православныхъ русскихъ людей, даже искавшихъ мира и любви съ римскою церковью, какъ на недовѣрковъ, и принимать въ отношеніи ихъ разныя насильственныя мѣры. Преемникъ Григорія на митрополичьей каѳедрѣ Мисаилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами, князьями и панами греческаго закона по этому поводу составилъ цѣлое посланіе къ папѣ Сиксту IV (14 марта 1476 года). Въ этомъ посланіи русскіе люди завѣряли папу, что они содержатъ семь вселенскихъ соборовъ, „къ нимъ же купно и осмый флорентійскій ухваляютъ“, что они исповѣдуютъ св. Духа, „исходяща отъ Отца прежде, также и Сына единымъ дуновеніемъ“. Поэтому они просили папу оградить ихъ отъ оскорбленій латинянъ, которые клевещутъ на нихъ, будто они не истинные христіане и не право вѣруютъ въ св. Троицу, насильно принуждаютъ ихъ къ своему исповѣданію, дѣйствуя яростью, крикомъ, побоями и мученіями и т. д. Дѣло дошло до того, что самъ король Казимиръ, по просьбѣ своего сына Казимира, въ 1481 году издалъ указъ, коимъ запрещалъ православнымъ строить новые храмы, возстановлять прежніе и поправлять обветшавшіе. Такой натискъ на православіе объясняется тѣмъ, что не только православная паства, но и пастыри—митрополитъ и епископы не обнаруживали ревности къ уніи. Уже митрополитъ Григорій Болгаринъ, не смотря на то, что посвященъ былъ патріархомъ въ Римѣ, посылалъ за благословеніемъ и утвержденіемъ въ санѣ къ патріарху въ Константинополь. Такъ же поступали и преемники Мисаила. Что касается самихъ цареградскихъ патріарховъ того времени, то они, хотя и непрочь были отъ „святого единенія“, но не могли осуществить его, такъ какъ этому противились ихъ „овцы“, ненавидѣвшія латинянъ.

Итакъ, попытка соединенія греческаго и римскаго закона въ Литовско-Русскомъ государствѣ вмѣсто мира и любви раздула только религіозно-національную вражду и ненависть и навлекла на государство внѣшнія опасности. Въ 1481 году противъ короля Казимира составился заговоръ, во главѣ котораго стали Слуцкій князь Михаилъ Олельковичъ, его двоюродный братъ Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій и одинъ изъ князей Гольшанскихъ. Заговорщики задумали погубить Казимира, а если не удастся сдѣлать это, „отсѣсть“ отъ великаго княжества со всѣми землями по р. Березину и соединиться съ Москвою. Заговоръ этотъ стоялъ въ прямой причинной связи съ распоряженіемъ Казимира относительно православныхъ церквей. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство отъ сына Казимира, великаго князя Литовскаго Александра. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату, Польскому королю Яну Альбрехту, вспоминая объ этомъ заговорѣ, Александръ пишетъ, что князья возстали противъ ихъ отца не ради чего иного, какъ только ради вѣры.

Заговоръ былъ своевременно открытъ, Михаилъ Олельковичъ и князь Гольшанскій сложили головы на плахѣ, а князь Бѣльскій бѣжалъ въ Москву и остался тамъ навсегда съ своимъ потомствомъ. Уходъ Бѣльскаго былъ какъ бы сигналомъ къ отпаденію отъ Литвы и другихъ окраинныхъ

князей. Уже въ 1487 году видимъ на службѣ въ Москвѣ князя Ивана Михайловича Воротынскаго; въ слѣдующемъ, 1488-мъ году, отступилъ отъ Литвы князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій. Въ 1490 году поддался Москвѣ съ своимъ удѣломъ и удѣломъ брата своего Семена кн. Димитрій Ѳедоровичъ Воротынскій. Эти переходы пограничныхъ князей вызваны были, по всѣмъ даннымъ, натискомъ со стороны Москвы. Узнавъ о внутреннемъ нестроеніи и враждѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, Москва стала нападать на пограничныя литовскія владѣнія. Прямыя военныя дѣйствія
1492 начались, какъ только умеръ король Казимиръ. Московскій отрядъ вступилъ въ литовскія владѣнія на верхнеокской украйнѣ, сжегъ города Мценскъ и Любутскъ, Мосальскъ и увелъ въ плѣнъ литовскихъ намѣстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей. Въ то же время другой отрядъ вторгался въ сѣверные предѣлы Смоленской земли и занялъ города Хлѣпень и Рочаговъ. Пограничные князья поспѣшили спасти свое достояніе переходомъ на сторону Москвы. Въ началѣ 1493 г. перешелъ къ Москвѣ князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, при чемъ завладѣлъ двумя литовскими городами Серпейскомъ и Мещовскомъ. Литовцы отбили было назадъ эти города, но Московскіе воеводы взяли у нихъ Мещовскъ и увели въ плѣнъ жителей, а Серпейскъ сожгли и разграбили; взятъ былъ также ими и Опаковъ на Угрѣ. Въ то же время пріѣхалъ на службу въ Москву князь Михайло Романовичъ Мезецкій и привелъ плѣнными двухъ своихъ братьевъ, которыхъ немедленно сослали въ Ярославль. Примѣру верхнеокскихъ князей послѣдовалъ и князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій. Поссорившись съ своими родичами, онъ отъѣхалъ въ Москву. Чтобы обезпечить за своимъ новымъ слугою его отчину, великій князь приказалъ своимъ воеводамъ занять Вязьму. Воеводы исполнили приказъ и привели въ Москву Вяземскихъ князей и пановъ. Великій князь пожаловалъ ихъ же отчинами и велѣлъ служить себѣ. Такъ Москва отрывала одну волость за другою отъ великаго княжества Литовскаго.

Литовцы ясно увидали, что однимъ имъ не справиться съ Москвою, и поневолѣ обратились за помощью къ полякамъ, съ которыми только что порвали унію. Но поляки взамѣнъ помощи прислали требованіе возобновить „записы“ объ уніи. Время, однако, не терпѣло, и литовцы, не получая помощи отъ поляковъ, должны были войдти въ мирные переговоры съ Москвою. По договору 1494 года къ Москвѣ отошли всѣ отчинныя владѣнія князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ и Бѣлевскихъ, часть владѣній князей Мезецкихъ и нѣкоторыя великокняжескія волости, лежавшія между этими владѣніями, напр., Козельскъ. Договоръ, какъ извѣстно, скрѣпленъ былъ бракомъ великаго князя Александра на дочери Ивана III—Еленѣ, при чемъ Иванъ III взялъ обязательство съ своего зятя не нудить Елену къ римской вѣрѣ.

Но это обязательство Александръ выполнилъ только отчасти. Онъ дѣйствительно не принуждалъ Елену къ прямому переходу въ католичество, но хлопоталъ о томъ, чтобы она со всѣми православными русскими людьми приступила къ уніи съ римскою церковью. Попытка къ утвер-

жденію уніи возобновилась въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ самомъ концѣ XV в. и имѣла для него самыя пагубныя послѣдствія. Въ 1500 г. въ Москву явился посолъ отъ князя Семена Ивановича Бѣльскаго бить челомъ, чтобы государь пожаловалъ князя Бѣльскаго, принялъ его на службу съ отчиною. Посланный говорилъ отъ имени князя: „терпятъ они въ Литвѣ большую нужду за греческій законъ; великій князь Александръ посылалъ къ своей великой княгинѣ Еленѣ отметника православной вѣры—Іосифа, владыку Смоленскаго, да бискупа своего Виленскаго и чернцовъ бернардиновъ, чтобы приступили къ римскому; посылалъ и къ князьямъ русскимъ, и къ виленскимъ мѣщанамъ, и ко всей Руси, которая держитъ греческій законъ, принуждаетъ ее приступить къ римскому закону". Вслѣдъ затѣмъ перешли къ Москвѣ съ богатыми волостями князья, бывшіе до сихъ поръ заклятыми врагами Москвы: кн. Василій Ивановичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ и Новгородкомъ Сѣверскимъ, кн. Семенъ Ивановичъ Можайскій, сынъ пріятеля Шемякина Ивана Андреевича Можайскаго,—съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ. Разумѣется, въ виду всего этого Московскій государь не могъ остаться безучастнымъ. Московскія войска вступили во владѣнія Литвы, и 14 іюля 1500 года нанесли литовскимъ войскамъ полное пораженіе на рѣчкѣ Ведрошѣ, близъ Доробужа (въ Смоленской землѣ). Продолжавшаяся два года война кончилась шестилѣтніемъ перемиріемъ, заключеннымъ 25 марта 1503 года, при чемъ сверхъ городовъ и волостей, уступленныхъ Москвѣ по договору 1494 года, Александръ отступился въ пользу Москвы отъ всей верхнеокской украйны и отъ Чернигово-Сѣверской земли (городовъ Чернигова, Стародуба, Путивля, Рыльска, Новгородка-Сѣверскаго, Гомеля, Любеча, Почепа, Трубчевска, Радогоща, Брянска, Мценска, Любутска, Серпейска, Мосальска), отъ значительной части Смоленской и части Витебской земель (городовъ Дорогобужа, Бѣлой, Торопца). Всего уступлено было Москвѣ 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища и 13 селъ. Во время этой борьбы русское населеніе восточныхъ окраинъ Литовско-Русскаго государства обнаруживало наклонность къ отпаденію отъ Литвы. Такъ, было, напр., въ Брянскѣ, который занятъ былъ московскимъ воеводою вслѣдствіе прямой измѣны жителей литовскому государю и перехода ихъ въ подданство къ великому князю Московскому.

Съ тѣми же явленіями встрѣчаемся и въ дальнѣйшей борьбѣ Литовско-Русскаго государства съ Москвою. Борьба эта возобновилась на другой же годъ по восшествіи на великокняжескій престолъ брата Александрова Сигизмунда, въ 1507 году. Ея возобновленію предшествовала присылка въ Москву челобитья отъ князя Михайла Львовича Глинскаго и отъ многихъ князей русскихъ и людей, которые держали греческій законъ, чтобы Московскій государь пожаловалъ ихъ, сталъ за нихъ и оборонялъ. Они сказывали, что нужда на нихъ пришла большая за греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать къ римскому закону. Эти люди подъ начальствомъ Глинскаго собирались въ Бѣлоруссіи, подъ Минскомъ и Борисовомъ, для оказанія вооруженной помощи московскимъ войскамъ. Недостатокъ

средствъ и одновременныя нападенія изъ Крыма заставили литовское правительство пойдти на миръ съ Москвою, при чемъ Сигизмундъ уступилъ окончательно Москвѣ города и волости, завоеванныя Иваномъ III (8 октября 1503 года).

Но уже въ концѣ 1512 года московскія войска подъ личнымъ начальствомъ великаго князя Василія снова вступили въ литовскіе предѣлы и облегли Смоленскъ. Поводомъ возобновленія непріязненныхъ дѣйствій былъ союзъ, заключенный Польшею и Литвою съ Крымомъ. Война на этотъ разъ затянулась на цѣлыя десять лѣтъ. Въ 1514 году 30 іюля москвитяне взяли Смоленскъ. Московскіе лѣтописцы приписываютъ это разрушительному дѣйствію московской артиллеріи. Но это едва-ли такъ. По словамъ литовской лѣтописи, смольняне сдались добровольно, по подговору князя Михаила Глинскаго. Содѣйствіе смольнянъ утвержденію у нихъ московскаго господства особенно ярко сказалось послѣ Оршинскаго пораженія московскаго войска 8 сент. 1514 г. Владыка Смоленскій Варсонофій, князья и паны смоленскіе обнаружили готовность возвратиться подъ власть Литвы и послали сказать Сигизмунду, чтобы онъ поскорѣе присылалъ къ нимъ войско, а они сдадутъ городъ. Но бояре и черные люди въ Смоленскѣ пожелали остаться за Москвою и предупредили объ измѣнѣ московскаго намѣстника кн. Василія Шуйскаго. Шуйскій похваталъ всѣхъ измѣнниковъ посажалъ ихъ въ оковы и приготовился къ встрѣчѣ литовскаго войска. Когда подошелъ къ городу гетманъ кн. Острожскій, Шуйскій, давая ему знать объ открытіи заговора, повѣсилъ на городскихъ стѣнахъ всѣхъ измѣнниковъ, кромѣ архіерея. Тщетно послѣ того Острожскій посылалъ къ смольнянамъ грамоты съ увѣщаніями предаться Сигизмунду, тщетно дѣлалъ приступъ къ городу. Доброжелателей королевскихъ не существовало болѣе, жители бились крѣпко, и Острожскій долженъ былъ отступить съ большимъ уономъ. Очевидно, въ награду за все это великій князь Московскій и выдалъ смольнянамъ грамоту на права и вольности, являющуюся подтвержденіемъ литовскаго земскаго привилея. Подобная практика была не въ обычаѣ Москвы по отношенію къ областямъ, взятымъ силою оружія. Не смотря на страшное пораженіе, которое потерпѣли Московскія войска подъ Оршею, Литвѣ не удалось отобрать назадъ новыя завоеванія Москвы. Въ 1522 году заключено было пятилѣтнее перемиріе, при чемъ Смоленскъ остался въ фактическомъ обладаніи Москвы. Переговоры, начавшіеся при посредничествѣ императора Карла V въ 1526 году, опять кончились ничѣмъ; продолжено было только перемиріе до 25 декабря 1532, и затѣмъ еще на годъ.

Смерть великаго князя Василія Ивановича и неурядицы, начавшіяся послѣ того въ Москвѣ, при малолѣтнемъ его преемникѣ, побудили литовско-русскаго господаря сдѣлать попытку къ возвращенію того, что было захвачено Москвою. Возобновились военныя дѣйствія, которыя продолжались около четырехъ лѣтъ. Литвѣ удалось воротить только Гомель и нѣкоторыя незначительныя волости на востокѣ. Въ 1537 году заключено было перемиріе на пять лѣтъ на основаніи statuque до 25 марта 1542 года.

Это перемиріе продолжалось затѣмъ до самой Ливонской войны. Вниманіе и силы Литовско-Русскаго государства вмѣстѣ съ Польшею отвлечены были отъ Москвы грозною Турецкою опасностью и борьбою съ Крымскими татарами.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *Dr. Fryderyk Papée*, Polska a Litwa na przełomie wieków średnich, tom I. Krakow 1903; *K. Pulaski*, Stosunki z Mendli-Girejem. Kraków 1881; Szkice i poszukiwania historyczne, Kraków 1887; *Г. Ѳ. Карповъ*, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей 1866, кн. 3 и 4); *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. 1, изд. Товарищества „Общественная польза“.

XXXIII.

Организація „обороны земской“ при Александрѣ и Сигизмундѣ I.

Порядокъ отбыванія военной службы съ земскихъ имѣній въ XV вѣкѣ. Постановленіе Новгородскаго сейма 1502 года о размѣрахъ военной службы.—Сеймовыя постановленія на этотъ счетъ 1529 и 1544 годовъ.—Переписи крестьянскихъ службъ въ земскихъ имѣніяхъ.—„Уставы“ противъ уклоненія отъ военной службы.—„Уставы“ о власти гетмана. Постановленія статута 1529 года объ оборонѣ земской.—Наемныя войска на службѣ Литовско-Русскаго государства; порядокъ ихъ вербовки и содержаніе.

Внѣшняя борьба, въ которую вступило Литовско-Русское государство съ послѣдняго десятилѣтія XV вѣка, потребовала отъ него чрезвычайнаго напряженія всѣхъ его военныхъ и матеріальныхъ рессурсовъ. Это напряженіе выразилось въ цѣломъ рядѣ мѣръ и постановленій, имѣвшихъ цѣлью установить наиболѣе полное и равномѣрное отбываніе военной повинности съ „земскихъ“ имѣній и вообще поднятіе боевой способности государства, а также въ рядѣ мѣръ и постановленій, имѣвшихъ цѣлью пополненіе рессурсовъ государственнаго казначейства до уровня нуждъ, выдвигавшихся войною. Эти мѣры и постановленія проводились большею частью уже не простымъ распоряженіемъ господаря и пановъ рады, а „ухвалами“ великихъ вальныхъ сеймовъ, съ участіемъ князей, пановъ и бояръ-шляхты всѣхъ земель великаго княжества. Великій вальный сеймъ за это время сдѣлался частымъ явленіемъ, необходимымъ политическимъ факторомъ въ государственномъ строительствѣ великаго княжества. Это обстоятельство въ свою очередь, какъ увидимъ, повело къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ во внутреннемъ развитіи Литовско-Русскаго государства. Не опережая хода дѣлъ, остановимъ наше вниманіе прежде всего на тѣхъ военныхъ и финансовыхъ мѣропріятіяхъ, которыя вызваны были напряженною борьбою съ Москвою и татарами.

Въ теченіе всего XV вѣка военная служба, отправлявшаяся въ Литовско-Русскомъ государствѣ съ имѣній, не была опредѣлена и регулиро-

вана никакимъ общимъ закономъ. Каждое имѣнье обязано было своею службою: одно выставляло одного ратника, другое—двухъ, трехъ и т. д., сообразно установившемуся обычаю или условіямъ пріобрѣтенія имѣнья на земскую службу. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени долженъ былъ оказаться и неудобнымъ, и несправедливымъ. Во-первыхъ, съ теченіемъ времени трудно было знать служебную старину имѣній во всемъ ея разнообразіи; съ другой стороны нѣкоторыя имѣнья возрасли въ доходности вслѣдствіе увеличенія въ нихъ крестьянскаго, рабочаго населенія, а другія наоборотъ—захудали. Въ разгаръ борьбы, когда требовалось напряженіе всѣхъ силъ, и явилась потребность урегулировать военную службу съ земскихъ имѣній, поставить ее на извѣстныхъ, общихъ для всѣхъ имѣній основаніяхъ. Въ 1502 году на сеймѣ въ Новгородкѣ съ прелатами и панами радными великій князь Александръ установилъ, чтобы впредь всѣ князья, паны, земяне и дворяне выставляли съ каждыхъ десяти служебъ крестьянъ ратника въ зброѣ, на конѣ и съ древцомъ (копьемъ). Эта норма оставалась въ силѣ долгое время и при Сигизмундѣ I. Но въ началѣ 1529 года на великомъ вальномъ сеймѣ въ Вильнѣ принята была уже другая норма: постановлено было, чтобы ратникъ въ полномъ уставномъ вооруженіи выставлялся съ каждыхъ восьми службъ людей; у кого имѣлось только восемь службъ, тотъ обязанъ былъ выѣзжать лично (женщина-землевладѣлица—выставлять пахолка добраго); у кого крестьянъ было меньше или совсѣмъ не было, тотъ обязанъ былъ выѣзжать на войну сообразно со средствами, „водлѣ можности своее“. Въ счетъ службъ за одно съ крестьянами тяглыми шли слуги разныхъ наименованій, данники и службы волочныя подляшскія, какъ крестьянскія, такъ и мѣщанскія. Не шли въ счетъ бояре и мѣщане владѣльческіе. Эта „устава“ предположена была къ дѣйствію на десять лѣтъ, послѣ чего предполагалось, что каждый будетъ служить военную службу „подле наболшее можности своее, какъ и передъ тымъ служили“. Но въ концѣ великокняженія Сигизмунда была издана новая устава на восемь лѣтъ, чтобы съ девяти крестьянъ десятый отправлялся на войну, хотя „станы“ на сеймѣ 1544года и жаловались на обременительность этой „уставы“.

Но недостаточно было установить норму военной службы съ земскихъ имѣній. Потребны были извѣстныя мѣры для того, чтобы эта норма дѣйствительно выполнялась. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить „попись“ земскихъ имѣній, т.-е. констатированіе количества крестьянскихъ службъ и, въ зависимости отъ этого,—числа ратниковъ съ каждаго имѣнья. На сеймѣ 1507 года было опредѣлено, чтобы всѣ паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта переписали своихъ людей и списки отдали господарю подъ присягою, что ничего не утаили, чтобы господарь могъ точно знать, кто какъ долженъ служить. Въ 1528 году сеймъ принялъ другой порядокъ „пописа“. Для этого въ каждомъ повѣтѣ державца долженъ былъ выбрать двухъ земянъ, „годныхъ вѣры“, которые вмѣстѣ съ дьякомъ должны были объѣхать всѣ имѣнья, переписать ихъ владѣльцевъ и отобрать у нихъ подъ присягою показанія относительно количества людей въ ихъ имѣнь-

яхъ, ихъ воловьихъ и конскихъ сохъ и вообще относительно „маемости“ каждаго человѣка. Державцы вмѣстѣ съ земянами и дьяками должны были представить реестры попису воеводѣ или главному старостѣ (напр., на Жмуди) и принести присягу въ томъ, что производили опись добросовѣстно, никого и ничего не утаили. Для переписи людей въ господарскихъ имѣньяхъ разосланы были особые переписчики изъ центра. Результатомъ этой переписи былъ реестръ князей, пановъ, земянъ и бояръ-шляхты великаго княжества Литовскаго и тѣхъ „почтовъ“, съ которыми они должны были выѣзжать на войну. Это тотъ самый реестръ, который такъ много послужилъ дѣлу консолидаціи шляхетскаго сословія, сталъ своего рода дворянскою книгою въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Какъ чисто военный реестръ, онъ, конечно, могъ имѣть только временное, преходящее значеніе. Уже на Виленскомъ сеймѣ 1532 года „станы“ заявляли, что они не могутъ выѣзжать на войну съ тѣмъ „почтомъ“, который установленъ за ними на основаніи произведеннаго „описа“ ихъ имѣній, такъ какъ „мало не половицу того почту отмерло“. Сигизмундъ отказалъ на просьбу объ облегченіи, на томъ основаніи, что землевладѣльцу, у котораго умеръ подданный, достается „домъ и вси статки его и земля и вси пожитки“. Но разумѣется, и этотъ отказъ не могъ повторяться безконечно, и реестръ 1528 года рано или поздно долженъ былъ замѣниться другимъ. Переписи имѣній производились періодически сборщиками серебщины, опредѣляемой на сеймахъ также съ крестьянскихъ „служебъ“ или „сохъ,“ и этими переписями, очевидно, руководились и гетманы, когда производили смотръ собравшимся ратникамъ.

Одновременно съ „описами“ земскихъ имѣній на сеймахъ вырабатывались строгія „уставы“ противъ уклоненія землевладѣльцевъ отъ военной службы и противъ неаккуратности въ службѣ. На сеймѣ 1507 года было постановлено, что неявившійся къ сроку въ сборный пунктъ войска подвергается штрафу въ 100 руб.; кто не выѣдетъ недѣлю спустя,„ надѣючися на богатство свое и упоромъ своимъ“, тотъ „шыю тратитъ“; кто уѣдетъ съ войны безъ разрѣшенія, наказывается смертію. На сеймѣ 1514 года постановлено было карать „шіею и имѣньи“ тѣхъ, кто не поспѣетъ къ сроку на военную службу. Практика убѣдила въ нецѣлесообразности этого закона, и на Городенскомъ сеймѣ 1522 года было опредѣлено наказывать отнятіемъ имѣнья всѣхъ тѣхъ, кто не явится къ сроку на положенное мѣсто, конно и збройно, или кто, заявившись передъ гетманомъ и записавшись въ его реестръ, потомъ самовольно уѣдетъ домой или отошлетъ часть своихъ слугъ, а самъ останется „у маломъ почте“; имѣнья таковыхъ лицъ постановлено отдавать тѣмъ отличившимся лицамъ, за кого будетъ ходавайствовать панъ гетманъ. Кромѣ этихъ „уставъ“, вырабатывались „уставы“ о правахъ и обязанностяхъ гетмана въ отношеніи къ ратнымъ людямъ. Такія „уставы“ были изданы на Минскомъ сеймѣ 1507 года, на Берестейскомъ 1511 года и 1516 года. Всѣ воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники-державцы и тивуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слушаться гетмана, какъ самого господаря; упорныхъ и непослушныхъ гетманъ имѣлъ

право карать, смотря по „выступу“ „везеньемъ або шіею“; о всѣхъ отличившихся долженъ былъ представлять господарю. Гетманъ, какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, составлялъ реестръ явившимся на войну къ сроку и остававшимся на войнѣ до роспуска войска. Онъ слѣдилъ за соблюденіемъ ратными людьми военной дисциплины, наказывалъ за ея нарушенія, судилъ ратныхъ людей въ ихъ взаимныхъ обидахъ и налагалъ взысканія, опредѣленныя въ „уставѣ“. Всѣ эти постановленія были обобщены, распространены и дополнены въ раздѣлѣ второмъ Статута 1529 года. Напряженная борьба, которая велась въ то время, такимъ образомъ, вызвала цѣлое систематическое законодательство о размѣрахъ военной службы съ земскихъ имѣній, о порядкѣ мобилизаціи, о взысканіяхъ за уклоненіе или неисправное отбываніе воинской службы, за нарушеніе военной дисциплины и т. д.

Это законодательство имѣло своею цѣлью наивозможно полное использованіе военныхъ силъ, шедшихъ съ земскихъ имѣній великаго княжества. Но этихъ силъ уже стало недостаточно для успѣшнаго веденія наступательной и особенно оборонительной войны. Въ то время въ Польшѣ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ пользовались услугами наемныхъ войскъ. Люди, посвящавшіе себя военному ремеслу, солдатской профессіи, оказывались въ битвахъ болѣе искусными и стойкими, чѣмъ рыцарская, дворянская, или городская милиція. При томъ же съ этою милиціею трудно было оперировать во всѣхъ, сколько-нибудь продолжительныхъ и затягивавшихся войнахъ. На западѣ, какъ извѣстно, существовали прямые сроки, по истеченіи которыхъ рыцари могли уѣхать съ войны. Въ Польшѣ такихъ сроковъ не было, но собиравшіеся на войну шляхтичи не рѣдко разъѣзжались по домамъ по необходимости, вслѣдствіе истощенія привезенныхъ изъ дома съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и денегъ, или просто для свиданья съ семьями. Такъ же обстояло дѣло и на Литвѣ. Все это въ общей сложности заставило и литовско-русское правительство прибѣгнуть къ вербовкѣ наемныхъ „служебныхъ“ уже при Казимирѣ и Александрѣ. Жолнеровъ (Söldner) цѣнили не столько за количество, сколько за ихъ качество, за то моральное дѣйствіе, которое они оказывали въ битвахъ своихъ искусствомъ и стойкостью на остальное войско. Поэтому, отправляя своего посла въ Польшу въ мартѣ 1493 года съ просьбою о помощи противъ Москвы, великій князь Александръ наказывалъ ему войдти въ переговоръ съ ротмистрами, т.-е. офицерами-профессіоналистами, которые собирали и нанимали на службу военныхъ людей по порученіямъ правительствъ, и на первыхъ порахъ привести хотя бы 300 жолнеровъ. Какъ важно было ихъ участіе въ бою, показала Ведрошская битва, въ которой сражалось одно только земское ополченіе великаго княжества: въ этой битвѣ литовцы были разбиты на голову, много людей было побито, много побрано въ плѣнъ. Недостатокъ стойкости обнаружился и въ другихъ пораженіяхъ, испытанныхъ въ томъ же году литовскими войсками, напр., подъ Мстиславлемъ. Послѣ этихъ пораженій Александръ навербовалъ для продолженія войны множество служебныхъ въ Польшѣ, Моравіи

и Силезіи за дорогую цѣну. Хотя эти служебные на первыхъ порахъ и не принесли той пользы, какая отъ нихъ ожидалась, и только починили грабежи и опустошенія литовскимъ жителямъ, тѣмъ не менѣе Александръ не разочаровался въ нихъ, и въ послѣдующее время мы видимъ у него на службѣ этихъ жолнеровъ. Въ походѣ на москвитянъ въ 1502 году служебные составляли авангардъ литовской арміи. Въ то же время они были разставлены на пограничныхъ замкахъ, напр., въ Полоцкѣ и Смоленскѣ, и оставались тамъ и по окончаніи войны съ Москвою, на всякій случай. Преемникъ Александра Сигизмундъ въ первой войнѣ съ Москвою держалъ 5000 служебныхъ подъ начальствомъ Фирлея. Источники упоминаютъ о служебныхъ, нанимавшихся и во время второй войны съ Москвою какъ для дѣйствія противъ москвитянъ, такъ и для охраны украинныхъ замковъ. Число этихъ служебныхъ по даннымъ источниковъ доходило до 5000 человѣкъ; на одной южной украйнѣ содержалось ежегодно 2—3 тысячи человѣкъ. Всѣмъ этимъ служебнымъ платилось жалованье по четвертямъ года—конному 10 золотыхъ, пѣшему 5—6 или около того. Ротмистры и поручники (помощники ротмистровъ) получали за свои труды по вербовкѣ и командованію усиленное вознагражденіе (ротмистры, напр., по 10 золотыхъ за каждые 30 человѣкъ служебныхъ). Принимая во вниманіе, что золотой равнялся 30 грошамъ, а покупная сила тогдашняго гроша равнялась приблизительно нынѣшней полтинѣ, получаемъ огромныя суммы отъ $1^1/_2$ до 3 мил. рублей, которыя приходилось расходовать великому княжеству спеціально на наемъ служебныхъ.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ.

XXXIV.

Финансовыя мѣропріятія въ эпоху борьбы съ Москвою и татарами при Александрѣ и Сигизмундѣ I.

„Заставы“ господарскихъ имѣній.—Чрезвычайныя подати по опредѣленію сеймовъ—серебщины и поголовщины.—Уставы 1514 и 1529 годовъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Тродкаго повѣтовъ и Жмудской земли; тенденція къ оброчной системѣ повинностей. Учрежденіе писарей-контролеровъ и инструкторовъ по управленію доменами.—Осада мѣстъ и селъ на волокахъ и чиншѣ.—Распространеніе магдебургскаго и хельмскаго права въ городахъ.—Погоня за „готовизною“, какъ движущая сила всѣхъ этихъ реформъ.

Текущихъ поступленій на уплату жалованья служебнымъ не хватало. Подъ давленіемъ неотложной нужды литовско-русскій господарь сталъ обращаться къ займамъ у своихъ князей и пановъ подъ залогъ своихъ имѣній. Ссужавшіе его деньгами паны получали въ „заставу“ господарскія имѣнья либо „въ суммѣ пенязей“, съ правомъ брать съ нихъ въ

свою пользу не только обычные намѣстничьи доходы, но и господарскіе, цѣликомъ или частью, въ уплату процентовъ, или „на выбиранье пенязей“, т. е. въ уплату процентовъ и погашеніе долга. Къ такой операціи прибѣгъ уже великій князь Александръ, въ концѣ своего великокняженія позаложившій не мало своихъ господарскихъ имѣній. Но въ особенности широко использовалъ эти рессурсы братъ его Сигизмундъ послѣ взятія Смоленска москвитянами, въ 1515, 1516, 1518 и 1519 годахъ. Къ 1522 году почти всѣ господарскія имѣнья и мыта „въ долзѣхъ зашли“. „Заставы“ имѣній и мытъ, конечно, выручали литовско-русское правительство въ критическія минуты, но они вмѣстѣ съ тѣмъ сокращали притокъ обычныхъ поступленій въ скарбъ и грозили въ концѣ концовъ совершеннымъ прекращеніемъ этихъ поступленій. Значитъ, надо было изыскивать какія-нибудь новыя средства для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, и средства эти найдены были въ чрезвычайныхъ податяхъ, которыми стали облагать себя всѣ землевладѣльцы великаго княжества Литовскаго.

Къ этому средству прибѣгъ уже король Казимиръ: въ 1473 году сеймъ, собиравшійся въ Вильнѣ, опредѣлилъ дать ему субсидію со всѣхъ земель великаго княжества по 6 пражскихъ грошей съ плуга. Это средство подсказано было литовско-русскому господарю и хорошо знакомою ему практикою Польши, и самою логикою вещей. Въ Польшѣ уже давно, со времени освобожденія шляхетскихъ имѣній отъ платежа податей (кромѣ двухъ грошей съ лана въ знакъ подданства) правительство обращалось къ шляхтѣ на сеймахъ за денежными субсидіями на государственныя нужды. Литовскіе князья, паны, земяне и бояре шляхта съ 1447 года были также освобождены отъ платежа въ скарбъ постоянной серебщины съ своихъ людей. Естественно поэтому, что рано или поздно и литовско-русскій господарь долженъ былъ обратиться къ нимъ съ приглашеніемъ нести матеріальныя жертвы на алтарь отечества. При Казимирѣ, по всѣмъ даннымъ, субсидія была опредѣлена панами-радою на литовскомъ сеймѣ. Но когда началась напряженная борьба съ Москвою, немыслимо стало рѣшать подобные вопросы безъ участія князей и бояръ изъ земель-аннексовъ великаго княжества. И безъ того эти князья и бояре были недовольны Литвою, пропагандировавшею церковную унію, и безъ того обнаруживали по временамъ шатость и стремленія къ отпаденію отъ Литвы. Привлечь ихъ къ жертвамъ для государства, и при томъ тяжелымъ, легче всего, конечно, было, войдя съ ними въ переговоры, заручившись ихъ добровольнымъ согласіемъ. Поэтому съ самаго начала великокняженія Сигизмунда для „ухвалы“ серебщины собираются великіе вальные сеймы съ участіемъ князей, пановъ, земянъ и бояръ-шляхты всѣхъ земель великаго княжества.

Первая серебщина была опредѣлена на великомъ „соймѣ“ 1507 года. Литовское правительство готовилось къ войнѣ съ Москвою и найму „служебныхъ“. Между тѣмъ оставались еще долги отъ великаго князя Александра, который умеръ, не расплатившись со „служебными“. Князь-бискупъ и паны-рада, воеводы и княжата, земяне, вдовы и вся шляхта, собравшіеся

на сеймъ въ Вильнѣ „зволили“ дать господарю серебщину съ своихъ людей за текущій годъ съ воловой сохи по 6 грошей, съ конской по 3; съ тѣхъ, кто не имѣлъ ни воловъ, ни клячъ, но держалъ землю, также по 3 гроша. Въ 1514 году, когда возобновилась война съ Москвою, великій вальный сеймъ въ Вильнѣ постановилъ нанять семь тысячъ польскихъ жолнеровъ, а для уплаты имъ жалованья дать поголовщину въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и золотого съ урядниковъ и сановниковъ государства. Серебщина для уплаты жалованья служебнымъ опредѣлялась затѣмъ на Виленскомъ сеймѣ 1516 года. На Берестейскомъ сеймѣ 1518 и начала 1519 года опредѣлялась снова поголовщина не только въ срединныхъ, но и въ окраинныхъ областяхъ. Каждый панъ и каждый урядникъ долженъ былъ дать съ головы своей, жены и дѣтей по золотому, т. е. по 30 грошей, каждый шляхтичъ — по 2 гроша; простые люди—по грошу. Въ 1520 году въ военномъ станѣ подъ Минскомъ рыцарство-шляхта согласилось дать серебщину съ своихъ людей, за исключеніемъ Жмудской земли, которая отказалась сдѣлать, „выламываючи своими правы“. Въ 1522 году на сеймахъ въ Городнѣ и Вильнѣ на все великое княжество, не исключая и украинныхъ земель, была положена новая серебщина. Всѣ землевладѣльцы какъ свѣтскіе, такъ и духовные должны были отъ каждой сохи воловой дать 15 грошей, отъ конской—вдвое меньше, отъ людей, не имѣющихъ сохъ, но держащихъ землю, 6 грошей, отъ огородниковъ 3 гроша. Новая серебщина была положена на сеймѣ 1524 года и затѣмъ на сеймѣ 1528 года. Послѣдняя серебщина была наложена частью на уплату „служебнымъ“, частью на выкупъ „заставленныхъ“ господарскихъ имѣній. Размѣръ ея былъ опредѣленъ въ 11 грошей и $2^1/_2$ пенязей со службы, или полторы копы грошей (90), съ каждыхъ восьми служебъ, выставляющихъ одного коннаго ратника на войну. Шляхтичи, не имѣвшіе людей, ничего не платили, ибо вообще съ барской запашки („съ домовыхъ сохъ“) не взималось никакихъ налоговъ. Обложенію подвергнуты были и всѣ господарскія мѣста. На каждое мѣсто была наложена опредѣленная сумма, которую оно должно было внести въ скарбъ; раскладка же внутри мѣста была уже дѣломъ мѣстныхъ властей. Всѣ евреи, жившіе въ господарскихъ мѣстахъ,—Троцкіе, Городенскіе, Пинскіе, Берестейскіе, Кобринскіе, Клецкіе, Луцкіе, Владимірскіе и Новгородскіе должны были всѣ вмѣстѣ внести въ скарбъ 1000 копъ грошей, разложивъ эти деньги „сами на себя, якъ вѣдаючи, водлѣ можности кождого“. Всего предложено было собрать 7000 копъ грошей. Но такъ какъ этихъ денегъ не было собрано, то въ октябрѣ 1529 года положена была новая серебщина, дополнительная, въ размѣрѣ 2 грошей съ каждой службы людей. Предъ началомъ третьей войны съ Москвою, на сеймѣ 1534 года, была „ухвалена“ серебщина на три года со всѣхъ подданныхъ господаря, королевы, княжескихъ, панскихъ и земянскихъ: съ каждаго рабочаго вола 12 грошей, съ коня 6 грошей; съ того, кто имѣлъ одну землю, но не имѣлъ ни коней, ни воловъ, также 6 грошей; съ огородниковъ 3 гроша; на мѣста господарскія серебщина была

положена общею суммою. Въ 1538 году на содержаніе „служебныхъ“ на украинныхъ замкахъ паны-рада, княжата, панята и земяне, бывшіе на сеймѣ въ Новгородѣ, „зволили“ дать платъ съ своихъ людей по 20 грошей „съ коня“, т. е. съ каждыхъ восьми служебъ, которые выставляли одного коннаго ратника. Въ 1540 году Виленскій сеймъ „ухвалилъ“ новую серебщину со всѣхъ подданныхъ господарскихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ, кромѣ слугъ путныхъ, бояръ и слугъ бояръ ихъ, на три года въ такомъ размѣрѣ: кто пашетъ одною сохою на двухъ волахъ или клячахъ долженъ дать 12 грошей; кто пашетъ одною сохою на одномъ волѣ или клячѣ—шесть грошей; у кого нѣтъ воловъ или клячъ, а есть только земля, съ земли шесть грошей; у кого есть только огороды, и нѣтъ ни скота, ни другой земли, три гроша; „воляне“ которые „ново“ осѣли, но пашню уже запахали и хлѣбъ съ своей земли ѣли, платятъ по общему правилу; тѣ же изъ нихъ, которые еще не ѣли хлѣба съ пашни своей, не должны платить ничего.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что серебщина съ владѣльческихъ крестьянъ, имѣвшая первоначально значеніе чрезвычайной подати, субсидіи господарскому скарбу въ трудныя минуты государства, превратилась въ разсматриваемое время почти въ постоянную подать, опредѣляемую на сеймахъ. Трудное время, переживавшееся Литовско-Русскимъ государствомъ, лишило землевладѣльцевъ великаго княжества матеріальныхъ благодѣяній привилея 1447 года. Но при всемъ томъ вся политико-юридическая цѣнность этого акта осталась въ силѣ. Серебщина даже въ качествѣ обычной подати осталась субсидіею, которая давалась господарю „станами“ сейма добровольно, по крайней мѣрѣ въ идеѣ. Необходимость полученія этой субсидіи обусловила частые, черезъ годъ—два—три, а по временамъ и ежегодные созывы сеймовъ, что, какъ увидимъ ниже, должно было направить внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства въ томъ же направленіи, въ какомъ оно совершалось и въ Польшѣ.

Подъ давленіемъ хронической финансовой нужды литовско-русское правительство въ разсматриваемое время дѣлало нѣкоторыя попытки къ увеличенію поступленій въ господарскій скарбъ путемъ улучшенія хозяйства и обложенія въ господарскихъ доменахъ, улучшенія порядка сборовъ и усиленія контроля за ними. Первая крупная попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ 1514 году. Въ этомъ году разослана была „устава“, т. е. инструкція державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. „Устава“ предписывала державцамъ всѣ лишнія тяглыя и спеціальныя службы крестьянъ осадить „на пенязѣхъ“, т. е. перевести на оброкъ. Это дѣлалось частью подъ давленіемъ нужды въ „готовизнѣ“, частью потому, что издѣльная повинность и натуральная подать легче ускользали отъ контроля, чѣмъ оброчное обложеніе. Вообще вся устава проникнута тенденціею сократить по возможности натуральное хозяйство въ господарскихъ доменахъ и замѣнить его сборомъ денежныхъ оброковъ съ крестьянъ. Кромѣ того „устава“ стремилась точно опредѣлить, что съ господарскаго хозяйства долженъ былъ получать державца, что должно было идти госпо-

дарю. Въ 1529 году, когда долженъ былъ совершиться выкупъ „заставленныхъ“ господарскихъ имѣній, и они снова переходили въ распоряженіе великокняжеской администраціи, издана была новая „устава“ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и „устава“ державцамъ и тивунамъ Жмудской земли. Въ этихъ „уставахъ“ оброчная тенденція выступила еще рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ уставѣ 1514 года, а господарскіе доходы и намѣстничьи перечислены съ большею полнотою и обстоятельностью, охватывая не только села, но и мѣста державъ. Для наилучшаго контроля и руководства державцевъ учреждены были писари дворовъ Виленскаго повѣта, Троцкаго, Жмудской земли и Поднѣпрскихъ волостей. Эти писари два раза въ годъ должны были объѣзжать господарскія державы и волости и брать „личбу“, т. е. учитывать державцевъ и тивуновъ. Кромѣ того, имъ поручалось иногда собирать „капщинные“ или „корчомные пенязи“ въ господарскихъ волостяхъ, а въ Поднѣпрскихъ волостяхъ „недополнки“ даней, которыя мѣстные данники вносили въ скарбъ либо черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ, либо черезъ руки своихъ „старцевъ“. Писари не ограничивались, впрочемъ, принятіемъ „личбы“ и сборомъ денегъ, но вмѣшивались въ управленіе и по существу, не только „пописывали“, но и устанавливали вновь господарскіе пожитки, рѣшали вопросы о повинностяхъ крестьянъ и т. под. Такъ подъ вліяніемъ растущихъ нуждъ государства совершенствовалось и формировалось управленіе государственными имуществами великаго княжества и измѣнялась финансовая практика.

Тенденція къ оброчной системѣ повинностей проявилась также и въ сферѣ колонизаціонной политики литовско-русскаго правительства. Осаживая пустыя земли на Подляшьѣ, въ Берестейской области, въ западныхъ частяхъ Волыни и на Полѣсьѣ, литовско-русское правительство измѣряло эти земли на волоки и сажало колонистовъ на чиншъ, который замѣнялъ литовскія тяглыя службы и натуральныя дани цѣликомъ или въ большей части. Мѣста и села, возникавшія на западѣ на „сыромъ корени“, вновь, большею частью устраивались на нѣмецкомъ правѣ. Конечно, много тутъ значилъ примѣръ, вліяніе сосѣдней Польши, но путь этому примѣру, этому вліянію облегчала усиленная погоня Литовскаго правительства за готовымъ грошемъ.

Эта же погоня несомнѣнно вліяла и на дарованіе по польскому примѣру литовско-русскимъ городамъ „майтборскаго“ или „хелминскаго“ права. Изслѣдователями отмѣчено, что широкая раздача привилегій на магдебургское право началась какъ разъ въ разгаръ борьбы съ Московскимъ государствомъ, съ послѣдняго пятилѣтія XV вѣка. Лихорадочная раздача этихъ привилегій, носящая характеръ какой-то моды, увлеченія, заставляетъ видѣть здѣсь не столько органическую реформу, подготовленную внутреннимъ развитіемъ литовско-русской городской жизни, сколько чисто внѣшнюю, финансовую мѣру.

Нѣкоторыми изслѣдователями всѣ эти явленія ставятся въ связь съ развитіемъ денежнаго хозяйства на Литвѣ и западной Руси. Конечно,

нельзя отрицать въ данномъ случаѣ значенія прилива драгоцѣнныхъ металловъ, увеличенія денегъ въ народномъ оборотѣ. Но при всемъ томъ тенденція къ замѣнѣ издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей денежною, шла несомнѣнно впереди совершавшейся эволюціи въ народно-хозяйственной жизни. Эта тенденція вызвана была и поддерживалась потребностями международной борьбы, въ которую втянуто было Литовско-Русское государство. Эта борьба заставляла правительство этого государства вытягивать изъ населенія „готовизну“, т. е. деньги, во что бы то ни стало, не считаясь съ тѣмъ, увеличилось или нѣтъ количество этой „готовизны“ у населенія. Въ данномъ случаѣ практика литовско-русскаго правительства была совершенно та же, что и практика Петра Великаго въ эпоху Сѣверной войны. И Петръ вводилъ своего рода поголовщину и серебщину въ своихъ чрезвычайныхъ сборахъ; и Петръ лихорадочно тащилъ деньги изъ всѣхъ кармановъ, лихорадочно улучшалъ управленіе и вводилъ городское самоуправленіе.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. I.

XXXV.

Великій вальный сеймъ при Сигизмундѣ I; начало политическаго возвышенія шляхты.

Привлеченіе шляхты къ сеймованію и организація ея представительства; отступленія отъ принципа представительства.—Составъ великаго вальнаго сейма къ концу великокняженія Сигизмунда I.—Избраніе господаря и постановленіе уніи, какъ первоначальная компетенція литовско-русскаго сейма.—Расширеніе ея постановленіями о начатіи войны, о размѣрахъ военной службы съ имѣній и о сборѣ серебщины при Сигизмундѣ I.—Участіе сейма въ законодательствѣ; изданіе статута 1529 г.—Преобладающая роль литовско-русской аристократіи на сеймахъ при Сигизмундѣ I.—Политическое воспитаніе шляхты и пробужденіе въ ней самостоятельныхъ стремленій къ концу правленія Сигизмунда I; требованія выборнаго суда и другихъ гарантій правосудія.

Напряженная борьба съ Москвою и татарами оказала рѣшительное вліяніе на расширеніе состава и дѣятельности великаго вальнаго сейма Литовско-Русскаго государства. Этотъ сеймъ, вошедшій въ государственную практику великаго княжества при Казимирѣ, составлялся, какъ мы уже видѣли, изъ пановъ радныхъ, „значнѣйшей“ литовской шляхты и „старшихъ“, т. е. князей и пановъ областей-аннексовъ. Но такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока великій вальный сеймъ рѣшалъ только политическіе вопросы, касавшіеся уніи и избранія господарей. Но уже съ самаго начала великокняженія Сигизмунда великіе вальные сеймы стали созываться для рѣшенія такихъ вопросовъ, которые прямо и непосредственно затрогивали

матеріальные интересы шляхты, какъ обложеніе земскихъ имѣній серебщиною на военныя нужды и установленіе размѣровъ военной службы съ этихъ имѣній. Обходить рядовую шляхту въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ уже сказано, было неудобно какъ по юридическимъ соображеніямъ, въ виду привилея 1447 года, такъ и по политическимъ, въ виду національно-религіознаго тяготѣнія русскихъ областей къ Москвѣ. Поэтому на великіе вальные сеймы при Сигизмундѣ I стала созываться не только литовско-русская аристократія, но и рядовая шляхта всѣхъ земель великаго княжества.

Сначала шляхта приглашалась поголовно. Представительства отъ нея не было, и пріѣзжали всѣ, кто хотѣлъ и имѣлъ возможность или надобность до господаря. Вотъ почему и на Виленскомъ сеймѣ 1507 года имѣлъ мѣсто такой случай: присутствовавшіе въ случайномъ составѣ жмудскіе бояре не рѣшились дать своего согласія на сборъ серебщины, такъ какъ на сеймѣ не было ни кого изъ ихъ „старшихъ“. Поголовнымъ же привлеченіемъ на сеймъ шляхты объясняется и тотъ фактъ, что начавшаяся мобилизація разстроила совѣщанія Берестейскаго сейма 1511 года. Испытанныя неудобства отъ поголовнаго привлеченія шляхты на сеймы повели къ организаціи представительства отъ шляхты. Задумавъ собрать въ 1512 году новый сеймъ въ Вильнѣ для рѣшенія вопросовъ, не оконченныхъ на Берестейскомъ сеймѣ 1511 тода, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собрали шляхту въ своихъ повѣтахъ и предложили ей выбрать двоихъ представителей на сеймъ, давши имъ „зуполную моцъ“. Съ того времени избраніе шляхетскихъ „пословъ“ входитъ въ обычай и окончательно устанавливается въ сеймовой практикѣ. Выборы производились подъ руководствомъ мѣстныхъ державцевъ, а иногда хоружихъ, которые обычно также пріѣзжали на сеймы. Однако, не смотря на организацію правильнаго представительства, шляхтѣ не возбранялось присутствовать на сеймахъ и лично. Вслѣдствіе этого нѣкоторые сеймы, какъ напр., Берестейскій 1515—1516 г. и Берестейскій 1544 года отличались большимъ многолюдствомъ. Господарь на сеймахъ рѣшалъ множество текущихъ дѣлъ, выдавалъ пожалованья на имѣнья, производилъ суды и т. д. Поэтому на сеймы многіе шляхтичи пріѣзжали по личнымъ дѣламъ и также принимали, по всѣмъ даннымъ, участіе въ занятіяхъ сеймовъ. Шляхта участвовала viritim на тѣхъ сеймахъ, которые составлялись въ военномъ лагерѣ во время сборовъ земскаго ополченья великаго княжества Литовскаго. Таковы были, напр., сеймы подъ Минскомъ въ 1507, 1520 и 1521 годахъ и подъ Новгородкомъ въ 1538 году.

Въ концѣ концовъ въ великокняженіе Сигизмунда установился такой составъ великаго вальнаго сейма: паны-рада, урядники (старосты, державцы, тивуны, хоружіе), княжата и панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго. Сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по нимъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались лично князья Слуцкій и Дубровицкій, всѣ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи и другіе. Все это были лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ

фамилій, предки которыхъ участвовали еще на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла, въ большинствѣ крупные землевладѣльцы, даже паны хоругвные, выводившіе свои „почты“ подъ собственными хоругвями. По отношенію къ этимъ фамиліямъ, пока ихъ не постигало окончательное захуданіе, держалась извѣстная традиція, признававшая ихъ станами, „сойму належачими“. Вызывались на сеймы и православные епископы съ митрополитомъ во главѣ, какъ владѣльцы имѣній, съ которыхъ шла земская служба. Въ общемъ можно сказать, что при Сигизмундѣ I составъ литовско-русскаго вальнаго сейма опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

При Сигизмундѣ же на практикѣ и частью въ теоріи намѣтилась и та компетенція великаго вальнаго сейма, которая нашла себѣ юридическое, хотя и не полное, выраженіе въ Литовскомъ статутѣ 1566 года. Ко времени Сигизмунда I компетенція вальнаго сейма опредѣлилась въ двухъ вопросахъ: въ избраніи господаря и заключеніи уніи съ Польшею. Когда предстояло избраніе Александра, паны-рада сочли нужнымъ обратиться съ циркулярнымъ приглашеніемъ на сеймъ къ князьямъ, панамъ и земянамъ всѣхъ земель великаго княжества, въ которомъ указывали, что они были завсегда „за одинъ посполу“ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, и выражали надежду, что и на этотъ разъ они будутъ также „посполу“ съ великимъ княжествомъ и сообща съ нимъ выберутъ одного изъ сыновей покойнаго короля. Значитъ, паны-рада признавали за землевладѣльцами земель-аннексовъ прямое право участвовать въ избраніи господаря. Такое же право признавали они за ними и въ рѣшеніи вопроса объ уніи. На этомъ основаніи они отказали полякамъ въ ратификаціи договора объ уніи, заключеннаго въ 1501 году: на это де не соглашаются нѣкоторыя земли, „которыи жъ прислухають къ великому князьству“. При Сигизмундѣ эти выяснившіяся права оставались въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господаря и выступать въ качествѣ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. Сигизмундъ Августъ избранъ былъ преемникомъ своему отцу на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 года, а на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1529 года былъ уже возведенъ на великое княженіе „за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великаго князьства“, по позднѣйшему сознанію самого Сигизмунда-Августа. Переговоры о подтвержденіи уніи велись на вальномъ Берестейскомъ сеймѣ 1511 года, на вальныхъ сеймахъ Виленскихъ 1512, 1514 и 1532 годовъ, и если это подтвержденіе не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякамъ не удалось взять „порозумене“ съ панами-радою великаго княжества, съ княжатами, панятами и со всѣми землями, которыя „привлащоны“ къ великому княжеству.

При Сигизмундѣ на вальныхъ сеймахъ стали рѣшаться вопросы о войнѣ. Такъ, на Виленскомъ сеймѣ 1514 года было рѣшено продолжать

войну съ Москвою; подобное же рѣшеніе состоялось и на Виленскомъ сеймѣ 1516 года. Точно такъ же и въ 1534 году рѣшеніе о начатіи войны съ Москвою состоялось на вальномъ Виленскомъ сеймѣ. Можно сказать, что за великимъ вальнымъ сеймомъ стало уже признаваться извѣстное право въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что война съ Волошскимъ воеводою въ 1532 году не состоялась потому, что ея не захотѣло шляхта-рыцарство, собранное на великомъ Виленскомъ сеймѣ.

Расширеніе компетенціи великаго вальнаго сейма въ этомъ направленіи было историческою необходимостью. Войны для литовскаго правительства въ XVI в. были уже почти немыслимы безъ наложенія экстраординарныхъ военныхъ тягостей на землевладѣльцевъ великаго княжества, безъ денежныхъ субсидій съ ихъ стороны. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на начатіе или продолженіе войны, чтобы тѣмъ легче получить отъ нихъ и самую субсидію или согласіе на болѣе тяжелое обложеніе военною повинностью въ натурѣ. Большая часть великихъ вальныхъ сеймовъ въ великокняженіе Сигизмунда созывалась именно съ этою послѣднею цѣлью. „Ухвала“ военныхъ уставъ и серебщины изъ области практики перешла въ право, признана была законнымъ порядкомъ. Сигизмундъ въ своей грамотѣ 1528 года, изданной по поводу выкупа господарскихъ имѣній изъ „заставы“, торжественно призналъ, что онъ не можетъ, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе, конечно, могли быть получены только на сеймахъ. Статутъ 1529 г. мимоходомъ призналъ дѣломъ великаго вальнаго сейма и опредѣленіе размѣровъ военной службы съ земскихъ имѣній. Первый артикулъ II раздѣла этого статута гласитъ, что каждый владѣющій земскимъ имѣньемъ долженъ служить съ него и выправлять на войну ратниковъ „подле уфалы земское“. Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь уже послѣ изданія статута 1529 года сталъ отступать отъ установившагося порядка и опредѣлять размѣры военной службы по совѣту только съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестьѣ въ 1544 году, не преминули сдѣлать господарю по этому поводу представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ самомъ оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, при участіи княжатъ, панятъ, старостъ, хоружихъ и шляхты, „съ которыхъ призволеньемъ и радою завжды оборона была доконывана“. Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тотъ же порядокъ. Хотя господарь далъ суровую отповѣдь на эту просьбу, какъ на неумѣстное будто бы притязаніе, но тутъ же косвенно призналъ за станами сейма то право, на которое они претендовали, заявивъ, что оставляетъ въ силѣ свое прежнее рѣшеніе объ отправленіи на войну съ девяти человѣкъ десятаго, „на што вжо сами есте зволили“. Позже постановленія объ оборонѣ земской дѣлались не иначе, какъ въ формѣ земскихъ „ухвалъ“. Статутъ 1566 года уже устранилъ всякія недоразумѣнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредѣливъ, что господарь съ панами-радою не имѣютъ „мочи“ одни, безъ валь-

наго сейма, устанавливать оборону земскую, налагать серебщину или какой либо „поплатъ“.

Изданіе военныхъ „уставъ“ и наложеніе серебщины были видами частнаго законодательства, составлявшаго компетенцію великаго вальнаго сейма. Отсюда уже былъ одинъ шагъ къ расширенію компетенціи сейма и въ сферѣ общаго законодательства. Одновременно съ опредѣленіями относительно количества ратныхъ людей, которые должны были выставляться съ земскихъ имѣній, на великихъ вальныхъ сеймахъ стали вырабатываться постановленія общаго характера о наказаніяхъ за неявку, опозданіе и другія неисправности по военной службѣ, о правахъ и обязанностяхъ гетмана и т. д. Господарь и паны-рада стали вносить на разсмотрѣніе становъ сейма и другіе важные вопросы законодательства, которые и стали рѣшаться ухвалою сейма. Такимъ образомъ, напр., Городенскій сеймъ 1522 года „ухвалилъ“ конфискацію имѣній за неправильный захватъ господарскихъ земель; на Виленскомъ сеймѣ 1529 года установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ пановъ-рады для разбора нерѣшенныхъ господаремъ дѣлъ. Въ особенности на великомъ вальномъ сеймѣ стали разрѣшаться тѣ законодательные вопросы, которые и поставлены были по иниціативѣ „становъ“ сейма. Такъ, напр., въ 1509 году по просьбѣ становъ сейма издана была устава о „пересудахъ“, т. е. о судебныхъ пошлинахъ съ гражданскихъ дѣлъ. На сеймахъ 1514 и 1522 годовъ были поданы господарю просьбы о томъ, чтобы онъ далъ своимъ поданнымъ писаные права и законы. Внявъ этимъ просьбамъ, господарь и паны-рада позаботились о составленіи проекта уложенія, или статута. Этотъ проектъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 года и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принятъ былъ окончательно во всѣхъ „артикулахъ“ станами сейма. Привлеченіе сейма къ подобной законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ долженъ былъ не только кодифицировать письменные законы, но и формулировать существующіе юридическіе обычаи, пополнить недостатки въ законодательствѣ по указаніямъ жизни. Поэтому уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, „согадавши“ съ князьями и панами-радою великаго княжества и „со всѣмъ поспольствомъ“. Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ I. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ „со всею землею“. Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и ихъ прямымъ участіемъ. Такъ поступалъ онъ и позже. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года господарь издалъ „уставу“ относительно порядка переписи шляхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы сейма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной службы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи „заручныхъ листовъ“ по заочнымъ жалобамъ, о неподсудности шляхты суду духовному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ

къ земскому суду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея подданнымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д. Можно сказать, что участіе сейма въ законодательствѣ при Сигизмундѣ стало обычнымъ явленіемъ. Оставалось только формально признать за сеймомъ право участія въ законодательствѣ, что и сдѣлано было во второмъ Статутѣ 1566 года.

Такъ великій вальный сеймъ Литовско-Русскаго государства при Сигизмундѣ I по значенію своему близко подошелъ къ польскому сейму. Но при всемъ томъ онъ все еще разнился отъ польскаго сейма. Дѣло въ томъ, что, хотя рядовая шляхта и заняла на немъ постоянное мѣсто, но не играла еще первенствующей роли, какъ на польскомъ сеймѣ. Починъ, главная роль, рѣшающій голосъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ принадлежали большею частью панамъ-радѣ. Даже тѣ постановленія, инціатива которыхъ исходила отъ шляхты, разрабатывались большею частью въ кругу пановъ-рады. Если шляхта по временамъ выступала активно, то главнымъ образомъ потому, что въ ея „колѣ“ была значительная часть аристократическихъ элементовъ, не вошедшихъ въ раду, княжатъ и панятъ. Въ кругу князей и пановъ, такимъ образомъ, лежалъ центръ политической тяжести литовско-русскаго сейма при Сигизмундѣ I. Великій вальный сеймъ по существу своему въ разсматриваемое время былъ полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всѣми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совѣщающимся въ присутствіи шляхты и до извѣстной степени прислушивающимся къ ея желаніямъ и мнѣніямъ. Какую роль играла знать на великихъ вальныхъ сеймахъ того времени, объ этомъ даетъ понятіе заявленіе пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда одному поляку. Панъ говорилъ, что шляхта занимаетъ на Литвѣ иное положеніе, чѣмъ въ Польшѣ; „и сеймы наши отправляются совершенно иначе: что рѣшается господаремъ и панами-радою, то шляхтою обязательно принимается къ исполненію; мы вѣдь приглашаемъ шляхту на наши сеймы какъ будто бы для чести, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы всѣмъ явно было то, что мы рѣшаемъ“. Въ этомъ заявленіи несомнѣнно есть преувеличеніе. Шляхта вовсе уже не была такою пассивною и по временамъ отказывала въ своемъ согласіи, разстраивая планы господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., на Виленскомъ сеймѣ 1521 года шляхта отвергла проектъ посылки ея на украинныя земли на гарнизонную службу на томъ основаніи, что она уже дала серебщину для найма на эту службу жолнеровъ. Въ 1532 году рыцарство великаго княжества Литовскаго не захотѣло „призволить“ на войну съ Волошскимъ воеводою, для которой король просилъ у Литовцевъ помощи, и Литва осталась въ мирѣ съ воеводою. Но въ общемъ при всемъ томъ нельзя не признать, что при Сигизмундѣ главную, преобладающую роль на сеймѣ играли вельможи, и многія постановленія выступаютъ, какъ постановленія господаря и пановъ-рады на сеймахъ.

Но къ концу великокняженія Сигизмунда шляхта стала уже выходить изъ своей подчиненной, пассивной роли. Къ тому времени подъ вліяніемъ частаго сеймованія сдѣлало уже значительные успѣхи политическое воспи-

таніе шляхты. Шляхта втянулась въ курсъ политической жизни, ознакомилась съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и прониклась извѣстными политическими стремленіями. На сеймахъ конца великокняженія Сигизмунда Стараго шляхта не только совмѣстно съ своею старшею братьею—княжатами и панятами подавала рядъ петицій господарю, клонившихся къ утвержденію и дальнѣйшему „розмноженью“ ея правъ и вольностей, но и выступала отдѣльно, съ домогательствами, клонившимися къ ея пользѣ, къ огражденію ея отъ утѣсненій со стороны старшей братьи—князей и пановъ и къ сравненію ея въ правахъ съ этими князьями и панами. Такія тенденціи обнаружились на Новгородскомъ сеймѣ 1538 года и особенно на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года. Рыцарство-шляхта въ составѣ другихъ „становъ“ сейма просила, чтобы господарь не раздавалъ уряды въ великомъ княжествѣ чужеземцамъ, чтобы не вызывалъ никого на судъ въ Польшу, чтобы не допускалъ поляковъ владѣть по женамъ имѣньями въ великомъ княжествѣ, чтобы не держалъ по долгу вакантными мѣстъ въ своей радѣ, чтобы не установлялъ обороны земской безъ „оповѣданья и призволенья княжатъ, панятъ и всего рыцарства, съ одними только панами-радою, чтобы несъ военную службу съ тѣхъ имѣній, которыя на него „спали“, чтобы духовные также отправляли военную службу, съ своихъ имѣній какъ отчинныхъ, такъ и церковныхъ, а равно и съ десятинъ, чтобы и мѣщане отправляли военную службу съ земскихъ имѣній наравнѣ съ шляхтою, а съ „купель“ своихъ маетностей по оцѣнкѣ и приказу господаря, чтобы военная служба отправлялась также и съ воеводствъ, старостъ и всякихъ „врядовъ“ по стародавнему, „водле важностей врядовъ“, а особливо съ имѣній стола господарскаго, отданныхъ въ „заставу“ или въ какое-нибудь другое держанье. Послѣдняя просьба, направленная противъ литовскаго панства, указываетъ несомнѣнно на активную роль, которую стала играть шляхта въ составленіи петицій къ господарю. Еще болѣе характерна въ этомъ отношеніи просьба, поданная на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, о томъ, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были избранные шляхтою судья и писарь, съ которыми бы воеводы, старосты и державцы, могли судить каждаго князя, пана и духовнаго въ своемъ повѣтѣ. Дѣло въ томъ, что князья и паны, владѣвшіе имѣньями не подъ господаремъ, не судились намѣстниками-державцами, которые судили только населеніе господарскихъ доменъ, въ томъ числѣ и бояръ-шляхту. Нѣкоторые князья и паны не судились даже передъ воеводами и старостами. Все это создавало великія затрудненія для шляхты, которой приходилось добиваться правосудія на князей и пановъ. Между тѣмъ въ Польшѣ уже давно всѣ землевладѣльцы безъ различія ранговъ подсудны были земскимъ выборнымъ судамъ, существовавшимъ въ каждомъ повѣтѣ, а по важнымъ уголовнымъ дѣламъ—судамъ гродскимъ, во главѣ которыхъ стояли старосты. Литовская шляхта и стала стремиться къ утвержденію подобнаго же порядка въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Кромѣ учрежденія выборныхъ судовъ, литовская шляхта на томъ же сеймѣ подавала и другія просьбы, имѣвшія цѣлью огражденіе своихъ правъ отъ нарушенія со стороны „можныхъ“ князей и пановъ, напр., чтобы воеводы, старосты и державцы давали

ей судъ въ своихъ повѣтахъ, а не по своимъ имѣньямъ, чтобы они не увозили съ собою изъ повѣтовъ судовыхъ книгъ, чтобы не сажали шляхту безъ вины „у везенье“ и не всылали къ ней различныхъ лицъ на постой, чтобы приняты были мѣры противъ сильныхъ и своевольныхъ людей, которые укрываются отъ „позвовъ“ на суды и т. д. Все это въ общей сложности указываетъ на значительные успѣхи политическаго воспитанія рядовой шляхты, на повышеніе въ ней сословно-политическаго самосознанія. Съ этимъ повышеннымъ самосознаніемъ рядовой литовской шляхты пришлось особенно считаться преемнику Сигизмунда Стараго—Сигизмунду-Августу.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просв. 1901, № 10); *Н. А. Максимейко,* Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. Харьковъ 1902; *М. Любавскій,* Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1903, № 2, 3).

XXXVI.

Мѣры по организаціи государственной обороны въ великокняженіе Сигизмунда Августа до Ливонской войны.

Усиленіе опасности со стороны турокъ.—Ревизія замковъ въ 1545 году и ея данныя о состояніи государственной обороны.—Уклоненіе землевладѣльцевъ отъ несенія замковой и другихъ земскихъ повинностей.—Созывъ великаго вальнаго сейма въ 1547 для рѣшенія вопроса о земскихъ повинностяхъ; постановленія о пересмотрѣ привилеевъ на имѣнья.—Опустошенія южной украйны татарами въ 1549 и 1551 годахъ; усиленіе опасности со стороны Москвы.—Великій вальный сеймъ 1551 года и его постановленія о выполненіи земскихъ повинностей, о размѣрахъ военной службы съ имѣній и о сборѣ серебщины.—Описаніе украинныхъ замковъ 1552 г.—Размѣщеніе наемныхъ войскъ по южнымъ замкамъ и возобновленіе Браславскаго замка.—Сеймъ 1552 года и постановленіе о сборѣ „поконевскихъ пѣнязей“.—Сеймъ 1554 года для принятія мѣръ на случай войны съ Москвою.—Постановленія о размѣрахъ военной службы и о сборѣ серебщины.—Общая характеристика принятыхъ для обороны государства мѣръ.

Изнемогая подъ тяжестью лѣтъ и бременемъ государственныхъ заботъ, престарѣлый король Сигизмундъ еще при жизни своей, 8 октября 1544 года, съ согласія Берестейскаго сейма, передалъ управленіе великимъ княжествомъ Литовскимъ молодому королю Сигизмунду-Августу. Новому господарю въ первую очередь пришлось позаботиться объ упорядоченіи и усиленіи обороны Литовско-Русскаго государства отъ внѣшнихъ вторженій.

Вопросъ объ оборонѣ обострился въ то время главнымъ образомъ благодаря наступленію турокъ. Въ 1541 году Турецкій султанъ Солиманъ, призванный на помощь противъ австрійцевъ, осаждавшихъ вдовствующую Венгерскую королеву Изабеллу въ Будѣ, вытѣснилъ австрійцевъ изъ Венгріи,

провозгласилъ малолѣтняго Яна Сигизмунда королемъ Венгріи, а до совершеннолѣтія его занялъ большую часть Венгріи и посажалъ въ ней своихъ правителей. Турки, такимъ образомъ, врѣзались въ средину христіанскаго міра Европы и грозили распространить свое иго и далѣе. Вслѣдствіе этого христіанскія государства начали готовиться къ борьбѣ съ ними. Объ этомъ шли совѣщанія на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ въ 1542 году, на чешскомъ сеймѣ въ Прагѣ, на польскомъ сеймѣ въ Петрковѣ въ 1542, 1543 и 1544 годахъ и на литовскомъ сеймѣ въ Берестьѣ въ 1544 году. Между прочимъ поляки въ виду угрожавшей опасности отъ турокъ возобновляли свои настоянія касательно осуществленія уніи великаго княжества съ короною польскою. Но станы литовскаго сейма и на этотъ разъ предпочли уніи простой оборонительный союзъ съ Польшею и вынесли рѣшеніе—помогать Польшѣ всѣми силами, если турки покажутся со стороны Бѣлгорода и Волыни, и выставить 4000 наемной конницы, если турки будутъ вступать въ Польшу черезъ Силезію или отъ Кошицъ. Этимъ рѣшеніемъ вопросъ объ оборонѣ Литовско-Русскаго государства, конечно, не исчерпывался. Надо было привести въ надлежащее состояніе собственныя его оборонительныя средства, и прежде всего укрѣпленія, замки, которые, по доходившимъ до правительства свѣдѣніямъ, уже давно находились въ неисправномъ, заброшенномъ состояніи.

Съ этою цѣлью господарь и паны-рада весною 1545 года разослали особыхъ посланцовъ съ порученіемъ на мѣстѣ удостовѣриться въ потребностяхъ и нуждахъ замковъ, сдѣлать возможныя распоряженія касательно устраненія замѣченныхъ недостатковъ, а если этого нельзя сдѣлать,—доложить объ нихъ господарю. Посланцы должны были привести въ извѣстность, кто обязанъ строить и чинить эти замки, кто долженъ мостить дороги и мосты, какіе доходы идутъ на содержаніе укрѣпленій и находящагося въ нихъ административнаго персонала, кто долженъ сторожить и оборонять замки, какіе въ нихъ военные запасы и т. д. До насъ дошли результаты „ревизіи“ только южныхъ украинныхъ замковъ, производившейся въ 1545 году бискупомъ Луцкимъ Юріемъ Фальчевскимъ и дьякомъ Львомъ Патеевичемъ Тышковичемъ. Замки эти были—Овручъ, Житомиръ, Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ, Браславль и Вѣница. Но изъ записи дѣяній сейма 1551 года узнаемъ, что не только южные украинные, но и „тутошніе“, т. е. литовскіе, замки были осмотрѣны господарскими посланцами, и составлены были „реистры“ со свѣдѣніями о томъ, „которые князи, панове, бояре повинни замки робити, мосты мостити, гаты гатити, подводы и стацыи давати, сторожу при городахъ давати“. Донесенія господарскихъ посланцовъ констатировали самое плачевное состояніе южныхъ замковъ: укрѣпленія, особенно деревянныя, развалились; дороги и мосты находились въ невозможномъ состояніи; съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ было мало, а то и совсѣмъ не было; орудія были старыя и негодныя. Опросъ мѣстныхъ обывателей выяснилъ главнѣйшія причины такого неудовлетворительнаго состоянія укрѣпленій. Въ этомъ виноваты оказались отчасти мѣстные старосты и державцы которые не заботились объ исправности

укрѣпленій и боевой ихъ готовности, потакали мѣстнымъ обывателямъ, обязаннымъ ремонтировать замки, обращали въ свою пользу доходы, предназначенные на содержаніе укрѣпленій и т. д. Но еще болѣе виновными объявились мѣстные землевладѣльцы, особенно крупные—князья и паны. Пользуясь своимъ значеніемъ, они перестали нести съ своихъ „выслугъ“ не только тѣ повинности, отъ которыхъ шляхта освобождалась въ силу общихъ привилеевъ, но и тѣ, которыя обыкновенно оставлялись на шляхетскихъ имѣньяхъ, т. е. ремонтъ замковъ, военныхъ дорогъ и мостовъ и доставку подводъ и кормовъ господарскимъ гонцамъ и посламъ. Остальнымъ уже не подъ силу было поддерживать въ исправности укрѣпленія, которыя и приходили отъ того все въ большій и большій упадокъ.

Такъ какъ многіе землевладѣльцы „закрывались“ отъ несенія государственныхъ повинностей своими „листами“, т. е. жалованными грамотами на имѣнья, въ которыхъ прописаны были ихъ льготы и изъятія, то господарскіе посланцы должны были пересмотрѣть документы на владѣнія. Но по этой части они встрѣтили рѣшительный отпоръ. Землевладѣльцы отказывались класть передъ ревизоромъ свои привилеи, заявляли, что они сдѣлаютъ это лишь на вальномъ сеймѣ, если послѣдуетъ соотвѣтствующій приказъ господаря, и если другія земли также будутъ класть свои привилеи передъ господаремъ. Инстинктъ сословнаго самосохраненія говорилъ имъ, что совокупными усиліями имъ болѣе удастся отстоять свои права и вольности, чѣмъ порознь, по отдѣльнымъ землямъ и повѣтамъ. Но разъ не предъявлялись документы на владѣнія, нельзя было дѣлать и распоряженій о выполненіи замковыхъ повинностей, о приведеніи укрѣпленій въ исправное состояніе. Между тѣмъ турецкая гроза не только не сходила съ горизонта, но стала вновь сгущаться. Въ концѣ 1546 года пошли слухи, что „цесарь“ Турецкій собираетъ огромное войско—„десеть кротъ сто тысячъ“ и хочетъ идти въ Венгрію и на Вѣну. Можно было опасаться, что эта гроза захватитъ и великое княжество. Кромѣ того, близокъ былъ и срокъ перемирію, заключенному съ Москвою въ 1542 году на семь лѣтъ, и могла возобновиться война и съ этой стороны. Нужно было, слѣдовательно, во что бы то ни стало, покончить съ вопросомъ о приведеніи въ исправность укрѣпленій. Уступая желаніямъ, выраженнымъ военнослужилыми землевладѣльцами при производствѣ ревизіи замковъ, Сигизмундъ-Августъ созвалъ въ январѣ 1547 года великій вальный сеймъ въ Вильнѣ.

Немногаго удалось добиться господарю на этомъ сеймѣ. Послѣ „намовы“ относительно замковой, дорожной, подводной и кормовой повинности съ земскихъ имѣній, княжата, панята и все рыцарство просили пановъ-раду доложить господарю, что тѣ изъ нихъ, которые уже несли эти повинности съ своихъ выслуженныхъ имѣній, и впредь хотятъ выполнять эти повинности; тѣ же, которые вызволены отъ того особыми листами-привилеями, просятъ, чтобы не нарушались ихъ стародавнія права и вольности, которыя они пріобрѣли своею вѣрною службою господарю. Выслушавъ эту просьбу, паны-рада сообща съ остальными станами сейма порѣшили на томъ, чтобы господарь съ панами-радою сначала разсмотрѣли тѣ реестры,

въ которыхъ всѣ такія повинности по всѣмъ городамъ великаго княжества „поисаны“, послѣ чего листами-мандатами потребовали бы представленія къ извѣстному сроку документовъ, „за чимъ хто што держитъ“, съ тѣмъ чтобы на основаніи этихъ документовъ рѣшить, кто обязанъ нести повинности, и кто свободенъ отъ этого.

Пока производилась эта свѣрка реестровъ и привилеевъ, Литовско-Русскому государству пришлось пережить большія бѣдствія и опасности въ связи съ неудовлетворительнымъ состояніемъ обороны. Въ 1549 году, не смотря на дружественныя отношенія Крымскаго хана Саипъ-Гирея къ королю Сигизмунду-Августу, татарскіе загоны натворили много бѣдъ на Волыни, увели въ плѣнъ много шляхты и побрали много имущества. Лѣтомъ 1551 года новый ханъ Девлетъ-Гирей, успокоивъ короля обѣщаніями дружбы и присягою, безвѣстно вторгнулся въ предѣлы великаго княжества, спалилъ замокъ Браславль и перебилъ въ немъ весь его гарнизонъ. По слухамъ, доходившимъ до литовскаго правительства, онъ грозилъ еще новыми нападеніями; съ другой стороны намѣревался вторгнуться въ великое княжество Волошскій воевода Стефаница съ братомъ своимъ Ильяшемъ, Бѣлгородскимъ санджакомъ. Всѣ эти опасности были тѣмъ грознѣе для великаго княжества Литовскаго, что и отношенія къ Москвѣ сдѣлались въ то время въ высшей степени натянутыми. Посольство, снаряженное въ Москву въ 1549 году для заключенія вѣчнаго мира, еле добилось заключенія пятилѣтняго перемирія (до 25 марта 1554 года). Къ прежнимъ причинамъ вражды присоединилась еще новая—царскій титулъ, которымъ хотѣлъ величаться Московскій государь, и котораго не хотѣли признать за нимъ господарь и паны-рада великаго княжества Литовскаго. Изъ-за этого титула чуть было не порвались переговоры о перемиріи, съ большимъ трудомъ состоялась ратификація договора и происходили непріятныя объясненія по заключеніи перемирія. Вопросъ объ оборонѣ государства вслѣдствіе всего этого настойчиво потребовалъ особеннаго къ себѣ вниманія. Для рѣшенія его Сигизмундъ-Августъ созвалъ великій вальный сеймъ къ 23 сентября 1551 года.

На этотъ разъ князья, паны, бояре и вся шляхта великаго княжества Литовскаго, „милуючи рѣчь посполитую и добрый радъ и справу“, торжественно подвердили, что люди ихъ, а также и люди пановъ духовныхъ римскаго и греческаго закона, которые передъ этимъ были къ тому повинны, „мають городы новые робити, старые оправовати, мосты мостити, гати гатити тамъ, гдѣ того потреба и пожитокъ рѣчи посполитое указовати будетъ“, также „сторожу городовую и станы и стацыи, хто передъ тымъ полнивалъ, тотъ и теперь на то повиненъ“. Постановлено было всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уклоняться отъ несенія этихъ повинностей, понуждать къ тому силою. Господарь долженъ выбрать нѣсколько особъ, людей достойныхъ и годныхъ вѣры, и поручить имъ ежегодно объѣзжать замки и доносить ему и панамъ-радѣ объ ихъ состояніи и нуждахъ. На воеводъ и старостъ этихъ замковъ возлагалась обязанность тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ работъ на замкахъ; въ случаѣ невозмож-

ности обойтись однѣми работами обязанныхъ землевладѣльцевъ, господарь съ панами-радою долженъ изыскать другія средства. Подобное же заявленіе сдѣлали станы сейма и относительно подводной повинности, при чемъ постановлено было взамѣнъ ее уплачивать по шести грошей съ крестьянской службы для содержанія постоянныхъ наемныхъ подводъ. Для наилучшей обороны государства „станы“ сейма опредѣлили, чтобы впредь до отмѣны всѣ военнослужилые землевладѣльцы выставляли на войну похолка въ уставномъ одѣяніи и вооруженіи не съ десяти крестьянскихъ службъ, какъ раньше, а съ девяти. Затѣмъ для пополненія скарба денежными средствами на военныя нужды, станы сейма „поступили“ господарю на три года серебщину съ своихъ людей въ размѣрѣ 5 грошей со всѣхъ, кто пашетъ на двухъ волахъ, $2^1/_2$ грошей съ тѣхъ, кто пашетъ на одномъ волѣ или на одной лошади, кто не имѣетъ ни воловъ, ни лошадей, но держитъ землю на полную службу, и съ огородниковъ. И господарь съ своей стороны опредѣлилъ такую же серебщину на военныя нужды съ своихъ людей. Впрочемъ, сборъ первой серебщины въ виду постигшаго Литовско-Русское государство неурожая былъ отсроченъ до осени 1552 года.

На средства скарба Сигизмундъ-Августъ принялъ энергическія мѣры по оборонѣ прежде всего южной украйны. Здѣсь описаны были замки Чернобыльскій, Остерскій, Любецкій, Мозырскій, Кіевскій, Житомирскій, Луцкій, Кременецкій, Черкасскій, Каневскій, Вѣницкій и Браславскій, т. е. зарегистрированы были всѣ повинности мѣстнаго населенія, которыми оно тянуло къ этимъ замкамъ (изъ другихъ замковъ описанъ былъ такимъ же образомъ замокъ Полоцкій). Навербованы были „служебные“ и разставлены были въ Черкасахъ, Каневѣ, Вѣницѣ и другихъ городахъ подъ начальствомъ ротмистровъ и главнымъ начальствомъ пана Василія Тишковича. Сверхъ того, король распорядился посылкою на эти замки пушкарей, пороха, свинцу и желѣза для гаковницъ. Лѣтомъ 1552 года начата была постройка вновь сожженнаго Браславскаго замка на Подольѣ силами господарскихъ людей съ Волыни и Подолья, на помощь которымъ нанято было 600 рабочихъ и 150 запряжекъ воловъ. Все это въ общей сложности вмѣстѣ съ уплатою 7500 золотыхъ „упоминковъ“ Крымскому хану поглотило въ значительной мѣрѣ средства скарба и заставило господаря и пановъ-раду прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ для его пополненія въ виду дальнѣйшихъ большихъ тратъ.

Главный расходъ въ будущемъ предстоялъ на уплату наемнымъ служебнымъ, которыхъ необходимо было содержать на украйнѣ. Господарь и паны-рада стали на ту точку зрѣнія, что содержаніе этихъ служебныхъ является въ сущности замѣною военной службы для землевладѣльцевъ великаго княжества: не будь этихъ служебныхъ, военно-служилымъ землевладѣльцамъ пришлось бы самимъ отправляться съ своими „почтами“ на украйну и „лежать“ тамъ долгое время въ ожиданіи непріятеля; поэтому вполнѣ будетъ справедливо и даже выгодно для этихъ землевладѣльцевъ— обложить ихъ извѣстною суммою денегъ въ замѣнъ каждаго „коня“, котораго они ставятъ на войну. Задумавъ такую мѣру, господарь и паны-рада

не рѣшились собственною властью привести ее въ исполненіе и постановили для „ухвалы“ ея созвать на сеймъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. На сеймъ, кромѣ пановърады, собирались (25 ноября 1552 года) урядники земскіе (старосты, державцы и тивуны Жмудскіе), княжата и панята и повѣтовые хоружіе; шляхетскихъ пословъ вопреки установившемуся уже обычаю не было. Сеймъ „ухвалилъ“ дать господарю съ каждаго „коня“ по копѣ грошей на середопостье 1553 года. Этими „поконевскими пѣнязями“ обложены были и всѣ господарскія мѣста и русскія волости сообразно числу выправлявшихся ими на войну конныхъ ратниковъ, а также и духовные греческаго и римскаго закона въ размѣрѣ шести грошей съ каждой крестьянской службы. Постановленіе о сборѣ „поконевскихъ пѣнязей“ возбудило сильное неудовольствіе въ средѣ шляхты. Шляхта была недовольна и самымъ опредѣленіемъ сейма, состоявшагося безъ участія ея пословъ, и тѣмъ, что сборъ производился строго, черезъ дѣцкихъ и съ конфискаціями имѣній у тѣхъ, кто не платилъ во время, и тѣмъ, что деньги шли прямо въ скарбъ, минуя контроль избранныхъ шляхтою „головныхъ бирчихъ“. Это неудовольствіе выразилось на слѣдующемъ великомъ вальномъ сеймѣ, созванномъ въ Вильнѣ въ ноябрѣ 1554 года.

Сеймъ созванъ былъ для принятія мѣръ на случай войны съ Москвою. Литовскимъ посламъ, ѣздившимъ въ Москву въ концѣ 1553 года, не удалось заключить мира, а только продолжить перемиріе на два года, до 25 марта 1556 года. Слѣдовательно, въ недалекомъ будущемъ Литвѣ угрожала война съ Москвою, къ которой надо было заранѣе готовиться. Собравшіеся на сеймъ землевладѣльцы великаго княжества постановили выставлять „зъ девети чоловѣковъ десятого пахолка на кони въ зброи“. Господарь милостиво принялъ эту „ухвалу“ и съ своей стороны объявилъ, чтобы въ виду скораго окончанія перемирія всѣ были готовы къ „попису“ и смотру въ своихъ повѣтахъ на осень будущаго года. Не ограничиваясь „ухвалою“ касательно собственной военной повинности, станы сейма, по соглашенью съ панами-радою, для найма служебныхъ людей опредѣлили въ теченіе трехъ лѣтъ давать господарю платъ въ размѣрѣ десяти грошей съ воловой или конской сохи, пяти грошей съ полсохи, т. е. съ одного вола, трехъ грошей съ огородниковъ и мѣщанъ, которые не имѣютъ земель и воловъ, пять грошей съ земель, сдаваемыхъ въ аренду или обрабатываемыхъ наймомъ, при чемъ обложенію не подвергались дворныя сохи самихъ землевладѣльцевъ и сохи слугъ путныхъ или панцырныхъ, ѣздящихъ обыкновенно на войну съ своими панами. Господарь съ благодарностью принялъ это постановленіе и по просьбѣ становъ сейма съ своей стороны обложилъ такимъ же „платомъ“ на нужды государственной обороны и своихъ крестьянъ и мѣщанъ, исключая тѣхъ, которые состоятъ подъ магдебургскимъ правомъ, и которые обязаны платить по давнему постановленію; такой же „платъ“ господарь наложилъ на мѣщанъ и крестьянъ королевы Боны и духовныхъ пановъ римскаго и греческаго закона.

Таковы были мѣропріятія, принятыя для обороны государства Сигиз-

мундомъ-Августомъ совмѣстно съ сеймомъ въ первыя десять лѣтъ его великокняженія на Литвѣ. Нельзя сказать, чтобы по существу сдѣлано было что-нибудь новое и рѣшительное Великій князь старался использовать лишь традиціонныя средства, предоставлявшіяся ему конституціею государства, т. е. установившимися отношеніями между нимъ и землевладѣльцами великаго княжества, санкціонированными въ общеземскихъ и частныхъ привилеяхъ. Эта конституція парализовала всякій сколько-нибудь широкій размахъ творческой дѣятельности господаря и заставляла его обращаться за содѣйствіемъ и согласіемъ землевладѣльцевъ великаго княжества даже въ случаяхъ, гдѣ право его власти было ясно и неоспоримо. А это обращеніе въ свою очередь давало поводъ и благопріятный случай землевладѣльцамъ великаго княжества выступать съ сословно-политическими домогательствами и стремиться къ дальнѣйшему расширенію своихъ правъ и вольностей на счетъ господаря великаго князя.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Очерки по организаціи западнорусскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1905; рецензія на это сочиненіе *М. Любавскаго* въ „Отчетѣ о третьемъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова". Спб., 1907; *Alexander Jablonowski,* Ziemia Wołyńska w połowie XVI wieku (Źródła dziejowe, tom VI. Warszava 1877); *Владимірскій-Будановъ,* Населеніе юго-западной Россіи съ половины XIV до половины XVII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I).

XXXVII.

Сословно-политическія домогательства шляхты на сеймахъ 1547, 1551 и 1554 годовъ и результаты этихъ домогательствъ.

Просьба о подтвержденіи и выполненіи земскихъ привилеевъ.—Двоекратное подтвержденіе этихъ привилеевъ.—Вопросъ о храненіи и публикованіи привилеевъ.—Ходатайства объ исправленіи статута; назначеніе особой комиссіи для этого дѣла.—Ходатайства о безмытномъ пропускѣ продуктовъ изъ шляхетскихъ имѣній и безпошлинномъ ввозѣ товаровъ изъ-за границы, освобожденіи отъ сторожевой и подводной повинности, отъ частаго сбора серебщины, о привлеченіи духовныхъ, мѣщанъ и шляхты „спадковыхъ“ имѣній къ военной службѣ, о подчиненіи мѣщанъ суду шляхетскому по дѣламъ съ шляхтою, объ установленіи постоянныхъ мѣръ и таксы на издѣлія ремесленниковъ, объ ограниченіи юрисдикціи и землевладѣнія духовенства, объ уравненіи господаря съ шляхтою въ гражданскомъ процессѣ.—Ходатайства о непремѣнномъ участіи сейма въ выпускѣ новой монеты, въ законодательствѣ и въ расходованіи серебщинъ.—Ходатайства о расширеніи состава рады, о неотнятіи урядовъ и державъ безъ суда и слѣдствія, о сохраненіи за ними всѣхъ ихъ „пожитковъ“.—Ходатайства о таксаціи, уменьшеніи и отмѣнѣ урядничьихъ пошлинъ.—Просьбы объ учрежденіи шляхетскаго выборнаго, болѣе доступнаго и дешеваго суда, съ юрисдикціею, простирающеюся на всѣхъ землевладѣльцевъ.—Результаты ходатайствъ: новыя уставы о „пересудахъ“ и о „вижовомъ“; присяжные вижи; возстановленіе шляхетскихъ судей при воеводахъ и старостахъ; увеличеніе судебныхъ сессій и назначеніе особаго коммиссарскаго суда для жалобъ на пановъ.

Прежде всего шляхта озаботилась о новомъ юридическомъ закрѣпленіи уже занятой ею соціально-политической позиціи и о полученіи возможности быть всегда на стражѣ своихъ правъ и вольностей. По ея просьбѣ господарь на сеймѣ 1547 года приказалъ „оказати и вычести“ передъ всѣмъ сеймомъ „привилеи и листы вольностей“ ея и затѣмъ торжественно подтвердилъ ихъ своею грамотою. Одновременно съ тѣмъ Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ особыя права и вольности Подляшской шляхты, Витебской, Полоцкой и Волынской, ходатайствовавшихъ о подтвержденіи своихъ привилеевъ. Но такъ какъ это подтвержденіе выдано было въ то время, когда Сигизмундъ-Августъ имѣлъ еще надъ собою наивысшаго господаря въ лицѣ отца своего Сигизмунда, то послѣ смерти его, на Виленскомъ сеймѣ 1551 года, Сигизмундъ-Августъ уже въ качествѣ суверена великаго княжества вновь подтвердилъ права и вольности прелатовъ, князей, пановъ и бояръ-шляхты, при чемъ, согласно ихъ просьбѣ, выраженной на сеймѣ, обѣщалъ привести въ исполненіе все, что не выполнено было изъ этихъ привилеевъ, въ частности обѣщалъ принять мѣры къ тому, чтобы состоявшіяся назначенія на воеводства людей греческой, или русской, вѣры не принесли вреда государству, и чтобы впредь такія назначенія уже не имѣли мѣста, чтобы свято выполнялось все, что содержится въ прежнихъ привилеяхъ. Намѣреваясь и впредь слѣдить за ненарушеніемъ своихъ правъ и вольностей, шляхта на сеймѣ 1547 года вошла съ ходатайствомъ, чтобы земскіе привилеи хранились не въ скарбѣ земскомъ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ для болѣе легкаго

къ нимъ доступа. Господарь исполнилъ эту просьбу и передалъ на храненіе земскіе привилеи канцлеру великаго княжества. Но такъ какъ и этотъ порядокъ храненія не давалъ легкаго доступа къ привилеямъ для справокъ, то на сеймѣ 1554 года шляхта просила господаря просто вписать эти привилеи въ статутъ. Господарь отложилъ это до окончательнаго исправленія статута.

„Поправа статута“ была предметомъ шляхетскихъ просьбъ на каждомъ изъ сеймовъ, собиравшихся до Ливонской войны. Еще на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года состоялось постановленіе о назначеніи для этого особой комиссіи изъ пяти лицъ римскаго закона и пяти греческаго. На Виленскомъ сеймѣ 1547 года „станы“ просили господаря наименовать этихъ особъ въ томъ разсчетѣ, что, назначивъ комиссію, господарь будетъ выдавать и жалованье этой комиссіи изъ своего скарба. Но господарь предоставилъ самимъ „станамъ“ сейма избрать эту комиссію и опредѣлить на ея содержаніе „податокъ“ съ своихъ имѣній. Дѣло объ избраніи комиссіи дождалось слѣдующаго сейма 1551 года, на которомъ состоялся компромиссъ: господарь и паны-рада назначили членовъ комиссіи, а станы сейма „поступили“ съ каждой сохи по пенязю на содержаніе тѣмъ лицамъ, которые будутъ исправлять статутъ.

Шляхетскіе станы добивались исправленія статута, конечно, въ своихъ сословныхъ интересахъ. Но уже не дожидаясь окончанія этого исправленія, они выступили съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ, которыя клонились къ расширенію сословныхъ и политическихъ правъ шляхты, и которыя должны были вліять и на самое исправленіе статута въ этомъ именно направленіи. Отмѣтимъ прежде всего ходатайства, имѣвшія въ виду матеріальные интересы шляхты. Подляшская шляхта на сеймѣ 1547 года просила, чтобы не взималось мыта съ хлѣба и скота, отправляемыхъ изъ шляхетскихъ имѣній въ Польшу или Пруссію на продажу, и торговое съ тѣхъ же товаровъ, продаваемыхъ на мѣстныхъ рынкахъ. На слѣдующемъ сеймѣ 1551 г. подобное требованіе заявлено было уже отъ лица Литовской шляхты, Жмудской и Волынской, при чемъ шляхта домогалась безмытнаго вывоза не только хлѣба и скота изъ своихъ имѣній, но и лѣсныхъ товаровъ, а также и безмытнаго привоза различныхъ товаровъ изъ-за границы на собственныя надобности. Это же ходатайство предъявлялось и на Виленскомъ сеймѣ 1554 года землевладѣльцами великаго княжества, Жмудской и Волынской земель.—Выше было указано, что на сеймѣ 1551 года станы признали въ принципѣ обязаность нести съ земскихъ имѣній службы замковую, мостовую, сторожевую и подводную. Но при всемъ томъ они ходатайствовали, чтобы шляхта была освобождена отъ сторожи въ замкахъ, въ частности отъ караула плѣнныхъ москвичей, и отъ кошенья сѣна на господаря и даванья подводъ. Освобожденія отъ даванья подводъ и стацій съ выслуженныхъ имѣній добивались станы и на сеймѣ 1554 года.—На этомъ сеймѣ шляхта протестовала даже противъ частаго сбора серебщины, чѣмъ, по ея мнѣнію, нарушались земскіе привилеи, освободившіе ее отъ платежа серебщины.

Стремясь къ облегченію себя въ несеніи государственныхъ повинностей, шляхта въ тоже время хлопотала объ усиленіи этихъ повинностей для другихъ сословій. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года станы просили, чтобы духовные отправляли военную службу съ церковныхъ имѣній, чтобы мѣщане съ каждыхъ шести домовъ отправляли на войну пѣшаго ратника и за одно съ шляхтою служили съ купленныхъ земскихъ имѣній, и чтобы и самъ господарь несъ наравнѣ съ прочими военную службу съ „спадковыхъ“ (выморочныхъ) имѣній. О томъ же самомъ ходатайствовалъ и сеймъ 1554 года. Вообще по отношенію къ другимъ сословіямъ шляхта заняла боевое положеніе. Станы Виленскаго сейма 1547 года просили, чтобы мѣщане за бои, пораненія и убійство шляхтичей, ихъ слугъ и подданныхъ отвѣчали не по магдебургскому праву, а земскимъ правомъ— въ судахъ, коимъ подсудна шляхта; чтобы для искорененія злоупотребленій мѣщанъ установлены были опредѣленныя мѣры при скупкѣ зернового хлѣба и такса на издѣлія ремесленниковъ. По отношенію къ духовенству шляхта добивалась, чтобы духовные не засѣдали въ свѣтскихъ судахъ и не привлекали къ своему церковному суду по дѣламъ свѣтскаго характера, чтобы имъ запрещено было вывозить и отказывать свое имущество за границу, чтобы вдовамъ запрещено было записывать свои имѣнья духовнымъ лицамъ, чтобы шляхтѣ предоставлено было самое широкое право выкупа имѣній у духовныхъ (равно и у мѣщанъ). Даже самого господаря шляхта не прочь была ставить на одну доску съ собою и ходатайствовала на сеймѣ 1547 года, чтобы былъ исключенъ изъ статута артикулъ, гласящій, что господарь не подчиняется закону земской давности, а на сеймѣ 1551 года просила внести въ статутъ постановленіе, что въ земельныхъ тяжбахъ съ господаремъ доводъ (право рѣшающаго аргумента) принадлежитъ не исключительно господарской сторонѣ, а той, которая будетъ имѣть „годнѣйшихъ“ свидѣтелей.

На ряду съ сословными притязаніями шляхта предъявила рядъ ходатайствъ о расширеніи ея политическихъ правъ, ея участія въ управленіи. На сеймѣ 1547 года станы сейма пытались установкть свое право на участіе въ выпускѣ новой монеты. Они напомнили господарю, что отецъ его, задумавъ пустить въ великое княжество польскую монету, хотя паны радные и дали на то свое согласіе, не рѣшился учинить этого безъ вѣдомости остальныхъ становъ и созвалъ ихъ на сеймъ, на которомъ и объявилъ свое рѣшеніе. Станы просили, чтобы и впредь господарь не „упослѣживалъ“ ихъ въ такихъ вещахъ, которыя касаются всей земли. Еще болѣе важное ходатайство заявлено было на сеймѣ 1551 года: станы просили, чтобы силу закона имѣло только то, что будетъ установлено на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома пановъ-рады и всего рыцарства. Наконецъ, шляхта стремилась и къ тому, чтобы взять подъ свой контроль расходованіе серебщинъ, собиравшихся по постановленіямъ сеймовъ на военныя нужды. На сеймѣ 1547 года станы домогались, чтобы на будущее время серебщина отдавалась не въ скарбъ земскій, а двумъ избраннымъ особамъ и при нихъ писарю, которые должны хранить деньги за своими ключами

и не отдавать ихъ ни на какіе расходы, кромѣ военныхъ, въ чемъ и должны давать отчетъ передъ сеймомъ.

Въ составѣ сеймовавшей шляхты были довольно разнообразные по своему общественному положенію элементы: здѣсь была и крупная землевладѣльческая знать—княжата и панята, и рядовая шляхта, и землевладѣльческая мелкота изъ Подляшья и Жмуди. Это обстоятельство не могло не отразиться на самомъ характерѣ подававшихся шляхтою просьбъ, отличающихся большимъ разнообразіемъ. Съ одной стороны видимъ просьбы, въ которыхъ могли быть заинтересованы только высшіе слои „шляхетскаго народа“. Такова была, напр., просьба Волынянъ (на сеймѣ 1554 года) о томъ, чтобы господарь допустилъ до своей рады старостъ Луцкаго и Владимірскаго и маршалка Волынской земли, которые прежде всегда имѣли въ ней мѣста; просьба, предъявлявшаяся на сеймахъ 1547 и 1551 годовъ о томъ, чтобы господарь не отнималъ ни у кого урядовъ и державъ безъ суда и слѣдствія, по заочному доносу или жалобѣ, чтобы уряды сохранялись во всѣхъ ихъ правахъ и пожиткахъ и т. под. Съ другой стороны видимъ рядъ ходатайствъ, которыя шли несомнѣнно отъ рядовой и низшей шляхты, и которыя имѣли въ виду огражденіе этой шляхты отъ притѣсненій старшей братьи—князей, пановъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ. Кромѣ прямыхъ жалобъ на тѣхъ или другихъ лицъ, въ данномъ случаѣ характерна просьба, поданная на сеймѣ 1551 года о томъ, чтобы паны-рада обращались съ должнымъ почтеніемъ къ шляхтѣ въ судахъ и другихъ мѣстахъ, и чтобы одни не судили своихъ слухъ шляхтичей въ дѣлахъ, касающихся шляхетской чести. Изъ нѣдръ рядовой же и низшей шляхты несомнѣнно вышелъ цѣлый рядъ просьбъ, касающихся таксаціи, уменьшенія или отмѣны пошлинъ, собиравшихся господарскими урядниками частью въ пользу господаря, частью въ свою собственную. Такъ, на сеймѣ 1547 года Бѣльская шляхта просила освободить ее отъ уплаты урядникамъ такъ называемаго „припустного“ при продажѣ имѣній и писарской пошлины, а также и о томъ, чтобы установлена была справедливая плата въ великокняжеской канцеляріи за написаніе листовъ и приложеніе къ нимъ печатей. Послѣдняя просьба, предъявлявшаяся еще на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, поддержана была на сеймѣ 1551 года всею шляхтою и возобновлялась на сеймѣ 1554 года.

Но самая важная просьба, клонившаяся къ обезпеченію младшей шляхты отъ гнета со стороны старшей и къ уравненію ихъ въ правахъ, была просьба объ организаціи болѣе доступнаго и дешеваго выборнаго суда съ юрисдикціею, простирающеюся на всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго округа. Существовавшая судебная организація была крайне неудобна и разорительна для большинства шляхты. Вопервыхъ, многіе крупные землевладѣльцы—князья и паны совсѣмъ не судились въ повѣтахъ. Чтобы найдти на нихъ судъ и управу, надо было обращаться либо къ самому господарю, либо въ судовый сеймъ пановъ рады, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ ѣхать въ Вильну. Съ нѣкоторыми князьями и панами можно было судиться у воеводъ и старостъ. Но и этотъ судъ былъ дорогъ для шляхты, требовалъ

отъ нея большихъ „накладовъ“. Занятые множествомъ другихъ дѣлъ, воеводы и старосты почти не имѣли возможности лично отправлять правосудіе. При этомъ же они часто переѣзжали съ одного мѣста на другое, не имѣли опредѣленныхъ трибуналовъ, такъ что тяжущимся приходилось разыскивать ихъ за 50 миль и болѣе. Такъ же мало доступны были и державцы, суду которыхъ подлежала шляхта, державшая имѣнья подъ господаремъ. Шляхтѣ чаще всего приходилось имѣть дѣло съ намѣстниками воеводъ, старостъ и державцевъ; но, по свидѣтельству Михалона Литвина, эти намѣстники были обыкновенно люди, мало свѣдущіе въ юриспруденціи, умѣвшіе только взыскивать свой „пересудъ“, засѣдавшіе вмѣсто трибуналовъ на шумныхъ попойкахъ. Въ интересахъ правосудія статутомъ 1529 было предписано, чтобы эти намѣстники воеводъ, старостъ и державцевъ судили шляхту не одни, а вмѣстѣ съ назначенными изъ мѣстной шляхты судьями. Но этотъ порядокъ не привился въ жизни, и какъ сами воеводы, старосты и державцы, такъ и намѣстники ихъ стали отправлять судъ по прежнему, въ присутствіи случайно находившихся при нихъ лицъ, а иногда и безъ нихъ. Мало удовлетворяя требованіямъ безпристрастія и справедливости, судъ воеводъ, старостъ и державцевъ былъ непомѣрно дорогъ для шляхты. Судья взималъ десятую часть исковой суммы съ истца, доискавшагося своего, или такъ называемый „пересудъ“; въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ и насиліяхъ, объ имущественныхъ убыткахъ судья бралъ съ виновнаго штрафъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ присуждалъ вознагражденіе истцу. Велики были и побочные судебные поборы. Такъ, вижамъ, посылаемымъ воеводами, маршалками и старостами, уплачивалась полтина (50) грошей; вижамъ ихъ намѣстниковъ полкопы (30 грошей) и т. д. Недовольная всѣми этими порядками, шляхта на сеймѣ 1547 года повторила свою прежнюю просьбу о томъ, чтобы господарь далъ ей судьями людей добрыхъ, избранныхъ самою шляхтою, и такого же писаря присяжнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, жалуясь на то, что старосты, державцы и ихъ намѣстники посылаютъ нерѣдко вижами людей простыхъ, „вѣры негодныхъ“, т. е. мѣщанъ, тяглыхъ мужиковъ, „холопью невольную“, которые показываютъ въ пользу тѣхъ, кто ихъ перекупитъ, шляхта просила о разрѣшеніи имѣть выборныхъ вижей изъ мѣстныхъ бояръ землевладѣльцевъ, людей добрыхъ и вѣры годныхъ, которые бы брали „вижованья“ по грошу на милю. На сеймѣ 1551 года шляхта вновь возбудила ходатайство объ установленіи въ повѣтахъ выборныхъ присяжныхъ судей и писаря и просила, чтобы передъ судьями повѣтовыми отвѣчали паны-рада и духовные съ имѣній, коими они владѣютъ „подъ земскимъ правомъ“, чтобы и шляхта „спадковыхъ“ имѣній была подъ тѣмъ же правомъ. Вмѣстѣ съ этимъ шляхта домогалась отмѣны „пересуда“ и „винъ“, за исключеніемъ тѣхъ, которыя платятся за „головщину“ и за нарушеніе „заруки“, т. е. приказа господаря или добровольнаго соглашенія подъ страхомъ уплаты штрафа, и за неподчиненіе судебному приговору.

Таковы были сословно-политическія домогательства, съ которыми выступала литовско-русская шляхта на первыхъ трехъ сеймахъ въ правленіе Сигизмунда-Августа. По актамъ этихъ сеймовъ ясно видно, какъ росли эти

домогательства, и какое значеніе имѣло въ данномъ случаѣ общеніе шляхты на сеймахъ. Съ тѣми или другими просьбами выступала иногда не вся шляхта, а только ея часть, напр., княжата и панята или рядовая шляхта-рыцарство. Отдѣльныя заявленія становились, однако, общими просьбами либо потому, что не встрѣчали протестовъ со стороны другихъ „становъ“, либо потому, что находили общее сочувствіе. Затѣмъ: съ извѣстными просьбами выступала первоначально шляхта только одной земли. Эта просьба, найдя себѣ сочувствіе въ шляхтѣ другихъ земель, на слѣдующемъ сеймѣ предъявлялась уже отъ лица шляхты великаго княжества или другихъ земель. Наиболѣе видная роль въ возбужденіи различныхъ ходатайствъ принадлежала Подляшской шляхтѣ. Живя въ великомъ княжествѣ подъ польскимъ правомъ, эта шляхта настойчиво стремилась къ устраненію всякихъ несоотвѣтствій въ своемъ положеніи съ положеніемъ польской шляхты, стремилась къ полному и дѣйствительному уравненію съ этою шляхтою въ правахъ и обязанностяхъ, служа для остальной шляхты примѣромъ. Подляшская шляхта была какъ бы передаточною станціею для воздѣйствія на литовско-русскую шляхту идеаловъ польскаго шляхетскаго строя. Мы видѣли, что отъ нея сначала вышло ходатайство о безмытномъ пропускѣ за границу хлѣба, скота и лѣсныхъ товаровъ изъ шляхетскихъ имѣній, ходатайство, заявлявшееся затѣмъ и Литовскою, и Жмудскою, и Волынскою, шляхтою. На примѣръ Подляшской земли ссылалась шляхта, ходатайствуя о выборныхъ судьяхъ и писарѣ. Подляшская же шляхта проявила особую настойчивость въ домогательствахъ касательно уменьшенія и уничтоженія канцелярскихъ пошлинъ и т. д.

Немногія ходатайства шляхты, предъявленныя на сеймахъ 1547, 1551 и 1554 годовъ, получили удовлетвореніе до Ливонской войны. Государь нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ прямо отклонилъ, напр. ходатайство о безмытномъ пропускѣ шляхетскаго хлѣба, скота и лѣсныхъ товаровъ за границу и о непремѣнномъ участіи сейма въ выпускѣ монеты и въ законодательствѣ; по другимъ ходатайствамъ обѣщалъ дать удовлетвореніе по исправленіи статута. Самымъ цѣннымъ результатомъ шляхетскихъ домогательствъ на первыхъ порахъ была новая устава о „пересудѣ“ и о „виновомъ“. На сеймѣ 1551 года, посовѣтовавшись съ панами-радою, государь постановилъ, чтобы впредь пересудъ взимался въ половинномъ размѣрѣ по сравненію съ прежнимъ, т. е. въ размѣрѣ 5% съ цѣны иска, со всѣхъ тѣхъ, въ пользу кого присуждено взысканіе, за исключеніемъ кредиторовъ, взыскивающихъ свои деньги: эти послѣдніе должны платить судьѣ только „памятное“ въ размѣрѣ четырехъ грошей, а пересудъ должны уплачивать должники вмѣстѣ съ долгомъ. Относительно „винъ“ государь рѣшилъ держаться въ общемъ стараго порядка и только за убійство шляхтича опредѣлилъ вмѣсто уплаты „вины“ смертную казнь, если убійца будетъ пойманъ на горячей крови, и строгое тюремное заключеніе въ теченіе цѣлаго года съ уплатою воеводѣ или старостѣ „повиннаго“ 12 рублей грошей, если убійца будетъ уличенъ въ преступленіи судомъ. Измѣненъ былъ также порядокъ выкупа „лица“, конфискованнаго у вора и отбиравшагося

на дворъ господарскій. Господарь постановилъ, чтобы каждое „великое лицо“, хотя бы оно стоило и 100 копъ грошей, выкупалось со двора полтиною грошей (прежде оно выкупалось по дѣйствительной стоимости), а лицо стоимостью ниже 10 копъ—12 грошами; если вору платить не чѣмъ, лицо должно возвращаться владѣльцу даромъ, а вора вѣшать. Опредѣляя согласно просьбѣ шляхты, что вижами должны быть мѣстные шляхтичи-землевладѣльцы, люди добрые и вѣры годные, господарь постановилъ, что за трудъ и проѣздъ имъ должно платиться впредь по грошу на милю; служебникамъ же воеводъ и старостъ за проходъ и освидѣтельствованіе на мѣстѣ шесть грошей, а служебникамъ ихъ намѣстниковъ три гроша. Относительно вознагражденія писарей господарь оставилъ въ силѣ старый обычай: за запись въ книги всѣхъ документовъ, большихъ и малыхъ, платить 2 гроша, за выпись—12 грошей; если кто заразъ пожелаетъ и записать что-нибудь въ книги и получить выпись, платить только за одну выпись. Что касается выборнаго шляхетскаго суда, то сначала господарь попытался совсѣмъ снять этотъ вопросъ съ очереди и объявилъ шляхтѣ такое постановленіе: впредь во всѣхъ воеводскихъ и старостинскихъ повѣтахъ будутъ судьи, установленные отъ воеводъ и старостъ согласно статуту; эти судьи будутъ судить съ намѣстниками воеводъ или подстаростами, съѣзжаясь тамъ, гдѣ имъ укажутъ воеводы и старосты, четыре раза въ году, каждый разъ на четыре недѣли; для разбирательства дѣлъ по аппелляціи отъ этихъ судей воеводы и старосты должны будутъ пріѣзжать въ свои повѣтовыя резиденціи два раза въ годъ; отъ суда самихъ воеводъ и старостъ вольно отзываться до господаря или пановъ-рады „на роки судовые великіе“, которые будутъ отправляться одинъ разъ въ году (на день св. Мартина), и на которыхъ будутъ разбираться также тяжбы между панами хоругвными и вообще всѣми, кто не судится въ повѣтахъ; на этихъ „рокахъ“ судъ будетъ судить самъ господарь, а въ его отсутствіе паны-рада, отъ суда которыхъ можно аппеллировать потомъ къ самому господарю. Просьбу о подчиненіи юрисдикціи повѣтовыхъ судей пановъ радныхъ и духовныхъ, имѣющихъ недвижимыя имущества „подъ земскимъ правомъ“, господарь отклонилъ и предоставилъ по старому привлекать ихъ на судъ самого господаря или пановъ-рады „на великихъ рокахъ“. Но шляхта не удовлетворилась этимъ постановленіемъ. Бойкотируя новые суды, засаженные воеводами, шляхта на сеймѣ 1554 года вновь подтвердила свои прежнія ходатайства объ учрежденіи выборныхъ повѣтовыхъ судовъ съ юрисдикціею, простирающеюся на всѣхъ землевладѣльцевъ повѣта. На этотъ разъ господарь не отклонилъ категорически ходатайство шляхты, а лишь отложилъ дѣло до исправленія статута, а пока для облегченія шляхтѣ возможности получать судъ и управу на пановъ установилъ вмѣсто однихъ два великихъ судовыхъ рока (на св. Мартина и на седьмую субботу). Независимо отъ того господарь предоставилъ шляхтѣ во всякое время привлекать пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ, къ суду двухъ коммиссаровъ изъ пановъ радныхъ, по назначенію господаря или по выбору самого истца.

Итакъ, самыя завѣтныя желанія шляхты не получили на первыхъ

порахъ удовлетворенія. Но продолжительная и напряженная война, наполнившая собою всю вторую половину великокняженія Сигизмунда-Августа, истощившая всѣ рессурсы господарскаго скарба и заставившая господаря постоянно обращаться за матеріальною и моральною поддержкою къ землевладѣльцамъ великаго княжества, сдѣлала его гораздо уступчивѣе въ отношеніи сословныхъ и политическихъ притязаній шляхты и привела въ концѣ концовъ къ исполненію ея завѣтныхъ желаній.

На сеймахъ 1551 и 1554 годовъ шляхта выступала съ цѣлымъ рядомъ просьбъ и жалобъ, вызванныхъ начавшимся въ то время усиленнымъ введеніемъ такъ называемой волочной системы въ господарскихъ имѣніяхъ и сопряженными съ этимъ введеніемъ послѣдствіями. Реформа эта имѣла громадное значеніе во внутренней жизни Литовско-Русскаго государства, была крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ ассимиляціи этого государства съ Польшею. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ не меньшее мѣсто, какъ и послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ реформы шляхетскаго судоустройства и сеймованія. Поэтому и на ближайшей очереди должно быть поставлено разсмотрѣніе этой реформы.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1900.

XXXVIII.

Введеніе волочной помѣры и уставы въ господарскихъ имѣньяхъ при Сигизмундѣ-Августѣ.

Недостаточность мѣръ, принимавшихся при Сигизмундѣ для поднятія доходности господарскаго хозяйства.—Новая устава державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ Сигизмунда-Августа; борьба съ уходомъ и обнищаніемъ крестьянъ и съ малодоходною эксплуатаціею земель и угодій.—Невыгодныя стороны земельнаго и повинностнаго строя и разселенія, созданныхъ развитіемъ заимочнаго землепользованія и землевладѣнія.—Распространеніе волочной системы въ новыхъ поселеніяхъ на Подляшьѣ.—Переводъ старыхъ селъ на волочную систему при Сигизмундѣ I на Подляшьѣ.—Дѣятельность по этой части королевы Боны.—Волочная помѣра при Сигизмундѣ-Августѣ; время и районъ ея производства.—Волочная устава 1557 года.—Новая земельная единица—волока; уничтоженіе черезполосицы и округленіе земельныхъ участковъ.—Уничтоженіе „входовъ“ и „вступовъ“ въ господарскія угодья со стороны и консолидація господарскихъ имѣній.—Тенденція къ равномѣрному разселенію крестьянъ.—Новое, болѣе правильное и равномѣрное обложеніе въ селахъ и мѣстахъ.—Волочная помѣра мѣстъ въ Поднѣпрскихъ волостяхъ; „поровнанье грунтовъ“ и повинностей въ селахъ.—Мѣры для уравненія крестьянскихъ повинностей и увеличенія господарскихъ доходовъ на южной украйнѣ.

Уже Сигизмундъ I озабоченъ былъ поднятіемъ доходности господарскихъ имѣній и два раза, въ 1514 и въ 1529 годахъ, выдавалъ инструкціи державцамъ своихъ дворовъ съ указаніемъ различныхъ мѣръ къ повышенію доходовъ съ этихъ имѣній. Но эти инструкціи мало подвинули дѣло впе-

редъ. Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ, рекомендованныхъ въ нихъ державцамъ, была *осада*, переводъ на оброкъ тяглыхъ и другихъ крестьянъ, служба которыхъ оказывалась лишнею въ данномъ дворѣ. Мѣра эта однако не принесла желанныхъ результатовъ. Господарскіе урядники и писари слишкомъ механически приводили ее въ исполненіе,—не обращая вниманія на размѣры и качество крестьянскихъ земель и угодій и на старыя повинности крестьянъ, одинаково облагали „копою осаднаго“ и богатаго, и бѣднаго. Благодаря этому многіе крестьяне обнищали, и нѣкоторые съ своихъ отчинъ прочь ушли. Затѣмъ, давая опредѣленныя указанія относительно лишнихъ службъ, инструкціи не говорили ничего относительно организаціи недостающихъ службъ, не давали указаній, какъ бороться съ уходомъ крестьянъ, съ ихъ обнищаніемъ. Были въ нихъ недомолвки и по вопросамъ чисто хозяйственной администраціи. Въ виду этого Сигизмундъ-Августъ, принявъ бразды правленія въ великомъ княжествѣ, поспѣшилъ разослать новую инструкцію державцамъ великаго княжества какъ Виленскаго, такъ и Троцкаго повѣтовъ.

Въ этой инструкціи господарь вооружился противъ взгляда на отчины крестьянъ, какъ на своего рода собственность ихъ. Благодаря этому взгляду крестьянскія отчины, покинутыя владѣльцами, нерѣдко пустовали, никто ихъ не бралъ изъ боязни, что вернутся отчичи и сгонятъ новыхъ владѣльцевъ. Поэтому господарь предписывалъ державцамъ крестьянскія отчины, покинутыя незасѣянными, отдавать другимъ крестьянамъ и не отбирать у нихъ, если бы отчичи и вернулись на свои земли. Отчичи въ такомъ случаѣ должны получить другія земли и быть отданы на поруки, чтобы больше не волочились по сторонамъ. Лишь въ томъ случаѣ, если крестьяне покинутъ отчины отъ голода и засѣявъ ихъ, державца долженъ былъ ждать святой недѣли или дня св. Яна и даже цѣлый годъ не отдавать крестьянской отчины инымъ крестьянамъ. Покинутыя земли предписывалось отдавать новымъ тяглецамъ со всѣми посѣвами и постройками, со всѣмъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, взявъ поруку въ томъ, что новый тяглецъ не растратитъ имущества и не сбѣжитъ. Самимъ державцамъ строго запрещалось присвоивать себѣ „отбѣгщины“ и „отумерщины“ крестьянъ. Предписывая такой рѣшительный образъ дѣйствій по отношенію къ покинутымъ крестьянскимъ отчинамъ, новая устава вмѣстѣ съ тѣмъ давала рядъ распоряженій и указаній съ цѣлью прекращенія ухода крестьянъ изъ господарскихъ волостей. Устава предписывала державцамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы господарскіе крестьяне не продавали и не сдавали своихъ земель околичнымъ земянамъ и боярамъ и другимъ крестьянамъ, дабы одинъ участокъ не расширялся, а другой не уменьшался ко вреду господарскаго скарба; предписывала осадные пѣнязи привести въ соотвѣтствіе съ размѣрами и качествомъ земель и количествомъ прежнихъ повинностей, дабы крестьяне не разорялись отъ непомѣрнаго оброка. Въ голодные годы державцы должны были давать льготы крестьянамъ какъ въ „данинахъ“ разныхъ, такъ и въ работѣ и подводахъ. Льготы должны даваться и отдѣльнымъ крестьянамъ, потерпѣвшимъ отъ пожара, эпидеміи и падежа скота.

Для предохраненія крестьянъ отъ разоренія устава предписывала подати взыскивать своевременно, послѣ сбора урожая, съ неплатящихъ не взыскивать при помощи дѣцкихъ, ибо въ такомъ случаѣ убогому крестьянину приходиться платить столько же, столько и подати. Лучше въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ бичу, къ тюрьмѣ и къ порукѣ; если уже нечего взять, лучше простить крестьянину подать и дать ему возможность поправиться къ слѣдующему году. Крестьяне разорялись нерѣдко безбожными процентами жидовъ. Устава требовала отъ державцевъ не дозволять жидамъ одолжать крестьянъ безъ вѣдома уряда. Крестьянъ, бѣжавшихъ изъ господарскихъ имѣній, не смотря на всѣ эти мѣры, державцы должны были энергически отыскивать и препоручить ихъ всему селу на его отвѣтственность. Для извлеченія наибольшаго количества доходовъ съ крестьянскихъ земель устава предписывала державцамъ не раздавать пустовщины ни земянамъ, ни слугамъ своимъ, ни крестьянамъ до воли господарской безъ установленныхъ платежей съ нихъ. Такъ какъ крестьяне предпочитали снимать пустовщины „на поклонѣ“, т. е. въ краткосрочную аренду за деньги, пшеницу или медъ, устава предписывала прекратить раздачу пустовщинъ на этихъ условіяхъ и побуждать крестьянъ брать земли на ту или другую постоянную службу. Устава рекомендовала также брать у крестьянъ сыновей и отдавать въ наученье ремеслу съ тѣмъ, чтобы они потомъ могли оказаться полезными для замковъ и дворовъ господарскихъ. Устава предписывала державцамъ не оставлять безъ вниманія и челяди дворной, на содержаніе которой много выходитъ, и слѣдить затѣмъ, чтобы она своею работою заслуживала свой хлѣбъ. Для исправности сбора господарскихъ доходовъ и для наилучшей отчетности устава предписывала старостамъ и державцамъ составить главный реестръ, въ коемъ должно быть обозначено имя каждаго подданнаго, величина его земель и количество получаемыхъ съ него господарскихъ доходовъ. Къ этому реестру державцы и урядники должны приложить свои печати. Въ остальномъ новая устава большею частью повторяла предписанія прежней уставы 1529 года.

И эта новая устава не могла значительно возвысить доходность господарскихъ имѣній, пока господствовалъ въ нихъ старый земельный строй, созданный развитіемъ заимочнаго землепользованія и землевладѣнія. При этомъ строѣ крестьянскіе земельные участки отличались крайнимъ разнообразіемъ какъ по своей величинѣ, такъ и по хозяйственному составу,— разнообразіемъ, при которомъ было трудно установить равномѣрное и справедливое обложеніе, какъ ни требовала этого изложенная „устава“ Сигизмунда-Августа. При этомъ разнообразіи господствовала страшная черезполосица пахотныхъ земель и угодій. Крестьянскія земли и угодья не только переплетались другъ съ другомъ, но и съ землями и угодьями землевладѣльцевъ шляхетскаго сословія. Послѣдніе имѣли сплошь и рядомъ освященные стариною „входы“ и „вступы“ въ тѣ же господарскія пущи, озера и рѣки, гдѣ имѣли входы и вступы господарскіе крестьяне. Господарскіе крестьяне имѣли сервитуты на земляхъ панскихъ или шляхетскихъ, выслуженныхъ у господаря, и наоборотъ: князья, паны и бояре-шляхта

имѣли сервитуты на земляхъ и угодьяхъ господарскихъ крестьянъ, составлявшихъ нѣкогда одно цѣлое съ ихъ землями и угодьями. Разбросанность земель и угодій приводила къ напрасной тратѣ рабочаго времени; черезполосность—ко всевозможнымъ столкновеніямъ и непріятностямъ съ сосѣдями. Къ тому же приводило и совмѣстное владѣніе разными землями и угодьями нѣсколькихъ владѣльцевъ или нѣсколькихъ селеній. Исторически создавшіяся крестьянскія земельныя единицы были, какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ, во владѣніи и пользованіи семейно-родовыхъ группъ или сябровъ-чужеродцевъ. Это обстоятельство приводило къ неравномѣрному распредѣленію крестьянской рабочей силы по землямъ и угодьямъ. На иныхъ участкахъ гнѣздилось черезчуръ много народа, на другихъ черезчуръ мало, вслѣдствіе чего либо оставалась безъ надлежащаго приложенія часть рабочей крестьянской силы, либо оставалась безъ должной эксплуатаціи часть земель и угодій. Вообще исторически создавшееся крестьянское землевладѣніе и разселеніе во многомъ уже не соотвѣтствовало потребностямъ господарскаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ размножившееся крестьянство испытывало уже земельную тѣсноту и волочилось по наймамъ, уходя въ „покормъ“. Въ другихъ мѣстностяхъ наоборотъ лежали дѣвственные пустыри, которые ждали поселенцевъ для обработки. Въ нѣкоторыхъ господарскихъ дворахъ чувствовался излишекъ тяглыхъ и спеціальныхъ крестьянскихъ службъ; въ другихъ наоборотъ—ихъ не доставало; наконецъ, были и такія мѣста, гдѣ могло прекрасно идти дворцовое хозяйство, но гдѣ не было совсѣмъ господарскихъ крестьянъ, и гдѣ нерѣдко дѣлали захваты и заимки сосѣдніе землевладѣльцы—князья, паны, боярешляхта и др.

Всѣ эти отрицательныя стороны создавшагося земельнаго строя довольно рано стали сознаваться литовскимъ правительствомъ, которое и стало замѣнять этотъ строй искусственнымъ распредѣленіемъ земли на волоки, или ланы, и сдачею ихъ на чиншѣ по нѣмецко-польскому образцу. Впервые такая раздача примѣнена была еще Витовтомъ при колонизаціи Подляшья. Его примѣру слѣдовали на Подляшьѣ и преемники его до Сигизмунда I включительно. Сначала волочная система вводилось только „на сыромъ корню“, при отводѣ для заселенія и обработки пущъ. Но Сигизмундъ I сталъ уже переводить на волоки цѣлыя группы старыхъ селъ на Подляшьѣ. Его супруга королева Бона перемѣрила на волоки крестьянскія земли и пущи въ своихъ имѣньяхъ, полученныхъ отъ мужа, въ Пинскомъ, Клецкомъ, Городецкомъ и Кобринскомъ староствахъ, въ Кременецкомъ староствѣ, въ Бѣльскѣ, Саражѣ и Городнѣ. Сигизмундъ-Августъ рѣшился провести волочную помѣру въ собственной Литовской землѣ и на Жмуди. Въ лицѣ Петра Фальчевскаго, Пильховскаго, Лашковскаго, Градовскаго и нѣкоторыхъ другихъ поляковъ король нашелъ опытныхъ и усердныхъ исполнителей его воли, и къ концу шестидесятыхъ годовъ вся Жмудь, Подляшье и Полѣсье, повѣты Виленскій и Троцкій, т. е. собственная Литва, имѣли на господарскихъ земляхъ волочную систему. (По примѣру господаря ввели эту систему въ своихъ

имѣньяхъ и многіе частные землевладѣльцы). Какія же основныя черты этой системы, и въ чемъ состояло ея преимущество передъ старымъ земельнымъ строемъ? Отвѣты на эти вопросы можно получить изъ волочной уставы, выданной державцамъ господарскихъ дворовъ и ревизорамъ въ 1557 году, съ позднѣйшими дополненіями и измѣненіями и инструкцій отдѣльнымъ ревизорамъ, а также и изъ нѣкоторыхъ другихъ современныхъ актовъ.

Новая система вводила прежде всего опредѣленныхъ размѣровъ земельную единицу. Такою единицею была волока, состоявшая изъ 33 морговъ въ трехъ поляхъ (приблизительно около $21^1/_2$ десятины). На волоки разбивались всѣ дворовыя пашни, крестьянскія земли и пущи, годныя для пашни. Въ идеалѣ волоки должны были быть „прогоняными“, сплошными, т. е. всѣ три поля должны были лежать рядомъ, при чемъ усадьбы крестьянъ должны были располагаться въ среднемъ полѣ, для того, чтобы „паренина“ могла служить общимъ выгономъ для скота. Въ случаѣ невозможности вымѣрить сплошныя волоки, онѣ должны были составляться изъ нѣсколькихъ участковъ. Земли, оставшіяся за вымѣромъ волокъ, назывались „застѣнками“. Изъ нихъ вырѣзались участки огородникамъ (по три морга), а также крестьянамъ, которые брали неполныя волоки. Кромѣ того, застѣнки шли подъ сѣнные покосы, сдававшіеся ежегодно за опредѣленную плату.

При разбивкѣ крестьянскихъ земель на волоки всѣ эти земли сливались воедино, и уничтожалась или уменьшалась обычная черезполосица крестьянскихъ участковъ. Но среди этихъ участковъ могли попадаться и участки земель, принадлежавшихъ сосѣднимъ шляхтичамъ. Всѣ эти участки также забирались въ помѣру, а въ „отмѣну“ давались другіе участки господарскихъ земель, лежавшіе по сосѣдству съ имѣньемъ владѣльца, и по мѣрѣ возможности одинаковаго качества. Если не было подходящей земли, давалась земля худшаго качества, но „съ наддаткомъ“. Одновременно съ вымѣромъ волокъ должны были ограничиваться и измѣряться огуломъ лѣса и пущи съ болотами и озерами, куда господарскіе подданные имѣли „входы“ и „вступы“ вмѣстѣ съ шляхтою и ихъ подданными, и гдѣ были также и господарскіе „ловы“ и „оступы“ и бортныя деревья. Волочная устава имѣла въ виду ликвидировать частновладѣльческіе „входы“ и „вступы“ въ господарскіе лѣса, пущи и озера для прекращенія занмокъ, хищничества и для установленія „покою“ между господарскими и частновладѣльческими „подданными“. Эта ликвидація, какъ показываютъ акты, производилась путемъ пожалованія земельныхъ „отмѣнъ“, а также и уплатою денегъ по оцѣнкѣ (напр., за шляхетскія борти). Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ господарскія имѣнья консолидировались и обособлялись отъ шляхетскихъ имѣній гораздо рѣзче, чѣмъ прежде, что въ хозяйственномъ отношеніи должно было представлять значительныя выгоды. Консолидировались вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянскіе участки, что въ свою очередь представляло удобства для крестьянъ.

Волока предполагалась, какъ нормальный надѣлъ для обычнаго кре-

стьянскаго хозяйства, ведущагося силами одного крестьянина со взрослымъ сыномъ или двухъ братьевъ. Поэтому устава рекомендовала въ тѣхъ случаяхъ, когда на маломъ грунтѣ оказывалось много людей, разселять ихъ, осаживать ими пустыя волоки, давая имъ льготы „для вспоможенья“, на два—на три года, если пустыя волоки были при селахъ, на пять-шесть и даже десять лѣтъ, если волоки были въ пущахъ, въ черныхъ и тяжкихъ для разработки лѣсахъ. При общей земельной переверсткѣ предвидѣлось переселеніе крестьянъ и по потребностямъ господарскаго хозяйства. Волочная устава не ограничивалась простымъ предписаніемъ переводить на оброкъ всѣ крестьянскія „службы“, которыя оказывались при данномъ господарскомъ дворѣ лишними, но требовала, чтобы при каждомъ дворѣ было потребное число тяглыхъ и спеціальныхъ службъ. Тяглыхъ волокъ при каждомъ дворѣ должно было быть въ семь разъ больше волокъ дворной пашни; требовалось извѣстное число волокъ путныхъ бояръ, конюховъ, бортниковъ и т. д., смотря по потребностямъ каждаго даннаго двора. Если волокъ не доставало, онѣ должны были быть „прилучены“ къ данному двору; если не доставало крестьянъ, они должны были переводиться изъ другихъ мѣстъ. Устава предписывала заводить фольварки съ дворными пашнями всюду, гдѣ было возможно.

Введеніе геометрически опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ давало возможность установить и болѣе правильное, однообразное и равномѣрное обложеніе. Прежде каждый земельный участокъ имѣлъ свое обложеніе,—сверхъ основной „службы“ несъ разныя другія повинности по старинѣ. Эта старина повинностей далеко не всегда соотвѣтствовала старинѣ размѣровъ самаго участка, либо увеличившагося отъ „приробокъ“ и прикуповъ, либо уменьшившагося отъ распродажи по частямъ. Да и вообще, устанавливаясь въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, повинностная старина крестьянскихъ участковъ не давала равномѣрнаго обложенія. Теперь по этой части произошло значительное усовершенствованіе. Единицею обложенія основными службами стала волока. Но такъ какъ основныя службы крестьянъ цѣнились не одинаково какъ въ отношеніи своей тяжести, такъ и въ отношеніи важности, то и извѣстными службами облагалось иногда не одна волока, а двѣ. Такимъ образомъ, путные бояре, конюхи сѣдельные, или дворные, стрѣльцы, одверные и другіе дворные слуги, осочники, сельскіе войты получали на свою службу по двѣ волоки, а крестьяне другихъ спеціальныхъ службъ и тяглые—по одной. Уравненіе между различными разрядами службъ производилось не только путемъ отвода разнаго количества волокъ, но и путемъ сложенія или наложенія разныхъ добавочныхъ повинностей. Крестьяне перечисленныхъ спеціальныхъ службъ получали свои волоки вольными отъ всякихъ другихъ повинностей. Крестьяне другихъ спеціальныхъ службъ, какъ тесли, слесари, ковали, колодѣи, бондари, грабари, гуменники, рыболовы получали только по одной вольной волокѣ. Тяглые же люди съ своихъ волокъ несли не только свои спеціальныя повинности и работы на господарской пашнѣ и угодьяхъ, но сверхъ того платили чиншъ, давали овесъ, сѣно, гусей, куръ,

платили на неводы, вносили стацію деньгами или натурою. Размѣръ этихъ добавочныхъ повинностей варьировался въ зависимости отъ качества земли. Съ волоки добраго грунта чиншъ устанавливался въ размѣрѣ 21 гроша, средняго—12 грошей, подлаго—8 грошей, „вельми подлаго“, песчанаго или болотистаго—6 грошей. Овса съ волоки добраго и средняго грунта полагалась бочка или 10 грошей (5 за овесъ и 5 за отвозъ); сѣна—одинъ возъ либо 5 грошей (3 за сѣно и 2 за отвозъ); съ подлаго грунта ни овса, ни сѣна не взималось, но взамѣнъ того гусь или $1^1/_2$ гроша, 2 курицы или 16 пѣнязей, 20 яицъ или 4 пѣнязя. На неводы со всѣхъ волокъ взималось по 2 гроша, а за стацію $2^1/_2$ гроша или же натурою съ каждыхъ 30 волокъ одна яловица и два барана, съ каждой волоки по куриць и десятку яицъ.

Не всѣ крестьяне брали полныя волоки: нѣкоторые довольствовались моргами, которыя вырѣзались имъ изъ „застѣнковъ“. Эти крестьяне не несли никакихъ службъ, кромѣ уплаты за моргъ добраго грунта 3 грошей и 4 пѣнязей, средняго—3 грошей, подлаго—2, вельми подлаго—$1^1/_2$ гроша. Огородники, получавшіе обыкновенно по три морга, обязаны были служить по одному дню въ недѣлю пѣшими, а жены ихъ въ теченіи лѣта шесть дней на жнивѣ или полотьѣ.

Крестьяне, съ которыхъ работа не требовалась по условіямъ господарскаго хозяйства при данномъ дворѣ, осаживались на оброкѣ, при чемъ должны были платить вмѣсто работъ по 30 грошей съ каждой волоки „осаднаго“, за 12 толокъ 12 грошей и за „гвалты“ бочку жита или 10 грошей. Такое же „осадное“ платили и крестьяне нѣкоторыхъ спеціальныхъ службъ въ тѣ года, когда ее не служили, напр., борти, конюхи сѣдельные или дворные.

Волочная помѣра охватила не только крестьянскія, но и мѣщанскія земли. И здѣсь введено было однообразное и равномѣрное обложеніе. Мѣщане непривилегированныхъ мѣстъ платили прежде всего *прутовое* отъ усадебной земли: $7^1/_2$ пѣнязей отъ прута на рынкѣ, 5 пѣнязей отъ прута на улицахъ; 3 пѣнязя отъ прута огородной земли въ мѣстѣ; 1 пѣнязь съ прута гуменной земли на предмѣстьѣ, а съ морга 3 гроша. Затѣмъ мѣщане платили чиншъ съ пахотныхъ земель: съ волоки добраго грунта—50 грошей, средняго—40, подлаго—30; кромѣ того съ каждой волоки 12 грошей за толоки. Другихъ повинностей съ земель мѣщане уже не обязаны были отправлять.

Нельзя не признать, что изложенная система обложенія представляла больше опредѣленности, больше количественнаго соотвѣтствія, а слѣдовательно и больше равномѣрности, чѣмъ прежняя система, основанная на глазомѣрной оцѣнкѣ величины и доходности земельныхъ участковъ. Эта система представляла и больше удобствъ для взысканія платежей и повинностей, для учета и контроля урядниковъ, производившихъ взысканія. Такъ какъ волочная устава наряду съ этимъ проникнута была стремленіемъ къ болѣе правильному и равномѣрному распредѣленію крестьянской рабочей силы по земельнымъ участкамъ, къ округленію этихъ участковъ и

уничтоженію вредной въ хозяйственномъ отношеніи разбросанности и черезполосицы земель, къ заселенію пустыхъ земель и расширенію господарскаго хозяйства, къ округленію господарскихъ имѣній и къ огражденію ихъ отъ захвата и эксплуатаціи другими землевладѣльцами, то и введеніе волочной системы приходится считать крупною хозяйственною реформою, которая могла сильно поднять доходность господарскихъ имѣній.

Волочная система введена была въ собственной Литвѣ, Жмуди, Подляшьѣ, Полѣсьѣ и въ западной части Волыни. Но отрицательные результаты стараго земельнаго и податного строя давали чувствовать себя и въ остальныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, между прочимъ и въ даннических Поднѣпрскихъ волостяхъ. Здѣсь также образовалось крайнее разнообразіе земельныхъ участниковъ крестьянъ и несоотвѣтствіе количества лежавшихъ на нихъ повинностей съ ихъ величиною; здѣсь также много господарскихъ земель было захвачено землевладѣльцами. Поэтому правительство Сигизмунда-Августа вознамѣрилось и здѣсь произвести извѣстное уравненіе какъ въ землевладѣніи, такъ и въ платежахъ и повинностяхъ каждой службы, другими словами—извѣстную переверстку землевладѣнія и обложенія, хотя и не такую радикальную, какъ въ вышеупомянутыхъ областяхъ. Волочная помѣра предпринята была здѣсь только для городовъ, а по селамъ въ 60-хъ годахъ были разосланы ревизоры, которые должны были произвести „порядокъ и постановенье“ господарскихъ „пожитковъ“ и „поровнанье грунтовъ“ между господарскими подданными. Ревизоры эти производили описаніе и обмежеваніе крестьянскихъ земель частью по старымъ границамъ ихъ, частью заново для приведенія въ соотвѣтствіе съ повинностями, отправлявшимися съ того или другого участка, и наоборотъ—регулировали и фиксировали повинности въ соотвѣтствіе величинѣ и качеству участковъ. Такимъ „поровнаньемъ“ имѣлось въ виду между прочимъ уничтожить образованіе недоимокъ, которыя уплачивались здѣсь сообща волостными людьми, чѣмъ волости уже давно тяготились. При описаніи и ограниченіи крестьянскихъ участковъ обмежевывались господарскія пущи и лѣса съ цѣлью прекращенія захватовъ со стороны другихъ землевладѣльцевъ. Полагая предѣлъ самовольнымъ заимкамъ, ревизоры въ нѣкоторыхъ случаяхъ производили редукцію занятыхъ господарскихъ земель и облагали ихъ податьми. Нѣкоторыя изъ такихъ отбираемыхъ земель ревизоры обращали даже подъ господарскіе фольварки.

Даже и на южной украйнѣ правительство Сигизмунда-Августа приняло нѣкоторыя мѣры, задачею которыхъ было уравненіе крестьянскихъ повинностей и увеличеніе доходовъ скарба. На югѣ былъ полный земельный просторъ, и потому тамъ не было и настоятельныхъ побужденій къ прекращенію заимочнаго землепользованія и землевладѣнія. На южной украйнѣ чувствовалась болѣе всего нужда въ рабочихъ рукахъ, въ удержаніи крестьянъ на ихъ участкахъ. Крестьяне тамъ свободно переходили не только изъ имѣнья въ имѣнье, но и изъ великаго княжества въ корону. Поэтому въ 1560 году туда отправленъ былъ панъ Янъ Волчковичъ, которому дано было порученіе установить одинаковые „пожитки“ со всѣхъ

подданныхъ какъ господарскихъ, такъ и земянскихъ, примѣняясь къ польскимъ порядкамъ и даже въ меньшемъ размѣрѣ, съ цѣлью прекратить крестьянскіе переходы. Волчковичу предписано было, кромѣ того, обложить десятиною зерна всѣхъ владѣльческихъ крестьянъ, которые пользовались господарскими землями, а самыя земли и поля переписать.

Таковы были мѣропріятія, предпринятыя при Сигизмундѣ-Августѣ для увеличенія доходности господарскихъ имѣній. Значеніе главнаго изъ этихъ мѣропріятій—введенія волочной уставы вышло, однако, далеко изъ чисто хозяйственной области и имѣло свои немаловажныя послѣдствія какъ въ соціальной, такъ и въ политической исторіи Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, Москва 1894; *М. В. Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Томъ I. Кіевъ, 1901; Очерки по организаціи западнорусскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, Кіевъ 1905.; *М. Любавскій*, Рецензія на это сочиненіе г. Довнара-Запольскаго (Отчетъ о третьемъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова), Спб. 1907; *Новицкій*, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. 1).

XXXIX.

Перемѣны въ положеніи населенія господарскихъ имѣній въ связи съ волочною реформою.

Окончательное обособленіе шляхты и выходъ ея изъ состава населенія господарскихъ доменъ.—Паденіе крестьянскаго землевладѣнія и успленіе прикрѣпленія крестьянъ.—Превращеніе челяди невольной въ огородниковъ.—Новыя поселенія крестьянъ.—Стѣсненія по части эксплуатаціи пустыхъ земель и угодій.—Строгая регламентація крестьянскихъ повинностей.—Установленіе однообразія въ платежахъ и повинностяхъ мѣщанъ непривилегированныхъ мѣстъ.

Со введеніемъ волочной помѣры и уставы произошло еще болѣе рѣзкое отдѣленіе шляхты отъ остального населенія господарскихъ доменъ, чѣмъ было раньше. Волочная помѣра сопровождалась прежде всего пересмотромъ правъ состоянія, которымъ рѣшался вопросъ, подлежитъ ли данная земля помѣрѣ на волоки или нѣтъ, т. е. крестьянская ли она или шляхетская. Всѣ землевладѣльцы должны были предъявлять документы на владѣніе и званіе, при чемъ не только редуцировались самовольно захваченныя земли, но и возвращались въ простое состояніе шляхтичи, неправильно присвоившіе себѣ это званіе. Такъ было, напр., въ Жмудской землѣ, гдѣ много „простыхъ“ людей вкупились въ боярство и хотѣли быть шляхтою. Шляхта на сеймахъ протестовала противъ предъявленія документовъ, но господарь настоялъ на томъ, чтобы документы предъявлялись ревизорамъ

и мѣрчимъ для снятія съ нихъ въ сомнительныхъ случаяхъ копій и отсылки этихъ копій господарю. Введеніе волочной системы сопровождалось вмѣстѣ съ тѣмъ подробною и точною регистраціею тяглаго населенія. Все это вмѣстѣ углубляло и расширяло борозду между шляхтою и остальнымъ населеніемъ господарскихъ доменъ.

Обособленіе шляхты совершалось не однимъ только внѣшнимъ путемъ. При производствѣ волочной помѣры было установлено и рѣзко подчеркнуто положеніе, что крестьянская земля есть земля собственно господарская, такъ какъ „кметъ и вся маетность его наша (господарская) есть“. Поэтому волочная устава предписывала не церемониться съ мнимыми владѣльческими правами крестьянъ и забирать въ помѣру всякій крестьянскій грунтъ, купленный и заставленный. Но по отношенію къ шляхетскимъ грунтамъ устава давала совершенно другія предписанія. Если для вымѣра волокъ нельзя было обойдтись безъ занятія шляхетскаго грунта, устава предписывала найдти предварительно справедливую „отмѣну“. Очевидно, господарь руководился въ данномъ случаѣ взглядомъ на шляхетскую землю, какъ на собственность шляхты. Взглядъ этотъ развивался постепенно во всѣхъ земскихъ привилеяхъ, и когда началась волочная помѣра, оказался въ полной силѣ. Такимъ образомъ, при производствѣ волочной помѣры окончательно порвалось всякое единеніе шляхты и крестьянства на почвѣ землевладѣнія. Крестьянское землевладѣніе было аннуллировано, какъ таковое; признано было только одно крестьянское землепользованіе. Землевладѣніе стало удѣломъ только господаря и шляхетскаго сословія. Уничтоженіе черезполосицы и сервитутовъ шляхты на крестьянскихъ земляхъ и обратно—сервитутовъ крестьянъ на шляхетскихъ земляхъ, прекращеніе „входовъ“ и „вступовъ“ шляхты въ господарскія угодья обособили шляхту отъ остального населенія господарскихъ доменъ и территоріально. Шляхта въ сущности вышла изъ состава населенія господарскихъ доменъ, сравнялась до извѣстной степени съ самостоятельными землевладѣльцами, князьями и панами, приблизившись въ этомъ своемъ положеніи къ польской шляхтѣ. Этотъ процессъ происходилъ не только помимо сознанія, но и помимо воли шляхты, которая одинаково протестовала и противъ занятія ея грунтовъ въ волоки, и противъ уничтоженія входовъ въ господарскія пущи и угодья.

Но особенно сильно отразилось введеніе волочной уставы на положеніи господарскихъ крестьянъ. Волочная устава не только упразднила окончательно крестьянское землевладѣніе, существовавшее и развивавшееся фактически съ давнихъ временъ въ господарскихъ доменахъ, но цѣлымъ рядомъ предписаній затянула крѣпко узы крестьянской неволи. Въ прежнее время члены многолюдныхъ крестьянскихъ семей сплошь и рядомъ покидали свои отчины въ господарскихъ имѣньяхъ, уходили на сторону и становились вольными „похожими“ людьми. Волочная устава, какъ уже было указано, предписывала многолюдныя крестьянскія семьи и товарищества разселять въ господарскихъ же имѣньяхъ. Такимъ образомъ, прекращалось выдѣленіе изъ крестьянъ-отчичей вольныхъ похожихъ людей. Въ прежнее время господарскій крестьянинъ-отчичъ, непохожій человѣкъ,

продавъ свою отчину и посадивъ на своемъ мѣстѣ другого тяглеца, становился вольнымъ похожимъ человѣкомъ. Волочная устава прекращала и этотъ выходъ на волю. Крестьянинъ, продавшій свое „домовство“ на волокѣ, посадившій на своемъ мѣстѣ другого, не могъ уже идти, куда вздумается, но долженъ былъ осѣсть либо въ господарскомъ мѣстѣ, либо въ господарской волости на пустой волокѣ. Въ томъ случаѣ, если бы такой волоки не оказалось, крестьянинъ, взявъ отъ уряда удостовѣреніе, что онъ вышелъ, осадивъ волоку, долженъ былъ идти въ другую господарскую же волость и тамъ искать себѣ мѣсто для поселенія. Такимъ образомъ, и по отношенію къ господарскимъ крестьянамъ пріобрѣлъ полную силу тотъ же самый принципъ личнаго прикрѣпленія, какой уже давно дѣйствовалъ относительно частновладѣльческихъ крестьянъ. Волочная устава повторила предписанія первой уставы Сигизмунда-Августа о томъ, чтобы бѣглые и самовольно ушедшіе господарскіе крестьяне непремѣнно отыскивались урядомъ и осаживались на пустыхъ волокахъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ засѣвки и все „домовство“ были отданы другимъ крестьянамъ.

Если увеличилась крестьянская неволя, то за то челядь невольная приблизилась въ своемъ положеніи къ крестьянству. Волочная устава совсѣмъ не знаетъ челяди, состоящей на иждивеніи двора. Литовское правительство уже и раньше сознавало всю дороговизну содержанія рабовъ, подневольный трудъ которыхъ не оплачивалъ этого содержанія. Поэтому уже первая устава Сигизмунда-Августа предписывала державцамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы челядь зарабатывала свой хлѣбъ. Теперь челядь совсѣмъ изчезла изъ состава населенія господарскихъ дворовъ, но за то появились *огородники*, которымъ нарѣзалось обыкновенно по три морга земли, и которые обязаны были работать одинъ день въ недѣлю на барщинѣ (женщины обязаны были работать шесть дней въ лѣто на жнивѣ или полотьѣ). Эти огородники несомнѣнно образовались изъ дворной челяди и малоимущаго крестьянства. На ряду съ другими разрядами тяглаго населенія они стали облагаться „податками“ на нужды государства и такимъ образомъ оказались уже въ вѣдѣніи государства.

Со введеніемъ волочной уставы послѣдовалъ и рядъ другихъ большихъ перемѣнъ въ жизни господарскихъ крестьянъ. Волочная устава перетасовывала не только земли и угодья крестьянъ, но и самыя поселенія. Согласно ея требованіямъ, усадьбы крестьянъ должны были идти прямою линіею черезъ среднее поле волокъ, которыя имѣли видъ расположенныхъ рядомъ прямоугольниковъ, раздѣленныхъ на три части („рѣза“). Насупротивъ должны были идти такою же прямою линіею гумна, такъ что образовывалась прямая широкая улица. Селенія должны были выходить многодворныя. Такъ какъ существовавшія дотолѣ мелкодворныя и разбросанныя селенія не подходили къ этому типу, то приходилось переселять крестьянъ. Устава предписывала ревизорамъ назначать мѣста для поселеній, а урядъ долженъ былъ настойчиво („съ пильностью“) понуждать крестьянъ къ переселенію на эти мѣста.

Съ раздачею опредѣленныхъ и точно обмежеванныхъ участковъ пре-

кращалась для крестьянъ та вольная эксплуатація пустыхъ земель и угодій, которая практиковалась въ предшествующее время. Въ прежнее время крестьяне нерѣдко брали пустовщины пахать „съ позему“ или „за поклоны“. Волочная устава запретила раздавать пустыя волоки на этихъ условіяхъ, а непремѣнно на службѣ. Прекратилась возможность дѣлать „приробки“ въ господарскихъ пущахъ, косить сѣно, бить звѣрей, ловить рыбу и т. д. такъ же свободно, какъ было раньше. Волочная устава обставила все это ограниченіями и условіями. „Приробки“ можно было имѣть въ „застѣнкахъ“, но за опредѣленную плату; косить сѣно тамъ же, но за опредѣленную плату; бить звѣрей можно было только на собственныхъ волокахъ, но не въ господарской пущѣ, вслѣдствіе чего крестьянамъ, имѣющимъ тамъ „входы“, запрещалось брать съ собою оружіе и собакъ; рыбу можно было ловить крыгою, удою, бреднемъ, трегубицею, оборомъ и другими малыми сѣтками, но не ѣзами. Устава предписывала всѣ „входы“ до пущъ и лѣсовъ, озеръ и рѣкъ, забиванье ѣзовъ, дерево бортное, сѣножати и другіе „пожитки“ на господарскихъ грунтахъ сдавать господарскимъ подданнымъ, а не кому иному, „на цыншахъ и платахъ“, но не за „вкупы и поклоны“.

Волочная устава опредѣлила точнѣе и равномѣрнѣе не только платежи, но и повинности крестьянъ. Тяглые люди должны были работать два дня въ недѣлю и, кромѣ того, четыре толоки, за что имъ должны отпускаться три недѣли—на святкахъ, масленицѣ и на святой недѣлѣ. Становиться на работу должны были съ восходомъ солнца и уходить съ заходомъ; на отдыхъ полагалось три часа въ три пріема. Опоздавшій долженъ отрабатывать на другой день столько же часовъ, сколько опоздалъ; неявившійся безъ уважительныхъ причинъ карался штрафомъ въ грошъ за первый день и бараномъ за второй; если же и въ третій день не являлся, подлежалъ наказанію бичемъ на лавкѣ, а пропущенные дни долженъ былъ отработать. Дякольный овесъ крестьяне должны были отвозить на 20 миль, а сѣно дякольное и дворное (по возу на каждую волоку) на 15 миль; если бы пришлось вести дальше, за это полагалось соотвѣтствующее отчисленіе изъ чинша и другихъ платовъ. Крестьяне обязаны были ходить въ далекія подводы и на постройку замковъ и дворовъ, складываясь съ трехъ или четырехъ волокъ на одну подводу или на одного работника. Но за это опять таки полагалось отчисленіе изъ платовъ и чинша по уставѣ. Для проѣзда пословъ и гонцовъ въ каждомъ селеніи крестьяне и мѣщане должны были держать по два коня съ волоки, чередуясь по недѣлямъ, при чемъ получали съ проѣзжающихъ плату—по грошу на милю за каждого коня, по полтора за возовую одноконную подводу, по $2^1/_2$ за возовую двухконную подводу и т. д.

Устава ввела единообразіе и въ систему податей мѣщанъ непривилегированныхъ мѣстъ. Выше были указаны размѣры платовъ за усадебную землю и волоки мѣщанъ. Кромѣ того, мѣщане были обложены и промысловымъ налогомъ, а именно: купцы, торговавшіе шелковыми товарами, должны были платить по четыре гроша, торговавшіе сукнами и другими мануфа-

ктурными издѣліями по два гроша, золотари также по два гроша, корчмари по грошу, продавцы горѣлки по два гроша, рѣзники по грошу, всѣ ремесленники также по грошу; коморники, занимающіеся торговлей, по два гроша. Сверхъ того полагались особые платежи съ корчомъ—*капщина*, по копѣ грошей съ пивныхъ и медовыхъ и за запись въ реестръ четыре пѣнязя, по тридцати грошей съ корчомъ, продающихъ горѣлку, и два пѣнязя за запись. Рѣзники также должны были уплачивать господарю за камень лою (сала) 15 грошей и уряду за лопатки въ торговые дни: за воловью и яловичью одинъ грошъ, за кабанью пять пѣнязей, за баранью, козью и телячью три пѣнязя и писчаго два пѣнязя отъ каменя лою. Съ домовъ, владѣльцы которыхъ не имѣли ни волокъ, ни шинку (торговли), полагалась подать въ два пѣнязя съ воротъ. Мѣщане обложены были и подводными пѣнязями: по два гроша съ дома, по три гроша съ волоки, по шести грошей съ фольварка или съ пашни тамъ, гдѣ земли не размѣрены были на волоки, по шести грошей съ крестьянской службы тамъ, гдѣ мѣщане имѣли своихъ людей, по четыре пѣнязя съ морга и по одному пѣнязю съ огороднаго прута на предмѣстьѣ. По части платежей съ мѣщанъ въ прежнее время господствовало большое разнообразіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Теперь это разнообразіе и неравномѣрность устранялись и вводились всюду одинаковые платежи.

Литература.

Тѣ же труды, что и выше на стр. 231.

XL.

Перемѣны въ управленіи въ связи со введеніемъ волочной помѣры и уставы.

Новыя крестьянскія власти—войты и лавники; ихъ функціи.—Войты въ непривилегированныхъ мѣстахъ.—Функціи державцевъ по волочной уставѣ; ихъ регламентація и усиленіе отвѣтственности урядниковъ. Доходы державцевъ.—Прекращеніе юрисдикціи воеводъ и старостъ въ округахъ державцевъ.—Мѣрники и помѣрчіе и ихъ функціи. Ревизоры; ихъ роль при организаціи господарскаго хозяйства на новыхъ основаніяхъ; надзоръ и контроль надъ дѣятельностью урядниковъ и крестьянскихъ властей.—Подскарбій земскій въ роли министра финансовъ и государственныхъ имуществъ.—Особое управленіе господарскими пущами.

Волочная устава смѣнила прежнихъ крестьянскихъ властей, разнообразившихся по отдѣльнымъ мѣстностямъ Литвы, Руси и Жмуди—всѣхъ этихъ приставовъ, десятниковъ, сорочниковъ, старцевъ, введя всюду по селамъ *войтовъ и лавниковъ* по нѣмецко-польскому образцу. *Войты* назначались урядникомъ, т. е. державцею или старостою, совмѣстно съ ревизоромъ, съ согласія крестьянъ, для ста и болѣе волокъ, въ зависимости

отъ того, какіе крестьяне сидѣли на этихъ волокахъ, тяглые или осадные. Тяглыя войтовства по размѣрамъ были обыкновенно меньше, чѣмъ осадныя, въ виду того, что тяглому войту было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ осадному. Во вниманіе къ этому и размѣръ ихъ земельнаго довольствія былъ не одинаковъ: тяглому войту давалось двѣ вольныхъ волоки, а осадному одна; другую онъ могъ взять только на чиншѣ. Главною обязанностью тяглаго войта было—выгонять людей на работы и надзирать за ихъ выполненіемъ. Войтъ долженъ былъ находиться и при отправленіи крестьянами другихъ повинностей, напр., при отвозѣ и сдачѣ дякольнаго овса. Онъ долженъ былъ также выгонять людей своего войтовства съ чиншемъ и другими платами и быть при ихъ взносѣ; отъ него отбирались показанія объ имущественномъ положеніи недоимщиковъ, на основаніи которыхъ могли дѣлаться имъ разныя льготы. На обязанности войта было ежегодно исправлять границы и концы волокъ принятыхъ и пустыхъ, слѣдить затѣмъ, чтобы не искажались межи отъ сосѣдей, а обо всѣхъ замѣченныхъ по этой части фактахъ доносить уряду. Войту принадлежало нѣкоторое участіе и въ судѣ надъ крестьянами. Онъ долженъ былъ по требованію уряда ставить ихъ къ суду; дѣцкій посылался лишь въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ не слушался войта. Войтъ обязанъ былъ присутствовать и на самомъ судѣ и „справедливости подданому допомогати“. Между прочимъ онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы урядъ не бралъ лишнихъ „винъ“ и „пересудовъ“, а о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ доносить ревизору, вести списокъ взысканныхъ „винъ“ и представлять его ревизору. Вообще, ставя войта въ подчиненное положеніе къ уряду, требуя отъ него исполненія его приказаній, устава въ то же время стремилась сдѣлать войта органомъ надзора за дѣйствіями уряда. Войтъ подъ страхомъ жестокихъ каръ обязывался доносить обо всѣхъ злоупотребленіяхъ уряда, напр., объ освобожденіи за деньги отъ работъ, о сдачѣ въ арецду пустыхъ волокъ и т. под.—Что касается *лавниковъ*, то они назначались въ числѣ двухъ, трехъ и большемъ въ каждомъ селѣ. Ихъ главная обязанность была—осматривать „шкоды“ крестьянъ въ потравахъ и другихъ случаяхъ и давать показанія уряду. Къ нимъ обращались какъ сами крестьяне, такъ и урядъ и въ другихъ случаяхъ, напр., при разслѣдованіи причинъ неявки крестьянина на работу, имущественнаго положенія недоимщика, при разслѣдованіи объ утаенныхъ и захваченныхъ земляхъ, о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и т. д.

Кромѣ селъ, войты учреждены были по волочной уставѣ и въ непривилегированныхъ мѣстахъ, гдѣ дотолѣ въ большинствѣ случаевъ не было никакихъ аналогичныхъ властей, и гдѣ всѣмъ распоряжался дворный урядъ. Устава не говоритъ подробно о положеніи и обязанностяхъ мѣстскихъ войтовъ; они просто должны были „порадку въ мѣстѣхъ и пожитковъ (господарскихъ) примножати и доглѣдати“. Надо думать, что ихъ положеніе и обязанности были приблизительно тѣ же самыя, что и сельскихъ войтовъ.

Въ качествѣ приказчиковъ, управляющихъ господарскими имѣньями волочная устава оставила по прежнему урядниковъ, т. е. державцевъ (кое-

гдѣ старостъ и воеводъ), коимъ предоставила имѣть намѣстниковъ. Функціи урядниковъ по волочной уставѣ предполагались тѣ же самыя, что и по прежнимъ уставамъ. Они обязаны были озаботиться, чтобы вся дворная пашня была своевременно засѣяна, чтобы собранъ былъ и обмолоченъ, какъ слѣдуетъ, урожай; обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы сѣножати дворныя не залегали, чтобы все сѣно было скошено и свезено, куда слѣдуетъ. Устава предписывала имъ разрабатывать и огороды дворные, разводить рогатый скотъ, овецъ и козъ, устраивать „ставы“ и рыбныя „сажавки“, гдѣ было можно, также мельницы и фолюши (мельницы для обработки руды) и т. д. Всѣ хозяйственныя распоряженія и приказы по этой части должны были исходить отъ урядниковъ. Они же должны были наказывать господарскихъ подданныхъ за неявку и нерадѣніе въ отправленіи повинностей денежными штрафами и тѣлесными наказаніями. Урядники реализовали на деньги доходы отъ дворной пашни, сѣножатей, огородовъ, скота. Они же сдавали на оброкъ разныя хозяйственныя статьи—бортные ухожаи, рыбныя ловли, пахотныя земли и сѣнные покосы. Наконецъ, урядники обязаны были принимать на господарскомъ дворѣ или въ мѣстѣ, или въ опредѣленномъ селѣ чинши и всякіе другіе платежи отъ господарскихъ подданныхъ, начиная отъ дня св. Михаила до дня св. Мартина, при чемъ неисправныхъ плательщиковъ могли наказывать „вязеньемъ“, а подать взыскивать черезъ дѣцкаго. Устава предписывала, однако, освобождать отъ наказанія и взысканія тѣхъ крестьянъ, которые по разслѣдованію на мѣстѣ не уплатили податей или оброковъ „за пожогою, за вымеретьемъ або за хворобою всего дому, за голодомъ, за побитьемъ граду и за убожествомъ“, и требовала, чтобы во всякомъ случаѣ не конфисковались у крестьянъ волы и кони, „за цыншъ и ни за што иное... николи“. Всѣмъ господарскимъ подданнымъ урядники обязаны были давать судъ и управу, а также и владѣльческимъ подданнымъ по жалобамъ и искамъ на господарскихъ, при чемъ виновныхъ обязаны были штрафовать, а съ выигравшихъ тяжбу брать „пересудъ“.

Отличіе волочной уставы отъ предшествующихъ касательно функцій урядниковъ состояло въ томъ, что волочная устава обставляла эти функціи большею регламентаціею, большею отчетностью и отвѣтственностью, чѣмъ прежнія уставы, и кромѣ того подчиняла ихъ контролю и руководству особыхъ экономическихъ инспекторовъ — ревизоровъ. Устава требовала, чтобы вся пашня дворная непремѣнно была засѣяна; если урядникъ по небрежности не засѣетъ или сдастъ въ аренду, подвергается штрафу по десяти копенъ хлѣба за каждый незасѣянный моргъ. Хлѣбъ молотить урядникъ долженъ по возможности сыромолоткою, а не сушеный въ овинахъ, такъ какъ солома отъ несушенаго въ овинахъ хлѣба болѣе полезна для скота, чѣмъ отъ сушенаго. Овины должны дѣлаться поодаль отъ амбаровъ и скирдовъ для безопасности отъ огня. При каждомъ фольваркѣ должны содержаться по крайней мѣрѣ двадцать коровъ, а то и болѣе, овцы и козы, которыми должны завѣдывать бабы и дѣвки подъ надзоромъ *дворнички*, или *рыкуньи*. Этой рыкуньѣ полагалось жалованье по двѣ копы

грошей на годъ и содержаніе по три бочки ржи съ господарскаго гумна и четвертая съ урядничьяго третьяго снопа. Всему скоту долженъ былъ вестись тщательный реестръ, при чемъ отъ каждой дойной коровы урядникъ долженъ былъ вносить двадцать грошей въ скарбъ, отъ каждой старой овцы за волну (шерсть)—одинъ грошъ, отъ молодой—полгроша, отъ дойныхъ козъ и овецъ—по усмотрѣнію ревизора; за шкуру павшаго вола—пять грошей, за шкуру павшей коровы $2^1/_2$ гроша и т. д.

Всѣ собранные доходы урядники должны были отвозить на крестьянскихъ подводахъ въ Вильну въ скарбъ своевременно, до Рождества, и сдать подскарбію или писарю скарбному, получивши отъ него „квитъ“. Затѣмъ въ назначенные сроки, между первымъ января и 5 мая, должны учинить „личбу“ въ скарбѣ передъ писарями скарбными, т. е. представить приходо-расходный отчетъ „по реистромъ и уставѣ ревизорской“ съ объясненіемъ причинъ недобора, если бы таковой оказался. Устава требовала строгой и неукоснительной отчетности и предписывала забирать въ казну имѣнье урядника, не собравшаго безъ уважительныхъ причинъ всѣхъ господарскихъ доходовъ и не представившаго своевременно приходо-расходный отчетъ, пока онъ не представитъ денегъ и отчета.

Подчиняя державы непосредственному вѣдѣнію органовъ центральнаго управленія, волочная устава порывала тѣ связи, которыя соединяли прежде державы съ областными центрами. Устава постановляла, что впредь ни воеводы, ни староста Жмудскій не имѣютъ давать „позвы“ и посылать дѣцкихъ въ державы, но всѣмъ подданнымъ будетъ даваться судъ и управа на мѣстѣ урядниками.

Нѣкоторыя нововведенія послѣдовали вмѣстѣ съ волочною уставою въ доходахъ державцевъ. Они имѣли впредь получать: весь платъ съ каждой десятой волоки, кромѣ сѣна и овса, третій снопъ всякаго хлѣба съ господарскихъ гуменъ, десятую рыбу при спускѣ господарскихъ ставовъ, пересудъ въ 5%, дѣцкованье и помильное слугамъ, выводную куницу въ 12 грошей, третій грошъ съ „винъ“, за порчу межъ 12 грошей, штрафы съ крестьянъ за прогулъ, записного съ волоки 14 грошей, при сборѣ овса на господаря отъ бочки по пѣнязю.

Для проведенія волочной помѣры и уставы въ жизнь созданы были особые органы, ставшіе на ряду съ обычною администраціею и отчасти надъ нею. Низшую, чисто исполнительную роль среди нихъ играли *мѣрники*, разбивавшіе земли на волоки. Въ мѣрники выбирались ревизорами люди умѣлые и опытные; за свои труды они получали по десяти грошей съ каждой вновь вымѣренной волоки. Мѣрники должны были оставаться и по окончаніи волочной помѣры по одному на каждый дворъ—для провѣрки и возстановленія границъ отдѣльныхъ волокъ и на случай нарушенія границъ со стороны сосѣдней шляхты, при чемъ за свой трудъ должны были получать по 2 гроша съ волоки. Могъ быть и для нѣсколькихъ дворовъ одинъ мѣрникъ, который получалъ въ такомъ случаѣ три вольныхъ волоки и одно войтовство. Работою мѣрниковъ при первоначальной разбивкѣ волокъ руководили *помѣрчіе*, которые осматривали шляхетскіе

документы и грунты, отводили „отмѣны“ вымѣряли волоки на церковь и т. д. Работу мѣрниковъ и помѣрчіевъ провѣряли *ревизоры*. Ревизоры не только слѣдили за исправностью технической стороны дѣла, но и устанавливали господарскіе „пожитки“, опредѣляли, напр., количество оброка, который долженъ былъ взиматься за разныя хозяйственныя статьи въ господарскихъ имѣньяхъ, указывали, гдѣ должны быть построены мельницы, рыбные садки, фольварки, корчмы, гдѣ могутъ содержаться табуны лошадей и т. д. Вообще въ организаціи господарскаго хозяйства на новыхъ основаніяхъ ревизорамъ принадлежала дѣятельная роль. Они распредѣляли села, грунты и сѣножати между господарскими дворами, приписывали людей къ господарскимъ „ловамъ“ и „оступамъ“, опредѣляли потребное количество спеціальныхъ службъ для того или другого двора, вмѣстѣ съ урядомъ осаживали людей на пустыхъ волокахъ или на сыромъ корню, санкціонировали льготы, дававшіяся новоселамъ и т. д., и т. д. Возлагая такія обязанности на ревизоровъ, волочная устава требовала, чтобы они были люди добросовѣстные, свѣдующіе въ волочной помѣрѣ и въ хозяйствѣ, для того чтобы могли все вывѣдать и указать уряду, въ чемъ можетъ быть господарскій пожитокъ. Но дѣятельность ревизоровъ не ограничивалась только первоначальною организаціею господарскаго хозяйства по новой системѣ: они должны были слѣдить и за дѣйствіемъ новой уставы и контролировать съ этой стороны дѣятельность господарскихъ урядниковъ. Волочная устава предписывала, чтобы всѣ урядники, кромѣ пановъ радныхъ и лицъ, занятыхъ посольствами и другими государственными „послугами“, ко времени пріѣзда ревизора находились въ своихъ державахъ. Они должны были обо всемъ давать вѣдомость ревизору и свои объясненія, если бы произошелъ какой убытокъ господарскому хозяйству или какая обида господарскимъ подданнымъ. Урядники должны были отвѣчать передъ ревизоромъ по жалобамъ подданныхъ на ихъ намѣстниковъ, даже если бы этихъ намѣстниковъ не было на лицо, и дать по нимъ соотвѣтствующее удовлетвореніе. Если бы они не хотѣли дѣлать этого, ревизоръ долженъ былъ дать знать господарю или подскарбію земскому и ждать дальнѣйшихъ инструкцій, не съѣзжая съ уряда. Ревизоръ долженъ былъ провѣрять наличность хлѣба и зерна въ господарскихъ дворахъ, наличность скота, записи „винъ“, т. е. взысканныхъ судебныхъ штрафовъ, оцѣнивать правильность и цѣлесообразность произведенныхъ расходовъ, довѣдываться о томъ, засѣвается ли вся дворная пашня, убираются ли дворные сѣнокосы, не сдаются ли „въ поклоны“ пустыя волоки, не сдаются ли въ аренду разныя хозяйственныя статьи мимо господарскихъ подданныхъ, не откупается ли кто отъ работъ, не взимаются ли „вины“ и „пересуды“ сверхъ уставы и т. д. При этой провѣркѣ ревизоръ долженъ былъ пользоваться показаніями войтовъ, лавниковъ и другихъ крестьянъ. Дѣятельность войтовъ также подлежала контролю ревизоровъ, при чемъ войтовъ, оказавшихся неисправными, ревизоръ сообща съ урядникомъ отставлялъ и замѣнялъ другими. На ревизоровъ возлагалась обязанность составлять подробныя описанія хозяйственнаго состоянія господарскихъ дворовъ, „реэстры“ ихъ ревизіи. Для того,

чтобы дѣятельность ихъ отличалась единообразіемъ и систематичностью, имъ данъ былъ общій руководитель въ лицѣ старосты Кнышинскаго Петра Фальчевскаго. Съ этимъ Фальчевскимъ, носившимъ титулъ „справцы пожитокъ и дворовъ господарскихъ“, ревизоры должны были съѣзжаться ежегодно и обо всемъ, что относилось къ ихъ должности, совѣщаться и уговариваться. Фальчевскій и лично объѣзжалъ господарскіе дворы, гдѣ вводилась волочная устава, и давалъ соотвѣтствующія указанія и распоряженія. Когда было нужно, Фальчевскій долженъ былъ обращаться къ первому члену господарской рады (изъ свѣтскихъ), воеводѣ Виленскому, маршалку земскому и канцлеру великаго княжества Миколаю Радивилу, который уполномоченъ былъ господаремъ давать надлежащія указанія и оказывать содѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся пожитковъ и грунтовъ господарскихъ.

Со введеніемъ волочной уставы повышалось и значеніе подскарбія земскаго. Сигизмундъ-Августъ съ самаго начала, разсылая первую свою уставу, предназначалъ подскарбія къ болѣе активной роли въ отношеніи своего хозяйства, чѣмъ была роль государственнаго казначея. Предполагалось, что подскарбій объѣдетъ лично господарскіе дворы и установитъ на мѣстѣ всѣ уставы касательно замковъ, державъ и дворовъ. Нѣсколько позже, при введеніи волочной уставы, эта задача была возложена на ревизоровъ и ихъ старшину — справцу пожитковъ дворовъ господарскихъ. Но эти новыя должностныя лица оказались въ сущности мѣстными агентами подскарбія земскаго, которому отдано было въ руки центральное управленіе господарскими имѣньями и веденіе центральной отчетности. Ревизоры должны были съѣзжаться съ своими докладами къ подскарбію, при которомъ въ это время долженъ былъ находиться и главный „справца пожитковъ господарскихъ дворовъ“. Подскарбій въ случаѣ смерти какого-либо старосты и державцы посылалъ ревизора для переписи оставшагося въ господарскомъ дворѣ имущества и управленія державою впредь до назначенія новаго державцы; подскарбію въ случаѣ отсутствія господаря ревизоры докладывали о тѣхъ урядникахъ, которые не пожелали отвѣчать передъ ними по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ; у подскарбія въ отсутствіе господаря ревизоры и державцы брали разрѣшеніе на возведеніе значительныхъ построекъ; подскарбій же давалъ разрѣшеніе на засѣвъ дворной пашни старымъ зерномъ или купленнымъ, или взятымъ изъ другого двора, въ случаѣ недостатка зерна новаго урожая; онъ же разрѣшалъ давать хлѣбъ господарскимъ крестьянамъ „въ отсопъ“, сдавать въ аренду шинки и т. д. Новая устава подчинила подскарбію земскому въ отношеніи отчетности старостъ, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, ключниковъ, неводничихъ, бобровничихъ и т. д., которые прежде учитывались особыми коммиссіями. Теперь всѣ эти дворцовые управители должны были сдавать деньги и отчеты уже подскарбію земскому или одному изъ его ближайшихъ помощниковъ, писарю скарбному, и получать отъ нихъ квитанціи, уплачивая за нихъ по два гроша. Для принятія отчетовъ въ скарбѣ установлена была извѣстная очередь. Подскарбію предоставлено

было право по докладу господарю объ урядникахъ, не сдавшихъ въ срокъ денегъ и отчета, отбирать у нихъ имѣнья и прилучать ихъ къ какому-либо господарскому двору или же отдавать ихъ въ заставу постороннимъ лицамъ въ извѣстной суммѣ впредь до сдачи денегъ и отчета, а въ томъ случаѣ, если бы имѣнье не стоило ожидаемой недоимки, отстранять урядниковъ отъ должности впредь до полученія указаній господаря, что далѣе дѣлать съ такими урядниками. Такимъ образомъ, подскарбій земскій сталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ министромъ государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Одновременно съ обмѣромъ и перемѣромъ господарскихъ земель, находившихся въ державахъ, составленъ къ 1559 году Григоріемъ Воловичемъ обмѣръ и описаніе лѣсныхъ незаселенныхъ пространствъ—пущъ и находившихся въ нихъ звѣриныхъ переходовъ. Эти пространства предназначались частью для колонизаціи, частью для эксплуатаціи находящихся въ нихъ угодій, непосредственной и оброчной. Всѣ эти пространства разбиты были на извѣстные округа, во главѣ которыхъ поставлены были *лѣсничіе*. Эти лѣсничіе должны были объѣзжать свои лѣсничества и наблюдать за тѣмъ, чтобы господарю не чинилось никакихъ „шкодъ“ ни въ деревѣ, ни въ звѣряхъ, ни въ другихъ отношеніяхъ. Лѣсничіе обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не вывозилъ дерева стоячаго безъ разрѣшенія господаря, а кому дано это разрѣшеніе, вывозилъ бы не больше дозволеннаго количества; чтобы сухое дерево и хворостъ возили одни только господарскіе подданные; чтобы лѣсныя работы велись тамъ, гдѣ было указано, и чтобы будники не портили и не брали дерево тамъ, гдѣ имъ не было разрѣшено. Спеціальная устава, выданная лѣсничимъ, запрещала имъ самостоятельно выдавать лѣсъ, исключая тѣ случаи, когда лѣсъ требовался на поправку плотинъ, мельницъ и другихъ построекъ на господарскомъ дворѣ или на возобновленіе сгорѣвшихъ крестьянскихъ избъ. Но отпуская въ такихъ случаяхъ лѣсъ, лѣсничіе должны были тщательно его регистровать. Надзору лѣсничихъ поручались сѣнные покосы въ пущахъ, которые они должны были либо косить на господаря, либо сдавать за плату господарскимъ подданнымъ; на лѣсничихъ же возлагалась обязанность наблюдать за бортными деревьями, бобровыми гонами, звѣриными и рыбными ловлями и эксплуатировать ихъ на господаря при помощи полазниковъ, бобровниковъ, осочниковъ и стрѣльцовъ. Наконецъ, вѣдѣнію ихъ подчинены были и всѣ „воляне“, т. е. крестьяне, вновь посаженные въ пущахъ на волокахъ. По отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ лѣсничіе играли роль державцевъ, отводили имъ волоки, собирали съ нихъ чиншъ и другіе поборы судили и т. д. Вообще лѣсничества были въ сущности державами въ заселяемыхъ пространствахъ и превращались затѣмъ въ настоящія державы, какъ только набиралось населеніе. Дѣятельность лѣсничихъ провѣрялась и направлялась, какъ и дѣятельность державцевъ, ревизорами. Но сверхъ того, было лицо, игравшее роль главнаго лѣсничія. Таковымъ былъ сначала панъ Станиславъ Довойна, а затѣмъ ловчій господарскій Григорій Воловичъ. Каждый лѣсничій получалъ три волоки на фольваркъ и шесть

осѣдлыхъ волокъ для работъ на фольваркѣ, по одной бочкѣ овса съ каждыхъ десяти волокъ и по грошу въ годъ съ каждой волоки, пользующейся сухимъ деревомъ.

Хозяйственныя мѣропріятія Сигизмунда-Августа несомнѣнно подняли доходность господарскихъ имѣній. Но всѣ эти доходы стали уплывать еще быстрѣе, чѣмъ прибывали, благодаря войнѣ за Ливонію, въ которую втянулось Литовско-Русское государство.

Литература.

М. В. Довнаръ-Запольскій, Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. Кіевъ 1905. *М. Любавскій*, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901.

XLI.

Присоединеніе Ливоніи къ великому княжеству Литовскому.

Наступленіе Москвы на Ливонію и необходимость для Литовско-Русскаго государства защищать ее.—Договоръ 1559 года о защитѣ Ливоніи и начало военныхъ дѣйствій.—Подчиненіе Ливоніи Сигизмунду-Августу.—Опустошенія и завоеванія москвитянъ на территоріи Литовско-Русскаго государства.—Назначеніе Ходкевича гетманомъ и администраторомъ въ Ливоніи.—Договоръ 1566 года объ уніи Ливоніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.—Значеніе Ливонской войны въ исторіи Литовско-Русскаго государства.

Въ 1558 году московскія войска страшно опустошили Ливонію, взяли Нарву, Дерптъ, Нейгаузъ и другіе города и грозили дальнѣйшими завоеваніями. Не добившись помощи ни отъ Германіи, ни отъ Даніи, ни отъ Швеціи, ни отъ Польши, ливонцы обратились къ Литвѣ и нашли у нея сочувствіе и желанную поддержку. Расширеніе владѣній Московскаго государя на счетъ Ливоніи угрожало жизненнымъ интересамъ Литовско-Русскаго государства. Во первыхъ, завоеваніе обширной и, по признанію современниковъ, богатой по природѣ, экономически благоустроенной и хорошо укрѣпленной области должно было усилить могущество и безъ того сильнаго и опаснаго врага; во вторыхъ, завоеваніе Ливоніи отдавало въ руки Московскаго государя отпускную торговлю Бѣлоруссіи и части Литвы: Рига стягивала къ себѣ по рѣкѣ Двинѣ разнообразное сырье изъ Полоцкой и Витебской земель, а по рѣкѣ Мушѣ — изъ Жмуди; наконецъ, утвержденіе власти могущественнаго Московскаго государя въ Ливоніи могло повлечь за собою появленіе его флота на Балтійскомъ морѣ, что въ свою очередь грозило опасностями и отпускной торговлѣ, шедшей черезъ Данцигскій портъ. Всѣ эти опасности ясно сознавались государственными людьми и господаремъ великаго княжества. Поэтому, когда ливонцы обратились къ нимъ за помощью, они поспѣшили созвать великій вальный сеймъ, куда прибылъ и Ливонскій магистръ Кеттлеръ (лѣтомъ 1559 года). 31 августа

1559 года былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго магистръ отдавалъ себя, весь свой Орденъ со всѣми его владѣніями подъ протекторатъ и опеку Сигизмунда-Августа, какъ великаго князя Литовскаго, а въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ, могущихъ пасть на литовско-русскаго господаря, отдавалъ ему пять замковъ (Бовскъ, Розитенъ, Люценъ, Динабургъ и Зельбургъ) со всѣми ихъ территоріями, съ населеніемъ и со всѣми доходами, оставляя за собою право по окончаніи войны выкупить эти замки за 600 тысячъ золотыхъ польскихъ, а если войны не будетъ, то получить эти замки обратно безъ выкупа. Съ своей стороны Сигизмундъ-Августъ обязался отправить пословъ къ Московскому государю съ требованіемъ прекратить военныя дѣйствія противъ Ливоніи и возвратить награбленное имущество и плѣнныхъ, а если царь откажетъ во всемъ этомъ, двинуть свои войска и защищать всѣми силами Ливонію. 15 сентября къ этому договору присоединился и Рижскій архіепископъ съ капитулою, сословіями и всѣми подданными своихъ владѣній, при чемъ уступилъ Сигизмунду-Августу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и магистръ, два замка (Маріенгаузенъ и Леневарде) и два двора (Лабонъ и Бирзенъ), оставивъ за собою право по окончаніи войны выкупить эти замки и дворы за 100 т. золотыхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дипломатическое предстательство за Ливонію потерпѣло полное фіаско, и литовцы должны были взяться за оружіе.

Военныя дѣйствія начались въ ноябрѣ 1559 года и продолжались и въ 1560-мъ, и 1561-мъ году. Въ нихъ участвовали какъ наемныя войска, разставленныя по ливонскимъ замкамъ, такъ и земское ополченіе великаго княжества, выступавшее три раза на защиту Ливоніи противъ москвитянъ. За это время обнаружилось съ полною ясностью, что страна, на защиту которой выступило Литовско-Русское государство, находится въ состояніи полнаго политическаго и моральнаго банкротства и разложенія, и что защитить ее, сохраняя ея самостоятельность, въ сущности немыслимо. Еще въ началѣ 1560 года Эзельскій епископъ поспѣшилъ продать свое владѣніе датскому королевичу Магнусу, который въ половинѣ апрѣля 1560 года высадился въ Эзелѣ, а затѣмъ въ Гапсалѣ, гдѣ былъ принятъ съ отверстыми объятіями населеніемъ. Примѣру Эзельскаго епископа послѣдовалъ вскорѣ епископъ Ревельскій и фогтъ Зонненбургскій. Эти пріобрѣтенія Даніи возбудили аппетитъ и у шведскаго короля Эриха XIV, который въ іюнѣ 1561 года прислалъ пословъ въ Ревель склонять жителей къ подданству Швеціи, обѣщая имъ помощь и защиту отъ Москвы. Посольство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и ревельцы поддались Швеціи. Обыватели незанятой еще части Ливоніи сомнѣвались въ томъ, что магистръ и архіепископъ сумѣютъ отстоять ихъ независимость, не имѣли увѣренности въ собственныхъ силахъ и тянули въ разныя стороны: часть склонялась къ Даніи, другая — къ Швеціи, нѣкоторые готовы даже были броситься въ объятія Москвы, остальные желали стать подъ владычество Польши и Литвы. Всѣ, впрочемъ, согласно осуждали Орденъ и сваливали на него причину всѣхъ бѣдъ. Рыцари Ордена, всѣми ненавидимые, жаждали перемѣны формы правленія, отмѣны безбрачія (среди нихъ распространился

протестантизмъ) и избранія наслѣдственнаго князя. Дни Ордена были сочтены, и онъ уже не могъ существовать, какъ самостоятельное государство. Поэтому литовскому правительству надо было позаботиться объ обезпеченіи интересовъ великаго княжества. Посланный въ Ливонію съ нѣсколькими тысячами наемнаго войска воевода Виленскій и канцлеръ Николай Радивилъ уговорилъ литовцевъ поддаться подъ власть короля Сигизмунда-Августа. Въ ноябрѣ 1561 года въ Вильну на сеймъ прибыли магистръ и архіепископъ съ своими совѣтниками и депутаты отъ рыцарства и городовъ. 28 ноября былъ составленъ актъ о подчиненіи Ливоніи. Ливонцы желали уніи не съ однимъ великимъ княжествомъ, но и съ короною Польскою, полагая, что отъ двухъ государствъ они получатъ болѣе вѣрную защиту, чѣмъ отъ одного. Но такъ какъ для этого надо было имѣть формальное согласіе поляковъ, а поляки сдержанно относились къ этому вопросу до осуществленія уніи съ Литвою, то ливонцы поддались сначала лично Сигизмунду-Августу, какъ королю Польскому и великому князю Литовскому. Сигизмундъ-Августъ съ своей стороны обязался склонить поляковъ къ утвержденію договора и къ принятію Ливоніи подъ свою защиту. На тотъ случай, если бы Польша отказалась сдѣлать это, устанавливалось, что Ливонія присоединяется къ великому княжеству Литовскому. Какъ провинція Польши и Литвы, Ливонія имѣла впредь управляться королевскимъ намѣстникомъ и старостами нѣмецкаго происхожденія, съ сохраненіемъ правъ и вольностей сословій и самоуправленія городовъ. Магистръ Кеттлеръ, сложившій съ себя свое званіе, получилъ Курляндію и Семигалліо въ вассальное наслѣдственное владѣніе съ титуломъ герцога. Онъ же объявленъ былъ и королевскимъ намѣстникомъ въ Ливоніи. Въ виду того, что предшествующею войною были совершенно исчерпаны силы и средства ливонскихъ землевладѣльцевъ, Сигизмундъ-Августъ обязался снабдить ливонскіе замки служебными людьми, обѣщалъ кромѣ того освободить магистра отъ уплаты долговъ Данцигу и Ригѣ, помочь обывателямъ Вендена, Вольмара и Пернова въ уплатѣ ихъ долговъ и доставкою для нихъ хлѣба и другихъ предметовъ необходимости.

Хотя ливонцы имѣли въ виду и польскую помощь, но вся тяжесть войны обрушилась на великое княжество Литовское. Въ то время какъ всѣ военныя силы великаго княжества стянулись въ Ливонію, раннею весною 1562 года москвитяне вторглись въ Бѣлоруссію и сильно опустошили окрестности Витебска, Дубровны, Орши, Копыса и Шклова. Театръ войны перенесся такимъ образомъ на собственную территорію великаго княжества Литовскаго. Въ слѣдующемъ, 1563-мъ году Московскій царь внезапно напалъ на Полоцкъ и 15 февраля взялъ его. Въ 1564 году литовцы получили реваншъ: литовскій гетманъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ разбилъ на р. Улѣ, на Чашницкихъ поляхъ, князя Петра Ивановича Шуйскаго съ 30-ти тысячнымъ войскомъ; другой отрядъ въ 50 тысячъ подъ начальствомъ кн. Петра Серебрянаго, узнавъ о пораженіи Шуйскаго, бѣжалъ въ паникѣ, побросавъ оружіе и съѣстные припасы. Но въ концѣ того же 1564 года москвитяне снова начали брать верхъ. Московскій воевода Юрій Токмаковъ

занялъ Витебскій замокъ Озерище. Москвитяне успѣшно воевали и въ Ливоніи и уводили оттуда большіе полоны. Попытка литовцевъ перейдти въ наступленіе на московскія владѣнія съ югозапада потерпѣла неудачу: воевода Кіевскій кн. Конст. Острожскій и староста Чернобыльскій Филонъ Кмита, напавшіе на Черниговъ, были отбиты. Тяжесть борьбы за Ливонію для Литовско-Русскаго государства усилилась выступленіемъ шведовъ, которые въ томъ же 1564 году начали распространять свои завоеванія въ Ливоніи изъ Ревеля.

Чтобы всѣ жертвы, приносимыя для Ливоніи не пропали даромъ, литовское правительство съ одобренія Берестейскаго сейма 1566 г. рѣшило измѣнить систему управленія Ливоніею. Вмѣсто Кеттлера въ Ливонію назначенъ былъ „гетманомъ и администраторомъ“ панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, староста Жмудскій. Ходкевичу была представлена высшая военная и гражданская власть въ области съ чрезвычайными полномочіями. Онъ получилъ право созывать на войну подъ свое начальство всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ области, установлять для нихъ размѣры военной службы съ ихъ имѣній, отбирать имѣнья у неявившихся на его зовъ и раздавать людямъ заслуженнымъ, докладывая королю. Ходкевичу подчинены были и всѣ ротмистры и наемныя войска: онъ долженъ былъ принимать ихъ на службу и увольнять, выплачивать имъ жалованье, распредѣлять по замкамъ, давать на нихъ судъ и управу по жалобамъ на обиды и притѣсненія съ ихъ стороны. Такъ какъ великое княжество и безъ того уже потратило много средствъ на Ливонію, то на будущее время предполагалось привлечь къ несенію финансовыхъ тягостей и обывателей Лифляндской земли. Ходкевичу предоставлено было право собирать областные сеймы въ Ливоніи и требовать отъ нихъ субсидій. Косвенные же налоги, т. е. торговыя пошлины, Ходкевичу предоставлено было устанавливать и регулировать собственною властью, а равно также и чеканить монету извѣстной формы и вѣса. Ходкевичъ получилъ право воздвигать новые замки, раздавать господарскіе замки и дворы въ Ливоніи въ держанье достойнымъ людямъ, смѣщать старостъ и державцевъ съ ихъ должностей, издавать различныя предписанія по господарскому хозяйству, раздавать земельныя имѣнія заслуженнымъ людямъ по докладу королю, судить по аппелляціи отъ мѣстныхъ судовъ и издавать законы съ совѣта мѣстныхъ сословій и одобренія короля. Словомъ, Ходкевичъ получилъ, по выраженію данной ему грамоты, ту же самую власть въ Ливоніи, какою бы пользовался самъ господарь, если бы находился въ этой области. Передъ отправленіемъ на мѣсто назначенія Ходкевичъ получилъ инструкцію всячески склонять ливонцевъ на предстоящемъ Рижскомъ сеймѣ къ уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ.

Ходкевичъ исполнилъ возложенную на него миссію. На сеймъ, собравшійся въ концѣ 1566 года въ Городнѣ, прибыли ливонскіе уполномоченные и привезли на утвержденье трактатъ, заключенный Ходкевичемъ съ ливонскими чинами. Въ силу этого трактата обыватели земли Лифляндской признали великаго князя Литовскаго своимъ верховнымъ и наслѣдственнымъ государемъ, обязались никогда не отдѣляться отъ великаго княжества, но

всегда быть съ нимъ въ подданствѣ у одного государя, сообща избирать его и не иначе, какъ изъ рода настоящаго государя, не заключать никакихъ договоровъ отдѣльно и помимо великаго княжества, отправлять общіе съ нимъ сеймы, на которыхъ должны быть отведены приличныя мѣста ихъ сенаторамъ и посламъ. Для себя ливонцы выговорили: ненарушимость своихъ старинныхъ правъ и вольностей съ добавленіемъ новыхъ, если это потребуется для уравненія съ великимъ княжествомъ, аугсбургское исповѣданіе вѣры и недопущеніе иновѣрной пропаганды, учрежденіе коллегіума для подготовки образованныхъ проповѣдниковъ и пасторовъ, суперъ-интендентовъ, членовъ консисторіи, визитаторовъ, ректоровъ школъ, профессоровъ школъ, начальствующихъ лицъ и т. д., учрежденіе школъ и церквей для народа, преобразованіе женскихъ монастырей въ учебно-воспитательныя заведенія для дѣвицъ и въ пріюты для престарѣлыхъ женщинъ, для лишившихся крова и имущества отъ войны; замѣщеніе всѣхъ замковыхъ и городскихъ должностей мѣстными уроженцами, знающими нѣмецкій языкъ, раздѣленіе страны на четыре округа и учрежденіе для каждаго округа уголовно-гражданскаго трибунала изъ трехъ земскихъ судей и одного секретаря, старинное муниципальное устройство, аппелляціонный судъ въ предѣлахъ земли изъ четырехъ мѣстныхъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ администратора, оффиціальное дѣлопроизводство на нѣмецкомъ и частью латинскомъ языкѣ, монету, одинаковую по цѣнности и вѣсу съ литовскою (для облегченія торговыхъ сношеній съ великимъ княжествомъ), назначеніе на должность администратора лица, знающаго нѣмецкій языкъ, и право ходатайства о его смѣщеніи, буде онъ окажется неудобнымъ, сохраненіе положенія, гарантированнаго настоящимъ договоромъ въ случаѣ уніи великаго княжества съ Польшею. Всѣ эти условія, сообщенныя канцлеромъ великаго княжества станамъ сейма, заслужили ихъ одобреніе, и король на другой же день (26 декабря 1566 года), по настоянію пановъ-рады, съ своей стороны утвердилъ договоръ и пожаловалъ землѣ Лифляндской по примѣру другихъ областей великаго княжества особый гербъ для изображенія на земской хоругви, урядовыхъ печатяхъ и монетахъ.

Такъ состоялось присоединеніе Ливоніи къ великому княжеству Литовскому не только de facto, но и de jure. Литовско-Русскому государству, однако, не удалось удержать и закрѣпить за собою исключительно эту область. Польша, почти не принимавшая участіе въ борьбѣ за Ливонію въ то время, когда великое княжество Литовское изнуряло и обезсиливало себя этою борьбою, предъявила притязаніе на эту область и на само великое княжество Литовское, когда оно почти уже не въ силахъ было одиноко жить и бороться. Одновременно съ уніею великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою осуществилась и новая унія Ливоніи съ соединенною Рѣчью Посполитою.

Но продолжительная и напряженная борьба за Ливонію не прошла безрезультатно для Литовско-Русскаго государства. Вопервыхъ, въ связи съ этою борьбою обострились и ускорились нѣкоторые внутренніе процессы, ассимилировавшіе это государство съ Польшею. Во вторыхъ, борьба, надо-

рвавъ силы Литовско-Русскаго государства, толкнула его въ объятія Польши, отъ которыхъ доселѣ оно успѣшно уклонялось въ теченіе полутораста лѣтъ. Посмотримъ сначала, какъ отозвалась борьба на внутреннихъ отношеніяхъ Литовско-Русскаго государства.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901 г.; *St. Karwowski,* Wcielenie Inflant do Litwu i Polski (1558—1561).

XLII.

Финансовое и военное напряженіе Литовско-Русскаго государства во время Ливонской войны.

Частые сеймы во время Ливонской войны для ассигнованія субсидій и изданія военныхъ уставъ.—Постановленіе Виленскаго сейма 1559 года о сборѣ серебщины въ 1560 и 1561 г.—„Заставы" господарскихъ имѣній въ 1560 и 1561 г.; принудительный заемъ у мѣщанъ.—Обложеніе новою серебщиною господарскихъ мѣщанъ и крестьянъ на сеймѣ 1561 года, „поконевскими пѣнязями" военно-служилыхъ землевладѣльцевъ; установленіе „побора" съ товаровъ, вывозимыхъ за границу и ввозимыхъ изъ-за границы, съ помола и матеріаловъ для спиртныхъ напитковъ.—Усложненіе и возвышеніе должности подскарбія земскаго.—Дефицитъ 1562 года.—Виленскій сеймъ 1563 года и его постановленія объ усиленномъ отбываніи военной повинности и о сборѣ серебщины въ теченіе трехъ лѣтъ.—Тугое поступленіе этой серебщины и дефициты 1563 и 1564 годовъ.—Съѣздъ въ Трабахъ и его постановленія о наймѣ служебныхъ.—Ухвала поголовщины на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г.—Постановленіе Берестейскаго сейма о взысканіи двойной серебщины за невзносъ ея въ срокъ и объ увеличеніи поборовъ съ товаровъ.—Новыя заставы господарскихъ имѣній въ 1566 году.—Наложеніе новой серебщины на господарскихъ подданныхъ въ томъ же году.—Постановленія Городенскаго сейма 1566—1567 г. объ увеличеніи численности земскаго ополченія и наемныхъ войскъ и о сборѣ серебщины въ 1567 и 1568 г.—Уклоненіе землевладѣльцевъ отъ платежа этой серебщины; новыя заставы господарскихъ имѣній и принудительный заемъ у мѣщанъ и евреевъ.—Неисправное несеніе воинской службы землевладѣльцами великаго княжества въ 1567 году.—Постановленіе военно-полевого сейма объ ускореніи сбора второй серебщины, опредѣленной на Городенскомъ сеймѣ.—Новыя заставы господарскихъ имѣній.—„Ухвала" увеличенной серебщины на Городенскомъ сеймѣ 1568 года.—Усложненіе и возвышеніе должности гетмана наивысшаго.

Борьба за Ливонію потребовала отъ Литовско-Русскаго государства крайняго напряженія финансовыхъ и военныхъ силъ и заставила правительство почти каждый годъ обращаться къ „станамъ" государства за матеріальною и моральною поддержкою и созывать ихъ на сеймы. Сеймы собирались въ 1559, 1561, 1563, 1564, 1565, 1566, 1567 и 1568 годахъ; въ 1566 году собиралось даже три сейма—въ Вильнѣ въ началѣ года, въ Берестьѣ—въ срединѣ и въ Городнѣ въ концѣ года. Сверхъ того устраивались иногда экстренные съѣзды для обсужденія и рѣшенія нѣкоторыхъ неотложныхъ вопросовъ, напр., въ Трабахъ въ 1565 году; проис-

ходили затѣмъ совѣщанія и принимались извѣстныя рѣшенія въ собраніи шляхты на ратномъ полѣ, напр., въ Лебедевѣ, Борисовѣ. Главнымъ предметомъ этихъ совѣщаній и рѣшеній были мѣры для покрытія военныхъ издержекъ и для увеличенія войска.

Уже сеймъ 1559 года, на которомъ заключенъ былъ договоръ о защитѣ Ливоніи, долженъ былъ прибѣгнуть къ экстренному обложенію въ виду пустоты земскаго скарба. Дѣло въ томъ, что серебщина, опредѣленная на сеймѣ 1554 года, собрана была всего за одинъ только 1555 годъ, а за слѣдующіе два года не собиралась вовсе по случаю постигшаго въ то время великое княжество неурожая. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ всѣ государственные расходы великаго княжества покрывались поступленіями господарскаго скарба. А расходы эти были не малые, ибо за все время на украинныхъ замкахъ стояли наемныя войска на случай нападенія татаръ и москвитянъ; кромѣ того, въ 1557 году снаряжался походъ противъ Ливонскаго магистра Фюрстенберга, который засадилъ въ заключеніе Рижскаго архіепископа, двоюроднаго брата короля Сигизмунда-Августа. Для пополненія скарба господарь еще въ концѣ 1558 года издалъ распоряженіе о сборѣ двухъ недобранныхъ серебщинъ—первой къ Срѣтенью 1559 года, а второй къ Срѣтенью 1560 года, но въ половинномъ размѣрѣ. Теперь, когда надъ великимъ княжествомъ нависла опасность тяжелой войны, стало очевиднымъ, что нельзя обойдтись безъ новаго обложенія на наемъ „служебныхъ“. Поэтому станы сейма опредѣлили дать съ своихъ имѣній „податокъ“ на увеличеніе наемныхъ войскъ, а именно: къ пяти грошамъ съ сохи, которые они должны были выплатить къ Срѣтенью 1560 года, прибавить еще по пяти грошей и такой же податокъ дать и въ слѣдующемъ 1561 году. Господарь съ своей стороны постановилъ собрать такой же платъ съ своихъ крестьянъ, а мѣщанъ, какъ всегда, обложить извѣстными суммами на каждое мѣсто.

Всѣ эти средства вмѣстѣ съ обычными поступленіями въ скарбъ быстро израсходованы были на содержаніе наемныхъ войскъ, разставленныхъ въ ливонскихъ замкахъ, и литовское правительство должно было прибѣгнуть къ экстреннымъ займамъ въ счетъ будущихъ поступленій. Въ теченіе 1560 и 1561 годовъ множество державъ отдано было „въ заставу“ князьямъ и панамъ. Не довольствуясь этимъ, Сигизмундъ-Августъ прибѣгъ къ принудительному займу у „мѣстъ“. Мѣщанамъ предписано было внести опредѣленную сумму со всего мѣста въ скарбъ къ 29-му іюня 1561 года или, если найдутъ это для себя неудобнымъ, 10% съ своихъ маетностей подъ страхомъ конфискаціи имущества за неповиновеніе этому распоряженію, вызванному крайнею нуждою. Внесенныя суммы король обѣщалъ вернуть послѣ осенняго сбора доходовъ съ господарскихъ волостей. Недостатокъ денегъ въ скарбѣ помимо большихъ расходовъ, сдѣланныхъ въ 1560 и 1561 годахъ, происходилъ и отъ крайне неудовлетворительнаго поступленія доходовъ за предшествующіе годы. Въ скарбъ не поступили еще сполна доходы съ господарскихъ волостей за 1556—1561 годы, серебщина съ господарскихъ мѣстъ за 1559 и 1560 годы, серебщина съ

владѣльческихъ крестьянъ за 1554—1556, 1560—1561 годы. Впереди предстояли еще новые и большіе расходы вслѣдствіе тѣхъ обязательствъ, которыя принялъ на себя литовско-русскій господарь по защитѣ Ливоніи. Въ силу договора 1561 года о подчиненіи Ливоніи Сигизмунду-Августу послѣдній бралъ всѣ издержки по оборонѣ ея на себя, т.-е. на средства земскаго скарба великаго княжества, ибо Польша, какъ уже было сказано, воздерживалась пока отъ поданія помощи Ливоніи. Для пополненія скарба господарь на сеймѣ въ концѣ 1561 года обложилъ новою серебщиною своихъ людей и мѣщанъ: по 20 грошей съ волоки или, гдѣ не было волочнаго измѣренія, съ полной (парной) воловьей или конской сохи, по 10 грошей съ полволоки или полсохи, по 10 грошей съ тѣхъ, у кого не было воловъ и лошадей, но была полная земля, по 7 грошей съ тѣхъ, у кого были морги (неполный надѣлъ), по 5 грошей съ огородниковъ. Военнослужебныхъ землевладѣльцевъ господарь и паны-рады постановили привлекать къ уплатѣ „поконевскихъ пѣнязей“, по 2 копы съ коня, съ тѣхъ, кто не поѣдетъ на войну (предполагалось предоставить въ этомъ отношеніи свободу въ виду того, что опустошенная Ливонія не могла прокормить значительнаго войска). Затѣмъ господарь и паны-рада постановили собирать „поборъ“ по извѣстной таксѣ со всѣхъ товаровъ, которые вывозились изъ великаго княжества за границу (съ воска, сала, кожъ и мѣховъ, пеньки, льна, пряжи, хмѣля, пшеницы, овса, ячменя, гороху, крупъ, пшена, гречихи, рогатаго скота, домашней птицы, говядины, свинины, меда, простого сукна и полотна и разнообразныхъ лѣсныхъ товаровъ), а равно также и со всѣхъ товаровъ, которые ввозились въ великое княжество (съ иностранныхъ винъ, пива и горѣлки, соли, рыбы, селедокъ, пряностей, сахара, олифы, красокъ, дорогихъ мѣховъ, шелковыхъ и златотканныхъ матерій, дорогихъ суконъ и т. д.). Поборъ съ товаровъ, вывозимыхъ за границу, долженъ былъ собираться въ пограничныхъ мытныхъ коморахъ, а съ товаровъ, ввозимыхъ въ великое княжество либо на этихъ коморахъ, либо въ мѣстахъ ихъ склада. Это дѣло возлагалось на особыхъ бирчихъ, которыхъ должны были выбрать изъ среды себя мѣщане, при чемъ никто не имѣлъ права отказываться отъ этой обязанности. Поборъ предлагалось взять не только съ тѣхъ товаровъ, которые должны были впредь ввозиться въ великое княжество, но и съ тѣхъ, которые уже были ввезены. Этотъ поборъ долженъ былъ собираться до тѣхъ поръ, пока не кончится война; при этомъ какъ сами купцы за утайку товаровъ, такъ и бирчіе за пособничество подлежали конфискаціи всѣхъ маетностей. Наконецъ, на томъ же сеймѣ господарь и паны-рада постановили взимать поборъ по опредѣленной таксѣ съ помола со всѣхъ тѣхъ, кто будетъ молоть пшеницу, рожь, солодъ и крупу на мельницахъ или домашнихъ жерновахъ для продажи, а равно съ матеріаловъ производства пива, меда, и горѣлки, приготовляемыхъ „на шинкъ“. Этотъ поборъ въ господарскихъ мѣстахъ должны были собирать войты и другіе мѣстскіе урядники съ двумя достойными вѣры мужами и отдавать въ руки господарскому дворянину каждыя четыре недѣли. Въ имѣньяхъ князей, пановъ и бояръ-шляхты поборъ съ помола

долженъ былъ собираться ихъ урядниками и идти въ пользу владѣльцевъ съ тѣмъ, чтобы они лучше снаряжались на войну. Владѣльцамъ запрещалось освобождать своихъ людей отъ этого побора, дабы этою льготою не привлекать къ себѣ въ имѣнья торговыхъ людей изъ господарскихъ мѣстъ и селъ. Всѣ грамоты, въ силу коихъ отдѣльныя лица или цѣлыя общества освобождались отъ платежа пошлинъ съ товаровъ, кассировались на все время войны.

Для большей успѣшности сборовъ руководство, контроль и все дѣлопроизводство по нимъ сосредоточены были въ рукахъ подскарбія земскаго. Всѣ поборцы ставились подъ его присудъ и „послушенство“; онъ имѣлъ судить ихъ по жалобамъ на злоупотребленія и давать имъ „науку и приказанія“. Господарь обязывался не отдавать поборовъ въ аренду или въ чье-нибудь завѣдыванье помимо представленія подскарбія земскаго. Послѣднему предоставлялось также вознаграждать поборцевъ за ихъ трудъ и старанье по своему усмотрѣнію, смѣщать неисправныхъ и нерадивыхъ и поставлять другихъ на ихъ мѣсто, представлять господарю объ увольненіи отъ платежа поборовъ по бѣдности или по случаю разоренія отъ служебныхъ людей. Собранныя деньги подскарбію предоставлялось расходовать по приказанію господаря, а въ его отсутствіе по рѣшенію пановъ-рады на служебныхъ и оборону земли Лифляндской, а также на снабженіе украинныхъ замковъ и на другія нужды господарскія и земскія. Такъ, еще болѣе усиливалось значеніе подскарбія земскаго, какъ министра финансовъ, намѣтившееся уже въ связи съ введеніемъ волочной уставы.

Благодаря усиленному взысканію недоимокъ за предшествующіе годы, а также займамъ у мѣщанъ и евреевъ подъ залогъ драгоцѣнностей, взятыхъ изъ дворнаго скарба, у пановъ подъ залогъ господарскихъ имѣній, къ началу 1562 года въ скарбѣ была наличность почти въ 51 тыс. копъ грошей. Но слѣдующій годъ войны, сопровождавшійся содержаніемъ большого наемнаго войска какъ въ Ливоніи, такъ и въ Литвѣ, и другими экстренными расходами, поглотилъ и этотъ остатокъ, и новыя поступленія и въ концѣ концовъ свелся съ дефицитомъ почти въ 17 т. копъ грошей. По неимѣнію денегъ, правительство задерживало „заслужоное“ у жолнеровъ, стоявшихъ по ливонскимъ замкамъ. Между тѣмъ, войнѣ не только не предвидѣлось конца, но она какъ будто бы только еще вступала въ свой серьезный фазисъ. Москвитяне, не довольствуясь Ливоніею, вступили въ предѣлы великаго княжества Литовскаго и 15 февраля 1563 года взяли Полоцкъ. При такихъ обстоятельствахъ литовскому правительству не оставалось ничего дѣлать, какъ обратиться къ великому вальному сейму, который и созванъ былъ 12 мая 1563 г.

Станы сейма сознали, что значительная доля вины въ утратѣ Полоцка падаетъ на военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которые не явились своевременно на войну или не привели сполна своихъ „почтовъ“. Поэтому на сеймѣ принятъ былъ цѣлый рядъ постановленій объ отбываніи военной службы и опредѣлены были строгія кары (конфискація имѣній) за невыполненіе или неисправное выполненіе военной повинности. Сверхъ того,

паны-рада, урядники земскіе и дворные, княжата, панята, хоружіе и шляхта, собравшіеся на сеймъ, видя „кгвалтовную потребу рѣчи посполитое“, опредѣлили, чтобы всѣ военнослужилые землевладѣльцы, имѣющіе свыше двадцати служебъ крестьянъ, выставили между двумя конными ратниками третьяго пѣшаго—съ ручницею, рогатиною или сѣкирою. Станы опредѣлили также, чтобы всѣ взрослые сыновья шляхтичей и братья неотдѣленные не оставались дома, а ѣхали на войну въ качествѣ жолнеровъ или слугъ въ панскихъ почтахъ; кто не поѣдетъ, тотъ подвергается тюремному заключенію въ подземельѣ на двѣнадцать недѣль. Для пополненія скарба станы изъявили готовность давать въ теченіе трехъ лѣтъ серебщину съ своихъ людей въ размѣрѣ 30 грошей съ каждой сохи, 15 грошей отъ земли съ тѣхъ, кто не имѣетъ сохи, и 5 грошей съ огородниковъ, но съ тѣмъ, чтобы эта серебщина не шла въ уплату долговъ жолнерамъ, стоящимъ въ Ливоніи, и вообще употреблялась только на очищеніе отъ непріятелей и защиту собственныхъ владѣній великаго княжества, а въ тѣ годы, когда войны не будетъ, не собиралась и вовсе. Господарь изъявилъ свое удовольствіе по поводу „ухвалы“ серебщины и съ своей стороны постановилъ собирать на нужды войны такой же „платъ“ и съ господарскихъ крестьянъ. Но ходатайство становъ о томъ, чтобы серебщина шла исключительно на оборону великаго княжества, а не Ливоніи, отклонилъ—вслѣдствіе невозможности разграничить обѣ эти государственныя потребности.

Частичныя побѣды, одержанныя литовцами въ 1564 году, не приблизили ихъ къ миру, и военно-финансовое напряженіе государства не ослабѣвало. 1563 годъ по отчету подскарбія земскаго былъ заключенъ съ дефицитомъ въ 477 копъ грошей. Но въ 1564 году дефицитъ дошелъ уже до $16^1/_2$ т. копъ грошей. Между прочимъ надежда на серебщину, опредѣленную на сеймѣ 1563 года, не оправдалась: землевладѣльцы крайне неисправно вносили ее, ссылаясь на разореніе своихъ имѣній отъ жолнеровъ. Такое же положеніе продолжалось и въ 1565 году, такъ что господарь и паны-рада вынуждены были „заставить“ еще цѣлый рядъ господарскихъ имѣній, чтобы набрать денегъ. Въ сентябрѣ 1565 года пришло извѣстіе, что москвитяне собираются врасплохъ напасть на Витебскъ и Суражъ и овладѣть этими замками. Надо было защищать постоянными войсками и эту украйну. Поэтому въ октябрѣ 1565 года господарь наскоро устроилъ въ Трабахъ съѣздъ пановъ-рады, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ, панятъ и шляхты-рыцарства для рѣшенія этого вопроса. Съѣхавшіеся на этотъ съѣздъ пришли къ заключенію, что имъ съ „почтами“ своими нельзя непрерывно находиться подъ оружіемъ, и что для обороны государства нѣтъ другого средства, какъ только къ 4000 служебныхъ, уже нанятыхъ, принанять еще 4000. Но такъ какъ денегъ въ скарбѣ не было, то чины Трабскаго съѣзда упросили нѣкоторыхъ богатыхъ пановъ сформировать на свой счетъ отряды наемныхъ служебныхъ и дали имъ извѣстную гарантію въ томъ, что всѣ ихъ расходы будутъ возмѣщены. Для этого они исходатайствовали у господаря созывъ обычнаго великаго вальнаго сейма, который и собрался 18 ноября 1565 года въ Вильнѣ.

4. Сеймъ опредѣлилъ собрать со всѣхъ, кромѣ людей шляхетскаго и духовнаго званія и несущихъ военную службу, а также грудныхъ младенцевъ поголовщину. Размѣръ поголовщины опредѣленъ былъ разный, смотря по званію и состоянію, отъ 15 грошей (съ жидовъ) и до 5 пѣнязей (съ челяди невольной, имѣющей свои дома и присѣвки). Съ владѣльческихъ подданныхъ поголовщину должны были собирать владѣльцы или ихъ урядники шляхетскаго званія и отдавать повѣтовымъ „бирчимъ“, а повѣтовые бирчіе должны были сдавать главнымъ земскимъ бирчимъ, избраннымъ на сеймѣ. Земскимъ бирчимъ было предоставлено расходовать собранныя ими суммы на расплату съ панами, сформировавшими наемные отряды по просьбѣ Трабскаго съѣзда. Сборъ поголовщины въ господарскихъ волостяхъ и непривилегированныхъ мѣстахъ возложенъ былъ на старостъ, державцевъ и тивуновъ, а въ привилегированныхъ мѣстахъ на выбранныхъ мѣщанами лицъ, при чемъ тѣ и другіе должны были собранную поголовщину представить уже непосредственно въ скарбъ. Обязавшись внести поголовный податокъ съ своихъ подданныхъ, станы упросили господаря уже не взыскивать съ нихъ третью серебщину, которую они должны были внести за 1565 годъ по постановленію прошлаго Виленскаго сейма, а вторую серебщину, которую они должны были уплатить въ 1564 году, взыскивать съ нихъ „водлугъ преможенья“, въ виду разоренія ихъ имѣній отъ жолнеровъ. На тотъ случай, если бы собранной поголовщины не хватило на расплату съ жолнерами, станы обѣщались на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ увеличить размѣръ поголовщины и къ двумъ грошамъ прибавить третій. Это обѣщаніе было выполнено передъ собраніемъ Берестейскаго сейма въ апрѣлѣ 1566 года.

На этомъ сеймѣ также состоялся рядъ постановленій для изысканія средствъ на расплату съ наемными „служебными“. Сеймъ постановилъ, чтобы всѣ, не отдавшіе серебщины за 1563 и 1564 г. и установленную на прошломъ сеймѣ поголовщину, а равно и поконевскіе пѣнязи, внесли все это бирчимъ повѣтовымъ не позже 8 сентября; съ тѣхъ, кто не заплатитъ къ этому сроку, должны были взыскивать уже господарскіе посланцы вдвойнѣ и отдавать бирчимъ земскимъ. Съ жидовъ, которые также не отдали сполна прежнихъ налоговъ, паны-рада и всѣ станы опредѣлили собрать 6000 копъ грошей также къ 8 сентября, въ извѣстныхъ суммахъ съ каждаго „збора“. Сверхъ того сеймъ опредѣлилъ увеличить на два года обложеніе предметовъ вывоза и ввоза, установленное на сеймѣ 1561 года, и кассировать всѣ льготы и изъятія по этой части, за исключеніемъ дарованной въ 1559 году шляхтѣ привилегіи отправлять за границу безпошлинно продукты своихъ имѣній, изготовленные на собственный счетъ.

Поголовщина, опредѣленная на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года взамѣнъ серебщины, которая должна была собираться въ этомъ году, пошла въ значительной части на погашеніе расходовъ этого 1565 года. Къ тому же поступала она крайне неаккуратно, не смотря на постановленіе Берестейскаго сейма объ обязательномъ взносѣ ея и прежнихъ недоплатъ

къ 8 сентября 1566 года. Вслѣдствіе всего этого и расплата съ служебными производилась въ высшей степени неаккуратно, и они постоянно грозили правительству уходомъ со службы. Чтобы достать денегъ, господарь долженъ былъ прибѣгать опять таки къ займамъ у пановъ подъ залогъ своихъ имѣній. Въ началѣ же сентября, когда финансовая нужда особенно сильно обострилась, и когда служебные, не получая жалованья, стали уже дѣйствительно разъѣзжаться по домамъ, король для расплаты съ ними и удержанія ихъ на службѣ наложилъ серебщину на всѣхъ подданныхъ своихъ имѣній по 15 грошей съ волоки или сохи воловьей, а у кого воловъ нѣтъ, но есть земля, по 4 гроша отъ воротъ (на Руси по 8 грошей съ дыма), съ огородниковъ по 2 гроша, съ безземельныхъ по 2 гроша отъ воротъ. Серебщина должна была быть представлена не позднѣе половины октября; кто не отдастъ въ срокъ, съ того урядники должны были взыскивать съ дѣцкованьемъ. Недостатокъ средствъ для войны и приготовленія непріятеля, не приславшаго къ сроку пословъ для заключенія мира и начавшаго строить замки на литовской территоріи, заставили Сигизмунда-Августа созвать къ декабрю 1566 года въ Городнѣ новый сеймъ „для обмышленья обороны и валки потужное“.

На этомъ сеймѣ станы постановили прежде всего просить господаря перенести театръ военныхъ дѣйствій изъ великаго княжества въ землю непріятельскую и для этого принять личное участіе въ походѣ. На этотъ случай, разсматриваемый какъ conditio sine qua non, они приговорили увеличить численность „почтовъ“ съ земскихъ имѣній. Постановлено было, чтобы съ каждыхъ десяти службъ литовскихъ или десяти волокъ, а съ имѣній на Руси, Полѣсьѣ, въ Кіевской землѣ и Поднѣпрскихъ волостяхъ съ каждыхъ двадцати дымовъ, ставился на войну пахолокъ добрый, шляхтичъ, въ цвѣтномъ платьѣ и надлежащемъ вооруженіи, на конѣ стоимостью не ниже 10 копъ грошей, а при немъ парный возъ, управляемый возницею, съ живностью, желѣзною лопатою, мотыкою, сѣкирою и рогатиною. Относительно убогихъ шляхтичей, не имѣющихъ крестьянъ, какъ литовскихъ, такъ и подляшскихъ было постановлено, чтобы на этотъ разъ они всѣ ѣхали на войну, кто какъ можетъ, не наблюдая очереди. Затѣмъ, станы приговорили единогласно, чтобы всѣ землевладѣльцы, за исключеніемъ убогихъ шляхтичей, выставили порознь или въ складчину при двухъ конныхъ ратникахъ одного пѣшаго драба съ ручницею, мечомъ или кордомъ, или съ сѣкирою и рогатиною. Всѣ землевладѣльцы должны были лично выступать въ походъ; сеймъ сократилъ до minimum'а число лицъ, которыя по своимъ служебнымъ обязанностямъ имѣли право не ѣхать на войну. За уклоненіе отъ военной службы сеймъ на два года постановилъ наказывать не только конфискаціею имѣній, но и лишеньемъ шляхетства. Станы приговорили также, чтобы владѣльческіе мѣщане выправили на войну съ десяти домовъ пѣшаго воина съ ручницею и мечомъ и сверхъ того для трехъ человѣкъ возъ одноконный подъ управленіемъ возницы съ живностью, желѣзною лопатою, мотыкою, сѣкирою и рогатиною. По примѣру прежнихъ лѣтъ станы добива-

лись, чтобы князья-бискупы, митрополитъ, владыки, каноники, плебаны и всѣ вообще духовные чины съ церковныхъ имѣній несли ту же самую службу, какъ и со свѣтскихъ. Но король обѣщалъ только созвать синодъ и передать на его разсмотрѣніе просьбу становъ сейма; сверхъ того онъ нашелъ возможнымъ обязать всѣхъ свѣтскихъ лицъ, получившихъ свои имѣнья отъ церкви, нести съ нихъ военную службу и платить податки наравнѣ со всѣми другими свѣтскими землевладѣльцами.

Для болѣе успѣшнаго веденія войны и для лучшей охраны особы господаря станы приговорили нанять 6000 конныхъ жолнеровъ и 4000 пѣшихъ, а для уплаты имъ жалованья давать съ своихъ имѣній новый податокъ въ теченіе 1567 и 1568 годовъ въ размѣрѣ 30 грошей съ каждой осѣдлой волоки, трехъ грошей съ огорода, пятнадцать грошей съ дыма (въ волостяхъ Поднѣпрскихъ, Русскихъ и Кіевскихъ). Съ невнесшихъ серебщину въ срокъ постановлено было собирать ее принудительно и вдвойнѣ, а у тѣхъ, кто будетъ противиться этому взысканію, отбирать имѣнья. Съ своей стороны и господарь постановилъ дать на военныя нужды серебщину и съ своихъ людей, но въ меньшемъ размѣрѣ, въ виду того, что съ нихъ недавно взималась серебщина, а именно: съ волоки—20 грошей, съ дыма (на Руси, Полѣсьѣ, въ земляхъ Кіевской и Волынской, въ Поднѣпрскихъ волостяхъ)—по 10 грошей, съ мѣщанъ, не имѣющихъ волокъ, а только огороды и дома, по 5 грошей, съ имѣющихъ одни только дома по 2 гроша отъ воротъ, съ огородниковъ 3 гроша и т. д. На слѣдующій, 1568 годъ господарь полагалъ на своихъ подданныхъ уже ту же серебщину, какая положена была на владѣльческихъ людей. Станы опредѣлили немедленно взыскать вдвойнѣ черезъ „увязчихъ“ недоимки поголовщины и серебщинъ, согласно съ постановленіемъ Берестейскаго сейма.

Въ расчетѣ на сборъ „податка“, опредѣленнаго на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года, произведенъ былъ усиленный наборъ служебныхъ. Но въ этомъ разсчетѣ правительство сильно обманулось. Когда прошелъ срокъ взноса земскаго „податка“, „головные бирчіе“ донесли королю, что податковыхъ пѣнязей „праве згола ни одного гроша“ къ нимъ не прислано повѣтовыми бирчими. Для расплаты съ служебными правительству пришлось дѣлать новые займы подъ залогъ господарскихъ имѣній. Въ началѣ сентября правительство для расплаты съ служебными рѣшилось прибѣгнуть опять къ принудительному займу у мѣщанъ. Имъ предписано было сложиться на извѣстную сумму и отдать ее въ скарбъ черезъ посланныхъ къ нимъ дворянъ. Взятую сумму господарь обѣщалъ имъ вернуть изъ скарба, либо зачесть въ счетъ будущихъ платежей мѣстъ. Всего, такимъ образомъ, предполагалось собрать 10870 копъ. Непривилегированныя мѣста были также обложены извѣстными суммами, но не въ видѣ принудительнаго займа, а въ видѣ уплаты за тѣ стаціи (кормы), которыя они должны были поставить господарю по случаю его выступленія въ походъ. Съ непривилегированныхъ мѣстъ въ общей сложности предположено было собрать около 2000 копъ грошей. Принудительный заемъ наложенъ былъ и

на „зборы“ жидовскіе въ общей суммѣ 4170 копъ грошей. Но такъ какъ и эти деньги не могли быть доставлены немедленно, а нужда не терпѣла ни малѣйшей отсрочки, то король въ сентябрѣ 1567 года прибѣгъ къ новымъ займамъ подъ залогъ господарскихъ имѣній.

Не менѣе неисправными оказались военнослужилые землевладѣльцы и въ отправленіи военной службы за 1567 годъ. Они должны были собраться съ своими „почтами“ въ Молодечнѣ 17 мая. Прошли два мѣсяца слишкомъ послѣ этого, а гетманъ доносилъ, что изъ нѣкоторыхъ повѣтовъ немногіе только пріѣхали, а изъ другихъ до сихъ поръ не явился никто. Между тѣмъ начавшіеся было мирные переговоры съ Москвою прервались, и ясно было, что дѣло клонится къ усиленной войнѣ. Поэтому въ началѣ августа король разослалъ листы военнослужилымъ землевладѣльцамъ, чтобы они немедленно выѣзжали съ своими „почтами“ къ Молодечну, „днемъ и ночью, яко на кгвалтъ, поспешаючися“. Король объявлялъ, что и самъ онъ, „вже ничого не мешкаючи“, выступаетъ изъ Городна прямо къ Молодечну. Не смотря на это, военнослужилые землевладѣльцы не очень торопились выѣзжать на войну: при повальномъ запаздываніи каждый боялся явиться раньше другихъ и потерять даромъ время и деньги. Кромѣ того, уже много разъ тревога оказывалась напрасною, и потому приглашенія ѣхать, какъ „на кгвалтъ“, уже не дѣйствовали. Многіе и совсѣмъ не пріѣхали. Самъ король только пообѣщалъ немедленно ѣхать на войну изъ Городна. Въ дѣйствительности во второй половинѣ августа король уѣхалъ въ свой любимый Кнышинъ на отдыхъ и пробылъ тамъ конецъ августа и весь сентябрь. Только въ началѣ октября король отправился въ главный сборный пунктъ войска—Лебедево. Около мѣсяца съ 20 октября до 21 ноября простоялъ онъ съ войскомъ въ Лебедевѣ, а затѣмъ передвинулся далѣе на юго-востокъ, въ Радошковичи, гдѣ пробылъ до половины декабря, послѣ чего, передвинувъ войско къ Борисову, самъ остановился въ Койдановѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 18 января включительно, а затѣмъ отбылъ въ Кнышинъ. Планъ наступательной войны не осуществился. Его парализовала большая московская рать, готовившаяся вторгнуться въ великое княжество съ сѣвера, изъ Великихъ Лукъ и Торопца. Литовскому войску поневолѣ пришлось остановиться на своей территоріи и не двигаться далѣе, въ непріятельскую землю, чтобы не оставить безъ защиты собственнаго государства и не быть обойденнымъ съ тыла. Но земское ополченіе великаго княжества не могло выдержать продолжительной стоянки безъ дѣла на одномъ мѣстѣ. Поэтому, едва король уѣхалъ изъ Койданова, какъ шляхта-рыцарство стало самовольно разъѣзжаться по домамъ. Донося объ этомъ господарю, паны-рада съ своей стороны прибавляли, что они не останутся въ Борисовѣ, если другіе станы разъѣдутся по домамъ. Вслѣдъ за тѣмъ король получилъ листъ отъ шляхты-рыцарства, остававшагося еще въ Борисовѣ, съ жалобою на то, что оно терпитъ и холодъ, и голодъ, и съ просьбою распустить по домамъ. Въ концѣ января король приказалъ распустить шляхту-рыцарство, а противъ людей непріятельскихъ предложилъ отправить пока Яна Еронимовича Ходкевича съ по-

чтами пановъ-рады, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ пановъ-радныхъ „для рады“ и „большого пострахy непріятельского“. Такъ разбилась попытка „потужной“ наступательной „валки“ съ Москвою.

Между тѣмъ финансовая нужда продолжала угнетать литовско-русское правительство. Въ бытность въ Лебедевѣ на расплату съ служебными господарю пришлось опять перехватывать деньги у пановъ подъ залогъ господарскихъ имѣній. Король не брезговалъ при этомъ даже такими суммами, какъ 40 копъ грошей; въ залогъ пошли уже не державы и волости, а отдѣльныя села. Чтобы достать денегъ, король обратился къ станамъ, собравшихся въ военномъ лагерѣ, съ просьбою изыскать средства на расплату съ служебными за послѣднюю четверть года. Паны-рада, княжата, панята и шляхта-рыцарство опредѣлили ускорить сборъ второй серебщины, опредѣленной на послѣднемъ сеймѣ, назначивъ срокомъ ея взноса Рождество Христово 1567 года вмѣсто начала марта 1568 года. Такое постановленіе, странное на первый взглядъ, въ виду того, что и первая-то серебщина выбиралась съ большимъ трудомъ, можно объяснить только крайностью нужды, тѣмъ, что другого выхода и не было. Очевидно, сеймовая практика въ частыхъ „ухвалахъ“ податковъ стала руководиться уже не платежеспособностью всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, а простымъ желаніемъ взять деньги на государственныя нужды съ тѣхъ, у кого они еще есть, и кто ихъ платитъ.

Серебщиною, которая должна была поступить къ Рождеству 1567 года, правительство предполагало расплатиться съ служебными за ихъ прошлую службу. Но чѣмъ платить въ будущемъ? Опять пошли въ ходъ заставы господарскихъ имѣній, которыя все больше и больше сокращали поступленіе обычныхъ доходовъ въ скарбъ. Перебиваться такъ до безконечности было нельзя, и король обратился къ станамъ, стоявшимъ въ Борисовѣ, съ предложеніемъ обсудить вопросъ о содержаніи служебныхъ. Но станы не захотѣли совѣщаться объ этомъ въ военномъ лагерѣ и просили короля созвать для этого обычный великій вальный сеймъ.

Сеймъ этотъ собрался въ Городнѣ въ началѣ 1568 года. Станы опредѣлили дать съ каждой крестьянской осѣдлой волоки или службы, считая въ литовской службѣ три обыкновенныхъ дыма, по 48 грошей, съ лишнихъ дымовъ по 16 грошей, съ большихъ дымовъ, двухъ или одного, которые нахобятся на полной службѣ,—по 48 грошей, съ дымовъ Поднѣпрскихъ, Кіевскихъ и Волынскихъ,—по 24 гроша, съ огородниковъ—по 4 гроша; съ мѣщанъ владѣльческихъ, сидящихъ на волокахъ—по 48 грошей; съ мѣщанъ, владѣющихъ землею не болѣе, какъ на 10 бочекъ, или только огородами—по 4 гроша; съ мѣщанъ, владѣющихъ только домами, по 2 гроша отъ воротъ. Бѣдные шляхтичи, не имѣвшіе крестьянскихъ службъ, а только огородниковъ, или совсѣмъ не имѣвшіе поданныхъ и выставлявшіе на войну коня по очереди или въ складчину отъ нѣсколькихъ семей, обложены были копою грошей съ каждаго коня; шляхтичи подляшскіе подобной категоріи—по 30 грошей съ каждой волоки, находящейся въ ихъ владѣніи и пользованіи. Равнымъ съ шляхтою податкомъ

обложены были и духовные греческаго и римскаго закона со свѣтскихъ имѣній. Общее постановленіе по просьбѣ становъ распространено было и на Лифляндскую землю, которая уже присоединена была къ великому княжеству, считалась его „членкомъ“ и имѣла своихъ представителей на сеймѣ, сенаторовъ и пословъ. Военнослужилые татары обложены были также на равныхъ основаніяхъ съ шляхтою. Податокъ должны были собирать избранные на сеймѣ поборцы повѣтовые, которые должны были взыскивать судебнымъ порядкомъ серебщину вдвойнѣ съ тѣхъ, кто не внесетъ ее въ срокъ. Господарь съ своей стороны наложилъ такой же податокъ и на своихъ подданныхъ, мѣщанъ и волостныхъ людей; на жидовъ положилъ поголовщину въ размѣрѣ 12 грошей съ каждой головы. Серебщину съ господарскихъ людей должны были собирать старосты, державцы или ихъ урядники и представить въ срокъ въ скарбъ, подъ страхомъ взысканія недоимокъ съ ихъ собственныхъ имѣній.

Податокъ опредѣленъ былъ сеймомъ взамѣнъ „посполитаго рушенья“. Господарь обязался не вызывать шляхту на войну въ текущемъ году, если не произойдетъ непріятельскаго вторженія въ великое княжество. Затѣмъ станы поставили условіемъ, чтобы опредѣленная ими серебщина шла на уплату жалованья только тѣмъ жолнерамъ, которые будутъ навербованы послѣ сейма для обороны государства. Расходованіе новой серебщины было предоставлено гетману наивысшему, на котораго возложена была обязанность вербовать жолнеровъ и имѣть ихъ подъ своею „справою и послушенствомъ“. Бирчимъ повѣтовымъ строжайше, подъ страхомъ начета, было запрещено расходовать собранныя ими суммы на какія-либо иныя назначенія или по какимъ-либо инымъ ассигновкамъ, кромѣ „квитовъ“ гетмана.

Эти постановленія обнаруживаютъ, что въ эпоху Ливонской войны усложнились обязанности и гетмана наивысшаго: онъ уже не только былъ фельдмаршаломъ, но сталъ превращаться въ военнаго министра, обязаннаго заботиться между прочимъ и о комплектованіи арміи. Эта эволюція гетманской должности констатируется и другими современными свидѣтельствами. Такъ, еще въ 1566 году на гетмана былъ возложенъ главный надзоръ надъ состояніемъ украинныхъ замковъ, для обозрѣнія которыхъ онъ долженъ былъ отряжать довѣренныхъ лицъ. Въ заботахъ о пополненіи войска гетманъ сталъ раздавать даже земли до воли и ласки господарской въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ данное время пользовался наивысшею властью по военному положенію. Такая эволюція гетманской фельдмаршальской должности была естественнымъ послѣдствіемъ усложненія дѣла военнаго управленія въ связи съ затянувшеюся войною. Война, сдѣлавшаяся хроническимъ явленіемъ, потребовала постояннаго войска и интенсивной оборонительной дѣятельности, а эти обстоятельства въ свою очередь вызвали и соотвѣтствующее развитіе военной администраціи.

„Ухвала“ серебщины на Городенскомъ сеймѣ 1568 года была уже послѣднимъ финансовымъ усиліемъ самостоятельнаго Литовско-Русскаго государства. Истомленные и изнуренные продолжительною войною, станы

уже не захотѣли дальше упорствовать въ литовской государственной самостоятельности, стоившей имъ такихъ большихъ жертвъ, и склонились на унію съ Польшею для того, чтобы уже сообща съ нею вести дальнѣйшую борьбу за существованіе.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901; *М. В. Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, т. I. Кіевъ 1901 года.

XLIII.

Расширеніе сословныхъ привилегій литовско-русской шляхты и учрежденіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ по польскому образцу.

Шляхетская программа реформъ.—Освобожденіе шляхетскихъ товаровъ отъ платежа мыта на внѣшнихъ и внутреннихъ таможняхъ.—Утвержденіе за шляхтою исключительнаго права на полученіе урядовъ и достоинствъ.—Уравненіе въ правахъ шляхты всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.—Бѣльскій привилей 1564 года; отказъ магнатовъ отъ намѣстничьихъ прерогативъ и привилегированной подсудности и утвержденіе новаго статута.—Виленскій привилей 1565 года и введеніе въ дѣйствіе новаго статута.—Новые судебные округа.—Составъ, компетенція и дѣятельность новыхъ земскихъ судовъ; суды подкоморскіе.—Уменьшеніе судебныхъ пошлинъ и расходовъ.—Гродскіе суды, ихъ организація и компетенція.

Напряженная и изнурительная борьба, въ которую вступило Литовско-Русское государство съ конца пятидесятыхъ годовъ XVI стол., не только не отодвинула на задній планъ стоявшія на очереди внутреннія реформы, но наоборотъ—ускорила ихъ осуществленіе. Реформъ жаждало консолидировавшееся къ тому времени шляхетское сословіе, стремившееся съ одной стороны къ умноженію своихъ правъ и вольностей, а съ другой стороны къ установленію юридическаго равенства въ собственной средѣ и къ уничтоженію особенныхъ преимуществъ, которыми пользовались ея старшіе братья—крупные землевладѣльцы, князья и паны. Въ этомъ направленіи шляхта выработала цѣлую программу преобразованій, съ которою и обращалась къ господарю на сеймахъ. Какъ было уже сказано, шляхта добивалась освобожденія не только отъ прямыхъ, но и отъ косвенныхъ налоговъ, уменьшенія судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ и расходовъ, учрежденія выборнаго суда, которому были бы подсудны всѣ землевладѣльцы шляхетскаго званія, безъ всякихъ исключеній; требовала привлеченія духовенства и мѣщанъ къ большему участію въ несеніи государственныхъ повинностей, предоставленія урядовъ и достоинствъ (почетныхъ званій) только лицамъ шляхетскаго сословія и сохраненія этихъ урядовъ въ ихъ прежнемъ значеніи и „пожиткахъ“, и, нако-

нецъ, обязательнаго участія въ законодательствѣ великаго вальнаго сейма, какъ органа шляхетскаго сословія во всей его совокупности. Исполненіе всѣхъ этихъ желаній долженъ былъ дать новый статутъ, куда шляхта просила вписать и старые привилеи, и новыя права и вольности. Но осуществленіе шляхетской программы требовало большихъ жертвъ какъ отъ господаря, такъ и отъ правящей аристократіи, и естественно, что исполненіе требованій шляхты отсрочивалось подъ разными предлогами и отговорками до послѣдней возможности. Начавшаяся Ливонская война, сопровождавшаяся постоянными обращеніями господаря и пановъ-рады къ шляхтѣ за матеріальною и моральною поддержкою, заставила ихъ быть сговорчивѣе и уступчивѣе, и шляхта въ это время получила удовлетвореніе по всѣмъ своимъ главнымъ просьбамъ.

Уже на сеймѣ 1559 года, когда рѣшался вопросъ о принятіи Ливоніи подъ защиту великаго княжества, получила удовлетвореніе одна изъ этихъ просьбъ. Господарь освободилъ отъ платежа мыта на пограничныхъ таможняхъ какъ лѣсные товары, такъ и хлѣбъ и скотъ, которые будутъ отпускаться изъ шляхетскихъ имѣній за границу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы служебники, сопровождающіе товары, показывали подъ присягою на мытныхъ коморахъ, что отправляемые товары—шляхетскіе и приготовлены къ продажѣ на средства самаго владѣльца. Эта уступка была крупнымъ подаркомъ шляхетскому сословію не только за счетъ земскаго скарба, но и за счетъ торгово-промышленнаго сословія—мѣщанства, посредническая роль котораго въ отпускной торговлѣ вслѣдствіе этого постановленія необходимо должна была сильно сократиться. На слѣдующемъ сеймѣ 1563 года по просьбѣ становъ господарь подтвердилъ эту новую привилегію шляхты и расширилъ ее и на „гребельное“, взимавшееся частными владѣльцами при пропускѣ судовъ черезъ мельничныя плотины и загородки. Второй статутъ (раздѣлъ 1, арт. 26) подтвердилъ эти права шляхты и расширилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что освободилъ собственные продукты шляхты отъ мыта и на внутреннихъ путяхъ, а подводы съ домашними вещами и живностью для собственнаго потребленія шляхты и отъ платежа „мостового“.

Еще до Ливонской войны (на сеймѣ 1551 года) шляхта добивалась у Сигизмунда-Августа, чтобы онъ не повышалъ надъ шляхтою простыхъ хлоповъ, и чтобы урядовъ не держали ни простые хлопы, ни сомнительные шляхтичи. Въ то время Сигизмундъ-Августъ уклонился отъ принципіальныхъ заявленій на этотъ счетъ, а просилъ только указать ему изъ его практики примѣры назначенія на уряды такихъ лицъ. Во второмъ статутѣ дано было уже прямое и опредѣленное завѣреніе, разъяснявшее обѣщаніе стараго статута не повышать простыхъ людей надъ шляхтою въ томъ смыслѣ, что господарь не будетъ давать урядовъ и достоинствъ простымъ людямъ.

На сеймѣ 1563 шляхта добилась формальной отмѣны тѣхъ ограниченій, которыя установлены были въ земскихъ привилеяхъ для людей, не принадлежавшихъ къ римскому закону. Эти ограниченія подтверждены

были по просьбѣ „становъ“ не далѣе, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, на Виленскомъ сеймѣ 1551 года. По всѣмъ даннымъ, тогдашняя просьба обязана была своимъ возникновеніемъ инціативѣ литовской аристократіи, которая наиболѣе заинтересована была въ томъ, чтобы не пускать на высшія должности въ государствѣ русскихъ православныхъ людей. Но за двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ со времени сейма 1551 года, настроеніе шляхты и этого круга сильно измѣнилось. Литовская шляхта охвачена была оппозиціоннымъ духомъ въ отношеніи къ римской церкви; среди литовскихъ пановъ распространился протестантизмъ. Съ другой стороны, произошло несомнѣнное сближеніе между шляхтою разныхъ земель и вѣроисповѣданій, собиравшеюся на великихъ вальныхъ сеймахъ, сознавшей общность своихъ интересовъ и сообща добивавшеюся себѣ разныхъ правъ и вольностей. При такихъ обстоятельствахъ и на сеймѣ 1563 года отъ лица всѣхъ становъ подана была господарю просьба, какъ разъ обратная той, съ которою обращались станы на сеймѣ 1551 года. Господарь исполнилъ желаніе становъ и выдалъ привилей, въ которомъ, оставляя въ силѣ всѣ статьи Городельскаго привилея относительно бояръ-шляхты римскаго закона, предки которыхъ побрали гербы у поляковъ, добавлялъ, что тѣми же правами и вольностями должны пользоваться и всѣ другіе „стану рыцарского и шляхетского“ какъ русскіе, такъ и литовцы, безъ различія вѣроисповѣданія, лишь бы были христіане, даже если бы предки ихъ не брали себѣ гербовъ у поляковъ; ограниченія, содержащіяся въ Городельскомъ привилеѣ, не будутъ имѣть по отношенію къ нимъ силы, и господарь будетъ раздавать имъ всякіе уряды и достоинства и допускать ихъ до рады согласно съ заслугами каждаго даннаго лица. Логическимъ послѣдствіемъ уравненія въ правахъ подданныхъ великаго княжества римскаго и греческаго закона должно было бы быть и введеніе православныхъ епископовъ въ господарскую раду. Но когда на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, послѣ подтвержденія изложеннаго привилея 1563 года, митрополитъ Іона сталъ хлопотать, чтобы ему и другимъ православнымъ архіереямъ были отведены мѣста въ господарской радѣ, Сигизмундъ-Августъ отложилъ отвѣтъ до другого раза, и православная іерархія ни отъ него, ни отъ его преемниковъ не получила удовлетворенія своей просьбы.

Особенно настойчиво добивалась шляхта учрежденія выборнаго земскаго суда съ юрисдикціею, простирающеюся не только на шляхту, но и на князей и пановъ. Какъ выше было сказано, учрежденіе такого суда отложено было до исправленія статута. Это исправленіе долгое время затягивалось какъ по техническимъ трудностямъ дѣла, такъ и вслѣдствіе скрытаго противодѣйствія со стороны господаря и аристократіи князей и пановъ. Господарю съ учрежденіемъ земскихъ судовъ по польскому образцу предстояло ограниченіе прерогативъ власти и уменьшеніе доходовъ, а князьямъ и панамъ предстояло поступиться прерогативами намѣстничьей власти, доходами отъ суда и своею привилегированною подсудностью. Но когда въ разгаръ Ливонской войны литовско-русская шляхта рѣшительно повернула въ сторону Польши, ни господарь, ни магнаты не сочли воз-

можнымъ противиться ея желанію имѣть новый статутъ и свой выборный земскій судъ по польскому образцу; король,—чтобы не лишиться союзника въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею, магнаты,—чтобы не толкать еще болѣе рыцарство-шляхту въ объятія Польши и не заставлять ее искать новыхъ правъ и вольностей въ подданствѣ новому государству. Поэтому, когда на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года стало извѣстно, что новый статутъ готовъ, и что „судовый" раздѣлъ исправленъ въ немъ согласно желаніямъ шляхты, паны-рада, старосты, державцы и другіе урядники, отправлявшіе дотолѣ судъ, представъ „обличне" передъ господаремъ, „по своей доброй волѣ" заявили ему, что они, „милуючи рѣчь посполитую, а въ ней братью свою молодшую, народъ шляхетскій и рыцарскій", отступаются и отрекаются отъ своей судебной власти, которою пользовались на основаніи стараго статута и обычая, а также отъ всѣхъ „пожитковъ", которыми пользовались сами они, ихъ урядники, слуги и дѣцкіе,—дабы установленіе новыхъ земскихъ судовъ не встрѣчало никакихъ препятствій. Вслѣдъ затѣмъ всѣ станы сейма—паны-рада, маршалки и другіе урядники, княжата и панята и вся шляхта, духовные и свѣтскіе, великаго и малаго рода, заявили, что всѣ они безъ исключенія съ своими потомками поддаются „въ одно ровное право", подъ одинъ и тотъ же судъ и подчиняются юрисдикціи новыхъ земскихъ урядниковъ, имѣющихъ быть избранными для отправленія правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили, чтобы и господарь съ своей стороны отмѣнилъ все то, что стоитъ въ противорѣчіи съ новымъ статутомъ со стороны верховной господарской власти и стародавнихъ господарскихъ судовъ. Господарь исполнилъ это желаніе становъ и 1 іюля выдалъ привилей, коимъ утверждалъ новый статутъ и обязывался за себя и своихъ преемниковъ соблюдать этотъ статутъ и не допускать никакихъ нарушеній его другими лицами; если обнаружится надобность въ чемъ нибудь его дополнить и исправить, предоставлялъ сдѣлать это общимъ совѣтомъ и соизволеньемъ всѣхъ становъ на будущемъ вальномъ сеймѣ.

На Бѣльскомъ сеймѣ предполагалось назначить мѣста для новыхъ судовъ, опредѣлить ихъ округа и избрать урядниковъ; новый статутъ долженъ былъ войдти въ дѣйствіе съ 11 ноября 1564 года. Но оказалось на дѣлѣ, что сдѣлать все это такъ скоро нѣтъ никакой возможности. Не говоря о трудности разграниченія судовыхъ повѣтовъ, оказалось, что новый статутъ и не во всемъ еще удовлетворяетъ шляхту, требуетъ дальнѣйшаго исправленія. Введеніе его въ дѣйствіе поэтому замедлилось, а работа по организаціи новыхъ судовъ и исправленію статута продолжалась на слѣдующихъ сеймахъ. На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года станы просили господаря разрѣшить имъ „поровнать" нѣкоторые повѣты великіе и произвести выборъ „элекговъ", т.-е. кандидатовъ для замѣщенія новыхъ должностей земскаго суда. Вмѣстѣ съ этимъ станы ходатайствовали объ учрежденіи подкоморіевъ „для справъ граничныхъ и земленыхъ" по польскому образцу, при чемъ просили предоставить имъ право избирать для замѣщенія этой должности кандидатовъ, какъ и на другіе земскіе судовые уряды. Господарь изъявилъ согласіе на удовлетвореніе ходатайствъ, при чемъ, однако, оста-

вилъ за собою право замѣщать должности подкоморіевъ по усмотрѣнію. Такъ какъ одновременно съ этимъ господарь согласился и на установленіе повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу, то станы сейма, считая свои главныя желанія удовлетворенными, просили уже „неотволочно“ передъ роспускомъ сейма ввести въ дѣйствіе новый статутъ и вписать въ него наиболѣе важные привилеи земскіе, въ частности—привилей 1563 г., уравнивающій въ правахъ подданныхъ великаго княжества „разныхъ послушенствъ вѣры христіанское“, привилей Бѣльскій 1564 года и привилей Виленскій 1565 года о повѣтовыхъ сеймикахъ. Король исполнилъ эту просьбу и объявилъ, что новый статутъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, входитъ въ силу съ 26 января 1566 года.

Учрежденіе земскихъ судовъ по польскому образцу повлекло за собою новое дѣленіе государственной территоріи великаго княжества. Собственная Литва съ Литовскою Русью включительно подѣлены были на пятнадцать судовыхъ повѣтовъ: Виленскій, Опіменскій, Вилькомирскій, Браславскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитскій, Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій, Мстиславскій, Минскій и Рѣчицкій; Жмудь составила пока одинъ судовый повѣтъ; Берестейско-Подляшская земля съ частью Полѣсья—пять: Дорогицкій, Мельницкій, Бѣльскій, Берестейскій и Пинскій; Волынь съ Подольемъ четыре: Владимірскій, Кременецкій, Луцкій, Браславскій; Кіевщина—два: Кіевскій и Мозырскій; Витебская земля—два: Витебскій и Оршанскій; Полоцкая земля—одинъ Полоцкій. Въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ повѣтовъ присуду земскаго суда подчинены были всѣ мѣстные землевладѣльцы—паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата, паны хоругвные, шляхта-бояре и земяне. Прежнія мелкія хоругви, подъ которыми выходили на войну бояре-шляхта, теперь были соединены, такъ что всѣ шляхтичи даннаго судового повѣта стали составлять теперь одну повѣтовую хоругвь.

Персоналъ новаго *земскаго* суда составился изъ *земскаго судьи, подсудка и земскаго писаря*. Кандидатовъ на эти должности на будущее время статутъ опредѣлялъ избирать на повѣтовыхъ сеймикахъ, при участіи всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго повѣта, по четыре лица на каждую должность; окончательный выборъ изъ представленныхъ кандидатовъ и утвержденіе въ должность предоставлены были уже самому господарю. Въ кандидаты могли избираться только свѣтскія лица шляхетскаго званія, имѣющія самостоятельную осѣдлость въ данномъ повѣтѣ и при томъ не занимающія въ немъ никакихъ другихъ урядовъ. Земскій судъ получилъ право судить землевладѣльцевъ своего округа по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отнесены были къ юрисдикціи замковаго суда, т.-е. о насильственныхъ наѣздахъ на шляхетскіе дома, о подобныхъ же дѣйствіяхъ въ господарскихъ мѣстахъ, о поджогахъ, о разбояхъ на проѣзжихъ дорогахъ, объ изнасилованіи женщинъ, о воровствѣ, о подлогѣ, объ убійствѣ шляхтича. Другими словами: земскій судъ долженъ былъ стать гражданскимъ трибуналомъ шляхетскаго сословія по преимуществу. Но и въ качествѣ гражданскаго трибунала земскій судъ

долженъ былъ раздѣлить свою дѣятельность съ спеціальнымъ *подкоморскимъ* судомъ, на долю котораго отнесены были всѣ судебно-межевыя разбирательства на мѣстахъ. Сессіи земскаго суда должны были происходить въ центральныхъ замкахъ или господарскихъ дворахъ судовыхъ повѣтовъ три раза въ году и начинаться: первая въ понедѣльникъ послѣ Троицы, вторая—30 сентября, третья—послѣ Крещенья. Этотъ порядокъ могъ нарушаться только по случаю созыва великаго вальнаго сейма, войны или морового повѣтрія. Члены суда должны были являться на сессію въ полномъ составѣ подъ страхомъ потери своихъ урядовъ за неявку безъ уважительныхъ причинъ; если бы кто-нибудь изъ нихъ не могъ участвовать по болѣзни или потому, что самъ имѣлъ въ этомъ же судѣ дѣло, долженъ былъ посадить вмѣсто себя шляхтича, человѣка добраго, вѣры годнаго и въ законахъ свѣдующаго, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; а если господарь пошлетъ кого-нибудь изъ нихъ въ посольствѣ и на другія земскія „справы“, то долженъ назначить ему временнаго замѣстителя. Писарь въ составленіи протоколовъ судебнаго разбирательства и внесеніи ихъ въ земскія книги могъ замѣняться *подписками*, но отвѣчать долженъ за все самъ. Сессіи должны были продолжаться двѣ недѣли каждая, если дѣлъ много, а если мало—до окончанія ихъ. Судьи должны разбирать дѣла въ порядкѣ „позвовъ“, по заранѣе составленному реестру, не дѣлая никому особаго снисхожденія; судить должны съ ранняго утра и до вечерень. При этомъ писарь долженъ вносить немедленно каждое рѣшенное дѣло въ *земскія книги*. Эти книги должны храниться въ мѣстахъ судебныхъ сессій въ особыхъ зданіяхъ, которыя должна была выстроить шляхта, за ключами судьи, подсудка и писаря и открываться за три дня до начала сессіи (для внесенія позвовъ) и закрываться три дня спустя по окончаніи сессіи (дабы дать возможность тягавшимся взять изъ нихъ нужныя выписи). Опредѣлено было взимать штрафъ въ размѣрѣ копы грошей въ пользу судьи, полкопы—въ пользу подсудка и трехъ рублей—въ пользу противной стороны со всякаго, кто не захочетъ судиться у земскихъ судей въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ юрисдикціи, и станетъ отзываться до замковаго, коммиссарскаго и другихъ судовъ, исключая тѣ случаи, когда противная сторона добровольно поддастся подъ другой судъ. Отъ приговора земскаго суда предоставлено было аппеллировать непосредственно на судъ господаря и пановъ-рады, минуя всѣ посредствующія инстанціи, ибо еще на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года воеводы отказались отъ юрисдикціи по аппелляціямъ, которую установилъ было для нихъ новый статутъ, и отъ судовъ на областныхъ „вѣчахъ“. Но и къ господарю нельзя было аппеллировать отъ рѣшеній земскаго суда, основанныхъ на письменныхъ обязательствахъ стороны, проигравшей дѣло, или на добровольномъ ея сознаніи; запрещалось также аппеллировать, придираясь къ маловажнымъ нарушеніямъ формальностей при отправленіи суда. Аппелляція ни въ коемъ случаѣ не могла идти за предѣлы великаго княжества: нарушившій это постановленіе и вызвавшій противную сторону на судъ къ господарю въ Польшу, долженъ заплатить вызванному 12 рублей грошей.

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ относительно земскаго суда ясно выразилось стремленіе законодателя облегчить и удешевить полученіе правосудія, чего неустанно добивалась шляхта на великихъ вальныхъ сеймахъ съ начала сороковыхъ годовъ. Это же намѣреніе сказалось вполнѣ опредѣленно и въ новой таксѣ судебнаго вознагражденія. „Пересудъ“ въ пользу судей съ 5% иска пониженъ былъ до гроша съ каждой копы, т.-е. до $1^2/_3$%. Точно также понижены были сильно и судебно-канцелярскія пошлины. Второй статутъ опредѣлилъ писарямъ земскому и гродскому такой доходъ: за запись судебнаго „позва“ грошъ, за выпись—грошъ, всего, такимъ образомъ,—два гроша; за заявленіе „кривды“ (т.-е. правонарушенія съ чьей либо стороны)—грошъ; за судовые листы и выписи судебныхъ рѣшеній—два гроша; за выписи на пергаменовыхъ листахъ—12 грошей, при чемъ пергаменъ, воскъ и шнуры (для печати) обязанъ былъ дать берущій ихъ. Понижены были значительно и пошлины, платившіяся прежде вижамъ, увязчимъ и дѣцкимъ. Замѣнившіе ихъ *возные*, которыхъ для каждаго судоваго повѣта долженъ былъ назначать изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей воевода, имѣли получать: за ѣздъ—по грошу за милю въ одинъ конецъ; за осмотръ слѣдовъ преступленія на мѣстѣ и за удостовѣреніе—по грошу; за вводъ во владѣніе по приговору суда—по грошу съ каждой службы людей и по полгрошу съ каждой пустовщины, которую пашутъ; за взысканіе денегъ—по два пѣнязя съ каждой копы, т.-е. $^2/_3$%. Дороговизна прежняго суда зависѣла отъ того, что этотъ судъ находился въ рукахъ магнатовъ, которымъ раздавались державы, староства и воеводства. Теперь шляхта добилась своего сословнаго и выборнаго суда и потому естественно свела судебныя пошлины на обычное вознагражденіе за трудъ, а не на источникъ обогащенія.

Параллельно съ земскими судами оставлены были для шляхетскаго сословія и суды замковые или дворные, получившіе названіе *гродскихъ*, по одному на каждый судовый повѣтъ. Всѣ господарскіе намѣстники-державцы въ предѣлахъ судоваго повѣта лишены были права судить шляхту, кромѣ одного, который держалъ замокъ или дворъ, признанный центральнымъ въ судовомъ повѣтѣ; остальные державцы оставались судьями только господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ своего повѣта. Такимъ образомъ, замковый или дворный судъ надъ шляхтою оставленъ былъ за воеводами Виленскимъ, Троцкимъ, Новгородскимъ, Витебскимъ, Полоцкимъ и Кіевскимъ; за старостами—Жмудскимъ, Ковенскимъ, Городенскимъ, Слонимскимъ, Волковыйскимъ, Пинскимъ, Берестейскимъ, Бѣльскимъ, Дорогицкимъ, Мельницкимъ, Владимірскимъ, Луцкимъ, Кременецкимъ, Браславля Подольскаго, Мстиславскимъ и Оршанскимъ; за державцами—Ошменскимъ, Вилкомирскимъ, Браславля Литовскаго, Лидскимъ, Упитскимъ, Мозырскимъ, Минскимъ и Рѣчицкимъ (эти державцы, впрочемъ, скоро переименованы были въ старостъ). Такое сокращеніе числа господарскихъ намѣстниковъ, имѣвшихъ право судить шляхту, вызвано было требованіями самой системы новаго судоустройства, предполагавшей параллелизмъ земскихъ и гродскихъ судовъ. Что же касается общаго уменьшенія судебныхъ трибуналовъ для

шляхты, то оно было вызвано необходимостью создать для новыхъ шляхетскихъ судовъ такіе обширные округа, которые могли бы вмѣщать въ себѣ и крупныя княжескія и панскія имѣнья, владѣльцы которыхъ на этотъ разъ потеряли свое право не судиться въ повѣтахъ. Впрочемъ, на дѣлѣ это уменьшеніе едва ли было значительно, если только было. Во-первыхъ, и по статуту 1529 года далеко не всѣ державцы имѣли право привлекать къ своему суду шляхту-бояръ; во-вторыхъ, въ тяжбахъ съ князьями и панами шляхта все равно должна была обращаться прямо къ воеводскому суду. „Гродскому“ суду такъ же, какъ и земскому, подчинены были всѣ землевладѣльцы даннаго судового повѣта безъ исключенія по перечисленнымъ выше уголовнымъ преступленіямъ и, кромѣ того, по всѣмъ дѣламъ— неосѣдлые шляхтичи и „гости“, чужеземцы, совершившіе преступленіе въ данномъ повѣтѣ. Личный персоналъ „гродскаго“ суда остался тотъ же самый, что былъ и прежде, т.-е. судилъ самъ воевода или староста, а въ его отсутствіе его намѣстникъ съ гродскимъ судьею, назначеннымъ воеводою или старостою, или державцею изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей. Письмоводство находилось въ рукахъ гродскаго писаря. На неправый судъ намѣстника и гродскаго судьи предоставлено было жаловаться самому воеводѣ или старостѣ, или державцѣ, а на судъ этихъ послѣднихъ самому господарю. Гродскій судъ долженъ былъ дѣйствовать непрерывно и давать правосудіе немедленно на всякаго, кто будетъ пойманъ „на горячемъ учинку“ безъ предварительнаго „позва“, въ противномъ случаѣ долженъ посылать обвиняемому „позовъ“ съ приказомъ явиться не позже двухъ недѣль со дня его врученія; кто ослушается, подвергается „банниціи“, т.-е. объявляется внѣ покровительства законовъ, до тѣхъ поръ, пока не дастъ удовлетворенія потерпѣвшему.

Таковы были перемѣны, внесенныя въ судопроизводство великаго княжества вторымъ статутомъ и вызванныя желаніемъ шляхты сдѣлать правосудіе болѣе доступнымъ и равнымъ для всѣхъ „становъ“ сословія.—Не ограничиваясь всѣми этими пріобрѣтеніями, шляхта выступила съ домогательствами политическаго характера, клонившимися въ общемъ также къ сближенію ея съ князьями и панами и къ возвышенію ея ролп и ея значенія въ государственномъ управленіи. Результатомъ ея усилій по этой части было учрежденіе новыхъ воеводствъ и каштеляній и должности повѣтовыхъ маршалковъ, установленіе повѣтовыхъ сеймиковъ и законодательныхъ правъ великаго вальнаго сейма.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901 г.; *И. И. Лаппо,* Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI в. Спб. 1897 (Журн. Мин. Народн. Просв. 1897, № 6); Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Спб. 1899 (Журн. Мин. Народн. Просв. 1899, № 9); Гродскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1904).

XLIV.

Учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ, новыхъ воеводствъ и каштеляній по польскому образцу и расширеніе правъ великаго вальнаго сейма.

Потребность въ сеймикахъ по польскому образцу и ихъ установленіе.—Составъ, порядокъ созыва и компетенція повѣтовыхъ сеймиковъ.—Составъ великаго вальнаго сейма послѣ введенія сеймиковъ; усиленіе значенія въ немъ шляхты.—Опредѣленіе Городенскаго сейма 1566—1567 г. о посѣщеніи сеймиковъ и сеймовъ и о порядкѣ совѣщаній.—Учрежденіе новыхъ воеводствъ и каштеляній и вызвавшія его причины.—Новое военное дѣленіе и новый порядокъ мобилизаціи; повѣтовые маршалки.—Признаніе за великимъ вальнымъ сеймомъ законодательнаго значенія.—Исключеніе частновладѣльческой и „спадковой“ шляхты изъ „повѣтовъ“.—Особыя права Виленскихъ мѣщанъ.

Кандидаты на должность земскихъ судей и подсудковъ на первый разъ намѣчены были на великомъ вальномъ сеймѣ. Шляхта, однако, не имѣла въ виду узаконить такой порядокъ и на будущее время. Желательнымъ былъ для нея польскій порядокъ избранія кандидатовъ всею шляхтою, viritim, на мѣстныхъ, „повѣтовыхъ“ сеймикахъ. Повѣтовые сеймики по польскому образцу представлялись для литовско-русской шляхты идеаломъ и въ томъ отношеніи, что они давали ей возможность обсуждать предварительно въ полномъ собраніи всѣ тѣ вопросы, которые долженъ былъ рѣшать ближайшій сеймъ, и снабжать своихъ пословъ на этотъ счетъ извѣстными инструкціями. Литовско-русская шляхта уже давно чувствовала въ этомъ потребность и уже давно старалась снабжать своихъ пословъ на сеймы инструкціями. Почти на каждомъ сеймѣ ея послы выступали съ петиціями какъ о мѣстныхъ, такъ и объ общихъ нуждахъ сословія. Но общегосударственные вопросы заставали шляхетскихъ пословъ до извѣстной степени врасплохъ, и послы, не имѣя указаній отъ своихъ избирателей, большею частью шли послушно за своими „старшими братьями“, панами-радою и урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами. Теперь шляхта хотѣла имѣть свои самостоятельные голоса на великомъ вальномъ сеймѣ и принимать болѣе активное участіе въ его совѣщаніяхъ и постановленіяхъ. На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года „станы“ обратились съ просьбою къ господарю, чтобы онъ разрѣшилъ имъ въ новыхъ судовыхъ повѣтахъ имѣть „сеймы повѣтовые“ по примѣру короны „для лѣпшого и вѣчистого порадку въ рѣчи посполитой“. Господарь исполнилъ эту просьбу и 30 декабря выдалъ особый привилей, коимъ учреждались въ великомъ княжествѣ Литовскомъ сеймики по новымъ судебнымъ округамъ, гдѣ уже засажены новые земскіе уряды, и гдѣ они будутъ засажены впослѣдствіи. Сообразно съ этимъ и въ раздѣлѣ третій новаго статута „о вольностяхъ шляхетскихъ“ внесенъ былъ новый „артикулъ“ о повѣтовыхъ сеймикахъ. На эти сеймики имѣли собираться всѣ землевладѣльцы шляхетскаго званія безъ исключенія—паны-рада, урядники земскіе и дворные, княжата, панята и вся шляхта повѣта и совѣщаться какъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, такъ и „о потребахъ рѣчи посполитое“, о чемъ имъ будетъ объ-

явлено особыми господарскими листами. Господарь обязался созывать повѣтовые сеймики всякій разъ передъ вальнымъ сеймомъ, не позже четырехъ недѣль до его начала. „Зволившися вси одностайне“, собравшіеся на сеймикѣ должны были выбирать изъ своей среды двухъ пословъ отъ каждаго судоваго повѣта и отправлять ихъ на вальный сеймъ, снабдивъ иструкціями и полномочіями рѣшать какъ тѣ вопросы, о которыхъ было объявлено господаремъ, такъ „и иные припалые речы водлѣ часу и потребы“. Независимо отъ того, станы, приглашавшіеся прежде лично на вальный сеймъ, т. е. князья, паны хоругвные, маршалки и всѣ другіе урядники земскіе и дворные и впредь имѣли лично ѣздить на вальные сеймы, занимать свои мѣста и подавать голоса по старому порядку. Для повѣтовыхъ пословъ расписаны были мѣста и „воты“ въ „радѣ посполитой“ въ порядкѣ, основанномъ на іерархіи воеводствъ въ господарской радѣ. Такимъ образомъ, первыя мѣста были отведены посламъ Виленскаго воеводства—Виленскаго повѣта, Ошменскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго; затѣмъ повѣтовымъ посламъ Троцкаго воеводства — Троцкаго повѣта, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго и Упитскаго и т. д. Кромѣ предсеймовыхъ сеймиковъ статутъ предоставлялъ воеводамъ созывать еще сеймики экстренные, для избранія кандидатовъ на открывшуюся вакансію въ земскомъ судѣ.

Итакъ, на великомъ вальномъ сеймѣ съ 1566 года стало гораздо меньше шляхетскихъ представителей, чѣмъ на прежнемъ, когда съѣзжались послы отъ множества мелкихъ повѣтовъ, особенно изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. На новомъ сеймѣ шляхетскихъ представителей стало меньше, ибо уменьшилось число самыхъ повѣтовъ вслѣдствіе соединенія въ одинъ повѣтъ нѣсколькихъ хоружествъ. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что значеніе шляхты на сеймѣ не только не понизилось, но повысилось. Благодаря введенію повѣтовыхъ сеймиковъ шляхта получила возможность принимать поголовное участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ созывался великій вальный сеймъ, и черезъ инструкціи, даваемыя посламъ, вліять на его рѣшенія. Разсылавшіеся прежде „сеймовые листы“ обыкновенно содержали приказъ всѣмъ станамъ, „сойму належачимъ“, прибыть на сеймъ въ назначенное мѣсто и время, безъ точнаго указанія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію, а просто „для великихъ а пильныхъ (настоятельныхъ) потребъ господарскихъ и земскихъ“. Иногда даже прямо говорилось, что о предметахъ предстоящаго совѣщанія будетъ объявлено на самомъ сеймѣ. При такихъ условіяхъ и рыцарство-шляхта, посылавшая своихъ пословъ на вальный сеймъ, не имѣла возможности вліять, насколько было для нея желательно, на рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ правительствомъ и должна была довольствоваться тѣмъ, что удавалось достигнуть ея посламъ въ собраніи, наполненномъ аристократическими элементами—панами радными, урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами, собранными на сеймъ viritim.

Новый порядокъ сеймованія могъ обезпечивать интересы „становъ“ лишь при условіи правильнаго посѣщенія сеймиковъ и сеймовъ и правильнаго совѣщанія. Къ достиженію всего этого и были приняты извѣстныя

мѣры на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года. Было постановлено: сеймовые листы должны вручаться гродскому уряду, т. е. старостѣ или его намѣстнику, не позже двухъ недѣль до открытія сеймика, а гродскій урядъ уже съ своей стороны долженъ посылать съ этими листами возныхъ на домъ ко всѣмъ тѣмъ станамъ, къ которымъ посылались и прежде сеймовые листы изъ господарской канцеляріи, а шляхтѣ объявлять по костеламъ и на торгахъ; за неявку на повѣтовые сеймики паны-рада подлежатъ штрафу въ пять копъ (300) грошей, а урядники земскіе и дворные—въ двѣ копы; шляхтичи, владѣющіе имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, могутъ являться въ какой угодно изъ этихъ повѣтовъ; кто изъ нихъ не пріѣдетъ къ сроку, тотъ не можетъ протестовать противъ того, что безъ него будетъ рѣшено; сеймики должны продолжаться не долѣе трехъ дней; кто изъ пановъ радныхъ безъ уважительныхъ причинъ не пріѣдетъ на третій день по открытіи сейма, къ мессѣ о св. Духѣ, бывающей въ этотъ день, тотъ теряетъ право голоса на столько дней, на сколько опоздалъ, и безъ возраженій долженъ принять все, что за это время будетъ постановлено; кто же изъ остальныхъ становъ или пословъ земскихъ не явится во время безъ уважительныхъ причинъ, тотъ теряетъ право голоса на всю сессію, съ которой онъ, однако, не долженъ отъѣзжать. Относительно самаго порядка совѣщаній станы постановили: пропозиція господаря и вотированіе пановъ-рады должны происходить въ присутствіи господаря и всѣхъ становъ, „сойму належачихъ“, по польскому обычаю; по польскому же обычаю съ разрѣшенія господаря, должно происходить „схоженье стану рыцарского до пановъ-радъ“.

Такъ какъ на польскихъ сеймикахъ шляхтою предводительствовали сенаторы— воеводы и каштеляны, то и литовцы на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года подали господарю просьбу, чтобы онъ „для лепшого порядку“ на сеймикахъ и „для оздобы (украшенія) и помноженья преложоныхъ (высшихъ) становъ въ рѣчи посполитой“ увеличилъ число мѣстъ въ своей радѣ и учредилъ новыхъ воеводъ и каштеляновъ. Это учрежденіе новыхъ воеводъ и каштеляній, помимо предсѣдательствованія на сеймикахъ, по всѣмъ даннымъ, вызывалось и готовящеюся уніею съ Польшею. Какъ одинъ изъ результатовъ этой уніи, намѣчался общій сенатъ или, по меньшей мѣрѣ, соединенныя засѣданія польскаго и литовскаго сената. Въ этомъ соединенномъ сенатѣ могли получить мѣста далеко не всѣ члены господарской рады великаго княжества, а только тѣ, которые были одинаковаго ранга съ польскими сенаторами, т. е. князья-бискупы, воеводы, каштеляны и нѣкоторые министры (маршалокъ земскій и дворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбій земскій). Но такъ какъ воеводъ и каштеляновъ въ Литвѣ было очень мало по сравненію съ Польшею, то станы и настаивали на учрежденіи новыхъ воеводствъ и каштеляній. Господарь исполнилъ эту просьбу и учредилъ новыя должности воеводъ—Берестейскаго, Мстиславскаго, Минскаго, Волынскаго, Браславскаго (Подольскаго) и каштеляновъ—Берестейскаго, Мстиславскаго, Минскаго, Волынскаго, Браславскаго, Жмудскаго, Кіевскаго, Полоцкаго, Витебскаго, Новгородскаго и Подляшскаго. Всѣ эти новые сановники и заняли подобающія мѣста въ господарской радѣ въ

извѣстномъ порядкѣ, непосредственно послѣ старыхъ воеводъ и каштеляновъ. Въ отличіе отъ старыхъ воеводъ новые не были одновременно старостами-намѣстниками, такъ что наряду съ воеводою Берестейскимъ оставался староста Берестейскій, наряду съ воеводою Мстиславскимъ староста Мстиславскій и т. д. Въ данномъ случаѣ новые воеводы были уже вполнѣ сходны съ польскими воеводами.

Съ учрежденіемъ новыхъ воеводствъ произведено было новое военное дѣленіе литовско-русской государственной территоріи и новое распредѣленіе командованія. До учрежденія новыхъ воеводствъ вся Литва съ Русью, Полѣсьемъ и Подляшьемъ составляла два военныхъ округа, начальниками которыхъ были Виленскій и Троцкій воеводы; Жмудь, Полоцкая земля, Витебская, Кіевская и Волынская съ Подольемъ образовывали пять военныхъ округовъ подъ главнымъ начальствомъ старость Жмудскаго, воеводъ Полоцкаго, Витебскаго, Кіевскаго и маршалка земли Волынской. Теперь число этихъ округовъ возросло до тринадцати, сообразно съ увеличеніемъ числа воеводствъ. Эти округа составились такимъ образомъ: воеводство Виленское—изъ судовыхъ повѣтовъ Виленскаго, Ошменскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго; воеводство Троцкое—изъ судовыхъ повѣтовъ Троцкаго, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго и Упитскаго; воеводство Новгородское—изъ повѣтовъ Новгородскаго, Слонимскаго и Волковыйскаго; воеводство Берестейское—изъ повѣтовъ Берестейскаго и Пинскаго; воеводство Подляшское—изъ повѣтовъ Дорогицкаго, Бѣльскаго и Мельницкаго; воеводство Минское—изъ повѣтовъ Минскаго и Рѣчицкаго; воеводство Мстиславское—изъ судоваго повѣта Мстиславскаго; воеводство Жмудское—изъ Жмудской земли, Полоцкое—изъ Полоцкаго повѣта, Витебское—изъ повѣтовъ Витебскаго и Оршанскаго, Кіевское—изъ повѣтовъ Кіевскаго и Мозырскаго, Волынское—изъ повѣтовъ Луцкаго, Владимірскаго и Кременецкаго; воеводство Браславское—изъ Браславскаго и Вѣницкаго повѣта. Это новое областное дѣленіе въ общихъ чертахъ просуществовало до самаго паденія Польско-Литовскаго государства. Главнымъ командиромъ земскаго ополченья въ каждомъ изъ этихъ округовъ былъ мѣстный воевода: подъ его начальство стягивались во время мобилизаціи всѣ военнослужилые землевладѣльцы воеводства; подъ его командою шли они на театръ военныхъ дѣйствій подъ главное начальство гетмана и подъ его же „справою и послушенствомъ“ оставались во время войны. Воеводамъ подчинены были повѣтовые командиры, которые во время войны собирали подъ свою команду всѣхъ землевладѣльцевъ повѣта, вели ихъ въ сборный пунктъ воеводства подъ команду воеводы, обо всѣхъ неявившихся докладывали воеводѣ и шли далѣе вмѣстѣ съ воеводою на войну, сохраняя надъ своими отрядами ближайшій надзоръ и дисциплинарную власть. Такими командирами въ тѣхъ судовыхъ повѣтахъ, гдѣ находились главные города воеводствъ, были каштеляны, а въ другихъ—маршалки. Чисто придворное званіе маршалка соединилось теперь съ командованіемъ извѣстнымъ территоріальнымъ отрядомъ земскаго ополченія великаго княжества. Подъ командою каштеляновъ и маршалковъ должны были становиться какъ князья и паны хоругвные, такъ и бояре-

шляхта и земяне, при чемъ бояре и земяне собирались и ставились подъ команду каштеляновъ и маршалковъ своими хоружими. Эти хоружіе назначены были теперь для каждаго судоваго повѣта; слѣдовательно, число ихъ по сравненію съ прежнимъ уменьшилось. Все это военное устройство почти цѣликомъ было заимствовано изъ Польши, съ тою разницею, что у поляковъ во всѣхъ судовыхъ повѣтахъ были каштеляны и не было маршалковъ.

Такъ, не только на повѣтовыхъ сеймикахъ, но и въ повѣтовыхъ ополченіяхъ шляхта сблизилась съ своею аристократіею — князьями и панами.

Великій вальный сеймъ, опиравшійся на повѣтовые сеймики, неизбѣжно получалъ болѣе высокое мѣсто въ государственной организаціи великаго княжества Литовскаго. Мы уже видѣли, что на Виленскомъ сеймѣ 1551 года по одному частному случаю станы ходатайствовали, чтобы господарь не издавалъ никакихъ новыхъ „уставъ“ помимо вальнаго сейма. Въ то время господарь отклонилъ это ходатайство, какъ неумѣстное притязаніе. Но во второмъ статутѣ это ходатайство уже получило полное удовлетвореніе: господарь обязался не установлять ничего новаго для блага государства, никакихъ уставъ иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома и совѣта пановъ-рады и съ дозволенья всѣхъ земель великаго княжества. Ограниченіе великокняжеской власти, установленное земскимъ привилеемъ и статутомъ Сигизмунда I въ пользу господарской рады, статутомъ Сигизмунда-Августа перенесено было въ пользу великаго вальнаго сейма. Надо замѣтить, впрочемъ, что статутъ 1566 года въ данномъ случаѣ только обобщалъ и санкціонировалъ установившуюся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ практику. Это справедливо и относительно того его артикула, коимъ узаконялось, что впредь господарь не будетъ начинать войны самолично и по совѣту съ панами-радою, ни установлять серебщинъ или какихъ либо налоговъ, безъ согласія князей и пановъ хоругвныхъ и пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на великій вальный сеймъ. Въ виду того значенія, которое получилъ сеймъ въ государственной жизни великаго княжества, новый статутъ постановлялъ, что господарь долженъ созывать великій вальный сеймъ всякій разъ, когда потребуется, по совѣту пановъ-рады или по просьбѣ шляхты-рыцарства.

Такъ существенно преобразился внутренній политическій строй Литовско-Русскаго государства. Новая конституція его, введенная статутомъ 1566 года, давала большій, чѣмъ прежде, вѣсъ рядовой, средней и мелкой шляхтѣ. Необходимо впрочемъ оговориться, что въ составъ этой шляхты не включена была шляхта, находившаяся въ подданствѣ у князей и пановъ, и шляхта такъ называемыхъ „спадковыхъ“ господарскихъ имѣній, т. е. доставшихся господарю послѣ частныхъ владѣльцевъ. На шляхту этихъ категорій не распространялись ни статьи о новыхъ судахъ, ни статьи о повѣтовыхъ сеймикахъ. На сеймахъ 1567 и 1568 годовъ шляхта добивалась включенія спадковой шляхты въ повѣты, но господарь отклонилъ ея ходатайства.

За то получили мѣсто на великомъ вальномъ сеймѣ бурмистры „столечнаго“ Виленскаго мѣста. Представители Виленскаго мѣста стали приглашаться на сеймовыя совѣщанія съ той поры, какъ дѣло стало клониться къ уніи великаго княжества съ короною. Такъ, они участвовали въ выработкѣ инструкціи для литовскихъ пословъ, отправлявшихся для переговоровъ объ уніи на Варшавскій сеймъ 1563 года. Эта инструкція для наибольшаго уравненія великаго княжества Литовскаго съ Польшею предполагала сравнять въ правахъ мѣщанъ великаго княжества съ польскими, въ частности мѣщанъ столичнаго города Вильны съ Краковскими, и дозволить Виленскимъ мѣщанамъ посылать на сеймъ двухъ представителей для подачи голоса въ вопросахъ, касающихся ихъ мѣста. Наканунѣ заключенія уніи это предположеніе получило свое осуществленіе. 15 іюня 1568 года Сигизмундъ-Августъ, не въ примѣръ прочимъ мѣстамъ, въ вознагражденіе за вѣрноподданническую преданность и постоянную помощь, которую Виленскіе мѣщане оказывали государству деньгами въ теченіе послѣдней войны, выдалъ Виленскому мѣсту особый привилей, въ силу коего войтъ, бурмистры, радцы, лавники и писари мѣста, происходящіе изъ шляхетскаго сословія, не теряли своихъ шляхетскихъ правъ, отправляя означенныя мѣстскія должности, а лица плебейскаго происхожденія пріобрѣтали шляхетскія права пожизненно и могли даже передавать ихъ своимъ дѣтямъ, не занимающимся торговлею или ремесломъ, но либеральными профессіями или военною службою. Привилей обстоятельно перечислялъ эти права а именно: выслужившіяся на мѣстскихъ урядахъ лица и ихъ дѣти могли получать свѣтскія и духовныя должности, пріобрѣтать земскія имѣнья, брать гербы у шляхетскихъ родовъ и пользоваться ими безъ спеціальныхъ разрѣшеній господаря; съ оскорбителей могли искать шляхетскаго безчестья; дома ихъ освобождались отъ постоя пословъ, гонцовъ и становъ сейма. Привилей предоставлялъ Виленскому мѣсту по примѣру самыхъ знатныхъ мѣстъ въ коронѣ Польской припечатывать свои оффиціальныя бумаги краснымъ воскомъ и посылать на вальные сеймы двухъ или трехъ бурмистровъ съ правомъ подачи голоса по дѣламъ, касающимся мѣста. Такъ, и представители капитала получили доступъ къ шляхетскому званію и мѣсто на вальномъ сеймѣ. Но дѣло, впрочемъ, какъ и въ Польшѣ не пошло дальше сейчасъ изложенныхъ начальныхъ шаговъ.

Реформы, произведенныя въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ связи съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго статута, были послѣднимъ этапомъ на пути внутренней ассимиляціи великаго княжества съ Польшею. Успѣхи исторической эволюціи въ этомъ направленіи были весьма значительны. Великое княжество имѣло теперь господаря, получившаго престолъ такъ же, какъ и король Польскій, „за вольнымъ обраніемъ“ всѣхъ „становъ“ великаго княжества, имѣло господарскую раду, состоявшую такъ же, какъ и польскій сенатъ, изъ бискуповъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, набиравшихся изъ крупной землевладѣльческой знати (въ великомъ княжествѣ въ раду входили и многочисленные дворные, или столовые урядники); имѣло сеймъ изъ аристократіи и представителей шляхетскаго сословія

съ законодательною властью (особенностью литовско-русскаго сейма было изобиліе въ немъ аристократическихъ элементовъ); имѣло совершенно такую же военную организацію, какъ и Польша, такое же приблизительно устройство центральнаго и мѣстнаго управленія, тѣ же муниципальныя и крестьянскія учрежденія, тотъ же аграрный строй и тѣ же взаимоотношенія между сословіями. Эти успѣхи во внутренней ассимиляціи великаго княжества съ Польшею должны были облегчить и внѣшнее ихъ сліяніе въ одну рѣчь посполитую, что произошло на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ; *Н. А. Максимейко*, Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. Харьковъ 1902.

XLV.

Польско-литовскія отношенія при Сигизмундѣ-Августѣ до Люблинскаго сейма.

Стремленія польской шляхты къ осуществленію уніи великаго княжества съ короною Польскою и причины, ихъ порождавшія.—Противодѣйствіе литовской аристократіи.—Предварительные переговоры на сеймахъ 1551 и 1552 и ихъ неудача.—Просьбы литовскихъ становъ, направленныя противъ поляковъ на сеймахъ до Ливонской войны.—Перемѣна въ настроеніи литовцевъ въ разгаръ Ливонской войны; конфедерація шляхты подъ Витебскомъ съ цѣлью добиваться осуществленія уніи.—Избраніе на сеймѣ 1563 г. делегаціи для заключенія уніи; данная ей инструкція. Переговоры литовскихъ делегатовъ съ поляками на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.; крупныя разногласія между ними.—Продолженіе переговоровъ на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г. и въ Парчовѣ; тяготѣніе шляхты къ уніи и противодѣйствіе магнатовъ.—Просьбы шляхты о скорѣйшемъ окончаніи уніи на сеймѣ 1565—1566 г.; особенное тяготѣніе къ уніи Подляшанъ и Волынянъ.—Дѣло уніи на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года; усилія магнатовъ отстоять государственную индивидуальность великаго княжества.—Постановленія шляхты въ военномъ станѣ въ Лебедевѣ и на Городенскомъ сеймѣ 1568 г. о непремѣнномъ созывѣ „спольнаго“ сейма для заключенія уніи.

Когда усилилась опасность со стороны Турокъ, польская шляхта настойчиво стала добиваться осуществленія на дѣлѣ давней уніи великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою. Еще на Петрковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ самомъ концѣ правленія Сигизмунда Стараго, въ декабрѣ 1547 и январѣ 1548 года, шляхетскіе послы требовали отъ короля, чтобы онъ согласно давней уніи и соединенію съ Польшею земель Литовской, Мазовецкой, Прусской, Осветимской и Заторской привлекъ къ общимъ совѣщаніямъ объ установленіи совмѣстной обороны и рыцарство этихъ земель и созвалъ его на общій сеймъ въ Парчовъ, Люблинъ или Варшаву. Съ этимъ же требованіемъ обращалась шляхта и къ новому королю Сигизмунду-Августу на сеймахъ 1548 и 1550 годовъ. Помимо уста-

новленія совмѣстной обороны, поляковъ манили перспективы по части пріобрѣтенія имѣній и полученія урядовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ коронѣ шляхта уже давно испытывала земельную тѣсноту и недостатокъ доходныхъ должностей и званій, вслѣдствіе чего все болѣе и болѣе обращалась къ солдатскому ремеслу, пополняя собою въ качествѣ „товарищей“ наемныя роты „жолнеровъ“. Между тѣмъ въ сосѣднемъ государствѣ, особенно въ южныхъ украинныхъ его областяхъ, разстилались огромныя пространства лѣсной заросли и „дикаго поля“, ждавшія хозяевъ и насельниковъ. Въ государствѣ этомъ чувствовался также и недостатокъ культурныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ государственной, общественной и частной службы, и людямъ съ опытомъ жизни и съ познаніями была возможность легче устроиться здѣсь, сдѣлать лучшую карьеру, чѣмъ въ Польшѣ. Тяга изъ Польши въ великое княжество шла уже давно, выражаясь въ томъ, что отдѣльныя лица разными путями—покупкою, браками и т. под. пріобрѣтали въ великомъ княжествѣ имѣнья, поступали на службу къ господарю, князьямъ и панамъ. Хотя литовцы и поставили барьеръ этому Drang nach Osten въ видѣ статей земскихъ привилеевъ и статута, обязывавшихъ господрря не раздавать замковъ, имѣній, урядовъ и достоинствъ чужестранцамъ, а только уроженцамъ великаго княжества, но наиболѣе ловкіе перескакивали этотъ барьеръ и такъ или иначе становились и землевладѣльцами, и должностными лицами на Литвѣ. Унія должна была снять совсѣмъ этотъ барьеръ, вслѣдствіе чего поляки страстно желали ея, а литовцы, особенно правящій классъ, наоборотъ всячески противились ей. Зная это настроеніе правящей Литвы, Сигизмундъ-Августъ отвѣчалъ сначала нерѣшительно на предъявленныя ему съ польской стороны требованія и уклонился отъ созыва „спольнаго“ сейма. Но когда осенью 1551 года собрался въ Вильнѣ вальный литовскій сеймъ, поляки отправили къ королю пословъ уговаривать его, чтобы онъ согласно съ даннымъ обѣщаніемъ приводилъ литовцевъ къ уніи съ Польшею, отъ которой можно ожидать большихъ выгодъ и обороны обоимъ государствамъ. Сигизмундъ-Августъ черезъ короннаго подканцлера обратился къ сейму съ предложеніемъ уніи на основаніи старыхъ записей, какъ того требовали поляки. Но литовцы и слышать не хотѣли о такой уніи и выразили надежду, что государь сохранитъ свое отчинное государство при той цѣлости, достойности и вольностяхъ, съ какими принялъ его изъ рукъ отца, согласно съ данною имъ присягою. Они соглашались только давать полякамъ помощь противъ непріятелей на основаніи „ухвалы“ Берестейскаго сейма и категорически отказались съѣзжаться съ поляками на общій сеймъ, такъ какъ со всѣми вопросами они уже покончили на настоящемъ Виленскомъ сеймѣ. Король, однако, не принялъ этого заявленія за окончательный отказъ и на слѣдующемъ неполномъ сеймѣ 1552 года (на этомъ сеймѣ были повѣтовые хоружіе, но не было пословъ шляхты) снова поднялъ вопросъ объ уніи. Станы поблагодарили короля за заботливость о великомъ княжествѣ, но заявили, что въ виду различія правъ трудно великому княжеству соединиться съ Польшею, и потому дѣло это не можетъ осуществиться. Что же ка-

сается обороны противъ нашествія турокъ, то они, литовцы, согласны помогать полякамъ всѣми силами, согласны для постоянной обороны держать извѣстное число войскъ или посылать полякамъ деньги на увеличеніе ихъ наемныхъ войскъ.

Вообще на первыхъ сеймахъ въ правленіе Сигизмунда-Августа, какъ и на послѣднихъ сеймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ Старомъ, литовскіе станы ревниво оберегали особность и самостоятельность великаго княжества отъ посягательствъ поляковъ. На сеймѣ 1547 года они ходатайствовали, чтобы господарь не раздавалъ чужеземцамъ урядовъ земскихъ и дворныхъ, а также замковъ, дворовъ, мѣстъ и волостей въ держанье, указывая на то, что такою раздачею всѣмъ имъ наносится обида, какъ будто бы между ними нѣтъ людей „годныхъ и вѣрныхъ и справныхъ“, а съ другой стороны и государство терпитъ не малый ущербъ отъ того, что чужеземцы, разживаясь на урядахъ и державахъ, увозятъ съ собою не мало денегъ изъ страны. Развивая эту просьбу и далѣе, станы просили, чтобы господарь не поручалъ чужеземцамъ объѣзжать и „пописывать“ свои замки, дворы и волости и усчитывать господарскіе доходы, такъ какъ отъ этого происходитъ затрудненіе и обремененіе старостамъ, державцамъ и ихъ урядникамъ. Просьба эта направлена была противъ группы поляковъ—Войтеха Ясеньскаго, Юрія и Станислава Фальчевскихъ, Станислава Коморовскаго, Станислава Райскаго и др., которые сдѣлались близкими и довѣренными людьми у Сигизмунда-Августа, „пописывали“ замки и дворы, получили богатыя державы и т. д. Но такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались землевладѣльцами, обывателями великаго княжества, пріобрѣли индигенатъ, то господарь и отдѣлался отъ просьбы становъ заявленіемъ, что ему неизвѣстны случаи раздачи чужестранцамъ урядовъ и державъ; по поводу же ревизій замковъ и дворовъ заявилъ, что и впредь онъ будетъ посылать по дворамъ и волостямъ своимъ для вывѣданья и досмотрѣнья своихъ „пожитковъ“, кого ему будетъ угодно, кто только на это дѣло годится. Затѣмъ, станы ходатайствовали, чтобы коронные урядники не отправляли своихъ должностей въ великомъ княжествѣ. Они указывали, на то, что въ прежнее время, когда господарь ѣхалъ изъ короны въ великое княжество, коронные урядники сопровождали его до границы, а если и ѣхали дальше, то только въ качествѣ гостей; господаря на границѣ встрѣчали дворные урядники великаго княжества—маршалки, подскарбій, подчашій, крайчій, конюшій, кухмистръ, подстолій, подкоморій и другіе и вступали въ отправленіе своихъ урядовъ; между тѣмъ теперь они носятъ только титулы, а дѣйствительную службу за нихъ несутъ коронные урядники, пользуясь и ихъ доходами. Господарь обѣщалъ держаться въ этомъ отношеніи старины. О прекращеніи раздачи урядовъ и державъ чужеземцамъ, посылки ихъ на ревизіи литовцы просили и на сеймѣ 1551 года; а такъ какъ чужеземцы получали уряды черезъ индигенатъ, становясь предварительно землевладѣльцами великаго княжества, то станы вмѣстѣ съ тѣмъ просили господаря принять мѣры къ тому, чтобы чужеземцы не „посѣдали“ имѣній въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Эта послѣдняя просьба по-

вторена была и на сеймѣ 1554 года съ указаніемъ на Волынь и Подляшье, гдѣ въ особенности развивалось землевладѣніе „чужеземцевъ“. Господарь сначала отклонилъ было это представленіе, на томъ основаніи, что его государства не замкнуты, и всякому вольно пріѣхать и отъѣхать, купить и продать: если чужеземцы пріобрѣтаютъ имѣнья въ великомъ княжествѣ, въ этомъ виноваты сами литовцы, продающіе чужеземцамъ имѣнья. Но на сеймѣ 1554 года господарь уступилъ настояніямъ „становъ“ и опредѣлилъ, что впредь чужеземцы не имѣютъ права пріобрѣтать имѣнья на вѣчность въ великомъ княжествѣ, а только въ „заставу“ (подъ залогъ), въ пограничныхъ же повѣтахъ и этимъ правомъ не будутъ пользоваться.

Литовцы не оставляли безъ вниманія и литературныхъ посягательствъ на ихъ государственные интересы со стороны поляковъ. На сеймѣ 1559 года они жаловались на „непристойныя“ польскія хроники и просили господаря принять мѣры противъ ихъ лживыхъ показаній. Жалоба эта направлена была главнымъ образомъ противъ хроники Мартина Кромера, напечатанной въ Базелѣ въ 1554 году. Въ этой хроникѣ Кромеръ на основаніи актовъ, которые ему пришлось просматривать и приводить въ порядокъ въ Краковскомъ архивѣ, изложилъ исторію отношеній между Польшею и Литвою въ духѣ благопріятномъ для польскихъ притязаній, и потому хроника его получила быстрое и широкое распространеніе (въ 1558 году вышло уже второе ея изданіе). Хроника Кромера дала толчекъ, а отчасти и самый матеріалъ для историческихъ аргументовъ, съ которыми выступали лидеры польской шляхты на Петрковскомъ сеймѣ 1558 года, требовавшіе осуществленія уніи, заключенной при Ягайлѣ, и обвинявшіе литовцевъ въ невѣрности, въ неблагодарности и враждебности къ полякамъ, отъ которыхъ они получили такъ много добра, въ присвоеніи Луцка, Ломазъ, Полюбичей и другихъ державъ и т. д. Все это не могло остаться неизвѣстнымъ литовцамъ, которые и выступили съ своей стороны съ протестомъ противъ „непристойныхъ хроникъ“.

Ливонская война заставила литовцевъ перемѣнить свое отношеніе къ уніи съ короною Польскою. Противъ уніи съ Польшею стояла главнымъ образомъ литовская аристократія, которая опасалась „ущипка“ отъ нея не только достоинству великаго княжества, но и своимъ матеріальнымъ интересамъ, своему политическому преобладанію, которымъ она пользовалась въ великомъ княжествѣ въ качествѣ правящаго класса. Что касается рядовой шляхты, то она до поры до времени въ этомъ вопросѣ просто слѣдовала за своею „старшею братьею“, подчиняясь ея авторитету и давленію, но внутренно тяготѣя къ формамъ польской государственности (домогательства выборнаго шляхетскаго суда и расширенія власти сейма). Ливонская война, истощившая всѣ матеріальныя и моральныя силы этой шляхты, давшая болѣзненно почувствовать результаты политическаго одиночества Литвы и отчужденія ея отъ Польши, заставила шляхту занять самостоятельное положеніе въ вопросѣ объ уніи и выступить съ иниціативою ея осуществленія. Собравшаяся въ 1562 году въ военномъ лагерѣ подъ Витебскомъ шляхта составила своего рода *конфедерацію* съ

цѣлью добиваться заключенія уніи съ Польшею. Актъ этой конфедераціи, пересланный королю, гласилъ, что шляхта покорно проситъ о заключеніи уніи съ Польшею, дабы имѣть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездѣтности нынѣшняго короля, пользоваться одинаковыми съ ними правами и вольностями и сообща обороняться отъ враговъ. Для заключенія этой уніи шляхта проситъ короля назначить общій польско-литовскій сеймъ. Отъ этого намѣренія,—гласилъ актъ,—шляхта согласилась не отказываться ни въ какомъ случаѣ, какъ бы ни старались отклонить ее отъ этого новымъ статутомъ или какими либо другими уступками. Каждый изъ участниковъ настоящаго договора обязывается не вдаваться ни въ какія совѣщанія, не опредѣлять серебщинъ и никакихъ другихъ податковъ прежде, чѣмъ не будетъ исполнено общее желаніе касательно сейма и уніи съ поляками; ко всѣмъ отсутствующимъ, особенно Жмудскимъ панамъ, имѣетъ быть послано приглашеніе присоединиться лично или заочно къ настоящему уговору,—а кто не присоединится или присоединившись отступитъ отъ него, тотъ будетъ считаться недругомъ своего отечества и исключается изъ сообщества шляхты; земянинъ или сынъ земянскій, состоящій на службѣ у пана, не сочувствующаго настоящему соглашенію или отступившаго отъ него, не можетъ отговариваться этимъ, но долженъ самостоятельно и мужественно стать за общее дѣло; кто по этой причинѣ подвергнется преслѣдованію или обидѣ, за того должны стать всѣ другіе участники соглашенія и всячески ему помогать. Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ актъ литовско-русской шляхты, польская шляхта на Петрковскомъ сеймѣ 1562—1563 года постановила назначить на 11 ноября общій польско-литовскій сеймъ въ Варшавѣ для заключенія уніи. Въ виду такого оборота дѣлъ и магнаты литовскіе не сочли возможнымъ прямо противиться уніи. Поэтому на Виленскомъ сеймѣ 1563 года рѣшено было приступить къ переговорамъ объ уніи. Но такъ какъ по случаю возобновленія военныхъ дѣйствій нельзя было ѣхать на „спольный“ сеймъ всѣмъ станамъ, „сойму„ належачимъ, то избраны были делегаты отъ пановъ радъ „передней“ и второй „лавицы“, отъ княжатъ и панятъ, отъ маршалковъ, отъ „значнѣйшей шляхты“, отъ шляхты земель Литовской, Жмудской, Волынской, Кіевской, Полоцкой, Витебской, Подляшской, Новгородскаго повѣта и Мстиславскаго и отъ Смоленскихъ землевладѣльцевъ. Въ виду того, что съ польской стороны въ качествѣ участниковъ предстоявшаго сейма должны были выступить и мѣщане столичнаго города Кракова, посылавшіе своихъ представителей на сеймы, и литовское правительство сочло нужнымъ привлечь къ извѣстному участію въ установленіи уніи представителей столичнаго мѣста Вильны. Мѣщане должны были подобно другимъ станамъ избрать отъ себя делегатовъ на „спольный“ польско-литовскій сеймъ. Делегатамъ дана была особая инструкція, читанная передъ всѣми станами и получившая одобреніе сейма.

Эта инструкція составлена была несомнѣнно подъ вліяніемъ и руководствомъ пановъ радныхъ. Не имѣя возможности противиться уніи, которой требовала шляхта, паны постарались настоять на своемъ въ той

„наукѣ“, которая давалась литовскимъ делегатамъ для заключенія уніи. Инструкція насквозь проникнута была стремленіемъ отстоять, насколько возможно, цѣлостность, особность и самобытность великаго княжества Литовскаго. Первымъ условіемъ ставилось, что впредь у Польши и Литвы будетъ одинъ общій государь, избираемый общими голосами изъ царствующей династіи. Избраніе его должно происходить на границахъ обоихъ государствъ, послѣ чего должна совершаться его коронація въ Краковѣ въ присутствіи всѣхъ польскихъ становъ и литовскихъ пословъ, а вскорѣ затѣмъ—торжественное возведеніе на великое княженіе въ Вильнѣ въ присутствіи всѣхъ становъ и повѣтовъ великаго княжества и польскихъ пословъ. Передъ коронаціею въ Краковѣ избранный государь долженъ подтверждать права и вольности обывателей Польской короны, а передъ возведеніемъ на великое княженіе—обывателей великаго княжества и приносить установленную присягу. Въ томъ случаѣ, если теперешній государь или его преемники будутъ имѣть нѣсколько сыновей, одинъ изъ нихъ можетъ быть назначенъ правителемъ великаго княжества, безъ нарушенія уніи, по взаимному согласію поляковъ и литовцевъ. Поляки и литовцы обязываются никогда не покидать своего общаго государя и другъ друга во всѣхъ затрудненіяхъ и превратностяхъ, помогать другъ другу противъ козней и нападеній всѣхъ враговъ, не начинать распрей и войнъ съ сосѣдями безъ взаимнаго совѣта и согласія, исключая внезапныхъ и непредвидѣнныхъ случаевъ, не заключать ни съ кѣмъ новыхъ договоровъ и не нарушать старыхъ, не посылать пословъ безъ совѣта и согласія другъ съ другомъ. Должны быть опредѣлены точно, сообразно съ силами и средствами каждаго государства и съ требованіями данной войны, размѣры той военной помощи, которую они должны оказывать другъ другу какъ посполитымъ рушеньемъ, такъ наемными войсками или деньгами. Литовцы выразили свое согласіе и на общіе сеймы съ поляками, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти сеймы созывались только для рѣшенія важныхъ вопросовъ, касающихся обоихъ государствъ; въ менѣе важныхъ случаяхъ, не касающихся или мало касающихся другого государства, должны собираться по старому мѣстные сеймы, на которые другое государство можетъ присылать своихъ уполномоченныхъ. На общихъ польско-литовскихъ сеймахъ ни въ коемъ случаѣ не должны рѣшаться дѣла, касающіяся того или другого государства въ отдѣльности. Въ каждомъ государствѣ самостоятельно набирается сенатъ, замѣщаются должности, отправляются суды, издаются и исправляются законы; въ каждомъ своя собственная верховная власть (merum et mixtum imperium). Делегатамъ поручались при заключеніи уніи охранять честь и достоинство великаго княжества, чтобы литовцы ни гдѣ и ни въ чомъ не были ниже поляковъ, чтобы въ войскѣ, сеймахъ, торжественныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ занимали одинаковыя съ поляками и подобающія ихъ достоинству мѣста. „Для большаго скрѣпленія заключаемой уніи“ литовцы соглашались на отмѣну законовъ, коими воспрещалось полякамъ пріобрѣтать имѣнья на вѣчность въ великомъ княжествѣ, не вводить впредь никакихъ новыхъ пошлинъ, чеканить монету одинаковаго вѣса и достоинства, не допускать

никакого обмана, произвола, никакихъ стѣсненій и притѣсненій въ торговыхъ сношеніяхъ, соблюдать старинныя границы между обоими государствами и давать скорое и справедливое удовлетвореніе въ пограничныхъ обидахъ и столкновеніяхъ. Для большаго уравненія великаго княжества съ короною литовцы предлагали сравнять въ правахъ мѣщанъ великаго княжества съ польскими, въ частности дозволить мѣщанамъ Виленскимъ посылать на общіе сеймы двухъ представителей подобно Краковскимъ для подачи голосовъ въ вопросахъ, касающихся ихъ мѣстъ. Во вниманіе къ издержкамъ, понесенныхъ великимъ княжествомъ на Ливонію, литовцы требовали чтобы доходы съ этой страны всегда вносились въ скарбъ великаго княжества, но соглашались на то, чтобы герцогъ Курляндскій считался вассаломъ Польши и Литвы и получалъ инвеституру отъ обоихъ государствъ.

Легко видѣть по этой инструкціи, что руководящіе классы Литовскаго общества желали установить такую унію, которая совмѣщалась бы съ сохраненіемъ государственной индивидуальности великаго княжества. Между тѣмъ у поляковъ уже давнымъ давно сложился совершенно иной идеалъ уніи. Этимъ идеаломъ была инкорпорація, „втѣленіе“ великаго княжества въ корону, осуществленіе того, что уже было установлено при Ягайлѣ и Витовтѣ и подтверждено было съ нѣкоторыми исправленіями при королѣ Александрѣ. При Сигизмундѣ-Августѣ, съ конца сороковыхъ годовъ XVI ст., осуществленія завѣтной уніи съ особенною настойчивостью стала добиваться партія такъ называемыхъ „экзекуціонистовъ“, не пропускавшая почти ни одного сейма безъ того, чтобы не поднять вопроса объ уніи. Эта партія хлопотала объ увеличеніи военныхъ силъ и финансовыхъ средствъ королевства Польскаго и въ этихъ цѣляхъ настаивала между прочимъ и на томъ, чтобы унія съ Литвою, заключенная еще при Ягайлѣ, была приведена въ исполненіе. Какъ бы на подкрѣпленіе экзекуціонистамъ въ пятидесятыхъ годахъ выступилъ съ своею описью документовъ, хранившихся въ Краковскомъ архивѣ, и съ своею хроникою, писанною отчасти на основаніи этихъ документовъ, каноникъ Краковскій и Вармійскій Мартинъ Кромеръ. Кромеръ далъ полякамъ возможность выступить на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года во всеоружіи историческихъ документовъ, подтверждавшихъ давнишнюю инкорпорацію великаго княжества въ корону Польскую. Особенную услугу полякамъ оказалъ договоръ объ уніи, заключенный въ 1501 году, на который они и стали ссылаться въ доказательство исторической и юридической правоты своихъ требованій. Въ концѣ концовъ эти требованія свелись къ слѣдующимъ положеніямъ: сеймы должны быть общіе для Польши и Литвы; отдѣльныхъ сеймовъ для того и другого государства не должно быть; элекція общаго государя Польши и Литвы должна быть вольная, не стѣсненная никакими династическими правами, и король долженъ гарантировать это съ своей стороны особымъ письменнымъ актомъ; общій государь Польши и Литвы долженъ только короноваться въ Краковѣ, причемъ заразъ, въ одномъ актѣ, подтверждать права и вольности какъ поляковъ, такъ и литовцевъ; особое возведеніе его на великое княженіе не должно имѣть мѣста. Шля-

хетскіе послы шли еще и дальше и требовали, чтобы въ Литвѣ вообще не было отдѣльныхъ отъ Польши урядовъ, чтобы была одна печать, одна канцелярія, одна булава (гетманская), одна „ласка“ (маршальскій жезлъ) и одинъ скарбъ. Короче сказать поляки требовали какъ разъ уничтоженія государственной индивидуальности великаго княжества, на сохраненіи которой настаивали литовцы. Литовцы сдѣлали только двѣ существенныхъ уступки—согласились на вольную элекцію въ виду того, что король отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на великое княжество, и на то, чтобы не было отдѣльнаго возведенія общаго государя на великое княженіе, но настаивали, однако, чтобы имѣло мѣсто торжественное засѣданіе государя „на маестатѣ“, съ поднятіемъ меча, въ присутствіи всѣхъ становъ великаго княжества. Во всемъ остальномъ они крѣпко держались данной имъ инструкціи и требовали какъ отдѣльныхъ сеймовъ для великаго княжества, такъ и отдѣльныхъ урядовъ, не признавали и соединенія обоихъ государствъ въ одну „рѣчь посполитую“. При такихъ крупныхъ разногласіяхъ естественно, что и вопросъ объ уніи не могъ быть рѣшенъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г. Чтобы покончить дѣло, король пророгивалъ Варшавскій сеймъ въ Парчовъ на 24 іюля 1564, а литовцамъ назначилъ предварительный сеймъ въ Бѣльскѣ для новаго обсужденія уніи.

На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г., по донесенію бывшихъ на немъ польскихъ делегатовъ, рыцарство литовское охотно согласилось на ту унію, которую предлагали поляки, и желало имѣть общіе сеймы и общую раду съ поляками. Но литовскіе „потентаты“ сильно этому противились и отклоняли предложенія поляковъ. Въ концѣ концовъ „потентаты“ одержали верхъ, и тѣ „артикулы“, съ которыми отправились въ Парчовъ для переговоровъ съ поляками литовскіе делегаты, оказались для поляковъ „несносными“. Въ Парчовѣ повторилось въ общихъ чертахъ то же самое, что происходило и въ Бѣльскѣ. „Потентаты“ долго спорили съ поляками и не соглашались на ихъ требованія. Послы отъ рыцарства просили не обращать вниманія на упорство магнатовъ и договариваться объ уніи съ ними на условіи общихъ сеймовъ и общей рады, подавая надежды на то, что остальные спорные пункты будутъ потомъ легко разрѣшены на общемъ совѣтѣ. Однако поляки не сочли возможнымъ пренебречь протестомъ магнатовъ, хорошо зная, какую они представляютъ силу въ великомъ княжествѣ. Рѣшено было, что король созоветъ „спольный“ польско-литовскій сеймъ съ участіемъ не делегатовъ, а всѣхъ литовскихъ становъ, „сойму належачихъ“. Такимъ путемъ поляки надѣялись скорѣе довести до конца начатое дѣло уніи.

Какъ уже выше было сказано, на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. литовско-русская шляхта получила удовлетвореніе по всѣмъ своимъ главнымъ домогательствамъ. Ей даны были выборные суды, повѣтовые сеймики, новое военное устройство по польскому образцу; введенъ былъ въ дѣйствіе и новый статутъ. Но всѣ уступки нисколько не охладили литовско-русскую шляхту къ дѣлу уніи. На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года отъ лица всѣхъ становъ подана была просьба господарю, чтобы назначенъ

былъ, наконецъ, „спольный съемъ“ съ короною Польскою, обѣщанный на Парчовскомъ сеймѣ 1564 года. О томъ же въ частности просили и Подляшане и Волыняне. Подляшане указывали на великіе „утиски, гвалты, мордерства“ и захваты земель, которыя они терпятъ съ польской стороны, и просили короля, чтобы онъ выслалъ своихъ коммиссаровъ для учиненія справедливости, а для умиротворенія ихъ съ поляками на будущее время привелъ ихъ къ уніи съ ними; въ противномъ случаѣ,—говорили они,—Подляшье станетъ скоро украйною. Волыняне также ходатайствовали одновременно о защитѣ ихъ отъ обидъ со стороны поляковъ и о скорѣйшемъ созваніи обѣщаннаго „спольнаго сейма“ съ короною Польскою. Ассоціація этихъ двухъ просьбъ въ ихъ спискѣ вскрываетъ и тѣ чисто мѣстныя побужденія, которыя заставляли обывателей Волынской земли, какъ и Подляшанъ, жаждать уніи съ Польшею. Очевидно, они желали выйдти изъ своего положенія пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ, которое не давало имъ возможности получать легко и скоро удовлетвореніе по обидамъ и правонарушеніямъ со стороны сосѣдей—поляковъ. Они уже давно и часто жаловались на это на сеймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ. Судебноразграничительныя комиссіи, выѣзжавшія на границу съ польской и литовской стороны, сначала временныя, а затѣмъ постоянныя (съ 1554 года), очевидно, мало удовлетворяли Волынянъ и Подляшанъ, и они стали видѣть выходъ изъ своего положенія въ тѣсной уніи съ Польшею, при которой они изъ пограничныхъ жителей могли бы стать внутренними и искать себѣ удовлетворенія передъ обыкновенными судами и на основаніи обычныхъ законовъ, а не передъ смѣшанными международными комиссіями, дѣйствовавшими по усмотрѣнію, „водле Бога и справедливости“. Король обѣщалъ созвать „спольный“ сеймъ „водле потребы и часу“.

„Спольный сеймъ“ назначенъ былъ королемъ въ Люблинѣ. Судя по выяснившемуся ходу переговоровъ, благополучное окончаніе дѣла уніи должно было повести къ прекращенію созыва отдѣльнаго вальнаго сейма великаго княжества. Между тѣмъ такой сеймъ согласно прежнему обѣщанію господаря долженъ былъ собраться для окончательной „поправы статута“. Вслѣдствіе этого и для того, чтобы дать возможность литовцамъ предварительно сговориться между собою на счетъ предстоящей уніи и покончить съ своими чисто домашними дѣлами, король созвалъ литовскій сеймъ въ Берестьѣ на 28 апрѣля.

Литовскіе „потентаты“ воспользовались этимъ сеймомъ для того, чтобы сдѣлать новое усиліе для спасенія своего положенія и государственной самостоятельности великаго княжества. Подъ ихъ вліяніемъ сеймъ принялъ „поправу“ статута касательно чужеземцевъ въ томъ смыслѣ, что выслужившіеся чужеземцы могутъ получать отъ господаря имѣнья во временное и даже вѣчное владѣніе, но только непремѣнно на вальномъ сеймѣ, „за радою и позволеньемъ всѣхъ“ пановъ-рады и „за позволеньемъ“ всѣхъ становъ земскихъ, „сойму Литовскому вальному належачихъ“; что же касается урядовъ и достоинствъ, то они оставлены были только Литвѣ, Руси и Жмуди, „съ продковъ своихъ“ уроженцамъ великаго княжества; кто же изъ иноземцевъ

выпроситъ себѣ что-нибудь подобное, тотъ лишается не только уряда, но и имѣнья и всей маетности. Не находя болѣе возможности противостоять уніи, литовскіе паны выработали и добились утвержденія сеймомъ такихъ условій уніи, которыя предполагали сохраненіе для Литвы отдѣльной администраціи и суда, особыхъ законовъ и установленій. Съ этими условіями литовцы отправили на Люблинскій сеймъ пословъ только для освѣдомленія поляковъ, но не для переговоровъ объ уніи, а сами не поѣхали на этотъ сеймъ, отговариваясь „небезпечными слухами“, которые доходятъ до нихъ съ непріятельской стороны. Такъ и на этотъ разъ не состоялся „спольный сеймъ“, на которомъ поляки разсчитывали провести унію. Осуществленію польскихъ желаній помѣшали несомнѣнно не одни только „небезпечные слухи“, но и упорство литовскихъ магнатовъ, которые и слышать не хотѣли о такой уніи, какую желали поляки. До насъ дошли нѣкоторые отголоски рѣчей, которые они произносили на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. Оказывается, что они попрежнему домогались для великаго княжества особыхъ сеймовъ, особаго сената, церемоніи возведенія на великое княженіе и т. д. Разоренные войною Витебскіе землевладѣльцы обратились къ господарю съ просьбою о заключеніи уніи съ Польшею. Король могъ только имъ отвѣтить, что на этотъ разъ относительно уніи не могло состояться никакого постановленія, и это дѣло отложено до будущаго сейма, о которомъ они получать своевременно увѣдомленье; пусть только выбираютъ послами на этотъ сеймъ людей, умѣющихъ „въ томъ з учтивостью и пожиткомъ земскимъ поступовати“.

Но проволакивать дѣло уніи до безконечности при всемъ томъ оказалось уже невозможнымъ. Доведенные до крайняго изнуренія войною, литовскіе станы на совѣщаніи въ военномъ станѣ въ Лебедевѣ зимою 1567 года въ отвѣтъ на приглашеніе поляковъ приступить, наконецъ, къ уніи, сдѣлали постановленіе о непремѣнномъ созывѣ „спольнаго“ польско-литовскаго сейма въ будущемъ 1568-мъ году. Это постановленіе они повторили и на Городенскомъ сеймѣ, собиравшемся весною 1568 г. Король обѣщалъ исполнить эту просьбу становъ и своевременно разослать сеймовые листы. Такъ подошелъ знаменитый Люблинскій сеймъ, на которомъ осуществлена была, наконецъ, подготовлявшаяся всѣмъ ходомъ внутренней и внѣшней исторіи Литовско-Русскаго государства унія его съ Польшею.

Изъ обстоятельствъ, предшествующихъ ближайшимъ образомъ заключенію Люблинской уніи, видно, что большинству литовско-русской шляхты стало уже не подъ силу сносить послѣдствія одиночества великаго княжества въ борьбѣ съ могущественнымъ и упорнымъ непріятелемъ, и оно жаждало уніи, какъ единственнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія, единственнаго средства къ облегченію себѣ несносныхъ „беременъ“ войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ союзѣ съ польскою шляхтою, на „спольномъ“ сеймѣ шляхта надѣялась получить бо́льшее значеніе, чѣмъ на своемъ литовскомъ сеймѣ, переполненномъ многочисленною и могущественною аристократіею. Отсюда само собою вытекало ея сочувствіе и содѣйствіе *парламентарной уніи* великаго княжества съ короною Польскою.

Литература.

Тѣ же труды, что и на стр. 209.

XLVI.

Люблинскій сеймъ 1569 года и соединеніе великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою въ одну Рѣчь Посполитую.

Созывъ „спольнаго“ польско-литовскаго сейма въ Люблинѣ.—Порядокъ совѣщаній.—Рѣзкое разногласіе между поляками и литовцами въ вопросѣ уніи; интересы литовскихъ магнатовъ.—Отъѣздъ литовцевъ съ сейма.—Хлопоты поляковъ о присоединеніи Подляшья и Волыни; универсалъ 12 марта о возвращеніи Подляшья и Волыни. Условія присоединенія Подляшья.—Негодованіе и безсиліе литовскихъ пановъ.—Полное запустѣніе литовской казны, не смотря на всѣ старанія о ея пополненіи; должность подскарбія земскаго по привилею 1566 г.—Попытка литовскихъ пановъ отсрочить заключеніе уніи и ея неудача.—Присяга Подляшскихъ и Волынскихъ пановъ на вѣрность Польшѣ. Привилей 26 мая о возвращеніи Польшѣ Волыни.—Присоединеніе Брацлавскаго воеводства и Кіевщины къ Польшѣ.—Возвращеніе на „спольный“ сеймъ литовцевъ.—Актъ уніи великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою.—Присоединеніе Ливоніи къ соединенной Рѣчи Посполитой.—Дополнительный актъ уніи 11 августа.—Причины, обусловившія осуществленіе уніи.

Обѣщанный „спольный“ сеймъ открылся въ Люблинѣ въ январѣ 1569 года. Въ листахъ, разосланныхъ на литовскіе сеймики передъ этимъ сеймомъ, король указывалъ, что, не смотря на всѣ жертвы кровью и имуществомъ, приносимыя обывателями великаго княжества Литовскаго, непріятель все болѣе и болѣе беретъ надъ нимъ силу, а потому необходимо великому княжеству соединиться съ Польшею, дабы „одностайною и спольною рукою“, съ бо́льшимъ успѣхомъ и съ меньшимъ „накладомъ“, чинить ему отпоръ. Поэтому король просилъ отправить пословъ на „спольный“ сеймъ „зъ моцью зупольною“ на заключеніе уніи.

Въ началѣ засѣданій польскіе шляхетскіе послы потребовали было, чтобы для переговоровъ объ уніи назначены были съ той и другой стороны депутаты, и чтобы совѣщанія происходили непремѣнно въ присутствіи шляхетскихъ пословъ обоихъ народовъ. „По прежнимъ сеймамъ,— говорили послы,—мы знаемъ, какъ литовскіе сенаторы заботливо наблюдаютъ, чтобы при совѣщаніяхъ не присутствовалъ ихъ (шляхетскій) народъ, дабы, надлежащимъ образомъ узнавъ польскія права, не разлакомился на нихъ“. Но эта попытка поляковъ сбить съ самаго начала литовскихъ сенаторовъ съ ихъ позиціи не удалась. Литовцы вели свои совѣщанія отдѣльно и являлись къ полякамъ уже съ готовыми предложеніями или отвѣтами на ихъ предложенія.

Въ переговорахъ между ними снова сталъ ребромъ тотъ же контроверзъ, что и на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года. Поляки, въ особенности шляхетскіе послы, настаивали на томъ, что унія уже заключена давнымъ давно, при Ягайлѣ и Витовтѣ, поновлена была затѣмъ въ 1501 году, при королѣ Александрѣ, и что не зачѣмъ составлять новаго договора, а надо лишь вновь подтвердить и развить этотъ договоръ, чему начало уже положено на Варшавскомъ сеймѣ; надо, слѣдовательно договориться лишь по тѣмъ пунктамъ, по которымъ не состоялось еще соглашенія. На этотъ

разъ поляки соглашались на отдѣльные уряды для великаго княжества и оговаривали, что редукція столовыхъ имѣній, предпринятая въ Польшѣ, не распространяется на Литву. Литовскіе сенаторы отвергали всякое юридическое значеніе за прежними актами уніи, которые не вошли въ жизнь, вслѣдствіе чего и возникъ настоящій вопросъ объ уніи. Не довольствуясь этими возраженіями, они представили свой проектъ, основныя положенія котораго были тѣ же самыя, что и въ инструкціи, данной на Варшавскій сеймъ 1563—1564, т. е. сохраненіе государственной особности великаго княжества, его границъ, отдѣльнаго сейма, отдѣльныхъ должностей и званій, отдѣльныхъ законовъ и отдѣльной монеты, при общемъ государѣ и общемъ сеймѣ, созываемомъ для рѣшенія общихъ дѣлъ. Къ этому добавлялось требованіе отъ поляковъ присяги въ томъ, что ни теперешній государь, ни его преемники, ни коронная рада, ни даже послы земскіе великаго княжества не будутъ добиваться редукціи вѣчныхъ выслугъ, доживотій и леновъ, а равно замковъ и дворовъ господарскихъ, заложенныхъ въ извѣстныхъ суммахъ обывателямъ великаго княжества на нужды государства. Поляки должны были гарантировать, что никакое постановленіе въ этомъ смыслѣ не состоится на сеймѣ, а если состоится, то не будетъ имѣть силы, и Литва не обязана ему подчиняться; если же ее станутъ принуждать къ этому, то тѣмъ самымъ расторгается и договоръ уніи. Изъ этого ясно видно, что литовскій проектъ уніи былъ дѣломъ литовскихъ магнатовъ, захватившихъ въ свои руки веденіе переговоровъ съ поляками. Проектъ вскрываетъ и тѣ матеріальныя побужденія, которыя заставляли ихъ всѣми силами отстаивать государственную автономію великаго княжества. Автономное литовское государство было предпріятіемъ, на которое магнаты затратили огромные фамильные капиталы въ формѣ ссудъ скарбу подъ залогъ господарскихъ имѣній, и имъ естественно хотѣлось по прежнему хозяйничать и распоряжаться въ этомъ предпріятіи. Унія, какъ ее понимали поляки, угрожала положить конецъ этому хозяйничанью, и потому магнаты такъ и противились ей. Самыми ярыми противниками уніи были какъ разъ именно тѣ паны, которые потратили такъ много своихъ денегъ на нужды великаго княжества. Очевидно, они боялись не только за свое значеніе въ будущей соединенной Рѣчи Посполитой, но и за свои „пѣнязи“, отданные въ ссуду скарбу и гарантированные „заставами“ господарскихъ имѣній.

Литовскій контръ-проектъ возбудилъ бурю негодованія въ польской посольской избѣ, ибо въ немъ литовцы брали назадъ нѣкоторыя существенныя уступки, сдѣланныя на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г., напр. возстановляли особое возведеніе общаго государя Польши и Литвы на великое княженіе. Еще ранѣе подачи литовскаго контръ-проекта послы русскаго воеводства говорили на сеймѣ, что никоимъ образомъ не надо допускать отдѣльной литовской рады, ибо эта рада и была причиною того, что до сихъ поръ унія не получила осуществленія. Ни за что послы не соглашались и на оставленіе отдѣльныхъ литовскихъ сеймовъ. Когда представленъ былъ литовскій контръ-проектъ, послы стали жаловаться, что попусту тратятъ время, и приступили къ королю съ настойчивыми просьбами—при-

казать литовцамъ засѣсть съ поляками на сеймѣ вмѣстѣ и понудить ихъ принять унію, которая уже рѣшена предшествующими соглашеніями и постановленіями Пословъ поддержали и коронные сенаторы. Но когда король, уступая настояніямъ поляковъ, собирался объявить литовцамъ приказаніе сѣсть вмѣстѣ съ поляками, оказалось, что литовцы уже начали разъѣзжаться съ сейма. Король хотѣлъ привлечь на сеймъ тѣхъ, кто еще не уѣхалъ. Тогда и эти поспѣшили покинуть Люблинъ (1 марта).

Послѣ того, какъ разбилась попытка присоединить великое княжество цѣликомъ и сразу, поляки ухватились за мысль сдѣлать это въ нѣсколько пріемовъ, и на первыхъ порахъ присоединить области, на которыя они издавна имѣли притязанія. Еще до окончательнаго разрыва съ литовцами поляки на своихъ совѣщаніяхъ поговаривали о томъ, что Польшѣ собственно нужны Подляшье и Волынь, и что изъ-за этихъ областей и надо хлопотать объ уніи. Какъ только литовцы уѣхали изъ Люблина, послы сейчасъ же начали требовать отъ короля присоединенія Подляшья и Волыни. Паны радные съ своей стороны стали совѣтовать королю возвратить, наконецъ, къ коронѣ Подляшье и Волынь и указывали, что тогда литовцы сами добровольно покорятся Польшѣ. Въ своихъ требованіяхъ поляки несомнѣнно стояли на реальной почвѣ, опирались на настроеніе, господствовавшее въ массѣ военнослужилаго люда Подляшья и Волыни. Подляшская и волынская шляхта, какъ уже было сказано, сама стремилась къ уніи съ Польшею, отъ которой ожидала себѣ новыхъ правъ и вольностей и прекращенія своего въ высшей степени неудобнаго положенія пограничныхъ обывателей. Есть основаніе думать, что у поляковъ велись тайные переговоры съ подляшанами и волынянами на Люблинскомъ сеймѣ. Этимъ и можно объяснить тѣ опредѣленныя требованія, которыя они предъявили королю для обывателей Подляшья, а именно, чтобы сняты были всѣ литовскія тягости, поборы и подати, чтобы корчмы и мыта у нихъ не отдавались въ аренду жидамъ, и чтобы на нихъ не распространялось дѣйствіе коронной конституціи 1504 года о редукціи государственныхъ имѣній. Король для перваго раза согласился исполнить просьбу поляковъ только относительно Подляшья и приказалъ подляшскимъ посламъ и урядникамъ, которые еще не уѣхали съ сейма, сѣсть вмѣстѣ съ поляками, принести присягу на вѣрность Польшѣ и принять участіе въ составленіи акта о присоединеніи Подляшья къ Польшѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія и получивъ увѣреніе, что поляки будутъ защищать подляшанъ, подляшскіе урядники и послы исполнили приказаніе короля. Только подканцлеръ Остафій Воловичъ, державшій на Подляшьѣ Ломазы, Воинь и Ходыничи, категорически отказался отъ присяги, не смотря на то, что ему угрожали отнятіемъ этихъ державъ.

Событія ускорили присоединеніе Подляшья и Волыни. Паны-рада великаго княжества Литовскаго разослали по всему государству, въ томъ числѣ на Подляшье и Волынь, военные листы съ грознымъ приказаніемъ выѣзжать на войну подъ страхомъ конфискаціи имѣній. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Люблина, подляшане, присягнувшіе на вѣрность Польшѣ,

стали просить короля, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ послѣдствій ослушанія этимъ листамъ и издалъ отъ себя контръ-приказъ по Подляшью. По настоянію поляковъ вмѣсто контръ-приказа король 12 марта разослалъ универсалъ *о возвращеніи* Подляшья и Волыни къ коронѣ Польской. Въ этомъ универсалѣ король объявилъ, что Подляшье и Волынь de jure всегда были польскими областями, и приказывалъ всѣмъ сенаторамъ и посламъ Подляшья и Волыни, уѣхавшимъ самовольно съ сейма, а также и всѣмъ старостамъ и державцамъ явиться въ назначенные сроки въ Люблинъ и принести присягу на вѣрность Польшѣ. Актъ о присоединеніи Подляшья закрѣпленъ былъ особымъ привилеемъ, составленнымъ при участіи подляшскихъ пословъ и принятымъ сеймомъ. Привилей начиналъ съ историческаго оправданія присоединенія къ Польшѣ Подляшья, которое де искони принадлежало Польшѣ, составляя часть Мазовіи. Отъ Мазовіи оторвалъ его король Казимиръ и присоединилъ къ Литвѣ, но поляки съ тѣхъ поръ и до самаго 1569 года не переставали требовать возвращенія его къ коронѣ. Исполняя это желаніе,—гласилъ привилей,—король возвращаетъ Польшѣ ея законное достояніе, при чемъ обывателей Подляшья освобождаетъ отъ всѣхъ податей, поборовъ, мытъ и всякихъ иныхъ литовскихъ тягостей и сравниваетъ ихъ во всякихъ правахъ и вольностяхъ съ остальными обывателями короны Польской, обязываетъ ихъ, какъ и другихъ, давать по два гроша съ волоки въ королевскій скарбъ, но освобождаетъ ихъ отъ редукціи имѣній, гарантируетъ ненарушимость всѣхъ жалованныхъ грамотъ на имѣнья, всѣхъ „заставныхъ листовъ“, полученныхъ тѣми, кто далъ деньги на нужды великаго княжества, вѣчное и спокойное владѣніе землями, полученными въ обмѣнъ за грунты, занятые въ волоки. Привилей устанавливалъ, чтобы впредь обыватели Подляшской земли по всѣмъ дѣламъ своимъ обращались къ польскому двору и коронной канцеляріи, а отъ судовъ своихъ апеллировали на генеральные „роки“ воеводства и на вальный польскій сеймъ или къ королю (отъ магдебургскихъ судовъ) въ Польшу, чтобы все вообще судопроизводство шло вполнѣ по обычаю короны Польской. Сенаторамъ и посламъ земскимъ Подляшья привилей отводилъ мѣсто на сеймѣ между сенаторами и послами воеводства Мазовецкаго, а посламъ гарантировалъ сверхъ того и содержаніе по примѣру всѣхъ вообще коронныхъ земскихъ пословъ. Привилей оставлялъ ненарушимо всѣ права и обычаи Подляшской земли, насколько они не противорѣчатъ возвращенію ея коронѣ. Какъ символъ принадлежности къ коронѣ Польской, привилей вводилъ изображеніе орла на военныхъ хоругвяхъ подляшскихъ повѣтовъ.

Литовскіе паны пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о королевскомъ универсалѣ 12 марта. По слухамъ, дошедшимъ до Люблина, двое изъ нихъ намѣревались ѣхать въ Крымъ поднимать на Польшу татаръ. Но литовская шляхта не раздѣляла воинственнаго пыла своихъ магнатовъ. Для нея стала невыносима и одна война съ Москвою, и она чуть не повально уклонялась отъ несенія ея тягостей. Безъ сочувствія же и содѣйствія шляхты магнатамъ нечего было и думать о борьбѣ съ Польшею. Для борьбы, конечно, потребовалось бы увеличить наемное войско. Между

тѣмъ рессурсы литовскаго скарба были исчерпаны до крайности. Въ мартѣ 1569 года подскарбій земскій великаго княжества Павелъ Нарушевичъ писалъ королю что на скарбъ пришли „потребы великие а квалтовные", какъ-то: снабженіе всѣмъ необходимымъ украинныхъ замковъ, расплата со служебными людьми, пушкарями, фурманами и т. д., а между тѣмъ въ скарбъ не поступаетъ никакихъ доходовъ, и онъ не знаетъ, откуда достать денегъ; для удовлетворенія государственныхъ нуждъ онъ, подскарбій, позаложилъ всѣ свои имѣнья, набралъ въ долгъ денегъ по распискамъ и теперь не можетъ расплатиться съ своими кредиторами.—Надо сказать, что подскарбій земскій въ то время былъ уже настоящимъ министромъ государственныхъ имуществъ и финансовъ, которому даны были большія полномочія, большая власть (по привилею 10 марта 1566 года). На него возложена была обязанность принимать отъ мѣстныхъ урядниковъ платы и пожитки съ господарскихъ замковъ и дворовъ, мѣстъ и волостей, равно и со всѣхъ мытныхъ коморъ на основаніи особыхъ реестровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подскарбію дано было право налагать секвестръ на имѣнья тѣхъ старостъ, державцевъ и тивуновъ, городничихъ и другихъ мѣстныхъ урядниковъ, которые растратятъ господарскіе доходы или не внесутъ ихъ въ срокъ. Подскарбію поручено было всѣми способами стараться о расширеніи и пріумноженіи господарскихъ пожитковъ, заводить напр., лѣсныя работы въ господарскихъ пущахъ, развивать торговлю продуктами господарскихъ имѣній, устанавливать съ доклада господарю натуральные и денежные поборы съ населенія господарскихъ имѣній и т. д. Ему предписано было объѣзжать господарскія имѣнья и осматривать ведущееся въ нихъ хозяйство, а мѣстнымъ урядникамъ—старостамъ, державцамъ, тивунамъ, справцамъ пожитковъ и дворовъ господарскихъ вмѣнено было въ обязанность давать подскарбію обо всемъ вѣдомость и отчетъ, слушаться и подчиняться его суду по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ. Опредѣлено было затѣмъ, что льготы и умеиьшенія въ податяхъ и пошлинахъ будутъ производиться впредь только по усмотрѣнію подскарбія земскаго, и никакіе льготные листы не будутъ выдаваться изъ канцеляріи безъ его вѣдома. Подскарбій получилъ право выбирать и устанавливать мытниковъ, и самъ господарь обязался не раздавать мытъ въ аренду или „къ вѣрной руцѣ" помимо лицъ, избранныхъ подскарбіемъ. Мытникамъ вмѣнено было въ обязанность не выдавать никому денегъ по „квитамъ" господаря и пановърады, безъ листовъ подскарбія земскаго за его подписью, и подскарбій получилъ право не принимать въ отчетъ выданныхъ безъ его разрѣшенія суммъ. Подскарбію же дано было исключительное право судить мытниковъ по должностнымъ злоупотребленіямъ и неисправныхъ отставлять и замѣнять другими лицами. Подскарбій земскій получилъ въ свое завѣдыванье и „мынцу" великаго княжества вмѣстѣ со всѣми „справцами" и слугами монетной мастерской, и господарь обязался никому не поручать этого дѣла помимо подскарбія земскаго. Помощники подскарбія — скарбный и писари скарбные обязаны были слушаться во всемъ подскарбія, ничего не дѣлать въ скарбѣ безъ его вѣдома и разрѣшенія, не выдавать и не

принимать денегъ и отчетовъ, не выдавать квитанцій и т. под.; эти урядники могли получать отставку и замѣняться другими лицами только по представленію подскарбія земскаго.—Но вся эта централизація управленія государственными имуществами и финансами, какъ оказалось на дѣлѣ, мало помогла литовско-русскому господарю. Война оказалось бездонною пропастью, которая поглощала всѣ текущія и будущія поступленія казны, и которую нельзя было заполнить никакими усиліями административной техники и хозяйственной сообразительности и предусмотрительности. Находясь въ крайности, подскарбій просилъ короля разрѣшить ему заложить какое нибудь изъ господарскихъ имѣній, находящихся въ его держаньѣ. Король разрѣшилъ ему „завести“ часть этихъ имѣній, но не надолго, такъ какъ и безъ того уже большая часть господарскихъ имѣній „для великихъ потребъ земскихъ заставлена и заведена“. Скарбъ не могъ расплатиться даже съ скарбнымъ Иваномъ Семеновичемъ Зарѣцкимъ и братомъ его Зиновіемъ, которые, добывая для него деньги, пришли сами въ великіе долги. Господарь выручилъ ихъ тѣмъ, что выдалъ имъ 5 апрѣля „желѣзные листы“, коими отсрочивалъ взысканіе съ нихъ всякихъ долговъ на три года. Скарбъ не далекъ былъ отъ полнаго банкротства вслѣдствіе отдачи въ залогъ большинства господарскихъ имѣній, вслѣдствіе общаго экономическаго разстройства, вызваннаго войною, при все большемъ и большемъ увеличеніи расходовъ. При такихъ обстоятельствахъ самостоятельность государства, его честь и достоинство могли быть сохранены, да и то не навѣрное, только дружными усиліями и жертвами со стороны землевладѣльцевъ великаго княжества. Магнаты готовы были нести эти жертвы, ибо здѣсь замѣшаны были ихъ существенные интересы. Но шляхетская масса не обнаруживала уже къ тому готовности. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до поляковъ, „шляхта римской вѣры“ удержала своихъ магнатовъ отъ разрыва съ Польшею и настояла на посылкѣ въ Люблинъ пословъ для переговоровъ съ поляками. Магнаты должны были смириться и исполнить ея желаніе.

Явившіеся въ Люблинъ 5 апрѣля литовскіе послы отъ имени пановъ-рады великаго княжества просили поляковъ не отторгать отъ великаго княжества Подляшья, которое изстари было его достояніемъ и только на время отходило къ Мазовіи, и исконной литовско-русской области—Волыни, усѣянной имѣньями князей, потомковъ Олелька, Ольгерда, Наримунта, Корибута. Это отторженіе разрушаетъ братскую любовь между обоими народами и отталкиваетъ литовцевъ отъ уніи. При подобныхъ поступкахъ поляковъ,—заявляли послы,—литовцы не могутъ быть увѣренными даже въ сохраненіи своихъ отчинъ. Они просили поберечь честь и достоинство ихъ государя, который при восшествіи на великое княженіе Литовское давалъ присягу соблюдать это государство въ цѣлости и неприкосновенности. Литовское посольство просило перенести рѣшеніе вопроса объ уніи на другой „спольный“ сеймъ, а предварительно составить такой проектъ уніи, который не вредилъ бы чести и достоинству великаго княжества, не осуждалъ бы одну рѣчь посполитую на погибель ради другой,

и вручить этотъ проектъ литовцамъ для предварительнаго ознакомленія съ нимъ на повѣтовыхъ сеймикахъ. Но поляки не согласились на это и потребовали, чтобы литовцы вернулись въ Люблинъ и кончали дѣло уніи на томъ же сеймѣ, обѣщаясь ждать ихъ четыре недѣли.

Въ ожиданіи возвращенія литовцевъ на сеймъ поляки поспѣшили принять мѣры къ окончательному присоединенію Подляшья и Волыни, ясно сознавая, что этимъ лучше всего можно будетъ привести литовцевъ къ уніи. Магнаты, владѣвшіе имѣньями на Подляшьѣ, стали было уклоняться подъ разными предлогами отъ явки въ Люблинъ для принятія присяги Польшѣ. Польскіе послы предложили отнять у нихъ уряды и имѣнья. Подобныя же мѣры употребили поляки, чтобы сломить сопротивленіе волынскихъ магнатовъ. Когда 16 мая получены были отъ нихъ письма съ извиненіемъ въ томъ, что по болѣзни не могли явиться въ срокъ и съ просьбою отсрочить имъ еще явку на сеймъ, послы предложили отнять у нихъ уряды и распространить экзекуцію на ихъ имѣнья, если они не пріѣдутъ къ 23 мая. Эти мѣры возымѣли свое дѣйствіе, и магнаты Подляшья и Волыни одинъ за другимъ стали прибывать въ Люблинъ и приносить присягу на вѣрность Польшѣ. Среди нихъ были такіе тузы, какъ кн. Чорторыйскій, воевода Волынскій, кн. Василій Острожскій, воевода Кіевскій, кн. Богушъ Корецкій, староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій, кн. Константинъ Вишневецкій, кн. Збаражскій и др. Принесъ присягу и Остафій Воловичъ, оговорившись, что присягаетъ, какъ волынскій землевладѣлецъ, а не какъ подданный великаго княжества. Магнаты въ концѣ концовъ сдавались на требованія поляковъ, очевидно, потому, что не чувствовали за собою поддержки шляхетскаго большинства, не видѣли помощи со стороны Литвы и боялись поляковъ, которые уже 23 апрѣля объявили посполитое рушенье для осуществленія уніи, и которые не прочь были опредѣлить налогъ для присоединенія Подляшья и Волыни. 26 мая изданъ былъ привилей *о возвращеніи* Волынской земли къ коронѣ. Привилей начиналъ съ историческихъ доказательствъ правъ Польши на Волынь и въ числѣ другихъ данныхъ ссылался между прочимъ на грамоты Сигизмунда Кейстутьевича, въ которыхъ онъ признавалъ Волынь коронною областью. Привилей указывалъ, что поляки на сеймахъ никогда не переставали напоминать своимъ королямъ о возвращеніи Волыни и такимъ образомъ не потеряли правъ на нее въ силу давности. Возвращеніе Волыни къ Польшѣ привилей опредѣлялъ на слѣдующихъ условіяхъ: обыватели Волынской земли сравниваются въ правахъ и вольностяхъ съ остальными коронными обывателями, освобождаются отъ всякихъ литовскихъ податковъ и поборовъ, отъ мытъ, отъ городовой и мостовой повинности, и обязываются только платить по два гроша съ волоки, а бояре путные по грошу съ дыма; относительно военной службы и даванья податковъ на войну подчиняются конституціямъ вальныхъ коронныхъ сеймовъ, на которые имѣютъ посылать своихъ пословъ; экзекуція относительно имѣній, предпринятая въ коронѣ Польской, на нихъ не распространяется, ибо, находясь въ великомъ княжествѣ, они не давали на нее своего со-

гласія, и всѣ привилеи дарственные и заставные, выданные имъ изъ великокняжеской канцеляріи, будутъ имѣть силу; но впредь король и его преемники уже не будутъ раздавать столовыхъ имѣній на Волыни; обывателямъ Волынскаго воеводства предоставляется во всѣхъ судахъ судиться по литовскому статуту, который остается въ силѣ со всѣми сеймовыми дополненіями и измѣненіями, за исключеніемъ второго раздѣла, какъ противнаго польскимъ шляхетскимъ вольностямъ; этотъ статутъ имъ дозволяется исправлять на повѣтовыхъ сеймикахъ и новые артикулы взносить на утвержденіе на вальный коронный сеймъ; актовымъ языкомъ остается по прежнему языкъ русскій; только по апелляціямъ отъ магдебургскихъ судовъ и вообще по мѣщанскимъ дѣламъ дворные урядники будутъ пользоваться польскимъ языкомъ по коронному обычаю; паны-рада духовные и свѣтскіе и князья заодно съ шляхтою будутъ подлежать юрисдикціи мѣстныхъ гродскихъ и земскихъ судовъ; уряды и достоинства и впредь, какъ и прежде, будутъ раздаваться лицамъ шляхетскаго званія, имѣющимъ осѣдлость въ землѣ Волынской; сенаторы Волынской земли получаютъ мѣста въ коронной радѣ, а послы, избранные на повѣтовыхъ сеймахъ, между коронными послами; передъ отправленіемъ на сеймъ они имѣютъ съѣзжаться во Владимірѣ; содержаніе назначается имъ въ томъ же размѣрѣ, что и посламъ русскаго воеводства; въ знакъ принадлежности Волынскаго воеводства къ коронѣ, на его военныхъ хоругвяхъ имѣетъ изображаться польскій орелъ.

L'appetit vient souvent en mangeant... Въ засѣданіи 28 мая посольскій маршалокъ Чарковскій потребовалъ, чтобы было *возвращено* коронѣ также и воеводство Кіевское на основаніи старыхъ, но ясныхъ привилеевъ, изъ которыхъ видно, что Кіевскіе князья подчинялись Польшѣ. Въ засѣданіи 1 іюня Перемышльскій судья Орѣховскій повторилъ это требованіе, распространяя его и на Брацлавское воеводство. Король обѣщалъ переговорить съ сенаторами о Кіевскомъ воеводствѣ, а относительно Брацлавскаго заявилъ, что оно присоединяется къ коронѣ, ибо всегда составляло часть Волыни, а Волынь уже принадлежитъ коронѣ. Прибывшіе на сеймъ сановники и крупные землевладѣльцы Брацлавскаго воеводства съ кн. Романомъ Сангушкомъ во главѣ получили приказаніе присягнуть на вѣрность коронѣ, что они послѣ нѣкотораго колебанія и сдѣлали. Послѣ того и вопросъ о присоединеніи къ коронѣ Кіевщины пошелъ быстрыми шагами къ рѣшенію. Этого присоединенія стали уже желать и требовать не одни поляки, но и сенаторы и послы новоприсоединенныхъ воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго. Князь Романъ Сангушко, напр., когда его пригласили къ присягѣ, сталъ умолять короля, чтобы Брацлавщину не отдѣляли отъ Кіевской земли, съ которою она была прежде въ тѣсномъ единеніи. Волыняне просили присоединить Кіевъ потому, что черезъ Кіевъ литовцы могутъ наводить на Волынь и Польшу татаръ, и потому, что Кіева давно уже добивается Московскій князь. Сенаторы польскіе не всѣ стояли за присоединеніе, указывая на то, что это присоединеніе ставитъ Польшу въ близкое сосѣдство съ татарами и вовлекаетъ въ постоянную

борьбу съ ними, въ расходы на упоминки и т. под. Но послы шляхетскіе единодушно настаивали на присоединеніи Кіевщины, которая является воротами къ Волыни и Польшѣ. Король присталъ къ мнѣнію пословъ,— призналъ нужнымъ присоединить Кіевъ для того, чтобы оцѣпить Литву по возможности больше польскими владѣніями. Вопросъ былъ, такимъ образомъ, рѣшенъ, и 5 іюня былъ написанъ привилей на *возвращеніе* къ коронѣ Кіевской земли. Это возвращеніе оправдывалось тѣмъ, что Кіевъ— главное мѣсто Русской земли, а Русская земля издавна принадлежала Польшѣ (?!), и только Владиславъ-Ягайло присоединилъ ее къ Литвѣ, безъ согласія коронныхъ чиновъ, которые впослѣдствіи, однако, никогда не переставали напоминать о принадлежности ея къ коронѣ. Кіевщина присоединена была къ коронѣ на тѣхъ же условіяхъ, что и Волынь.

Шестого іюня явились литовскіе паны радные и послы. Староста Жмудскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ въ длинной рѣчи излилъ передъ поляками всю горечь литовцевъ по поводу ихъ дѣйствій и отъ имени всѣхъ становъ великаго княжества просилъ не отторгать отъ него Подляшья, Волыни и Кіевщины. Коронные сенаторы отвѣчали, что поляки ничего не отторгали отъ великаго княжества, а только вернули то, что изстари принадлежало коронѣ, и предложили литовцамъ кончать поскорѣе дѣло уніи. На это Ходкевичъ замѣтилъ: „не знаю, какая это будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами въ радѣ сидятъ паны великаго княжества: вы уже обрѣзали намъ крылья“. Дѣйствительно, послѣ того какъ отъ Литвы оторвано было столько областей, ей уже трудно было заноситься далеко въ своихъ требованіяхъ. Великому княжеству и прежде уже не подъ силу было бороться съ Москвою, а теперь, послѣ отторженія отъ него Подляшья и Малороссіи, и тѣмъ болѣе. Литовскіе магнаты волею-неволею должны были распроститься съ своими мечтами о сохраненіи великаго княжества Литовскаго во всей его „чести и достоинствѣ“; они пытались, впрочемъ, спасти все, что было можно, изъ литовской самостоятельности и долго еще препирались съ поляками объ условіяхъ уніи. Наконецъ, 1 іюля соглашеніе состоялось, и обѣ стороны подтвердили присягою актъ уніи.

Этотъ актъ гласилъ, что великое княжество Литовское и корона Польская сливаются въ одно государственное тѣло и составляютъ не двѣ, а одну Рѣчь Посполитую. Эта Рѣчь Посполитая всегда будетъ имѣть одну главу, одного государя, избираемаго сообща панами радными и всѣми станами Польши и Литвы въ Польшѣ, помазуемаго и коронуемаго въ Краковѣ; особое избраніе этого государя въ Литвѣ и возведеніе на великое княженіе прекращается. Но такъ какъ остается титулъ великаго княжества и особые уряды, то и общій государь послѣ избранія провозглашается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жмудскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подляшскимъ и Ливонскимъ. Избраніе короля будетъ впредь вольное, безъ всякихъ ограниченій, ибо король отступился отъ своихъ династическихъ правъ на Литву въ пользу короны Польской и выговорилъ только, чтобы его потомки, если

не будутъ избраны на престолъ, получали отъ Рѣчи Посполитой пристойное обезпеченіе, безъ разчлененія, однако, самого государства. Избранный король при коронаціи будетъ подтверждать въ одномъ листѣ права и вольности обоихъ народовъ и приноситъ въ соблюденіи ихъ присягу. Рада и сеймы впредь всегда будутъ общіе въ Польшѣ и Литвѣ, а отдѣльныхъ литовскихъ сеймовъ король уже не будетъ созывать. Всѣ законы, судебныя опредѣленія, права и вольности земскія и привилегіи частныхъ лицъ остаются въ силѣ. Всѣ паны радные, дигнитаріи, урядники и старосты литовскіе имѣютъ приносить присягу королю и коронѣ согласно привилею короля Александра. Паны радные и всѣ станы обоихъ народовъ обязываются принимать всякія рѣшенія ко благу государства сообща и при возникающихъ разногласіяхъ стремиться всячески ко взаимному согласію; договоры и союзы съ посторонними государствами впредь не могутъ заключаться Польшею и Литвою порознь, а только сообща, по важнымъ дѣламъ не могутъ вестись порознь и дипломатическія сношенія; договоры, заключенные одною изъ сторонъ до уніи и вредящіе другой, расторгаются. Устанавливается для Польши и Литвы единообразная, одинаковая по цѣнности и вѣсу монета. Лица шляхетскаго званія и ихъ подданные въ Польшѣ и Литвѣ освобождаются отъ платежа всякихъ пошлинъ при продажѣ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ дома или вывозѣ за границу. Кассируются всѣ постановленія, направленныя противъ пріобрѣтенія поляками земскихъ имѣній въ Литвѣ, и отнынѣ уже вольно будетъ полякамъ пріобрѣтать имѣнья въ Литвѣ и владѣть ими, а литовцамъ въ Польшѣ. Уряды и достоинства, существовавшія въ великомъ княжествѣ до уніи, остаются безъ измѣненія и послѣ уніи. Экзекуція относительно столовыхъ имѣній не распространяется на великое княжество, но король обязывается впредь не раздавать господарскихъ столовыхъ имѣній на Литвѣ, не включая сюда имѣнья „спадковыя“, т.-е. выморочныя, перешедшія къ нему за неимѣніемъ наслѣдниковъ: такія имѣнья онъ воленъ раздавать, кому хочетъ, полякамъ и литовцамъ, дабы служба военная не уменьшалась; кромѣ того, по возвращеніи отъ непріятеля занятыхъ имъ владѣній великаго княжества король долженъ будетъ раздать въ нихъ имѣнья тѣмъ, кто и раньше владѣлъ ими, а данныя имъ во временное владѣніе имѣнья отобрать и привернуть снова къ столу господарскому.

Послѣ принесенія присяги литовцы засѣли съ поляками вмѣстѣ и сообща занялись обсужденіемъ и рѣшеніемъ различныхъ государственныхъ вопросовъ, между прочимъ и тѣхъ, которые связаны были съ только что заключенною уніею. Однимъ изъ этихъ вопросовъ было положеніе Ливоніи. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и пререканій взяло верхъ мнѣніе, что разъ Лифляндскую землю Польша и Литва обязаны будутъ защищать сообща, то и принадлежать она должна имъ сообща, быть ихъ общимъ достояніемъ. Въ этомъ смыслѣ 3 августа составлены были и акты о присоединеніи земли Лифляндской (съ Курляндіею и Семигалліею включительно) къ Рѣчи Посполитой, за которыми послѣдовало (8 августа) принесеніе присяги лифляндскими сенаторами и послами. Литовскіе станы подняли были во-

просъ и о возвращеніи Подляшья, Волыни и Кіевщины обратно къ великому княжеству (въ засѣданіи 5 августа). Но здѣсь они встрѣтили энергическій отпоръ со стороны поляковъ и самого короля, которые указали, что это дѣло уже рѣшенное и подтвержденное присягами. Требованіе литовцевъ имѣло своимъ результатомъ только внесеніе въ дополнительный актъ уніи 11 августа и въ конституціи сейма статьи *о возвращеніи* къ коронѣ Польской земель Подляшской, Волынской и Кіевской. Мѣстомъ для общаго польско-литовскаго сейма была избрана по большинству голосовъ Варшава; литовскимъ панамъ раднымъ отведены были извѣстныя мѣста въ общемъ сенатѣ Рѣчи Посполитой, а земскимъ посламъ—въ посольской избѣ соотвѣтственно извѣстной іерархіи воеводствъ. Принятыя на этотъ счетъ постановленія также внесены были и въ дополнительный актъ уніи, и въ конституціи сейма. Въ соединенный сенатъ Рѣчи Посполитой попали только тѣ члены литовской господарской рады, которые имѣли уряды и достоинства, соединенныя и въ Польшѣ съ сенаторскими креслами. Такимъ образомъ, въ сенатъ не попали гетманъ, какъ таковой, подскарбій дворный и разные другіе „столовые“ урядники, т.-е. подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій и т. д. Сокращеніе произошло и въ рыцарскомъ „колѣ“ великаго княжества. Въ немъ остались только земскіе послы, а приглашавшіеся прежде лично княжата, панята, урядники земскіе и дворные перестали, какъ таковые, приглашаться на сеймъ. Поднимались и вопросы, связанные съ избраніемъ королей и неизбѣжнымъ при этомъ междуцарствіемъ, а также съ обезпеченіемъ королевскаго потомства, но эти вопросы не получили пока разрѣшенія и отложены были до будущаго сейма.

Такъ закончилось самостоятельное существованіе Литовско-Русскаго государства, и произошло „втѣленіе“ его въ корону Польскую. Давнишнія вожделѣнія поляковъ получили, наконецъ, полное удовлетвореніе благодаря Ливонской войнѣ, поставившей великое княжество почти въ безвыходное положеніе, и благодаря литовско-русской шляхтѣ, искавшей въ уніи съ Польшею облегченія своего бремени и усиленія своего политическаго значенія. Хотя реформы шестидесятыхъ годовъ и дали ей большія сословныя и политическія права, но шляхта при всемъ томъ чувствовала себя слабою передъ своими магнатами, которые не только наполняли господарскую раду, но и сеймъ въ лицѣ княжатъ, панятъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ. Поэтому литовско-русская шляхта и стала тяготѣть къ парламентарской уніи съ Польшею, чтобы получить въ польской шляхтѣ сильнаго союзника противъ своихъ магнатовъ. Нельзя не отмѣтить и недостатокъ государственной сплоченности великаго княжества, тотъ политическій эгоизмъ, который обнаружили нѣкоторыя области великаго княжества въ критическія минуты государства. Этотъ политическій эгоизмъ въ значительной мѣрѣ былъ воспитанъ эгоизмомъ господствующей земли и властвовавшей въ ней литовской аристократіи. Когда государство оказалось въ опасномъ положеніи, автономныя области обнаружили стремленія промышлять каждая о себѣ, вмѣсто того, чтобы тѣснѣе сплотиться и грудью

стать на защиту своего государства, стали искать спасенія и обезпеченія своихъ мѣстныхъ интересовъ въ сосѣднемъ государствѣ, манившемъ ихъ въ свои объятія... Раздираемое внутреннею рознью въ тотъ моментъ, когда требовалось наибольшее единеніе и напряженіе силъ, Литовско-Русское государство и кончило свое самостоятельное существованіе.

Литература.

М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ. Москва 1900; *И. И. Лаппо,* Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586). Спб. 1901.

XLVII.

Общія наблюденія надъ ходомъ внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства.

Отличіе Литовско-Русскаго государства отъ Московскаго во внутреннемъ развитіи и его конечныхъ результатахъ.—Разница общественной почвы, на которой создавались и развивались оба государства.—Вліяніе связи съ Польшею на внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства.—Причины его слабости.

Прекратившее въ 1569 году самостоятельное существованіе Литовско-Русское государство въ ходѣ своего внутренняго развитія и въ его конечныхъ результатахъ, какъ можно видѣть теперь, было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Московское государство развивалось все время въ направленіи монархическаго абсолютизма и отлилось въ концѣ концовъ въ форму монархіи, во главѣ которой стоялъ наслѣдственный государь, неограниченный владыка и повелитель, свободно распоряжавшійся жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, которые въ отношеніи его имѣли одни обязанности и не имѣли никакихъ правъ, ни личныхъ, ни сословныхъ, ни корпоративныхъ. Правда, этотъ государь въ управленіи государствомъ пользовался совѣтомъ и административными услугами вельможъ, составлявшихъ его думу, а по временамъ созывалъ на земскій совѣтъ и другихъ своихъ подданныхъ, но дѣлалъ онъ это по своей волѣ и усмотрѣнію, а не по своей политической обязанности, закрѣпленной какою либо хартіею, и не считалъ себя de jure связаннымъ согласіемъ или несогласіемъ своего совѣта. Онъ сосредоточилъ въ своей резиденціи все высшее управленіе государствомъ и велъ его при помощи цѣлаго ряда учрежденій, которыя давали приказы мѣстнымъ агентамъ, контролировали ихъ дѣятельность, давали на нихъ судъ и управу и т. д.— Литовско-Русское государство сдѣлалось монархіею конституціонною, во главѣ которой стоялъ избираемый великій князь. Этотъ государь съ самаго конца XIV вѣка связывалъ себя разными хартіями, которыя онъ выдавалъ своимъ подданнымъ какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его

областей. Въ этихъ хартіяхъ землевладѣльцамъ Литовско-Русскаго государства, преимущественно шляхетскаго, благороднаго сословія, даны были гарантіи личной и имущественной свободы и неприкосновенности, многочисленныя вольности и изъятія отъ повинностей и предоставлены были разныя другія сословныя преимущества и политическія права. Въ силу этихъ хартій литовско-русскій господарь съ конца XV вѣка былъ уже не самодержавнымъ государемъ, а ограниченнымъ de jure совѣтомъ и согласіемъ пановъ-рады, а со времени изданія статутовъ 1529 и 1566 года и „ухвалами“ всѣхъ „становъ“ шляхты, собранныхъ на великій вальный сеймъ. И любопытно, что наивысшее развитіе литовско-русскаго конституціонализма совпадаетъ по времени какъ разъ съ наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ московскаго абсолютизма. Литовско-русскій господарь подавалъ своимъ князьямъ, панамъ, боярамъ-шляхтѣ и земянамъ больше всего гражданскихъ и политическихъ правъ (вторымъ статутомъ) какъ разъ въ то самое время, когда Московскій государь устами Грознаго царя Ивана Васильевича сталъ открыто проповѣдывать, что онъ воленъ жаловать и казнить своихъ холоповъ, что онъ имѣетъ нужду только въ милости Божіей, а человѣческаго наставленія не требуетъ, что „россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“. Литовско-русскій господарь, подобно Московскому соединившій подъ своею властью также нѣсколько „царствъ“, однако, раздѣлялъ управленіе ими не только съ литовскими вельможами, которые группировались около него въ центрѣ государства, въ его радѣ, но и съ мѣстными земскими князьями и боярами, которые продолжали отправлять въ областяхъ должности, составляли совѣты при литовскихъ намѣстникахъ, собирались на мѣстные сеймы для высшаго суда и мѣстнаго законодательства. Литовско-русскій господарь стянулъ къ центру, взялъ въ свои руки только наиважнѣйшія правительственныя дѣла, предоставивъ текущую будничную правительственную работу мѣстнымъ правителямъ и въ значительной мѣрѣ землевладѣльцамъ. Вслѣдствіе этого и въ центрѣ Литовско-Русскаго государства не создалось такого мощнаго правительственнаго механизма, какъ въ центрѣ государства Московскаго.

Чѣмъ же объясняется вся эта разница историческаго развитія обоихъ государствъ и его результатовъ? Прежде всего тѣмъ, по всѣмъ даннымъ, что Литовско-Русское государство создалось и держалось на болѣе устойчивомъ и опредѣлившемся общественномъ матеріалѣ, чѣмъ государство Московское. Сѣверо-восточная Русь, послужившая матеріаломъ при постройкѣ Московскаго государства, какъ въ удѣльную эпоху, такъ и въ XVI вѣкѣ, представляла страну, населеніе которой переливало изъ края въ край, расползалось вширь, захватывая все новыя и новыя пространства для своей осѣдлости на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Общество сѣверо-восточной Руси было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки. Здѣсь не отличались прочностью ни образовавшіяся мѣстныя политическія организаціи, ни слагавшіяся соціальныя отношенія. Развивавшееся крупное землевладѣніе не вростало глубоко въ окружающую среду, не сдерживало ея своими корнями и нитями. Землевладѣлецъ здѣсь, какъ и земледѣлецъ,

нерѣдко уподоблялся „перекати поле“, которое срывали порывы экономической или политической бури. Естественно, что Московскій великій князь, утвердившій свою власть надъ такимъ неустойчивымъ и подвижнымъ обществомъ, легко прибралъ его къ своимъ рукамъ и сдавилъ его желѣзными обручами административной дисциплины, придавая ему такія формы, какія подсказывались потребностями государственнаго цѣлаго.—Не таковъ былъ общественный матеріалъ, пошедшій на образованіе Литовско-Русскаго государства. Литва и западная Русь сидѣли на старомъ корню, сгущаясь на территоріи, замкнутой со всѣхъ сторонъ владѣніями сильныхъ сосѣдей. При такихъ условіяхъ и всѣ общественныя отношенія и связи были здѣсь устойчивѣе и крѣпче, чѣмъ на Руси сѣверо-восточной. Большинство крестьянъ сидѣло здѣсь испоконъ вѣковъ на своихъ мѣстахъ племенными гнѣздами. Землевладѣльцы—князья, паны и бояре были также исконными, давними обладателями своихъ вотчинъ: въ рукахъ многихъ изъ нихъ въ XVI вѣкѣ были тѣ же самыя владѣнія, какія были у ихъ предковъ въ XIII и XIV в. Литовскіе паны скопили поэтому огромные фамильные капиталы, которыми они ссужали государственную казну въ то самое время, когда первостатейные московскіе бояре только что и жили государевымъ жалованьемъ и закладывали подчасъ платья своихъ женъ, чтобы снарядиться на войну. За все время самостоятельнаго существованія Литовско-Русскаго государства въ немъ преобладало устойчивое, „вѣчистое“ землевладѣніе. Хотя ему извѣстны были и различныя формы временнаго, помѣстнаго землевладѣнія, но эти формы не получили здѣсь большого распространенія; помѣстной системы, какъ средства обезпеченія большинства военнослужилаго люда, здѣсь не выработалось. Центры торговопромышленной жизни—города были здѣсь также старые, исконные, видѣвшіе у себя еще первыхъ русскихъ и литовскихъ князей. Вслѣдствіе всего этого и завязавшіеся мѣстные союзы землевладѣльцевъ, горожанъ и земледѣльцевъ, мѣстныя политическія организаціи отличались также значительною крѣпостью и мощью. Надъ такимъ организовавшимся крѣпко обществомъ, можно было утверждать центральную власть поверхъ мѣстныхъ организацій, не ломая, но санкціонируя и регулируя установившіяся отношенія, что и дѣлали великіе князья Литовскіе съ самого образованія Литовско-Русскаго государства. Въ организаціи этого государства они мало проявляли творческой воли и разума, ссылаясь постоянно на старину и пошлину: „мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ“. Если же и приходилось вводить имъ новины, то большею частью лишь такія, которыя давали что-нибудь обществу, а не отнимали отъ него.

Здѣсь мы подходимъ ко второй основной причинѣ, оказавшей сильное вліяніе на ходъ внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства и его результаты,—къ установившейся связи его съ Польшею. Уже первая унія, состоявшаяся при Ягайлѣ и Витовтѣ, имѣла огромное значеніе. Она дала литовскимъ землевладѣльцамъ многочисленныя гарантіи, коими ограничивалась великокняжеская власть. Но самое главное — она воспрепятствовала установленію наслѣдственности великокняжеской власти, предоставивъ замѣщеніе великокняжескаго престола избранію князей, пановъ и бояръ

великаго княжества. Хотя унія и была разорвана, но данныя при ея заключеніи права и вольности остались и сдѣлались основными законами великаго княжества. Утвердившіяся послѣ того въ государственномъ правѣ великаго княжества избранія великихъ князей давали благопріятный случай для новыхъ сословныхъ и политическихъ пріобрѣтеній литовско-русскихъ землевладѣльцевъ, коими все болѣе и болѣе стѣснялась и ограничивалась великокняжеская власть и уменьшалось ея значеніе въ государствѣ. Унія съ Польшею не осуществилась въ настоящемъ своемъ видѣ. Но при всемъ томъ установилась тѣсная связь между Польшею и Литвою благодаря тому, что большею частью у того и другого государства былъ одинъ общій государь, проживавшій поперемѣнно и въ Польшѣ, и въ Литвѣ. Это житейское общеніе обусловило вліяніе польской государственности на Литву, заимствованіе разныхъ ея формъ, стремленія высшихъ классовъ литовскаго общества къ полученію „правъ христіанскихъ, добрыхъ, какъ въ корунѣ польской“, короче сказать — способствовало внутренней ассимиляціи Литовско-Русскаго государства, а затѣмъ и соединенію его съ Польшею. Благодаря общенію съ Польшею соціально-политическій процессъ, развивавшійся въ Литовско-Русскомъ государствѣ, сопровождался непрерывнымъ юридическимъ оформленіемъ и закрѣпленіемъ его результатовъ, что въ свою очередь обезпечивало ему дальнѣйшіе успѣхи и преуспѣяніе.

На это же сближеніе съ Польшею было отчасти и причиною того, что Литовско-Русское государство, создавшееся изъ болѣе устойчиваго общественнаго матеріала, оказалось менѣе устойчивымъ въ борьбѣ за самостоятельное существованіе, чѣмъ государство Московское. Польскія права и вольности, перенесенныя на литовскую почву, способствовали развитію и разцвѣту литовско-русскаго феодализма, для котораго и безъ того была благопріятная почва въ старомъ и крѣпкомъ землевладѣніи, въ экономическомъ и политическомъ засильѣ землевладѣльцевъ. Но феодализмъ разслабилъ, разложилъ государство, воспрепятствовалъ развитію сильной центральной власти, лишилъ ее должныхъ орудій и средствъ и въ критическія минуты, когда требовалось приказывать и повелѣвать изъ центра, заставилъ литовско-русскаго господаря сеймовать съ „станами“ и приглашать ихъ къ добровольнымъ жертвамъ на алтарь отечества. Но воспитанные въ областномъ и вотчинномъ, а не въ общегосударственномъ патріотизмѣ, землевладѣльцы предпочли пожертвовать не „горлами“ своими и „статками“, а самостоятельностью своего государства, дабы съ меньшимъ „накладомъ“ давать отпоръ непріятелю.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Привилеи, выданные великому княжеству Литовскому.

Confirmatio, qua omnia magni Lituaniae ducatus priuilegia serenissimus princeps et dominus, dominus Sigismundus Augustus etc. ad sua vsque tempora recenset et confirmat.

In nomine Domini amen. Memoriae humanae imbecillitati litterarum adminiculis succurri certum est, ideo quae ad posteritatis noticiam peruenire debent, ea praesertim, in quibus salus et incolumitatis reipublicae consistere videtur, multo melius litterarum monumentis, quam hominum memoriae commendantur. Itaque nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, necnon terrarum Cracouiae, Sendomiriae, Siradiae, Lanciciae, Russiae, Prussiae, Masouiae, Samogitiae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae etc. dominus et heres. Arbitramur recte fecisse maiores nostros, serenissimos reges Poloniae ac magni ducatus Lituaniae duces, qui litteris consignanda, non memoriae humanae priuilegia huic Magno Ducatui tradenda putauerint. Quoniam tamen non tam ipsae quidem litterae, quam chartae, quibus inscriptae sunt, et sigilla, ex quibus auctoritatem obtinent, consenescere et corrumpi solent, ideo renouari ea et noua principum fide atque auctoritate interpolari est necesse. Cum itaque eae iam chartae et sigillorum caerae, in quibus maiores nostri amplissimo huic ducatui priuilegia descripta reliquerunt, iam magna sui parte vel temporis diuturnitate vel vsu consumi incipiant, renouandam eorum auctoritate nostra fidem putauimus, temporis ordine seruato. Priuilegiorum autem istorum tenor de verbo ad verbum sequitur et est tatis:

(I). In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Debitores sumus spiritualis alimoniae salutaria illis pocula ministrare, quibus praesidentes, temporalium commodorum praestamus suffragia: ut quos ad corporis necessitatem sustentamus, salutis etiam ipsis, quantum nostra sufficit facultas, ministeria porrigamus; ne, dum temporalibus insistimus profectibus, vitae commoda negligere videamur: et unde dona benedictionis et bravium expectamus sempiternum, inde vitae detrimenta sentiamus, et praemiis destituti adoptatis, nulla laboris nostri commoda consequamur. Expedit exquirere et debita attendere ratione: ut dum hominibus impartimur carnis beneficia, meditemur, qualiter ipsis coelestia praebeamus alimenta; et quos in hoc

saeculo transitoriis rerum condimus copiis, illis viam beatitudinis aeternae demonstremus: quatenus et hic nostrae munificentiae cognoscant praesidia, et tandem futurae gloriae compendia, per exercitia directionis nostrae, apprehendant in omnium Salvatore.

Proinde nos Wladislaus Dei gratia Rex Poloniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae, Cuyaviae, Lithuaniae Princeps supremus, Pomeraniae, Russiaeque Dominus et hares *(etc.)* et Alexander, alias Withawdus, Magnus Dux Lithuaniae, nec non terrarum Russiae dominus et heres etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis, praesentibus et futuris, praesentium notitiam habituris: quomodo terras Lithuaniae et earum incolas, nostro subditos dominio, in quos saepe liberalitatis nostrae dexteram *(manum)* extendimus, et profectui ipsorum intendentes, multa frequentia statum et conditionem eorum semper studuimus facere meliorem, ferventi desiderio cupientes in assumptae fidei devotione jugiter solidare et fundare, ut ipsos Altissimus, quo praestante, lumen fidei per nostram operam receperunt, ad laudem et honorem sui nominis, et ejusdem fidei catholicae augmentum, gratiae suae charismate confirmaret; cum eos saepe munificentiae nostrae donis reficimus, summopere affectamus spiritualibus gratiis refovere, et per quaeque legitima studia et labores id firmius mancipare. Qui ut se in fidei constantia commodius exerceant, et crescant de virtute in virtutem, iugum servitutis, quo hactenus fuerunt compediti et constricti, de cervice ipsorum deponentes et solventes, ex innatae nobis benignitatis clementia ipsis libertates, immunitates, gratias, exemptiones et privilegia, dari Catholicis solita, iuxta continentiam articulorum subscriptorum, tenore praesentium conferimus et largimur.

(§ 1). Et primo, quamvis eo tempore, quo almo spiritu inspirante, fidei catholicae recepta claritate, coronam Regni Poloniae assumpsimus, pro christianae religionis incremento, et bono statu et commodo terrarum nostrarum Lithuaniae praedictarum, ipsas, et cum terris ac dominiis ipsis subiectis et connexis, praefato Regno nostro Poloniae appropriavimus, incorporavimus, conjunximus, univimus, adiunximus, confoederamus, de consensu unanimi nostro et aliorum fratrum nostrorum, et omnium baronum, nobilium, procerum et Boyarorum ejusdem terrae Lithuaniae voluntate accedente et assensu; volentes tamen terras praedictas Lithuaniae, propter hostiles insultus et insidias Cruciferorum et eis adhaerentium, ac aliorum quorumcunque inimicorum, qui praefatas terras Lithuaniae et Regnum Poloniae demoliri nituntur et in ipsorum destructionem machinantur, in certitudine, securitate et tutela melioribus reponere et eis perpetuum commodum procurare: easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure mero et mixto hactenus habuimus et habemus usque modo, a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam Domini legitimi, baronum, nobilium, Boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto Regno Poloniae iterum *(de novo incorporamus, invisceramus, appropriamus; conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetuo annectimus: decernentes)* ipsas cum omnibus earum dominiis, terris, Ducatibus, Principatibus, districtibus, proprie-

tatibus, omnique jure mero et mixto, Coronae Regni Poloniae perpetuis temporibus irrevocabiliter, et irrefragabiliter volumus semper esse unitas.

(§ 2). Caeterum omnes ecclesias terrarum Lithuaniae praedictarum, tam cathedrales quam collegiatas, parochiales et coventuales, videlicet Vilnensem, et ceteras in eis erectas, erigendas, fundatas et fundandas, in omnibus ipsarum libertatibus, immunitatibus, privilegiis, exemptionibus et consuetudinibus universis conservamus, harum serie litterarum mediante, juxta consuetudinem Regni Poloniae.

(§ 3). Barones etiam, nobiles, Boyari terrarum nostrarum Lithuaniae praedictarum, donationibus, privilegiis et concessionibus, ipsis *(per nos)* datis, impartitis et collatis, duntaxat Catholici et Romanae ecclesiae subiecti, et quibus clenodia sunt concessa, gaudeant, participent et fruantur: prout barones et nobiles regni Poloniae suis potiuntur et fruuntur.

(§ 4). Item barones et nobiles praedicti, bona ipsorum paternalia pari jure obtineant, sicut barones Regni Poloniae sua noscuntur obtinere, et donationes nostras, super quibus litteras obtinent a nobis efficaces et fulcitas perpetui roboris firmitate, similitet obtinebunt, et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in usus suos convertendi facultatem, nostro tamen consensu ad hoc specialiter accedente, sic tamen, quod ipsa alienando, commutando, vel donando coram nobis vel nostris officialibus, juxta consuetudinem Regni Poloniae resignabunt.

(§ 5). Item post mortem patrum liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum suis successoribus possidere, prout barones et nobiles Regni Poloniae sua possident et in usus convertunt beneplacitos.

(§ 6). Similiter uxoribus suis dotalitia in bonis et villis, quas ex successione paterna, vel concessione nostra perpetua habuerint, vel fuerint habituri, poterint assignare, prout in Regno Poloniae assignantur. Filias autem, sorores, consanguineas et affines suas, praefati barones et nobiles terrarum Lithuaniae copulare poterint viris duntaxat catholicis, et tradere coniugio juxta beneplacitum eorun voluntatis, et juxta consuetudinem Regni Poloniae ab antiquo observatam.

(§ 7). His autem libertatum concessionibus non obstantibus, barones ad constructionem et erectionem castrorum vias expeditionales facere et tributa dare, juxta antiquam consuetudinem astringantur.

(§ 8). Hoc specialiter expresso, quod omnes barones et nobiles terrarum Lithuaniae fidelitatem et debitam ac christianicam fidei constantiam nobis, videlicet Wladislao Regi Poloniae et Alexandro alias Withawdo Magno Duci Lithuaniae et successoribus nostris tenere debebunt et servare, prout barones et nobiles Regni Poloniae suis Regibus tenere soliti sunt et servare. Super quo barones, Boyari et proceres terrarum Lithuaniae praedicti juramentum nobis jam praestiterunt; prout clarius in literis ipsorum, quas cum baronibus Regni Poloniae sibi invicem concesserunt, continetur. Pari modo sub fidei sacramento et sub bonorum suorum amissione, nullis Principibus aut baronibus, vel aliis cuiuscunque conditionis hominibus, terris regni Poloniae adversari volentibus, consilia, favores et auxilia ministrabunt vel praesta-

bunt; sed eos tanquam hostes terrae et Dominiorum Lithuaniae totis viribus persequentur, et ad nullum alium respectum habebunt, nisi ad nos, et nostros successores: prout hoc ipsum barones et nobiles praedicti pro se et pro suis posteris, per fidei sacramentun, cautionen praestiterunt et fecerunt.

(§ 9). Item dignitates, sedes et officia, prout in Regno Poloniae institutae sunt, instituentur et locabuntur: in Vilna scilicet palatinus et castellanus Vilnensis, et demum in Trokky et in aliis locis, ubi nobis videbitur expedire, juxta nostrae beneplacitum voluntatis, temporibus perpetuis duraturis. Et hujusmodi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores et subiecti sanctae Romanae ecclesiae. Nec etiam aliqua officia *(terrae)* perpetua, ut sunt dignitates, castellanatus etc. nisi christianae fidei cultoribus, conferantur, et ad consilia nostra admittantur et eis intersint, dum pro bono publico tractatus celebrantur: quia saepe dispares cultus diversitatem inducunt animorum, et consilia patent talibus divulgata, quae traduntur secreto observanda.

(§ 10). Item omnes, quibus hujusmodi libertas et privilegia conceduntur, nunquam nos Wladislaum Regem Poloniae, et Alexandrum Withawdum Magnum Ducem Lithuaniae, quoadusque vixerimus, et nostros successores Reges Poloniae et Duces Lithuaniae, a nobis et nostris successoribus statuendos et locandos, deserant, vel recedant ab eisdem, sed sub fide et honore pariter *(et onere)* juramenti, fideliter et firmiter nobis et successoribus nostris adhaerebunt favoribus, consiliis et auxiliis perpetuis temporibus et in aevum.

(§ 11). Hoc etiam addito, quod praedicti barones et nobiles *(etc.)* Lithuaniae, post mortem Alexandri alias Withawdi Ducis moderni, nullum habebunt aut eligent pro Magno Principe et Domino Lithuaniae, nisi quem Rex Poloniae et ipsius successores, cum consilio praelatorum et baronum Poloniae et terrarum Lithuaniae, duxerint eligendum, statuendum et locandum. Sic similiter Praelati, barones et nobiles Regni Poloniae, Rege Poloniae sine liberis et successoribus legitimis decedente, Regem et Dominium non debent ipsis assumere *(eligere)*, sine scitu et consilio nostro videlicet Alexandri Magni Ducis, baronumque et nobilium terrarum Lithuaniae praedictarum, juxta tenorem et contenta priorum litterarum.

(§ 12). Praeterea praedictis libertatibus, privilegiis et gratiis tantummodo illi barones et nobiles terrae Lithuaniae debent uti et gaudere, quibus arma et clenodia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores christianae religionis, Romanae ecclesiae subjecti, et non schismatici vel alii infideles.

(§ 13). Item omnes literas, quascunque Regno Poloniae et terris Lithuaniae ante septem vel octo annos, ac post vel citra *(circa)* coronationem nostram concessimus et dedimus, tenore praesentium confirmamus, ratificamus, approbamus et robur perpetuum imponimus eisdem, habentes ipsas praesentibus pro insertis.

(§ 14). Hoc etiam addito specialiter et expresso, quod praefati barones et nobiles Regni Poloniae et terrarum Lithuaniae conventiones et parlamenta,

quantum *(quando)* necesse fuerit, in Lublin, vel in Parczow et aliis in locis aptis de consensu et voluntate nostra celebrabunt, pro commodo et utilitate Regni Poloniae et terrarum Lithuaniae praedictarum meliori.

(§ 15). Praeterea nos Alexander alias Withawdus, de consensu serenissimi Principis Domini Wladislai Regis Poloniae, fratris nostri charissimi, eligimus ad arma et clenodia nobilium Regni Poloniae, terrarum nostrarum Lithuaniae nobiles infra scriptos, quos ipsi Regni Poloniae nobiles, simul cum omnibus, qui ex eorum stirpe originem suam ducunt, ad fraternitatis et ad consanguinitatis consortia receperunt. Et primo Lelywa nobiles Monywid palatinum Vilnensem; item Zadora Iawnum palatinum Trocensem; Rawa Minigal castellanum Vilnensem; Lyssy Sunigal castellanum Troczensem; Iastrambczy seu Lasanky alias Bolesty nagora vocati Nemir, Tramby Hosticonem, Topory Butrim; item Labancz alias Skrzinsczy Golygunth, Poraye Nicolaum Bilimin, Dambno Korevam, Odrowasz Wyssegerth, Wadwycz Petrum Mondigerth, Drya Nicolaum Thawtigerd, Habdanyecz Iohannem Gastoldi, Polukoza Wolczkonem Culwa, Gryfones Buthowdum, Srzeniava Iadath, Pobodze Kalonem, Grzymala Iohannem Rymowidowycz, Zaramba Gyneth Konczewicz, Pyrschala Dawkxa, Nowyna Nicolaum Boynar, Dzaloscha Wolczkonem Rokuthowicz, Kopacz Gethowth, Rola Dangyel, Srokomla Iacobum Myngyel, Cattus marinus Woysznar Wilkolewycz, Powala Georgium Sangaw; item Pomyany Saka, Dolywa Naczkonem, Scharza Twerbuth, Dolanga Monstwyld, Bogoria Stanislaum Wyssigin, Ianina Woyssym Danyeykowicz, Bychawa Monstold, Svinka Andream Dewknethowycz, Kolda Minimund Sesnikowycz, Sulima Rodywyl; item Nalancz Koczanum, Lodza Mykusz, Gyelithowye Gerdud, Korczakowye Czuppam, Byala Woydilonem Kussolowycz, Wanzik Koczanum Sukkowycz, Czolek Iohannem Gwild *(Ewild)*, Godzamba Stanislaum Buthowthowycz, Osmorog alias Gerald Surgutes de Reschkyny etc. Quibus quidem armis, clenodiis et proclamationibus, praedicti nobiles, proceres et Boyari terrarum Lithaniae exnunc et inantea perpetuis temporibus ubilibet gaudeant, potiantur, prout ipsis *(ipsi)* praefati nobiles Regni Poloniae uti frui consueverut et potiri.

Ut autem corroborationis et cautelae uberioris omnia praemissa accipiant firmitatem, praesentes fecimus sigillorum nostrorum munimine roborare. Praesentibus et consentientibus ac ratum habentibus reverendis in Christo patribus dominis, Nicolao Gnesnensi archiepiscopo, Alberto Iastrzambyecz Cracoviensis, Iohanne Wladislaviensis, Petro Posnaniensis, Iacobo Plocensis, Nicolao Vilnensis, Iohanne electo Leopoliensis metropolis, Mathia Przemysliensis, Michaele Kyoviensis, Gregorio Wlodomiriensis, Sbigneo Camenecensis electo, ecclesiarum episcopis, Chelmensi et Ceretensi ecclesiis vacantibus; nec non magnificis, validis et strenuis, Cristino Cracoviensi castellano, Iohanne de Tarnow Cracoviensi, Nicolao de Michalow Sandomiriensi, Sandivogio de Ostrorog Posnaniensi, Mathia de Wanschosche Calissiensi, Iacobo de Konyeczpolye Siradiensi, Iohanne Liganza Lanciciensi, Mathia de Labyschyn Brestensi, Ianussio de Kosczyelecz Gniewkoviensi, palatinis; Michaele de Bogumilovicze Sandomiriensi, Iohanne de Sczekoczyno Lublinensi, Dobeslao de Oleschnicza Woyniciensi, Floriano de Korythnicza

Visliciensi, Christino de Kozyeglowy Sandecensi, Martino de Krolikovo Gneznensi, Clemente de Mokrsko Radomiensi, Domaratho de Kobilany Byeczensi, Mosczicio de Stansow Posnaniensi, Ianussio de Thuliskowo Calisiensi, Martino de Kalinowo Siradiensi, Petro de Wlosczowa Dobrinensi, Alberto de Kosczyol Brzestensi, Iohanne de Lankoschin Lanciciensi, Cristino Kruschwicensi, Iohanne de Laczuchow Zavichostensi, Martino de Lubnycza Brzezinensi, Stanislao Gamrath Polanecensi, Iohanne de Bogumilowicze Czechowiensi, Mathia Koth Naklensi, Grothone de Iankowicze Malogostensi, Iwano de Obichov Srzemensi, Ianussio Furman Myedzirzecensi, castellanis; Sbigneo de Brzezye Regni Poloniae marsalco, Petro Szaffranyecz succamerario, Martino de Wroczimowicze vexillifero, Cracoviensibus; Paulo de Bogumilowicze Cracoviensi, Nicolao de Strzelcze Sandomiriensi, Nicolao de Czarnkow Posnaniensi, Iaxa Calissiensi, Andrea de Ludbrancz Cuyaviensi, Petro de Widawa Siradiensi, Nicolao de Suchodol Lublinensi, Petro de Thur Lanciciensi, iudicibus. Actum in oppido Hrodlo circa flumen Bug, in parl mento seu congregatione generali, die secunda mensis Octobris, sub anno Domini Millesimo quadringentesimo tredecimo. Datum per manus reverendi in Christo patris, domini Alberti episcopi Cracoviensis, Regni Poloniae supremi cancellarii, nobis sincere dilecti. Scriptum vero per manus Czolkonis Canonici Sandomiriensis, secreti nostri notarii.

(Перепечатано изъ Iohannis Dlugosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia, t. XIII, p. 153—159. Cracoviae MDCCCLXXVII; свѣрено съ текстомъ, изданнымъ Дзялынскимъ въ Zbiór praw litewskich, str. 7—20. Слова въ скобкахъ взяты изъ этого изданія).

(II) In nomine domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Quia tunc multis errorum et dubiorum occurrimus incommodis, dum gesra etatis nostre apicibus literarum et testium annotacione perennamus: proinde nos Sigismudus dei gracia magnus dux Lithvaniae necnon terrarum Russie dominus et heres, significamus tenore presencium quibus expedit universis presentibus et futuris, presencium noticium habituris: quomodo cupientes terras nostras Lithvanie et Russie in statu meliori reponere et commoda eorum quantum cum deo possumus procurare ac condicionem facere meliorem; volentes insuper, ne inter earundem terrarum populos divisio aut aliquod dispendium subsequatur in futurum, quo status terrarum predictarum ledi possit, sed ut paribus consolati graciis, in unitate animorum et indemnitate voluntatum eo fervencius et constancius pro statu huiusmodi terrarum et commodo feliciori conservando intendant mutuo et aspirent, ad nostraque eo fidelius servicia et obsequia debita invitentur: unde principibus et boiaris tam Lithvanis quam Ruthenis predictarum terrarum nostrarum Lithvanie et Russie de nostre liberalitatis gracia damus concedimus et irrevocabiliter tribuimus perpetue duraturum:

(§ 1). Et primo, quod ad nullius hominis delacionem manifestam vel occultam aut quamvis aliam suspicionem sinistram, prefatos principes et boiaros nolumus castigare et punire, nisi prius in iudicio manifesto iuris ordine terre Lithvanie servato realiter fuerint convicti.

(§ 2). Deinde, quod prefati principes et boiari eorumque liberi legitimi, omnia bona hereditaria et paterna pari jure obtineant, sicut alibi in christianitate dinoscuntur obtinere, et liberam habeant facultatem ipsa vendendi commutandi donandi alienandi et in usus suos beneplacitos, prout ipsis melius videbitur expedire, convertendi, sic tamen, quod ipsa alienando commutando vendendo vel donando, coram nobis aut nostris officialibus resignabunt.

(§ 3). Si autem aliquem predictorum principum et boiarorum ab hac luce decedere contingat, uxor manens in sede viduali, in bonis paternis mariti sui permanebit, serviciis nostris et nostrorum successorum non diminutis. Si vero voluerit ad secundas convolare nupcias, dotalicio per maritum designato gaudebit, bona paterna liberis legitimis ipsius mortui relinquendo. Si vero pueri non fuerint, extunc germani fratres hereditaria bona possidebunt, serviciis nostris et successorum nostrorum similiter semper in omnibus salvis.

(§ 4). De bonis autem et possessionibus per serenissimum principem dominum Alexandrum alias Vitowdum olim magnum ducem Lithvanie, germanum nostrum carissimum felicis memorie, et serenitatem nostram datis, secundum tenorem privilegiorum a prefato germano et nobis obtendorum est tendendum.

(§ 5). Ceterum omnes et singuli cmetones et subdicti (*sic*) dictorum principum et boiarorum terrarum nostrarum, ab omni dacione et solucione mensurarum, que *dziakla* nuncupatur, quas ab ante nobis et predessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt, sint omnino soluti liberi et ab eisdem exempti.

(§ 6). Nihilominus tamen in predictis principibus et boiaris et subtitis eorundem castrorum edificaciones et reformaciones et vias expedicionales in ipsorum propriis expensis, ad quas ab antiquo tenebantur, sine quibus eciam terre nostre bene stare non possunt, pro nobis et nostris successoribus reservamus, aliis laboribus castrorum nostrorum a sepe dictorum principum et boiarorum hominibus omnino exclusis.

(§ 7). Preterea eciam concedimus et permittimus, ut principes et boiari Ruthenorum arma seu nobilitatis clenodia deferre possint et eis uti, quemodmodum Lithvani, prius tamen habito consensu fratrum sue genealogie de regno Polonie, per Lithvanos ad predicta clenodia assumantur.

(§ 8). Postremo omnes literas privilegia et gracias, ecclesiis ducicus et boiaris terrarum nostrarum sub quibuscunque condicionibus articulis seu sentenciis, per superius expressum germanum nostrum datas et concessas, patrocinio presentis nostri privilegii denuo innovantes, confirmamus gratificamus ratificamus et approbamus, decernentes ipsas robur perpetue firmitatis obtinere.

In cuius rei testimonium et robur firmitatis sigillo maiestatis nostre subpendenti presentes fecimus communiri. Actum et datum in castro nostro Troki, ipso die ascensionis domini, anno eiusdem 1434. Presentibus magnificis strenuis Ostik castellano Vilnensi, Georgio alias Giedigold de Vissniowa, Bergal de Dewnyoltowo Chodkowe, et nobili Nicolao curie nostre notario,

qui presencia habuit in commissis, aliisque quam pluribus testibus fide dignis.

(Перепечатано изъ Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, t. XIV, p. 529—531. Kraków 1894).

(III) In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Omnia, quae geruntur in tempore, ad hominum memoria simul labuntur cum tempore, nec ad futurorum possunt venire noticiam, nisi in scripturis reposita conseruentur. Proinde nos Casimirus Dei gratia electus rex Poloniae et magnus dux Lituaniae, Russiae et Samogitiae etc. considerata fidelitatis constantia reuerendorum, venerabilium, illustrium, strenuorum, validorum et prudentium ac circumspectorum praelatorum spiritalium et saecularium principum, baronum, nobilium, boiarorum et ciuitatum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae, quam ad nos nostramque serenitatem ac personam, tanquam ad verum ac legitimum heredem ac dominum naturalem habuerunt et de facto habent habereque intendunt constanter et filideliter in futurum, prout hoc bene per experientiam in ipsis effectualiter est repertum, dignum duximus pro tanto bono gratiarum et libertatum muneribus, aliisque nostris fauoribus ipsis condignam et graciosam facere recompensam, quia tunc in posterum ad nos et nostra obsequia inuenientur promptiores, quando se viderint tantis gratiis consolatos.

(§ 1). Inprimis igitur praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus dictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. dedimus, concessimus et irreuocabiliter donauimus vigoreque praesentium damus, concedimus, donamus et inperpetuum largimur generaliter et omnia eadem iura, libertates et immunitates, prout habent praelati, barones, principes, nobiles et ciuitates regni Poloniae. Sed ne ex generalitate aliqua ambiguitas siue dubietas in posterum quoquomodo possit suboriri, ipsas libertates seu quasdam ipsarum hic decreuimus ponere per expressum.

(§ 2). Et primo omnes donationes, priuilegia et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum et conuentualium in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. erectarum et erigendarum, fundatarum atque fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare et tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, conuentuales tempore medio, per mortem vel resignationem si vacare contigerit, et eas pastore carere, quarum ius patronatus ad nos et successores nostros dignoscitur pertinere pleno iure, tunc ipsis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendo, non alium vel alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri indigenam Lituaniae, si idoneitate et morum maturitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam ac congruam, quae posset praeesse et prodesse, debebimus praesentare toties, quoties opus fuerit et oportunum.

(§ 3). Item praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus praedictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. dedimus, quod ad nullius hominis delationem siue accusationem publicam vel occultam, seu quamuis suspitionem sinistram ipsos principes,

barones, nobiles et ciues castigare volumus seu punire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico obseruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum qualitatem et quantitatem.

(§ 4). Item quod pro crimine cuiuspiam nullus alius, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine obseruato, conuictus iudicialiter et sententiatus, puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filii et e conuerso, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps esset criminis delinquentis, criminibus laesae maiestatis solum exceptis.

(§ 5). Item concedimus, ut principes, nobiles et boiari supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris ipsis nostris magni ducatus etc. caussa vberioris fortunae adquirendae et actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus nostorum inimicorum duntaxat exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligantur, sed nobis aut successoribus nostris tanquam ipsis praesentibus, toties, quoties fuerit oportunum, exhibeantur et ministrentur.

(§ 6). Item praefati principes, barones, nobiles et ciues bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum, diuae memoriae antecessorem et patruum nostrum carissimum, ac donationes per illustrem dominum Sigismundum etc. donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de eorum donationibus, priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, sicut principes, barones, nobiles et ciues regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habeant facultatem ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos beneplacitos conuertendi, sic tamen, quod ea commutando, vendendo, alienando vel donando, coram nobis aut nostris officialibus iuxta consuetudinem regni Poloniae resignabunt.

(§ 7). Item post mortem patrum liberi masculi et femellae donis paternis hereditariis priuari non debebunt, sed ea cum eorum successoribus legitime, pleno iure possidebunt, prout principes, barones, nobiles et ciues regni Poloniae sua possident et in vsus beneplacitos conuertunt.

(§ 8). Item quando aliquem principum, baronum, nobilium et ciuium praedictorum ab hac luce decedere contigerit, extunc viduam in bonis seu possessionibus mariti sui volumus permanere, quamdiu in sede permanserit viduali. Quae si ad secundas nuptias conuolare voluerit, ipsa marito, quem ducendum elegerit, tradatur, pueris tamen in bonis et possessionibus paternis, si fuerint, sin autem, proximioribus eiusdem mariti prioris derelictis, prout et ceterae viduae regni Poloniae maritantur. Si vero prior maritus in praefatis bonis et possessionibus suis aliquod eidem vxori suae dotalitium assignauerit et de eo sufficienter probare potuerit, illo secundum ordinem iuris recepto, cui voluerit, nubat in domino.

(§ 9). Item natas et cognatas et consanguineas ipsarum virgines et viduas libere possunt tradere maritis, nobis et nostris successoribus super hoc minime requisitis, ritum tamen catholicum in talibus obseruantes.

(§ 10). Item omnes et singuli cmetones et subditi principum, baronum, nobilium, boiarorum et ciuium ipsarum terrarum magni ducatus Lituaniae ab omni datione et solutione collectae siue exactionis *sierepczyzne* dictae atque mensurarum, quae *dziakla* nuncupantur, ab omnique onere vectigalium, quae *podwodi* dicuntur, a ductione lapidum, roborum, siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris, foeni falcastrationis et aliis minus iustis laboribus soluti sint, liberi omnino et exempti; laboribus tamen pro aedificatione castrorum denuo oportunorum et antiquorum reformatione exceptis, principum, baronum, nobilium, boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter exceptis. Antiquas tamen et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stattiones, pontium nouorum erectiones, veterum refectiones et viarum reparationes illaesas reseruamus et eas volumus esse semper saluas.

(§ 11). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum principum, baronum, nobilium et ciuium terrarum nostrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. homines tributarios, originarios, cmetones, mancipiorum obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; quod et ipsi praelati, principes, barones, nobiles, boiari et ciues magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. nostros et successorum nostrorum homines, similiter cuiuscunque status, sexus aut conditionis exstiterint, non suscipiant, per se nec per alium suum officialem suscipere quoquomodo praesumant.

(§ 12). Item super subditos praedictorum principum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales alias *dzietzkie* non dabimus, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; qui si certo termino eandem facere renuerit, extunc noster ministerialis vel nostrorum officialium est dirigendus, et reus, qui poenam meruerit, illam domino suo et non alteri soluere sit astrictus.

(§ 13). Item promittimus seu spondemus, quod dominia seu terras magni ducatus nostri praedicti non diminuemus, sed in suis limitibus, prout antecessores nostri et signanter Alexander alias Vitoudus patruus noster etc. tenuit et possedit, sic et nos easdem sanas et integras tenebimus, possidebimus et tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis nostris viribus studebimus dilatare.

(§ 14). Item promittimus et spondemus, quod in terris ipsis nostris ipsius magni ducatus terras, castra, ciuitates seu quascunque hereditates, possessiones et tenutas et quaecumque officia siue personatus, dignitates nulli extraneorum, sed solum indigenis ipsarum terrarum nostrarum magni ducatus supradicti dabimus et nostri successores dabunt tenenda et possidenda.

Harum quibus sigillum nostrum praesentibus est subappensum, testimonio litterarum. Actum et datum per manus magnifici Michaelis Kieszgalowic de Dawiltowo, magni ducatus Lituaniae cancellarii, Vilnae feria tertia

ipso die sancti Sigismundi, anno Domini millesimo quadringentesimo quinquagesimo septimo. Scriptum per manus Martini de Luski notarium, qui praesentia habuit in commissis.

(IV). In nomine sanctae Trinitatis et indiuiduae vnitatis amen. Ad perpetuam rei memoriam. Omnia, quae geruntur in tempore, ab hominum memoria simul cum tempore labuntur, nec ad futurorum possunt venire noticiam, nisi in scriptis reposita conseruentur. Proinde nos Alexander Dei gratia magnus dux Lituaniae, Samogitiae, necnon terrarum Russiae dominus et heres etc. considerata fidelitatis constantia reuerendissimorum et ruerendorum, illustrium, strenuorum, magnificorum, generosorum, nobilium et circumspectorum praelatorum spiritalium ac saecularium principum, baronum, boiarorum et ciuium terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. quam ad nos nostramque serenitatem, tanquam ad verum et legitimum heredem ac dominum naturalem habuerunt et de facto habent, habereque intendunt constanter et fideliter in futurum, prout hoc bene res in eis probauit, dignum duximus pro tanto bonorum gratiarum et liberatum muneribus, aliisque nostris fauoribus ipsis condignam et gratiosam facere recompensam. Inprimis igitur praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuibus dictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae dedimus, concessimus et irreuocabiliter donauimus, vigoreque praesentium damus, concedimus, donamus et in perpetuum largimur generaliter et omnia eadem iura, libertates et immunitates, prout habent praelati, principes, barones, nobiles et ciutates in regno Poloniae. Sed ne ex has generalitate aliqua ambiguitas siue dubietas in posterum possit quoquomodo suboriri, ipsas libertates seu quasdam ipsarum hic decreuimus ponere per expressum.

(§ 1). Et primo omnes donationes, priuilegia et immunitates ecclesiarum cathedralium et collegiatarum, conuentualium, parochialiumque in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum et fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare et tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, conuentuales et parochiales tempore medio per mortem vel resignationem si vacare contigerit et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos et successores nostros dignoscitur pertinere pleno iure, tunc ipsis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendo, non alium vel alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri Lituaniae indigenam, qui idoneus fuerit repertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam, quae possit prodesse et praeesse, debemus praesentare totiens, quotiens opus fuerit et oportunum.

(§ 2). Item praedictis praelatis, principibus, baronibus, nobilibus et ciuitatibus praedictarum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae dedimus, quod ad nullius hominis delationem seu accusationem publicam vel occultam seu quamuis suspicionem sinistram ipsos principes, barones, nobiles et ciues castigare volumus, seu punire quacumque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carcerum aut sanguinis, nisi prius in

iudicio manifesto iuris ordine catholico obseruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura, sicut in regno Poloniae, debent castigari et sententiari, secundum suorum excessuum qualitatem et quantitatem.

(§ 3). Item quod pro crimine cuiuspiam nullus alius, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine obseruato, conuictus iudicialiter et sententiatus, puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filij et e conuerso, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps esset criminis delinquentis, criminibus laesae maiestatis solum exceptis.

(§ 4). Item concedimus, ut principes, barones, nobiles et boiari supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris ipsis nostris magni ducatus etc. caussa vberioris furtunae adquirendae et actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus inimicorum nostrorum duntaxat exceptis, ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligantur, sed nobis aut successoribus nostris tanquam ipsis praesentibus totiens, quotiens fuerit opportunum, suppleantur, exhibeantur et ministrentur.

(§ 5). Item praefati principes, barones, nobiles et ciues bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum etc. diuae memoriae ac donationes per illustrem dominum Sigismundum etc. donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de earum donationibus, priuilegiis et priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, sicut principes, barones, nobiles et ciues in regno Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habeant facultatem ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi, et in vsus suos beneplacitos conuertendi, sic tamen, quod ea commutando, vendendo, alienando vel donando, coram nobis aut nostris officialibus resignabunt.

(§ 6). Item post mortem patrum liberi masculi et femellae bonis paternis hereditariis priuari non debent, sed ea cum eorum successoribus legitimis pleno iure possidebunt, prout principes, barones et ciues in regno Poloniae sua possident, et in vsus beneplacitos conuertunt.

(§ 7). Item quando aliquem principum, baronum, nobilium et ciuium praedictorum ex hac luce decedere contingat, extunc viduam in bonis seu possessionibus mariti sui volumus relinquere seu remanere, quamdiu in sede permanserit viduali; quae si ad secundas nuptias transire voluerit, ipsa marito, quem ducere elegerit, tradatur; pueris tamen in bonis et posssessionibus paternis, si fuerint, sin autem, propinquioribus eiusdem mariti prioris derelictis, prout et ceterae viduae regni Poloniae maritentur. Si vero prior maritus in praefatis bonis et possessionibus suis aliquod eidem vxori suae dotalitium assignauerit, et de eo sufficienter probare poterit, illo secundum ordinem iuris recepto, cui voluerit, nubat in domino.

(§ 8). Item natas et cognatas ac consanguineas ipsarum virgines et

viduas libere possunt tradere maritis, nobis et nostris successoribus super hoc minime requisitis, ritum tamen catholicum in talibus obseruantes.

(§ 9). Item omnes et singuli cmetones et subditi principum, baronum, nobilium, boiarorum et ciuium ipsarum terrarum magni ducatus Lituaniae ab omni donatione et solutione collectae siue exactionis *sirepczizna* dictae, atque mensurarum, que *dziakla* nuncupantur, ab omnique onere vectigalium, quae *podwodi* dicuntur, a ductione lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris, foeni falcastrione et aliis minus iustis laboribus soluti sint, liberi omnino et exempti; laboribus tamen pro aedificatione castrorum denuo oportunorum et antiquorum reformatione exceptis: principum, baronum, nobilium, boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter exceptis. Antiquas tamen et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum erectiones, veterum reparationes et viarum reformationes illaesas reseruamus, et eas volumus esse semper saluas.

(§ 10). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum principum, baronum, nobilium et ciuium nostrarum terrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. homines tributarios, originarios et cmetones mancipiorum obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; quod et ipsi praelati, principes, barones, nobiles, boiari et ciues magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae etc. nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque status, sexus aut condicionis exstiterint, non suscipiant, nec per se vel per alium suum officialem suscipere quoquomodo praesumant.

(§ 11). Item super subditos praedictorum principum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales alias *dzietzke* non dabimus, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata. Qui si in termino certo eandem facere renuerit, extunc noster ministerialis vel nostrorum officialium est dirigendus et reus, qui poenam meruerit, illam domino suo et non alteri soluere sit astrictus.

Et praeterea cupientes praefatos praelatos, principes, barones, nobiles, boiaros et ciues pro ipsorum praerogatiua ac recreatione speciali nouis gratiis et concessionibus ac libertatibus reddere consolatos, et ad recentem fidelitatis praedictae perseuerantiam inuitare, de benignitatis nostrae gratia singulari nonnullos articulos infrascriptos eisdem concessimus concedimusque per praesentes.

(§ 12). Ac primo et principaliter promitimus et spondemus, quod dominia seu terras magni ducatus Lituaniae non diminuemus, sed in suis limitibus, prout antecessores nostri et signanter dux Alexander alias Vitoudus et Sigismundus tenuerunt et possidebant, sic et nos easdem integras tenebimus et possidebimus ac tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris studebimus dilatare et ampliare tempore competenti.

(§ 13). Item nuntios seu oratores mittere debemus in negotiis publici boni eiusdem Magni Ducatus nostri necessitate ad hoc imminente, de consilio nostrorum dominorum versus partes exteras, videlicet Moscouiam,

ad *Zauolska* orda et *Perekopska orda,* Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masouiae, Prussiam, Liuoniam, *Pskow,* Magnum *Nouogrod, Twierza* et *Razan,* secundum consuetudinem per nostros antecessores obseruatam necnon versus alias quasqunque prouincias, quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus Lituaniae nostri postulabit. Item cum quibus terris et dominiis inscriptiones, confoederationes, ligas et iuramenta ad antiquo habemus pacis perpetuae, eas nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque adaugere.

(§ 14). Item quaecunque consilia et caussas cum dominis consiliariis nostris determinabimus et statuemus atque concludemus, ea cum nemine alio immutare, corrigere aut deordinare debebimus.

(§ 15). Item quando aliqua consilia et negotia in consultatione cum dominis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placebunt, pro isto super eos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et communi vtilitate, istud nos efficiemus.

(§ 16). Item dignitates tenutas et alia omnia officia aut bona hereditaria nemini extraneo aut aduenae, sed solum indigenis tenebimur conferre. A prouisione autem ac dotatione seu collatione spiritualium et saecularium dignitatum, tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debemus postulare, neque etiam ipsi domini palatini et capitanei ab officialibus et tenutariis quidquam recipere aut exigere debent, solum quod per aliquem nobis vel ipsis pro honestate sua libere condonatum fuerit.

(§ 17). Officia vero omnia et tenutae sine consilio nostrorum consiliariorum per nos non debent cuiquam conferri. Si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator nostrorum bonorum apud nos delatus fuerit, vtraque pars debet personaliter coram nobis constitui, auditaque caussa reus secundum demerita puniendus erit, sed absque culpa officia auferre non debemus.

(§ 18). Item palatini, capitanei, tenutarii villici, officiales et vniuersi vicesgerentes in Magno Ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac tenutis eorum, ut a praedecessoribus nostris, ducibus magnis Vitoudo, Sigismundo et genitore nostro teneantur et conseruentur, iudicentque et ordinent, census et prouentus suos in integrum repetant et exigant, velut ab antiquo, nec non ministeriales dirigant, defatigationesque ipsorum alias *proiezdi* solui faciant, iuxta consuetudinem prouinciae.

(§ 19). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, Vilnensis et Trocensis palatini in suis districtibus tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum vel obsequiorum et qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent, et eodem modo fiat in aliis districtibus omnibus.

(§ 20). Item dignitates, tenutae et officia in castris et ciuitatibus, in metis remotioribus, si quae vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum dominis consiliariis nostris talia officia vel tenutas conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur magis valere et domini consiliarii nostri debent ita facere.

(§ 21). Item viduae, quae remanserunt in bonis hereditariis post mortem maritorum, ad seruitia terrestria et bellicas expeditiones iuxta facultatem possessionum obligabuntur.

(§ 22). Item donationes et concessiones olim genitoris nostri, quas alicui donauit aut prouidit et cum hoc literis suis confirmauit, perpetue tenebimus; sed cui idem genitor noster dedit ad arbitrium et voluntatem suam, illud et nos pro arbitrio et voluntate nostra et dominorum consilii nostri reseruamus. Nostras etiam donationes faciemus et dabimus ad arbitrium nostrum; et si alicui voluerimus confirmare ad perpetuitatem, istud etiam est in voluntate nostra.

(§ 23). Item census teloniorum, tabernarum et alii ex poenis et vndecunque nobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum, qui quidem census secundum consilia dominorum consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; nulla vero necessitate imminente dicti census sine voluntate ipsorum dominorum per nos de thesauro tolli et recipi non debent, aut ex prouincia educi.

(§ 24). Item jura saecularia non debemus inducere aut intromittere in jura spiritalia et e conuerso jura spiritalia seu caussas pertinentes ad ius spirituale, ad jura saecularia non ducere neque euocare, omniaque tenere ex antiquo, sicut erat viuente patre nostro.

(§ 25). Item plebeios super nobiles non debemus extollere, sed totam nobilitatem conseruare in sua honestate.

(§ 26). Item super districtus et tributarios debemus mittere binos et binos dominos singulis annis pro exigendis tributis et reliquiis, in vulgari *niedobirkow*, et ipsi domini obuentiones eis concernentes debent recipere et etiam ipsorum seruitores, sicut fuit ex antiquo apud antecessores nostros.

(§ 27). Item quicunque in vita genitoris nostri super iuribus suis et iustitia ministranda postulabant, illis volumus et debemus cum dominis de consilio nostro aequitatem facere omnimodam sine dilationibus.

(§ 28). A iure etiam nihil debemus accipere simul et domini consiliarii nostri nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter cuilibet iustitiam facere et noscere seu ministrare.

(§ 29). Item si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel famae seu honoris derogatione coram nostra Serenitate venerint, omnibus iustitiam facere debemus. Et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos; et si in primo, secundo vel tertio termino in huiusmodi caussis finis non fuerit factus, vltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum dominis de consilio nostro faciemus.

(§ 30). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius non redimemus, neque ea aliquis redimere debet in praeiudicium ipsorum consanguineorum et propinquorum, sed solummodo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecunijs bona hereditaria obtinebit et possidebit.

(§ 31). Item si aliqua virgo aut vidua voluerit nubere ad alienas partes

extra magnum ducatum Lituaniae etc. expeditione ac dote recepta bona hereditaria hic relinquat, ad eaque intromittere se non debebit.

(§ 32). Item nouissime omnes litteras, priuilegia, gratias et immunitates, ecclesiis cathedralibus, collegiatis, conuentualibus et parochialibus, praelatis, principibus, baronibus, nobilibus, boiaris et ciuibus in terris magni ducatus Lituaniae, Russiae et Samogitiae etc. nostris, sub quibuscunque condicionibus, statutis, punctis, articulis seu sententijs per serenissimos et illustrissimos olim dominos Vitoudum, Sigismundum, regem Wladislaum nostrum auum, et progenitorem nostrum carrissimum regem Casimirum, magnos duces Lituaniae, antecessores nostros datas et concessas, patrocinio praesentis nostri priuilegii innouantes, confirmamus, roboramus, approbamus, gratificamus et ratificamus, decernentes ipsas perpetuae firmitatis robur obtinere.

(§ 33). In omnibus vero caussis et disceptationibus tam pro bonis hereditariis, quam honoris et famae et aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignantur quattuor termini per annum, et si quis in quarto et finali termino non compauerit, caussam amittat sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet: excepto, quod aliqua partium nostro seruitio vel terrestri occupata et retenta, aut aegritudine impedita, comparere non posset, in isto casu, vt nemini praeiudicum aut iniuria fiat, ad tempus oportunum omnes tales caussas volumus differendas. Quae omnia cum dominis consilii nostri debemus ordinare atque difinire.

In quorum omnium fidem et testimonium praesentes litteras sigillo nostro appenso iussimus communiri. Datum in Vilna feria secunda ipso die Transfigurationis Domini, anno a Natiuitate millesimo quadringentesimo nonagesimo secundo. Praesentibus ducibus, praelatis, baronibus magni ducatus nostri Lituaniae et signanter reuerendo in Chisto patre, domino Alberto episcopo Vilnensi, magnifico ac generosis Nicolao Radwilowic, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Petro palatino Trocensi necnon marsalco terrestri, Ioanne Zabrzezinski castellano Trocensi ac tenutario in Poloczko, Stanislao Ianowic capitaneo terrae Samogitiensis, duce Alexandro de Holssany tenutario Grodnensi et aliis quam pluribus dignitariis, officialibus et curiensibus nostris, testibus circa praemissa. Commissio propria Domini Magni Ducis.

(V). In nomine sanctae et indiuiduae Trinitatis amen. Ad perpetuam rei memoriam. Ea, quae magnifica principum decreuit auctoritas, dignum est, ipsa literarum apicibus confirmare et fidedignorum testimonio perennare. Proinde nos Sigismundus Dei gratia magnus dux Lituaniae, Samogitiae, terrarumque Russiae dominus et heres etc. Significamus tenore praesentium vniuersis, quibus expedit, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quomodo reuoluentes in animo, qua quantaue synceritatis affectione et integrae fidei constantia praelati tam spiritales, quam saeculares, principes, barones, milites, proceres, nobiles, consiliarii ceterique subditi et incolae terrarum magni ducatus nostri Lituaniae personam nostram venerati sunt

atque dilexerunt, et tandem decedente felicis memoriae serenissimo principe et domino, domino Alexandro rege Poloniae, magno duce Lituaniae, germano et praedecessore nostro carrisimo, nos tanquam verum heredem et legitimum successorem ipsius in supremum et magnum ducem ac dominum concordibus votis et voluntatibus assumpserunt, elegerunt et sublimarunt, posteaquam igitur altissimo dirigente votis eorundem praelatorum spiritalium et saecularium consiliariorum et incolarum magni ducatus nostri Lituaniae auitum, paternum et fraternum eiusdem amplissimi ducatus nacti sumus solium, supplicarunt nobis ijdem praelati, consiliarii, incolae et subditi nostri, qui nostrae felici aderant sublimationi, quatenus iura, libertates et priuilegia ipsis per praedecessores nostros, magnos duces Lituaniae data et concessa, confirmare et ratificare ac articulos infrascriptos approbare dignaremur. Quorum articulorum tenor sequitur talis:

(§ 1). Inprimis promitimus praelatos, principes, dominos consiliarios nostros magni ducatus Lituaniae, Samogitiae, Russiaeque etc. barones, nobiles Lituanos et Rutenos in ipsorum honoribus et dignitatibus non diminuere, sed secundum exigentiam idoneitatis et meritorum promouere et sublimare.

(§ 2). Item omnia iura, libertates, priuilegia, litteras Latinas et Rutenicas, immunitatesque magni ducatus Lituaniae ecclesiasticas et saeculares, ecclesiis cathedralibus, collegiatis, conuentualibus, parochialibus et quibusuis sacris piisque locis ac magno ducatui eiusdemque praelatis, principibus, baronibus, nobilibus, ciuitatibus, ciuibus, incolis et quibuslibet personis, cuiuscunque status vel condicionis existentibus, per diuos praedecessores nostros, principes, magnos duces et quoscunque dominos ac heredes magni ducatus Lituaniae, praecipue vero per regem Wladislaum alias Iagiello auum nostrum, Vitoudum, Sigismundum, regem Casimirum parentem nostrum et germanum nostrum, regem Alexandrum, iuste, licite et legitime data et donata, datas ac donatas, etiam super bonis immobilibus hereditariis, quorum possessionem hactenus habuerunt et nunc ipso facto habent, signanter vero priuilegium generale terrestre Alexandri circa sui in magnum ducem sublimationem datum, manu tenebimus, conseruabimus, custodiemus ac attendemus in omnibus articulis, clausulis atque punctis.

(§ 3). Item bona ducalia eiusdem Magni Ducatus non minuemus, sed iniuste alienata et illicite distracta, surrepticieque impetrata ad proprietatem eiusdem reducemus et reducere curabimus.

(§ 4). Item si dominus Deus fauebit nobis assequi dominium tam regni Poloniae, quam aliarum terrarum, extunc dominia nostra magni ducatus Lituaniae et dominos consiliarios in nullo diminuemus, sed ab omni leuitate ac depressione, prout diuus genitor noster tempore felicis sui regiminis faciebat, omnia custodiemus.

(§ 5). Item quicunque subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae super suis bonis immobilibus, hereditariis litteras aut immunimenta non habentes, sufficienti tamen fidedignorum testimonio probauerint, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae, Vitoudi vel Sigismundi aut diui Casimiri parentis nostri, si vel suos legitimos parentes

aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde, acsi certas literas aut munimenta haberent super eisdem.

(§ 6). Item si quis obloquendo accusauerit quempiam ad infamiam aut capitis diminutionem nec probauerit, punietur poena talionis, acsi se inscripsisset ad eandem.

(§ 7). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis antiquis seruandis aut nouis condendis, promulgandisque et plurimis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostra, nonnisi cum matura deliberacione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae tractabimus et disponemus.

Nos itaque Sigismundus magnus dux petitionibus praefatorum praelatorum, status vtriusque consiliariorum et subditorum nostrorum tanquam iustis, fauorabiliter annuentes, dignum duximus in ipsos oculos pietatis nostrae aperire, et eis hanc, quam actu et opere veluti atletae fideles in nos exhibuerunt synceritatem et constantiam gratitudine nostra, vt decet, compensare. Vnde ex certa nostra scientia, praehabitaque sufficienti deliberatione, animo beneuolo et voluntate nostra vltronea, ipsis praelatis, baronibus, dignitariis, militibus, proceribus, nobilibus, ciuitatibus et eorundem communitatibus, ceterisque subditis et incolis terrarum magni ducatus nostri Lituaniae, cuiuscunque status condicionisque existant, omnia ipsorum iura et priuilegia tam ecclesiastica, quam saecularia, quae a diuae memoriae regibus et magnis ducibus et ab olim genitore nostro Casimiro et fratre nostro Alexandro praedecessoribus nostris, super quibuscunque bonis et libertatibus habere dinoscuntur et habent, sub quibuscunque datis et characteribus, Latinis et Rutenis, in vita ipsorum donationes et libertates in se continentes, iuste, licite et legitime emanata, data et concessa, quae perinde esse ac valere volumus, tanquam his nostris de verbo ad verbum inserta essent literis, ac articulos superius insertos, quos in verbo nostro ducali et sub iuramento corporali ad sancta Dei euangelia praestito, tenere et obseruare promisimus, prout et praesentibus promittimus ac spondemus, in omnibus eorum punctis, clausulis, positionibus, capitulis, conditionibus et articulis, de gratia, virtute ac munificentia nostris duximus confirmandum, approbandum et roborandum, prout confirmamus, approbamus et praesentis scripti patrocinio roboramus, decernentes ea et eos robur habere perpetuae firmitatis, tenore praesentium mediante in aeuum. In cuius rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subappensum. Actum et datum in Grodno, feria secunda in vigilia Conceptionis beatissimae virginis Mariae, anno Domini millesimo quingentesimo sexto. Praesentibus ibidem reuerendo patre et magnificis, generosis ac nobilibus: Alberto episcopo Vilnensi, Nicolao Nicolai Radziwilowicz, palatino Trocensi, duce Alexandro Iurgiewic castellano Vilnensi, Ioanne Zabrzezinski marsalco magni ducatus Lituaniae generali, Stanislao Ianowic castellano Trocensi et capitaneo terrae Samogitiae etc. Iwan Iwonic duce Hlinski, palatino Kijouiensi, Stanislao Ianowic Zabrzezinski, tenutario in Merecz, Alberto Narbutowic, tenutario in Iaswony et Georgio Ilginicz marsalcis nostris ac aliis quam plurimis consiliariis nostris

syncere et fidelibus dilectis, testibus circa praemissa. Per manus venerabilis Nicolai de Zukowo, praepositi Sredensis et canonici Vilnensis, secretarii nostri, qui praesentia a nobis habuit in commissis.

(VI). Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque dominus et heres etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quoniam vacante in praesentia palatinatu Trocensi per magnifici Alberti Martini Gastold, eius immediati possessoris, ad palatinatum Vilnensem, vacantem per mortem olim Nicolai secundi Radziwił exaltationem, licet hunc ipsum palatinatum Trocensem nulli Ruteno atque schismatico iuxta dispositionem priuilegii terrestris huius Magni Ducatus nostri, per diuos olim Wladislaum regem Poloniae, auum nostrum, et Alexandrum Vitoudum, magnum ducem Lituaniae, concessi et confecti, conferre debuerimus, sed duntaxat aliquem ex subditis nostris Romanae et catholicae fidei ad eundem palatinatum ceu ad alias dignitates eligere deberemus, quod etiam consiliariis nostris in felici exaltatione nostra ad magnum ducatum paternum et hereditarium nostrum facere promisimus, quia tamen modo praedictum palatinatum Trocensem magnifico Constantino duci Ostrouiensi, castellano Vilnensi et supremo eiusdem magni ducatus nostri exercituum capitaneo, Ruteno, certis de caussis legitimis, ad id nos permouentibus, contulimus dedimusque, cum fidelia eius merita contra hostes nostros Moschos et Tartaros, pluries et frequentius pugnando, in nos et hanc rempublicam exhibita animaduertimus, tum votis et intercessionibus consiliariorum vtriusque dominij nostri, praesertim vero huius Magni Ducatus, qui nos etiam a promissione nostra priuilegiali liberos, absolutosque dimiserunt et quoad personam duntaxat ipsius ducis Constantini eiusmodi condicionem relaxarunt, eo etiam attento, quod prius dignitati castellanatus Vilnensis fuit ordinatus, idcirco nos praesentibus literis nostris promittimus verbo nostro regio et spondemus, quia eiusmodi collatio nostra modo de palatinatu Trocensi et prius de castellanatu Vilnensi Ruteno de singulari gratia et ob singularia eius de nobis ac republica merita amplius priuilegio terrestri communi praeiudicari minime debet, sic quia et nos et successores nostri magni duces Lituaniae, deinceps futuris temporibus perpetuis non debebimus neque debebunt eiusmodi dignitates atque officia cuicunque Ruteno dare atque conferre, absque consilio maiorum consiliariorum, sed duntaxat Lituanis catholicae et Romanae fidei eaedem dignitates conferri debent, tenore praesentium mediante in perpetuum. Harum quibus sigillum nostrum est subappensum testimonio litterarum. Actum et datum Grodnae in conuentu generali feria tertia in die Annuntiationis gloriosissimae virginis Mariae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni nostri anno sedecimo. Praesentibus: reuerendis in Christo patribus dominis Ioanne ex ducibus Lituaniae Vilnensi, Nicolao Mednicensi, Ioanne Kijouiensi episcopis, necnon magnificis et generosis praefatis Alberto Martini Gastoldo, palatino Vilnensi et capitaneo Mozirensi, duce Ostrowski Constantino palatino Trocensi et supremo exercituum atque Luceoriensi capitaneo, Andrea Niemirowic pala-

tino Kijouiensi, Ioanne Nicolai Radziwil magno marsalco magni ducatus Lituaniae et Drohiciensi ac Slonimensi capitaneo, Petro Stanislai de Cziechanowiec palatino Polocensi, Georgio Nicolai Radziwil capitaneo Grodnensi, Georgio Hlinicz marsalco curiae nostrae et capitaneo Brzestensi ac Pincensi et aliis quam plurimis consiliaris et aulicis nostris syncere et fidelibus dilectis. Datum per manus reurendi patris domini Laurentii Miedzilieszki, episcopi Camenecensis et praepositi Vilnensis, qui praesentia ex commissione sacrae Maiestatis regiae scripsit. Sigismundus rex sst.

(VII). Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, totiusque Prussiae, Samogitiae ac Masouiae etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quia licet in praesentiarum habentes respectum ad benemerita et fidelia consilia nobis et reipublicae Magni ducatus nostri per Albertum Martini Gasztold, heredem in murata *Gieranoiny,* palatinum Trocensem exhiberi solita, dederimus sibi palatinatum Vilnensem, per mortem et obitum magnifici olim Nicolai Radziwil eius immediati possessoris vacantem, licetque ipse dominus Gasztoldus ex eiusmodi dignitate sua palatinatus Vilnensis, primum ac immediatum locum debet habere mox penes dominos episcopos Magni Ducatus nostri, vti est ex antiqua consuetudine obseruatum, tamen non minus ad vota nostra, quam ex speciali beneuolentia et obsernantia eiusdem domini Gastoldi erga magnificum ducem Constantinum Ostrowski, cui etiam in praesentiarum palatinatum Trocensem pro benemeritis suis contulimus, ipse Gastoldus palatinus Vilnensis condescendit de eodem primo loco suo eidem domino duci Constantino vita eius duntaxat durante, qui tamen locus per alios futuros palatinos Trocenses, pro tempore existentes, morte eiusdem ducis Constantini interueniente, nullatenus vsurpari debet, sed suum locum quilibet alius palatinus Trocensis antehac consuetum, et similiter eiusdem ducis Constantini legitimi successores, inter duces etiam consuetum locum tenere debebunt. Nunc autem idem dominus palatinus Vilnensis ex mera sua voluntate penes ipsum dominum Constantinum ducem habiturus est locum inferiorem eo, et est sessurus immediate sub eo; dux vero Constantinus sub dominis episcopis in loco palatini Vilnensis. Post mortem autem ducis Constantini moderni vti palatini Trocensis, palatinus Vilnensis tam modernus, quam alij vniuersi sessuri sunt in primo loco suo, vti paemissimus, immediate post dominos episcopos. Ceteri autem dignitarii et officiales, consiliarii nostri, obtinebunt loca sua iuxta antiquam consuetudinem et obseruantiam in perpetuum, tenore praesentium mediante. Harum quibus sigillum Magni ducatus nostri Lituaniae est subappensum testimonio litterarum. Actum in conuentione generali Grodnensi feria secunda festi sancti Petri in cathedra, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni vero nostri anno sedecimo. Praesentibus ibidem reuerendissimis in Christo patribus, dominis: Ioanne ex ducibus Vilnensi, Paulo Luceoriensi et Nicolao Samogitiae episcopis, necnon magnificis et generosis praefatis: Alberto Martini Gastold, palatino Vilnensi, Constantino duce Ostrouiensi, palatino Trocensi et supremo exercituum magni duca-

tus Lituaniae capitaneo, Georgio Radziuil castellano Vilnensi et capitaneo Drohiciensi, Georgio Hlinicz curiae nostrae marsalco et Brzestensi, Cownensi ac Lidensi capitaneo, et Niemira Hrimalic capitaneo Mielnicensi et Mathia Woicziechowic tenutario in Volkouisko, marsalcis nostris, et aliis quam plurimis testibus ad praemissa, syncere et fidelibus dilectis. Datum per manus reuerendi in Christo patris, domini Laurentii episcopi Camenecensis, praepositi et canonici Vilnensis, syncere nobis dilecti, qui praemissa habuit a nobis in commissis. Sigismundus rex sst.

(VIII). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile ex hominum labuntur memoria et obliuionis abducuntur calignie, nisi litterarum ministerio ac munimentis posteritatis prodita relictaque fuerint notitiae, ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quia nos intentius reuoluentes singularem et intemeratam erga nos fidei constantiam indefessae virtutis reuerendorum, illustrium, magnificorum, generosorum, strenuorum plaelatorum, ducum, baronum, procerum, militum, nobiliumque seu boiarorum, subditorumque nostrorum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui nobis, postquam solium ipsius magni ducatus Lituaniae nostrum paternum, auitum feliciter conscendimus, semper ut domino suo vero, legitimo et natiuo gratos se et beneuolos exhibuerunt, necnon alacri et propenso obsequiorum suorum studio et insignibus virtutum suarum gestis saepius sese animose et viriliter contra insultus et impetus hostium nostrorum pro tutandis dominiis nostris non sine grandibus sumptibus suis, laboribus arduis atque vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis et triumphis speciosis nomen nostrum decoratum est, optime de nobis et copiose meruerunt, feruentiorique sinceritatis suae erga nos et filium nostrum, praeclarum principem Sigismundum Augustum affectu ducti et voluntati nostrae beneuole et alacriter obsequendo, ipsum filium nostrum dominum Sigismundum Augustum sibi in dominum et magnum ducem vnanimis et concordibus votis elegerunt, et ad solium magni ducatus Lituaniae stemmate eo vitae nostrae periodo completo functurum cum celebritate et ceremonijs solitis euexerunt et sublimarunt. Horum itaque intuitu et contemplacione benemeritorum et gratitudinum, quae munificentiae nostrae dona merentur non indigne, volentes ut tam propensae beneuolentiae et fidei eorum erga nos et filium nostrum affectus, dignis pro nostrae regiae et ducalis celsitudinis virtute et celebritate compensentur gratiae et munificientiae nostrae praemiis et muneribus, supplicationi eorum benigne et gratiose annuentes, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura tam publica, quam priuata videlicet priuilegia et quaslibet literas, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso Magno Ducatui ipsi, quam etiam priuatim et specialiter quibuscunque locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conuentualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus,

nobilibus, boiarisque, terrarum ipsius magni ducatus Lituaniae incolis, sub quibuscunque verborum tenoribus, quae eis dudum a nobis circa nostram ad ipsius magni ducatus Lituaniae solium sublimationem, et quae ante temporibus antiquis a serenissimis ac illustrissimis dominis Wladislao, Alexandro alias Vitoudo, Sigismundo, Casimiro et Alexandro secundo, regibus et magnis ducibus praedecessoribus ac progenitoribus, genitore et fratre nostris carissimis, datae sunt et concessae, in omnibus eorum tenoribus, sententiis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro insertis, expressis et specifice descriptis et perinde acsi de verbo ad verbum praesentibus insertae essent, habentes et haberi volentes ac decernentes, innouandum, approbandum, ratificandum et confirmandum duximus, per praesentesque innouamus, approbamus, ratificamus et confirmamus, necnon sub onere iuramenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus et spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas nostras et praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouatas, ratificatas ac confirmatas, in omnibus earum articulis et punctis firmiter, integre et inuiolabiter tenebimus et obseruabimus, quodque et filius noster Sigismundus Augustus magnus dux praedictus, ea ipsa iura, priuilegia ac literas tam nostras, quam praedecessorum nostrorum etiam firmiter, integre et illibate atque inuiolabiliter temporibus perpetuis tenebit et obseruabit, nec quouismodo eis contraueniet, necnon iuramento etiam suo corporali et literis suis specialibus postquam ad aetatem suam legitimam peruenerit, ea omnia approbabit et confirmabit, quod eum facturum omnino promittimus, et sub onere iuramenti nostri et conscientia eius obligatum eum esse volumus. E diuerso vero ipsi praelati, duces, barones, nobiles, boiarique, quibus huiusmodi libertates, immunitates et priuilegia concessa sunt, nuncque innouata et confirmata, nunquam nos Sigismundum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, et filium nostrum supradictum et successores eius, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et filio nostro praedicto, successoribusque eius obedient et abherebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. Harum quibus sigillum nostrum est subappensum tessimonio litterarum. Datum Vilnae feria secunda ipso die sancti Lucae euangelistae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praesentibus reuerendis in Christo patribus, magnificisque dominis: Ioanne Vilnensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi episcopis, duce Constantino de Ostrow, palatino Trocensi, capitaneoque generali exercituum nostrorum, Alberto Gastold de murata Gieranoiny, palatino Vilnensi, cancellarioque nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, marsalco curiae nostrae, Ioanne Zabrzezinski marsalco terrestri et Nouogrodensi, Perto de Czechanowiecz Polocensi, Ioanne Chlebowicz Vitebscensi palatinis, aliisque quam plurimis consiliariis nostris, sincere nobis dilectis. Sigismundus rex sst.

(IX). In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Cum rebus tempora vetustatem afferant, quae numero annorum admirabiliores et sanctiores habentur, eas ne vlla vnquam obscurare possit obliuio, et praesertim,

quae a regibus et principibus ad communem subditorum vtilitatem fiunt, par est, ut literarum munimentis sempiternae memoriae mandentur, quarum adminiculo ab interitu vindicantur et immortales fiant. Proinde nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae et magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque dominus et heres etc. Notum facimus vniuersis praesentibus et futuris, in quorum cognitione praesentium literarum series non erit aliena, ex quo hactenus in ducatu nostro Lituaniae nullis legum statutis, literis deformatis iudicia fiebant, alias iustitia sola consuetudine et iuxta vniuscuiusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout vnicuique iudicanti iustius ac rectius vel etiam corruptius videbatur, propter quod multae oriebantur quaerelae ab his, a quibus non rectum accipiebatur iudicium, et nos huiusmodi querelis et prouocationibus saepius ac saepius propter varietatem iudiciorum ex fauore, odio, largitione vel amore prodeuntium impulsabamur, idcirco nos ad instantes totius nobilitatis supplicationes tum etiam miserati et tam crebris eorum querelis permoti, cupientes ut sub felici regimine nostro omnes et singuli nobiles ad vnum ius et vnanimem iudiciorum formulam redigantur, quo meliori ordine iustitia aequalis vnicuique ministretur, pax formidine scriptae legis augeatur, reproborum, nequitia compescatur et in maiori tranquillitate ac concordia iustitiaque status totius reipublicae magni ducatus nostri conseruetur, de vnanimi consilio et consensu vniuersorum consiliariorum nostrorum tam spiritalium, quam saecularium, nobiscum in praesenti conuentione congregatorum, pariterque baronum, procerum, et totius nobilitatis assensu, attenta etiam erga nos et illustrissimum filium nostrum Sigismundum Augustum minorennem constanti fidelitate, quem vnanimi voto in heredem et magnum ducem, feliciter post nos dominaturum, vti aequum erat, receperunt, eique fidelitatis et subiectionis iuramenta praestiterunt, quod bonum, felix, faustumque sit, eidem filio et Magno Ducatui nostris immo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decreuimus, omnibus et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeeminentia fulgentibus, vnum ius scriptum atque vuam legem snb constitutionibus et statutis certis in scripta redactis, communi deliberatione atque consilio vltro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae vnicuique sancitis, laudatis et omni voto approbatis, dicere, dare et largire in perpetuum. Quoquidem iure omnes et singuli palatinatus, terrae et districtus, quique terrigenae et indigenae possessiones et hereditates siue ecclesiasticas siue saeculares in magno ducatu nostro habentes, videlicet domini episcopi et eorum capitula, caeterique spirituales, item palatini, castellani, consiliarii nostri, item duces, barones, proceres, patricii et vniuersi nobiles et indigenae magni ducatus nostri Lituaniae, quacunque, vti praemissum est, dignitate, praeeminentia, statu, sexu et ordine praefulgentes, eiusmodi statutis et constitutionibus in scripta redactis, more huius patriae iudicari omnino debent, aeque pauperi et diuiti, aperto libro et perlecto statuto, ad caussam, pro qua orietur lis et controuersia spectante, iustitiam ministrando, omnibus amputatis ambagibus et sumptuosis dilationibus, tenore praesentium mediante in perpetuum. Vt autem

vnusquisque intelligat, nos ea in re functos esse boni principis officio et debito, quo celerius praemissa instituta a nobis gratiose subditis nostris concessa, executioni demandentur, utque ad noticiam singulorum haec ipsa statuta nostra deueniant, iussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis. In cuius rei testimonium sigillum Maiestatis nostrae magni ducatus Lituaniae praesentibus est subappensum. Actum Vilnae in conuentione generali, sabbato in die s. Nicolai, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo secundo, regni vero nostri anno sedecimo. Praesentibus ibidem reuerendissimis in Christo patribus, dominis: Ioanne Vilnensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Ioanne Kijoviensi episcopis, necnon magnificis et generosis Alberto Martini Gasztold Vilnensi palatino et magni ducatus nostri cancellario, Constantino duce Ostrouiensi, palatino Trocensi et supremo exercituum Lituaniae capitaneo, Stanislao Ioannis castellano Vilnensi et capitaneo Samogitiae, Georgio Radziwil castellano Trocensi et capitaneo Grodnensi, Petro Stanislai de Czechanowiec, palatino Polocensi et capitaneo Drohiciensi, Ioanne Zabrzezinski palatino Nouogrodensi et supremo terrestri marsalco, Georgio Hlnicz curiae marsalco et Brestensi, Cownensi, Lidensique capitaneo, Ianussio Koscziewiec, palatino Podliaszensi et Ioanne Radziwil pincerna nostro, et aliis quam plurimis ad praemissa testibus fidedignis, sincere nobis dilectis. Sigismundus rex sst.

(X). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile ex hominum labuntur memoria et obliuionis obducuntur caligine, nisi literarum ministerio ac munimentis posteritatis prodita relictaque fuerint noticiae. Ad perpetuam proinde rei memoriam nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesencium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod nos intentius reuoluentes et recta rationis statera pensitantes singularem et intemeratam contra nos fidei integritatem, necnon constantiam indefessae virtutis reuerendorum, illustrium, magnificorum, generosorum, strenuorumque praelatorum, ducum, baronum, procerum, militum, nobiliumque seu boiarorum, subditorum nostrorum, terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui nobis, postquam solium ipsius magni ducatus Lituaniae nostrum paternum et auitum feliciter conscendimus, semper ut domino suo vero, legitimo et natitiuo gratos se et beneuolos exhibuerunt, necnon alacri et propenso obsequiorum suorum studio et insignibus virtutum suarum gestis saepius sese animose et viriliter contra insultus et impetus hostium nostrorum pro tutandis dominiis nostris non sine grandibus sumptibus suis, laboribusque arduis atque vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis atque triumphis speciosis nomen nostrum decoratum est, optime de nobis et copiose meruerunt, feruentiorique sinceritatis suae erga nos et filium nostrum praeclarum principem dominum Sigismundum Augustum affectu ducti, et voluntati nostrae beneuole et alacriter obsecundantes, ipsum filium nostrum dominum Sigismundum Augustum sibi in dominum et magnum ducem vnanimibus et concordibus votis elegerunt, et ad

solium magni ducatus Lituaniae stemmate eo vitae nostrae periodo completo functurum, cum celebritate et ceremoniis solitis euexerunt et sublimauerunt: horum itaque intuitu et contemplatione benemeritorum et gratitudinum, quae munificentiae nostrae dona merentur non indigne, volentes, vt tam propensae beneuolentiae et fidei eorum erga nos et filium nostrum affectus dignis pro nostrae regiae et ducalis celsitudinis virtute et liberalitate compensentur gratiae et munificentiae nostrae praemiis et muneribus, supplicationi eorum benigne et gratiose annuentes, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura et priuilegia, quae eis dudum a nobis circa nostram ad solium ipsius magni ducatus nostri sublimationem et aliis postea momentis et temporibus et quae ante ab aliis magnis ducibus, praedecessoribus nostris, antiquis temporibus sunt concessa, innouanda atque iterum approbanda et confirmanda, necnon denuo quaedam libertatibus, praerogatiuis, exemptionibusque et immunitatibus eorum de vberiori benignitate et liberalitate nostra adiicienda duximus, horum, qui sequuntur, articulorum sub tenore:

(§ 1). Inprimis promittimus, quod dominium nostrum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque, tam in corpore et amplitudine, limitibusque, quam etiam in statu, stemmateque et dignitate eius non diminuemus, neque diminui ac deprimi permittemus, sed prout antecessores nostri et signanter diuae olim memoriae dominus magnus dux Alexander alias Vitoudus tenuit et possedit, sic et nos eundem magnum ducatum in eius statu, dignitate et amplitudine ac limitibus pristinis sanum et incolumem possidebimus, conseruabimus et tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris dilatare et omnia in Magno Ducatu ipso quocunque modo alienata, e conuerso ad proprietatem magni ducatus ipsius, cum consilio et auxilio consiliariorum nostrorum et omnium baronum ac militum dominii eiusdem reducere et redigere studebimus, similiterque indigenas magni ducatus ipsius, praelatos, duces, barones, et nobiles in ipsorum statibus, dignitatibus et honoribus non minuemus, sed eos secundum exigentiam idoneitatis virtutum ac meritorum eorum promouebimus et sublimabimus, id ipsumque faciet filius noster praedictus, et tunc praecipue, dum ad solium regni Poloniae fuerit sublimatus, non omittendum id curabit.

(§ 2). Item omnes dationes, priuilegia, donationes et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum, conuentualium et parochialium in terris nostris magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum et fundandarum, volumus illaesas et inuiolatas conseruare, tueri ac protegere, iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, parochiales et alias supradictas tempore medio, dum eas per mortem vel resignationem contigerit vacare et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos pleno iure pertinere dinoscitur, tunc ipsis ecclesiis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidendum nec alium nec alios praesentare debemus, nisi magni ducatus nostri Lituaniae indigenam, si in idoneitate et morum probitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam ac congruam,

quae possit et prodesse et praeesse, et hoc cum consensu et consilio consiliariorum nostrorum spiritalium et saecularium, toties, quoties opus fuerit et oportunum, praesentare debebimus.

(§ 3). Item dignitates saeculares et officia, quemadmodum antiquitus a diuis olim praedecessoribus nostris, hic in magno ducatu Lituaniae ad instar regni Poloniae sunt instituta, in Vilna videlicet palatinatus et castellanatus Vilnensis, in Troki similiter, vel quae demum in aliis locis per nos vel successores nostros inssituentur, integre et in suo ordine conseruabimus et filius noster successoresque eius conseruabunt temporibus perpetuis. Quae quidem dignitates palatinatus, castellanatus nec non officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, nisi catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subiectis, nec etiam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria hic in Magno ducatu conferantur aduenis et alienigenis seu extraneis, sed magni ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bono reipublicae tractantur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae magni ducatus huius, quia saepe disparitas cultus et diuersitas nationum diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete obseruanda.

(§ 4). Item non debent officia et tenutae per nos sine consilio consiliariorum nostrorum a quoquam auferri; si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator bonorum nostrorum apud nos delatus fuerit, tunc vtraque pars debet coram nobis personaliter constitui, auditaque caussa, reus secundum demerita puniendus erit; sed absque culpa non debemus auferre nec diminuere officia, praesertim ea, quibus dignitates sunt adiunctae, sed possidebunt integre ad mortem eorum, quibus semel concessa fuerint, nisi forte quis officialium ipsorum in rempublicam deliquisse vel crimen laesae Maiestatis commisisse iuridice conuictus fuerit, tunc vna cum vita eius officium seu dignitas eius adimenda erit.

(§ 5). Item palatini, capitanei et tenutarii, villici, officiales et vniuersi vicesgerentes in Magno Ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac prouentibus officiorum suorum, et a praedecessoribus nostris, magnis ducibus Vitoudo, Sigismundo, genitore, germano nostris conseruabuntur ita et in ante ea perpetue manu teneantur et conseruentur, auctoritateque officiorum suorum et jurisdictione solita fruantur, census et prouentus consuetos integre percipient et exigent, velut ab antiquo prouentus ipsi percipiebantur, necnon ministeriales dirigent, et pro eorum fatigis, dictis vulgariter *proiezdi,* iuxta consuetudinem et statuta prouinciae ipsius solui facient.

(§ 6). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, palatini distcrictuum ipsorum Vilnensis et Trocensis tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum vel obsequiorum, et qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent, et eodem modo fiat et in aliis districtibus.

(§ 7). Item dignitates, tenutas et officia, quae in castris, ciuitatibus remotioribus et finitimis vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum

consiliariis nostris conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur ad id idoneus et magis valens; a prouisionibus autem ac donationibus seu collacionibus dignitatum spiritalium et saecularium necnon tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debemus postulare, neque etiam palatini et capitanei ab officialibus et tenutariis quidquam recipere aut exigere debent, nisi forte quis eorum nobis vel dignitariis ipsis pro honestate sua sponte aliquid offerendum duxerit.

(§ 8). Item quaecunque consilia et caussas cum consiliariis nostris magni ducatus Lituaniae determinabimus et statuemus et concludemus, ea cum nemine alio corrigere, immutare aut deordinare debemus; et quando aliqua negocia et consilia in consultatione cum consiliariis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placuerint, nos pro isto contra eos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et eorum vtilitate, istud nos suscipiemus et faciemus.

(§ 9). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis seruandis et nouis condendis, promulgandisque et aliis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostra, nonnisi cum matura deliberatione ac cum scitu, consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae, tractabimus et disponemus hic in magno ducatu Lituaniae, in conuentione generali, conuentionesque ipsae generales pro necessitate reipublicae a praelatis, baronibus et omnibus consiliariis magni ducatus nostri Lituaniae tempore pacis celebrabuntur in loco capitaliori, videlicet Vilnae. Vbi vero necessitas reipublicae pro temporum condicione alium conuentioni ipsi elegerint locum, tunc conuenietur illic, quo ipsis consiliariis commodius et competentius visum fuerit.

(§ 10). Item census teloneorum, tabernarum et alij ex poenis seu vndecunque nobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum; quiquidem census secundum consilia consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; absque necessitate vero reipublicae et sine vtilitate (s) ipsorum consiliariorum census ipsi per nos thesauro tolli et recipi et ex prouincia educi non debent.

(§ 11). Item inscriptiones pacis perpetuae, confoederationes, ligas et iuramenta, quae ab antiquo cum terris seu prouinciis ac principibus vicinis habemus, ea nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque redigere.

(§ 12). Item dum nuntios seu oratores mittemus in negotiis publici boni eiusdem magni ducatus nostri necessitate id exigente versus partes exteras, videlicet Moscoviam et ad ordas *Zauolska, Perekopska,* Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masouiae, Prussiam, Liuoniam, *Pskow,* magnum *Nouogrod, Twier* et *Rezan,* necnon versus alias quascunque prouincias, quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus nostri Lituaniae postulabit, faciemus id cum scitu et consilio ac consensu consiliariorum nostrorum et secundum consuetudinem antiquam.

(§ 13). Insuper promittimus, quod praedictos praelatos, duces, nobiles et barones non debemus ad alicuius hominis delationem seu accusationem,

publicam vel occultam, seu quamuis suspicionem sinistram castigare seu punire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico seruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum quantitatem et qualitatem.

(§ 14). Item pro crimine alterius nullus alter, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine seruato, conuictus iudicialiter et sententiatus puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine sui mariti, nec pater pro crimine filii et e conuerso, non maritus pro vxore, nec filius pro patre, aut frater pro fratre, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps fuerit criminis cum delinquente, criminibus laesae maiestatis duntaxat exceptis.

(§ 15). Item si quis obloquendo accusauerit quempiam ad infamiam aut capitis diminutionem, nec probauerit, talis punietur poena talionis, acsi se inscripserit ad eandem.

(§ 16). Item concedimus, ut praefati duces, barones, nobiles, boiarique supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris nostris magni ducatus Lituaniae, caussa vberioris fortunae adquirendae vel caussa studii aut actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras exteras, partibus duntaxat hostium nostrorum exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium, seruitia nostra non negligantur, sed debite et integre nobis et successoribus nostris, tanquam ipsi praesentes fuerint, toties, quoties necesse fuerit, exhibeantur et ministrentur.

(§ 17). Item promittimus, quod plebeios super nobiles non extollemus, sed conseruabimus nobilitatem in sua honestate. His autem libertatibus, gratiis et exemptionibus tantummodo illi barones et nobiles terrae Lituaniae vti et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere et ex antiquo nobiles.

(§ 18). Statuimus etiam et spondemus, quod nobiles magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae, nobis subiectos, ipsos seu bona eorum nemini ducum aut baronum dabimus nec successoribus nostris dare licebit.

(§ 19). Item concedimus, quod praefati duces, barones, nobiles, bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclaros diuae memoriae principes, dominos Alexandrum alias Vitoudum ac donationes per illustrissimum olim dominum Sigismundum donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de earum donatione priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti aut congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, prout duces, barones et nobiles regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos conuertendi facultatem, nostro tamen consensu speciali ad id accedente: ita, quod ipsa alienando, commutando vel donando, coram nobis vel nostris officialibus iuxta antiquam consuetudinem magni ducatus Lituaniae resignabunt.

(§ 20). Quicunque vero subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae super suis bonis immobilibus, hereditariis literas aut munimenta non habuerit, sufficienti tamen fidedignorum testimonio probauerit, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae Vitoudi vel Sigismundi, aut diui olim Casimiri parentis nostri se vel suos legitimos parentes aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde acsi certas literas ac munimenta haberent super eisdem.

(§ 21). Item post mortem patrum liberi masculi et faeminae bonis paternis et maternis hereditariis priuari non debent, sed ea ipsi et eorum successores legitimi pleno iure possidebunt; vxores vero ducum, procerum, nobilium ex hoc saeculo decendentium, permanebunt in bonis maritorum suorum iuxta statuta seu iura nouiter per nos Magno Ducatui huic nostro concessa. Similiter et ad secundas nuptias viduae conuolare volentes, gaudebunt statutis ipsis nouiter editis.

(§ 22). Item natas, cognatas et consanguineas suas, virgines aut viduas, ipsi duces, barones et nobiles possunt libere, nobis et successoribus nostris super hoc minime requisitis, tradere maritis, ritum tamen catholicum in talibus obseruando. Promittimusque, quod nullam virginem vel viduam coartabimus ad nubendum alicui inuitam contra voluntatem eius et amicorum eius. Si aliqua virgo vel vidua voluerit nubere ad aliquas partes extra magnum ducatum Lituaniae, tunc expeditione ac dote secundum statuta Magni Ducatus ipsius accepta, bona hereditaria propinquis suis hic relinquat, ad eaque se de cetero non intromittat.

(§ 23). Item viduae, quae remanserint in bonis hereditariis post mortem maritorum suorum, ad seruitia terrestria bellicasque expeditiones iuxta facultatem possessionum et laudum patriae erunt obligatae.

(§ 24). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius inuadiata seu impignerata non redimemus neque quisquam ea redimere debet in praeiudicium ipsorum consanguineorum vel propinquorum, sed solum modo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecuniis bona hereditaria obtinebit et possidebit.

(§ 25). Item omnes et singuli cmetones praefatorum ducum, baronum et boiarorum magni ducatus Lituaniae ab omni datione et solutione collectae siue exactione *sirepczizna* dictae, atque mensurarum, quae *dziakla* nuncupantur, et ab omni onere vectigalium, quae *podwodi* dicuntur, a ductioneque lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris et a faeni falcastratione et aliis minus iustis laboribus soluti sunt, liberi omnino et exempti, laboribus tamen ex antiquo debitis pro aedificatione castrorum denuo in locis solitis et antiquis oportunorum et pro antiquorum reformatione, exceptis ducum, baronum, nobilium et boiarorum cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter demptis; antiquas vero et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum in locis antiquis erectiones, veterum refectiones et viarum reformationes, illaesas reseruamus et volumus semper esse saluas. Licet autem cmetones ipsorum baronum et nobilium

a dandis *podwodis* nobis vel successoribus nostris sunt liberi et exempti, nihilominus tamen pro oratoribus, nuntiisque et cursoribus, tam nostris, quam etiam ad nos vndecunque venientibus, debent *podwode* ipse per eos, qui eas ex antiquo dare tenentur, et exnunc in futurum in numero solito dari et haberi semper parati, in custodiis, in locis solitis et consuetis.

(§ 26). Item quod nos officialesque nostri praefatorum ducum, baronum, nobilium terrarum nostrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae, homines tributarios, originarios, cmetones, mancipio obnoxios, cuiuscunque sexus fuerint aut conditionis exstiterint, non suscipiemus nec officiales nostri suscipere permittemus, et ipsi praefati duces, nobiles, boiari magni ducatus Lituaniae nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque condicionis et status exstiterint, non suscipiant per se nec per officiales suos suscipere quoquomodo praesumant.

(§ 27). Item super subditos praelatorum, ducum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales seu *dzieczkie* non dabimus, nec officiales nostri dare debent, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; quam si in certo termino eandem facere renuerit, extunc ministerialis noster vel nostrorum officialium est dirigendus, et reus, qui poenam meruit, illam domino suo et non alteri sit astrictus soluere, et ministeriali pro fatiga iuxta statuta prouinciae satisfacere tenebitur.

(§ 28). Item caussas pertinentes ad iudicium saeculare non permittemus iudicari in iudicio spiritali et e conuerso iura spiritalia seu caussas pertinentes ad ius spiritale, ad iudicium saeculare introducere seu euocare non permittemus, omniaque tenebimus more antiquo, sicut erat viuente olim diuo parente nostro.

(§ 29). Item quicunque in vita genitorum vel fratrum nostrorum super iuribus suis iustitiae ministrationem postulabant, illis volumus et debemus cum consiliariis nostris aequitatem facere omnimodam et celerem. A iure etiam nihil debemus accipere ab eis, similiter et consiliarii nostri, nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter iustitiam cuilibet noscere, facere et ministrare debent. Et si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel fama seu honoris derogatione coram nostram serenitatem venerint, omnibus iustitiam facere debemus; et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos. Et si in primo, secundo, tertioque termino in huiusmodi caussis finis non fuerit factus, vltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum consiliariis nostris faciemus.

(§ 30). In omnibus vero caussis et disceptationibus tam pro bonis hereditariis et fama et aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignati quattuor termini per annum; et si in quarto et finali termino non comparuerit, caussam amittat, sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet; excepto, quod aliqua partium seruitio nostro vel terrestri occupata vel retenta aut aegritudine impedita comparere non posset, in isto casu, ut nemini iniuria aut praeiudicium fiat, ad tempus opportunum tales caussas differendas esse volumus.

(§ 31). Item ordinauimus, quod ad districtus et tributarios nostros debemus mittere binos et binos consiliarios nostros singulis annis pro exigendis tributis et reliquiis, vulgariter *niedoimkow* seu *niedobirkow,* quibus quidem exactoribus obuentiones eos concernentes percipere licebit, ita etiam et seruitores eorum, sicut fuit ex antiquo temporibus diuorum olim praedecessorum nostrorum.

(§ 32). Et insuper omnia et singula ipsius magni ducatus Lituaniae iura tam publica, quam priuata, videlicet priuilegia et quaslibet litteras, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso Magno ducatui ipsi, quam etiam priuatim ac specialiter quibusqunque locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conuentualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus, nobilibus, boiaris, terrarumque ipsius magni ducatus Lituaniae incolis, sub quibusqunque verborum tenoribus per serennissimos et illustrissimos olim dominos Wladislaum, Alexandrum alias Vitoudum, Sigismundum, Casimirum et Alexandrum secundum, reges et magnos duces, praedecessores et progenitores, genitorem ac fratrem nostros carissimos, ac per nos ipsos datas et concessas, in omnibus earum tenoribus, sentenciis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro insertis, expresseque et specifice descriptis, et perinde acsi de verbo ad verbum insertae essent, praesentibus habentes et haberi volentes ac decernentes, innouamus, approbamus, ratificamus et confirmamus, necnon sub onere iuramenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus ac spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas tam nostras, quam praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouatas, ratificatas ac confirmatas, in omnibus eorum articulis et punctis firmiter, integre et inuiolabiliter tenebimus et obseruabimus, quinque et filius noster dominus Sigismundus Augustus Magnus dux praedictus, ea ipsa iura, priuilegia ac litteras nostras et praedecessorum nostrorum etiam firmiter, integre et illibate atque inuiolabiter temporibus perpetuis tenebit et obseruabit, nec quouismodo eis contraueniet, necnon iuramento suo etiam corporali et literis suis specialibus, postquam ad aetatem suam vltimam (s) peruenerit, ea omnia approbabit et confirmabit, quod eum facturum omnino promittimus, et sub onere iuramenti nostri et conscientia eius obligatum eum esse volumus. E diuerso vero ipsi praelati, duces, barones, nobiles boiarique, quibus huiusmodi libertates, imnunitatesque et priuilegia concessa sunt, nuncque innouata et confirmata, nunquam nos Sigismundum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, et filium nostrum supradictum et successores eius, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et filio nostro praedicto successoribusque eius obedient et adherebunt, consiliisque et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. Harum quibus sigillum nostrum est appensum testimonio literarum. Actum et datum Vilnae in conuentione generali feria secunda ipso die sancti Lucae euangelistae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praesentibus reuerendis in Christo patribus et magnificis dominis: Ioanne Vil-

nensi, Paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi episcopis, Alberto Gastold de murata Gieranoiny, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, capitaneo Grodnensi, Constantino Iwanowic duce de Ostrow, palatino Trocensi et capitaneo generali exercituum nostrorum, Stanislao Stanislai de Croze, castellano Trocensi capitaneo Samogitiae, Ioanne Ioannis de Zabrzezie marsalco terrestri, palatino Nowogrodensi, Andrea Iacobi Niemierz de Wssieliub, Kiiouensi, Petro Stanislai de Czechanowiec Polocensi, Ioanne Georgii Chlebowic de Sielcze Vitepscensi, Iwano Sapiha Podliaszensi palatinis, Alexandro Iwani Chotkiewic de Borestewicza, Bohusio Bohowitinowicz thesaurario terrestri et Slonimensi, Georgio Georgii Zienowic de Smorgony Mscislauiensi, Iwano Michalowic Pinensi capitaneis, Ioanne Nicolai Radziwil de Musniki pincerna, Gregorio Gregorii incisore seu praegustatore, Vasilo Bohdanowic magistro agasonum, Iwano Andrzeiowic de Poczepow, thesaurario curiae, Niemiera Grzymala de Ostromeczino, Alexandro Soltanowic de Poczepow, Mathia Alberti Kloczko de Pietuchowo, Ioanne Steczko de Holubliga, marsalcis aliisque dignitariis et officialibus, consiliariis nostris, sincere et fidelibus nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Alberti Gastold palatini et cancellarii nostri.

(XI). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis aguntur, facile ex hominum excedunt memoria et obliuionis obducuntur caligine, nisi literarum ministerio et munimentis posteritatis prodita fuerint memoriae. Ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod constituti coram nobis personaliter praelati, barones, proceresque magni ducatus nostri Lituaniae, exhibuerunt in medium priuilegium nostrum terrestre originale, a diuis olim principibus dominis Wladislao alias Iagiellone rege et Alexandro alias Vitoudo, magno duce, auis et praedecessoribus nostris pie recolendis, simul et sub vno eodemque contextu ab vtroque eorum ipsis praelatis, baronibus, proceribus et nobilibus magni ducatus nostri Lituaniae de et super libertatibus, praerogatiuis et immunitatibus eorum concessum, sigillis principum ipsorum veris maioribus, in zonis sericeis appensis, communitum, saluum et in nulla sui parte suspectum, nisi vetustate atque tractatione frequenti et minus curiose attritum, ita, quod cutis ipsa pargamenea propter sui tenuitatem et vetustatem sigillorum a se dependentium, grauitatem diutius a se detineri videbatur non posse, et eapropter ipsi praelati, barones et proceres cauentes, ne quid detrimenti obscuritatis et ambiguitatis iuribus, libertatibus, immunitatibus eorum, in eo ipso priuilegio descriptis, afferat vetustas, supplicarunt nobis, ut eis de remedio in hoc opportuno prouidere, priuilegiumque ipsum vetustum innouare, approbare iterum et confirmare atque nostris nouis inserere literis dignaremur. Cuius quidem priuilegii vetusti tenor est is, qui sequitur.

In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam etc. Затѣмъ слѣдуетъ Городельскій привилей въ сокращенномъ видѣ.

Nos itaque Sigismundus rex et magnus dux priuilegio praeinserto viso, lecto et auscultato, petitioni praelatorum, baronum et procerum, subditorum nostrorum praedictorum, veluti iuste et rationabili, benigne annuentes, priuilegium huiusmodi praeinsertum, propter vetustatem eius innouandum et iterum approbandum et confirmandum duximus, innouamusque, approbamus et confirmamus, decernimusque, ut priuilegii ipsius vetusti exemplum praesentibus vt praemittitur insertum, perinde acsi ipsummet originale in medium exhibeatur, valeat et ei stetur, habeatque robur debitum et sufficiens perpetuo et in aeuum. Harum quibus sigillum nostrum est subappensum testimonio litterarum. Actum et datum Vilnae in conuentione generali, feria quarta in vigilia sanctorum apostolorum Simonis et Iudae, anno Domini millesimo quingentesimo vigesimo nono. Praesentibus reuerendis in Chisto patribus et magnificis dominis: Ioanne Vilnensi, paulo Luceoriensi, Nicolao Mednicensi et Nicolao Kiiouensi episcopis, Alberto Gastold de murata Gieronony, palatino Vilnensi et cancellario nostro, Georgio Radziwil castellano Vilnensi, capitaneo Grodnensi, Constantino Iwanowic duce de Ostrow palatino Trocensi et capitaneo generali exercituum nostrorum, Stanislao Stanislai de Croze castellano Trocensi, capitaneo Samogitiensi, Ioanne Ioannis de Zabrzezie marsalco nostro, palatino Nouogrodensi, Andrea Iacobi Niemier de Wsieliub Kiiouensi, Petro Stanislai de Cziechonowiecz Polocensi, Ioanne Georgii Chlebowic de Sielcze Witebscensi, Iwano Sapiha Podlascensi palatinis, Alexandro Iwani Chotkiewicz de Berestowicze, Bohusio Bohutinowic thesaurario terrestri et Slonimensi, Georgio Zienowic de Smorgonie Mscislauiensi, Iwano Michalowic Pinensi capitaneis, Ioanne Nicolai Radziwil de Musniki pincerna, Georgio Gregorii incisore seu praegustatore, Vasilio Bohdanowic magistro agasonum, Iwano Andrzeiowic de Poczepow thesaurario curiae, Niemiera Grzimala de Ostromieczino, Alexandro Soltanowicz de Poczepow, Mathia Alberti Kloczko de Pietuchowo, Ioanne Steczko de Holubla, marsalcis, aliisque dignitariis et officialibus, consiliariis nostris, sincere et fideliter nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Alberti Gastold palatini et cancellarii nostri.

(XII). In nomine Domini amen. Quoniam ea, quae in humanis geruntur, facile a hominum labuntur memoria, nisi litterarum ministerio posteris prodita fuerint memoriae, ad perpetuam proinde rei memoriam, nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiaeque etc. dominus et heres, significamus tenore praesentium, quibus expedit, vniuersis et singulis, praesentibus et futuris, harum noticiam habituris, quod nos intentius reuoluentes et recta rationis statera pensitantes singularem et intemeratam erga nos et praedecessores nostros fidei integritatem, indefessamque virtutis constantiam reuerendorum, illustrium magnificorum, generosorum, strenuorumque praelatorum, ducum, baronum, procerumque, militum, nobilium seu boiarorum, subditorum nostrorum terrarum magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiaeque incolarum, qui propensiore etiam et feruentiore sinceritatis suae affectu ducti, nos iam inde a tenera aetate nostra velut ligitimum natiuum dominum suum ad principatum et

solium Magni Ducatus ipsius vnanimis et concordibus votis euexerunt atque sublimarunt, et semper se ad obsequia nostra alacres praestare consueuerunt, saepius sese animose et viriliter contra impetus hostium pro tutandis dominiis nostris non sine grandibus sumptibus suis laboribusque ac vitae discriminibus opponendo, vnde victoriis ac triumphis speciosis nomen progenitorum nostrorum et nostrum decoratum est: horum itaque intuitu benemeritorum, volentes, ut ea dignis gratiae et munificentiae nostrae compensentur praemiis, supplicationi eorum ipsorum subditorum nostrorum praedictorum benigne annuentes, nunc postquam videlicet perfectae aetatis annos adepti, reali iam et actuali Magni Ducatus ipsius fungimur administratione, regimine et dominio, de certa scientia et gratia nostra omnia et singula eorum iura et priuilegia a praedecessoribus nostris concessa, necnon libertates, praerogatiuas, exemptiones ac immunitates eorum omnes innouandum, approbandum et confirmandum atque denuo etiam concedendum duximus, horum, qui sequuntur, articulorum sub tenore:

(§ 1). Inprimis promittimus, quod dominium hoc magni ducatus nostri Lituaniae, Russiae, Samogitiae tam in corpore et amplitudine, limitibusque, quam etiam in statu, stemmate et dignitate eius non diminuemus, neque diminui ac deprimi permittemus, sed prout antecessores nostri et signanter diuae olim memoriae dominus magnus dux Alexander alias Vitoudus tenuit et possedit, sic et nos eundem magnum ducatum in eius statu, dignitate, stemmate et amplitudine ac limitibus pristinis solidum ac integrum possidebimus, conseruabimus ac tuebimur, atque cum Dei auxilio pro cunctis viribus nostris ampliare, et omnia a Magno Ducatu ipso quoqunque modo alienata e conuerso ad proprietatem Magni Ducatus ipsius cum consilio et auxilio consiliariorum nostrorum ac omnium baronum ac militum dominij eiusdem reducere et redigere studebimus.

(§ 2). Similiterque indigenas magni ducatus ipsius, praelatos, duces, barones et nobiles in ipsorum statibus, dignitatibus et honoribus non minuemus, sed eos secundum exigentiam idoneitatis, virtutum atque meritorum eorum promouebimus atque sublimabimus, et tunc praecipue, postquam regimen regni Poloniae assecuti fuerimus, id omnino non ommittendum curabimus.

(§ 3). Item omnes donationes, priuilegia, dationes et immunitates ecclesiarum cathedralium, collegiatarum, conuentualiumque et parochialium in terris nostris magni ducatus nostri Lituaniae, Russiae, Samogitiae erectarum et erigendarum, fundatarum atque fundandarum, volumus illaesas atque inuiolatas conseruare, tueri ac protegere iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales, collegiatas, parochiales et alias supradictas tempore medio, dum eas per mortem vel resignationem contigerit vacare et pastore carere, quarum ius patronatus ad nos pleno iure dinoscitur pertinere, tunc ipsis ecclesiis de alio vel aliis pastore vel pastoribus prouidentes, non alium nec alios praesentare debemus, nisi magni ducatus Lituaniae nostri indigenam, si in idoneitate et morum probitate fuerit compertus; sin autem, tunc alterius nationis personam vtilem et honestam

ac congruam, quae possit et prodesse et praeesse, et hoc cum consensu et consilio consiliariorum nostrorum spiritalium et saecularium toties, quoties opus fuerit et oportunum, praesentare debemus.

(§ 4). Item dignitates saeculares et officia, quemadmodum antiquitus a diuis olim praedecessoribus nostris, hic in Magno Ducatu ad instar regni Poloniae sunt instituta, in Vilna scilicet palatinatus et castellanatus Vilnensis et in Troki similiter, vel quae demum in aliis locis per nos aut successores nostros instituentur, integra in suo ordine conseruabimus temporibus perpetuis. Quaequidem dignitates, palatinatus, castellanatus necnon officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, nisi catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subiectis; nec etiam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria in Magno Ducatu conferantur aduenis et alienigenis seu extraneis, sed Magni Ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bono reipublicae tractatur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae Magni Ducatus ipsius, quia saepe disparitas cultus et diuersitas rationum diuersitatem inducit animorum et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete obseruanda.

(§ 5). Item non debent officia et tenutae per nos sine consilio consiliariorum nostrorum a quoquam auferri; si quis autem officialium tanquam dissipator et damnificator bonorum nostrorum apud nos delatus fuerit, tunc vtraque pars duntaxat coram nobis personaliter constitui debet, auditaque caussa reus secundum demerita puniendus erit; sed absque culpa non debent auferri nec diminui officia, praesertim ea, quibus dignitates sunt adiunctae, sed possidebunt integre ad mortem eorum, quibus semel concessa fuerunt, nisi forte quis officialium ipsorum in rempublicam deliquisse et crimen laesae maiestatis commisisse iuridice conuictus fuerit, tunc vna cum vita eius officium seu dignitas adimenda erit.

(§ 6). Item palatini, capitanei et tenutarii, villici, officiales et vigesgerentes in magno ducatu nostro in primeua honestate et prouisionibus ac prouentibus officiorum suorum, ut a praedecessoribus nostris magnis ducibus Vitoudo, Sigismundo et a progenitoribus nostris conseruabantur, ita et in antea manu teneantur perpetue et conseruentur, auctoritateque officiorum suorum ac iurisdictione solita fruantur. Census et prouentus consuetos integre percipient et exigent, velut ab antiquo prouentus ipsi percipiebantur, nec non ministeriales dirigent, et pro eorum fatigis, dictis vulgariter *proieszdi,* iuxta consuetudinem et statuta prouinciae ipsius solui facient.

(§ 7). Item mortem obeunte tenutario aut villico quocunque in Vilnensi aut Trocensi districtibus, palatini districtuum ipsorum Vilnensis et Trocensis tenutas a nobis secundum exigentiam meritorum et obsequiorum, vel qui etiam nobis videbuntur idonei, illis petant seu impetrent; eodem modo fiat in aliis districtibus.

(§ 8). Item dignitates, tenutas et officia, quae in castris et ciuitatibus remotioribus et finitimis vacauerint et aperientur, habita deliberatione cum consiliariis nostris conferemus secundum promerita, vel qui nobis videbitur

ad id idoneus et magis valens. A prouisionibus autem et donationibus seu collationibus dignitatum spiritalium et saecularium necnon tenutarum et officiorum quorumcunque nihil debemus postulare, neque etiam palatini et capitanei et ab officialibus et tenutariis quidquam recipere aut exigere debent, nisi forte quis eorum nobis vel dignitariis ipsis pro honestate sua sponte aliquid offerendum duxerit.

(§ 9). Item quaecunque consilia et caussas cum consiliariis nostris magni ducatus Lituaniae determinabimus et statuemus atque concludemus, ea cum nemine alio infringere, immutare aut deordinare debemus; et quando aliqua consilia et negotia in consultatione cum consiliariis nostris tractanda euenerint et ipsis dominis non placuerint, nos pro eo contra ipsos commoueri non debemus, sed quaecunque nobis consulent pro nostra et communi vtilitate, istud nos suscipiemus et faciemus.

(§ 10). Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis seruandis et nouis condendis promulgandisque et aliis, quae erunt ordinanda pro communi vtilitate reipublicae ac nostrae, non nisi cum matura deliberatione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum nostrorum magni ducatus Lituaniae tractabimus et disponemus hic in magno ducatu Lituaniae in conuentione generali. Conuentionesque ipsae generales pro necessitate reipublicae a praelatis, baronibus et omnibus consiliariis magni ducatus nostri Lituaniae tempore pacis celebrabuntur in loco capitaliori, videlicet Vilnae; vbi vero necessitas reipublicae pro temporum condicione alium conuentioni ipsi elegerint locum, tunc conuenient illic, quo ipsis consiliariis commodius et competentius visum fuerit.

(§ 11). Item census teloneorum, tabernarum et alii ex poenis seu vndecunque nobis prouenientes, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum, quiquidem census secundum consilia consiliariorum nostrorum pro communi vtilitate terrestri debent conuerti; absque necessitate vero reipublicae et sine vtilitate (s) ipsorum consiliariorum census ipsi per nos de thesauro tolli et recipi et ex prouincia educi non debent.

(§ 12). Item inscriptiones pacis perpetuae, confoederationes, ligas et iuramenta, quae ab antiquo cum terris seu prouinciis a principibus vicinis habemus, ea nolumus infringere, sed in melius cum Dei auxilio ducere atque redigere.

(§ 13). Item dum nuntios atque oratores mittemus in negotiis publici boni eiusdem Magni Ducatus nostri, necessitate id exigente, versus partes exteras, videlicet Moscouiam et ad Ordas *Zawolska, Perekopska,* Valachiam, regnum Poloniae, ducatum Masouiae, Prussiam, Liuoniam, *Pskow,* magnum *Nowogrodek, Twer* et *Razan,* necnon versus alias quascunque prouincias, quo necessitas et vtilitas dominiorum magni ducatus nostri Lituaniae postulabit, faciemus id cum scitu, consensu et consilio consiliariorum nostrorum et secundum consuetudinem antiquam.

(§ 14). Insuper promittimus, quod praedictos praelatos, duces, barones et nobiles non debemus ad alicuius hominis delationem siue accusationem publicam vel occultam seu quamuis suspitionem sinistram castigare seu pu-

nire quacunque poena, scilicet bonorum ablatione, pecuniaria, carceris aut sanguinis, nisi prius in iudicio manifesto, iuris ordine catholico obseruato, actore et reo personaliter constitutis, realiter fuerint conuicti. Qui post iudicium et conuictionem huiusmodi iuxta consuetudinem et iura regni Poloniae debent castigari et sententiari secundum suorum excessuum quantitatem et qualitatem.

(§ 15). Item pro crimine alterius nullus alter, nisi is, qui peccauit et deliquit, semper tamen iuris catholici ordine obseruato, conuictus iudicialiter et sententiatus puniatur, ita videlicet, quod nec vxor pro crimine mariti, nec pater pro crimine filii, et e conuerso, non maritus pro vxore, nec filius pro patre aut frater pro fratre, nec aliquis cognatus aut seruus, nisi dum quis particeps fuerit criminis cum delinquente: criminibus laesae maiestatis duntaxat exceptis.

(§ 16). Item si quis obloquendo accusauerit quempiam ad infamiam aut capitis diminutionem, nec probauerit, talis punietur poena talionis acsi se inscripserit ad eandem.

(§ 17). Item concedimus, ut praelati, duces, barones, nobiles, boiarique supradicti liberam habeant facultatem exeundi de terris nostris magni ducatus Lituaniae, caussa vberioris fortunae acquirendae vel caussa studii aut actuum militarium exercendorum ad quaslibet terras externas, partibus duntaxat hostium nostrorum exceptis; ita tamen, quod de bonis ipsorum sic exeuntium seruitia nostra et reibublicae non negligantur, sed debite et integre nobis et successoribus nostris, tanquam ipsi praesentes fuerint, toties, quoties necesse erit, exhibeantur et ministrentur.

(§ 18). Item promittimus quod plebeios super nobiles non extollemus, sed conseruabimus nobilitatem in sua honestate.

His autem libertatibus, gratiis et exemptionibus tantummodo illi barones et nobiles terrae Lituaniae vti et gaudere debent, qui sunt ex parentibus suis vere et ex antiquo nobiles. Statuimus etiam et spondemus, quod nobiles magni ducatus Lituaniae, Russiae, Samogitiae nobis subiectos seu bona eorum nemini ducum aut baronum dabimus, nec successoribus nostris dare licebit.

(§ 19). Item concedimus, quod praefati duces, barones, nobiles bona eorum patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclaros olim diuae memoriae principes, dominos Alexandrum alias Vitoudum ac donationes per illustrissimum olim dominum Sigismundum donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes, cum de earum donatione, priuilegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti aut congruo testimonio testium vel munimine literarum potuerint probare et docere, pari iure obtineant, prout duces, barones et nobiles regni Poloniae sua noscuntur obtinere et liberam habebunt ipsa vendendi, commutandi, alienandi, donandi et in vsus suos conuertendi facultatem, nostro tamen consensu speciali ad id accedente, ita quod ipsa alienando, commutando vel donando coram nobis vel nostris officialibus iuxta antiquam consuetudinem magni ducatus Lituaniae resignabunt. Quicunque vero subditorum nostrorum in praedictis terris magni ducatus Lituaniae

super bonis suis immobilibus, hereditariis, literas aut munimenta non habuerint, sufficienti tamen testimonio fidedignorum probauerint, bona huiusmodi tempore magnorum ducum Lituaniae, et praesertim Casimiri, Alexandri et Sigismundi progenitorum et antecessorum nostrorum carissimorum, se vel suos legitimos parentes aut praedecessores pacifice possedisse, remanebunt circa eadem perinde, acsi certas literas et munimenta haberent super eisdem.

(§ 20). Item post mortem patrum liberi masculi et feminae bonis paternis et maternis hereditariis priuari non debent, sed ea ipsi et eorum successores legitimi pleno iure possidebunt; vxores vero ducum, procerum, nobilium, ex hoc saeculo decedentium, permanebunt in bonis maritorum suorum, iuxta statuta seu iura per praedecessores nostros et parentem nostrum et nostra Magno Ducatui huic concessa. Similiter et ad secundas nuptias viduae conuolare volentes, gaudebunt statutis ipsis.

(§ 21). Item natas, cognatas et consanguineas suas, virgines aut viduas, ipsi duces, barones et nobiles possunt libere, nobis et succesoribus nostris super hoc minime requisitis, tradere maritis, ritum tamen catholicum in talibus obseruantes; promittimusque, quod nullam virginem vel viduam coarctabimus ad nubendum alicui inuitam, contra voluntatem eius vel amicorum eius, et si aliqua virgo vel vidua voluerit nubere ad aliquas partes extra magnum ducatum Lituaniae, tunc expeditione ac dote secundum statuta ducatus ipsius accepta, bona hereditaria propinquis suis relinquat, ad eaque se de cetero non intromittat.

(§ 22). Item viduae, quae remanserint in bonis hereditariis post mortem maritorum suorum, ad seruitia terrestria, bellicasque expeditiones iuxta facultatem possessionum et laudum patriae erunt obligatae.

(§ 23). Item a consanguineis et propinquis bona hereditaria alicuius inuadiata seu impignerata non redimemus, neque quisque ea redimere debet in paeiudicium ipsorum consanguineorum vel propinquorum, sed solummodo iste, qui propinquior exstiterit, repositis pecuniis, bona hereditaria obtinebit et possidebit.

(§ 24). Item omnes et singuli cmetones praefatorum ducum, baronum et boiarorum magni ducatus ab omni datione et solutione collectae siue exactione *sierepczizna* dictae, atque mensura, quae *dziaklo* nuncupant, et ab omni onere vectigalium, quae *podwodi* dicuntur, a ductioneque lapidum, roborum siue lignorum pro exustione laterum siue cementi pro castris et a faeni falcastratione et aliis minus iustis laboribus soluti sint omnino, liberi et exempti: laboribus tamen ex antiquo debitis pro aedificatione castrorum denuo in locis solitis et antiquis opportunorum et pro antiquorum reformacione exceptis, ducum, baronum, boiarorum et nobilium cmetonibus et subditis, per nos eis datis et donatis, similiter demptis; antiquas vero et dudum consuetas pro nobis et successoribus nostris procurationes, collectas, stationes, pontium nouorum in locis antiquis erectiones, veterum refectiones et viarum reformationes illaesas reseruamus et volumus esse saluas. Licet autem cmetones ipsorum baronum et nobilium a dandis podwodis nobis et successoribus nostris sint liberi et exempti, nihilominus tamen pro

oratoribus, nuntiisque et cursoribus, tam (a) nobis quam etiam ad nos vndecunque venientibus, debent *podwode* ipsae per eos, qui eas ex antiquo dare tenentur et ex nunc in futurum in numero solito dari et haberi semper parati in custodiis, in locis solitis et consuetis.

(§ 25). Item quod nos aut officiales nostri praefatorum ducum, baronum, nobilium terrarum nostrarum Lituaniae, Russiae, Samogitiae, homines tributarios, originarios, cmetones, mancipio obnoxios cuiuscunque sexus aut condicionis exstiterint, non suscipiemus, nec officiales nostros suscipere permittemus; et ipsi praefati duces, nobiles, boiari magni ducatus Lituaniae nostros et successorum nostrorum similiter homines, cuiuscunque conditionis et status exstiterint, non suscipiant per se nec per officiales suos suscipere quoquomodo praesumant.

(§ 26). Item super subditos praelatorum, ducum, baronum, nobilium et boiarorum ministeriales seu *dzieczkie* non dabimus, nec officiales nostri dare debent, nisi prius a domino, cuius subditus fecerit iniuriam, iustitia fuerit postulata; qui si in certo termino eandem facere renuerit, extunc ministerialis noster vel officialium nostrorum est dirigendus, et reus, qui poenam meruit, illam domino suo et non alteri sit astrictus soluere et ministeriali pro fatiga iuxta statuta prouinciae satisfacere tenebitur.

(§ 27). Item caussas pertinentes ad iudicium saeculare, non permittemus iudicare in iudicio spiritali et e conuerso, iura spiritalia seu caussas pertinentes ad iudicium spiritale, ad iudicium saeculare introducere seu euocare non permittemus, omniaque iure antiquo tenebimus.

(§ 28). Item quicunque felicis principatus tempore genitoris nostri super iuribus suis iustitiam ministrandam postulabant, illis volumus et debemus cum consiliariis nostris aequitatem facere omnimodam sine dilationibus.

(§ 29). A iure etiam nihil debemus accipere ab eis, similiter et consiliarii nostri, nec stare ad vnam partem ex fauore, sed simpliciter iustitia cuilibet ministrari debet; et si quando aliquorum caussae graues super bonis hereditariis vel famae seu honoris derogatione ad audientiam nostrae Serenitatis venerint, omnibus iustitiam facere debemus. Et dum contingat nos protunc negotiis arduis occupari, caussis talibus per annum concedimus et statuimus quattuor terminos. Et si in primo, secundo et tertio termino in huismodi caussis finis non fuerit factus, vltimo adueniente finalem iustitiam sine dilationibus cum consiliariis nostris faciemus. In omnibus vero caussis et disceptationibus, tam pro bonis hereditariis et fama ac aliis grauioribus, in quibus, sicut superius expressum est, si praeuenti negotiis publicis in primo termino finem non fecerimus, positi sunt et assignati quattuor termini per annum; et si in quarto et finali termino non comparuerit, caussam ammittet, sententiaque feratur pro illo, qui se in termino sistet: excepto, quod aliqua partium seruitio nostro vel terrestri occupata et retenta aut aegritudine impedita, comparere non posset; in isto casu, ut nemini iniuria aut praeiudicium fiat, ad tempus oportunum tales caussas differendas esse volumus.

(§ 30). Item ordinamus, quod ad districtus et tributarios nostros debemus mittere binos et binos consiliarios nostros singulis annis pro exi-

gendis tributis et reliquiis, vulgariter *niedoimkow,* seu *niedobirkow,* quibus quidem exactoribus obuentiones eos concernentes percipere licebit. Ita etiam et seruitores eorum sicut fuit ex antiquo temporibus praedecessorum nostrorum.

(§ 31). Et insuper omnia et singula ipsius magni ducatus Lituaniae iura tam publica, quam priuata, videlicet priuilegia et quaslibet literas, donationes, libertates, exemptiones et immunitates seu quascunque gratias et concessiones in se continentes, tam publice ac generaliter vniuerso magno ducatui ipsi, quam etiam priuatim ac specialiter quibuscunque locis ac personis, videlicet ecclesiis cathedralibus, conuentualibus et parochialibus, praelatis, ducibus, baronibus, nobilibus, boiarisque terrarum ipsius magni ducatus nostri incolis, sub quibuscunque verborum tenoribus per serenissimos ac illustrissimos olim dominos Wladislaum ac Alexandrum alias Vitoudum, Sigismundum, Casimirum et iterum Alexandrum ac Sigismundum reges et magnos duces, proauum, auum, patruum et patrem nostros carissimos, datas et concessas, in omnibus earum tenoribus, sentenciis, modis, condicionibus et articulis, eas hic pro expresse et specifice descriptis, et perinde acsi de verbo ad verbum insertae essent praesentibus, habentes et haberi volentes ac decernentes, innouauimus, approbauimus, ratificauimus et confirmauimus necnon sub onere iuramenti corporaliter per nos ad sancta Dei euangelia praestiti, verbo nostro regio et ducali promittimus ac spondemus, quod ea ipsa iura, priuilegia ac literas praedecessorum nostrorum taliter per nos nunc innouata, ratificata ac confirmata, in omnibus earum articulis, punctis, firmiter, integre et inuiolabiliter tenebimus et obseruabimus, nec quouismodo ipsis contraueniemus. E diuerso vero ipsi praelati, duces, barones, nobiles, boiarique, quibus huiusmodi libertates, immunitates et priuilegia sunt concessa et nunc innouata ac confirmata, nunquam nos Sigismundum Augustum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, neque successores nostros, magnos duces deserent, sed sub fide et honore atque onere praestiti iuramenti firmiter et fideliter nobis et successoribus nostris obedient et abhaerebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. In fidem et testimonium omnium et singulorum praemissorum sigillum nostrum praesentibus subappensum est. Actum et datum Vilnae in conuentione generali, feria secunda ipso die (s) anno Domini millesimo quingentesimo quadragesimo septimo. Praesentibus reuerendis in Christo patribus et magnificis dominis, strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi episcopis, Ioanne Chlebowicz palatino Vilnensi et cancellario nostro, tenutario in Bobroisko, Gregorio Osczikowic, castellano Vilnensi, tenutario Vpitensi, Ioanne Iurgiewicz duce de Olshani, palatino Trocensi, tenutario Mohilouiensi, Hieronymo Chotkiewic castellano Trocensi, capitaneo Samogitiensi, Nicolao Ioannis Radziwil, marsalco terrestri, praefecto Shawliensi, Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chotkiewic Nowogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Cziechanowiec Witepscensi palatinis, Andrea Sangashkowic duce de Koshir, capitaneo Luceoriensi, Ioanne Hornostai marsalco curiae et thesaurario terrestri, praefecto Slonimensi, Nicolao Georgii

Radziwil pincerna, Ioanne Ioannis Radziwil structore mensae, Stanislao Kieszgal dapifero, Gregorio Chotkiewic succamerario, Nicolao Petri Olechnowic gladifero, Nicolao Andrushowic praefecto agazonum nostrorum, tenutario Ozen. et Perełomiensi, Nicodemo Ioannis a Cziechanowiec Mielnicensi, Nicolao Narburt, Alberto Crewensi et Mozirensi praefectis, marsalcis, aliisque officialibus et dignitariis atque consiliariis nostris, sincere fidelibus nobis dilectis. Per manus praefati magnifici Ioannis Chlebowic palatini Vilnensi et cancellari nostri.

(§ 32). Et quamuis edito hoc nostro iuste et legitime priuilegii diplomate, fidem iam iusiurandi et paternae nostrae maiestatis liberasse videremur, tamen pro nostra singulari voluntate ac beneuolentia, qua erga huius magni ducatus homines sumus, pro eorum erga nos vicisssim summo studio ac obseruantia, posteaquam iam soli huic prouinciae sublato ad superos diuo parente nostro, praesumus, plenamque et non limitatam ac cum nemine communem iurisdictionem in hoc ducatu et merum imperium habemus, tunc enim, cum has priuilegiorum ac libertatum, immunitatumque huius ducatus literas edidissemus, supremum ducem diuum parentem nostrum agnoscebamus et auctore illo maiore vtebamur, ne propterea eius diplomatis nostri auctoritas in dubium a quoquam vocari possit, illud ipsum iam de plenitudine et integritate potestatis nostrae veraeque ac indubitatae iurisdictionis et meri imperii ac sigilli maioris vsu confirmamus, ratificamus, approbamus, vimque ac robur eius firmitatis, eandemque fidem atque auctoritatem habere decreuimus debere, quam erat habiturum vel si tunc ederetur, cum nullum supremum ducem agnouissemus, solique huic ducatui praeessemus, vel si nunc demum editum esset, illudque pro nunc edito ac eisdem verbis sub hac data descripto habere volumus, promittentes pro nobis et successoribus nostris verbo et fide nostra regia, nos illud plene ac inuiolabiliter in omnibus articulis, clausulis, punctis seruaturos, omniaque in illo contenta realiter et in effectu adimpleturos, et adimpleri curaturos. Quod si autem hactenus aliquid adimpletum et in executionem positum non est, vel si quid contra ius priuilegii praescriptum commissum, vel ante ea vnquam vel nobis regnantibus videatur, praesertim vero in collatis palatinatibus quibusdam hominibus ritus Graeci, et a catholicae religionis communione seiunctis, id omni ratione curaturos nos, ne reipublicae aliquid detrimenti afferatur, pollicemur ac promittimus pro nobis et successoribus nostris fide verboque nostro regio ac ducali iureiurando nostro mediante, nemini postea nos vel successores nostros ritus Graeci seu Rutenici, a fideque ecclesiae Romanae homini alieno, vllas dignitates, praeeminentias concessuros, nec eos ad consilia secretiora admissuros, in eoque maiorum nostrorum ac nostra priuilegia et a nobis confirmata, nos firmiter obseruaturos, nec ea vel eodem exemplo vel alia vlla re eorum sententiae contraria labefacturos, sed religiose omnia et singula in eis expressa, manutenturos ac in executionem adducturos et adimpleturos. Ipsi autem praelati, duces, barones, nobiles et boiari, terrarum magni ducatus Lituaniae incolae, quibus huiusmodi libertates, immunitates ac priuilegia sunt concessa et nunc innouata ac confirmata per nos, vicissim nunquam nos

Sigismundum Augustum regem et magnum ducem, quoad vixerimus, nec successores nostros, magnos duces, deserere debent, sub fide, honore ac onere praestiti iuramenti, sed firmiter ac fideliter nobis et successoribus nostris obedient et adherebunt consiliis et obsequiis perpetuis temporibus et in aeuum. In fidem huius rei et perpetuum testimonium praesentes nostras confirmationis literas manu nostra subscripsimus et sigillo nostro maiore obsignauimus. Actum et datum Vilnae in conuentione generali, feria tertia post festum Omnium Sanctorum proxima, anno Domini millesimo quingentesimo quinquagesimo primo, regni vero nostri vigesimo secundo. Praesentibus reuerendis, illustribus, magnificis et generosis: Paulo Vilnensi, Olshanensi duce, Valeriano Luceoriensi, Venceslao Mednicensi, Ioanne Andrussowic Kiiouiensi episcopis, Nicolao Radziwil in Olica et Nieswierz duce, palatino Vilnensi, et magni ducatus Lituaniae supremo marsalco et cancellario, Shawlensi, Brzestensi et Borisouiensi tenutario, Gregorio Oscikowic in Czadosczi herede, castellano Vilnensi et tenutario Vpitensi, Nicolao Radziwil in Dubinki et Bierze duce, palatino Trocensi, ac in Lida, Vasiliszki, Bielicza et Koidanow tenutario, Hieronymo Chotkiewic castellano Trocensi, terrarum Samogitiae generali, necnon Plotellae, Vilkia et Telza, Friderico duce Prunskie, palatino Kiiouiensi et in Czarnobil, Stanislao Dowoino, palatino Polocensi et in Drissa, Ioanne Hornostai palatino Nowogrodensi, curiae marsalco et magni ducatus Lituaniae thesaurario, in Slonin et Mscibow, Stanislao Kiska de Cziechanowiec, palatino Vitepscensi, Nicolao Narburt de Koltiniani, palatino terrarum Podlassiae, in Krewo et Mozir, Andrea Michalowic duce Sendziskowic (s), Luceoriensi generali, Stanislao Kieszgal comite in Croze, magni ducatus Lituaniae pocilatore, in Mohilow et Tikoczin, Georgio Chotkiewic, magni ducatus Lituaniae camerario et Cawnensi capitaneis, Hieronymo Koriczki stabuli nostri praefecto, Iwan Soltanowic, curiae nostrae thesaurario, in Vielona capitaneo, Felice Siruczowicz gladifero, Nicolao Kucziak vexillifero terrestribus, Andrea Falkowic Drohicensi, Ioanne de Backi Mielnicensi capitaneis, et aliis baronibus, consiliariis, marsalcis, capitaneis et officialibus nostris, sincere et fideliter nobis dilectis. Datum per manus superius recensiti illustris domini Nicolai Radziwil in Olika et Nieswiesz ducis, palatini Vilnensis, et magni ducatus Lituaniae supremi marsalci et cancellarii, Shawliensis, Brzestensis, Borisouiensis capitanei, sincere nobis dilecti.

(XIII) Diploma quo Graeci ritus cultores catholicis et insigniis ex Poloniae regno non promanatis vtentes, vtentibus exaequantur.

In nomine Domini amen. Quoniam res actionesque omnes lapsu temporis in obliuionem venire solent, proptereaque litterae sunt adinuentae, ut iis acta hominum memoriae sempiternae commendentur. Itaque nos Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiae, Liuoniaeque etc. dominus et haeres, notum esse volumus ac iisce litteris testatum vniuersis et nostri et futuri saeculi, quorum interest, hominibus, quod cum in primaria magni ducatus Lituaniae

vrbe Vilna, postulantibus id a nobis omnibus ordinibus, comitia frequenti senatus et populi conuentu, litteris nostris indicta, de grauissimis reipublicae rebus haberentur, precibus horum ipsorum omnium ordinum annuimus, consensimus, permisimusque, ut priuilegia, quae iura, libertatesque Magni Ducatus continent, ad leges statuti, nouissime editi ac promulgati, adiicerentur, adscriberenturque, peraeque ac in Polonico statuto factum esse videmus, quo nomine nobis gratiae ab vniuerso illo conuentu actae sunt. Petitumque praeterea est, ut quosdam priuilegiorum illorum articulos, interpretationem clariorem desiderantes, illustraremus, ea praesertim in parte, vbi diui olim maiores nostri Wladislaus Iagello proauus ac Alexander Vitoudus propatruus magnus, tempore vnionis cum regno Poloniae in Grodlo factae, eos duntaxat libertatibus publicis gaudere voluerunt, qui catholicae fidei Romani et Graeci ritus professores, ac qui insigniis nobilitatis stemmatibusque essent decorati. Deinde eo quoque loco, vbi dignitates et praelaturae nonnisi catholicae Romanae ecclesiae cultoribus conceduntur, ac in senatum legi ii, qui extra huius ecclesiae communionem essent, prohibentur. Quod quidem etsi a diuis Cazimiro auo, Alexandro patruo, Sigismundoque patro nostro ac nouissime a nobis ipsis, nouis diplomatibus confirmatum est, et in diplomata insertum, quoniam tamen supplicatum nobis est, ut re cognita inaequalitatem hanc complanaremus, nos itaque cum consiliariis nostris animo reuoluentes, ante priuilegium illud Grodli editum, fuisse in Lituania familias nobiles et meritis erga rempublicam ac erga maiores nostros illustres ac decoras et eminentes, quod ex ipsius priuilegii initio apparet, quin et non solum fidei ac religionis catholicae Romanae, sed etiam Graecae cultores in senatus consessum a maioribus nostris lecti, ac ad alias reipublicae functiones et munia asciti, fidem ac constantiam suam, vti fortes ac fideles viros decet, probauerunt, non iudicamus insignia illa nobilitatis Grodli, Lituanae genti communicata, viliores eos reddidisse, quibus communicata non sunt, praesertim optime de republica meritos, Graecae religionis professores, quoniam tunc in illo conuentu Grodlensi non omnes adfuerunt. Proinde in nullo derogantes priuilegiis maiorum nostrorum nostrisque, sed in suo robore ea conseruantes, hos duntaxat duos articulos excipimus ac declaramus, consentientibus et consiliantibus senatoribus nostris status spiritalis et saecularis, atque decernimus ac promulgatum esse volumus, iam hinc non solum eos eorumque posteros in omnibus Lituaniae partibus degentes, qui sunt Romanae fidei cultores, quique insignia nobilitatis Gtodli in Polonia sunt consecuti, priuilegiis illis, libertatibus ac immunitatibus esse dignatos ac decoratos, sed et omnes in militari nobilique statu constitutos, tam Lituani, quam Rutheni generis, sint modo Christianae religionis professores, quamuis eorum maiores stemmatibus ex Poloniae regno insigniti non sint, participes esse debere ex aequo omnium libertatum, honorum ac dignitatum ita, vti antea priscis temporibus hactenus participes erant, ac dignitatibus omnibus muneribusque tam senatoriis, quam terrestribus iam hinc omnes militares nobilesque viri Christiana religione initiati, pro meritisque quisque suis insigniri a nobis ac in senatum legi debent, nec quisquam praetextu horum

duorum articulorum hic a nobis declaratorum et nomine ritus Christianae fidei, Christianus modo sit, amouendus a participatione libertatum ac dignitatum est. Quoniam vero priuilegium hoc praenominatorum maiorum nostrorum serenissimorum Wladislai Iagellonis et Alexandri Vitoudi in regno Poloniae editum ac promulgatum est, quod ex eius ipsius priuilegii literis constat, ideo in proximis iam indictis communibus vtrique et Polonae et Lituanae nationi comitiis hanc statuum exaequationem, si fuerit opus, cum maioribus adhuc libertatum accessionibus alio diplomate nostro ex publico senatus consulto et plebiscito confirmaturos et corroboraturos nos pollicemur, nihil tamen de praesenti declaratione aut immutando aut imminuendo, sed illam in suo robore et firmitate conseruando perpetuis temporibus. In cuius rei fidem chirographo nostro hoc diploma subscriptum, sigillo maiore maioris Maiestatis gratia obsignari mandauimus. Praesentibus senatoribus nostris: reuerendo domino Valeriano Vilnensi, Ioanne Andrussewic Luceoriensi et Brestensi, Nicolao Pacz Kiiouiensi episcopis, Nicolao Radiuil in Olica et Neswies duce, palatino Vilnensi, magni ducatus Lituaniae terrestri marsalco et supremo cancellario, Brestensi, Cawnensi, Borisouiensi capitaneo, Nicolao Radiuil in Bierze et Dubingi duce, palatino Trocensi, summo exercituum magni ducatus praefecto, Mozirensi, Lidensi, Bielicensi capitaneo, Gregorio Chotkiewic castellano Trocensi, stipendiariorum militum campestri duce, administratore capitaneatus Samogitiae, capitaneo Carniolouiensi, duce Constantino Constantinowic palatino Kiiouiensi, marsalco Volhinensi, capitaneo Wlodimiriensi, Paulo Iwanowic Sapiha, palatino Nouogrodensi, duce Andrea Stephanowic Zbaraski, palatino Vitepscensi, Basilio Cziskowic palatino Podlasiae, Minscensi capitaneo, Liskouiensi, Miedzirzecensi, Ainscensi tenutario, Eustachio Volowic marsalco curiae ac magni ducatus Lituaniae thesaurario et notario, capitaneo Mohilouiensi, Nicolao Kishka a Cziechanowiec pincerna magni ducatus Lituaniae, capitaneo Drohiciensi, Georgio Alexandrowic Chotkiewic magni ducatus Lituaniae incisore, capitaneo Bielscensi, duce Romano Chwiedorowic Saudiuscono (s) dapifero magni ducatus Lituaniae, Plotelensi et Zitomiriensi capitaneo, tenutario Telsouiensi, Hieronymo Koriczki agasonum et stabuli nostri in magno ducatu Lituaniae praefecto, Miednicensi capitaneo ac tenutario Gieranoinensi, Stanislao Zachariassowic Wlossek, in magno ducatu Lituaniae curiae thesaurario, Punscensi et Zizmoriensi capitaneo, Felice Sirushewic in magno ducatu Lituaniae gladifero, Felice Hercik tenutario Radunensi, Ioanne Shimkowic marsalco et notario nostro, capitaneo Ticocinensi, Ioanne Nicolaiowic Hajko notario nostro et stabuli praefecto, Grodnensi, Osmianensi, Vielciscensi et Crasnosielscensi tenutario, Nicolao Narussewic Marcouiensi et Miedzialensi tenutario, ac aliis compluribus marsalcis, capitaneis, tenutariis, officialibus terrestribus et curiensibus. Datum Vilnae anno Domini millesimo quingentesimo sexagesimo tertio, mensis Iulii die septima.

(XIV) Diploma quo ius cogendorum conuentuum prouincialium ante comitia generalia conceditur.

Sigismundus Augustus Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masouiae, Liuoniaeque etc. dominus et heres. Significamus iisce litteris nostris, quorum interest, vniuersis, praesentibus et futuris, quod cum in primaria vrbe nostra Vilna comitia cum senatoribus nostris spiritalibus et saecularibus, ducibus, proceribus, officialibusque terrestribus et curialibus ac cum omni militari ordine ex omnibus huius magni ducatus Lituaniae prouinciis congregato, haberemus, ij ipsi omnes supra expressi status de negotiis huius reipublicae deliberantes, communi omnium consensu inter cetera a nobis humili supplicatione postularunt, ut propter meliorem et celeriorem iustitiae expeditionem statutum nouum a nobis in superioribus praeteriti anni comitiis editum et priulegio confirmatum, in realem et actualem executionem deduceremus, ac ad eius praescriptum iudicia exerceri mandaremus, atque ut in hac republica omnia ordine fieri possent, permitteremus in illis territoriis, in quibus iudiciis terrestribus locus designatus est eligendorum nuntiorum ad generalia comitia ablegandorum, conuentus particulares agi, ad quos omnium ordinum et statuum nobilitas, senatores, duces, proceres, officiales terrestres ac curiales in suo quisque territorio, tempore literis nostris designato confluant, exemplo, more ordineque eo, quo eiuscemodi conuentus in regno Poloniae solent agi. Nos igitur perspecta toto imperii nostri tempore et explorata habentes et memoria merita omnium istius magni ducatus ordinum supra expressorum erga nos et maiores nostros a vetustissimis temporibus repetentes, quibus se nobis maioribusque nostris commendatos reddiderunt, fidemque suam et omnem virtutem, vti fortes viros ac strenuos ducumque suorum amantes decet, multis fortiter gestis cum rerum fortunarumque suarum dispendio et vitae sanguinisque profusione probauerunt, opibus, consiliis, corporum obiectu contra omnia pericula magnifice, grauiter animoseque parati et instructi, non solum annuendum eorum precibus duximus, sed et maioribus semper gratiae nostrae ornamentis dignos iudicamus. Promittimus ergo iam huius statuti noui legibus omnes status esse iudicandos et gubernandos eodem processu iudiciario in territoriis ad iurisdictionem designatis, apud judices ad id electos et consitutos, secundum priuilegium, quo id a nobis institutum cautumque est; atque in iisdem territoriis, in locis iurisdictioni destinatis, licere volumus ducibus, dominis, senatoribus, officialibus terrestribus ac curialibus omnique equestri ordini in territorio immobilia possidentibus, per litteras nostras euocatis, conuenire et de republica consultare, ac de iis rebus deliberare, de quibus a nobis per litteras nostras propositum fuerit, atque in illo conuentu licebit eis, quos visum fuerit, de consensu mutuo nuntios eligere et ad comitia generalia in hoc ducatu nostro vsitata, literisque nostris designata mittere, qui necessitates, quibus premi rempublicam ac territorium suum existimabunt, nobis exponant, in omnibus iis rebus morem et consuetudinem in regno Poloniae receptam imi-

tando. Quod quidem et iudiciorum et comitiorum conuentuumque agendorum institutum, a nobis et successoribus nostris, magnis Lituaniae ducibus perpetuis temporibus inuiolabiliter manuteneri debebit, neminemque ab hac ordinatione nostra exempturi sumus. In cuius rei fidem huic priuilegio nostro manu nostra subscripto, sigillum nostrum appendi iussimus. Datum et actum in comitiis generalibus Vilnae celebratis, praesentibus senatoribus nostris spiritalibus et saecularibus, officialibusque terrestribus et curialibus, anno Domini millesimo quingentesimo sexagesimo quinto, mensis Decembris die trigesima.

Областные привилеи.

I. Priuilegium terrestre Bielscense.

In nomine sanctae et individuae Trinitatis, amen. Omnia, quae inter mortales homines sunt agunturque negotia, cum homine ipso mortali edax vetustas simul absumeret, ad posterosque nulla factorum notitia perueniret, nisi immortalitate litterarum et testium fideli ad hoc testimonio perhennentur. Proinde nos Alexander Dei gratia Magnus Dux Lithuaniae, nec non terrarum Samogitiae, Russiae, Kiiouiae etc. Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, praesentibus et futuris, horum notitiam habituris. Quomodo ad praesentiam nostram veniens Nobilis Petrus Luka Iudex protunc terrestris Bielscensis nomine et commissione omnium terrigenarum eiusdem districtus humiliter supplicauit, vt ipsis iura et consuetudines huiusmodi, quales terrigenis districtus Drohiciensis genitor noster Charissimus, diuae memoriae Serenissimus princeps et Dominus Casimirus Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae etc. dederat, genitor noster charissimus, et priuilegiis suis confirmauerat, quae nos postea specialibus priuilegijs nostris confirmauimus et approbauimus. Nos, conditionem terrigenarum Districtus Bielscensis cupientes meliorem et ut iure optato gauderent, ipsis eadem jura prout terrigenis Districtus Drohiciensis (*data sunt, damus et dedimus et praesentibus litteris significamus nunc et in posterum: sed tamen voluimus, ut huiusmodi iura et consuetudines sic a nobis datae articulatim conscriberentur. Proinde supradictos terrigenas districtus Bielscensis*) eximimus et eliberamus a consuetudinibus cittandi per praecones, wlgariter per Dzieckie, ita, quod cittari per eos non debent et tenebuntur, sed per Ministerialem, alias Woznego ipsius Districtus. Et vt expressi terrigenae non opprimantur aliquo iure indebito et iniusto, et maxime castrensi, ipsis ius Polonicum terrestre scriptum admissimus et praesentibus admittimus, et damus, in eo ipso conservare volentes in omnibus ipsius juris consuetudinibus, punctis, articulis, casibus duntaxat aliquibus exceptis. Quarum primus est, quod decem homines in castro nostro Bielscensi, per *(pro)* custodia, septimanatim teneri debebuntur, sine tamen aliqua solutione pecuniae, excepto

belli ardua expeditione, ubi tunc plures fieri opportunum esset. Admittimus per praesentes, quod terrigenae expressi Districtus bona sua haereditaria, aut pecunijs empta, eadem vendere, commutare et in vsus suos beneplacitos conuertere, prout alicui ipsorum melius videbitur expedire, possint et valeant, nostro tamen aut Capitanei nostri consensu, quicunque pro tempore fuerit, pro admissione wlgariter dopusthnego pars emens sexagenam dare tenebitur, Item, nata, per parentes viro in matrimonium tradita, mortuo viro, si dotalitium non habeat, ex tunc dotem suam, cum qua tradita viro fuerat, secum recipere debet, et e contra ad parentes suos, si eos habuerit, vel fratres, et sorores dotem eandem secum importare et restituere ipsis, per quos exdotata fuerit. Quod si noluerit restituere, ex tunc ius propinquitatis et sortem paternalium amittit, et non maternalium, in quibus sortem et portionem habebit. Excepto tamen, quod parentibus, fratribus, sororibus careat, vbi tunc ad restitutionem huiusmodi dotis non tenebitur, sed in paternalia et maternalia bona succedit. Relicta insuper huiusmodi et cum dote, vt expressum est, reuertens ad parentes, de omni grano, pecoribus, et pecudibus et alijs suppelectilibus domus diuisionem aequam cum superstitibus et successoribus viri debebit habere; exceptis tamen armis et equis bellicis, qui propter seruitia nostra bellica ex eadem domo tolli non tenebuntur. Item expressi terrigenae Rothnego non tenebuntur Judici et subiudici plus dare, praeter duos grossos. Si quis terrigena cum vicino suo granicies innouare exposcat, ex tunc fertonem Ministeriali soluere tenebitur, et eum pro graniciebus ponendis et sipandis terriginae inter se concorditi fuerint, de licentia et admissione Judicis et subjudicis, de iure recepta, poterint huiusmodi granicies innovare, et sipare. Item post mortuam manum propinquis agentibus pro bonis jure propinquitatis ab eisdem nihil recipi debet a Capitaneo, Judice et subiudice. Quando aliquis terrigena in aliquo per Ruthenum inculpauerit *(inculpatus erit)*, pro quacunque re sit, huiusmodi terrigena cittari debet ad iudicem et subiudicem, et non alibi. Si etiam aliquis Ruthenus pro mellificiis, alias o Barć, Polonum cittauerit, Capitaneus noster cum Judice et subiudice eundem Polonum iudicare debent. Capitaneus noster solum quatuor articulos in castro iudicare debebit: primus articulus, quando pro depredatione, seu spoliatione in via libera autem *(aut)* de futuro *(furto)* agitur, secundus articulus, pro violenta invasione domus; Tertius articulus, pro virginum aut mulierum violenta oppressione; Quartus, pro incendio. Judex autem cum subiudice omnes alias iudicare debebunt, ad Capitaneum nihil remittentes exceptis articulis supradictis pro Capitaneo reseruatis. Casu vero, quod Judex cum subiudice aliquem terrigenam iudicarent, vt ex eorum sententia, sibi videretur grauamen, ex tunc talis terrigena Judicem, et subiudicem euocare et cittare ad nostram praesentiam poterint. Item, quando aliqui terrigenae muttuo inter se contenderint, etiam *(ad)* cruenta vulnera, posito, quod pro eadem contentione inter se composuerint, Judici et subiudici quinque duntaxat persoluere tenebuntur. Similiter pro omnibus generaliter articulis mutuo inter se possunt concordari, iudici et subiudici quinque grossos dando, exceptis tamen articulis Castrensibus, quae sunt de iudicio Capitanei. Si quis

metam et limites alicuius parauerit *(perarauerit)*, aut in alterius terram messuerit, aut falcastrauerit, si pro eo conuictus fuerit, luere debet poenas terrestrem et alteram actori wlgariter powodowy, exceptis graniciebus perpetuis. Et si aliquis terrigena apes in horto hahuerit, in graniciebus suis debet recipere examen, alias boy *(roy)* et swyepiotho, et pro se talia reseruare. Saepius Rutheni terrigenas huiusmodi districtus vexabant pro arboribus mellificiorum, wgariter barthne, pinatis et quercenis. Unde nos ita hoc statuimus: quando aliqua arbor pinata seu quercina fracta fuerit, supra alueum, alias nad dzienem, ex tunc nullus terrigenarum huiusmodi arborem tangere praesumere debebit, si autem inferius alueum fracta fuerit, ex tunc terrigena pro trunco, alias o pień, huiusmodi arboris nullam poenam luet. Et si aliqua arbor mellifica, alas Barthne, cum apibus de terra funditus euerteretur, Rutheno, cuius arbor est, terrigena, qui de ea euersione sciuerit, debet Rutheno dicere, vt damnum suum prouideat. Terrigena vero potest excidere apistrum, alias vl, et statuere debet in sulco, alias w Brozdzie, per tempus unius anni, et residuitatem arboris pro se recipere poterit. Ruthenus etiam arborem huiusmodi mellificialem tribus sirreptis, alias suziemiony, conscendens *(conscindens)* sursum signare tenetur, vt ad laborandum nota fieret, arborque ea per tres annos stare debet. Expiratis demum tribus annis, si arbor sic ligata, per Ruthenum non elaborata fuerit, ex tunc terrigena huiusmodi arbore poterit vti pro necessitate sua, sine aliqua poena Judicii. Si alicui Rutheno aliquis terrigena arborem siccauerit alias vczierzsił, aut succenderit in terra aut campo cuiuscunque terrigenae; si terrigenam pro eo inculpauerit et iudicialiter recognouerit, ex tunc iuramento proprio terrigena pro se ipso et pro familia euadet ipsum Ruthenum. Si autem idem Ruthenus eundem terrigenam tertio pro huiusmodi siccatione aut vstione cittauerit, ex tunc huiusmodi terrigena tenebitur et astringi debebit ad solutionem secundum consuetudinem antiquam. Item terrigenae eiusdem districtus pro mellificiis arboris, alias o barci, cittare non debent nec quouis modo tenebuntur ad exactorem exactionis nostrae mellis wlgariter haiownik, sed vt prius expressum est, debent cittari ad iudicem et subiudicem terrestrem suum, coram quo respondere tenebuntur. Ruthenis huiusmodi se quaerulantibus, animalia errantia, wlgariter błądne, vt sunt equus, bos etc., huiusmodi terrigena ad tertium diem ad castrum praesentare tenebitur. Capitaneusque huiusmodi terrigenae, qui errantia, błądne, ad castrum adduxerit, a quolibet aut pecude grossum dare tantum tenebitur. Capitaneus cum iudice et subiudice ad pignorandum terrigenam possessionatum Ministerialem solum cum duobus terrigenis mittere debet et non plures. Si autem inobediens et incurabilis fuerit, ex tunc per capitaneum detineri et incarcerari debet, et hoc dum non bene possessionatus fuerit. Possessionatus incarcerari non debet, tantum in poenis sententiari, poena post poenam, per trinos terminos. Elapsis autem trinis terminis debet per Capitaneum et Judicem pignorari. Item, dum aliquis terrigena incarceratus fuerit in Turrim, ex tunc custodi turris, videlicet wiesznemu, duos grossos incarceratus powiesznego soluere tenebitur, exceptis tamen articulis Castrensibus, quos et cum poenis eorum pro Capitaneo relin-

quimus. In mortuo viro, vxor terrigenae defuncti per spacium anni et septimanae a iure in pace fieri debet. Excepto, quod mulier non expectato huiusmodi tempore, alium virum superduceret. Tempore Witholdi felicis memoriae, dum ad possessionem seu locationem kmethones vocabantur, ex tunc quatuordecim dies in anno *(quilibet kmetho de manso laborabat in districtu. Nos vero statuimus, quod) (un)*usquisque kmetho de manso possessionato per eum, in septimana vnam diem laborare tenebitur, de medio vero manso in duabus septimanis duos dies *(diem)*. Insuper et huiusmodi kmethones, ad quatuor tłokas in anno vocati, laborare tenebuntur. Et si kmetho alicuius terrigenae sub alium terrigenam aut Ducem Magnum, aut Ciuitatem surgere voluerit, et fideiussus pro eo fuerit, ex tunc surrectionis, alias wstanego, de manso integro, alias Włoka, sexagenam terriginae, a quo recedit, in ortualium, alias stodolnego, mediam sexagenam soluere tenebitur; de medio vero manso, medium huius. Si quis terrigenarum causa possessionis melioris kmethones leuiori datia et labore in terra sua locare vellet, in damnum commune terrigenarum, talis terrigena non obseruans huiusmodi instituta nostra, camerae nostrae pro poena centum sexaginas soluere tenebitur. Ministerialem, alias służebnika, et custodem, straze, oprawcą Judex cum subiudice eligere debent. Post maturam *(matutinarum)* vero vsque ad vesperarum iudicare debent Judex cum Subiudice, et post resignationem iuris, cui necessarium fuerit rescripta, seu minutas, de libro terrestri recipere, recipiet. Quilibet terrigena cittatus ad primum terminum si non paruerit, pro poena non comparationis, wlgariter niestannego, fertonem soluere tenebitur. Item, quicunque ex sententia Judicis liber pro eo, pro quo ad iudicium tractus fuerit, pronunctiatus fuerit, ex tunc pomocnego quinque grossos Judici et subiudici soluere tenebitur. In quorum omnium et singulorum robur et fidem sigillum nostrum praesentibus est appensum. Actum et factum Vilnae Feria secunda ipso die Sancti Petri ad Cathedram (22 февраля) Anno Domini Millesimo Quingentesimo Primo. Praesentibus ibidem Reuerendo, Magnificis, Generosis et Nobilibus: Alberto Episcopo Vilnensi, Nicolao Radziwiłowicz Palatino Vilnensi et Magni Ducatus nostri Lithuaniae Cancellario, Johanne de Zabrzezie Palatino et Castellano Trocensi et Magni Ducatus nostri Supremo Marschalco, Alexandro Juriewicz Castellano Vilnensi et Capitaneo Grodnensi, Stanislao Janowicz Capitaneo Samogitiensi et Castellano *(Capitaneo)* Vilnensi (Velunensi?), Stanislao Hlebowicz Marschalco et Capitaneo Witepscensi, Georgio Ilinicz Marschalco et Tenutario Lidensi, Alberto Kłoczko Magistro Curiae Ducatus nostri et Marschalco, Ioanne Steczko Capitaneo Drohiciensi, Matthia Steczko Tenutario illius curiae, alias Wisczegrod et alijs quam plurimis, per manus Stanislai Veneti notarij, qui praesentia habuit in commissis.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXV, л. 18—22. Варіанты курсивомъ въ скобкахъ— изъ текста, напечатаннаго въ изданіи Дзялынскаго Zbiór praw litewskich, str. 82—91).

II. Привилей владыце, бояромъ и всимъ мещаномъ Смоленскимъ, на права и вольности ихъ.

Во имя Божье аминь. Высокихъ пановъ подданые господарства рядностью справъ посполитая речъ и знаменитое чти доступають. Про то ку вечной тое то речи памяти, Мы Александръ Божью милостью король Польский и великий князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомойтский и иныхъ. Чынимъ знаменито симъ нашымъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его вслышить, нинешнимъ и напотомъ будучымъ, кому будеть потреба того вѣдати. Били намъ чоломъ владыка Смоленский Иосиѳъ и околничии Смоленскии, и вси князи и панове, и бояре, и мещане, и чорные люди и все поспольство мѣста земли Смоленьское, и клали передъ нами привилей моестатъ счастное памяти отца нашого Казимера короля его милости, штожъ отецъ нашъ, будучы ещо великимъ княземъ, порозумевшы и убачившы ихъ къ его милости и тежъ ку предкомъ нашымъ верную а справедливую службу, ижъ предкове ихъ и они завжды у вѣре своей заховалися и николи часу пригоды на нихъ и налоги отъ розмаитыхъ неприятелей великого князства Литовского завжды неотступни были, а тому господару, который седелъ на Вилни а на Троцехъ, всякою верною послугою служили и противу его неприятелей руку свою подносили ажъ до горла своего,—отецъ нашъ, доброе памяти король Казимеръ, за тую вышей писаную верность ихъ, хотечы имъ зъ особливое своее ласки досыть вчинити, далъ имъ привилей свой. И после того, въ колку летехъ его милость, вжо паномъ корунованымъ будучы, со всими прелаты и паны радами своими ихъ смотрелъ съ паномъ Миколаемъ Радивиловичомъ, въ тотъ часъ какъ отъ его милости Смолнескъ держалъ, и судовые листы свои на то имъ подавалъ, которогожъ привилья маестатного и листовъ судовыхъ его милости вси члонки выбравшы, казали есмо вписати въ сесь нашъ листъ, и такъ ся въ собѣ мають, тымъ обычаемъ. На первей, штожъ намъ хрестиянства Греческого Закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити, а въ церковъные земли и въ воды не вступатися, такежъ въ монастыри и въ отмерщины не вступатися. А по смерти мужней, жоны зъ дому не двигнути и по неволи замужъ ихъ не давати. А хто отходя съ того свѣта кому прикажеть свой статокъ, того не рушити. Такежъ и въ татиное беремя *(намъ)* не вступатися, ни наместнику Смоленскому, нижьли опять отдати тому, къ кого што украдено. Тежъ тамга горожаномъ Смолняномъ не надобѣ, нижьли на гостехъ тамга брати. А корчмы въ городѣ Смоленску не держати. А такежъ въ роки выдавки, што одинъ выдастся, а другий не выдастся, тутъ вины нетъ; а коли оба выдадуться, ино судомъ дошодъ, на виноватомъ вина взяти, а децкованье по старому. Тежъ весъ медовый, соляный, музолки, коромыслъ, тымъ его милость Смолнянъ пожаловалъ. А сто рублевъ, што зъ города даивали на годъ, то его милость имъ на вѣки отпустилъ; а што Тѳеричи, мѣстичи Смоленские, двадцать рублевъ грошей даивали, и то его милость имъ такежъ отпустилъ. А бояромъ Смоленскимъ въ закладни людей своихъ

не казалъ его милость приймати. А подводъ горожаномъ не велелъ давати, казалъ его милость подводы держати зъ волостей на свои потребы; а къ приезду своему, и горожаномъ подводы велелъ его милость давати, потому, какъ и при великомъ князи Витовте даивали. А што волости держывали бояре Смоленские, то таки имъ держати по старому, какъ пожалуемъ которого боярина Смоленского которого волостью. А што Швитригайло отвернулъ былъ волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость привернулъ къ Смоленску; и што великий князь Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю Смоленское волости Молоховскии люди, и тые люди его милость опять привернулъ къ Молохвѣ по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ никому не держати, нижьли бояромъ Смоленскимъ же. Тежъ и то его милость выписалъ имъ въ привилеи своемъ: естли бы Полочане брали на Смолнянехъ мыто отъ соли и отъ воску, и его милость такежъ Смолняномъ велелъ брати на Полочанехъ отъ соли и отъ воску; а естли бы Полочане на Смолнянехъ не брали, ино и Смолняномъ на Полочанехъ не брати. А которое право далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тоежъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ. Далей его милость въ томъ привилеи своемъ выписалъ и иные члонки, ку полепшенью земли Смоленское. А што его милость смотрелъ ихъ съ паны радою своею о томъ, ижъ панъ Миколай Радивиловичъ, воевода Виленский, канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости Смоленскъ держалъ, хотелъ имъ новины уводити тые: коли зъ города Смоленска ежджывалъ по дворомъ Смоленскимъ а любо въ ловы, тогды въ нихъ подводы бирывалъ зъ мѣста подъ себе и подъ свои рѣчи, и околничие Смоленские, и намѣстникъ, и слуги пана Миколаевы такежъ въ нихъ подводы зъ мѣста бирывали; а коли на Глушицы панъ Миколай мешкивалъ, ино слуги его много въ нихъ зъ мѣста чолнковъ зъ людми бирали подъ его рѣчы, которые коли до него къ Глушицы проважывали; такежъ, коли самъ мешкивалъ въ городе въ Смоленску, тогды велелъ имъ сторожы давати на свой дворъ со всего мѣста, чогожъ здавна, за великого князя Витовта и за Жыкгимонта и за отца нашого короля его милости, николи не бывало, нижьли только даивали по два сторожы до скарбу наместниковъ Смоленскихъ, въ тотъ часъ, коли они зъ города зъежджали, и то съ тяглыхъ людей, которые здавна тую службу служывали; такежъ слуги пана Миколаевы, и владычнии и околничихъ слуги децкованья почали были много на нихъ брати, не по тому, какъ передъ тымъ бирано, отъ рубля по четыри грошы, а отъ полтины по два грошы, а на милю децкованья по грошу; а коли на справу пошлются, ино по два гроши на милю на нихъ бирано; а коли который человекъ впадетъ у вину, а любо на которомъ человецѣ заплату присудятъ кому, и въ иншихъ малыхъ дѣлехъ слуги пана Миколаевы и владычни и околничыхъ слуги ихъ въ доводню сажаютъ, а на поруку не даютъ; которое жъ дѣло его милость на той мере поставилъ: коли кого вина обойдетъ, а любо который человекъ кому будетъ чимъ виноватъ, и тежъ до права черезъ поруку, тыхъ всихъ не казалъ его милость въ доводню сожати въ таковыхъ малыхъ дѣлахъ, а велелъ ихъ за поруку давати, кромъ своего великого дѣла, въ которомъ же не пригодится на поруку давати.

Такожъ рядничий пана Миколаевъ биралъ взвѣстку въ гостей въ купцовъ, которые приежджаютъ со Мстиславля, съ Крычова и зъ иншихъ городовъ, чогожъ передъ тымъ не бывало, а противъ того на Смолнянехъ во Мстиславли и въ Крычове и въ иныхъ городехъ възвѣстку бирали; и здавна рядничый намѣстниковъ Смоленскихъ на Мстиславцахъ и на Кричовцахъ и на иныхъ купцовъ нашыхъ городовъ и мѣстъ взвѣстки не бирали, нижли бирали взвѣстку на Москвичахъ, на Тверичахъ и на иныхъ купцовъ чужеземцохъ. Такежъ околничые Смоленские врадники наместниковъ Смоленскихъ ново увели: на тыхъ кущохъ, которые зъ Вязмы и зъ Дорогобужа и зо Мстиславля и зъ селъ привозять къ городу мясо продавати целыми стяги, бирали съ стягу по полугрошку; а того здавна не бывало, нижъли съ тыхъ резниковъ, которые въ мѣсте живуть и мяса продаютъ, тотъ доходъ околничии бирали. Тежъ и ловчый пана Миколаевъ новину имъ ввелъ былъ—судилъ ихъ и рядилъ по всему мѣсту и дѣцкии свои на нихъ давалъ, чогожъ здавна не было, нижли намѣстникъ Смоленский и съ окольничими и зъ иншими врядники сужывалъ ихъ на нашомъ дворѣ, а ловчии при томъ же бывали и доходцовъ своихъ врочныхъ смотривали. Такежъ и тую новину панъ Миколай ввелъ былъ—велелъ имъ со всего мѣста люди выганяти на Есеную прудовъ сыпати, а здавна того мещане не дѣлывали, нижли тяглые люди пруды сыпывали. И отецъ нашъ король его милость съ паны радою своею, довѣдавшыся того достаточне ото на нихъ (отъ нихъ?) и отъ князей и пановъ и бояръ земли Смоленское, ижъ тые пошлины вси имъ ново уведены, и зася тые вси новины вышеписаные его милость имъ отложылъ, а вчинилъ все по старому, какъ передъ тымъ бывало. Такежъ клали передъ нами третий листъ отца нашого, короля его милости, который его милость писалъ до пана Миколая жъ Радивиловича о кривдахъ и о новинахъ, которые мѣсту Смоленскому часу его держанья дѣлалися. На первѣй, што ся тычеть ябѣдниковъ, которые ходечы по мѣсту людей соромотятъ и боемъ клеплютъ, и заряжываютъ заряды великии; и коли хто бою, а любо и зарядовъ оттяжется, отъ того пересуды великие на нихъ наместники и околничие въ оный часъ бирывали: ино въ томъ своемъ листе его милость писалъ: которые бы ябедники людей дармо клепали боемъ, а любо заряды великие закладали, а пришодшы на судъ того ся не доищутъ, ни бою, ни зарядовъ, абы тыхъ ябедниковъ винами карано подле ихъ заслуги, который чого будетъ заслужылъ. Тежъ въ томъ листѣ его милости выписано, абы конюшые брали съ конского и зъ жывотинного стада зъ мѣстского куницу по двадцати грошей на лѣто подле давного обычая, какъ передъ тымъ бывало за великого князя Витовта и за Жыкгимонта. Да и то въ томъ листе его милости выписано, абы князи и околничие, и бояре Смоленские у своихъ лесехъ, которые около Днепра мають, и въ дубровахъ своихъ не боронити *(ли)* имъ хоромовъ рубити а дровъ сечы подле давного обычая, какъ передъ тымъ бывало. А хто коли помостное заведаетъ на городе, тотъ бы съ тыхъ людей, которыхъ дѣлница сказится, а зася замостить, по грошу бралъ; а чыя дѣлница мосту будетъ цѣла, на томъ бы ничого не бралъ. А куницы смирские, свадебные брано бы зъ нихъ по шести грошей, а

вдовью куницу по дванадцети грошей. А люди князскые и околничихъ, и боярские, и игуменские, которые въ месте живуть и торгомъ ся обыходять, тые бы вси сторожовщину зъ мѣстомъ платили по силамъ. А хто коли человека держить въ пенязехъ, тые бы сами тыхъ людей своихъ судили и рядили, а околничие бы и иншие врядники Смоленские въ тое ся не вступали. Такежъ которыхъ людей церковныхъ и князскихъ и боярскихъ маршалокъ нашъ панъ Литаворъ Хребтовичъ привернулъ зъ мѣстомъ службу тяглую тягнути, кромѣ доспѣшныхъ и служебныхъ мещанъ, тые люди вси зася отъ мѣста отнималися и не хотели посполъ зъ мѣстомъ намъ служити; и коли будетъ потреба человѣка або дву къ нашей службѣ, подъ посла або подъ гонца нашого, а любо на которую на иншую нашу потребу, ино деи подвойский зъ околничихъ слугами все мѣсто обходятъ, для одного человека або для двухъ рекучи, а зъ людей по грошу поберутъ, для чогожъ тому мѣсту нашому шкода и тяжкость великая дѣлалася. Ино вжо мы писали о томъ до пана Юрья Глѣбовича, какъ отъ насъ Смолнескъ держалъ, приказуючы ему, абы тымъ людемъ церковнымъ и боярскимъ велелъ посполъ зъ мѣстомъ служити, потому, какъ маршалокъ нашъ панъ Литаворъ ихъ къ мѣсту привернулъ; а подвоискихъ бы которыхъ збродневъ отставилъ и обралъ бы на подвойщанье добрыхъ людей, не збродневъ, которые бы мещаномъ любы были; а люди бы давали на службу чергами, и околничихъ бы слуги не казали имъ людей драпежити. И тотъ листъ нашъ, который есмо до пана Юрья писали, тыми разы они передъ ними вказывали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тое все потвердили нашимъ листомъ. Ино мы, не только на то маючи взглядъ, ижъ продкове ихъ были вѣрни и у службахъ поволни продкамъ нашымъ, але вжо и часу щасного панованья нашого противу непріятелей нашыхъ они досыть чинили и намъ верне служили, яко господару своему отчинному и дединному, а прото, зъ ласки нашое, для ихъ верное службы вси тые вышейписаные доброволенства подлугъ привилея и листу судового отца нашого, короля его милости, и подлугъ того листу, который его милость до пана Миколая Радивиловича писалъ о кривдахъ и о новинахъ мѣста Смоленского, и тежъ подле нашого листу, который есмо до пана Юрья Глѣбовича писали, маемъ мы и наши намѣстники имъ и по нихъ будучымъ держати, и потверждаемъ имъ то симъ нашимъ листомъ, вѣчно и непорушно, и на вѣки вѣкомъ. А при томъ были панове рада наша: панъ Мартинъ, бискупъ Жомойтский; а воевода Виленский, канцлеръ, панъ Миколай Радивиловичъ; воевода Троцкий, маршалокъ земский, панъ Миколай Миколаевичъ; панъ Троцкий, староста Жомойтский, панъ Станиславъ Яновичъ; воевода Полоцкий панъ Станиславъ Глѣбовичъ; а гетманъ и маршалокъ панъ Станиславъ Петровичъ; а маршалокъ дворный, намѣстникъ Бѣльский, князь Михайло Львовичъ Глинский; а подчашый, намѣстникъ Новгородский, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ и иные многие князи и панове, рада нашы. А для лѣпшого сведомья и болшое твердости и печать нашу маестатную казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ и данъ въ Берестьи на сойме, въ лѣто 7013 (1505), месеца марта 1 день, индиктъ 8.

(Литовск. Метрики кн. Записей V, л. 307—310).

III. Terra Drohiciensis juri Polonico adscribitur.

In nomine domini, amen. Ad perpetuam rei memoriam. Ordinationes regum et principum pro subditorum commodo quomodolibet factae, ut potissimum firmae ac stabiles essent, tam litterarum munimentis, quam testium fide dignorum annotatione perhennari consueuerunt. Proinde nos Sigismundus, dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Samogitiaeque dominus et haeres significamus tenore praesentium, quibus expedit universis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quod licet nobiles et terrigenae nostri districtus Drohiciensis, de speciali concessione praedecessorum nostrorum, huius magni ducatus nostri Lithuaniae ducum, jure terrestri Polonico, more nobilium terrigenarum, in regno nostro Poloniae degentium, gauderent et uterentur, haberentque desuper litteras et munimenta eorundem praedecessorum nostrorum, videlicet, serenissimorum olim principum, foelicis recordationis, Kazimiri genitoris, et Alexandri germani nostrorum charissimorum, Poloniae regum et hujus ducatus Lithuaniae ducum, successive concessa: quia tamen in eisdem literis seu privilegiis, coram nobis ad praesens originaliter productis et exhibitis, multa comperimus articulatim superuacanee descripta, quae in libris statutorum regni nostri Poloniae specifice et per expressum continentur, et juxta nonnulla, quae in perniciem, jacturam et oppressionem non modicam eorundem subditorum nostrorum fuere adjecta, hoc idem jus Polonicum eisdem subditis nostris nobilibus et terrigenis, privilegiatis et non privilegiatis, hoc est, jus habentibus et non habentibus, districtus praefati Drohiciensis, praesentibus et futuris eorumque successoribus, conjunctim et diuisim, de certa scientia et gratia fauoreque speciali ducalibus nostris, de nouo iterum dandum et conferendum duximus, damusque et conferimus, in omnibus punctis, articulis, et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur, in eodem districtu nostro tenentes et obseruantes, omnes et singulos articulos juri praedicto Polonico, ac justiciae quomodolibet contrarios, in literis et priuelegiis praefatis praedecessorum nostrorum praedictorum, uti praefertur, expressos et specificatos, oppressionem huiusmodi subditorum nostrorum praefatorum in se continentes, et in nihilum redigentes, cassantesque et mortificantes ac extinguentes perpetuo, et in aeuum, tenore praesentium mediante. Praeter illum articulum, quo mediante, praefati praedecessores nostri officiales seu ministeriales, uulgo Lithuanico Dzyeckye nuncupatos, contra ipsos nobiles et terrigenas ejusdem districtus, nunquam deinceps fore dandos, prohibuerant, quos quidem officiales primo expressos nos quoque dandos esse praesentibus prohibemus quomodolibet in futurum: volentes et districte praecipientes, ut omnes et singuli officiales terrestres et castrenses districtus predicti Drohiciensis, pro tempore existentes, quilibet eorum pro suo interesse, nobiles et terrigenas nostros praedictos, ad cuiuscunque instantiam, videlicet tam nobilis, quam ignobilis, Rutheni, Iudaei, Armeni, Christiani et Pagani, citatos, ac literis citationum intercisis, non nisi sermone et caracteribus latinis, iuxta consuetudinem iuris terrestris Polonici conficiendis, legitime euocatos, pro causis,

tam paruis quam magnis, nullis exclusis, secundum hoc idem ius Polonicum, et ordinationes in libris statutorum regni nostri Poloniae specifice contentas, non aliter, quam nunc et in futurum judicarent temporibus aeviternis. Et quamuis iure ipso Polonico laudabiliter prouisum sit, ut in singulis terris eiusdem regni nostri, homines possessionati et indigenae, ex incolis cuiuslibet terrae seorsum, et non extraneae personae singulis officiorum terrestrium et castrensium in casu vacationis praeficiantur in hactenus: pro maiori tamen cautela et saecuritate praedictorum subditorum nostrorum Drohiciensium, praesenti priuilegio nostro id ipsum singulariter instituimus et ordinamus, ut in eodem districtu Drohiciensi huiusmodi officiales terrestres, per liberam electionem indigenarum et uniuersorum nobilium conuetionaliter congregatorum, de jure communi regni fieri solitam, ad eadem officia sua, totiens quotiens per decessum uacatura, non nisi cum ratihabitione nostra ducali successorumque nostrorum magni ducatu Lituaniae ducum; castrenses vero pro arbitrio nostro duntaxat ex eisdem incolis et indigenis districtis praedicti Drohicensis, per nos et successores nostros Lituaniae duces, dum modo uterque ipsorum officialium romanae religionis essent, deinceps instituerunt: de omnibus et singulis causis subditorum nostrorum praedictorum coram se legitime exortis, motis et mouendis, statutis a iure temporibus modo praemisso cognituri, confirmantes esse: nihilominus in hoc moribus et consuetudinibus approbatis, et approbandis terra cracouiensis, tam diu, quoadusque omnes aliae consuetudines iudiciariae uniuersarum terrarum regni nostri praedicti, per nos vel successores nostros Poloniae reges, aut eos, quorum interesset inuicem coaequarentur. Casu vero quo aliquis terrigenarum nostrorum Drohiciensium praedictorum, aut quispiam alius, in judicio terrestri vel castrensi Drohiciensi, sententiam contra se latum reportauerit, qua mediante crederet sibi quomodo libet praeiudicatum iri: extunc instituimus et ordinamus, ut in eiusmodi praeiudicio, liceat unicuique taliter condemnato, a sententia judicis et capitanei nostrorum predictorum, velut iniqua et erronea, ad nos et successores nostros Lituaniae duces, cum parte sua aduersa legitime appellare, et coram nobis successoribusque nostris, cum eadem parte aduersa iusticiam suam experiri meliorem, iudice et capitaneo illaesis, quietisque propterea manentibus, prout in terris Mazouiae et praesertim in terra nostra Plocensi, teneri et obseruari est consuetum. De poenis vero iudicialibus, per partes uictas legitime luitis, ad sortem nostram et successorum, officialiumque nostrorum, et etiam partis uincentis ex ui perlucrorum, vel quomodo aliter spectantibus, per officiales nostros castrenses, et terrestres, praesentes et futuros Drohicienses exigendis, ac de kmethonihus eorundem terrigenarum nostrorum Drohiciensium fouentes *(fouentur)*, manu tenentes *(tenentur)*. Mellificiis quoque seu apiasteriis, ac iniuriariis et damnis quomodolibet inde secutis et iusticia uicinis, cum subditis nobilium et terrigenarum pro quacunque re ministranda, cujuscunque ritus utrinque aut conditionis essent, nec non captiuandis et non euocandis ad quodcunque iudiciorum nostrorum eisdem terrigenis de proprio eorum districtu Drohiciensi pro quibuscunque eorum excessibus, totoque

processu iudiciario, ac inscriptionibus et aliis rebus quibuscunque, per singulos iudices et capitaneos nostros Drohicienses, pro tempore existentes, non aliter volumus obseruari, nisi quemadmodum iure ipso Polonico iuxta constituciones praedecessorum nostrorum, in toto regno hactenus teneri et obseruari solitum est ac consuetum. Ordinamus etiam ac instituimus, ut in singulis citationibus literalibus, terrestribus, sigillum terrestre districtus Drohiciensis, infra depictum, equum sellatum uno homine armato, litera S., ad perpetuam memoriam nominis nostri praecincto, in se continens, applicaretur subimpremeturque, totiens, quotiens fuerit opportunum. Quod quidem sigillum supra descriptum, praesenti priuilegio nostro ipsi districtui Drohiciensi et incolis ejus, pro tempore existentibus, quo ad praefatam necessitatem iudiciariam, ac pro armis terrestribus Drohiciensibus de nostrae celsitudinis clementia tribuendum, concendendumque duximus, prout tribuimus et concedimus perpetuis temporibus, per eos quorum interest obseruandum. Ut itaque praemissa omnia per nos concessa robur obtineant perpetuae firmitatis praesentes literas nostras scribi, sigillique nostri magni ducatus Lituaniae, iussimus et fecimus appensione communiri. Actum et datum Vilnae, die dominica laetare (2 martii) anno domini 1516. Praesentibus ibidem: reuerendo in Christo patre domino Alberto episcopo; ac magnificis et generosis: Nicolao Radziuiłowicz palatino vilnensi et cancellario, Gregorio Osszykovic trocensi et marschalco curiae, Alberto Gastold polocensi, Iohanne Zabrzezinski nouogrodensi, palatinis; Andrea Douoynovic succamerario, Georgio Hlinicz capitaneo brzestensi, Iohanne Szytouic, Nicolao Iundylouic, et Iohanne Hlebowic marschalcis caeterisque dignitariis et officialibus curiae nostrae, circa praemissa testibus fide dignis, syncere nobis et fidelibus nostris dilectis. Datum per manus praefati magnifici Nicolai Radziuiłouicz palatini vilnensis et magni ducatus cancellarii, syncere nobis dilecti.

Sigismundus rex significat.

Relatio eiusdem magnifici Nicolai Radziuilouic palatini vilnensis et magni ducatus Lituaniae cancellarij.

(Перепечатано изъ сборника Дзялынскаго „Zbiór praw litewskich“, стр. 118—121, варіанты въ скобкахъ изъ Volumina legum I, p. 384—387).

IV. Привилей отъ короля его милости Жикгимонъта всимъ обывателемъ шляхте земли Киевское на права о вольности ихъ.

Жикгимонтъ, Божью милостью и далей. Во имя Светыя Жывоначальные и нерозделимыя Троицы. Аминь. Мы, Жикгимонтъ, Божью милостью король Полский, великий князь Литовьский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецъкий и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучы его услышыть, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове, и бояре, и земяне вся шляхта Киевская о томъ, што

перво сего доброе памяти отецъ нашъ Казимиръ, король Польский и великий князь Литовъский, и потомъ братъ нашъ Александръ король, и мы сами дали имъ право добровольное хрестияньское и привильи нашими то имъ потвердили, потому, какъ отецъ нашъ далъ былъ имъ; потомъ, какъ зъ Божъего допущенья замокъ нашъ Берестей згорелъ, тые права вси трои были въ захованьи писара нашого, державъцы Дорсунишъского пана Ивашка Горностаевича зъ речъми его въ дому нашомъ господаръскомъ, и въ тотъ часъ огнемъ згорели,—онъ, будучи при насъ на служъбе нашой въ Кракове намъ то объявилъ; потомъ, будучи намъ въ отчине нашой великомъ князстве Литовъскомъ на великомъ вальномъ сойме, они жъ били намъ чоломъ, абыхъмо имъ водлугъ тыхъ первыхъ правъ ихъ знову дали имъ право тоежъ доброволное и потвердили листомъ нашимъ на вечъность. Мы зъ ласки нашое за ихъ верные а знаменитые къ намъ служъбы, ижъ они пилне а охотъне и верне намъ заслуговали и крови своее не мало за насъ и за паньства наши съ поганьствомъ и зъ иными неприятелми нашими розлили, и въ поганьскихъ рукахъ многие съ нихъ, у везеньи будучи, окрутными смертьми и нетствы и обтяжени надзу приймовали и терпели, и веру свою стале а цнотливе и непорушно заховали и заховываютъ къ намъ, яко къ пану своему прирожоному дедичному, тые права водле первое данины славъное памяти отъца и брата нашего, королей ихъ милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ духовънымъ и светскимъ. Напервей, церквамъ Божимъ—въ церъковъные люди и въ земли и во вси доходы и приходы намъ не вступатися. А безъ права людей намъ не казнити ани губити, ани именей не отнимати; а коли который завинить што, ино, осадивъ право, што вкажетъ виноватого, того по его вине казнити. А хто кого обадить а любо объмовить тайно ли, явно ли, ино того ниодною виною не казнити, ни нятствомъ, ани шиею, олижъ поставити его на явъномъ суде хрестияньскомъ, который вадить, и того, на кого важено, досмотревъ межи ними, право вчинити; а хто будетъ какъ заслужилъ, тотъ тое и втерпитъ, выменяя зрадцы, хто иметъ на насъ лихо мыслити або на землю нашу, того казнити шиею и именьемъ. А который будетъ какую вину заслужилъ, ино того самого казнити по его вине, а жоны и детей въ именьи не рушати: проступитъ отецъ, ино отъца казнити, проступитъ сынъ, ино сына казнити, а отца сыннею виною не казнити, а сына отцовою виною не казнити, только самого того казнити, хто будетъ виноватъ, а хто того вчастенъ. А отчинъ и выслугъ не отънимати, што которые будутъ выслужили у великого князя Витолта и у великого князя Жикгимонта, што придалъ великий князь Витовътъ и великий князь Жикгимонтъ, и отецъ нашъ, и потомъ князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чужыи, и съ того ихъ не рушаемъ и то все имъ потверждаемъ. А по животе жоне и детемъ именья держати; а въ кого детей не будетъ, ино ближънему; а жона тая, покуль усхочетъ по мужи вдовети, и она мужънимъ володееть. А записати жоне пенязи на именьи не на всемъ, но на подобъной части, а именья не записывати; и похочетъ за иного мужа поити, и она съ тымъ идетъ, што будетъ мужъ еи записалъ, а именье

детемъ зоставити, а детей не будеть, ино ближънему; а будеть пустый человекъ—ни детей, ни племени, ино на насъ тое именье. А князи и панове, которые выслуги держатъ, кому потвердили листы нашими, въ томъ волни: къ церки по души дати, заменити, продати и отдати зъ нашимъ прозволеньемъ; а прикажеть кому статъки свои, ино намъ того не рушати. А на церъковъные люди и на князские, и паньские, и боярские децъкихъ не давати, перво обослати листомъ, штобъ ку праву сталъ а любо человека поставилъ; а не станеть ли альбо человека не поставитъ, до кого дело, ино повъторе обослати; не станеть ли и повторе, тогды децъкого дати, а вину господаръскую осужоную заплатити, чий будеть человекъ. А коли проступить бояринъ, ино воеводе нашому осудивъ и за поруку дати, до насъ отъложити: мы пакъ будемъ вольни въ той вине взяти и отъпустити. И которые княжата и панята хотять ехати до чужихъ земль, и они, узвестивъшися намъ а любо нашому воеводе чоломъ вдаривъши, а въ своемъ именьи служъбу осадивъши такъ добрую, какъ бы и самъ, а безъ себе и зъ своими людми до кого будеть дело, кому право велети давати, тогды можеть *(ехати)* зъ докладомъ, ажъ земъское служъбы не будеть; а безъ нихъ именей ихъ не рушити, толко въ неприятельскую землю не ехати противъ насъ и нашое земли. Такъ же, хто иметь на кого гонити *(сочити)*, ино того сока съ нимъ поставити; альбо слуга добре врожоный шляхтичъ на пана своего што иметь сочити, а не доведеть, ино намъ того казнити, какъ потварцу; а коли будеть человекъ или холопъ, или роба на господара своего сочити, ино съ человекомъ и съ холопомъ, и зъ робою суда нетъ, а человека и холопа, и робу господару выдати. А Киенина, какъ и Литвина держати въ чъсти и во всихъ вредехъ, ни въ чомъ не понижити; а городки и волости Киевъские Кияномъ держати, а иному никому: будемъ ихъ давати, кому ся будеть годити. А которые князи и панове, и бояре Литовъские держатъ именья въ Киевской земли, тымъ служъба заступовати съ тыхъ именей съ Кияны самымъ своими головами. А церъковнымъ людемъ и князскимъ, и паньскимъ село отъ села подводъ не давати. А выдавъку, коли ся оба выдадуть, и оба шапъками вергнуть, ино то выдавъка; а одинъ ся выдасть, а другий ся не выдасть, то не выдавъка. А татъ што въ кого вкрадеть, а доищуться тое татьбы, а татьба будеть великая, не узможегъ ли того заплатити, ино татя на виселицу; а къ жоне будеть носилъ, а жона будеть ведала а поживала зъ детьми, ино и жона винъна зъ детьми; а што взялъ, то господару вернути, въ кого вкрадено; а коли узможеть заплатити, ино истъцу заплатити татинымъ именьемъ, а лице на дворъ. А церъковънымъ людемъ и князскимъ и паньскимъ езовъ не езити и сена не косити, и дворовъ нашихъ не селити, толко имъ знати своихъ господарей, хто кому служить; наши дворы нашими людми селити. А што придалъ люди князь Александро и князь Семенъ, тымъ людемъ такъ же езовъ не езити а сена не косити и дворовъ нашихъ не селити. А городки Киевъские по старому: делати города кожъдому надобе. А бобровъ по церъковнымъ и по князскимъ, и по паньскимъ, и по боярскимъ селамъ не гонити: *(гонити)* нашимъ бобровъ-

никомъ по нашимъ землямъ и водамъ. А людей нашихъ тамошнихъ ани Литовъскихъ имъ за себе не приймовати, а намъ великому князю церъковныхъ людей и князскихъ и паньскихъ за себе не приймовати, отчизныхъ людей непохожихъ. А въ облаву церъковънымъ людемъ и князскимъ и паньскимъ не ходити. А княземъ, паномъ и бояромъ съ послы къ орде не ходити, слугамъ ходити; будеть ли потреба къ орде съ нихъ кого послати, мы маемъ того обослати, а онъ маетъ ехати въ посельстве. Такъ же просили насъ князи и панове, и земяне Киевъские, ижъ бы имъ новины уводили врадники наши, воеводы Киевъские, зъ ихъ людей куницы свадебъные на себе беруть, и тежъ на именья ихъ слугъ насылають и безъ кожъдого права грабять ихъ самыхъ и людей ихъ; такъ же, хто бы ся заложилъ о которое право до насъ господара, и они ихъ до насъ не допущають; и тежъ о мыта новые, где здавъна не бывали, а ново уставленые;—и били намъ чоломъ, абыхъмо имъ тые новины отъложили. И мы, о томъ помысливъши съ паны радою нашою, уставляемъ такъ: што ся дотычеть куницъ свадебъныхъ, коли нашъ чоловекъ въ князского чоловека а любо въ паньского, а любо въ земяньского пойметь девъку, ино выводная куница господару, въ чиего чоловека девъку пойметь; а пойметь князский або паньский, або земяньский чоловекъ въ нашого чоловека девъку, ино куница выводная нашому воеводе зъ нашого чоловека. А о грабежи безправъные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь або панъ, або чоловекъ нашъ пожаловалъ нашому воеводе на князя або на пана, альбо на боярина Киевъского, ино ему обослати листомъ по два кроть, абы передъ нимъ ку праву сталъ; а паклибъ на листы его не сталъ, ино третий разъ послати децъкого и поставити ку праву, и седши съ князи и паны и бояры Киевъскими того досмотреть, и хто въ томъ зостанеть виненъ, на виноватомъ сужоное отправити; а хто бы не уступая въ право передъ нашымъ воеводою отозвалъся до насъ господара, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обеюхъ сутяжихъ, передъ себе, и дати имъ рокъ подобъный передъ нами стати; а который бы съ нихъ на тотъ рокъ передъ нами не сталъ, выйменяя служъбы нашое, або Боже вховай немощы, а отволокая правомъ, тогды воевода нашъ маеть моцъно его передъ собою ку праву поставити, безъ кожъдого отъзыванья передъ насъ, и справедливость маеть тому вчинити наконецъ. А о мыта новые такъ уставляемъ: где бы здавъна не бывали за предковъ нашихъ, за великого князя Витовта и за Жикгимонъта и перво сего за отъца и брата нашого, королей ихъ милости, тутъ и теперь не потребъ воеводамъ нашимъ мытъ новыхъ уставляти, нижьли старые звечъные мыта мають браны быти по давъному. Такъ же зъ щедро(б)ливости нашое господарское хочемъ заховати князей и пановъ и ихъ людей отъчизныхъ и выслуженыхъ во всихъ именьяхъ ихъ въ таковыхъ волностяхъ, ижъ воеводы Киевъские нинешние и потомъ будучие не мають въ именья ихъ всылати по пасекамъ и по землямъ бортъным медовъ на себе брати, а по рекамъ не мають бобровъ гонити и озеръ ихъ волочити, ани по лукамъ ихъ осетровъ брати, ни по ловомъ всякого зверу ловити, ни стреляти, ни птахъ не ловити, ани стрельцовъ

своихъ не мають въ ихъ именьяхъ всылати. А на служъбахъ нашихъ въ княжатъ и панятъ Киевскихъ силою языковъ воеводе Киевъскому не отънимати. А по подворьямъ въ замку и въ месте Киевъскомъ по князьскимъ и паньскимъ слугамъ воеводинымъ и жолънеромъ нашимъ безъ воли ихъ не стояти. И езовъ ихъ по Днепру и по Припети и по всимъ рекамъ въ именьяхъ ихъ десятое рибы на себе воеводамъ не брати. А на месте Киевскомъ и по инъшимъ замъкомъ нашимъ, што кольвекъ люди ихъ на продажу привезуть медовъ, житъ и яринъ, и бобровъ, и куницъ, и лисицъ, и рибъ свежихъ и вялыхъ, того всего воеводы Киевъские, пенязи не заплативъ или силою не мають брати, и людей ихъ и чолновъ ихъ въ нихъ не мають брати и въ подводы посылати. А на пословъ нашихъ и на татарскихъ и иныхъ, которые до насъ черезъ Киевъ идуть и зася назадъ, люди ихъ не мають стацей и подводъ давати. А коли воеводы наши Киевъские отъ насъ до Киева едуть або съ Киева до насъ, або по пригородкамъ нашимъ ездять, або слугъ своихъ посылаютъ, ино людемъ церъковънымъ, князьскимъ и паньскимъ и боярскимъ на воеводъ становъ не радити и стацей имъ и слугамъ ихъ и подводъ не давати. А што люди церъковъные и князьские, и паньские, и боярские стерегивали недели въ Чорнобыли и подводы даивали воеводамъ и посломъ, и гоньцомъ нашимъ и татарскимъ, мы имъ и людемъ ихъ зъ ласки нашое то вечъно отпустили. А подымщины людемъ ихъ намъ господару не давати, нижъли мають они паномъ своихъ давати, хто кому служить. А сокольихъ гнездъ людемъ ихъ не стеречи. А войтъ и мещане Киевъские въ пущи, то естъ въ лесы и дубровы церъковъные и князьскии и паньские своволне не мають всылати, дерева и дровъ безъ упроса ихъ брати, а мають брати дерево и дрова въ селехъ нашихъ, где будуть передъ тымъ бирали. А людей ихъ, которые въ месте нашомъ мешкають, не мають ани судити ани радити: судити тыхъ людей господаремъ ихъ, хто кому служить; а *(въ)* право местъское и въ служъбы, и въ поплатъки людей ихъ не маютъ привлащати, кромъ, хто будетъ въ ринку клетъку мети и купчити, а торгомъ ся обыходити, тотъ будетъ повиненъ зъ местомъ поплатъки наши господаръские платити, а поборовъ ихъ местскихъ, што они будуть межи себя на свои потребы покладати, не будуть повинъни въ томъ мещаномъ помогати ани передъ ними въ жадъное право не мають ся становити. И тое право, даное имъ отъ насъ и отъ предковъ нашихъ, маемъ во всемъ твердо держати и ни въ чомъ не рушати. А естъли бы воеводы наши Киевъские нинешние и потомъ будучие хотели имъ въ чомъ кольве кривъду и втисненье вчинити, тогды мы и потомъкове наши будемъ повинъни того боронити и недопускати никоторыхъ чловъковъ съ тыхъ правъ рушити, и предся маемъ ихъ супольне а моцъне держати и боронити, абы были въ той вольности заховани. А на твердость того и печать нашу маестатъную великого князства Литовъского казали есмо привесити къ сему нашому листу. И при томъ были панове рада наша: князь Янъ бискупъ Виленьский; князь Павелъ бискупъ Луцъкий и Берестейский; князь Миколай бискупъ Жомойтский; воевода Троцъкий, гетманъ нашъ навышъший, староста

Браславъский и Веницкий, князь Костянътинъ Ивановичъ Острозский; воевода Виленъский, канъцлеръ нашъ, староста Белский и Мозырский, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Виленьский, староста Городеньский, маршалокъ нашъ дворный, державъца Лидский и Белицкий, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича; панъ Троцкий, староста Жомойтский, панъ Станиславъ Станиславовичъ Яновича; маршалокъ земъский, воевода Новъгородский, державъца Мерецкий и Ошменьский и Довъкговъский, панъ Янъ Яновичъ Заберезеньский; воевода Полоцъкий, староста Дорогицъкий, державъца Ожъский и Переломъский, панъ Петръ Станиславовичъ; воевода Витебъский, маршалокъ нашъ, панъ Янъ Юревичъ Глебовича; староста Берестейский, маршалокъ нашъ, державъца Вилкейский и Острински, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича; воевода Подляшъский, маршалокъ нашъ, панъ Иванъ Богдановичъ Сопега; подскарбий земъский, маршалокъ и писаръ нашъ, державъца Слонимъский и Каменецкий, панъ Богушъ Боговитиновичъ; подскарбий дворный, державъца Веленьский, панъ Иванъ Андреевичъ и иные панове рада наши великого князьства Литовъского. Писанъ у Вильни подъ леты Божего Нароженя тисяча пятьсотъ двадцать девятого месяца сенътября первый день, инъдиктъ третий. Рука королевъская. Олбрахтъ Кгаштолтъ Канцлеръ. Копоть писарь.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXV, л. 157—162. Слова въ скобкахъ—изъ Акт. Зап. Рос. II, № 30).

V. Привилей всимъ обывателемъ воеводства и места Полоцкого на права и вольности, имъ наданые.

Во имя Божье станься. Ижъ всякие вчинъки цнотливые, которые зъ обычаевъ людскихъ походять и бываютъ въ заховалостяхъ ихъ деланы, которые жъ на знаимость звычаю вчинного часы своими явне ся черезъ досветъченья оказують и верне а стале доконують, годно естъ, абы слушне тежъ вчинъности своей поживали и были бы ознаймены на писмехъ выложоные и потвержоны для ведомости потомъ пришлое людское, абы часу посполитого съ памяти не сходило. А прото мы Жикгимонтъ Августъ Божью милостью король Полский и великий князь Литовский, Русский, Пруский, Жомойтский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи услышить нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Били намъ чоломъ бояре Полоцкии и мещане и весь городъ, вся земля Полоцкая, и клали передъ нами листы деда нашого Казимира и дяди нашого Александра и пана отца нашого, королей и великихъ князей ихъ милости, штожъ ихъ милость перво сего пожаловали имъ, дали имъ права вольная добрая християнская, какъ въ коруне Польской, какъ жо и перво того которое доброволеньство мели отъ продковъ нашихъ великихъ князей, отъ великого князя Витовта и Жикгимонта и Скиркгайла, и просили насъ, абыхмо имъ вси тые права и доброволеньства нашимъ привильемъ потвердили. Мы бачачи, ижъ яко

продкове ихъ, такъ и они завжды у суполной верности заховалися ку продкомъ нашимъ и къ намъ, хотячи имъ тую сталость ихъ веры и послугъ щедробливостью нашою панскою отдати, зъ особливое ласки нашое господарское вси тые доброволеньства, листы предъковъ нашихъ, деда и дяди и отца нашого, королей и великихъ князей ихъ милости симъ нашимъ листомъ потвержаемъ и права вольная християнская добрая и справедливая симъ нашимъ привильемъ на вечные часы даемъ. Напервей, въ церкви Божьи и въ именья церковные намъ не вступатися въ домъ Божий Светого Соѳея и въ домъ Божий Светого Спаса и въ иные домы церковные намъ не вступатися. А хто кого обадить явно а любо тайно, ино намъ его не карати ни одною виною, ани именьемъ, ни нятьствомъ, ни серебромъ, ни горломъ, олижъ поставити его очи на очи на явномъ суду хрестиянскомъ, и того хто вадилъ, и того на кого вадилъ, и досмотревши межы ними право вчинити; а хто будеть што заслужилъ, какъ право вкажеть, такъ его карати, по его вине, а жоны и детей не займати, а именья не рушати; нижли который будеть въ томъ деле а то ведалъ, тыхъ карати: проступить ли отецъ, ино отъца карати; проступить ли сынъ, ино сына карати, а отца за сыньнюю вину не карати, и сына за отцову вину не карати, толко того самого карати, хто виноватъ будеть. Такъ же хто держить отчизная именья своя, а любо што кому будеть великий князь Витовтъ далъ, и великий князь Швитригайло далъ, и дедъ и дядя и отецъ нашъ короли ихъ милость што кому дали, и мы што кому дали, то ему и держати, какъ у королевстве Полскомъ князи, панове и мещане держать: всхочетъ хто свое именье продати, или отдати, или заменити съ кимъ, ино намъ або наместникомъ нашимъ явивши, продати и заменити. А въ купленины намъ Полоцкие не вступатися, такъже и во бедъзащины *(беззащины)* ихъ и въ вотумерщины не вступатися намъ. Такъже который бояринъ, а любо мещанинъ отойдетъ съ сего света, ино жона тая вдова, доколе на вдовьемъ столцы седить, и именьемъ мужнимъ володаеть; и коли всхочеть пойти за иного мужа, ино ее силою замужъ не давати, а пойти ей съ тымъ, што ей будеть мужъ записалъ, и штобы то было сведомо племени первого мужа або инымъ добрымъ людемъ, а именья зоставити детемъ, а не будеть дети, ино братьи, а не будеть братьи, ино ближнимъ первого мужа. Тежъ на боярские люди и на мещанские себры децкихъ намъ и наместникомъ нашимъ не давати; а будеть ли кому кривда, ино перво у господаря его искати правомъ; паки ли не всхочеть господаръ его подобнымъ рокомъ права вчинити, ино намъ и наместникомъ нашимъ децкихъ давати; а вина которая будеть осужона, ино господару своему заплатити, а въ люди намъ боярские не вступатися. А *(воеводе нашому Полоцкому)* мещанъ одному не судити, судити ему зъ бояры и зъ мещаны; а черезъ паруку въ нятьство не сажати, а по муце веры не иняти. А холопу и робе веры не иняти. А въ подводы намъ коней въ Полочанъ не брати, ни въ посельскихъ путниковъ, ни въ сябровъ городскихъ; такъже зъ боярскихъ и зъ мещанскихъ селъ людемъ ненадобе никакою службою тягнути къ нашимъ кнежимъ дворомъ. А старыхъ судовъ намъ

не посуживати, ани своихъ судовъ судивши не посуживати. А въ заставу намъ бояръ и мещанъ Полоцкихъ и поселскихъ путниковъ не посылати; а заставъ намъ въ Полтескъ никоторыхъ Полочаномъ николи не давати безъ ихъ воли. А съ нами имъ быти готовымъ на войну. А по волости нашой воеводе нашому Полоцкому не ездити; а поедеть ли коли въ ловы, ино по станомъ не даровати. А станеть ли ся въ которого Полочанина татьба, а доищуть ли ся татьбы, ино господару отдати; а чого не достанеть, ино татя выдати. А бобры гнати по старой пошлыне. Такъ же важницу въ замъку, або въ месте нашомъ Полоцкомъ, которую перво того держали бояре посполъ зъ мещаны, за предковъ нашихъ, за деда нашого Казимера короля его милости, а потомъ съ тое важницы дядя нашъ Александръ король его милость платъ былъ взялъ ку скарбу его милости: ино король его милость старший, панъ отецъ нашъ, зася тую вагу и платъ съ нее бояромъ и мещаномъ дати рачилъ. А такъ и мы зъ ласки нашой при той важницы ихъ заховываемъ: мають они на полы, по давному, подле уставы предковъ нашихъ ее мети: то естъ мають въ кождый годъ держати по два боярины а по два мещанины и платъ съ нее выбирати, и свою половину мають обернути на свои потребы. Такъ же которые домы и местца церквамъ Божимъ наданы здавна отъ предковъ нашихъ, або владыка и игуменья, и иные князи и бояре, и мещане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божимъ, и тые домы и местъца суть въ замку, або середь места Полоцкого; и будуть ли за пановання щастливое памети деда нашого Казимира короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звечныхъ местцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мели: мы и теперь владыце и игуменьи дозволяемъ на тыхъ местъцахъ ихъ и въ тыхъ церковныхъ домехъ слуги и иные закладни за собою мети и ихъ судити *(садити)*, а то тымъ обычаемъ: ижъ мають имъ служити, а поземъ имъ, господаремъ своимъ, съ тыхъ местецъ мають давати; и будуть ли ся которые съ нихъ торгомъ обыходити, они мають серебъщизну и ордынщину зъ местомъ нашимъ платити. А которые за местомъ фольварки и поля и сеножати церковные владыка и игуменья мають, на тыхъ поляхъ и на сеножатехъ не мають торговыхъ людей, ани ремесныхъ за собою садити, нижли мають садити людей селскихъ, которые бы тамъ хлебъ пахали. Такежъ бояре Полоцкие, тымъ жо обычаемъ, которые съ нихъ отчизные свои домы и местца внутры города мають або на месте Полоцкомъ, и тежъ естли будуть еще за деда нашого Казимира и за дядка нашого Александра и за отца нашого, королей ихъ милости, отцы ихъ и они слушнымъ а рядным обычаемъ которые дворыща покупили або зъ данины ихъ милости мають, тымъ и тепере мы дозволяемъ на тыхъ дворищахъ слугъ и людей за собою садити и ихъ судити потомужъ; который бы съ нихъ хотелъ купетъствомъ або ремесломъ которимъ ся обыходити, тые мають зъ мещаны нашими серебъщину и ордынъщину платити и иные слушные поплатки, къ пожитку нашому и земъскому.. А што ся тычеть серебщины, которуюжъ войтъ и бурмистры и радцы на свои потребы кладуть на место нашо, того церковнымъ людемъ и боярскимъ помагати не надобеть. И тежъ которые

бояре будуть мети близько места зъ стародавна свои лесы и боры, и дубровы, и гаи, въ тыхъ ихъ лесехъ и борехъ и дубровахъ и въ гаехъ не маютъ мещане на свои потребы местские дерева брати на будованье домовъ и на дрова, нижли маютъ мещане на свои потребы дерево брати около места, по нашихъ борехъ и лесехъ и дубровахъ и гаехъ, где здавна будуть брали, а въ боярскихъ не маютъ брати; а естли бы который бояринъ своею доброю волею дозволилъ мещаномъ у своемъ лесе и въ борехъ, и дубровахъ дерево брати, ино то естъ въ его воли. Такежъ въ которого Полоченина загудять воскъ въ Ризе или инде, а прийдеть до Полоцка: ино Полочаномъ взяти тотъ воскъ къ собе въ городъ, а карати его Полочаномъ по своему праву, а намъ въ то не вступати. А Полочаномъ нашихъ рекъ и озеръ не таити; а хто потаить, и мы ихъ карати маемъ. А Полочаны намъ не даритися никому. Такъ же есмо и мыта имъ отпустили по всей нашой державе, и тежъ и серебъщину отпустили есмо вечне. А которые Полочане межи собою побьютъца, а за децкимъ поеднаютца, ино намъ куница шерстью зъмирщины; такъ же, коли посварятъца Полочане и выдадуться оба въ кольце, ино та вина наша; а естли одинъ выдастся, а другий не выдастся, того есмо имъ отпустили. А за закладную куницу брати по десети грошей, а борцу по два гроши; такъ же децкованья отъ рубля по чотыри гроши, а помилного по грошу; а владычнему слузе и боярскому потомужъ децкованье. А воеводинымъ слугамъ тивунства городского не держати, а съ тивуномъ воеводинымъ слугамъ по волости Полоцкой не ездити; а тивуну городскому на нашъ дворъ по три гроши на день. А на Черсвете воеводинымъ слугамъ не судити, судити тивуну по старой пошлине; такъже на Невли судьи не быти и по всей волости Полоцкой, судити воеводе на городе. А тамъ же владыце на попехъ Полоцкихъ куница соборная шерстью; а въ пригонъ попомъ и игуменомъ и *(къ)* владыце не ходити; а церковныи домы присмотрати старостамъ городскимъ; а церковныхъ земль владычнымъ слугамъ не держати. А гривострыжъцу по волости не ездити, ани лну брати. Такъ же намъ господару давати намъ воеводу нашого Полочаномъ по ихъ воли; а который будеть воевода нашъ нелюбъ имъ, и намъ воеводу дати по ихъ воли; а приехавши воеводе нашому къ Полоцку первого дня крестъ целовати Полочаномъ на томъ, штожъ безъ ихъ справы Полочанина не карати ни въ чомъ. А воеводу городомъ не даровати. Тежъ Полочаномъ всимъ жити въ Полоцку доброволно, покуль хто хочеть; а будеть ли которому Полочанину отъ насъ насильство, намъ его силою не держати: ино ему путь чистъ, куды хто хочеть, безъ всякое зачепки; а во своемъ именьи во всемъ воленъ, идучи прочъ, продати або которому приятелю своему приказати, въ то намъ не вступатися. А который Полочанинъ иметь намъ о чомъ жаловатися о насильи на Полочанина, приехавши до Литвы одинъ, безъ истца: намъ зъ Литвы децкого не слати, писати намъ листъ свой къ воеводе нашому, хотя бы о смертной вине: ино ему судити по целованью, осудивши его, въ Полоцку жъ карати виноватого по ихъ праву, съ Полочаны по испросу. А воеводе нашому отъ пригоновъ городскихъ посула не брати. А чоломъбитье намъ въ Полочанъ приймовати. Такъ же воеводе

нашому отъ варь имати гостинца по полукопью грошей отъ всякой вары. А на твердость того всего и печать нашу казали есмо привесити. А при томъ были панове рады наши великого князьства Литовского: бискупъ Виленский князь Павелъ, княже Голшанское; воевода Виленский, канцлеръ великого князьства, державца Бобруйский и Борисовский, панъ Янъ Юревичъ Глебовича; панъ Виленский, державъца Упитъский, панъ Григорей Григорьевичъ Остикъ; воевода Троцкий князь Янушъ Юревичъ, княже Голшанское; панъ Троцкий, староста Жомойтский, державца Плотелский и Телшовъский, панъ Еронимъ Александровичъ Ходкевича; маршалокъ земъский, державца Шовленский, панъ Миколай Яновичъ Радивилъ; воевода Киевъский князь Ѳредрыхъ Глебовичъ Пронский; воевода Полоцкий панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно и иные панове рады наши. Писано и дано у Вильни лета Божего нароженья тисеча пятьсотъ сорокъ семого году месяца ѳевраля двадцать первого дня, индикта пятого. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXXI, л. 31—34. Слова въ скобкахъ взяты изъ списка 1511 г. См. Акты Зап. Рос. II, № 70).

VI. Tenor priuilegij ratificatorij territorij Drohiciensis.

In nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Russiae totiusque Prussiae, Samogitiae, Masouiae etc. dominus et haeres. Significatum esse volumus vniversis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia, inherentes maiorum nostrorum magnorum Ducum Lituaniae vestigiis, qui, volentes subditis suis ex suae Regiae clementiae Liberalitate et beneficientia gratificari ipsosque sibi ad optime de se merentes magis fidos et promptiores efficere, ipsis aut libertates et priuilegia Publica et priuata clementer denuo concedere aut concessa confirmare soliti fuerant: quare nos etiam, quamuis omnia iura, priuilegia omnium ordinum incolarum huius magni Ducatus Lituaniae speciali diplomate nostro in vniuersum in praesenti conuentu generali huius Magni Ducatus Lituaniae approbauerimus, tum, cum instantissime esset nobis suplicatum nomine vniuersae Nobilitatis Territoriorum Drohiciensis et Melniciensis per quosdam e medio eorum huc ad praesentem Conuentum ad nos missos, vt ipsorum quoque iura, leges, constitutiones, libertates, priuilegia et praerogatiuas priuatas et publicas a maioribus nostris datas et concessas approbare, ratificare et confirmare dignaremur; ob id itaque supplicationibus pro clementia nostra annuentes incolarum vniuersorum ordinum ipsorum Territoriorum supramemoratorum, nempe Drohiciensis et Melnicensis, iura, libertates, leges, constitutiones, priuilegia et prerogativas omnes publicas et priuatas, a maioribus et praedecessoribus nostris ipsis datas et concessas ac legittime emanatas, in omnibus et singulis earum punctis et clausulis et conditionibus, quae et quas hic pro expressis habere volumus, Approbandum, confirmandum et ratifi-

candum decernimus cum vniuerso senatu nostro, ipsas omniaque in eis contenta firma et valida esse debitamque vim et vigorem habere et obtinere debere perpetue et in aeuum. Harum testimonio litterarum quibus sigillum nostrum est appensum. Actum et Datum Vilnae in Conuentione generali die vigesima tertia Mensis Februarij Anno Domini Millesimo quingentesimo quadragesimo septimo. Praesentibus Reuerendis in Christo Patribus et Magnificis dominis, strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi Episcopis; Ioanne Hlebowicz Pallatino Vilnensi Cancellarioque nostro et Tenutario in Bobroisko, Borisow; Gregorio Oscikowicz Castellano Vilnensi, Tenutario Vpitensi, Ioanne Iuriewicz, Duce Dubrowiensi, Pallatino Trocensi, Tenutario Mohilouiensi, Hieronimo Chodkiewicz Castellano Trocensi, Capitaneo Samogitiensi, Nicolao Iohannis Radiuił Marschalco Terrestri, Tenutario Soulensi, Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chodkiewicz Nouogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Cziechonowicz Viteblensi Pallatinis; Andrea Sanguszkowicz duce de Koszir Capitaneo Luceoriensi, Iwano Hornostaij Marschalco Curiae et Tesaurario Terrestri, Praefecto Slonimensi; Nicolao Georgij Radziwil Pocillatore, Ioanne Ioannis Radziwil Structore mensae, Stanislao Nicolai Kieszgal Dapifero; Gregorio Chodkiewicz Succamerario; Nicolao Petri Olechnowicz Gladifero, Nicolao Andrusszowicz Praefecto Equisonum nostrorum, Tenutario Ozensi et Perelouiensi; Nicodemo Ioannis a Czechonowicz Mielnicensi, Nicolao Alberti Narbut Kreuensi et Moziriensi praefectis, Marschalcis Alijsque officialibus dignitarijs ac consiliarijs nostris fidelibus, nodis dilectis. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXXI, л. 89, 90).

VII. Tenor priuilegij districtus Bielscensis.

In nomine Domini Amen. Ad aeternam rei memoriam. Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae totiusque Prussiae, Samogitiae etc. Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit vniuersis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia quum in hoc conuentu generali ex clementia nostra singulari ad petitiones supplicationesque vniuersorum ordinum magni huius Ducatus nostri Priuilegia omnia et singula a maioribus nostris habita, omnium hominum incolarum eiusdem approbauerimus, id quod ex literis seu diplomate nostro super his per nos illis dato et concesso videre est; tamen, cum esset nobis specialiter suplicatum nomine vniuersae Nobilitatis terrae Bielscensis et Territoriorum eius per quosdam e medio eorum videlicet Ioannem Mienskij et Martinum Viszenskij Ialbrzyk, huc ad praesentem conuentum missos; quia quamuis habeant priuilegium ex concessione serenissimi olim Alexandri Regis Poloniae et Magni Ducis huius Ducatus nostri Lituaniae, Patrui nostri desideratissimi, quibus illis permissum fuerat, vt consuetudinibus et jure Polo-

nico vterentur et gauderent, prout et hactenus vsi sunt et gaudebant, sed quia in eius modi Priuilegio essent quaedam, quae a iure, legibus et consuetudinibus Polonicis discrepant et diuersa sunt, Quare summo studio a nobis orauerunt, vt sublatis exceptionibus eiusmodi omnibus, quae a iure legibus et consuetudinibus iuris Polonici, quo ipsi sic vtuntur, discreparent et disconvenirent, potius illis permitteremus, vt et in vniuersum et vt dicitur totaliter et plene consuetudinibus et iuribus Polonicis vterentur ipsi et eorum posteri perpetuo. Quorum nos supplicationibus clementer annuentes et inherentes maiorum nostrorum Magnorum Ducum Lituaniae vestigiis volentesque eosdem obligatiores et alacriores ad optime de nobis et Reipublicae huius magni Ducatus nostri Lituaniae benemerendum facere cum vniuerso senatu nostro decernimus, vt deinceps semper perpetuis temporibus vniuersa nobilitas incolae terrae Bielscensis et eius territoriorum et districtuum omnium gaudeant et vterentur Iuribus, legibus et consuetudinibus Polonicis, perinde atque nobilitas terrae seu districtus Drohiciensis ex speciali concessione maiorum seu predecessorum nostrorum foelicis memoriae Magnorum Ducum Lituaniae ex praerogatiuis ipsis datis concessis et legitime emanatis, Quas et hic volumus habere pro expressis, hactenus vtitur et gaudet. Decernentes insuper omnes alios quoscunque abvsus isthic contra leges, constitutiones et iura polonica hactenus existentes, et siue ex priuilegijs aut consuetudine seu potius desuetudine aliqua aut improbitate etiam aliquorum officialium aut cuiusvis magistratus siue quacunque alia ratione exceptos, specificatos vel reseruatos et introductos, esse tollendos et abrogandos, prout eosdem et per praesentes tollimus et abrogamus perpetuo. Volentesque deinceps semper futuris perpetuis temporibus vniversos et singulos dignitarios seu officiales terrestres et castrenses et alios quosuis praesentes et futuros, iam constitutos et imposterum constituendos, non aliter se debere nec posse gerere erga illorum Territoriorum incolas, quam secundum praescriptum jurium, legum et consuetudinum Polonicalium praesentium et futurorum, quibus Districtus Drohiciens gaudet. Alioqui si quid contrarium fuerit in premissis per quempiam hominum attentatum, id decernimus nullum et invalidum eiusque modi attentatores penis seu mulctis, in iuribus Polonicis constitutis et contentis, puniendos et mulctandos semper perpetuo. In quorum omnium fidem et testimonium praemissorum sigillum nostrum est appensum. Datum Vilnae in Conuentione generali die vigesima tertia mensis Februarii Anno Domini Millesimo quingentesimo quadragesimo septimo. Praesentibus Reuerendis in Christo Patribus ac Magnificis dominis strenuis ac generosis militibus: Paulo Vilnensi, Georgio Luceoriensi, Venceslao Mednicensi Episcopis; Ioanne Hlebowicz, Palatino Vilnensi Cancellarioque nostro et Tenutario in Bobroisko et Borisow; Gregorio Oscikowicz, Castellano Vilnensi, Tenutario Vpitensi; Ioanne Iuriewicz Duce Dubrouiensi Pallatino Trocensi, Tenutario Mohilouiensi; Hieronimo Chodkiewicz, Castellano Trocensi, Capitaneo Samogitiensi; Nicolao Ioannis Radziuil Marschalco Terrestri, Tenutario Schowlensi; Stanislao Dowoino Polocensi, Alexandro Chodkiewicz Nouogrodensi, Stanislao Petri Kiszka de Czechonowiecz Viteblensi Pallatinis;

Andrea Sanguszkowicz Duce de Koszir Capitaneo Luceriensi, Iwano Hornostay Marschalco Curiae et Tesaurario Terrestri, Praefecto Slonimensi; Nicolao Georgij Radziuil Pocillatore, Ioanne Ioannis Radziuil structore mensae, Stanislao Nicolai Kiezgal Dapifero; Gregorio Chodkiewicz succamerario, Nicolao Petri Olechnowicz gladifero, Nicolao Andruszowicz Praefecto Equisonum nostrorum, Tenutario Ozensi et Perolouiensi, Nicodemo Ioannis de Cziechonowicz Mielnicensi, Nicolao Alberti Narbuth Kreuensi et Moziriensi Praefectis Marschalcis Alijsque offiicialibus dignitarijs ac Consiliarijs nostris fidelibus nobis dilectis. Sigismundus Augustus Rex.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXXI, л. 90, 91).

VIII. Привилей всей земли Волынской на права и вольности ихъ.

Во имя Божье станься. Ижъ всякие вчинки цнотливые, которые зъ обычаевъ людскихъ походять и бывають въ заховалостяхъ ихъ деланы, которые жъ на знаимость звычаю вчинного часы своими явне ся оказують и верне а стале доконують, годно естъ, абы слушне тежъ вчинъности своей поживали и были бы ознаймены на писмахъ выложеные и потверженые для ведомости потомъ пришлое людское, абы часу посполитого съ памети не сходило. Прото мы, Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кому будеть потребъ того ведати. Били намъ чоломъ духовные и светъские— владыка Володимерский и владыка Луцкий и князи, и панове, и земяне, и вся шляхта Волынское земли и покладали передъ нами привилей короля его милости старшого и великого князя Жикгимонъта, пана отца нашого, въ которомъ пишеть, ижъ они клали передъ его милостью отцомъ нашимъ листы деда нашого Казимира и дяди нашого Александра, славное памети королей ихъ милости, на права и вольности свои, которые листы, права ихъ, его милость король старший, панъ отецъ нашъ, рачилъ имъ, всей земли Волынъской, потвердити и при моцы заховати, и на то его милость привилей свой имъ далъ, — и били они намъ чоломъ, абыхмо и мы водле того привилья отца нашого заховали и на то привилей нашъ имъ дали и потвердили быхмо имъ тые права нашимъ привильемъ, и держали ихъ подлугъ права ихъ земли. А такъ мы, углянувши у привилей короля его милости старшого, пана отца нашого, на прозбу ихъ то есмо вчинили и тые права и вольности ихъ, какъ было за деда и дяди нашого, королей ихъ милости, и за отца нашого короля его милости старшого, при моцы заховываемъ и тымъ привильемъ нашимъ потвержаемъ: Ижъ старосты и наместъники наши не маютъ на нихъ децкихъ своихъ слати первымъ разомъ: коли на кого жалоба прийдеть, ино того первымъ листомъ и другимъ обослати; а коли на тые два листы не станеть, тогды децкого послати; а коли за тымъ децкимъ не станеть, ино децкованье маеть заплатити, а

старосте и наместъникомъ нашимъ на томъ всказати и отправити. И тежъ который слуга або чоловекъ князьский и панский а любо земянъский убьеть кого, ино старосты и наместъники наши и маршалокъ земъский, и ключникъ, и конюший на нихъ головщины бирали, и дедъ и дядя, и отецъ нашъ то имъ отпустили и листы права ихъ милости на то передъ нами покладали. Ино мы, тыхъ листовъ и правъ выслухавши, и такъ жо подлугъ тыхъ листовъ деда и дяди нашого и отца нашого то есмо имъ отпустили: нехай они зъ слугъ и зъ людей своихъ, хто въ головщину впадеть, сами головщину на слугахъ и на людехъ своихъ беруть, а старостамъ и наместъникомъ нашимъ не надобе зъ ихъ слугъ и зъ людей головщины брати. А князей и пановъ, и земянъ старосте нашому злыми словы не соромотити, въ казнь и въ вежу ихъ не сажати; а естли бы который провинилъ што князь або панъ а любо земянинъ, ино старосте насъ обослати: какъ мы его навчимъ листомъ або посломъ нашимъ, што бы имелъ съ тымъ вчинити, ино ему подле науки нашое то вчинити. А такежъ, што били челомъ и жаловали деду и дяди нашому, ижъ старосты и наместъники наши вины и заруки на нихъ беруть и людей ихъ судять и рядять, ино дедъ и дядя нашъ то имъ отпустили: старосте и наместъникомъ нашимъ вины и заруки на нихъ самыхъ и на ихъ людехъ не брати и людей ихъ не судити, судити имъ самымъ люди свои и вины брати каждому зъ своего человека; нижли кому хто заручить колко копъ на насъ, а тая бы зарука доведена была на кого справнымъ доводомъ, ино то естъ въ нашой воли. А далей, старосте на замъку нашомъ судити князьскихъ або панскихъ, або земянъскихъ людей, што ся дотычеть розбою приличного, квалтъ, шляхетская рана, пожога, абы ся злодейство не множило. А злодея приличного, где колвекъ имуть на чиемъ именьи, тамъ жо его мають судити и тамъ же маеть каранъ быти подлугъ давного обычая; а поличное тому, на чиемъ именьи зымають. А приличного злодея не пускати; а хто бы его пустилъ або на окупъ далъ, а на него доводъ справный былъ, тотъ маеть вину заплатити по давному, какъ передъ тымъ было. А слугамъ старостинымъ, ездячи по селомъ, зарукъ не заручати; нижли хто бы хотелъ на чие именье моцно наехати а любо кого збити, а онъ будеть заручати, а на то доводъ вчинить, то естъ справная зарука. Такъ жо о ярмаръки о Жидичинъские и о Дорогобужские, што староста даеть отъ себе слугамъ своимъ тые ярмаръки въ жалованье—намесницъства по годомъ держати, и тые дей его наместъники самыхъ ихъ и людей ихъ судять и рядятъ на тыхъ ярмаркохъ и потварные заруки и вины на людехъ ихъ беруть, ино дедъ и дядя нашъ то имъ установили подъ того мерою: на ярмаръки старостины наместъники мають ездити по давному, а людей ихъ одинъ наместъникъ не маеть судити: маеть тотъ, чий человекъ, судью собе съ своее руки посадити, которого земянина обравши; а потварнымъ зарукамъ и светъкомъ не верить; а которого злодея имутъ на ярмарку або въ городе и въ месте нашомъ зъ лицомъ, заслужитъ ли шибеницы, ино шкода тому платити, а вина тому, чий человекъ. Тежъ, што дядя нашъ подавалъ княземъ и паномъ Волынъ-

скимъ новые торги, ино дей въ тыхъ торзехъ мыта беруть зъ людей князьскихъ и панскихъ, и дядя нашъ его милость ихъ новые мыта имъ отпустилъ и о то имъ у привилыи своемъ выписалъ: хто бы взялъ мыто въ новомъ торгу або ярмарьку на князьскомъ або на панскомъ чоловеце, ино тотъ маеть чотире копы грошей заплатити силу моцъ тому, чий человекъ; нижли маютъ тые старые мыта давати, где будуть передъ тымъ давали. А и мы ихъ такъ же при всемъ томъ зоставили и тые мыта имъ новые отложили. Такежъ, што били чоломъ дяди нашому его милости о томъ, што жъ которие люди церковные, князьские, панские и земянские хоживали на работу къ замьку Луцкому и къ дворамъ нашимъ орати и жати, и сено косити, и его милость то имъ отпустилъ; и тежъ войту Луцкому на людей князьскихъ и панъскихъ померного не велелъ брати, нижли казалъ его милость ему по старому тое померное брати зъ мещанъ и зъ гостей; а далей въ томъ его милости привилью выписано: который князь або панъ и земянинъ, стоечи у праве передъ старостою або передъ наместъники отзоветься до насъ господаря на вышъшое право, ино старосте и наместъникомъ нашимъ того имъ не забороняти, а къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли маютъ передъ нами стати; а князя и пана и земянина старосте и наместникомъ нашимъ одному ихъ не судити, маеть при собе посадити князей и пановъ и земянъ, тожъ маеть его судити. И тыхъ привильевъ правъ деда и дяди и отца нашого выслухавши, и такъ же есмо ихъ при всихъ тыхъ вышейписанныхъ речахъ зоставили, которыи жъ выписаны и менованы въ тыхъ правехъ деда и дяди и отца нашого, и то имъ потвержаемъ симъ нашимъ листомъ привильемъ, ижъ то имъ маеть держано быти. А къ тому тежъ мы зъ особливое ласки нашое, бачечи ихъ верную а пилную накладную, николи не вмешканую службу, которую жъ ся они завжды, не литуючи горлъ своихъ, цнотливе предкомъ нашимъ и намъ, пану своему дедично(*му*) ся оказовали, зъ ласки нашое на ихъ покорную прозбу и чоломъбитье пожаловали есмо ихъ и отпустили есмо имъ зъ ихъ людей воловщину, всей Волынской земли, которую жъ воловщину здавна, за предковъ нашихъ, люди ихъ даивали; а пожаловали и отпустили есмо имъ то вечно и на веки вечные, и тое воловщины мы вжо господаръ не маемъ зъ людей ихъ брати ани потомъкове наши: нижли, коли панове рада наша великого князьства Литовского для которое великое потребы земъское зволять который платъ съ своихъ людей дати, тогды князи и панове и вся шляхта Волынское земли маютъ намъ такъ жо тотъ платъ съ своихъ людей давати. А на твердость того всего и печать нашу казали есмо привесити. А при томъ были панове рада наши ихъ милость великого князьства Литовского: князь Павелъ, княже Гольшанское, бискупъ Виленский; воевода Виленъский, канцлеръ великого князьства, державца Бобруйский и Борисовский, панъ Янъ Юревичъ Глебовича; панъ Виленский, державца Упитъский, панъ Григорей Григорьевичъ Остиковича; воевода Троцкий, державца Могилевский, князь Янушъ Юрьевичъ Гольшанский; панъ Троцкий, староста Жомойтский, державца Плотелский и Телшовский, панъ Еронимъ Александровичъ Ход-

кевича; а маршалокъ земский, державца Шовленский панъ Миколай Яновичь Радивилъ; воевода Киевьский князь Ѳредрыхъ Глебовичъ Проньский; воевода Полоцкий панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно и иные панове рада наша. Писано и дано у Вилни подъ леты Божего Нароженья тисеча пятьсотъ чотырдесятъ семого, месяца марта двадцатъ семого дня, инъдикта пятого. Подпись руки господарское. Иванъ Горностай, маршалокъ дворный, подскарбий земъский и писарь, староста Слонимский, Мстибоговский, державца Бирштанский, Дорсунишский, Зельвенский.

(Литовск. Метрики кн. Записей XXXI, л. 56—58).

IX. Привилей всимъ обывателемъ, мещаномъ и всему поспольству места и земли Витебъское на права и вольности, имъ отъ королей ихъ милости першихъ наданые.

Жикгимонтъ Авъгустъ Божью милостью etc.

Чинимъ явно симъ листомъ нашимъ, хто на него посмотритъ або чтучи его услышитъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Што перво сего король его милость славное памети отецъ нашъ зъ ласки своее господаръское рачилъ былъ дати привилей всимъ княземъ и бояромъ и слугамъ Витебъскимъ и войту и мещаномъ места тамошънего и всей земли Витебъской на права и вольности ихъ, водле привильевъ деда нашого Казимира и дяди нашого Александра, королей и великихъ князей ихъ милости, которое вольности князи и бояре Витебъские зъ войтомъ и мещаны тамошъними посполу за однымъ привильемъ черезъ немалый часъ вживали. Нижли, ижъ тотъ привилей войтъ и мещане Витебъские въ захованью своемъ мевали, а княземъ и бояромъ заховати его не давали, они, менуючи отъ нихъ собе въ томъ быти кривду, очевисте около того зъ собою передъ паны радами нашими мовили; а панове рада ихъ милость, того межъ ними досмотревъши, на томъ зоставили и сами они угодливымъ обычаемъ къ тому призволили, ижъ оный привилей отца нашого вси посполите въ захованью своемъ за двема ключами и за печатями своими держати, и коли потреба будетъ имъ того привилья головъного вказывати, тогды они ку потребе своей его брати мели, а для инъшихъ борздыхъ потребъ съ того привилья на обе стороне копеи подъ печатью его королевское милости имъ были подаваны. А потомъ князи и бояре оную копею только на одны свои особы за чоломбитьемъ своимъ на тую жъ вольность у насъ потвердили, за которымъ листомъ, потверженьемъ нашимъ, потому жъ, яко и за онымъ спольнымъ привильемъ, тое вольности уживаютъ. То пакъ войтъ и мещане места Витебъского, оказавъши передъ нами копею зъ оного жъ привилья, подъ печатью отца нашого имъ даную, били намъ чоломъ, абыхмо месту тамошънему всему поспольству по тому жъ, яко княземъ и бояромъ листъ нашъ дали, за которымъ бы они такежъ, яко за онымъ спольнымъ привильемъ,

тое вольности вживали; и тежъ, што придано имъ на седибу и на выгонъ Конътинъ воръ а Михайловскій воръ, Заручевский воръ, ино, ижъ бояре Витебъские тотъ кгрунтъ местский у насъ господара, и въ пановъ воеводъ Витебскихъ упрошиваючи, подданыхъ своихъ, людей похожихъ на тыхъ пляцохъ осаживають, которие вжо, не будучи въ присуде замковомъ, зъ ними заровъно службы не выполняють и въ поплатехъ нашихъ господаръскихъ и въ подачъкахъ и въ повинностяхъ местскихъ имъ помочъни (не) были,— жебы того кгрунъту не было никому болшъ давано, только на поселенье дому, и хотя (хто) на томъ кгрунъте поселитъ, абы тые вси службу зъ ними служили, и въ повинъностяхъ нашихъ и въ подачъкахъ и въ повинъностяхъ местъскихъ имъ помочъни были. А такъ мы, тое копеи, въ которую листъ короля его милости Жикгимонъта отца нашого на вольности тамъ уписанъ, оглядавши, велели есьмо слово отъ слова въ сесь нашъ листъ уписати, который такъ се въ собе маетъ: „Жикгимонтъ, Божью милостью король Полский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомойтскій, Мазовецкий и иныхъ. Чинимъ явъно симъ листомъ нашимъ, што перво сего дали есьмо привилей нашъ всимъ княземъ и бояромъ и слугамъ Витебъскимъ и войту и мещаномъ места тамошънего и всей земли Витебъской на права и вольности ихъ водле привилья отца нашого Казимира и брата нашого Алекъсандра, славное памети королей ихъ милости, который же привилей нашъ держать въ себе въ захованью войтъ и мещане места нашого Витебского, а княземъ и бояромъ и слугамъ и всей земли Витебъской ховати его не поступуютъ и часу пригоды ку обороне и помочи оный привилей нашъ имъ всимъ потребенъ быти не можетъ: ино тыхъ часовъ они обе две стороне были въ насъ и въ томъ межи себе споръ мели, князи и бояре допиралисе, абы тотъ привилей головъный въ нихъ былъ въ захованью, а войтъ и мещане предся имъ того поступити не хотели. И мы на то пановъ радъ нашихъ высадили, абы ихъ милость того межи ими досмотрели, а панове рада наша на томъ ихъ застановили, а потомъ они и сами згодливымъ обычаемъ къ тому призволили, што мають они тотъ привилей нашъ вси посполите въ захованью своемъ держати за двема ключами и за своими печатьми; и коли потреба будетъ имъ того привилья вказывати, тогъды они мають его ку потребе своей брати; а для инъшихъ скорыхъ потребъ били намъ чоломъ, абыхъмо съ того привилья казали на обе стороне копеи подъ печатьми нашими подавати. И мы на ихъ чоломъбитье велели есьмо оный привилей въ сесь нашъ листъ уписати и такъ ся онъ отъ початъку до коньца въ собе маетъ: „Жикгимонтъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомойтский и иныхъ. Чинимъ знаменито тымъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати. Били намъ чоломъ князи и бояре и слуги Витебские и вси мещане места Витебъского и вся земля Витебъская и поведили передъ нами, штожъ пришодши злодеи зъ Великого Новагорода покрали въ нихъ церковъ Пречистое Богоматери и въ той церкви привилья ихъ украли, котории же они отъ отца нашого,

короля его милости, мели, и копею того привилья передъ братомъ нашимъ, королемъ Александромъ, клали и его милость на то имъ свой привилей далъ, и тотъ они привилей передъ нами вказывали и били намъ чоломъ, абыхъмо имъ на то листъ нашъ привилей дали потомужъ. Ино мы зъ ласки нашое, за ихъ къ намъ верную службу, пожаловали есьмо ихъ тымъ, дали есьмо имъ нашъ листъ потомужъ, яко отецъ нашъ король его милость имъ былъ далъ, и какъ тежъ у привилью брата нашого Александра короля его милости выписано, штожъ намъ въ домы церковные, въ домъ Божий Светое Богородицы и въ домъ Божий Светого Духа и тежъ въ домъ Божий Благовещенья Пречистое и въ иные церкви не вступалисе (*не вступатисе*) и въ купленые (*купленины*), которие будуть куплены зъ нашимъ дозволеньемъ, и въ безатщины, и въ отмерщины Витебъские тежъ не маемъ уступатисе. А жонъ ихъ замужъ выдавати силою не маемъ. А который Витблянинъ вмирая отъкажетъ кому остатокъ своего именья, и въ то намъ не вступоватисе. Ани въ подводы коней въ городскихъ людей и въ посельскихъ путъныхъ не брати. А холопу робе вери не няти. А (*о*) обаде исправа дати. А предковъ нашихъ, великихъ князей, судовъ не посуживати (*пересуживати*), чинити намъ зъ Видбланы по испросу, а безъ исправы Видблянина не казнити (*карати*); а своихъ судовъ судивши не посуживати. А вина прийдеть, ино намъ ихъ по вине казнити (*карати*). А чоломъбитье намъ у Видблянъ приймати, черезъ паруку въ железа ихъ не сажаючи, а ни въ которую муку. А отчинъ въ нихъ не отнимати, такежъ въ села ихъ, въ поля купъленые не вступатисе. А на заочъное поведанье не верити; а хто иметъ ихъ обмовъляти, того намъ Видбляномъ объявити. А въ заставу нигде Видблянъ не сажати (*не посылати*); а на войну быти имъ посполу съ нами готовымъ. А по волости Витебъской воеводе нашому не ездити; а поедетъ въ ловы, ино его по станомъ не дарити. А станеться въ которого Видблянина тадьба, а доищутся лицомъ тадьбы, ино Видблянину тадба вся лицомъ вернути; а чого лицомъ не доищутца которое тадбы, ино истъцу съ татиного дому жоною и детьми заплатити гибель его, а въ томъ тати мы вольни; а не будеть въ татя чымъ платити татбы, ино его отцу (*истцу*) выдати: и где его усхочеть, тамъ его деneть. А сябровъ городскихъ у пригонъ нашъ не гнати, ани въ подводы, ни въ ловы. Такежъ и у весы Витебъские, ани въ локоть намъ не вступатисе; а коли который Видблянинъ у весехъ простушить або въ локъти, ино Видбляниномъ самымъ казнити (*карати*) виноватого по своему праву, а намъ въ то не вступатисе. А въ которого Видблянина загудять воскъ въ Ризе або инде и приедеть до Витебъска, ино Видбляномъ самымъ казнити виноватого, а намъ въ то не въступатисе. А где чия отчина сельца, реки або озера, намъ и въ то не въступатисе; а Видбляномъ нашимъ (*нашихъ*) рекъ або озеръ не таити; а хто потаить, ино намъ того карати. А Видбляны намъ не даритесе никому. Такежъ есьмо имъ и мыта отъпустили по всей нашой отчизне вечно. И еще пожаловали есьмо ихъ, придали имъ на седибу и на выгонъ Койтинъ воръ а Михайловский воръ, Заручевский воръ. Тежъ которие Видбляне побьются а межи собою, а за децкимъ

поеднаються, ино намъ куница шерстью змирщины; а коли о чемъ посваряться и выдадяться въ кольце *(оба)*, то на насъ вина; а выдастьсе одинъ, а другий не выдастьсе, за то ихъ намъ не казнити. А за закладную куницу по десяти грошей на насъ брати, а борцу по два гроша. Такежъ и децкованья отъ рубля по четыри гроша, а на милю *(помилного)* по грошу, а владычъному слузе и боярскому потому жъ децъкованья. И тежъ владыце на попехъ Витебъскихъ зборная куница. Такъже и намъ давати воеводу по старому по ихъ воли; а который имъ будетъ нелюбъ воевода, а вмовять его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати по ихъ воли. А приехавши воеводе нашому первого дня къ Витебъску цаловати ему крестъ къ Видбляномъ, штожъ безъ права ихъ не казнити *(карати)* по вадамъ ни въ чомъ. Также Витъбляномъ жити у Витебъску добровольне всякому по старому, покуля всхочетъ хто; а которому Витблянину отъ насъ будетъ насильно, а будетъ ему нелюбо, намъ его силою не держати, ино ему путь чистъ, куды усхочетъ, безъ всякое зачепъки. А поити ему въ нашу отъчизну въ Литву не тайно, светому Благовещенью чоломъ ударивъши и нашому воеводе объявивъшисе и своей братьи и мужомъ Витбляномъ; а въ своемъ именью воленъ во всемъ, идя прочъ, продасть або отъкажетъ, намъ въ то се не въступати. Такежъ который отъ насилья жаловати будетъ намъ Витъблянинъ на Витъблянина, приехавъ у Литву, а безъ истца намъ на него децкого не слати зъ Литвы, давати ему нашъ листъ инъшому *(къ нашому)* воеводе, хотябы о смертной винѣ. А ему судити по целованью, нашимъ судомъ досмотрети права съ князи и бояри, и зъ мещаны; а осудивъши его, казнити *(карати)* его по ихъ праву у Витебъску. Тежъ который будетъ князь або бояринъ або слуга або мещанинъ што выслужилъ на предкохъ нашихъ, великихъ князей, того намъ у Витблянъ не отънимати по грамотамъ тыхъ князей. А местичовъ Витебъскихъ зъ города Витебъска не вести вонъ. Такежъ которие будетъ литьвинъ або ляхъ крещеныи были у рускую веру, а хто съ того роду и теперь живеть, того намъ не рушати, права ихъ хрестианьского не ломити ни въ чомъ. А на твердость тыхъ всихъ речей и печать есьмо нашу привесить казали къ сему нашому листу. Писанъ у Городъне въ лето семое тысечи семое надцать, месеца ѳевраля осмыйнадцать день, индикта второгонадесять". А такъ мають войтъ, мещане места тамошънего Витебского въ себе держати и тымъ листомъ въ потребахъ своихъ оборону чинити и во всемъ тѳмъ заховатисе подле тыхъ артыкуловъ, которие суть въ немъ описаны. А естлибы имъ коли потреба вказывала того привилья нашого головъного, они мають ку потребе своей брати его ховати его такъ, яко панове рада наша межи ними зоставили. И на то есьмо войту и мещаномъ места Витебского дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни подъ леты Божего Нароженья тисеча пятьсотъ чотырдесятъ первый месяца июля девятый день, инъдикта четьвертагонадцать". И зъ ласки нашое господаръское на чоломъбитье ихъ то вчинили есьмо, на то войту и мещаномъ и всему поспольству места Витебъского даемъ сесь нашъ листъ: мають они за симъ листомъ нашимъ, яко и за онымъ привильемъ короля его милости

Жикгимонъта отца нашого, которие они спольный *(сѣ)* князи и бояре Витебскими мели, тое вольности уживати водле привильевъ деда нашого Казимера и дяди Александра и отъца нашого Жикгимонта, королей и великихъ князей ихъ милости, потому жъ, яко и князи и бояре тамошъние за листомъ, на ихъ особы отъ насъ даннымъ, оное жъ вольностей вживають. А штося дотычеть того кгрунъту Койтина вору, Михайловъского вору, Заручевского вору, на седибу и на выгонъ месту тамошнему Витебъскому даныхъ, того кгрунъту не маеть быти никому больш давано, только на поселенье дому; а тые вси, которые на ономъ кгрунъте осядуть, мають быти у присуде замъковомъ и зъ мещаны тамошъними Витебъскими заровно службы замъковые служити и въ поплатехъ нашихъ господаръскихъ и во всихъ подачъкахъ и повинъностяхъ местъскихъ помогати имъ повинни будуть. Якожъ на твердость того и печать нашу казали есьмо привесити къ сему нашому листу. Писанъ у Вильни. Лета Бож. Нарож. 1561, месеца июня 6 дня.—Подпись руки господарское. Nicolaus Radziwił pallatinus Vilnensis.—Остаѳей, маршалокъ, писарь.

(Литов. Метр. кн. Записей XLI, л. 203—206; варіанты курсивомъ въ скобкахъ взяты изъ подтвердительнаго привилея 21 февр. 1547 г., помѣщ. въ книгѣ Записей XXXI, л. 34—36).

X. Przywiley wszystkim obywatelom Zmudzkim na różne prawa y wolnosty od królów ich Mci Zdawna nadane.

In nomini Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos Sigismundus Augustus etc. Notum facimus hisce litteris nostris vniuersis et singulis, praesentibus ac futuris, ad quorumcunque notitiam praesentes literae nostrae peruenerint. Quod et antea saepissime humillimis ac continuis precibus et instantijs supplicatum nobis est ab generosis Cinonijs, Tenutarijs, praefectis et ab vniuersis ordinibus equestris status terrarum nostrarum Samogitiae, vt libertates, iura et immunitates terris Samogitiae a maioribus nostris, nominatim vero a Ducibus Alexandro Magno Duce Lituaniae Patruo nostro, concessas et a Sigismundo, Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae, parente nostro, confirmatas in omnibus saluas ipsis conseruaremus, et nunc iterum in hac conuentione generali, quae cum vniuersis statibus tam Regni Poloniae, quam Magni Ducatus Lituaniae a nobis instituta est Lublini, nuncij terrarum Samogitiae, a nobilitate ad Comitia oblegati, videlicet Generosi Nicolaus Stankiewicz Bilewicz, Cammerarius totius terrae Samogitiae, Ciuonus Euagoliensis, Sebestianus Mikolaiowicz, Tribunus Samogitiae, Ciuonus Birzinensis, Iwan Ilgowskij, Ciuonus Weyswaniensis, Marcus Wnuczko Ciuonus Rethouiensis, Casimirus Bortkowicz et Petrus Gradowskij, veteribus supplicationibus fratrum suorum insistentes, cum summa instantia sua ab vniuersae nobilitatis Cinonorum, tenutariorum atque omnium ordinum terrarum nostrarum Samogitiae nomine humiliter supplicati sunt nobis, vt ipsorum iura, priuilegia, libertates, immunitates, a maioribus nostris con-

cessa et a diuis Patruo nostro Alexandro Magno tunc Duce Lituaniae, tum et a parente nostro Sigismundo, Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae, priuilegiis confirmata, in omnibus articulis, punctis, clausulis et conditionibus, prout in priuilegijs tam patrui nostri Alexandri Magni Ducis Lituaniae, quam parentis nostri Sigismundi Regis Poloniae et Magni Ducis Lituaniae, latius continentur, non conseruarentur solum, sed etiam literis nostris corroborarentur in perpetuum, et simul priuilegia praedicta diuorum Alexandri Patrui nostri et aliud Sigismundi Regis, Parentis nostri, de data Grodnae feria secunda in vigilia sancti Andreae Apostoli Anno Salutis Millesimo quingentesimo septimo super iura et libertates suas in pargameno scriptas et sigillis pensilibus obsignata nobis obtulerunt. Quae cum nos reuidissemus ac merito illis esse per dium Alexandrum aliosque magnos Duces Lituaniae (quorum nobis etiam priuilegia ostendebant) concessa et per parentem nostrum Sigismundum confirmata et speciali priuilegio approbata iudicassemus, repetitis supplicationibus praedictorum nunciorum ad commitia Lublinensia missorum victi, unum ex priuilegiis praedictis (quod a caeteris tam Witowdi et Casimiri, magnorum Ducum Lithuaniae, quam concessa et per Parentem nostrum Sigismundum confirmata, Sigismundi Regis et Magni Ducis, genitoris nostri minime discrepat, verum omnia unam eademque rem et sensum contestantur ac obloquuntur), Magni scilicet Ducis Alexandri patrui nostri cum omnibus articulis punctis clausulis et conditionibus hic fideliter de verbo inseri mandauimus, cujus tenor latino est idiomate eiusmodi. Nos Alexander Dei gratia Dux Lithuaniae, Samogitiae Russiaeque dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit vniuersis. Quomodo omnibus et singulis nobilibus et boiaris cmethonibus, viris senibus et iuuenibus, ac toti Communitati per et infra terram et Dominium Samogitiense et districtus eiusdem videlicet Mednensem Chrosnensem et Betigolensem vbilibet constitutum, libertates et gratias infra scriptas dedimus et concessimus damusque et concedimus per praesentes, prout et quemadmodum tempore praeclari principis domini Vitowdi et serenissimi olim Casimiri, genitoris nostri charissimi, magnorum Ducum Lituaniae habuerunt et tenuerunt. In primis itaque volumus, quod nullus illis obicere debet, quod gladio et armis essent expugnati et acquisiti ad nostramque reducti obedientiam, sed quia nobis beneuole adhaeserunt. Item volumus eos gratijs donis et fauoribus prosequi, quibus eos domini Duces Magni Vitowdus et genitor noster Casimirus in dando et donando sunt prosequuti. Item quilibet potest venari, vbi prius venabatur, exceptis venationibus, in quibus domini Duces Vitowdus et Casimirus sunt venati. Item obligatio vadium alias vidawsczyzna, nec etiam iudiciales, alias przesudy, de coetero inter ipsos fieri non debent. Item qui tempore dominorum ducum Vitowdi et Casimiri praefatorum fenum non falcarunt, isti modo etiam falcare non tenentur. Item ad labores castrorum ambulare non debent sicut et tempore Ducum Vitowdi et Casimiri non ambulabant. Item donationes, quas nobilibus et boiaris duces Vitowdus, Swidrigall et Sigismundus ac genitor noster donauerunt, tenere et seruare volumus. Item Ministeriales, alias dzieczkie, vltra fluuium Nieswieza mittere

non debemus. Item Capitaneum, quem habere voluerint, eis dabimus, nostra tamen voluntate etiam ad hoc accedente. Item viduas nobilium et Boiarorum in bonis Maritorum dimittemus, quamdiu in sede permanserint viduali; quae vero ad Secundas Nuptias convolauerint seu alios maritos duxerint, dotalicijs, si quae eis priores mariti assignauerint, solum modo gaudebunt, bonis ad proximiores ipsorum Maritorum omnibus devolutis. Item omnibus nobilibus Boiaris et toti Communitati districtus Kniethowiensis similiter dedimus et concessimus, praesentium tenore mediante,—concedimusque et damus omnia iura et libertates Christianitatis, prout terrae Lituaniae concessimus, et quemadmodum genitor noster praefatus eorum praedecessoribus Boiaris videlicet Butrimo, Sthrupi et Gieruido cum caeteris boiaris et Communitati districtus Knietouiensis dederat et concesserat, et boiaros ac nobiles eiusdem districtus in eadem primaeua honestate et prouisionibus tenebimus eodem modo, quo serenissimus dominus Wladislaus Rex et praeclarus Dux Witoudus nec non genitor noster tenuit et habuit cum omnibus cmetonibus et tota communitate districtus praefati. Item, qui nobiles fuerunt tempore Wladislai Regis et ducis Witowdi et genitoris nostri, eos omnes et ex nunc pro nobilibus tenebimus et habebimus. Quicunque vero homines de communitate seruitutes suas quomodo exhibeant tempore Wladislai Regis, Ducis Witowdi et genitoris nostri, parimodo nobis easdem seruitutes debent ex nunc impendere. Item, si alicui ex nobilibus et boiaris etiam nobilem contingat occidere vel similem sibi fratrem, debet occisor pro homicidio perpetrato sexaginta sulos (scudos?) reponere et exsoluere. Nam eos omnes circa omnia praemissa reliquimus et relinquimus, quae per Diuum Wladislaum et Ducem Witowdum ac genitorem nostrum erant eis concessa. Praetereaque dedimus et concessimus omnibus boiaris et toti communitati Knitouiensis Pernarouiensis, Rosiouiensis, Chrosnensis, Mednicensis, Ghosuiensis et Postouiensis districtus ejusdem terrae Samogitiae ea omnia, quae ab antiquo tempore Wladislai Regis, Ducis Witowdi et genitoris nostri tenebant et possidebant, villas et alia, quae eos pro praesenti volumus tenere et possidere irreuocabiliter et perpetue. Item Accusationes contra eos confectos non audiemus et nouitates eis non imponemus; vbi vero fuerit quis Accusatus, puniri non debet, donec sit in iudicio legitime conuictus. Item nullos alios woiewodos et Ciuonos eis dabimus, solum modo quos ipsi eligerint vel eligent de districtibus suis et quos a nobis petant. Item dicti Boiari ad labores castrorum ambulare non debent nec tenebuntur neque etiam ad expeditionem terrestrem alias na zastawe. Curiae nostrae nouae in ipsorum districtibus per nos non sunt erigendae aut aedificandae, nisi illae, quae tempore ducis Witowdi erant ab antiquo, reficiendae et reformandae. Item feras et bestyas silvestres in siluis et pisces in ripis et fluviolis vt ab antiquo eis venari permittimus. Et equi nostri per eos non debent pabulari. Qui vero contributiones mardurum tempore Ducis Witowdi soluebant et contribuebant, illos et nunc dictos Mardores contribuere et exoluere volumus. Item, quando de liberalitatis nostrae gratiae quid dabimus aut providebimus alicui, ab illo, respectu eiusmodi nostrae donationis et provisionis, nullus Ciuonorum

euxemia, alias possuly, repetere et exigere non debet. Et haec omnia supra scripta sub iuramento promittimus firmiter eis seruare et tenere. Item et nouissime omnes litteras, priuilegia, gratias et libertates boiaris Nobilibus et toti Communitati in terris Samogitiae nostris per Serenissimos dominos Wladislaum et Casimirum Reges, Vitowdum, Sigismundun Magnos Duces Lituaniae ceterosque datas et concessas, patrocinio praesentis nostri priuilegij de nouo innouantes confirmantesque, approbamus, gratificamus, ratificamus et roboramus decernentes eisdem perpetuum robur obtinere. Harum quibus sigillum nostrum subappensum est testimonio literarum. Datum Vilnae feria quarta in octava assumpcionis Marie Anno domini Millesimo Quadringentesimo Nonagesimo Secundo. Praesentibus ibidem Magnificis, generosis, strenuis et nobilibus Dominis: Reuerendo Patre domino Alberto, Electo Vilnensi Confirmato; Nicolao Radziwilowicz Vilnensi et Magni Ducatus Lituaniae Cancellario, Petro Ianowicz Trocensi Pallatinis; Ioanne Zabrzezinsky Polocensi, Stanislao Ianowicz Samogitiensi, duce Alexandro Horodnensi, Stanislao Cosciewicz Kownensi, Georgio Paczewicz Nowodrognensi, Ioanne Dowoynowicz Wolkouiensi, Stanislao Iwaskowicz et Stanislao Hlebowicz Merecensi capitaneis, tenutarijs et marschalcis nostris pluribusque alijs fide dignis testibus circa praemissa. Et quam saepius antea vniuersi ordines terrarum Samogitiae atque nunc denuo pro conuentione generali cum ordinibus Regni instituta humilimis precibus apud nos supplicati sunt, vt omnes et singulas libertates, ab antiquo terris Samogitiae concessa et priuilegijs Alexandri Patrui et Sigismundi parentis, Regum Poloniae Magnorumque Ducum Lituaniae, confirmatos in suo robore conseruaremus. Quemodmodum hucusque sub tempus foelicis nostrae gubernationis non modo vlla ex parte libertates a maioribus nostris concessas vniuersis et singulis subditorum nostrorum non diminuere, sed etiam munifice gratioseque augere ac concedere consueuimus, ita tanto magis adducti singulari fide, virtute ac praeclaris ijsdemque continuis in nos et Rempublicam Magni Ducatus nostri Lituaniae meritis et obsequijs generosorum ciuonorum, tenutariorum, praefectorum et omnium in summa ordinum equestris status terrarum Samogitiae, quibus diuorum antecessorum nostrorum et nostram gratiam demerebantur ac quotidie demerentur, omnes libertates iura et immunitates, quaecunque ipsis a maioribus nostris et ab Alexandro magno Duce Lituaniae patruo nostro donatae ac postea a Sigismundo Rege Poloniae et Magno Duce Lituaniae, parente nostro piae memoriae, speciali priuilegio innouatae temporibus confirmatae sunt, similiter et omnes libertates ac iura sub tempus felicis regiminis nostri terris Samogittiae et illarum vniuersis indigenis equestris status donatas et optimo iure concessas, decernentes vniversis equestris status ordinibus atque alijs terrarum illarum indigenis illaesas, attribuimus et conseruamus conseruarique volumus promittendo verbo nostro pro nobis et serenissimis successoribus nostris, nos et serenissimos successores nostros illas ipsas libertates iura et immunitates in omnibus Articulis, punctis et clausulis, satis late in priuilegijs tam Alexandri Patrui Magni Ducis Lituaniae, quam Sigismundi parentis nostri, Regis Poloniae et Magni

Ducis Lituaniae, descriptos integre ac perpetuo conseruaturos esse. Quaequidem omnia ad meliorem et perfectiorem effectum fidem et testimonium deducendum, vt perpetuo in suo robore conseruarentur, per praesentes Articulatim pronunciare, repetere et approbandum recognoscere voluimus. Primum vt optimo omnium abolecitur et inuscio famae eorum pulcherrime caueatur eos non vi nec impulsi aliquo, sed beneuole et studiose, salua mente, nobis adhaesisse compertum sit. Item volumus eos gratijs donis et fauoribus prosequi, quemadmodum praedecessores nostri Dominus Dux Witowdus et alij Magni Duces Lituaniae in dando et donando sunt prosequuti. Item donationes, quae nobilibus et boiaris Magni Duces Witowdus Swidrigal Casimirus Alexander et Sigismundus, piae memoriae genitor noster, nosque ipsi faelicis nostrae regiminis ipsis donauimus et quaecunque possidebant, ea omnia volumus tenere et quiete eis conseruare perpetuo. Item Capitaneum eis dabimus, quem ipsi voluerint, nostra tum ad hoc voluntate accedente. Item ea omnia, quae antiquo a praedecessoribus nostris piae memoriae et a genitore nostro ac nobis ipsis tenebant, possidebant villas, Commutationes earum et alia volumus perpetuo eos obtinere et possidere pacifice. Item nullos alios Woiewodos, Ciunos eis dabimus, tantum quos illi ipsi ex suis districtibus elegerint ac a nobis petierint. Atque haec et coetera omnia superius in praemissis descriptas literas priuilegia donationes gratias libertates Boiaris et nobilibus ac omnium Disttictuum Communitati in terra Samogitiae per Serenissimos dominos Wladislaum, Casimirum, Alexandrum, Sigismundum genitorem nostrum ac nos ipsos Magnos Duces Lituaniae tum alios praedecessores nostros datas et concessas in omnibus suis punctis, clausulis et conditionibus, nullis denique exceptis et excipiendis, praesentium innouatione, approbatione et ratificatione decernimus et sub iuramento promittimus perpetuis temporibus ipsis robur inviolatum relinquendo, Nos et serenissimos successores nostros firmiter eis tueri et conseruare. Harum testimonio literarum quibus manu propria subscripsimus et sigillo nostro appenso Magni Ducatus Lituaniae Communiri fecimus. Datum Lublini in conventione generali tam Regni quam magni Ducatus Lituaniae ordinibus indicta, feria secunda ante festum Sancti Mathia Apostoli proxima (19 сентября) Anno Domini millessimo quingentesimo sexagesimo nono. Praesentibus Reuerendo, illustribus, magnificis et generosis dominis: Victorino Verzbiczkij, episcopo Luceoriensi, Nicolao Radziwil duce in Dubingi et Bierze Vilnensi Magnique Ducatus Lituaniae Cancellario, Borrisouiensi Mozirensique Capitaneo, Stephano Duce Zbarazensi Trocensi Palatinis; Ioanne Chodkiewicz comite in Szklow et Mysz, Capitaneo generali terrarum Samogitiae, Magni Ducatus Lituaniae Supremo Marschalco, administratore et gubernatore nostro per Liuoniam, Cownensi, Plotellensi, Telszouiensi Capitaneo; Constantino Duce Ostroiensi Kiowensi, terrarum Woliniae marschalco, Wlodimiriensi Capitaneo; Stanislao Dowoino Polocensi, Paulo Sapieha Nouogrodensi, Hawrilone Hornostai Minscensi Palatinis, Melchiore Schemioth Samogitiae, Gregorio Wolowicz Nowogrodensi et capitaneo Slonimensi, Nicolao Talwosz Minscensi et capitaneo Dynemburgensi Castellanis; Eustacho Wolowicz Magni Ducatus

Lituaniae vicecancellario et curiae nostrae Marschalco Brestensi Cobrinensique, Nicolao Naruszewicz Magni Ducatus Lituaniae thesaurario terrestri, Vszpoliensi, Pienianensi Miadzialensique capitaneis et alijs multis fide dignis circa praemissa existentibus.

Sigismundus Augustus Rex etc.

(Литовск. Метрики кн. Записей L, л. 274—278).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—II
I. Научное значеніе исторіи Литовско-Русскаго государства	1—4
II. Общественный бытъ литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ . . .	5—11
III. Образованіе великаго княжества Литовскаго	11—16
IV. Присоединеніе къ Литвѣ Полоцкихъ княжествъ, Полѣсья и Подляшья.	16—22
V. Распространеніе литовскаго владычества въ южнорусскихъ земляхъ. .	22—29
VI. Распространеніе литовскаго владычества въ Смоленской землѣ и верхнеокскомъ краѣ. Причины успѣховъ Литвы	29—34
VII. Внутренній строй Литовско-Русскаго государства въ XIV вѣкѣ . .	34—39
VIII. Внутреннie политическіе кризисы въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV вѣкѣ и инкорпорація его въ корону Польскую	39—43
IX. Возстановленіе великаго княженія на Литвѣ подъ суверенитетомъ Польской короны	44—50
X. Возвышеніе великокняжеской власти при Витовтѣ	50—55
XI. Соціально-политическіе результаты уніи съ Польшею; привилегіи литовскаго боярства	56—60
XII. Національно-политическая борьба внутри Литовско-Русскаго государства въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка и ея результаты	60—66
XIII. Политическія движенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ началѣ великокняженія Казимира и изданіе общеземскаго привилея 1447 года и областныхъ	67—75
XIV. Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства при Казимирѣ и его сыновьяхъ и политическое значеніе этого дѣленія	76—82
XV. Областная автономія въ Литовско-Русскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка	82—88
XVI. Великокняжескіе домены и ихъ тяглое населеніе при Казимирѣ и его сыновьяхъ	88—95
XVII. Крестьянское землевладѣніе и землепользованіе въ великокняжескихъ доменахъ до половины XVI вѣка	95—100
XVIII. Непохожіе и похожіе крестьяне и вольные слуги въ господарскихъ имѣньяхъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ	100—107
XIX. Мѣщане и евреи въ господарскихъ имѣньяхъ до половины XVI вѣка.	107—113
XX. Шляхта въ господарскихъ доменахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ.	113—118
XXI. Землевладѣніе и повинности шляхты въ господарскихъ доменахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ	119—123
XXII. Княжеское и панское землевладѣніе и его значеніе въ соціально-политической организаціи Литовско-Русскаго государства; церковныя имѣнья	123—127
XXIII. Населеніе княжескихъ и панскихъ имѣній и права надъ нимъ владѣльцевъ; элементы феодализма на Литвѣ и Западной Руси . .	128—133
XXIV. Организація мѣстнаго управленія при Казимирѣ и его сыновьяхъ: сословныя власти въ господарскихъ доменахъ	133—137
XXV. Управленіе мѣстъ съ магдебургскимъ правомъ	138—142

XXVI. Намѣстники-державцы, какъ органы хозяйственнаго и финансоваго управленія въ господарскихъ доменахъ . . . . . 143—148

XXVII. Намѣстники-державцы, какъ военно-административные и судебные органы въ господарскихъ доменахъ . . . . . 148—153

XXVIII. Старосты и воеводы, какъ органы общегосударственнаго управленія въ областяхъ . . . . . 154—160

XXIX. Высшіе урядники земскіе и дворные при литовско-русскомъ господарѣ и ихъ функціи . . . . . 161—168

XXX. Господарская рада, ея составъ и правительственное значеніе въ XV и первой половинѣ XVI вѣка . . . . . 169—176

XXXI. Литовско-польскія отношенія при Казимирѣ и его сыновьяхъ; утвержденіе великаго вальнаго сейма . . . . . 177—185

XXXII. Борьба Литовско-Русскаго государства съ Крымскими татарами и Москвою при Казимирѣ и его сыновьяхъ . . . . . 186—193

XXXIII. Организація „обороны земской“ при Александрѣ и Сигизмундѣ I. . 193—197

XXXIV. Финансовыя мѣропріятія въ эпоху борьбы съ Москвою и татарами при Александрѣ и Сигизмундѣ I. . . . . 197—202

XXXV. Великій вальный сеймъ при Сигизмундѣ I; начало политическаго возвышенія шляхты . . . . . 202—209

XXXVI. Мѣры по организаціи государственной обороны въ великокняженіе Сигизмунда Августа до Ливонской войны . . . . . 209—215

XXXVII. Сословно-политическія домогательства шляхты на сеймахъ 1547, 1551 и 1554 годовъ и результаты этихъ домогательствъ . . . . . 216—223

XXXVIII. Введеніе волочной помѣры и уставы въ господарскихъ имѣньяхъ при Сигизмундѣ-Августѣ . . . . . 223—231

XXXIX. Перемѣны въ положеніи населенія господарскихъ имѣній въ связи съ волочною реформою . . . . . 231—235

XL. Перемѣны въ управленіи въ связи со введеніемъ волочной помѣры и уставы . . . . . 235—242

XLI. Присоединеніе Ливоніи къ великому княжеству Литовскому . . . 242—247

XLII. Финансовое и военное напряженіе Литовско-Русскаго государства во время Ливонской войны . . . . . 247—258

XLIII. Расширеніе сословныхъ привилегій литовско-русской шляхты и учрежденіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ по польскому образцу . . . . . 258—265

XLIV. Учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ, новыхъ воеводствъ и каштеляній по польскому образцу и расширеніе правъ великаго вальнаго сейма . . . . . 266—272

XLV. Польско-литовскія отношенія при Сигизмундѣ-Августѣ до Люблинскаго сейма . . . . . 272—281

XLVI. Люблинскій сеймъ 1569 года и соединеніе великаго княжества Литовскаго съ короною Польскою въ одну Рѣчь Посполитую . . . . 282—293

XLVII. Общія наблюденія надъ ходомъ внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства . . . . . 293—296

Приложенія.

Привилеи, выданные великому княжеству Литовскому:

I. Городельскій привилей 1413 года . . . . . 297—302
II. Привилей великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича 1434 года . . 302—304
III. Привилей короля и великаго князя Казимира 1457 (1447) года. . 304—307
IV. Привилей великаго князя Александра 1492 года . . . . . 307—312
V. Привилей великаго князя Сигизмунда 1506 года . . . . . 312—315
VI. Привилей 1522 года по поводу назначенія кн. К. Острожскаго воеводою Троцкимъ вопреки Городельскому привилею . . . . . 315—316
VII. Привилей того же года по поводу предоставленія кн. Острожскому перваго мѣста въ радѣ господарской послѣ епископовъ . . . . 316—317
VIII. Подтвердительный привилей 1529 года по случаю возведенія на великое княженіе Сигизмунда-Августа . . . . . 317—318
IX. Привилей 1522 года, предоставляющій всѣмъ обывателямъ великаго княжества впредь судиться однимъ писаннымъ правомъ . . . 318—320
X. Подробный привилей короля и великаго князя Сигизмунда 1529 года. 320—328
XI. Привилей 1529 года, возобновляющій и подтверждающій Городельскій привилей. . . . . 328—329
XII. Привилей Сигизмунда-Августа 1547 года съ подтвержденьемъ 1551 года. 329—338
XIII. Привилей 1563 года, уравнивающій въ правахъ всѣхъ христіанъ. . 338—340
XIV. Привилей 1565 года о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу. . . . . 341—342

Привилеи, выданные областямъ:

I. Привилей Бѣльскому повѣту 1501 года. . . . . 342—345
II. Привилей Смоленской землѣ 1505 года . . . . . 346—349
III. Привилей Дорогицкой землѣ 1516 года . . . . . 350—352
IV. Привилей Кіевской землѣ 1529 года . . . . . 352—357
V. Привилей Полоцкой землѣ 1547 года . . . . . 357—361
VI. Подтвердительный привилей Дорогицкой землѣ 1547 года . . . . 361—362
VII. Подтвердительный привилей Бѣльскому повѣту 1547 года. . . . 362—364
VIII. Привилей Волынской землѣ 1547 года. . . . . 364—367
IX. Привилей Витебской землѣ 1561 года. . . . . 367—371
X. Привилей Жмудской землѣ 1569 года. . . . . 371—376
Поправки. . . . . см. на обор. сего.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Стр. 65, строка 3 сверху: надо „Свидригайлу“ вм. напечат. „Сигизмунду“.

Стр. 71, строка 6 сверху: надо „вальный“ вмѣсто напечатанн. „вольный“.

Стр. 124, строка 16 сверху: послѣ „Шишевскихъ и др. а также“ пропущено: „князья *Сѣнскіе*; въ Смоленской землѣ остались“.

Стр. 132, строка 17 и 18 сверху: надо „судебныя пени“ вмѣсто напечат. „судебныя пошлины“.

Стр. 183, строка 7 снизу: надо „1506“ вмѣсто „1501“.

Стр. 192, строка 4 сверху: надо „1508 года“ вмѣсто „1503 года“.

Стр. 297, строка 11 снизу: „talis“ вм. напечат. „tatis“.

Стр. 375, строка 5 сверху: „vt optimo omnium abolecitur et inuscio famae eorum“ (мѣсто, испорченное въ рукописи).

Приложенія.

Привилеи, выданные великому княжеству Литовскому:

I. Городельскій привилей 1413 года . . . . . 297—302
II. Привилей великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича 1434 года . . 302—304
III. Привилей короля и великаго князя Казимира 1457 (1447) года. . 304—307
IV. Привилей великаго князя Александра 1492 года . . . . . 307—312
V. Привилей великаго князя Сигизмунда 1506 года . . . . . 312—315
VI. Привилей 1522 года по поводу назначенія кн. К. Острожскаго воеводою Троцкимъ вопреки Городельскому привилею . . . . . 315—316
VII. Привилей того же года по поводу предоставленія кн. Острожскому перваго мѣста въ радѣ господарской послѣ епископовъ . . . . . 316—317
VIII. Подтвердительный привилей 1529 года по случаю возведенія на великое княженіе Сигизмунда-Августа . . . . . 317—318
IX. Привилей 1522 года, предоставляющій всѣмъ обывателямъ великаго княжества впредь судиться однимъ писаннымъ правомъ . . . 318—320
X. Подробный привилей короля и великаго князя Сигизмунда 1529 года. 320—328
XI. Привилей 1529 года, возобновляющій и подтверждающій Городельскій привилей. . . . . 328—329
XII. Привилей Сигизмунда-Августа 1547 года съ подтвержденьемъ 1551 года. 329—338
XIII. Привилей 1563 года, уравнивающій въ правахъ всѣхъ христіанъ. . 338—340
XIV. Привилей 1565 года о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу. . . . . 341—342

Привилеи, выданные областямъ:

I. Привилей Бѣльскому повѣту 1501 года. . . . . 342—345
II. Привилей Смоленской землѣ 1505 года . . . . . 346—349
III. Привилей Дорогицкой землѣ 1516 года . . . . . 350—352
IV. Привилей Кіевской землѣ 1529 года . . . . . 352—357
V. Привилей Полоцкой землѣ 1547 года . . . . . 357—361
VI. Подтвердительный привилей Дорогицкой землѣ 1547 года . . . . 361—362
VII. Подтвердительный привилей Бѣльскому повѣту 1547 года. . . . 362—364
VIII. Привилей Волынской землѣ 1547 года. . . . . 364—367
IX. Привилей Витебской землѣ 1561 года. . . . . 367—371
X. Привилей Жмудской землѣ 1569 года. . . . . 371—376
Поправки. . . . . см. на обор. сего.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Стр. 65, строка 3 сверху: надо „Свидригайлу“ вм. напечат. „Сигизмунду“.

Стр. 71, строка 6 сверху: надо „вальный“ вмѣсто напечатанн. „вольный“.

Стр. 124, строка 16 сверху: послѣ „Шишевскихъ и др. а также“ пропущено: „князья *Сѣнскіе*; въ Смоленской землѣ остались“.

Стр. 132, строка 17 и 18 сверху: надо „судебныя пени“ вмѣсто напечат. „судебныя пошлины“.

Стр. 183, строка 7 снизу: надо „1506“ вмѣсто „1501“.

Стр. 192, строка 4 сверху: надо „1508 года“ вмѣсто „1503 года“.

Стр. 297, строка 11 снизу: „talis“ вм. напечат. „tatis“.

Стр. 375, строка 5 сверху: „vt optimo omnium abolecitur et inuscio famae eorum“ (мѣсто, испорченное въ рукописи).

Цѣна 2 р. 50 коп.

Обращаться въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Тамъ же можно получать слѣдующіе труды того же автора:

Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго Государства ко времени изданія перваго Статута. Историческіе очерки съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вв. Стр. VIII+884+C+VI+I карта. Помѣщено въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1892 г., кн. III и IV, и за 1893, кн. III и IV. Цѣна 12 рублей.

Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Стр. 850+232+LXXII. Москва, 1901. Цѣна 4 рубля.

Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. Цѣна 30 коп.

KOLEJE

Grubość linji oznacza intensywność ruchu towarowego w roku 1922: 0,1 mm. = 450 000 tonno-km. brutto na 1 km.

PRZEMYSŁ METALOWY, CHEMICZNY I WŁÓKIENNICZY

Wielkość kwadratu oznacza liczbę zatrudnionych robotników w kwietniu 1924 r. 1 mm kw. = 150 robotników.

Przemysł: metalowy · chemiczny · włókienniczy

GÓRNICTWO I HUTNICTWO

Na mapie, znajdującej się z lewej strony tablicy, kwadraty oznaczają produkcję węgla kamiennego, koła — produkcję ropy naftowej i trójkąty — produkcję soli. — Na mapie górnej z prawej strony, kwadraty oznaczają produkcję rudy żelaza, koła — produkcję surowca żelaza i stali

Węgiel kamienny
1 mm kw. = 10 000 wagonów (wagon — 10 000 kg.)

Ruda żelaza. 1 mm kw. = 5 000 tonn

Sól. 1 mm kw. = 5 000 tonn

Sól potasowa. 1 mm kw. = 5 000 tonn

Stal. 1 mm kw. = 5 000 tonn

Ropa naftowa. 1 mm kw. = 5 000 tonn

Surowiec żelaza 1 mm kw. = 5 000 tonn

GOSPODARSTWA ROLNE

Wielkość koła oznacza liczbę gospodarstw rolnych w województwie. 1 mm kw. = 1 000 gospodarstw.
Sektory koła oznaczają liczbę gospodarstw ugrupowanych według ich wielkości.

Gospodarstwa wielkości: poniżej 2 ha, 2—5 ha, 5—20 ha, 20—100 ha, powyżej 100 ha

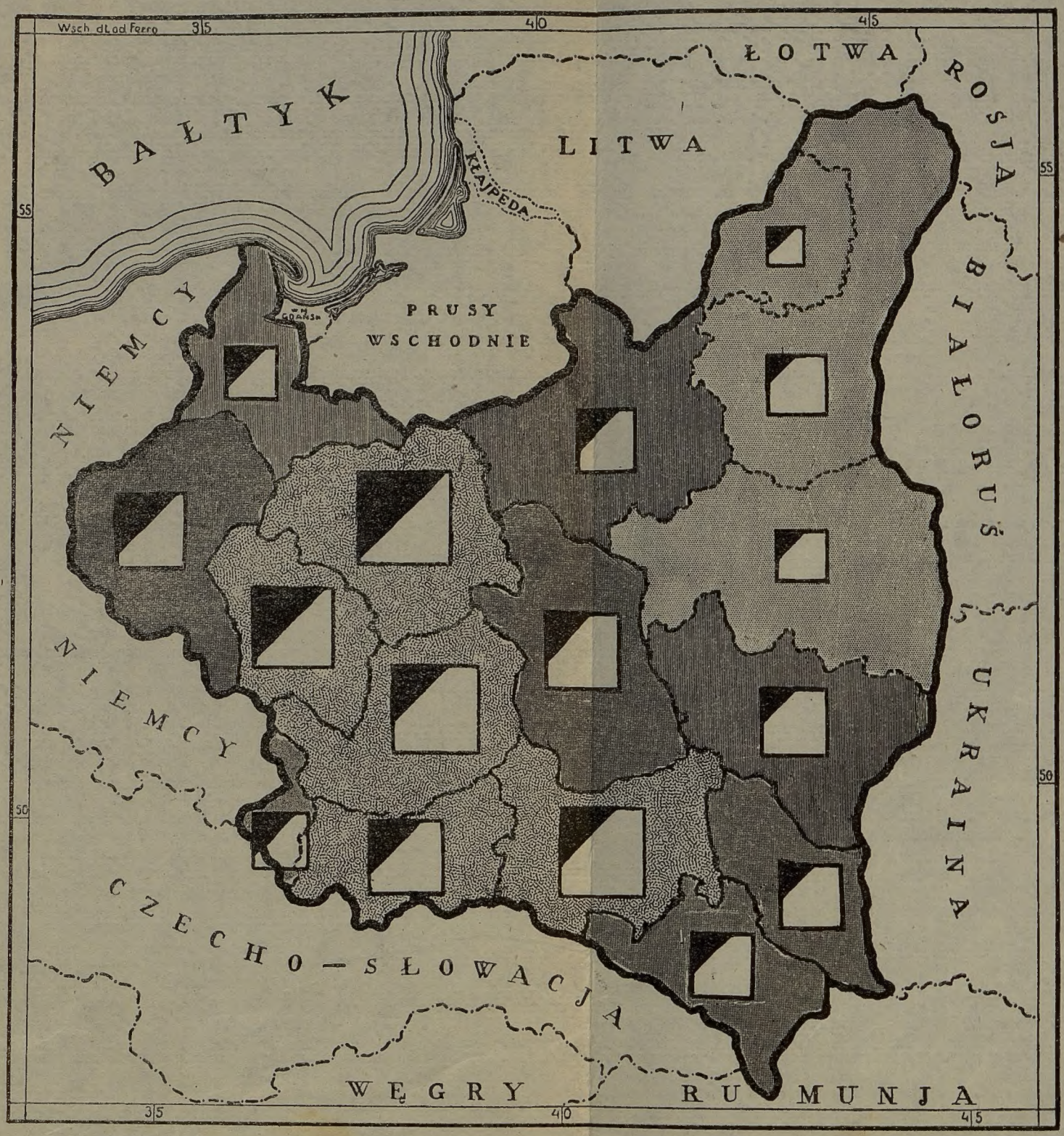
Na 100 hektarów gruntów rolnych przypada gospodarstw: poniżej 10, 10—15, powyżej 15

UŻYCIE ZIEMI

Wielkość koła oznacza całkowity obszar gruntów w województwie 1 mm kw. = 10 000 ha.

Ziemia orna | Łąki i pastwiska | Lasy | Inne grunty

ZALUDNIENIE



Wielkość kwadratu oznacza liczbę ludności województwa, części zaczernionej — ludność miejską. 1 mm kw. = 10 000 ludności

Mieszkańców na km²: poniżej 40 | 40—60 | 60—90 | 90—150 | powyżej 150

ZALUDNIENIE
ROSJA
ŁOTWA
ŁOTWA
BAŁTYK
PRUSY
WSCHODNIE
NIEMCY
RUMUNIA
WĘGRY